

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Н О Я Б Р Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

LOAN STACK

Дозволено цензурою 27-го октября 1895 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1895:11-12
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ

	СТР.
1. МОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЕРЕСЬ. Н. Стороженко	1
2. ГРѢХИ. (Наброски и силуэты). (Продолженіе). И. Потапенко.	18
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. У МОРЯ. Н. Минскаго	46
4. НЕБЛАГОДАРНЫЙ. Соч. Уйда. Переводъ съ англійскаго М. Коршъ.	48
5. ОБРАСКА ЖИВОТНЫХЪ. Проф. Н. Холодковскаго.	76
6. НАУЛАБА. Романъ Рюдیارда Киплинга и Уолькотта Балестріера. (Продолженіе). Пер. съ англ.	98
7. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). Проф. П. Н. Милюкова.	141
8. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Окончаніе). К. М. Станюковича.	177
9. ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СЛАВА. (Семья Поланецкихъ. Романъ г-на Сенкевича). Ив. Иванова.	200
10. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Романъ г-на Мережковскаго «Отверженный». — Двойственность производимаго имъ впечатлѣнія. — Вѣрное изображеніе настроенія эпохи. — Отсутствіе шаблонности въ обрисовкѣ типовъ. — Страшное освѣщеніе характера главнаго героя. — Историческая справка для декадентовъ. — «Вологжанинъ», литературно-научный сборникъ. — Бъ характеристикѣ провинціальной прессы. — «Изъ записокъ сельской учительницы», г-жи А. А. Штевенъ. — Общій интересъ книги и ея большое общественное значеніе. А. Б.	223
11. НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА СТАСОВА. (Некрологъ). Е. Гарднеръ	238
12. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Общедоступные литературные вечера въ Одессѣ. — Крестьянское хозяйство въ Полтавской губ. — Ткацкое кустарное производство въ Черниговской губ. — Земскія читальни для народа. — Церковно-приходскія школы въ Оренбургской губерніи. — Юбилей А. Ѳ. Кони. — Гоголь и Чаадаевъ. — Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ. А. Ѳ. Кони. — Гоголь и Чаадаевъ. — Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ.	243
13. За границей. Бюро правосудія. — Слѣбые авторы. — Исчезающіе народы: Толды въ Индіи. — На воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. — Скандинавскіе народы и ихъ политика. — «Revue des Revues». — «Revue de Paris». — «Revue Scientifique»	256
14. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.	271
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГІИ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова.	95
16. 2) СЕНЬ-МАРСЬ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго А. М.	117
17. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Королчевскаго	265
18. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика. — Публицистика. — Юридическія науки. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Дѣтскія книги. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	1
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

МОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЕРЕСЬ.

Это, конечно, безуміе, но безуміе методическое.
Полоній въ «Гамлетѣ» (Актъ II, сц. 2-я).

Жителямъ большихъ городовъ, вѣроятно, случалось наблюдать не разъ довольно курьезное явленіе: на площади стоитъ небольшая кучка людей, о чемъ-то горячо разговаривающихъ и указывающихъ пальцами на небо. Проходитъ полчаса, часъ, и кучка, постепенно увеличиваясь, превращается въ толпу людей, вперившихъ глаза въ небо и словно ожидающихъ чего-то... Судя по ихъ оживленнымъ жестамъ, можно заключить, что недавно на небѣ произошло нѣчто замѣчательное, — либо пролетѣлъ метеоръ, либо посыпался съ неба цѣлый дождь падучихъ звѣздъ. Постоявъ нѣкоторое время въ безплодномъ ожиданіи, толпа мало-по-малу расходится, но никому изъ лицъ, ее составляющихъ, не приходитъ въ голову, что на небѣ ничего не было, что всѣ они были жертвами мистификаціи двухъ или трехъ шутниковъ, которые, проходя черезъ площадь, ради шутки, вперили глаза въ небо, постояли въ такой позиціи четверть часа, и ушли, видя, что шутка удалась, что возлѣ нихъ начинаетъ собираться толпа зѣвакъ. Явленіе, подобное описанному, наблюдается въ настоящее время въ литературѣ по отношенію къ такъ называемой, Бэконо-шекспировской теоріи, утверждающей, что драмы, дошедшія до насъ съ именемъ Шекспира, писаны не имъ, но великимъ основателемъ реальной философіи Бэкономъ. Разница разлѣ въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ обманомъ, а въ послѣднемъ съ бессознательнымъ самовнушеніемъ. Не ждите отъ теоріи, низвергающей съ пьедестала величайшаго драматурга, новыхъ временъ, фактическихъ доказательствъ — ихъ нѣтъ, да для нея они и не существенны въ виду силы доказательствъ внутреннихъ, логическихъ. «Статочное-ли дѣло, — спрашиваетъ теорія, — чтобы драмы, полныя такихъ возвышенныхъ, далеко-озаряющихъ идей, такого глубокаго прозрѣнія въ сущность государственной жизни и въ тайны человѣческаго сердца, могли выйти изъ подъ пера полуобразованнаго актера, не окончившаго даже элементарной

школы, вращавшагося въ низменныхъ слояхъ общества и думавшаго только о томъ, чтобъ сколотить деньгу и удалиться на покой въ свой родной городокъ? Внутреннее содержаніе драмъ Шекспира исполнено такой глубины и разносторонности, что ихъ могъ написать не только самый гениальный, но и самый образованный человѣкъ своего времени, а такимъ человѣкомъ, безспорно, былъ Бэконъ, и если онъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ Шекспира, то это произошло оттого, что, занимая высокое общественное положеніе, онъ не считалъ удобнымъ признать себя авторомъ произведеній, которыя въ то время почти не причислялись къ литературѣ, и въ которыхъ онъ высказалъ мысли и намеки, могшіе повредить его служебной карьерѣ». Таковы основныя положенія пресловутой бэконо-шекспировской ереси, которыя на разные лады повторяются въ массѣ книгъ и брошюръ, ежегодно появляющихся на книжномъ рынкѣ и жадно поглощаемыхъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ, но стараемыми желаніемъ блеснуть оригинальностью и прослыть разрушителями литературныхъ кумировъ и предрасудковъ. Какъ увидимъ ниже, эта литературная ересь, получившая начало въ Америкѣ, первоначально распространялась только по Америкѣ, и отчасти Англии; ученые Германіи долгое время даже не считали ее заслуживающей опроверженія, и только въ послѣднія 10—15 лѣтъ стали обращать на нее вниманіе; у насъ въ Россіи ее знали только по слухамъ, такъ что когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Чуйко помѣстилъ обстоятельную статью по бэконовскому вопросу (*Наблюдатель*. 1888. Февраль), статья эта могла служить скорѣе предостереженіемъ, чѣмъ опроверженіемъ взглядовъ, имѣвшихъ тогда въ Россіи весьма немногихъ приверженцевъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Американская реклама, ежегодно раздувающая десятки плохихъ книгъ и брошюръ, сдѣлала свое дѣло. Теперь и у насъ встрѣтите не мало лицъ, преимущественно изъ числа учащейся молодежи, которые при словѣ Шекспиръ многозначительно ухмыляются, давая этимъ повясть, что ихъ на мякинѣ не поймаетъ, что имъ хорошо извѣстенъ le secret du polichinelle. Для такихъ лицъ была, безъ сомнѣнія, драгоценнымъ подаркомъ составленная на основаніи извѣстной книги Бормана *Das Shakspeare Geheimniss* (Leipzig 1894) статья г. Эйзена *Шекспиръ или Бэконъ*, помѣщенная въ декабрьской книжкѣ литературныхъ приложений къ журналу *Нива* за 1894 годъ. Въ виду того, что этотъ журналъ расходуется болѣе чѣмъ въ 100.000 экземплярахъ, статью нашего единственнаго бэконіанца нельзя оставить безъ вниманія, но прежде, чѣмъ приступить къ ея разбору, считаемъ не лишнимъ предложить чи-

тателямъ «Мира Божьяго» краткій очеркъ бэконо-шекспировской ереси до появленія книги Бормана.

Всякое гениальное произведеніе всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто таинственное, пожалуй, даже сверхъестественное. Хотя бы мы знали всѣ тѣ вліянія, которымъ подвергался его авторъ при жизни, хотя бы мы изучили всѣ составные элементы самого произведенія, для насъ все-таки останется вѣчной загадкой та гениальная сила духа, которая соединяла всѣ эти элементы по напередъ задуманному плану въ одно художественное цѣлое. Степень загадочности, конечно, увеличивается, если скудость біографическихъ данныхъ не даетъ намъ возможности даже приблизительно возстановить исторію развитія таланта и ума изучаемаго художника. Сказанное прилагается къ произведеніямъ Шекспира въ большей степени, чѣмъ къ произведеніямъ другихъ писателей, ибо исторія литературы не знаетъ большаго несоотвѣтствія между тѣмъ, что намъ извѣстно объ авторѣ, и его произведеніями. Это несоотвѣтствіе давно приводило въ смущеніе нѣкоторыхъ критиковъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія Фармеръ въ своемъ *Essay on the Learning of Shakspeare* (London, 1767 г.) доказывалъ, что Шекспиръ былъ чело-вѣкъ малообразованный и отказывался объяснить массу научныхъ свѣдѣній, встрѣчающихся въ его произведеніяхъ. Гораздо дальше пошелъ неизвѣстный авторъ статьи, помѣщенной въ *Chamber's Edinburgh Journal* за 1852 г., который смѣло поставилъ вопросъ *Кѣмъ были написаны драмы Шекспира* (Who wrote Shakspeare?) и отвѣчалъ на него въ томъ смыслѣ, что у Шекспира состоялъ на жалованьи какой-то бѣднякъ ученый, который за извѣстную сумму и снабжалъ его своею ученостью. Отъ этой гипотезы и до предположенія, что главнымъ сотрудникомъ Шекспира былъ Бэконъ—всего одинъ шагъ. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ въ Америкѣ однофамилицей Бэкона миссъ Деліей Бэконъ въ ея статьѣ *Шекспиръ и его драмы*, помѣщенной въ американскомъ журналѣ *Putnam Monthly Magazine* за 1855 годъ (январь), которая поэтому и считается основательницей бэконо-шекспировской ереси. Миссъ Бэконъ была женщина даровитая и ученая, но крайне экзальтированная и истеричная и рѣшительно неспособная критически отнестись къ своимъ фантазіямъ. Усомнилась ли она въ Шекспирѣ подъ вліяніемъ книги Фармера и статьи неизвѣстнаго автора въ *Chamber's Journal*, или дошла до своей теоріи совершенно самостоятельно (первое вѣроятнѣе, такъ какъ она была очень начитана), какъ бы то ни было, но въ своей статьѣ она доказывала, что мало образованный Шекспиръ не могъ написать приписываемыхъ ему драмъ, что онѣ написаны цѣлымъ кружкомъ ученыхъ людей

*

во главѣ которыхъ стоялъ Бэконъ. Гипотезу свою она развила въ цѣлую теорію въ объемистой книгѣ подъ заглавіемъ *Философія пьесъ Шекспира разоблаченная* (*The Philosophy of Shakspeare Plays unfolded*. L. 1857). По мнѣнію миссъ Бэконъ, философія эпохи Елизаветы дошла до насъ въ двухъ видахъ — въ формѣ философскихъ трактатовъ Бэкона и въ формѣ драмъ, приписываемыхъ Шекспиру. Последнія заключаютъ въ себѣ грандіозную систему политической философіи, которую Бэконъ счелъ болѣе удобнымъ изложить въ драматической формѣ. Иначе ему поступить было нельзя, потому что эти драмы не литературныя произведенія, но страшныя политическія проблемы. Въ эпоху Елизаветы Англія томилась подъ гнетомъ королевскаго деспотизма, отъ котораго и хотѣли избавить ее такіе великіе умы, какъ Бэконъ и Вальтеръ Рэлей. Не смѣя говорить прямо, они говорили загадками, языкомъ Эзопа; сцена была ихъ трибуной, а Шекспиръ псевдонимомъ. Теорія эта казалась истеричной дамѣ до того вѣрной, что она не сочла нужнымъ приводить въ ея пользу сколько-нибудь солидныя доказательства. Этого мало: если на пути встречались факты, способные ее пошатнуть, то миссъ Бэконъ устраняла ихъ съ дороги самымъ простымъ и безцеремоннымъ образомъ. Ей, на примѣръ, былъ хорошо извѣстенъ восторженный отзывъ Бэнъ-Джонсона о Шекспирѣ, который ставилъ Шекспира даже выше древнихъ драматурговъ. Ни мало не задумываясь, она объясняетъ этотъ отзывъ тѣмъ, что Бэнъ-Джонсонъ былъ посвященъ въ тайну и что подъ видомъ Шекспира онъ прославлялъ покровительствовавшихъ ему Бэкона и Рэрея. Отсутствие доказательствъ ее не смущало, ибо она была глубоко убѣждена, что рано или поздно они должны отыскаться—и тогда потомство ее оправдаетъ. На основаніи довольно неясныхъ намековъ въ письмахъ Бэкона она пришла къ заключенію, что подъ могильнымъ камнемъ Шекспира сохраняются документы либеральнаго политическаго кружка эпохи Елизаветы, рѣшающіе вопросъ объ истинныхъ авторахъ шекспировскихъ драмъ. Съ цѣлью добыть эти документы бѣдная психопатка переплыла океанъ, прибыла въ Англію и поселилась въ Стрэтфордѣ. По цѣлымъ часамъ она сидѣла въ глубокой задумчивости въ церкви св. Троицы надъ могильной плитой Шекспира, пыталась даже приподнять ее (на плитѣ до сихъ поръ видны слѣды лома, образовавшіе съ двухъ сторонъ довольно большія расщелины), пока, наконецъ, не сошла съ ума и не была отвезена въ больницу для душевно-больныхъ, гдѣ и умерла въ 1859 г. Англійскіе критики отнеслись къ книгѣ миссъ Бэконъ съ снисходительной улыбкой, какъ къ произведенію больного мозга,

за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоего мистера Смита, который, прочтя статью въ «Putnam Magazine», сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ теоріи миссъ Бэконъ. Въ подтвержденіе ея взглядовъ, онъ въ скоромъ времени издалъ брошюру: *Быль ли Бэконъ авторомъ шекспировыхъ драмъ?* (Was Lord Bacon the author of Shakspeare Plays? L. 1856). На предложенный самому себѣ вопросъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно, но, за отсутствіемъ фактическихъ доказательствъ, основывается на такъ-называемыхъ доказательствахъ внутреннихъ. По мнѣнію Смита, все, что мы знаемъ о Шекспирѣ, не располагаетъ насъ вѣрить, чтобы онъ могъ написать произведенія, исполненныя столь великихъ достоинствъ, и наоборотъ, все, что мы знаемъ о Бэконѣ, объ его гениальномъ умѣ и разносторонней учености, все это склоняетъ насъ къ увѣренности, что только имъ и имъ однимъ могли быть сочинены драмы, которыя онъ, по личнымъ соображеніямъ, счелъ удобнымъ приписать Шекспиру. Къ этому главному соображенію присоединяются у автора нѣсколько другихъ, столь же субъективныхъ и состоящихъ въ томъ, что Шекспиръ, самъ издавшій свои поэмы, нисколько не заботился о судьбѣ своихъ драмъ, которыя выходили при его жизни въ самыхъ искаженныхъ изданіяхъ, что Бэконъ, столь интересовавшійся литературой, ни разу не упомянулъ о Шекспирѣ, чего не могло бы случиться, если бы на самомъ дѣлѣ Шекспиръ былъ авторомъ Гамлета, Макбета и Лира, что встрѣчающіяся въ драмахъ Шекспира картины итальянской городской жизни не могли быть написаны человѣкомъ, не бывавшимъ въ Италиі, и т. д. Бэконъ сами чувствовали слабость подобныхъ доказательствъ и, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, сочли болѣе полезнымъ заняться сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ драмъ Шекспира и сочиненій Бэкона, съ цѣлью вывести отсюда выгодныя для своей теоріи заключенія. Трудъ этотъ взялъ на себя американскій юристъ Холмсъ (Holmes) въ своей книгѣ *Авторство Шекспира* (The Authorship of Shakspeare. New-York. 1866). Нужно отдать справедливость автору, который съ чисто-юридической тщательностью занялся сопоставленіемъ мѣстъ изъ философскихъ трактатовъ Бэкона и драмъ Шекспира и установилъ между ними несомнѣнное идейное сходство, хотя это сходство существуетъ также между Шекспиромъ и Рэлеемъ, между Шекспиромъ и Гукеромъ, ибо всѣ эти писатели вращались въ одной и той же сферѣ понятій, дышали однимъ и тѣмъ же рѣзкимъ воздухомъ эпохи Возрожденія и, по всей вѣроятности, читали однѣ и тѣ же книги. Равнымъ образомъ, не имѣетъ никакого научнаго значенія сдѣланное Холмсомъ сопоставленіе года изданія нѣкоторыхъ шекспировскихъ пьесъ

съ фактами изъ жизни Бэкона, который, будто бы, хотѣлъ посредствомъ драмъ выразить свои душевныя настроенія. Такъ, Хольмсъ указываетъ на совпаденіе появленія «Венеціанскаго Купца», съ заключеніемъ молодого Бэкона въ долговую тюрьму, откуда онъ былъ вырученъ своимъ братомъ Антоніемъ—имя, которымъ онъ назвалъ самое симпатичное лицо пьесы. Книга Хольмса, имѣвшая успѣхъ въ Америкѣ, оживила начинавшій-было охладѣвать интересъ публики къ бэконовской теоріи, и заставила противныя стороны не разъ скреплять оружіе. По расчету, сдѣланному Уаймэномъ *), съ 1856 по 1884 г. появилось въ Америкѣ и Европѣ 255 брошюръ и статей за и противъ Шекспира, изъ которыхъ добрыя двѣ трети принадлежатъ Америкѣ. Оставляя въ сторонѣ книгу Эпшльтона Моргана **), который не столько стоитъ за Бэкона, сколько пытается доказать, что имя Шекспира было собирательнымъ и служило псевдонимомъ для многихъ писателей, желавшихъ скрыть свое имя, переходимъ къ труду г-жи Поттъ, основанному на хранящейся въ Британскомъ музеѣ записной книжкѣ Бэкона ***). Эта книжка заключаетъ въ себѣ сборникъ пословицъ, цитатъ изъ разныхъ авторовъ, остроумь, формулъ вѣжливости и т. п. выраженій, внесенныхъ въ нее Бэкономъ либо для памяти, либо потому, что онъ думалъ впоследствии воспользоваться ими въ своихъ сочиненіяхъ или парламентскихъ рѣчахъ. Издавая впервые эту, во всякомъ случаѣ, любопытную книжку, г-жа Поттъ воспользовалась заключающимся въ ней матеріаломъ не для характеристики Бэкона, какъ стилиста, а для уничтоженія Шекспира. Приемъ, употребляемый ею для этой цѣли, отличается поразительной наивностью и отсутствіемъ всякой критики. Встрѣчая у Бэкона какую-нибудь фразу, или даже просто слово, встрѣчающееся также въ драмахъ Шекспира, она изъ этого факта выводитъ заключеніе, что записная книжка Бэкона и драмы Шекспира писаны однимъ лицомъ и что этимъ лицомъ былъ, конечно, Бэконъ. Приведемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ. Въ записной книжкѣ Бэкона, подъ № 249, стоитъ евангельское изреченіе: *«И оправдися премудрость отъ чадъ своихъ»*, имѣющее тотъ смыслъ, что дѣти своими поступками должны доказывать свое происхожденіе отъ муд-

*) The Bibliography of Bacon-Shakspeare Controversy. Cincinnati. 1884 г.

**) The Shakspearean Myth. Cincinnati. 1881. Превосходный разборъ этой книги читатели найдутъ въ брошюрѣ проф. Шиппера—Shakspeare und dessen Gegner. Münster. 1895 г.

***) The Promus of Formularies and elegancies, being private Notes circum 1594, hitherto unpublished by Francis Bacon, illustrated and elucidated by passages from Shakspeare. London. 1882.

рости. Не найдя въ произведеніяхъ Шекспира ничего соотвѣтствующаго этому предмету, г-жа Поттъ сопоставляетъ его со всѣми тѣми мѣстами произведенія Шекспира, гдѣ встрѣчаются либо слово *дитя*, либо слово *наследникъ*—сопоставленіе, вовсе не идущее къ дѣлу, и вдобавокъ ничего не доказывающее, ибо евангеліе было настольной книгой у обоихъ писателей, но производящее множествомъ ссылокъ импонирующее впечатлѣніе на читателя-дилетанта, которому не досугъ провѣрять, кстати ли приведена цитата, или нѣтъ. Равнымъ образомъ, если предположить, что слова Розалинды: *Я не желаю бросать своихъ словъ собакамъ*, навѣяны извѣстнымъ евангельскимъ изреченіемъ: *Не бросайте святыми псамъ* (Мат., глава 7, ст. 6), то этимъ фактомъ болѣе чѣмъ странно доказывать принадлежность пьесы Бэкону, ибо Шекспиръ не хуже Бэкона могъ заимствовать эти слова изъ евангелія. Пойдемъ дальше. Подъ № 43 Бэконъ приводитъ изреченіе изъ *Adagia* Эразма *Semper Virgines furiaè*. Изъ объясненій Эразма къ этому изреченію видно, что онъ не имѣлъ намѣренія обозвать всѣхъ дѣвицъ фуріями, а хотѣлъ только сказать, что, въ противоположность ангеламъ, которые всегда изображаются въ видѣ мужчинъ, фуріи, наоборотъ, изображаются въ видѣ женщинъ. Не принявши этого въ соображеніе, г-жа Поттъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу, сопоставляетъ изреченіе Эразма съ двумя мѣстами изъ «Укрощенія Строптивой» и однимъ изъ «Много шуму изъ пустяковъ». Въ первыхъ двухъ Катерина обзывается дикой кошкой (*wild cat*), а въ послѣднемъ, наоборотъ, Бенедиктъ удивляется, что такое прекрасное существо, какъ Беатриче, надѣлена такимъ бѣшенымъ характеромъ (*possessed with a fury*). Но у г-жи Поттъ встрѣчаются недоразумѣнія еще болѣе крупныя. Такъ, напримѣръ, приводя изъ книжки Бэкона французскую пословицу *Nourriture passe nature*, которую можно перевести изреченіемъ: *Привычка—вторая природа* или, точнѣе, *Привычка—силы природы*, г-жа Поттъ считаетъ ее источникомъ одного мѣста въ «Периклѣ» (актъ I, сц. 4), гдѣ говорится о страшномъ голодѣ въ Тарсѣ, когда матери готовы были съѣсть своихъ собственныхъ дѣтей. Общаго между этими мѣстами нѣтъ ничего; въ первомъ говорится о привычкѣ, побѣждающей природу, а во второмъ—о голодѣ, который заставляетъ матерей забывать естественныя чувства любви къ дѣтямъ, а между тѣмъ, сопоставленіе ихъ между собою предназначено служить доказательствомъ принадлежности «Перикла» Бэкону. Желаніе во что бы то ни стало отождествить Бэкона съ Шекспиромъ доводитъ г-жу Поттъ до самыхъ смѣшныхъ крайностей. Встрѣчая у Бэкона и у Шекспира такія простыя выраженія, какъ, напримѣръ: *О времена!* (*O the*

Time!), *O Боже!* (O the Lord!), О небо! (O the Heavens!) *Аминь* (Amen), она и ихъ считаетъ доказательствами принадлежности шекспировыхъ драмъ Бэкону. Особое значеніе придаетъ она найденному ею въ записной книжкѣ Бэкона утреннему привѣтствію *Good morrow!* (Доброе утро!). Она подробно доказываетъ, что до Бэкона англичане не употребляли этого привѣтствія, и что оно стало общеупотребительнымъ только съ тѣхъ поръ, какъ Бэконъ перенесъ его изъ своей записной книжки въ «Ромео и Юлію». Какъ ни странно предположеніе, что до Бэкона англичане не додумались до самыхъ элементарныхъ формъ вѣжливости, извѣстной даже дикарямъ, но фактъ этотъ имѣлъ бы серьезное значеніе, если бы онъ былъ доказанъ. Но этого нѣтъ. Напротивъ того, Грантъ Уайтъ и Энгель доказали, что привѣтствіе съ добрымъ утромъ было употребительно еще въ средневѣковой Англій, что оно встрѣчается у Чосера и у многихъ писателей до-шекспировской эпохи. Еще болѣе курьезно другое доказательство принадлежности «Ромео и Юлію» Бэкону; оно заключается въ имени героя пьесы. Игнорируя фактъ, извѣстный всякому школьнику, что Шекспиръ заимствовалъ содержаніе и имена героевъ своей трагедіи изъ новеллы Банделло и основанной на ней поэмы Артура Брука (*The tragical history of Romeus and Juliet, London, 1562*), и найдя въ записной книжкѣ Бэкона слово *Rome*, авторъ сопоставляетъ его съ греческимъ $\rho\omicron\mu\eta$ = сила и изъ этого выводитъ заключеніе, что Бэконъ хотѣлъ отмѣтить въ самомъ имени героя способность сильно любить. Приведенными фактами, надѣемся, вполне доказана полнѣйшая неспособность г-жи Поттъ критически относиться къ своему матеріалу. Въ заключеніе приведемъ еще фактъ, доказывающій у ней поразительное отсутствіе изящнаго вкуса, безъ котораго трудно быть судьей въ дѣлѣ поэзіи и искусства. Всякому, читавшему драму Шекспира, безъ сомнѣнія, памятенъ восторженный гимнъ Ромео красотѣ Джульетты, которая, по его словамъ, сверкала на щекѣхъ ночи, какъ бриллиантъ въ ушахъ эфіопки (Актъ I, ст. 5), и нужно совершенно не имѣть вкуса, чтобы рискнуть сопоставить это великолѣпное мѣсто съ записной книжкой Бэкона, гдѣ подъ № 687 говорится о золотомъ кольцѣ, которое вставляли въ морду свиньи, чтобъ она не рыла земли. Какъ и слѣдовало ожидать, книга г-жи Поттъ вызвала суровые отзывы шекспировской критики, которая, отдавая справедливость трудолюбію автора, не замедлила выставить на видъ наивность его приемовъ, отсутствіе вкуса и т. п. Но разоблаченія критики не произвели, повидимому, никакого впечатлѣнія на ученую барыню, которая, вмѣсто всякаго отвѣта, выпустила въ свѣтъ новую книгу: *Тридцать два основанія*

отречь въ то, что Бэконъ написалъ драмы Шекспира *), гдѣ она бездоказательно и упорно повторяетъ давно отвергнутыя положенія бэконовской ереси.

Не успѣли еще замолкнуть толки, возбужденные подвигами г-жи Поттъ, какъ бэконовцы снова заставили говорить о себѣ. Уже съ 1884 г. стали появляться въ американскихъ журналахъ извѣстія о томъ, что американскому адвокату Доннелли удалось разгадать шифръ Бэкона, которымъ, какъ дважды два—четыре, доказывалось, что Бэконъ былъ авторомъ драмъ, приписываемыхъ Шекспиру. При этомъ журналы сообщали выдержки изъ имѣющей выйти въ свѣтъ книги Доннелли. Выдержки эти были настолько заманчивы и подобраны такъ искусно, что даже нѣкоторые англійскіе журналы (какъ, напр., *The Nineteenth Century*) поймались на эту удочку и видѣли въ попыткѣ Доннелли нѣчто серьезное. Прошло три года, а книга Доннелли все еще не появлялась. Наконецъ, когда нетерпѣніе публики достигло крайней степени, вышли въ свѣтъ въ Лондонѣ два объемистыхъ тома подъ заглавіемъ *Великая тайная азбука **)*, которые вызвали всеобщее недоумѣніе и разочарованіе. Оказалось, что первый томъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ сопоставленій нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ изъ сочиненій Бэкона и драмъ Шекспира и повторенія старыхъ и уже успѣвшихъ надоесть разсужденій о томъ, почему Бэкону естественнѣе считаться авторомъ шекспировскихъ драмъ, чѣмъ самому Шекспиру. Во второмъ томѣ Доннелли подробно разсказываетъ, какимъ образомъ ему удалось придти къ своему открытію. Извѣстно, что Бэконъ любилъ употреблять въ своихъ письмахъ шифръ, имъ самимъ изобрѣтенный, ключъ отъ котораго онъ сообщилъ нѣкоторымъ изъ своихъ корреспондентовъ. Въ своемъ сочиненіи *De Augmentis* онъ подробно распространяется о пользѣ шифра и о шифрахъ, употребляемыхъ различными писателями. Зная это, Доннелли рѣшился поискать, не откроется ли слѣдовъ этого шифра въ первомъ *In Folio* шекспировскимъ драмъ. Поиски его увѣнчались успѣхомъ. Изучая *In Folio*, Доннелли пришелъ къ убѣжденію, что Шекспиръ скрывалъ свою мысль подъ отдѣльными словами, напечатанными на страницахъ книги курсивомъ или между двумя тире. Если соединить эти слова на различныхъ страницахъ, то получатся фразы, которыя нельзя было помѣстить прямо въ текстъ, ибо они могли бы сильно компрометировать положеніе Бэкона при дворѣ, даже, пожалуй, навлечь на него подозрѣніе въ государственной измѣнѣ.

*) 32 Reasons for belief that Bacon wrote Shakspeare. L. 1884.

**) *The Great Cryptogram* by Jgnatius Donnelly. London. 1888. 2 vol.

Вотъ одна изъ этихъ фразъ, въ которой, впрочемъ, нѣтъ ничего подозрительнаго: «Мои надежды на возвышеніе уничтожаются; я не настолькоъ безстыденъ, чтобы встрѣтить немилость съ безстыднымъ нахальствомъ». Чтобы довести до свѣдѣнія публики эту невинную фразу, не для чего было Бэкону прибѣгать къ шифру, а Доннелли ломать голову для его разъясненія. Къ какимъ курьезнымъ результатамъ можетъ привести примѣненіе бэконовскаго шифра—это было доказано однимъ англійскимъ критикомъ, который, примѣнивъ его къ произведеніямъ Диккенса, доказалъ, что романы Диккенса писаны Гладстономъ *).

Самымъ крупнымъ продуктомъ бэконовской ереси послѣ книги Доннелли является вышедшее лѣтомъ прошлаго года сочиненіе Бормана *Шекспирова Тайна* (*Das Shakspeare Geheimniss*. Leipzig 1894), содержаніе котораго подробно изложено въ статьѣ г. Эйзена. Борманъ поставилъ своей задачей раскрыть тѣсную связь между философій Бэкона и драмами Шекспира, другими словами—найти въ послѣднихъ отраженіе и иллюстрацію философскихъ и научныхъ воззрѣній Бэкона и вывести отсюда новыя заключенія въ пользу того, что авторомъ шекспировскихъ драмъ былъ Бэконъ. Весьма забавное впечатлѣніе производитъ тотъ торжественный тонъ, которымъ г. Эйзенъ разъясняетъ русской публикѣ значеніе труда Бормана. «Въ данное время,—говоритъ онъ,—шекспиро-бэконовскій вопросъ можно считать уже почти рѣшеннымъ, благодаря появившемуся весьма недавно серьезному ученому труду Эдвина Бормана *Das Shakspeare — Geheimniss*. Трудъ этотъ, помимо сгруппировки всѣхъ вѣскихъ доказательствъ, установленныхъ ранѣе другими авторами по данному вопросу, заключаетъ въ себѣ рядъ новыхъ доказательствъ. Задавшись цѣлью доказать воочію всѣмъ, что авторъ шекспировскихъ драмъ — Бэконъ, онъ указываетъ въ цѣломъ рядѣ примѣровъ полнѣйшую тождественность естественно-историческихъ взглядовъ Бэкона со взглядами, заключающимися въ драмахъ Шекспира. Отбросивъ разныя внѣшнія доказательства, онъ проникаетъ въ самый духъ произведеній Бэкона и Шекспира и неопровержимо параллельнымъ сопоставленіемъ доказываетъ, что идеи Бэкона положены въ основу шекспировскихъ драмъ. Притомъ, что особенно важно, и что представляетъ преимущество труда Бормана предъ трудами его предшественниковъ это то, что онъ сравниваетъ и сопоставляетъ не отдѣльныя

*) Теорія Доннелли приведена ad absurdum въ брошюрѣ Никольсона, № CIPHER in Shakspeare. London. 1888. См. также брошюру Шиппера *Shakspeare und dessen Gegner* Münster. 1895.

слова и фразы, выхваченныя изъ ученыхъ трактатовъ Бэкона и драмъ Шекспира, а цѣлыя произведенія «неразрывно» (стр. 700).

Нужно отдать справедливость г. Эйзену въ томъ, что основную мысль Бормана онъ понялъ вѣрно и изложилъ его теорію весьма обстоятельно. До сихъ поръ мы думали, что драмы Шекспира художественныя произведенія, но мы ошибались; это аллегоріи, выражающія въ драматической формѣ философскія и научныя теоріи, а ихъ герои не живыя лица, а отвлеченныя понятія. По мнѣнію Бормана, въ комедіяхъ Шекспира трактуются различныя естественно-научныя вопросы; въ основѣ драматическихъ хроникъ лежатъ астрономическія и метеорологическія теоріи, а трагедіи служатъ драматической иллюстраціей взглядовъ Бэкона на человѣка, какъ существо физическое, нравственное и политическое. Такъ, напримѣръ, *Буря* есть не что иное, какъ воплощеніе въ поэтическихъ образахъ бэконовской теоріи вѣтровъ, причемъ веселый и бодрый Ардіэль заключаетъ въ себѣ всѣ свойства сѣвернаго вѣтра, а лѣнивый и неуклюжій Калибанъ осуществляетъ собою все то, что говорится у Бэкона объ южномъ вѣтрѣ. Главный же герой пьесы, всемогущій волшебникъ Просперо, есть ничто иное, какъ бэконовскій Панъ,—образъ, придуманный философъ для осуществленія всего комплекса силъ природы. Послѣднее доказывается тѣмъ, что Панъ и Просперо снабжены одними и тѣми же признаками и одарены одинаковымъ могуществомъ. Панъ имѣетъ въ рукахъ своихъ посохъ, Просперо—волшебный жезлъ; Панъ изображается у Бэкона съ длинными волосами и бородой; такимъ же изображается обыкновенно Просперо на сценѣ; у Пана на плечахъ царская мантія; у Просперо — мантія волшебника; Панъ—богъ охоты; Просперо—охотится на сценѣ; Панъ держитъ въ плѣну тифонъ; Просперо властвуетъ надъ вѣтрами; Панъ — властитель и вождь (*dux*) танцующихъ нимфъ; Просперо—изгнанный миланскій герцогъ (*Duke of Millaine*) и т. д. Если въ *Бурѣ* драматизирована бэконовская теорія вѣтровъ, то въ основу комедіи *Потерянная Усилія Любви* положена бэконовская теорія свѣта. Это видно изъ того, что главной темой разговора дѣйствующихъ лицъ служатъ мысли о свѣтѣ, цвѣтныхъ краскахъ, вліяніи свѣта, а въ общемъ во всей комедіи тридцать разъ встрѣчается слово *свѣтъ* и около шестидесяти разъ слова *глазъ* и *видѣть* и т. д. Пока Борманъ вращается въ сферѣ подобныхъ чисто-субъективныхъ воззрѣній и сопоставленій, спорить съ нимъ такъ же бесполезно, какъ доказывать человѣку, страдающему дальтонизмомъ, прелесть неба во время солнечнаго заката. Но лишь только вторъ изъ области фантазіи вступаетъ на почву фактическихъ

доказательствъ, теорія его сразу лопається по всѣмъ швамъ. Прочтя, напримѣръ, въ Энциклопедіи Бэкона, что одно изъ *Desiderata* науки будущаго состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать и укрощать вѣтры, Борманъ видитъ въ Просперо представителя этой науки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ герой комедіи Шекспира не ученый, а волшебникъ въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова, повелѣвающій вѣтрами съ помощью тѣхъ же силъ, которыя находятся въ распоряженіи вѣдьмъ въ Макбетѣ. Видя въ Гамлетѣ отраженіе спиритической теоріи Бэкона, Борманъ останавливается на роли духа отца Гамлета, считая это лицо созданиємъ поэта (стр. 102), тогда какъ духъ фигурировалъ еще въ старинномъ дошекспировскомъ Гамлетѣ, о которомъ упоминають Нашъ и Лоджъ. Не болѣе удачны филологическія догадки Бормана. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ (стр. 199), что Фальстафъ имѣетъ аллегорическое значеніе, что онъ есть олицетвореніе тяжелой, вялой и осѣдающей внизъ матеріи, о которой говоритъ Бэконъ въ своей Энциклопедіи, и доказываетъ это этимологіей слова Фальстафъ, которое, по его мнѣнію, состоитъ изъ *Fall*—падать и *staff*—матерія, но придуманная авторомъ этимологія не вѣрна, ибо въ англійскомъ языкѣ, какъ старинномъ, такъ и современномъ, слово *staff* значитъ не матерія, а палка (нѣм. *stab*), а матерія обозначается словомъ *stuff* (нѣм. *stoff*). Притомъ же, кому изъ занимающихся Шекспиромъ неизвѣстно, что Фальстафъ первоначально назывался у Шекспира Олдкэстлемъ, что это имя перешло къ Шекспиру изъ старинной пьесы о Генрихѣ V и что только впоследствии Шекспиръ перекрестилъ его въ Фальстафа, нѣсколько видоизмѣнивъ для этого историческое имя *Fastolf* *). Не выдерживаетъ также критики ссылка автора (стр. 238) на рѣдкія формы множественнаго числа отъ союзовъ *if* и *and* (*ifs* и *ands*), потому что эти формы встрѣчаются не только у Бэкона и Шекспира, но и другихъ писателей, между прочимъ, въ извѣстномъ письмѣ Томаса Наша къ оксфордскимъ и кэмбриджскимъ студентамъ (1589 г.), гдѣ мы находимъ такую фразу: *to badge up a blank verse with ifs and ands*, а между тѣмъ на этихъ формахъ Борманъ строить заключеніе о принадлежности Ричарда III Бэкону. Нельзя также пройти молчаніемъ курьезное объясненіе имени Горація. Оказывается, что Шекспиръ далъ такое имя другу Гамлета не спроста; Гораціо представитель разсудка и здраваго смысла *ratio*, оттого онъ и сомнѣвается въ явленіи духа **). Весьма

*) Въ послѣсловіи ко второй части Генриха IV Шекспиръ объясняетъ, почему онъ долженъ былъ такъ поступить.

**) Въ виду того, что первую часть имени Гораціо слогъ *Го* авторъ отказывается объяснить, мы предлагаемъ наше сильное объясненіе. По нашему

вѣскимъ доказательствомъ въ пользу своей теоріи Борманъ считаетъ тотъ фактъ, что Эконъ написалъ исторію Генриха VII, которая по своему содержанію непосредственно примыкаетъ къ Ричарду III и, такимъ образомъ, служитъ необходимымъ дополненіемъ къ драматическимъ хроникамъ Шекспира. Правда, произведеніе Бэкона болѣе похоже на исторію, чѣмъ на драматическую хронику, притомъ же оно написано прозой, но это не имѣетъ большого значенія. Въ историческомъ разсказѣ можно усмотрѣть задатки драмы, прозу можно разбить на короткія строчки, и она будетъ похожа по внѣшнему виду на стихи. Конечно, стихи будутъ не особенно хороши, но развѣ самъ Шекспиръ всегда писалъ хорошіе стихи? Такъ и поступилъ Борманъ и, приведя цѣлый рядъ такимъ образомъ составленныхъ, рѣжущихъ ухо, стиховъ, онъ видитъ въ нихъ новое доказательство принадлежности шекспировскихъ драматическихъ хроникъ Бэкону.

Поставивъ своей задачей, во что бы то ни стало, свергнуть съ поэтического трона Шекспира и посадить на его мѣсто Бэкона, Борманъ выбросилъ за бортъ всѣ приемы здоровой научной критики. Съ изворотливостью софиста и наглостью адвоката онъ искусно притворяется непонимающимъ, сознательно извращаетъ факты и отрицаетъ вещи, которыя человѣку, обладающему извѣстной долей добросовѣстности и здраваго смысла, повидимому, нельзя отрицать. Хотя біографическія свѣдѣнія о Шекспирѣ очень скудны, но современныхъ отзывовъ объ его дѣятельности, какъ актера, поэта и драматурга, сохранилось не мало.*). Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ до того ясны, что не допускаютъ никакихъ сомнѣній. Таковъ, напримѣръ, отзывъ Бэнъ-Джонсона въ его *Discoveries*. Въ каждомъ словѣ этого отзыва виденъ человѣкъ, близко знавшій Шекспира, горячо его любившій и отдававшій справедливость его таланту. «Я помню,—говоритъ Бэнъ-Джонсонъ,—что актеры часто ставили Шекспиру въ заслугу, что во всемъ имъ написанномъ онъ никогда не вычеркнулъ ни одной строки. Я отвѣчалъ на это: «Лучше было бы, если бы онъ вычеркнулъ цѣлую тысячу». Эти слова они объяснили моимъ нерасположеніемъ къ Шекспиру... Между тѣмъ я любилъ этого человѣка и чту его память. По истинѣ, это

мнѣнію, слово *Ho-ratio* образовано также какъ и *Haut-Sauterne*; *Horatio* стало быть, это высшій сортъ разсудка, способности, которой нѣтъ у Гамлета, и, вѣроятно, поэтому Гамлетъ такъ любилъ его. Надѣмся, что беконіанцы воспользуются нашимъ открытіемъ.

*) Отзывы эти были изданы въ хронологическомъ порядкѣ за цѣлое столѣтіе (1592 — 1692), новымъ шекспировскимъ обществомъ (*New Shakspeare Society*) подъ заглавіемъ *Shakspeare's Centurie of Praise*. L. 1879—1886. 2 vol.

была честная, открытая и свободная натура. Онъ обладалъ превосходной фантазіей, большими умственными способностями и даромъ изящно выражать свои мысли» и т. д. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, предпосланномъ первому *In Folio*, Бэнъ-Джонсонъ выражается о Шекспирѣ въ болѣе восторженномъ тонѣ. Онъ восхищается не только его талантомъ, но и его искусствомъ, называетъ его чудомъ сцены, сладкимъ эвонскимъ лебедемъ и ставитъ его даже выше драматурговъ Греціи и Рима. Что же дѣлаетъ Борманъ? Онъ считаетъ первый отзывъ недостаточно яснымъ и думаетъ, что здѣсь говорится о Шекспирѣ, какъ переписчикѣ чужихъ произведеній, а второй относитъ къ Бэкону, о которомъ Бэнъ-Джонсонъ однажды выразился, что онъ превзошелъ писателей Греціи и Рима. Также безцеремонно поступаетъ Борманъ съ свидѣтельствомъ перваго *In Folio* произведеній Шекспира, изданнаго въ 1623 г. его товарищами-актерами Геминджемъ и Конделлемъ. Чтобъ вѣрнѣе обезпечить успѣхъ изданія, которое стоило не дешево, они вздумали посвятить его двумъ англійскимъ аристократамъ, лордамъ Пемброку и Монгомерри. Посвященіе написано въ обычномъ тогда льстивомъ, лишенномъ всякаго достоинства, тонѣ. Актеры пишутъ, что своимъ изданіемъ они желали выразить благороднымъ лордамъ глубокую благодарность за оказанныя имъ милости, что, хотя издаваемые ими бездѣлки (*trifles*) и недостойны вниманія такихъ высокопоставленныхъ лицъ, но что они позволяютъ себѣ питать надежду, что ижъ лордства, покровительствовавшія автору при жизни, окажутъ покровительство его произведеніямъ послѣ его смерти, и т. д. Кажется, изъ этихъ словъ, предпосланныхъ первому полному собранію сочиненій Шекспира, ясно, о комъ говорятъ актеры, и чьи произведенія они желаютъ поставить подъ покровительство лордовъ Пемброка и Монгомерри. Но чего не дѣлаетъ ослѣпленіе? Кто могъ бы повѣрить, что въ глазахъ Бормана это посвященіе послужитъ лишнимъ доказательствомъ принадлежности шекспировскихъ пьесъ Бэкону, во-первыхъ, потому, что Бэконъ очень заискивалъ передъ лордами Пемброкомъ и Монгомерри, занимавшими высокое положеніе при дворѣ короля Іакова, а во-вторыхъ, потому, что Бэконъ однажды назвалъ свои, написанныя для придворныхъ празднествъ, фееріи (*masks*) тоже бездѣлками (*trifles*). Считаая дальнѣйшее изложеніе книги Бормана бесполезнымъ, переходимъ отъ нѣмецкаго ученаго къ его русскому панегиристу.

Повидимому, г. Эйзенъ еще новичокъ въ литературѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, встрѣчаемъ его имя въ печати только въ первый разъ, но, не смотря на свою неопытность, онъ уже въ достаточ-

ной степени обладает тѣмъ милымъ качествомъ, которое французы называютъ *l'insolence de l'ignogalce*. Рѣшительнымъ тономъ и съ видомъ знатока онъ говоритъ о предметахъ, о которыхъ не имѣетъ никакого понятія, и при этомъ чувствуетъ себя легко и спокойно. Не довольствуясь ошибками Бормана, онъ прибавляетъ къ нимъ свои собственныя, обнаруживая при этомъ поразительное невѣжество. Поставивъ Шекспиру въ началѣ статьи плохую отмѣтку за умъ*), онъ на стр. 710-й увѣряетъ читателей «Нивы», что отъ Шекспира дошло до насъ лишь пять плохо написанныхъ подписей и больше ничего; далѣе, на стр. 742, онъ сообщаетъ никому неизвѣстный фактъ, что Шекспиръ былъ не только членомъ труппы Борбеджа, но директоромъ театра. О сценической карьерѣ Шекспира сохранилось мало извѣстій. До сихъ поръ было извѣстно, что онъ игралъ роли королей (свидѣтельство Дэвиса), роль Духа въ «Гамлетѣ» (преданіе, сообщаемое Роу), роль стараго Адама въ комедіи: *Какъ Вамъ угодно* (разсказъ одного изъ его братьевъ) и нѣкоторыя роли въ пьесахъ своего друга Бэнъ-Джонсона. Г. Эйзенъ увѣряетъ, что онъ игралъ также роль Фальстафа въ «Генрихѣ IV» и «Виндзорскихъ Кумушкахъ» и что, будто бы, этотъ фактъ установленъ (стр. 735). Къ небылицамъ, украшающимъ статью г. Эйзена, относится сообщаемое имъ на стр. 733 извѣстіе, будто бы лордъ Соутамптонъ пожертвовалъ 1.000 фунтовъ на постройку общественнаго театра. Источники объ этомъ пожертвованіи молчатъ, да и кому же изъ интересующихся дѣломъ неизвѣстно, что въ эпоху Шекспира не было театра, сооруженнаго на средства общества, а всѣ театры были общественныя, всѣ были открыты для публики, хотя и принадлежали частнымъ компаніямъ. Но перломъ измышлений г. Эйзена можетъ служить придуманный имъ и приписанный Шекспиру (стр. 732) «*Рукописный Сонетъ*». Происхожденіе этого курьеза потребуетъ небольшого отступленія. Перечисляя все написанное Шекспиромъ до 1598 г., современный Шекспиру критикъ Миресъ, между прочимъ, упомянулъ и о сонетахъ, которые, въ его время, ходили по рукамъ только близкихъ друзей поэта (*among his private friends*).

*) «Какъ-то не вѣрится,—пишетъ онъ,—чтобы такія великія произведенія, какъ Гамлетъ, Лиръ, Отелло, чтобы знаменитыя десять англійскихъ хроникъ и блестящія юморомъ и остроуміемъ комедіи могли быть написаны простымъ актеромъ, уровень ума и образованія котораго былъ, сколько извѣстно, очень невысокъ». Положимъ, что о невысокомъ уровнѣ школьнаго образованія Шекспира мы имѣемъ свидѣтельства Бэнъ-Джонсона, но откуда г. Эйзенъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о низкомъ уровнѣ ума Шекспира? Единственный въ этомъ случаѣ свидѣтель Бэнъ-Джонсонъ говоритъ совершенно противное.

Встрѣтивъ у Бормана это извѣстіе и не зная, что Шекспиръ написалъ болѣе 150 сонетовъ, г. Эйзенъ смѣшалъ множественное число съ единственнымъ и превратилъ всѣ сонеты Шекспира въ одинъ никому неизвѣстный рукописный сонетъ. Съ такимъ-то запасомъ свѣдѣній нашъ ученый выступилъ въ защиту бэконовской ереси, и нечего удивляться, что его статья представляетъ собою рядъ самыхъ жалкихъ паденій. Гораздо удивительнѣе то, что, заявивъ себя рьянымъ бэконіанцемъ, г. Эйзенъ обнаружилъ самыя скудныя свѣдѣнія по исторіи бэконовскаго вопроса, ибо только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить попадающее на стр. 699 утвержденіе, что нелѣпая книга Доннелли повредила въ глазахъ общества талантливой и серьезной работѣ г-жи Поттъ. Смѣемъ увѣрить автора, что этого не могло быть по той простой причинѣ, что книга г-жи Поттъ, вышедшая въ 1882 г., опередила на цѣлыхъ четыре года книгу Доннелли.

Разсмотрѣвъ бэконовскую ересь въ самомъ крайнемъ ея выраженіи, мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: теорія эта не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ данныхъ. За сорокъ лѣтъ своего существованія она не сумѣла привести въ свою пользу не только ни одного современнаго свидѣтельства, но даже ни одного намека. Лишенная фактической основы, она принуждена ограничиваться, такъ называемыми, внутренними, доказательствами, основанными, главнымъ образомъ, на сличеніи произведеній Бэкона съ драмами Шекспира. До какой нелѣпости можно дойти въ этомъ направленіи, доказываетъ книга Бормана, который, сдѣлавъ изъ драмъ Шекспира иллюстрацію научныхъ истинъ, искажилъ науку и уничтожилъ въ самомъ корнѣ поэтическое творчество, лишивъ его самостоятельнаго значенія. Г. Эйзенъ видитъ заслугу Бормана въ томъ, что онъ сопоставляетъ между собой не отдѣльныя фразы, но цѣлыя произведенія Шекспира и Бэкона. На нашъ взглядъ, заслуга Бормана состоитъ въ томъ, что онъ этимъ сопоставленіемъ привелъ бэконовскую теорію ad absurdum. Дальше идти некуда, ибо предположить, чтобы такой великій и глубоко реальный умъ, какъ Бэконъ, могъ хоть на минуту повѣрить въ пользу пропаганды научныхъ истинъ путемъ драматическаго дѣйствія — значило бы усомниться въ умѣ Бэкона. Притомъ же взглядъ на драмы Шекспира, какъ на аллегорическое истолкованіе научныхъ истинъ, подрываетъ бэконовскую теорію и съ другой стороны. Пока драмы Шекспира считались страшными политическими загадками, можно было понять, почему Бэконъ при жизни скрывалъ свое авторство, но если большинство драмъ Шекспира суть не болѣе, какъ замаскированныя научныя теоріи, то непонятно, по-

чему такой самолюбивый человекъ, какъ Бэконъ, не упомянулъ о нихъ въ своемъ завѣщаніи, почему онъ еще при жизни не передалъ тайны своего авторства кому-либо изъ своихъ друзей? Мы не рассчитываемъ на то, что, наученные горькимъ опытомъ, бэконіанцы отрезвятся, отвергнуть взгляды Бормана и обратятся на путь истинный; мы знаемъ, что для огромнаго большинства своихъ послѣдователей бэконовская теорія не есть научный тезисъ, а предметъ вѣрованія, не допускающій критическаго къ себѣ отношенія, но мы вправѣ рассчитывать на здравый смыслъ публики, которая должна же, наконецъ, понять, что ее дурачатъ, и нагло дурачатъ и перестать относиться серьезно къ эксцентрическимъ фантазіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ наукой.

Пр. Н. Стороженно.

ГРѢХИ.

(Наброски и силуэты)

И. Потапенко.

(Продолженіе *).

VIII.

Аудіенція.

Замѣшательство, внесенное въ нашъ домъ появленіемъ Геннадія, на другой день проявилось прежде всего въ томъ, что объ насъ забыли. Несмотря на то, что это уже былъ третій день говѣнія, среда, насъ не разбудили въ заутрени и мы благополучно проспали до 9 часовъ. По всей вѣроятности, если бы мы не проснулись сами, то могли бы спать и дольше.

Когда мы, умывшись и одѣвшись, появились въ гостиной, то увидѣли, что не были исключеніемъ: ни мама, ни Марта Федоровна не поѣхали въ церковь. Одинъ только Ипполитъ поднялся въ этотъ день раньше обыкновеннаго и даже не поѣхалъ, а пошелъ пѣшкомъ въ церковь, по всей вѣроятности, въ видѣ эпитеміи, наложенной имъ самимъ на себя за то, что вчера уклонился отъ строгихъ правилъ покаянія. Мама проспала потому, что съ вечера очень долго успокаивала Ипполита, а Марта Федоровна не могла оставить домъ въ виду присутствія въ немъ человѣка, который каждую минуту могъ выкинуть непредвидѣнную штуку. Но въ сущности просто всѣ почувствовали свободу и бессознательно пользовались ею.

Такъ какъ въ столовой чай еще не былъ готовъ, то мы, разумѣется, не теряли времени и первымъ дѣломъ отправи-

*) См. «Міръ Божій» № 10, октябрь.

лись къ флигелю, рассчитывая на свиданіе съ дядей. Но насъ встрѣтило полное разочарованіе. Геннадій спалъ еще, ставни были наглухо заперты. Очевидно, онъ набирался силъ послѣ вчерашней прогулки пѣшкомъ изъ города, что составляло добрыхъ сорокъ верстъ. Мы нетерпѣливо ходили вокругъ флигеля, все рассчитывая, что ставни отвернутся, потому что пробужденіе Геннадія очень интересовало насъ. Намъ казалось, что у него рѣшительно все должно было выходить не такъ, какъ у всѣхъ. Вообще, насколько прибытіе Геннадія для Ипполита представляло горе, настолько для насъ это было пріятнымъ развлеченіемъ. Но мы не дождались его пробужденія. Насъ позвали въ столовую и здѣсь опять-таки насъ ожидало пріятное зрѣлище. Столъ не былъ такъ скученъ и непривѣтливъ, какъ вчера и третьяго дня. Конечно, на немъ не было ни свѣжаго масла, ни сливокъ, но за то появились пышныя булки и какія-то удивительныя печенья, несомнѣнно постныя, но съ виду очень похожія на скоромныя. Во всемъ чувствовалось злоупотребленіе временнымъ отсутствіемъ Ипполита. Всѣ вели себя непринужденно, какъ бы стараясь наверстать два тяжелыхъ скучныхъ дня. Мы давно не видѣли Марту Федоровну такой оживленной, какъ въ это утро. Она много говорила и никакъ не могла наговориться; очевидно, у нея накопился запасъ свѣдѣній, который нужно было во что бы то ни стало сообщить намъ. Она рассказывала и о птицахъ, и собакахъ, и о коровахъ, и о кучерѣ, и о кухаркѣ, и о столѣтнемъ старикѣ Яковѣ, такъ какъ надъ всѣмъ этимъ верховный надзоръ принадлежалъ ей. Мама звонко смѣялась, а намъ съ Жоржикомъ, неизвѣстно почему, было до такой степени весело, что мы поватывались отъ смѣха и даже забирались по той же причинѣ подъ столъ. И все это объяснялось исключительно пріятнымъ настроеніемъ людей, почувствовавшихъ себя внѣ строгаго надзора. Въ особенности странно это было видѣть въ мамѣ, которая по своему положенію и вліянію ни въ какомъ случаѣ не могла бояться Ипполита. Это было добровольное подчиненіе слабого сильному. Только около 10 часовъ подали экипажъ, но никто не обратилъ на это вниманія, мы и не думали торопиться.

Но вотъ въ гостиной послышались твердые шаги, дверь отворилась, и въ столовой появился Геннадій. Онъ ни на одну секунду не смѣшался, очень просто и непринужденно, почти съ свѣтской ловкостью, подошелъ къ мамѣ, поцѣловалъ у нея руку и пожелалъ всѣмъ намъ добраго утра.

— Я давно не спалъ такимъ счастливымъ сномъ. какъ сегодня, сказалъ онъ:— скажите, здѣсь всѣ и всегда такъ спятъ? При этомъ онъ пододвинулъ себѣ стулъ и занялъ мѣсто за столомъ.

— Да, — отвѣтила мама, — намъ хорошо спится.

— Завидую! — Онъ обратилъ свой взоръ на Дусю, которая смотрѣла на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Какая прелесть! — съ восхищеніемъ воскликнулъ Геннадій, — какая у нея хорошенькая головка! — Дуся сдѣлала глаза еще больше. Кажется, этотъ комплиментъ не понравился ей. Правда, онъ былъ произнесенъ не совсѣмъ естественнымъ тономъ, въ немъ было что-то театральное. Но Геннадій хотѣлъ быть героемъ утра и продолжалъ все въ томъ же, нѣсколько напыщенномъ, тонѣ; — какое чудное солнце! Какая нѣга разлита въ воздухъ! Скажите, неужели въ такой обстановкѣ то же бываютъ огорченія, страданія и скука? Мнѣ кажется, что это невозможно.

— Гдѣ есть люди, — отвѣтила ему за всѣхъ насъ Марта Федоровна, — тамъ и огорченія, Геннадій Марковичъ!

— Вы правы! — торжественно согласился съ ней Геннадій, — вы совершенно правы, и знаете, вы это удивительно хорошо сказали, мѣтко, знаете, я это люблю! Вы въ церковь? — обратился онъ затѣмъ къ мамѣ.

— Да, мы нѣсколько запоздали, кажется...

— Ну, это ничего. Ипполитъ немного посердится, но это пройдетъ. Но, — прибавилъ онъ съ юмористической усмѣшкой, — если Ипполитъ и не проститъ, — за-то Богъ проститъ навѣрно, потому что Богъ снисходительнѣй моего брата... Впрочемъ, это вѣдь я пошутилъ... Надѣюсь, что и мнѣ найдется мѣсто въ вашемъ экипажѣ.

Мама слегка нахмурилась. Очевидно, она представила себѣ, какъ неприятна будетъ эта встрѣча для Ипполита Марковича, а между тѣмъ, Геннадій продолжалъ такимъ тономъ, какъ будто ничего не подозрѣвалъ, хотя отлично догадывался на счетъ ея мыслей.

— Вчера я не успѣлъ повидаться съ братомъ. Признаюсь, я не хотѣлъ его беспокоить и притомъ, самъ тоже усталъ съ дороги. Вѣдь мы съ нимъ не видались что-то около года. Есть о чемъ поговорить.

— Такъ поѣдемте, Геннадій Марковичъ! — сказала мама и встала съ нѣсколько болѣе дѣловитымъ видомъ, чѣмъ это вызывалось обстоятельствами.

— Мерси! — галантно отвѣтилъ Геннадій и поклонился.

Мы поднялись, началось одѣваніе и часовъ около 11 мы были въ экипажѣ. Геннадій настоялъ, чтобы Марта Федоровна сидѣла непременно рядомъ съ мамой, на что старуха долго не соглашалась.

— Нѣтъ, помилуйте, вы дама! — убѣждалъ ее Геннадій, — это невозможно.

И она, наконецъ, согласилась. Мы съ Жоржикомъ очень хорошо видѣли, что мама смущена и въ душѣ беспокоится за предстоящую братскую встрѣчу. Навѣрно, она упрекала себя за то, что не сумѣла какъ-нибудь отговорить Геннадія, и, вообще, такъ хорошо начавшееся утро для нея было уже испорчено.

Когда мы вошли въ церковь, то сейчасъ же поняли, что страшно опоздали. Служба подходила къ концу. Ипполитъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, мама съ Дусей прошли тоже впередъ, мы остались позади. Геннадій скромно стоялъ неподалеку отъ насъ. У насъ было много пици для наблюдений. Мы, конечно, не спускали глазъ съ Ипполита. Онъ ни разу не оглянулся, но какимъ-то образомъ почувствовалъ, что Геннадій здѣсь. Это мы видѣли по его затылку, который вдругъ сдѣлался краснымъ, а также потому, что онъ вдругъ напряженно выпрямился и сталъ съ волненіемъ усердно креститься. Въ церкви не пришлось стоять долго. Скоро наступила роковая минута, когда народъ повалилъ изъ церкви и мы съ нетерпѣніемъ ждали встрѣчи Ипполита съ Геннадіемъ. Этого нивакъ нельзя было избѣжать. Ипполитъ, не смотря на то, что служба кончилась, какъ бы питая смутную надежду, что чаша все-таки минетъ его, не покидалъ своего мѣста и не оборачивался. Геннадій вышелъ изъ церкви, и стоялъ въ оградѣ, мы послѣдовали за нимъ. Прошло минуты три. Ипполитъ не выходилъ. У насъ даже мелькала мысль, которую мы сейчасъ и высказали другъ другу, что Ипполитъ останется тамъ до вечерни. Даже мама съ Дусей вышли уже, а его все не было. Повидимому, онъ рассчитывалъ, что Геннадій уйдетъ впередъ. Но дольше ему нельзя было оставаться въ церкви, потому что и батюшка, и діавонъ уже вышли изъ алтаря и церковь уже совершенно опустѣла. Вотъ онъ появился на паперти. Мама съ волненіемъ отошла въ сторону и, указывая на верхушку грушеваго дерева, которое здѣсь росло, что-то объясняла Дусѣ, стараясь собственнымъ голосомъ заглушить свое смущеніе. Геннадій снялъ

шляпу и приглаживалъ волосы и почему-то отшатывался. Мы совершенно открыто во всѣ глаза смотрѣли то на того, то на другого, не будучи въ состояніи скрыть, что мы жадно наблюдаемъ ихъ. Ипполитъ сходилъ съ паперти по каменнымъ ступенькамъ твердо и величественно, съ полузакрытыми глазами, съ блѣднымъ лицомъ, какъ человѣкъ, рѣшившійся принести себя въ жертву, но не падающій духомъ. Геннадій направился къ нему и, встрѣтившись съ нимъ, подаль руку и потянулся къ его губамъ. Поцѣлуй состоялся, и все обошлось гораздо проще, чѣмъ мы ожидали. Мы, конечно, разочаровались.

— Не правда ли, — проговорилъ Геннадій, — я очень удачно пріѣхалъ. Такой славный день, такая чудная погода! Я думаю, у васъ ужъ начались посѣвы!

— Кончились! — тяжелою отвѣтилъ Ипполитъ. — У крестьянъ они теперь идутъ, а мы всегда раньше начинаемъ.

— Да, это понятно, — сказалъ Геннадій, — у васъ больше работы, — надо все успѣть...

При этомъ они шли рядомъ, а мы двигались по пятамъ за ними. Мама тоже направилась къ выходу. Мы всѣ усѣлись въ коляску, гдѣ было нѣсколько тѣсно. Геннадій всю дорогу продолжалъ говорить то о погодѣ, то о хозяйствѣ, то дѣлалъ предсказаніе о предстоящемъ урожаѣ и эта его инстинктивная находчивость спасла общее настроеніе. Лицо Ипполита понемногу прояснялось и къ нему возвращался обычный цвѣтъ. Были моменты, когда онъ, повидимому, забывалъ о томъ, что говорить съ Геннадіемъ, и высказывался по нѣкоторымъ хозяйственнымъ вопросамъ не безъ увлеченія. Дома онъ сказалъ, обратившись къ брату: — Надѣюсь, братъ, что тебя хорошо устроили? Все у тебя есть?.. Вѣдь ты во флигелѣ?

— О, да, я совершенно доволенъ, — отвѣтилъ Геннадій, — да вѣдь мнѣ немного и надо. Было бы гдѣ спать — вотъ и все.

— Ну, вотъ и хорошо, — промолвилъ Ипполитъ и ушелъ въ свой кабинетъ.

Было замѣчено, что въ этотъ день Ипполитъ не выходилъ гулять въ садъ. Онъ до такой степени еще былъ поглощенъ усложненіемъ, которое внесло въ домъ появленіе Геннадія, что даже нами не интересовался. Мы, конечно, воспользовались этимъ вполне, забрали удочки и пригласили Ивана Арсентьевича ловить съ нами рыбу. Въ нашемъ саду былъ такой пунетъ, гдѣ берегъ былъ высокъ и глубина рѣки достигала двухъ или трехъ аршинъ. Тутъ мы усѣлись и мирно занялись рыбной

ловлей. Это было уже прямое злоупотребленіе. Ипполитъ ни за что не позволилъ бы намъ заниматься этимъ спортомъ въ недѣлю покаянія.

— А гдѣ живетъ вашъ дядя обыкновенно?—спросилъ насъ Иванъ Арсентьевичъ.

Этотъ вопросъ представилъ для насъ большое затрудненіе. Гдѣ живетъ Геннадій?

— Да онъ нигдѣ не живетъ!—отвѣтилъ Жоржикъ.

— Это что же значитъ?

— Да развѣ вы не знаете, вѣдь онъ... онъ безпутный!—объяснилъ Жоржикъ.

— Какъ это безпутный?

— Да такъ: у него ничего нѣтъ, онъ пьетъ водку, онъ даже не ѣздитъ, пѣшкомъ ходитъ. У него даже чемодана нѣтъ... А вы развѣ не знали?

— Откуда же я могъ это знать? Я ничего о немъ не слышалъ. Но онъ вчера былъ такъ прилично одѣтъ и говорилъ о себѣ совсѣмъ не то.

Жоржикъ усмѣхнулся. Это съ нимъ иногда бываетъ. А въ другой разъ онъ возьметъ да и скажетъ все про себя. А одежда... Это все Ипполита.

Въ это время въ отдаленіи послышался шелестъ травы, и очень скоро изъ за толстаго ствола вербы передъ нами выросла фигура Геннадія.

— А, вотъ они гдѣ!—воскликнулъ онъ и тутъ же опустился, сѣлъ на песокъ и протянулъ ноги.—А я, знаете, хотѣлъ заснуть да не удалось. Знаете, не привыкъ я какъ-то чувствовать на плечахъ нормальную голову. Когда выпьешь хорошенько, такъ послѣ этого и спится. И притомъ стѣсняетъ меня эта порядочность. Тутъ вездѣ и во всемъ порядочность. То ли дѣло гдѣ-нибудь во рву или подъ заборомъ...

И при этомъ онъ какъ-то мечтательно посмотрѣлъ вдаль.

— Ахъ, да,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ивану Арсентьевичу,—а вы, батюшка, вчера дурака разыграли. Вѣдь это и все наврала вамъ. Ей-Богу, а вы повѣрили. Ха-ха-ха! А что? Вѣдь ловко, а? Да; я, знаете, иногда люблю такъ разыграть изъ себя порядочнаго человѣка, и это мнѣ удается, не правда ли?

— Я и теперь не вижу въ васъ ничего непорядочнаго,—серьезно сказала Иванъ Арсентьевичъ.

— Но и порядочнаго ничего не видите, не такъ ли? Нѣтъ, что ужъ? какая тамъ порядочность? Я, батюшка, за порядочностью и не гоняюсь. Всю цѣликомъ уступилъ ее моему брату, Ипполиту.

— А что же такое по вашему порядочность?—спросилъ Иванъ Арсентьевичъ.

— А чортъ ее знаетъ! Во всякомъ случаѣ, то, чѣмъ я не обладаю. Ну, вотъ и все.

Теоретическій разговоръ не удался. Геннадій взялъ запасную удочку и началъ ловить рыбу. Въ этомъ дѣлѣ онъ оказался знатокомъ и преподаль намъ много хорошихъ совѣтовъ.

— Откуда вы всему этому научились, дядя?—спросилъ его Жоржикъ.

Геннадій ѣдко усмѣхнулся.

— Откуда? Молодой человекъ, вы, можетъ быть, слышали отъ вашего благочестиваго папаши, что есть на свѣтѣ нужда. Знаете ли вы, что такое нужда? Нѣтъ, не знаете, такъ я вамъ скажу. Нужда, молодой человекъ,—это есть превосходнѣйшій учитель всѣхъ наукъ и искусствъ. Она всему можетъ научить. Когда припретъ тебя въ стѣнѣ, такъ является такая изобрѣтательность, какъ будто бы ты геній. Ну, вотъ, эта самая особа и меня научила рыбу ловить. Когда жрать нечего, достанешь удочку, пойдешь на пристань, притаишься гдѣ-нибудь за столбомъ, чтобъ сторожа тебя не видѣли, и начнешь таскать окуньковъ. Десятка два наловишь и снесешь на базаръ. Ну, пятачекъ и есть. Поняли?

Жоржикъ ничего не отвѣтилъ. Съ той минуты, когда Геннадій взялъ удочку, ловля пошла у насъ быстрѣе. Онъ въ самомъ дѣлѣ зналъ разныя ухищренія: какъ нужно травить поплавокъ, сколько времени надо давать клевать, когда нужно вытаскивать и какъ вытаскивать—на все это были чрезвычайно тонкія правила.

Въ то время, когда мы занимались рыболовствомъ, въ домѣ, въ кабинетѣ Ипполита происходилъ семейный совѣтъ.

— Вѣдь это ни къ чему не поведетъ!—мягко, успокоительно говорила мама,—какъ не приводило до сихъ поръ! Ты напрасно только разстроишь себя.

— Нѣтъ,—возражалъ Ипполитъ,—я не могу, я долженъ исполнить свое намѣреніе. У меня въ душѣ слишкомъ много противъ него... Я не могу этого носить въ себѣ. Вѣдь я говѣю. Притомъ же это не только долгъ брата, но также и долгъ христіанина. Почемъ знать, быть можетъ—его душа вдругъ расплавится въ моихъ сердечныхъ словахъ и онъ измѣнится. Вѣдь это зависитъ отъ настроенія, отъ момента, наконецъ, отъ удачно высказанной мысли, отъ чувства, которое передается незримыми путями. Бываютъ перевороты, бываютъ чудеса! Нѣтъ, я не успокоюсь, пока не переговорю съ нимъ по братски

Въ самый разгаръ нашей ловли, когда мы навѣшивали на „вуканъ“ окуня за окунемъ, къ намъ, запыхавшись, прибѣжала горничная и объявила:

— Васъ, Геннадій Марковичъ, баринъ требуютъ.

— Что-о?—спросилъ Геннадій Марковичъ, а мы мысленно произнесли тоже самое восклицаніе.

— Требуютъ, чтобъ сейчасъ!—подтвердила горничная.

— Удивительно! Поразительно! Такъ требуютъ? Ну, ладно! Требуютъ, надо идти.

Горничная вернулась, а Геннадій началъ убирать удочку.

— Къ брату!—говорилъ онъ:—гм! хм! Будетъ пилить значить. Пополамъ перепилить. Ну, ничего,—добродушно прибавлялъ онъ,—сдѣлаемъ ему это удовольствіе!

И онъ пошелъ дѣлать удовольствіе Ипполиту. Мы, конечно, тотчасъ же потеряли всякій интересъ въ рыбной ловлѣ. Нами овладѣло непреодолимое желаніе присутствовать если не при самомъ объясненіи братьевъ, то, по крайней мѣрѣ, ближе къ тому мѣсту, гдѣ оно будетъ происходить, а происходить оно будетъ, конечно, въ кабинетъ. А окна кабинета выходятъ въ садъ и подъ ними есть бесѣдка. Планъ выяснился самъ собою. Но Ивану Арсентьевичу мы не могли сказать о своемъ намѣреніи, такъ какъ онъ держался мнѣнія, что подслушивать постыдно. Мы вполне раздѣляли этотъ взглядъ и никогда не рѣшились бы подслушать никого, кромѣ Ипполита. Ипполитъ былъ для насъ исключеніемъ; по отношенію къ нему мы не признавали никакихъ правилъ чести. Мы чувствовали надъ собой его постоянное давленіе, вѣчное насиліе, которымъ онъ искренно хотѣлъ принести намъ пользу, но мы этому не вѣрили. Мы разсматривали себя, какъ воюющую сторону, а его, какъ непримиримаго врага, и потому считали для себя всѣ средства дозволенными, чтобъ сдѣлать ему непріятность.

— Надоѣло!—промолвилъ Жоржикъ, —вынувъ удочку и торопливо наматывая волосъ на удилице.

Я поспѣшилъ сдѣлать тоже самое.

— Вы уходите?—спросилъ Иванъ Арсентьевичъ.

— Да, это становится скучнымъ! отвѣтилъ Жоржикъ и выразительно искоса посмотрѣлъ на меня. Я даже зѣвнулъ для большей правдоподобности.

— А я останусь, мнѣ не скучно!—заявилъ Иванъ Арсентьевичъ.

Мы пошли сперва тихо, а потомъ вскачь и въ нѣсколько минутъ очутились подъ окнами кабинета. Мы тихонько забра-

лись въ бесѣду и замерли. Дикій виноградъ уже выбросилъ зеленые листья и мы были совсѣмъ скрыты. Мы не ошиблись. Объясненіе происходило именно въ кабинетѣ и мы слышали все отъ слова до слова. Мы только не видѣли дѣйствующихъ лицъ. Но у насъ было такое живое воображеніе, что мы совершенно ясно представляли себѣ, какъ они ходятъ, когда садятся, какіе дѣлаютъ жесты. Повидимому, мы попали въ самому началу.

Ипполитъ допрашивалъ, но голосъ его не былъ строгъ; напротивъ, въ немъ слышалась какая-то сердечная нотка.

— Откуда же ты явился?—спрашивалъ онъ.

— Изъ города! откуда же больше?—отвѣчалъ Геннадій.

— На какія средства?

— На средства Господа Бога!

Этотъ отвѣтъ намъ ужасно понравился и мы долго потомъ встать и не встать повторяли это выраженіе: „на средства Господа Бога“.

— Неужели же этому не будетъ конца?

— Будетъ, навѣрное будетъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Конецъ недалекъ, братъ. Годика три еще протяну!

— Какъ это горько, ахъ, какъ горько, и зачѣмъ? Какая надобность? Мнѣ иногда кажется, что ты просто хочешь только огорчать меня. Послушай меня, братъ, я, можетъ быть, послѣдній разъ прошу тебя, послушай меня! Вотъ тебѣ пріютъ, ты будешь жить у своихъ, ты ни въ чемъ не будешь нуждаться, мирно, тихо. Одумайся, остепенись! Сдержи себя, будь властелиномъ своихъ страстей,—вѣдь это же униженіе человѣческаго достоинства! Ужъ я не говорю объ имени, объ имени твоего отца, которое и я ношу, и эта женщина, которую ты не можешь не уважать.

Послышался голосъ Геннадія, но съ такимъ страннымъ оттѣнкомъ, какого мы еще никогда у него не слышали. Что-то глубокое, полное укора, и въ то же время сердечное, слышалось въ этомъ голосѣ. Мы мысленно видѣли, какъ онъ качалъ головой, и какъ Ипполитъ при этомъ потупился и закусилъ губу. „Эхъ, Ипполитъ, Ипполитъ!—говорилъ Геннадій,—никогда не понималъ ты души человѣка, никогда ничего ты не понималъ! Нѣтъ, оставь это, оставь! Вѣдь я же ничего и не прошу. Дай отдохнуть только, вотъ и все. Бѣдшаго не желаю. Буду вести себя прилично, общаю! Не нарушу твоего мира. А чуть потянетъ,—и слѣдъ мой простылъ. Никто и не замѣтитъ, на

другой день и забудете, что былъ я здѣсь. И вотъ что, Ипполитъ: сдѣлай мнѣ одолженіе, не заставляй ты меня каяться и говѣть. Ужъ я знаю тебя, ты вѣдь всѣхъ насильно въ рай тянешь, а мнѣ все равно, куда ни попасть. Грѣховъ у меня такъ много, что, знаешь, даже стыдно Бога беспокоить. Вообще, не обращай вниманія на меня, плюнь на меня... Вотъ и все!“

Тутъ послышался глубокой вздохъ Ипполита. Онъ опустился въ кресло, а Геннадій, должно быть, вышелъ. Аудіенція кончилась. Мы еще прождали нѣсколько минутъ, но до насъ доносились только звуки одинокихъ шаговъ нашего отчима. Его предпріятіе не удалось—и онъ скорбѣлъ.

Вечеромъ Геннадій попросилъ, чтобы ему чай принесли во флигель. Мы замѣтили, что онъ вообще какъ-то присмирѣлъ и сталъ всячески избѣгать Ипполита, очевидно—не желая огорчать его.

Странная переменъ произошла и у насъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ нему. До этого времени онъ интересовалъ насъ, какъ странное, нелѣпое и смѣшное явленіе, а теперь намъ вдругъ почему-то стало ужасно жаль его. По всей вѣроятности, причиной этого были тѣ сердечныя нотки, которыя слышались въ его голосѣ, когда мы сидѣли въ бесѣдѣ. Онъ для насъ сталъ точно другимъ человѣкомъ.

IX.

Столѣтній Яковъ.

Утро слѣдующаго дня, въ четвергъ, было ужасно. Насъ разбудили въ шесть часовъ. Чудная лѣтняя прохлада показала намъ неприятнымъ холодомъ, мы вздрагивали и кутались, глаза наши слипались, мы никакъ не могли хорошенько проснуться. Мы сразу почувствовали, что Ипполитъ нашелъ „равновѣсіе духа“, и что возжи, ослабѣвшія вчера, опять вѣрѣеко натянулись.

Всѣ ходили какіе-то подавленные. Марта Федоровна смотрѣла опасно, какъ будто все боялась, что вотъ-вотъ должно случиться что-то недовольное. Бѣдную маму тоже разбудили, и мы видѣли, что ей очень хочется спать. Только Дусѣ было оказано снисхожденіе и ее оставили въ постели. Мартѣ Федоровнѣ все какъ-то не удавалось говѣть такъ, какъ слѣдуетъ. Теперь ей пришлось остаться дома, чтобъ присматривать за Геннадіемъ. Пока онъ останется въ усадьбѣ, все время будетъ

тревожное ожиданіе какихъ-нибудь враждебныхъ дѣйствій. Но все же считалось, что она говѣетъ. Съ каждымъ часомъ мы все больше и больше ощущали, что возжи натягиваются крѣпче и крѣпче. Казалось, Ипполитъ, спохватившись, хотѣлъ наверстать пропущенное время. Послѣ утрени намъ объявили, что мы не поѣдемъ домой. Такимъ образомъ, насъ оставили безъ чаю. Это было тяжело. Мама терпѣла, но на насъ смотрѣла съ глубокой жалостью. Однако, мы съ Жоржиномъ нашли и забѣжали къ діакошѣ и самымъ вульгарнымъ образомъ съѣли по большому калачу. Въ обѣдню, въ церкви, насъ поставили впереди, тогда какъ Ипполитъ стоялъ позади насъ,—это была настоящая пытка. Мы все время чувствовали себя такъ, какъ будто стояли на расваленныхъ угольяхъ. Къ этому прибавилась еще досада. Иванъ Арсентьевичъ былъ въ церкви, мы видѣли его мелькомъ и, не имѣя возможности оглядываться, пропустили случай посмотрѣть, какъ онъ молится; между тѣмъ это очень занимало насъ, въ особенности Жоржика.

Когда мы возвращались домой, наша коляска нагнала его на дорогѣ.

— Пойдите! — остановилъ Ипполитъ кучера, и потомъ обратился къ Ивану Арсентьевичу:—Садитесь съ нами, мы доведемъ васъ.

— Нѣтъ, спасибо! — сказалъ Иванъ Арсентьевичъ,— я дѣлаю моціонъ, такъ здоровѣю. Притомъ же все-таки это маленькій трудъ. При говѣннн это зачтется. Знаете, какъ бабы ходятъ въ Кіевъ на богомолье... Все пѣшкомъ.

Кажется, Ипполиту показалось, что въ его словахъ есть иронія, и лицо его сдѣлалось холоднымъ.

— Ну, какъ хотите!—уже безъ прежней привѣтливости сказалъ онъ и велѣлъ ѣхать кучеру дальше.

Намъ предложили ужасный обѣдъ. Это было что-то до такой степени скромное и скудное, что мы съ Жорживомъ ничего не могли ѣсть. Геннадія за столомъ не было. Онъ потребовалъ обѣдъ во флигель. И мы находили, что онъ недурно устроился. Мы встали изъ-за стола совсѣмъ голодные и, затащивъ Марту Федоровну въ свою комнату, начали осаждать ее просьбами. Она колебалась. Это было для нея настоящее испытаніе. Страхъ передъ Ипполитомъ боролся въ ея сердцѣ съ жалостью къ намъ. Нечего и говорить, что послѣдняя одержала верхъ, и насъ, съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей, повели въ погребъ. Здѣсь было про-

хладно и сыро, пахло творогомъ, кислой капустой, окороками, которые были подвѣшены къ потолку. На землѣ стояли кувшины съ молокомъ. Множество вкусныхъ вещей раздражали нашъ аппетитъ, но все это были запрещенные плоды; даже Марта Федоровна, не смотря на безконечно-доброе сердце, не могла бы рѣшиться угостить насъ этими вещами. Всѣ они были скромныя. Нашъ обѣдъ ограничился солеными огурцами и еще чѣмъ-то въ такомъ же скучномъ родѣ.

Наша досада увеличилась, когда у Геннадія мы нашли на столѣ остатки простокваши. Вечеромъ общая молитва была необыкновенно длинна и тонъ Ипполита, читавшаго ее, былъ такъ грозенъ, что становилось страшно.

Не смотря на то, что мы въ этотъ день ровно ничего не дѣлали, къ вечеру мы почувствовали какое-то нравственное утомленіе. Въ нашу комнату насъ не манило, требовалось какое-нибудь пріятное успокоительное впечатлѣніе и мы вспомнили о Яковѣ, который въ это время обыкновенно сидѣлъ на скамейкѣ у кухни и тихо шепталъ то псалмы, то какіе-то стихи изъ старыхъ солдатскихъ пѣсень, смѣшивая все это и не различая одно отъ другого.

Мы его тамъ нашли, но онъ почему-то волновался и неспокойно двигался на мѣстѣ. Дѣло объяснилось тѣмъ, что Яковъ завтра собирался начать говѣніе. А у него это было цѣлое событіе. Ему надо было укладываться, а между тѣмъ кухарка затеряла куда-то его котомку. Эта котомка являлась на свѣтъ Божій всего только два раза въ годъ—на первой и послѣдней недѣлѣ поста, когда Яковъ говѣлъ. Онъ тогда дѣлалъ такіе сборы, какъ-будто собирался идти въ Кіевъ или въ Іерусалимъ. Для него это дѣйствительно было цѣлое путешествіе. Ходить отсюда въ церковь и возвращаться даже разъ въ день, какъ дѣлали другіе служившіе въ усадьбѣ, онъ не могъ. Завтра онъ выйдетъ часа въ три утра, перевѣсивъ котомку черезъ плечо. Въ котомкѣ у него подушка и сухари, а старая свитка изъ сѣраго сукна, которая будетъ служить ему постелью, на лѣвой рукѣ. Въ правой палка. Отъ усадьбы до церкви не больше версты, но придетъ онъ туда часамъ къ восьми, т.-е. къ началу обѣдни. Путешествіе, значить, займетъ у него пять часовъ, это самое меньшее. Онъ очень старъ. Годы буквально согнули его въ дугу. Идетъ онъ по деревнѣ, придерживаясь праваго ряда хатъ. Пройдетъ шаговъ пятнадцать и присядетъ на завалинкѣ отдохнуть. Долго онъ переводитъ духъ, иной разъ забудетъ, что онъ не дома, не на скамейкѣ у кухни, а

въ пути, и просидитъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ, а то прохожій мужикъ остановится и заведетъ съ нимъ разговоръ. А поговорить онъ охотникъ. Когда, наконецъ, онъ достигнетъ цѣли, то первымъ дѣломъ отнесетъ свой багажъ въ церковную сторожку. Тамъ онъ поселится на три дня, пока окончится говѣніе. Иначе ему нельзя. Здѣсь онъ посвящаетъ себя Богу. Въ церкви онъ первый, а уходитъ изъ нея послѣдній. Стоять онъ всю службу не можетъ, ему оказываютъ снисхожденіе и даютъ церковный табуретъ. Онъ молится сидя, но гдѣ надо (а онъ твердо знаетъ, гдѣ надо) подымается, падаетъ на колѣни и бьетъ поклоны. Въ свободное время, когда нѣтъ службы, онъ беретъ метлу и мететъ церковную ограду, мететъ даже тогда, когда не нужно. Работа его идетъ тихо, онъ и тутъ ежеминутно присаживается и отдыхаетъ, но безъ дѣла не можетъ. И дома въ усадьбѣ онъ позволяетъ себѣ подолгу сидѣть только вечеромъ, когда зашло солнце. Тутъ ужъ его старые глаза совсѣмъ ничего не видятъ. Днемъ же онъ вѣчно копается въ саду. Лѣтомъ его можно видѣть гдѣ-нибудь подъ деревомъ—стоящимъ на колѣняхъ, для удобства, и разрыхляющимъ землю надъ корнями. Онъ по цѣлымъ недѣлямъ возится около одного дерева, но это все равно, лишь бы была какая-нибудь работа. Безъ работы онъ не можетъ жить. „Всю жизнь работалъ, ну, и привыкъ,—говорилъ онъ.—Какъ перестану работать, сейчасъ помру“.

Якову было больше 100 лѣтъ, онъ не зналъ точно, сколько именно. Когда его спрашивали объ этомъ, онъ отвѣчалъ:

— Не могу вамъ этого сказать доподлинно. Знаю только, что больше сотни. До снѣга считалъ, а тамъ бросилъ. Да и на что—онъ, этотъ счетъ? Все равно, придетъ пора и Богъ приберетъ тебя, и тотъ, кто считалъ—помретъ, и тотъ, кто не считалъ—помретъ, всѣмъ одинъ конецъ.

Въ памяти его хранилось множество событій. Онъ помнилъ и Наполеона, и Севастополь, но все какъ-то смѣшивалъ и не могъ сказать хорошенько, что было раньше. Точно также онъ смѣшивалъ событія, которыя были на его глазахъ, и пережитыя имъ, съ разсказами, которые онъ слышалъ отъ другихъ. Иногда онъ разсказывалъ сказку наравнѣ съ достовѣрной исторіей; ему казалось, что то и другое было въ дѣйствительности, и онъ не отличалъ первой отъ второй... Въ солдатахъ онъ служилъ очень долго, отбылъ нѣсколько сроковъ, сперва по обязанности, а потомъ по желанію. Съ военщины вернулся въ село и

нашелъ многочисленную родню, но жить съ нею не сталъ, а сдѣлался дворовымъ и служилъ поваромъ. Искусству этому, по его рассказамъ, онъ научился въ послѣдніе годы службы, когда строй ему надоѣлъ и онъ самъ попросился въ деньщики. Деньщикомъ онъ, какъ заслуженный солдатъ, былъ у генерала и тутъ обнаружилъ большія способности въ кухнѣ. У генерала былъ искусный поварь, отъ него онъ и перенялъ всѣ познанія. Когда силы ему измѣнили, онъ создалъ себѣ достойнаго преемника. Его замѣнилъ молодой поварь Семень, его ученикъ, а Яковъ остался просто жить въ усадьбѣ въ качествѣ стараго слуги, умѣвшаго угодить господамъ своимъ искусствомъ. Родни у него и теперь было на селѣ множество, все внуки и правнуки и даже праправнуки, но жить у нихъ онъ не захотѣлъ и теперь.

— Никому не желаю быть въ тягость,—говорилъ онъ,— что я имъ? Положимъ, родня, кровная связь, такъ что же съ того? Я имъ никакого добра не сдѣлалъ, слѣдственно и они мнѣ не должны дѣлать и не сдѣлаютъ. Это ужъ такъ: коли ты не сдѣлалъ, то и тебѣ не сдѣлаютъ! Служилъ я Богу, царю и господамъ. Ну, вотъ, царь мнѣ пенсіонъ даетъ, немного, а все жъ таки даетъ, потому я ему служилъ, господа пѣять и кормятъ, а Богъ душу мою приметъ и ужъ тамъ дастъ ей мѣсто по заслугѣ.

Этотъ годъ для Якова имѣлъ особенное значеніе. Онъ почему-то сталъ увѣрять всѣхъ, что это послѣдній годъ его жизни. Онъ прямо говорилъ:— „предчувствую, что это мой послѣдній постъ и послѣдняя моя Пасха. Такъ мнѣ видится, и самъ не знаю изъ чего, но только я это знаю навѣрно! И сказать бы, какое видѣніе было, либо сонъ, такъ нѣтъ, ничего. Я даже и сновъ давно ужъ не вижу, а такъ вотъ чувствую. И чувствую я, что помру не иначе, какъ въ самую святую Пасху...“

Онъ говорилъ это съ умиленіемъ. Въ этомъ заключалось для него двойное благо. Умереть въ недѣлю Пасхи, это было большое преимущество для его души. Онъ былъ увѣренъ, что умирающіе въ эту недѣлю непременно попадаютъ въ рай. На этотъ счетъ у него даже было особое сравненіе. Онъ говорилъ:

— Для грѣшной души, это какъ бы сказать, вродѣ какъ для преступника подъ манифестъ попасть!

Второе же благо заключалось просто въ самомъ фактѣ смерти. Онъ уже давно ждалъ ея, онъ никогда не говорилъ,

что жизнь для него была слишкомъ тяжела и мучительна, а просто она утомила его своей продолжительностью.

— Не дай Богъ человѣку жить такъ долго!—говорилъ онъ: — тягуче, охъ, какъ тягуче. И то перемѣнилось, и это перемѣнилось, а ты все одинаковый и живешь, да живешь.

За нами пришли и это совпало съ появленіемъ бухарки, которая сообщила Якову радостную вѣсть: его котомка нашла. Яковъ съ усиленіемъ поднялся, оперся на свою палку и пошелъ укладываться.

Х.

Передъ исповѣдью.

Наступила пятница. Краски, которыми выражалось на лицахъ жителей усадьбы суровое, строгое покаяніе, сгущались, ближе и ближе подходило время исповѣди, а для нѣкоторыхъ оно уже пришло.

Это выяснилось послѣ вечерни. Насъ поразила какая-то необыкновенная тишина и пустота въ усадьбѣ. На дворѣ не было видно ни души; когда же мы сѣли за скудный обѣдъ, то оказалось, что все стоитъ уже на столѣ, и никто не подаетъ.

Дѣло въ томъ, что обитатели усадьбы въ отношеніи говѣнія рѣзко дѣлились на два сорта: воскресниковъ и субботниковъ. Къ первымъ принадлежали люди бѣлой кости, т. е. тѣ, у кого не было никакой обязательной работы. Имъ для покаянія полагался лишній день. Они исповѣдывались въ субботу, а причащались въ воскресенье. Всѣ же остальные были лишены этой роскоши и говѣли ускореннымъ способомъ. Они кончали свое покаяніе на цѣлые сутки раньше. И вотъ именно теперь вся рабочая часть усадьбы ушла въ церковь на исповѣдь.

Мы испытывали странное, непривычное, ощущеніе. Все должны были дѣлать сами и чувствовали себя, какъ безъ рукъ. Въ особенности было замѣтно отсутствіе Марты Федоровны, которая тоже, впрочемъ, добровольно причислила себя къ субботникамъ. Ей предоставлялось говѣть до воскресенья, но она, въ виду накопленія хозяйственныхъ дѣлъ, рѣшила отдѣлаться поскорѣй.

Никогда, быть можетъ, мы не чувствовали такъ свою бесполезность и неприспособленность къ жизни, какъ въ эти часы. Обѣдъ былъ сваренъ, всѣ кушанья были въ столовой, столъ былъ накрытъ, но, при малѣйшей надобности, кото-

рюю нельзя было предвидѣть раньше, мы оказывались въ величайшемъ затрудненіи. Мы не знали, гдѣ что лежитъ и какъ что достать. Мы обходились безъ перцу и уксусу тамъ, гдѣ эти предметы были необходимы. Ни одинъ бѣднякъ не обѣдалъ такъ плохо, какъ въ этотъ день мы, владѣльцы большого имѣнія.

Ипполитъ совсѣмъ не обѣдалъ. Онъ сегодня жилъ цѣлый день однимъ чаемъ съ сухой просвирой. Въ домѣ была могильная тишина. Всѣ оставшіеся ходили на цыпочкахъ, и любопытнѣе всего, что мы дѣлали это безъ всякаго понужденія, такъ какъ и понуждать было некому, — вѣдь Марта Федоровна отсутствовала. Таково было настроеніе.

Марта Федоровна за всю недѣлю побывала въ церкви не больше двухъ разъ. Но ей и въ голову не приходило, что для ея души этого мало. Вѣдь иначе было и нельзя, — не могла же она совсѣмъ забросить хозяйство. Хотя она сама ужъ не участвовала ни въ какихъ работахъ, но верховный надзоръ ея былъ необходимъ. Потому это неожиданное усложненіе, въ видѣ Геннадія, появившагося, какъ снѣгъ на голову. Геннадій жилъ совершенно мирно, но отъ него постоянно ожидали какихъ-нибудь враждебныхъ дѣйствій.

Старый батюшка точно также думалъ, что для Марты Федоровны достаточно тѣхъ молитвъ, какія она совершала. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у нея были на этотъ счетъ сомнѣнія и она обратилась къ батюшкѣ, какъ къ своему духовнику. Батюшка сказалъ: „Для господъ это, конечно, мало. Кому же и молиться, какъ не имъ. Времени у нихъ много, а заботъ не Богъ знаетъ сколько. А для рабочаго человѣка лишь бы желаніе было. Искреннее желаніе принимается, какъ покаяніе. Работа та же молитва“.

Это было приложимо не только къ Мартѣ Федоровнѣ, но и ко всей дворнѣ. Поварь, на примѣръ, только вчера первый разъ пошелъ въ церковь. Вѣдь ему какъ разъ во время службы приходилось готовить завтракъ и обѣдъ. Только сегодня онъ рѣшился передать свои обязанности вухарѣ. Кухарѣ были даны среда и четвергъ, сегодня она была дома; горничная урывками бѣгала каждый день, но выслушивала только или начало службы или конецъ. Только кучеръ имѣлъ возможность посѣщать всѣ службы, но и то благодаря особенностямъ его должности. Вѣдь онъ всякій разъ отвозилъ въ церковь Ипполита и насъ. Онъ привязывалъ лошадей къ забору у двора отца діакона и отправлялся въ церковь. Но

молитва его была тревожная. Вѣдь онъ былъ хорошій ку-черъ и потому постоянно думалъ о лошадяхъ. Ему приходилось часто выходить изъ церкви, чтобъ подложить имъ сѣна или напоить ихъ.

Въ домѣ было невыносимо скучно. Даже Геннадій на этотъ разъ не представлялъ намъ развлечения. На него напала какая-то спячка и у него все время ставни были закрыты. Надзоръ за нами отсутствовалъ и мы легко могли бы удрать куда-нибудь, но и это насъ не занимало—именно потому, что никто за нами не смотрѣлъ и никто намъ этого не запрещалъ. Мы ходили къ рѣбѣ, сидѣли на берегу и любовались зелеными полями, далеко до самаго горизонта разстилавшимися по ту сторону рѣки. Мы наблюдали, какъ по мѣрѣ того, что солнце скрывалось за камышами, сперва розовѣлъ, а потомъ темнѣлъ воздухъ, и все, что было кругомъ, каждую секунду мѣняло оттѣнки цвѣтовъ. На насъ напало благонаравіе и мы хотѣли въ этотъ день быть во что бы то ни стало корректными. Сидѣть однако же дома не было никакой возможности. Природа была хороша, но мы не умѣли сосредоточиваться ни на чемъ. Пять минутъ сидѣнія на берегу уже утомило насъ. Между тѣмъ спускались сумерки, скоро должна была вернуться Марта Федоровна, да и ночью искать развлечения было не совсѣмъ безопасно. Мы пошли къ мамѣ и объявили ей, что хотимъ посѣтить бѣдную Лизавету Августовну. Намъ, конечно, разрѣшили.

— Вы только не засиживайтесь,—сказала мама,—скоро будетъ темно и на васъ могутъ напасть деревенскія собаки.

Но мы этого менѣ всего боялись. Съ деревенскими собаками, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ дворовъ, которые были недалеко отъ усадьбы, мы были въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Лизавету Августовну мы нашли въ ея креслѣ. Она радостно улыбнулась намъ, но при этомъ мы замѣтили, что глаза ея были красны и по щекамъ катились слезы.

— Что съ вами?—спросили мы. Мы, конечно, прежде всего вообразили, что ее обидѣла Агафья.

— Вы будете смѣяться!—сказала она,—и это смѣшно, въ самомъ дѣлѣ смѣшно, но въ моемъ положеніи, дѣти, это болшее лишеніе.

Мы все-таки не понимали, въ чемъ дѣло. Она взяла платокъ, который лежалъ у нея на колѣняхъ, и вытерла слезы.

— Да вотъ говѣю; батюшка приходилъ сегодня; исповѣдывалась и уже грѣшу... Табаку понюхать мнѣ нельзя и ба-

тутъ же сказала, что не слѣдуетъ, а мнѣ такъ хочется, такъ хочется...

И это было сказано съ такимъ страданіемъ, что намъ сдѣлалось жаль бѣдную разбитую старуху.

— Да вы бы понохали, Лизавета Августовна,—сказалъ Жоржикъ.

— Ахъ, нѣтъ, нельзя, нельзя! Это грѣхъ! Долженъ же быть и у меня какой-нибудь грѣхъ! А то вѣдь я грѣшу только мыслями. Ахъ!

Если бы мы съ Жоржикомъ были философами, то могли бы найти въ этомъ поучительное доказательство того, какъ относительны понятія о счастіи и несчастьи. У Лизаветы Августовны до такой степени мало было удовольствій, что это лишеніе казалось ей грандіознымъ и она несомнѣнно чувствовала себя глубоко несчастной.

Я очень хорошо видѣлъ, что у Жоржика въ головѣ вертится его обычный вопросъ о грѣховности, тотъ самый вопросъ, который не давалъ покою ему еще въ первое наше посѣщеніе больной старухи. И въ самомъ дѣлѣ Жоржикъ все-таки не выдержалъ и спросилъ:

— Развѣ вы грѣшите, Лизавета Августовна?

Лизавета Августовна вздохнула:

— Ахъ, милые мои,—промолвила она,—въ томъ-то и бѣда, что грѣшить я не могу; давно, давно я уже не могу грѣшить! Грѣшить, конечно, не слѣдуетъ, дѣти, да вѣдь это же всѣ знаютъ; но скажу вамъ, что, когда вы выростете, то узнаете, что въ жизни только и есть пріятнаго, когда согрѣшить можно!

Быть можетъ, въ этой фразѣ, вырвавшейся у нея нечаянно, высказалась вся она со всею своею прошлою жизнью. Быть можетъ, наибольшія муки испытывала она не отъ своихъ многочисленныхъ болѣзней, а главнымъ образомъ отъ постоянной тайной мысли о грѣхѣ, который былъ ей недоступенъ.

— Да, дѣти,—молвила Лизавета Августовна,—я такъ наказана, такъ наказана, что если бы и могла грѣшить, то всякій грѣхъ простился бы мнѣ. Я думаю, что на томъ свѣтѣ не найдется ужъ большаго наказанія, чѣмъ то, которое несу я здѣсь.

Вдругъ она что-то вспомнила и лицо ея прояснѣло, большіе малоподвижные глаза засвѣтились огонькомъ. Она взяла васъ за руки и съ живостью промолвила:

— Вотъ что, дѣтки, завтра я причащусь, такъ ужъ вы

не забудьте мамѣ сказать, чтобъ прислали мнѣ наливочки и вареньица. Сегодня нельзя, а завтра можно будетъ. Не забудете?

Мы обѣщали не забыть. Значить, ужъ она сегодня мечтала о завтрашнемъ праздникѣ и душа ея умилялась при мысли о томъ, что завтра обѣдъ будетъ не такъ скученъ, какъ сегодня, что будетъ наливка и варенье къ чаю. Когда всѣ надежды на дѣйствительное счастье погибли, приходится радоваться и такимъ ничтожнымъ удовольствіямъ.

Мы ушли отъ нея и рѣшили сдѣлать обходъ всѣхъ сегодняшнихъ грѣшниковъ. Мы, конечно, не могли не зайти къ нашему пріятелю, дѣду Родіону. Онъ сидѣлъ у своего куреня. Жучка лежала около него. Заслышавъ наши шаги издали, она взволновалась и хотѣла бѣжать намъ на встрѣчу, но дѣдъ Родіонъ остановилъ ее.

— Сиди, сиди! — сказалъ онъ, — нечего тебѣ прыгать.

Онъ хотѣлъ, чтобы и она сохраняла такое же ровное и спокойное настроеніе, какое было у него. Мы нашли его не совсѣмъ такимъ, какимъ видѣли раньше. Онъ весь какъ-то сіялъ и былъ проникнутъ какой-то тихой радостью. Онъ только что пришелъ отъ исповѣди и, по всей вѣроятности, чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ грѣховъ. Ему предстояла трудная задача сохранить свою душу въ такой же чистотѣ до завтра, по крайней мѣрѣ до того часа, когда онъ будетъ получать причастіе. И онъ сегодня всячески старается избѣгать грѣховъ. Онъ совсѣмъ не ходитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ трава, чтобы не топтать ея, а выбираетъ тропинки, лучше же всего предпочитаетъ сидѣть у куреня. Это даетъ ему возможность совсѣмъ избѣжать грѣха. Онъ со вчерашняго вечера не заглядываетъ въ коты и даже не садится въ лодку. Когда гребешь весломъ, то можно зацѣпить и раздавить какую-нибудь рыбку. А ужъ вытаскивать рыбу изъ котъ, это — такой явный грѣхъ, въ которомъ никто не усомнится. Онъ не поѣдетъ туда ни сегодня вечеромъ, ни завтра на зарѣ, а только рано утромъ, еще до восхода солнца, въ воскресенье. Тогда онъ опустошитъ всѣ коты и наберетъ множество рыбы и раковъ. Въ этомъ случаѣ расчеты покаянія удивительнымъ образомъ совпадали съ требованіями обстоятельствъ. Сегодня рыба рѣшительно никому не была нужна. Никто не сталъ бы ѣсть ея, если бы ему даже заплатили большія деньги. Вѣдь всѣ говѣли. А на селѣ мужики, даже не говѣвшіе по причинѣ полевыхъ работъ, тоже постились на этой недѣлѣ

основательно. Но за то въ воскресенье рыбы потребуется огромное количество въ усадьбѣ и къ господскому столу и людямъ. Кромѣ того, такъ какъ Ипполитъ будетъ въ этотъ день заниматься благотворительностью, дѣду Родіону будетъ предложено раздавать мелкую рыбу бѣднѣйшимъ изъ крестьянъ.

Жоржикъ что-то давно уже тайно смотрѣлъ на дѣда и, повидимому, искалъ чего-то глазами. Я, какъ ни думалъ, не могъ догадаться о его замыслахъ. Наконецъ, онъ высказался.

— Дѣдъ Родіонъ, — промолвилъ онъ: — а уху сварить нельзя?

Это показалось невѣроятнымъ не только дѣду Родіону, но и мнѣ. Дѣдъ замахалъ на него руками.

— Ни! нельзя! Какъ это можно? Да тогда за васъ мнѣ отъ Бога достанется! Нѣтъ, нѣтъ, милые, не могу, этого даже для васъ не могу!

И онъ долго качалъ головой, какъ бы удивляясь тому, что такія мысли могутъ приходиться въ голову. Вотъ человѣкъ, который въ самомъ дѣлѣ боялся не Ипполита, а Бога.

На обратномъ пути мы заглянули въ окна Ивана Арсентьевича. Онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Мы вытянули шеи и съ величайшимъ любопытствомъ старались заглянуть въ бумагу, которая лежала предъ нимъ. Мы убѣдились, что это были стихи. Иногда онъ вставалъ, подходилъ къ окну и задумчиво глядѣлъ вдаль — на мѣсяцъ и уже зажегшіяся на небѣ звѣзды, потомъ вдругъ порывисто шелъ къ столу, садился и записывалъ строфу, которая приходила ему въ голову.

XI.

Послѣ исповѣди.

Поздно вечеромъ, когда всѣ вернулись отъ исповѣди, были замѣчены перемѣны, которыя соотвѣтствовали характеру каждаго. Кучеръ уединился въ конюшню, зажегъ свѣчу и погрузился въ чтеніе душеполезной книги, которую онъ досталъ у церковнаго сторожа. Это случилось съ нимъ только разъ въ годъ. Никакой наклонности къ душеполезнымъ размышленіямъ и книгамъ въ немъ не замѣчалось. Читалъ онъ вообще очень плохо и съ каждымъ годомъ все больше и больше забывалъ грамоту. Вѣдь только разъ въ годъ онъ заглядывалъ въ книгу. Онъ тянулъ слова, подолгу останавливаясь надъ каждой буквой, и слова эти являлись на свѣтѣ въ такомъ видѣ, что ни одно изъ нихъ не походило на на-

стоящее. Изъ этого чтенія онъ ровно ничего понять не могъ. Тѣмъ не менѣе, настроеніе у него было „духовное“. Онъ какъ-то особенно ровно держался, и голосу своему, такъ какъ онъ читалъ громко, придавалъ дьячковскій оттѣнокъ. По характеру это былъ малый разбитной, живой и веселый и даже былъ замѣченъ въ нѣкоторомъ легкомысліи: когда, въ началѣ лѣта, въ саду на грядкахъ появлялись деревенскія дѣвѣи, занимавшіяся полотъемъ, онъ часто гулялъ по садовымъ аллеямъ, начиналъ въ этотъ сезонъ франтить и заниматься собой и своими сапогами, и увлекался до того, что забывалъ даже о лошадяхъ. Въ этотъ вечеръ, кромѣ душеполезнаго чтенія, онъ осудилъ себя еще на важное лишеніе: въ конюшнѣ не было слышно запаха махорки, отъ котораго обыкновенно лошади постоянно чихали.

Бухарка Ганна послѣ исповѣди пріобрѣла какой-то необыкновенно тупой видъ. Она рѣшительно поглупѣла, какъ будто вмѣстѣ съ грѣхами лишилась и всего своего небольшого ума. Она не понимала самыхъ простыхъ вещей и смотрѣла съ такимъ видомъ, какъ будто первый разъ въ жизни слышала о посудѣ, объ уборкѣ кухни и другихъ своихъ обязанностяхъ. Она наотрѣвъ отказалась отъ всякой работы, считая это большимъ грѣхомъ. Въ кухнѣ было нагромождено множество грязной посуды, накопившейся за цѣлый день. Мыть ее было некому. Къ Мартѣ Федоровнѣ изъ кухни поступали жалобы, но дѣлать выговоръ въ этотъ вечеръ было запрещено. Исполить предвидѣлъ все это и предписалъ всѣмъ слугамъ вести себя такъ, чтобы не раздражать другъ друга и не вводить ближняго въ грѣхъ.

Горничная Саша относительно грѣховности работы была того же мнѣнія. Вернувшись изъ церкви, она даже не заглянула въ комнаты. Столовая послѣ обѣда была не убрана, некому было приготовить посуду въ чаю и подать самоваръ. Она забралась въ чуланъ, въ которомъ жила, и занялась своей наружностью. Она тщательно расчесывала свои густые пышные волосы, заплетала ихъ въ косу и вообще вела себя такимъ образомъ, какъ послѣ бани.

Марта Федоровна могла бы оказаться въ безпомощномъ положеніи, если бы на выручку не явилась Мавра. Эту высокую плечистую женщину съ широкимъ рябоватымъ лицомъ, съ рѣшительными мужскими манерами, съ мужской силой, сквозившей во всѣхъ ея движеніяхъ, можно было видѣть въ усадьбѣ каждый день. У нея были необыкновенно добрые и

какіе-то подвижные говорливые глаза. Когда она смотрѣла на васъ, то казалось, будто она хочетъ наговорить вамъ вучу пріятныхъ вещей. Въ этихъ глазахъ была бездна жизни и симпатіи. Въ усадьбу являлась она, обыкновенно, раннимъ утромъ и работала поденно. Она никогда не ждала особаго зова. Она славилась замѣчательной работницей. У нея не было никакой спеціальности, но за то она умѣла дѣлать рѣшительно все, что бы ей ни поручили. И стирать, и гладить, и грады копать, и полоть, и шить, и служить въ комнатахъ. Она вездѣ была на своемъ мѣстѣ, никогда ни отъ чего не отказывалась, никогда не протестовала, съ чрезвычайно простымъ видомъ переходила отъ одной работы къ другой и никогда не жаловалась на усталость. Такая работница въ домѣ—настоящее золото, и Марта Федоровна всегда мечтала о томъ, чтобы Мавру взять во дворъ, на постоянную службу, но Мавра на это не соглашалась, да и не могла. Дома у нея была куча дѣтей и больной чахоточный мужъ. Она ихъ кормила и содержала своей работой. Иногда она являлась съ двумя младшими дѣтьми, отправляла ихъ въ садъ и оставляла тамъ на произволъ судьбы. Но они были такъ же благо-разумны, какъ и она, и спокойно ползали, лазили на четверенькахъ или бѣгали, смотря по возрасту, и никогда съ ними не случалось никакихъ катастрофъ. Въ теченіе дня изъ нея извлекали все, что только можно было извлечь изъ такой искусной рабочей силы. А уходила она домой очень поздно, когда уже всѣ работы кончились, всѣ слуги собирались спать. У нея былъ свой расчетъ. Она не жалѣла силы, чтобъ исполнить какую-нибудь лишнюю работу, но за то къ этому позднему часу вполнѣ выяснялось, что осталось отъ господскаго и кухоннаго обѣда. Ей было предоставлено заирать съ собой всѣ остатки. Она уносила ихъ, обыкновенно, въ передникѣ, сваливъ все въ одну кучу. Дома все это разбиралось и сортировалось и служило главнымъ источникомъ для питанія ея семьи. Она не говѣла, и даже странно было видѣть въ усадьбѣ не говѣющаго человѣка. Былъ такой одинъ, кромѣ нея, это—Геннадій, но его нельзя было считать. Онъ былъ на особомъ положеніи; Мавра будетъ говѣть на третьей или на четвертой недѣлѣ. Теперь же ей было рѣшительно некогда.

И вотъ эта-то Мавра и выручила Марту Федоровну. Какъ только было выяснено, что именно осталось неисполненнымъ на кухнѣ, во дворѣ и въ комнатахъ, Мавра тотчасъ же принялась за работу, съ быстротой, свойственной только ей,

сдѣлала все, что надо: вымыла посуду въ кухнѣ, убрала столовую, вымела дворъ. Даже когда понадобилось для Дуся что-то такое сварить наскоро, она и передъ этимъ не оставилась.

Поваръ совсѣмъ не ночевалъ дома. Съ особаго разрѣшенія Ипполита онъ ушелъ на деревню къ брату, который занималъ постъ церковнаго старосты, и тамъ провелъ вечеръ и ночь.

Только съ Мартой Федоровной не произошло никакихъ перемѣнъ. Она была все такая же суетливая, озабоченная и какъ всегда, добродушно ворчала, семена своими маленькими ножками и перебѣгая изъ одной комнаты въ другую.

Такимъ образомъ, этотъ день оказался для двора праздникомъ. Праздникомъ онъ былъ также и для деревенской молодежи. Только это былъ не веселый праздникъ, а какой-то тихій и сдержанный. Въ то время, какъ батюшка въ церкви исповѣдывалъ, въ церковной оградѣ собрались дѣвки и парни, но они проводили время не вмѣстѣ, а врозь, группируясь отдѣльными кучками. Дѣвки сидѣли на паперти кружкомъ и переговаривались шепотомъ. Когда же имъ хотѣлось смѣяться, то онѣ стыдливо закрывали ротъ платками. Одежда на нихъ была чинная, преобладали темные цвѣта и отсутствовали украшенія вродѣ лентъ и наместъ. Когда же дошла до нихъ очередь исповѣдываться, онѣ входили въ церковь не по одной, а группами, потому что батюшка исповѣдывалъ ихъ дюжинами. Для этого у него были очень вѣскія основанія: во-первыхъ, если исповѣдывать каждую отдѣльно, то нельзя успѣть и пришлось бы сидѣть въ церкви до утра; во-вторыхъ, у этого молодого народа грѣхи были самые простые и одинаковые. Точно такъ же онъ поступалъ съ мальчишками и дѣвчонками и даже съ парнями не старше 18 лѣтъ.

За церковной оградой на площади было усиленное оживленіе. Торговля бубликами и грушевымъ квасомъ сегодня значительно увеличилась. Только коники были въ застоѣ, такъ какъ малыхъ дѣтей совсѣмъ не было ни въ церкви, ни въ оградѣ. Имъ вѣдь не было надобности исповѣдываться. Но коники будутъ сильно раскупаться завтра.

Домъ діакона, стоящій неподалеку отъ церкви, въ церковной оградѣ, ярко освѣщенъ. Свѣтъ такъ и льется изъ всѣхъ оконъ. Но никто не подумаетъ, что у діакона именины или балъ, всѣ знаютъ, что тамъ идетъ неустанная ра-

бота. Діаконша съ помощницею печеть просвиры, — завтра будетъ на нихъ большой спросъ. Она заготовляетъ ихъ нѣсколько сотенъ.

Въ субботу мы отправляемся къ обѣднѣ съ особеннымъ любопытствомъ. Мы не дожидаемся, пока насъ разбудятъ, а сами просыпаемся въ-время, сами хлопочемъ о томъ, чтобъ поскорѣе выпить чай, и пѣшомъ идемъ въ церковь. Сегодня всѣ пойдутъ пѣшкомъ, потому что кучеръ давно уже въ церкви и некому заложить лошадей. Къ обѣднѣ звонятъ довольно рано, часовъ въ шесть. Мы поспѣваемъ къ семи, когда она уже началась. Батюшка дѣлаетъ эту льготу собственно усадьбѣ. Онъ знаетъ, что всѣ слуги въ церкви, и всѣ они нужны дома и хочеть пораньше отпустить ихъ. Кромѣ того, онъ и самъ хочеть раньше освободиться и отдохнуть. Между тѣмъ служба затянется, потому что сегодня множество причастниковъ. Да и для деревенскихъ жителей это представляетъ удобства. День у нихъ начинается рано, и всѣ они бывають довольны, когда служба кончается часамъ къ десяти. У батюшки есть еще другая причина. Сегодня первая поминальная суббота. Въ церкви у главнаго входа, по правую сторону, на коврѣ, навалена цѣлая куча хлѣбовъ всякаго сорта и всякихъ формъ. На подоконникѣ стоитъ десятка два чашечекъ и стакановъ съ медомъ. Послѣ обѣдни придется служить длинную панихиду, съ длиннѣйшимъ спискомъ именъ, которыя непременно всѣ надо произнести, а затѣмъ, когда народъ выйдетъ изъ церкви, причтъ будетъ дѣлить между собою всѣ эти приношенія. На это тоже требуется время.

Мы свободно наблюдаемъ, за нами сегодня не смотрятъ, и никто на насъ не обращаетъ вниманія. Вѣдь эта служба не для насъ, — она какъ бы спеціально для людей работающихъ, которымъ надо поскорѣй освободиться. Завтра она повторится. Поэтому даже Ипполитъ не придаетъ значенія тому, что мы большую часть времени проводимъ въ оградѣ, а не въ церкви. Набралось безчисленное множество нищихъ. У нихъ настоящій праздникъ, лица ихъ крайне оживлены и напряжены. Они захватили съ собою большія торбы, и не напрасно, потому что эти торбы съ каждой минутой все больше и больше отдуваются. Каждый говѣльщикъ считаетъ своимъ долгомъ хоть что-нибудь положить въ каждую торбу. Иной бѣднякъ, не будучи въ состояніи дать каждому по булку, раздаетъ по кусочкамъ, лишь бы что-нибудь дать,

а нищяя братія ни отъ чего не отказывается. Въ оградѣ и въ церкви появляется множество бубликовъ и крашенныхъ коней, въ особенности послѣ того, какъ прозвонили „на достойно“, и то и другое въ большомъ количествѣ ходитъ по рукамъ, каждый причастившійся разыскиваетъ ребятишекъ и тычетъ имъ что-нибудь въ ротъ и въ руки. Ребята нагружены всѣмъ этимъ и тутъ же происходитъ усердная закуска.

Нашъ поваръ явился въ церковь франтомъ. Онъ не былъ уже молодымъ человѣкомъ, но былъ холостъ и претендовалъ на успѣхъ у женщинъ. Въ обыкновенное время трудно было сказать, какъ онъ одѣвался, потому что одежда его вся скрывалась подъ широкимъ и длиннымъ фартукомъ, который онъ носилъ по должности. Теперь же онъ явился въ сѣромъ пиджакѣ, крахмальной рубашкѣ, въ галстукѣ, повязанномъ пышнымъ бантомъ, съ палочкой въ лѣвой рукѣ и съ фуражкой въ правой. Онъ держался солидно, занималъ мѣсто чуть-чуть подальше Ипполита, и вообще видно было, что онъ чувствовалъ себя почти бариномъ среди этой пестрой толпы въ простыхъ свиткахъ, широкихъ шароварахъ, парусиновыхъ сорочкахъ.

Тотчасъ послѣ причастія, когда обѣдня еще не кончилась, для дворовыхъ слугъ кончился праздникъ. Кучеръ пошелъ къ лошадямъ, зануздалъ ихъ, быстро вышли изъ церкви поваръ, кухарка и горничная, ихъ усадили въ экипажъ и торопливо повезли въ усадьбу. Вѣдь они тамъ были страшно нужны. Сейчасъ же они переодѣлись и принялись за свою обычную работу.

Мы видѣли дѣда Родіона. Послѣ причастія онъ весь какъ-то лучился тихой радостью. Видно было, что онъ испытывалъ истинное блаженство. Онъ тоже покупалъ и раздавалъ воникки и бублики, подходилъ къ торговкамъ и съ наслажденіемъ пилъ грушевый квасъ. Все это было совершенно необходимо, и если бы кому-нибудь не удалось купить и раздать бубликовъ и выпить грушеваго квасу, то онъ чувствовалъ бы себя такъ, какъ будто говѣлъ, но еще не отговѣлся.

Мы подошли къ дѣду Родіону.

— А, милые! — сказалъ онъ, — вотъ теперь приходите, теперь мы уху сдѣлаемъ, теперь можно!

— А гдѣ же Жучка? — спросилъ Жоржикъ. Мы рѣшительно не могли себѣ представить дѣда Родіона безъ Жучки.

— Жучка умная, она понимаетъ! — отвѣтилъ дѣдъ Ро-

донъ:—я ей сказала: сиди дома, вотъ она и сидитъ. Явдоинъ мальчикъ тамъ,—прибавилъ онъ въ поясненіе,—вотъ Жучка сидитъ съ нимъ. А вотъ я ей бублика понесу, она будетъ рада.

Видѣли мы и дѣда Якова. Мы наблюдали, быть можетъ, единственную въ своемъ родѣ встрѣчу, когда два старца послѣ причастія сошлись и начали поздравлять другъ друга и затѣмъ поцѣловались. Дѣду Родіону было восемьдесятъ лѣтъ, дѣдъ Яковъ былъ лѣтъ на тридцать старше его.

Дѣдъ Яковъ сказалъ дѣду Родіону:

— Вотъ это я уже въ послѣдній разъ! Ужъ это я знаю. Еще до святой доживу, а тамъ баста! Пора и честь знать!

Послѣ обѣдни дѣдъ Яковъ забралъ свою торбу и свитку и предпринялъ обратное путешествіе въ усадьбу. Онъ явился домой только къ вечеру. На этотъ разъ на пути у него были большія задержки. Когда онъ присаживался у какой-нибудь лавки на заваленѣхъ, чтобы отдохнуть, бабы выносили ему подарки въ видѣ какого-нибудь вяленаго рыба или цвѣтнаго латочка; дѣдъ Яковъ ни отъ чего не отказывался, хотя и самъ не зналъ, для чего ему это. И такихъ подарковъ набралась у него полная торба. Все это дѣлалось въ уваженіе къ нему какъ бы въ награду за то, что онъ прожилъ на свѣтѣ такъ много лѣтъ. Люди, которымъ живется плохо, хорошо знаютъ, что это дѣло не легкое.

Дѣдъ Яковъ притащилъ съ большимъ трудомъ свою торбу въ усадьбу и предоставилъ каждому братъ изъ нея все, что ему нравится. Это происходило вечеромъ, когда солнце уже зашло. На людскомъ дворѣ это былъ послѣдній актъ, имѣвшій отношеніе къ говѣнью. Дальше пошла будничная жизнь.

ХІІ.

Послѣ причастія.

Еще въ обѣдню Ипполитъ заходилъ въ алтарь и имѣлъ особый разговоръ съ батюшкой. Старый батюшка встрѣтилъ его почтительно, далъ ему благословеніе и спросилъ о здоровьи его, мамы и нашемъ.

— Я къ вамъ съ просьбой!—сказалъ Ипполитъ.

— Я уже знаю,—отвѣтилъ батюшка.—Это какъ всегда, какъ каждый годъ. Милости прошу, пожалуйста, въ восьмомъ часу, побесѣдуемъ!

— Если только я не затрудню васъ, батюшка. Вы такъ утомлены...

— Въ нашей службѣ для дѣлъ благочестія не должно быть утомленія!— сказала батюшка, — Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, пожалуйста, въ восьмомъ часу я буду ждать.

Ипполитъ опять взялъ благословеніе и удалился.

Весь этотъ день у него былъ какой-то особенный взглядъ. Онъ смотрѣлъ не только на людей, но и на всѣ предметы, какіе попадались ему на глаза, какъ бы съ мольбой о прощеніи. Онъ какъ бы ежеминутно мысленно произносилъ: „всѣхъ-то я обидѣлъ, простите меня ради Бога“. Это было какое-то олицетворенное покаяніе. Это былъ день, когда всякій, кто только захотѣлъ, могъ бы злоупотребить его настроеніемъ. Едва ли онъ былъ въ состояніи отказать въ чемъ-нибудь. Можетъ быть, потому онъ и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и никому не показывался. Можетъ быть, это была инстинктивная осторожность. По временамъ онъ предавался размышленіямъ вслухъ. „Вотъ,—говорилъ онъ,—мы часто судимъ ближняго. И то не хорошо, и это дурно, и все намъ кажется, что мы-то сами лучше, а какъ заглянешь себѣ въ душу, то увидишь, что ты хуже всѣхъ“. Цѣлый день у него на столѣ лежало раскрытое Евангеліе. Онъ читалъ его тихо, про себя, но иногда у него являлась потребность подѣлиться своимъ настроеніемъ съ близкими людьми. Онъ звалъ маму и читалъ ей отрывки. Онъ вспомнилъ также и о насъ и прислалъ намъ книжку, отмѣтивъ карандашемъ мѣста, которыя мы должны были прочитать. При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобъ при чтеніи присутствовала даже Дуся, которая ровно ничего не поняла.

Мы съ мамой ѣздили въ церковь и совершенно обыкновеннымъ способомъ, наряду съ другими, исповѣдывались у батюшки. Въ этотъ день у насъ съ Жоржикомъ было какое-то благочестивое настроеніе. Мы не позволили себѣ ни одной выходки, мы ни разу не огорчили Марту Федоровну, даже для Ипполита было сдѣлано исключеніе. Жоржикъ ни разу не съострилъ на его счетъ. Мы старались не мыслить о немъ дурно и называли его между собой не Ипполитомъ, а папой.

Изъ церкви мы уже, очищенные отъ грѣховъ, заѣхали къ Елизаветѣ Августовнѣ. У нея уже былъ батюшка, она причастилась. Она совсѣмъ не походила на вчерашнюю. Лицо ея выражало полное благодушіе. Казалось, она забыла обо всѣхъ своихъ болѣзняхъ и несчастіяхъ и объ ужасной участи, которая выпала на ея долю.

— Ахъ, голубушка, — промолвила она, обращаясь къ мамѣ, — какое вамъ спасибо за варенье, и наливка — какая прелесть! Это, должно быть, Марта Федоровна дѣлала! Она это чудно умѣетъ. Славная наливка!

Мы замѣтили въ глазахъ ея какой-то странный неровный огонекъ. Не смотря на то, что мы только-что очистились отъ грѣховъ, наблюдательность все же не покинула насъ, и Жоржикъ первый толкнулъ меня въ бокъ и шепнулъ:

— Смотри, вонъ тамъ внизу... Агафья-то правду говорила!

Я присмотрѣлся, — это была бутылка съ наливкой. Она стояла сбоку у ея ногъ такимъ образомъ, что ей стоило только нагнуться и взять, когда хотѣлось выпить. Наливка была наполовину осушена, и этимъ въ достаточной степени объяснялся тотъ странный огонекъ, который блуждалъ въ ея глазахъ. Наконецъ, мы были свидѣтелями такого блаженства, какое, быть можетъ, не испытывалъ ни одинъ счастливецъ — Елизавета Августовна при насъ, послѣ суточного перерыва, понюхала табаку. Она до сихъ поръ не могла этого сдѣлать, потому что у нея вышелъ весь табакъ. Агафья только-что сбѣгала въ лавку и принесла. Руки ея дрожали болѣе обыкновеннаго, когда она раскрывала коробку. Она извинилась передъ нами и понюхала.

— Вотъ какіе пустяки иногда могутъ сдѣлать человѣка счастливымъ! — промолвила она, какъ бы этимъ извиняясь передъ нами за свою маленькую страсть.

(Окончаніе слѣдуетъ).

У М О Р Я.

На берегу морскомъ, куда врачи и мода
Ссылають на зиму невольниковъ своихъ,
Я жилъ тогда одинъ, чужой среди чужихъ.
Все поражало взоръ -- и люди, и природа,
Сады кривыхъ оливъ и стройныхъ пальмъ навѣсь,
И синіе холмы, и синева небесъ.
Лишь море, лишь оно казалось не чужое.
Едва взглянувъ, въ его простору я привыкъ
И вала перваго уразумѣль языкъ,
Какъ будто прожилъ здѣсь я дѣтство золотое
И въ первый разъ любилъ, и въ первый разъ страдалъ
Подъ сладкій шепотъ волнъ, подъ гулъ прибрежныхъ скаль.

Чужой среди чужихъ, но съ моремъ неразлучно,
Безпечно день за днемъ одинъ я проводилъ.
Я въ полдень на берегъ съ Гомеромъ уходилъ,
И складъ гекзаметра такъ родственно и звучно
Сливался съ пѣньемъ водъ. Забывшись, я молчалъ,
Строеніе волны прилежно изучалъ, —
Иль просто жилъ сквозь сонъ, душой переселяясь
Туда, гдѣ гребни волнъ рождались вдаль,
Гдѣ пѣна таяла на золотомъ пескѣ,
Гдѣ водоросли спять, склонясь и выпрямляясь...

Но слушать пѣнье водъ милѣе въ поздній часъ,
Когда послѣдній лучъ зари на нихъ погасъ,
И первый лучъ звѣзды затеплился въ эфиръ.
Тогда казалось мнѣ: одинъ я въ цѣломъ мірѣ
Вдыхаю сны цвѣтовъ и слушаю прибой.
Въ тиши, со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ пещеръ прибрежныхъ,

Изъ всѣхъ изгибовъ скалъ несется хоръ живой
 Какихъ-то смутныхъ словъ, и ласкъ, и жалобъ нѣжныхъ.
 Я слушаю, томлюсь, душа чего-то ждетъ...
 И вдругъ, какъ бы найдя рѣшающее слово,
 Солется лепетъ волнъ, морская грудь вздохнетъ,—
 Мгновенье тишины—и плескъ раздастся снова...

И думалъ я тогда: сбылись мои мечты.
 Душа исполнена восторга и свободы,
 Какъ будто для меня на праздникъ красоты
 Выводитъ Богъ чередой закаты и восходы,
 И розу спящую отрадой напоилъ,
 И море вольное для пѣсенъ вдохновилъ.
 О, если бы еще сбылось одно мечтанье,
 И вмѣстѣ съ красотой любовь открылась мнѣ,—
 Безгрѣшная любовь, которой ожиданье
 Напрасно до сихъ поръ томить меня во снѣ!
 О, еслибъ торжество природы и безстрастье
 Согрѣлъ печальный взоръ, и голосъ молодой
 Мнѣ досказалъ, о чемъ безъ словъ шумитъ прибой!
 Какъ былъ бы счастливъ я!

И Богъ мнѣ далъ то счастье...

Н. Минскій.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ.

Соч. Уида.

Переводъ съ англійскаго М. Коршъ.

Это было большое, четверугольное, величественное зданіе, построенное въ новомъ стилѣ, съ правильными рядами оконъ, съ оплукатуренными стѣнами, съ цинковою крышею, съ зелеными, мѣстами позолоченными, балконами, съ большою стеклянною входною дверью, оправленною въ мѣдь и полированное дерево. Зданіе это стояло среди обширнаго, пустого пространства, усыпаннаго пескомъ; а кругомъ находилось нѣсколько акровъ земли, на которыхъ предполагалось разбить садъ, но которые пока представляли собою лишь каменистыя мѣста, поросшія низкими деревцами и разсѣянными тамъ и сямъ невзрачными кустиками. Все это мѣсто было окружено высокою стѣною съ огромными воротами, выложенными желѣзомъ и запертыми на желѣзный замокъ, такъ что черезъ нихъ взглядъ человѣка не могъ проникнуть во внѣшній міръ. Это строеніе могло быть тюрьмою, домомъ умалишенныхъ, школой или академіей; но никто не принялъ бы его за чье-нибудь жилище.

Надъ величественною входною дверью помѣщалась статуя Милосердія—вѣчнаго Милосердія съ его голодными дѣтьми, а надъ этой группой золотыми буквами было написано названіе зданія; оно называлось «Домомъ Монъ-Парнасъ», ибо это было жилище музъ, по крайней мѣрѣ, музъ разбитыхъ и несчастныхъ, и было лишь недавно воздвигнуто нѣсколькими почтенными людьми, достаточно добрыми, чтобы не считать смертнымъ грѣхомъ неумѣнье другихъ людей подумать о черномъ днѣ. Тѣмъ не менѣе, грѣхъ этотъ, хотя не смертный, все-таки ужасенъ, и потому дому Монъ-Парнасъ преданъ былъ видъ суровый и непривлекательный, хотя и величественный. Милосердіе всегда смачиваетъ полынью свои

дары оно считаетъ это мудрымъ и справедливымъ. Пища, даваемая въ видѣ милостыни, не должна имѣть пріятнаго вкуса.

Побужденія, благодаря которымъ основанъ былъ Монъ-Парнасъ, были почтенны, хотя и не безъ примѣси эгоизма,—какъ вообще большинство человѣческихъ побужденій. Два оборвыша пришли однажды пѣшкомъ изъ Эльзаса въ Парижъ въ царствованіе Карла X-го и, начавъ съ собиранія тряпокъ, стали понемногу подниматься въ гору, благодаря бережливости, лишеніямъ и взаимной преданности, пока не сдѣлались богатыми торговцами, скопившими множество милліоновъ франковъ, съ которыми не знали, что дѣлать, такъ какъ родственниковъ у нихъ не было, и они никогда не были женаты. Они не искали титуловъ и внѣшнихъ отличій, которыми обыкновенно такъ дорожатъ большинство людей, пробившихъ себѣ дорогу своимъ трудомъ, но желали передъ смертью соединить свои имена съ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ или пожертвованіемъ, о которомъ заговорилъ бы весь Парижъ. Для выполненія этого плана братья отдали половину своего огромнаго капитала на устройство убѣжища для нищихъ писателей и аргистовъ; и результатомъ этого было возникновеніе большого блага дома, который они назвали Монъ-Парнасомъ. Мѣсто для постройки дома было выбрано подходящее: продавался участокъ земли, нѣкогда бывшій подъ королевскимъ паркомъ, вырубленнымъ и обезображеннымъ—какъ это нравится современнымъ умамъ съ общественнымъ управленіемъ,—и значительная часть этого, такъ называемаго, лѣса, послѣ того, какъ деревья и кустарники были вырыты съ корнемъ, была пріобрѣтена, какъ самое подходящее мѣсто для *богоугоднаго заведенія*. Для постройки дома приглашенъ былъ извѣстный архитекторъ, и извѣстный ученый взялъ на себя наблюденіе за осушеніемъ и санитарными условіями зданія. Ни на постройку, ни на украшеніе дома не шадилось издержекъ. «Если мы дѣлаемъ что нибудь, то дѣлаемъ хорошо», говорили братья. Домъ Монъ-Парнасъ былъ открытъ, и по случаю его открытія устроенъ былъ великолѣпный обѣдъ, со множествомъ привѣтствій и цвѣтовъ краснорѣчія, съ толпою извѣстностей, какъ большихъ, такъ и малыхъ, въ числѣ которыхъ находились многія свѣтила печати. Одинъ изъ послѣднихъ принесъ въ карманѣ заячью ногу и сосудъ съ краснымъ порошкомъ, и съ серьезнымъ лицомъ подалъ то и другое братьямъ. Братья взглянули на него вопросительно и съ удивленіемъ. Журналистъ же указалъ на девять музъ, статуи которыхъ украшали сѣни зданія.

— Надо бы заставить покраснѣть немного этихъ бѣдняжекъ, не правда ли?—сказалъ онъ глубокомысленно, но въ то же время подмигивая глазомъ.

До самага дня своей смерти братья такъ и не могли понять, въ чемъ заключалась соль этой шутки.

Учрежденіе ихъ, по ихъ убѣжденію, было великимъ, благороднымъ благодѣяніемъ для націи, и, къ счастью для нихъ самихъ, братья умерли очень скоро, не успѣвъ понять своего заблужденія: они умерли, когда стѣны зданія были еще сыры, краска еще не высохла, когда сады существовали только на планѣ, и когда Парижъ еще серьезно восторгался ихъ прекрасною затѣей. Сады не разбиты еще до сихъ поръ, если не считать нѣсколькихъ клумбъ съ тощими кустами; но Парижъ, легкомысленный Парижъ давно уже позабылъ о существованіи убѣжища для тѣхъ служителей музъ, которымъ не откуда получать доходовъ. Убѣжище это, впрочемъ, снабжено всѣмъ въ изобиліи, а потому должно было бы внушать уваженіе, воздаваемое богатству; къ тому же, заведеніе прекрасно управляется комитетомъ вліятельныхъ людей,—финансистами, коммерсантами, издателями и т. п., которые присуждаютъ мѣста въ убѣжищѣ и оказываютъ свое покровительство тѣмъ или другимъ лицамъ послѣ внимательнаго разсмотрѣнія ихъ положенія. Но комитетъ этотъ никогда не считалъ нужнымъ разбивать сады.

Комитетъ крайне изумляется и оскорбляется, что назначенія его не всегда принимаются съ благодарностью.

Каждый живущій въ Монъ-Парнасѣ получаетъ отдѣльную, хорошо обставленную комнату, обѣдъ, завтракъ и ужинъ въ общей столовой; топливо и освѣщеніе отпускаются въ достаточномъ количествѣ; всякій имѣетъ право пользоваться хорошею библіотекой, музыкальными инструментами и играми въ особой залѣ (всѣ азартныя игры, даже на су, запрещены); кромѣ того, къ услугамъ каждаго часть большого пространства земли, нѣкогда бывшей подъ королевскимъ паркомъ. Правила и условія не тягостны, т.-е. комитетъ не считаетъ ихъ тягостными. Всякій живущій въ Монъ-Парнасѣ можетъ уходить днемъ, сказавшись швейцару и оставивъ у него ключъ, но не имѣетъ права возвращаться послѣ шести часовъ безъ особаго разрѣшенія управляющаго заведеніемъ; ни въ какомъ случаѣ никто изъ живущихъ въ Монъ-Парнасѣ не можетъ держать при себѣ ни животнаго, ни птицы, ни даже бѣлой мыши (однажды кто-то имѣлъ неосторожность явиться съ бѣлою мышью); никто не имѣетъ права приносить съ собою вина, спирта или ликеровъ; всѣ должны тушить свѣтъ не позже одиннадцати часовъ вечера; принимать же друзей разрѣшается лишь въ общей гостиной, и притомъ, только отъ трехъ до пяти часовъ дня. Эти правила и нѣсколько подобныхъ имъ не кажутся тягостными директорскимъ умамъ. Нынѣшній вѣкъ—вѣкъ правилъ; онъ любитъ связы-

вать людей по рукамъ и ногамъ. Всѣ эти правила и постановленія великолѣпно отпечатаны на раскрашенныхъ картонахъ и развѣшаны по всѣмъ комнатамъ, такъ что не допускается и мысли, чтобы кто-нибудь изъ живущихъ въ заведеніи могъ быть незнакомъ съ предъявляемыми ему требованіями. Директора исполняютъ свою обязанность и сидятъ на своихъ крытыхъ бархатомъ стульяхъ вокругъ длиннаго стола, выслушивая доклады о великихъ благодѣяніяхъ Монъ-Парнаса; но больше они ни во что и не входятъ; имъ не обязательно знать или заботиться о томъ, довольны ли живущіе въ заведеніи своею жизнью, или нѣтъ; и никогда не приходило имъ въ голову придать дому жилой видъ. Да и могутъ ли чувствительные, благоденствующие люди, никогда не испытавшіе бѣдности, относиться иначе, какъ съ сострадательнымъ презрѣніемъ, къ бѣднякамъ, которые, подобно заблудившимся овцамъ, оставили часть своей шерсти на придорожныхъ изгородяхъ?

Директора заботятся о томъ, чтобы все доставляемое въ заведеніе было хорошаго качества. Не допускаются ни грошевые расчеты, ни мелкіе обманы: берутся лучшаго сорта мясо, овощи и молочные товары и хорошее вино, разумѣется, не слишкомъ дорогое; давать дорогія вина при такихъ обстоятельствахъ было бы, конечно, безнравственно. За всѣ свои хлопоты директора пользуются правомъ помѣщать своихъ любимцевъ, приживальщиковъ или бѣдныхъ родственниковъ на различныхъ мѣстахъ при заведеніи, начиная съ мѣста секретаря до мѣста привратника. Но даже эту привилегію директора пользуются умѣренню, а члены принимаются въ богоугодное заведеніе безъ всякаго лицепріятія.

Домъ Монъ-Парнасъ выстроенъ на полсотню лицъ, и на содержаніе этого числа отложенъ капиталъ. Но число это никогда не достигалось, и множество пустыхъ комнатъ и закрытыхъ ставень на окнахъ свидѣтельствуетъ о томъ печальномъ фактѣ, что лучшія намѣренія не всегда, и даже весьма рѣдко, оцѣниваются человѣчествомъ.

— А между тѣмъ условія совсѣмъ не стѣснительны,—сказалъ одинъ изъ директоровъ, извѣстный банкиръ, когда кто-то выразилъ неудовольствіе по поводу этихъ благоразумныхъ правилъ.—Вѣдь почти то же самое требуется и въ гостинницахъ.

— Только въ гостинницѣ можно выругать хозяина и выгнать,—сказалъ другой директоръ, издатель извѣстной газеты.

— Каждый можетъ уйти и изъ нашего заведенія, — строго возразилъ банкиръ:—ихъ никто не держитъ.

— Только уйти-то бѣднякамъ некуда! — сказалъ издатель,

который былъ страшно богатъ, но который въ юности испыталъ, что такое бѣдность: было время, когда ему приходилось закладывать свою единственную рубашку.

— Если человѣкъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, не сумѣлъ устроиться, то ему нечего пенять на судьбу—онъ долженъ винить себя за свою непредусмотрительность,—сказалъ банкиръ, который получилъ въ наслѣдство отъ отца болѣе десяти милліоновъ франковъ.—Кстати,—меня просили на слѣдующемъ засѣданіи похлопотать о принятіи въ заведеніе Пьера Роскова. Что вы на это скажете? Если полную бесполезность считать достоинствомъ...

— Нѣтъ, отчего же!—возразилъ издатель.—Это большой талантъ—это былъ очень большой талантъ—въ свое время...

— Талантъ безъ характера!

— Ну, ладно ужъ!—сказалъ издатель съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ,—это вѣчно все повторяютъ! Можно подумать, что все глупцы—ангелы! Но неужели вы увѣрены, что Пьеръ Росковъ еще живъ? Я думалъ, онъ давно умеръ. Это ужасно: остаться въ живыхъ, похоронивъ свой геній!

— Геній! слишкомъ сильно сказано,—замѣтилъ банкиръ.

— Ну, нѣтъ, извините, этотъ человѣкъ былъ именно геніаленъ въ свои лучшіе дни, — горячо сказалъ журналистъ. — Да вспомните его «Хороводъ»! Сколько силы! Сколько чувства! Какое совершенство выполненія? И вы говорите, что онъ живъ и желаетъ быть принятымъ въ Парнасъ? Да для кого же и существуетъ это заведеніе, какъ не для людей, которые были способны написать картины вроде «Зари». Я каждую зиму бываю въ Люксембургѣ, только чтобы видѣть эту картину.

— Неужели же человѣкъ, творенія котораго пріобрѣтались Люксембургомъ, можетъ искать себѣ пріюта въ Парнасѣ?—сухо спросилъ банкиръ, открывая маленькую золотую табакерку.

— Для какой цѣли построено это учрежденіе?—спросилъ издатель.—Ужъ, разумѣется, оно не имѣетъ въ виду содержать посредственностей и глупыхъ бездарностей.

— Такъ вы подадите за него голосъ?

— Непремѣнно.

— Сдѣлайте еще шагъ и предложите его въ качествѣ кандидата. Вамъ это будетъ болѣе къ лицу, чѣмъ мнѣ.

— Это сомнительный комплиментъ въ вашихъ устахъ; но я принимаю его. Увѣрены ли вы, что онъ живъ?

— Совершенно увѣренъ. Вчера я завтракалъ въ Шантильи, и герцогъ далъ мнѣ его адресъ. Онъ живетъ въ какомъ-то жалкомъ переулкѣ, въ кварталѣ Тамплъ.

— Вѣдь это ужасно! — сказалъ издатель. — Злая насмѣлка судьбы, изъ за которой тѣло того, чья картина приобрѣтена для Люксембурга, гнѣтъ всѣми забытое, гдѣ-то на чердакѣ, заставила содрогнуться даже пресыщеннаго человѣка, стоявшаго во главѣ самой рѣзкой и остроумной парижской газеты. — Бррр! — сказалъ онъ, — содрагаясь полуискренно, полупритворно; я съ величайшимъ удовольствіемъ предложу его въ качествѣ кандидата. Очевидно, онъ отвѣчаетъ условіямъ нашего превосходнаго учрежденія, если онъ такъ же бѣденъ, какъ нѣкогда былъ знаменитъ. Въ этомъ-то и заключается наше затрудненіе. Найти бѣдность легко, но не легко найти славу гдѣ-нибудь въ канавѣ. Въ наше время талантъ имѣетъ привычку хорошо обѣдать и хорошо одѣваться.

И въ самомъ дѣлѣ, было очень нетрудно найти бѣдность, но не такъ-то легко было встрѣтить бѣдность, соединенную со славою, даже при наличности очевиднаго таланта. Въ виду этого оказалось необходимымъ нѣсколько расширить первоначальныя условія учрежденія и допустить, чтобы оно принимало лицъ, въ точности не отвѣчающихъ его цѣлямъ, и нѣсколько журналистовъ, нѣсколько профессоровъ, нѣсколько музыкантовъ, не бывшихъ композиторами, пользовались тѣмъ, что предназначалось лишь для настоящихъ артистовъ. Поэтому, когда богатый журналистъ, Морисъ Вальбраншъ, предложилъ избрать въ число членовъ Монъ-Парнаса такую личность, какъ Пьеръ Росковъ, то весь комитетъ, вспомнивъ о его заслугахъ и придя въ себя отъ изумленія, и даже съ энтузіазмомъ, что онъ еще живъ, — единодушно согласился принять его. Росковъ представлялъ собою именно тотъ матеріалъ, для котораго предназначался Монъ-Парнасъ. Великій художникъ, безспорно великій художникъ, жившій въ такой безызвѣстности, что всѣ считали его умершимъ, и притомъ въ такой нищетѣ, въ такой ужасной нищетѣ — такъ повторяли благоденствующіе люди, сидя вокругъ комитетскаго стола и испытывая то наслажденіе, о прелести котораго говорилъ Лукрецій. Росковъ былъ принятъ безъ единого возраженія, и директора въ это дождливое утро усѣлись въ свои удобныя кареты съ пріятными чувствами, словно послѣ совершенія добраго дѣла.

— По крайней мѣрѣ, онъ хоть умретъ спокойно, — подумалъ Вальбраншъ; — конечно, если только онъ согласится поселиться въ Парнасъ. А можетъ, онъ еще и не согласится, чортъ возьми!

Дѣло въ томъ, что, желая услужить члену академіи, принадлежащему къ королевской фамиліи, директоры и не подумали справиться о желаніяхъ самого Пьера Роскова. Такимъ образомъ, они

нарушили даже одно изъ особенныхъ постановленій комитета, гласившее, что, въ случаѣ избранія подходящихъ лицъ для помѣщенія въ домъ, лица эти должны быть лично и письменно увѣдомлены о своемъ избраніи, прежде чѣмъ имена ихъ будутъ подвергнуты голосованію, и должны подать прошеніе о принятіи ихъ на гербовой бумагѣ. Вальбраншъ, довольный тѣмъ, что отыскалъ истиннаго питомца музъ, поспѣшилъ съ этимъ дѣломъ и при избраніи престарѣлаго художника нарушилъ формулу, не испросивъ сначала его согласія на то, чтобы быть принятымъ.

— Чортъ возьми! — опять сказалъ онъ, — разумѣется, онъ будетъ въ восторгѣ. Кровля надъ головой и полный желудокъ до могилы — это не малое благодѣяніе, когда человѣку семьдесятъ лѣтъ и когда онъ уже умеръ для міра.

Вальбраншъ былъ добродушный человѣкъ и отличался тѣмъ неглубокимъ покровительственнымъ добродушіемъ, какимъ отличаются люди богатые, и тѣмъ сознаниемъ превосходства не только своего состоянія, но и своего ума, какое порождается богатствомъ.

Онъ отправился въ своей изящной каретѣ, запряженной гордо выступающею лошадыю, въ жалкій переулочекъ квартала Тампль, гдѣ, какъ ему говорили, живетъ Пьеръ Росковъ; не безъ сомнѣнія и неприятнаго чувства Вальбраншъ медленно поднялся по крутой, темной, грязной лѣстницѣ, по которой не совсѣмъ безопасно было взбираться такому милліонеру, въ широкомъ верхнемъ платьѣ и увѣшанному дорогими цѣпями и кольцами. Онъ былъ толстъ, ибо жилъ очень хорошо, а лѣстница была крута и высока и ему пришлось нѣсколько разъ глубоко перевести духъ. Онъ пожалѣлъ, что не можетъ послать наверхъ одного изъ служащихъ у него молодыхъ людей, отличавшихся многими талантами и предприимчивостью и жужжавшими вокругъ него, какъ осы.

Милосердіе смягчаетъ душу, но въ немъ удобнѣе упражняться черезъ посредника.

Пыхтя, отдуваясь и произнося и забавныя, и вульгарныя ругательства, Вальбраншъ наконецъ добрался до верху лѣстницы, подъ самый потолокъ, весь увѣшанный паутиной. Къ стѣнѣ, нѣкогда бѣлой, но уже почернѣвшей отъ грязи, прибита была деревянная досочка, а на ней красовалась надпись углемъ: «Пьеръ Росковъ, вторая дверь направо».

— Наконецъ! — сказалъ Вальбраншъ, вздохнувъ съ облегченіемъ. Онъ нашелъ указанную дверь — низкую, жалкую, некрашенную дверь на чердакѣ, и постучался.

— Войдите! — отозвался голосъ старика — голосъ съ легкой дрожью, но все еще звучный и мелодичный; его почти заглушалъ ѣзкій собачій лай.

Вальбраншъ отворилъ дверь и поспѣшно отступилъ назадъ, такъ какъ маленькій террьеръ бросился ему подъ ноги, а онъ боялся собакъ, какъ многіе добрые люди, добившіеся успѣха не совѣтъ прямымъ путемъ.

— Смирно!—сказалъ хозяинъ собакъ.—Войдите, сударь. Онъ васъ не тронетъ. Онъ принялъ васъ за полицейскаго. Простите его за эту ошибку.

— Вотъ такъ комплиментъ!—сказалъ себѣ подъ носъ Вальбраншъ; но онъ снялъ шляпу и съ непритворнымъ почтеніемъ промолвилъ:

— Кажется, вы г. Росковъ? Я считаю для себя честью познакомиться съ великимъ художникомъ, произведенія котораго я всегда ставилъ высоко.

Легкая краска покрыла ввалившіяся блѣдныя щеки старика. Онъ какъ-то странно улынулся.

— Очень давно ужъ со мной такъ не говорили. Ужъ не умеръ ли я и не мерещится ли мнѣ что-нибудь въ могилѣ?

— Нѣтъ, дорогой учитель, и я не знаю, почему вы больше не слышите такихъ рѣчей?—сказалъ Вальбраншъ.—Развѣ потому только, что вы сами удалились отъ людей. Это всегда влечетъ за собой роковыя послѣдствія. Человѣчество скоро забываетъ и отличается неблагодарностью.

— Да я ужъ на самомъ дѣлѣ умеръ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Росковъ былъ высокій, мускулистый, сухошавый человѣкъ, который, несмотря на худобу, все-таки производилъ впечатлѣніе большой силы; у него были грубыя черты лица, и красотою отличались только большіе каріе глаза и осанка, своенравная и вмѣстѣ кроткая. Онъ былъ, повидимому, очень бѣденъ, и комната, гдѣ онъ жилъ, была лишена всякаго комфорта, хотя въ ней все было чисто и въ порядкѣ.

— Какъ вы дошли до этого положенія?—спросилъ Вальбраншъ съ удивленіемъ и смущеніемъ.

— Вы, кажется, намѣреваетесь интервьюировать меня?—отвѣчалъ Росковъ тоже вопросомъ. — Но это невозможно. Никто не интервьюируетъ исчезнувшихъ.

— Но почему вы исчезли?

— А, такъ это дѣйствительно интервью!—добродушно сказалъ Росковъ, но оттѣнокъ достоинства въ его голосѣ нѣсколько смутилъ посѣтителя.—Это очень странно. Я не думалъ, что я еще живъ настолько. И какая честь—господинъ Вальбраншъ явился ко мнѣ.

— Вы меня знаете?—съ удивленіемъ спросилъ Вальбраншъ.

— Еще бы! Всякій тряпичникъ и подметающій улицы на перекресткахъ, знаютъ проѣзжающихъ генераловъ и депутатовъ, которые забрызгиваютъ ихъ своими колесами. Но садитесь, пожалуйста, сударь. Разъ ужъ вы взобрались такъ высоко, я долженъ просить васъ отдохнуть.

Онъ выдвинулъ единственный стулъ, находившійся въ комнатѣ—большой деревянный стулъ съ ручками, а самъ усѣлся на сосновомъ столѣ посреди комнаты.

Тутъ только Вальбраншъ замѣтилъ, что у Роскова нѣтъ правой руки: она была отрѣзана у него выше кисти.—Такъ вотъ почему онъ бросилъ писать!—подумалъ Вальбраншъ и мягко прибавилъ:

— Несчастный случай, дорогой учитель?

— Обломокъ гранаты во время осады,—коротко отвѣтилъ художникъ.

— Боже мой, какая потеря для искусства!

— О! художниковъ много и безъ меня!

— Но Росковъ былъ единственный въ своемъ родѣ.

— По испытаннымъ страданіямъ съ нимъ, надѣюсь, никто не можетъ сравняться,—сказалъ старикъ, пожавъ плечами.—Но, скажите, сударь, какое у васъ дѣло ко мнѣ? Вѣдь не для того же вы пришли, чтобы спрашивать меня, какъ я лишился руки, разъ вамъ было даже неизвѣстно, что я ея лишился.

— Въ чемъ мое дѣло? Надѣюсь, вы не обвините меня въ праздномъ любопытствѣ и признаете по крайней мѣрѣ мои добрыя намѣренія,—отвѣтилъ Вальбраншъ и принялся излагать цѣль своего посѣщенія, нѣсколько сконфуженный независимостью и равнодушіемъ этого одинокаго старика, полусидѣвшаго, полулежавшаго на ветхомъ столѣ, и который при всей своей бѣдности отнюдь не выглядѣлъ просителемъ или принимающимъ подаваніе. Маленькій террьеръ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, выпрямившись, настороживъ уши и вопросительно глядя на посѣтителя.

Въ нѣсколькихъ ловкихъ фразахъ и съ меньшею противъ обыкновеннаго снисходительностью въ тонѣ Вальбраншъ увѣдомилъ художника о принятіи его въ Монъ-Парнасъ.

— Благодаря моему вліянію и въ виду вашей славы въ прошломъ, комитетъ обошелся безъ обычныхъ формальностей и нашелъ возможнымъ принять васъ въ это великое и благородное учрежденіе,—сказалъ Вальбраншъ въ заключеніе, впадая въ официальный тонъ.—Мнѣ нечего распространяться о преимуществахъ, какія отсюда простекаютъ. Они очевидны сами собою. Вамъ, ко-

вечно, извѣстно уже по слухамъ, какой характеръ носить это учрежденіе, и я не сомнѣваюсь, что вы вполне оцѣните его такъ же, какъ и мы, представители учрежденія, цѣнимъ то, что судьба дастъ намъ возможность соединить съ его именемъ имя и славу такого великаго художника, какъ вы.

Тутъ Вальбраншъ остановился и перевелъ духъ, чувствуя, что никто не сумѣлъ бы такъ успѣшно выполнить дѣло или выразить свои взгляды съ большею деликатностью и съ большимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ онъ. Онъ взглянулъ на Роскова, ожидая видѣть въ немъ глубокое волненіе, изъявленіе благодарности или слезы; но старикъ не двигался съ мѣста и молчалъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ чувствъ. На впалыхъ щекахъ его появилось по красному пятнышку, но это было все.

— Развѣ я просилъ кого-нибудь о чемъ-нибудь?—наконецъ, спросилъ онъ сиплымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, нѣтъ. По крайней мѣрѣ я ничего объ этомъ не слышалъ,—проговорилъ Вальбраншъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Такъ кто же смѣетъ говорить обо мнѣ, что я нуждаюсь въ милостынѣ?

— Но вѣдь, кажется...—началъ посетитель и остановился, обводя глазами убогую комнату. Взглядъ этотъ досказалъ невысказанное.

— Вы хотите сказать, что я въ нищетѣ,—коротко сказалъ Росковъ.—Но отъ нищеты до просьбы о помощи есть шагъ, и даже большой. Я этого шага не дѣлалъ. Вы имѣете право предлагать только въ томъ случаѣ, если бы я просилъ о чемъ-нибудь.

Онъ поднялся изъ своего полулежачаго положенія и выпрямился во весь ростъ, какъ будто давая понять, что свиданіе кончено. Говорить больше было не о чемъ.

Вальбраншъ не всталъ. Онъ смотрѣлъ вверхъ черезъ очки съ удивленіемъ, любопытствомъ и сомнѣніемъ—съ сомнѣніемъ чело-вѣка, который привыкъ къ тому, что передъ нимъ разыгрываются всевозможныя комедіи. Однако, не смотря на его скептицизмъ и цинизмъ, въ немъ шевельнулось нѣчто, похожее на восторгъ и довѣріе. Онъ увидѣлъ, что этотъ старый отшельникъ, оборванный и умирающій съ голоду, всѣми покинутый и несчастный, думалъ то, что говорилъ. Онъ никогда никого ни о чемъ не просилъ; онъ далъ міру забыть себя и никогда не говорилъ: «Я здѣсь».

Въ эту минуту въ комнату, какъ порывъ весенняго вѣтра, ворвался ребенокъ—хорошенькій, блѣлокурый, кудрявый мальчикъ,

лѣтъ шести; увидѣвъ незнакомца, онъ вдругъ въ смущеніи оставился.

— Поди сюда, Максъ,—сказалъ Росковъ мягко, а собака принялась радостно прыгать вокругъ мальчика.

— Поклонись этому господину, Максъ.

Максъ снялъ свою маленькую изорванную соломенную шляпу.

— Прелестный ребенокъ,—сказалъ Вальбраншъ.— Это вапшъ?

— Да, это дитя моего сына. Сынъ мой былъ убитъ вмѣстѣ съ Анри Ривіеромъ въ сраженіи съ пруссаками.

— Вы имѣете право предъявлять требованія отечеству.

— Нѣтъ, мы ничего не требуемъ. Мой сынъ былъ только волонтеромъ, какъ и я раньше его. Ему въ жизни не повезло, и онъ былъ любитель приключеній.

— И этотъ мальчикъ всецѣло зависитъ отъ васъ?

— Да.

Лицо Роскова приняло мрачное и рѣзкое выраженіе. Онъ не любилъ допросовъ и думалъ, что выразился достаточно ясно, чтобы быть понятымъ. Маленькій Максъ, который былъ худъ и блѣденъ, хотя и имѣлъ счастливый видъ, оперся на дѣда и промолвилъ съ нѣкоторою робостью:

— Мнѣ не дали хлѣба безъ четырехъ су.

— Молчи,—сказалъ Росковъ сердито; но Вальбраншъ уже успѣлъ услышать.

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько серебряныхъ монетъ и протянулъ ихъ мальчику.

— Пойди и купи себѣ нѣсколько пирожковъ, Максъ. Намъ съ твоимъ дѣдомъ надо переговорить о важныхъ дѣлахъ, и ты съ нами соскучишься.

Хорошенькіе глазки ребенка засмѣялись и заблестѣли; онъ протянулъ свою маленькую ручку, чтобы взять деньги, но Росковъ схватилъ его пальчики и сжалъ ихъ невольно до боли.

— Этотъ господинъ очень добръ, дитя мое, и ты, я знаю, не хочешь сдѣлать ничего дурного, но я не могу допустить этого. Вотъ тебѣ одинъ су. Сбѣги внизъ, купи себѣ хлѣбецъ и попроси, чтобы тебѣ позволили съѣсть его въ лавкѣ. Иди!

Мальчикъ колебался, и глаза его наполнились слезами

— Дѣдъ,—сказалъ онъ застѣнчиво,— ты ничего не ѣлъ со вчерашняго полудня; весь ужинъ ты отдалъ мнѣ и Пепину. И вѣдь у тебя только одинъ су—вѣдь ты мнѣ самъ сказалъ, когда я пошелъ въ лавку.

— Держи свой дѣтскій языкъ за зубами и иди,—сказалъ Росковъ громовымъ голосомъ.

Мальчикъ отскочилъ въ испугѣ, зажимая су въ маленькомъ кулачкѣ. Пепинъ лучше попялъ, въ чемъ дѣло: онъ не испугался, а только подвинулся ближе къ своему хозяину.

— Дорогой учитель, — сказалъ Вальбраншъ, — все это очень почтенно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень печально. Ради ребенка вы должны пожертвовать гордостью. Переѣзжайте въ Парнасъ, а Макс мы помѣстимъ въ хорошую школу; я самъ похлопочу объ этомъ. Вы имѣете полное право умереть съ голоду, но вы не имѣете права морить дитя вашего сына.

— А вы не имѣете права предписывать мнѣ мои обязанности. Ступайте вонъ! — сказалъ старикъ въ ярости.

— Я уйду, — сказалъ Вальбраншъ благодушно. — Я уйду, такъ какъ у меня много дѣла. Но я еще вернусь къ вамъ.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ натолкнулся на маленькаго Макса, который сидѣлъ въ слезахъ на одной изъ нижнихъ ступенекъ.

— Тебѣ часто приходится голодать, малютка? — спросилъ Вальбраншъ.

Мальчикъ отвѣтилъ неохотно:

— Не мнѣ, но ему. Онъ все отдаетъ Пепину и мнѣ.

— А ему остается немного?

— Да, — сказалъ мальчикъ робко, сквозь слезы. — Но онъ разсердится, если узнаетъ, что вы говорили со мною. Я не стану васъ слушать. Я не стану отвѣчать! — сказалъ онъ съ чувствомъ рѣшимости и страха, и поднялся съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ, и сбѣжалъ по лѣстницѣ такъ быстро, какъ только могъ. Онъ боялся, чтобы господинъ не предложилъ ему опять серебряныхъ монетъ, и что самъ онъ окажется настолько гадкимъ и слабымъ, что возьметъ ихъ; ибо этотъ мальчикъ получалъ все, что имѣлъ его дѣдъ, но приходилось дѣлиться съ Пепиномъ, и ребенокъ былъ очень голоденъ, хотя послушаніе дѣду заставило его отрицать это передъ незнакомцемъ.

— Бѣдный звѣрекъ! — подумалъ Вальбраншъ, — онъ будетъ рычагомъ, при помощи котораго мы залучимъ стараго упряма въ Парнасъ.

Сопротивленіе и на этотъ разъ произвело обычное дѣйствіе на человѣческую природу, и Вальбраншъ, для котораго это дѣло не имѣло никакого важнаго или практическаго значенія, былъ такъ раздраженъ своей неудачей, что рѣшилъ во что бы то ни стало заставить Пьера Роскова переѣхать въ Парнасъ.

Росковъ продолжалъ стоять у стола и собака робко заглядывала ему въ лицо, зная, что онъ взволнованъ и смущенъ. Дѣй-

ствительно, онъ такъ долго былъ одинокъ, такъ давно привыкъ быть незамѣченнымъ, забытымъ, что посѣщеніе такого человѣка, какъ Вальбраншъ, и сдѣланное имъ предложеніе не могли оставить его равнодушнымъ. Все это удивило, оскорбило, взволновало его, вызвало въ немъ отвращеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставило почувствовать, что онъ не совсѣмъ чуждъ остальному міру, какъ это было въ теченіе столькихъ лѣтъ. Человѣкъ, и притомъ не безумецъ и не дуракъ, еще разъ назвалъ его «дорогимъ учителемъ»—тѣмъ стариннымъ, лестнымъ, пріятно ласкающимъ слухъ названіемъ, котораго онъ такъ давно не слыхалъ! Неужели же онъ все еще продолжалъ быть учителемъ въ чьихъ-нибудь глазахъ—онъ, бѣдный, старый, разбитый человѣкъ, умирающій съ голоду и двадцать лѣтъ не бравшій кисти въ руки?

Онъ былъ сынъ бретонскихъ моряковъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи рыболовныя лодки и промышленныя суда, привычныхъ къ вѣтру, сырости и тяжелому труду, честныхъ, хотя и грубыхъ по наружности, и происходившихъ, по преданію, отъ рыцарскаго рода. Въ дѣтствѣ Росковъ рисовалъ корабли, лодки и матросовъ на всякомъ попавшемся ему клочкѣ бумаги или кускѣ дерева, а когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, пріѣхалъ въ Парижъ, побуждаемый своимъ сильнымъ и полубезсознательнымъ талантомъ отправиться туда, гдѣ могъ видѣть, слышать и научиться значенію искусства.

— Какой я былъ безумецъ!—думалъ онъ иногда, вспоминая это путешествіе, полное надеждъ. — На что мнѣ были великіе мастера? Развѣ не было неба и голосовъ моря надо мною и рядомъ со мною?

Въ свои счастливые годы онъ часто пріѣзжалъ на родину и наслаждался крѣпкимъ соленымъ запахомъ водорослей и углублялся въ сѣрые пески и кусты дрока, усыпанные золотистыми цвѣтами. Но со времени войны онъ не видѣлъ родного берега. Даже если бы ему удалось набрать денегъ на поѣздку, то онъ не поѣхалъ бы, не желая являться къ своимъ бѣднымъ, нищимъ калѣжкой. Тѣ, кто остались въ живыхъ, были ему лишь дальними родственниками и они, подобно парижанамъ, успокоились на мысли, что онъ умеръ. Столько людей исчезло во время осады и коммуны, и отъ нихъ ничего не осталось! Смерть ихъ считалась несомнѣнной. Такъ и онъ считался умершимъ, какъ въ своей родной бретонской деревнѣ, такъ и въ Парижѣ.

Если бы онъ былъ въ хорошемъ положеніи, онъ разыскалъ бы своихъ близкихъ; но онъ былъ очень бѣденъ, благодаря потерѣ руки, и когда сынъ его палъ мертвымъ рядомъ съ Анри Ривіе-

ромъ, то Росковъ даже не освѣдомился о томъ, живы ли менѣе близкіе ему родные. Иной разъ, впрочемъ, онъ упрекалъ себя и думалъ, что ради маленькаго Макса не долженъ былъ бы жить въ такомъ одиночествѣ и забвеніи. Но маленькій Максъ былъ незаконное дитя, рожденное отъ краткаго и пылкаго огня случайной любви, и не могъ предъявить ни къ кому никакихъ притязаній, кромѣ своего дѣда, да и то въ случаѣ готовности этого дѣда помочь ему.

Кто позаботится о маленькомъ Максѣ и Пепинѣ въ случаѣ смерти старика? Одного возьмутъ въ приходъ, а другого на съѣзжую. Сколько разъ лежалъ Росковъ безъ сна въ долгія холодныя зимнія ночи, мучимый страшными мыслями о ихъ одиночествѣ въ случаѣ его внезапной смерти, которая могла наступить во всякій часъ! О нихъ никто не заботился. Никто не приютилъ бы ни одного изъ нихъ. Безъ него они должны будутъ погибнуть. Какъ часто думалъ онъ объ этомъ, и мучился, и жаждалъ жить ради нихъ, хотя жизнь была такъ тяжела! А теперь, когда явился человѣкъ, предлагая позаботиться о немъ, — что конечно, прямо или косвенно, должно было повліять на ихъ судьбу, — онъ былъ оскорбленъ, раздраженъ и чувствовалъ только гнѣвъ и свою уязвленную гордость. Чтò будетъ хорошо? Чтò дурно? Въ этомъ онъ не могъ отдать себѣ отчетъ.

Онъ не былъ аналитикомъ или послѣдовательнымъ мыслителемъ. Онъ былъ артистъ, и чувства его были сильны, хотя и не всегда разумны. Неужели же, если онъ желалъ приобрести друзей для одинокаго ребенка, онъ долженъ самъ отправиться въ этотъ домъ и попасть въ ненавистное ему рабство?

Этого онъ не могъ думать.

Онъ происходилъ изъ свободнаго, гордаго рода; онъ былъ человѣкомъ съ талантомъ, былъ солдатомъ, хотя и непризнаннымъ. Онъ сражался за Францію, за Парижъ. Неужели же ему придется окончить дни свои среди позорнаго довольства въ убѣжищѣ съ громкимъ названіемъ?

Однажды, когда онъ былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, за нимъ прислали изъ Тюльери, и онъ не пошелъ, потому что былъ республиканецъ; за этотъ отказъ онъ былъ лишень креста, но «великодушный» императоръ купилъ одну изъ лучшихъ его картинъ для Сень-Клу и приказалъ приобрести для Люксембурга его «Зарю», считавшуюся его лучшимъ произведеніемъ.

Печальна была судьба картины, попавшей въ Сень-Клу. Она погибла среди огня и дыма въ развалинахъ великолѣпнаго дворца, — погибла вмѣстѣ съ фресками Миньяра и другими красивыми и изящными произведеніями.

У художника не осталось отъ нея ни одного эскиза изъ всего множества сдѣланныхъ имъ за его жизнь эскизовъ углемъ, сепіей, акварелью и масляными красками, ни одного эскиза, на который онъ могъ бы полюбоваться и который напомнилъ бы ему, чѣмъ онъ былъ когда-то. У него не осталось ни одного собственнаго штриха карандашомъ, чтобы вспомнить тѣ чудесные дни, когда онъ былъ дѣйствительно замѣчательнымъ художникомъ, когда люди показывали на него даже на улипахъ—въ тѣ свѣтлые годы до войны, когда, казалось, всѣ были молоды, и Парижъ весь день смѣялся и всю ночь плясалъ. Всѣ эскизы его были проданы, большею частью за безцѣнокъ, въ минуты нужды. Единственное, чтò осталось отъ того славнаго времени, была старая, много употреблявшаяся палитра съ остатками высохшихъ, запыленныхъ, потрескавшихся красокъ; иногда онъ надѣвалъ эту палитру на большой палецъ лѣвой руки, прижималъ ее къ себѣ и такъ стоялъ, погруженный въ свои мысли, воображая, что передъ нимъ мольбертъ и большое бѣлое полотно, а на этомъ воображаемомъ полотнѣ прелестныя или ужасныя, фантастическія или величественныя видѣнія. Если человѣкъ родится художникомъ или поэтомъ, то остается мечтателемъ до самой смерти.

Бѣдность—призракъ, столь распространенный въ томъ кварталѣ, была ежедневнымъ гостемъ Роскова. Послѣ потери руки, онъ сталъ давать уроки рисованія устно, насколько это было возможно, не употребляя карандаша; но учениковъ у него было уже немного, всѣ они были бѣдны, разбѣяны по разнымъ направленіямъ, и скоро ему пришлось дѣлать всякую работу, какую только онъ могъ найти. Для одной лавки онъ взялся исполнять порученія и разносить посылки, и ему приходилось ходить очень далеко, снашивать обувь и получать ничтожную плату. Все, что было у него сколько-нибудь цѣннаго, было продано еще до рожденія Макса, такъ какъ сынъ его былъ бѣденъ и несчастенъ.

А теперь ему предлагали въ Монъ-Париасѣ хорошее помѣщеніе, хорошую одежду, хорошую пищу, предлагали ему спать на мягкой постели, сидѣть на удобномъ креслѣ, не звать ни жара, ни холода, ни усталости, ни голода; жить спокойно, удобно всѣ оставшіеся ему годы, сколько бы ихъ ни было; «а я происхожу отъ сильной, крѣпкой семьи моряковъ», думалъ онъ, «и буду жить долго».

Ему было только шестьдесятъ шесть лѣтъ, хотя отъ перенесенныхъ страданій и лишеній онъ казался гораздо старше. Ему могла предстоять еще долгая жизнь—жизнь, равная цѣлому поколѣнію: а жестокая, безжалостная, грустная, безцвѣтная трагедія ста-

рости, съ ея безчисленными нуждами и потерями, выносима только тогда, когда наполнена спокойствіемъ и смягчена достаткомъ.

Онъ зналъ это; но все-таки мысль объ этомъ богоугодномъ заведеніи была ему противна, болѣе нестерпима даже, чѣмъ нужда или боль. Благодарители могли золотить цѣпи, сколько угодно, и все-таки онѣ остались бы цѣпями; они могли подслащать пилюлю по мѣрѣ силъ, и все-таки она должна была остаться горькой, какъ желчь, разъ что была приправлена полынью милостыни.

— Никогда! Никогда!—проговорилъ онъ въ свою сѣдую бороду. все еще стоя у стола. Онъ всегда былъ свободенъ. Онъ никогда не просилъ денегъ ни займы, ни въ видѣ подарка. Во время самой тяжелой борьбы и самыхъ ужасныхъ горестей онъ замыкался въ себя и несъ свое горе одинъ, какъ умѣлъ.—Нищій? Пансіонеръ? никогда!—сказалъ онъ сквозь зубы; онъ былъ слишкомъ старымъ псомъ для того, чтобы отправляться въ выложенную ватой конуру.

Маленькое блѣдное личико Макса, окруженное шапкой спутанныхъ кудрей, испуганно заглянуло въ дверь; потомъ ребенокъ неувѣренными шагами подошелъ по кирпичному полу къ дѣду.

— Дѣдъ,—сказалъ Максъ шепотомъ,—ты пересталъ сердиться? Я не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного, но я не зналъ.

— Конечно, бѣдное дитя мое,—сказалъ старикъ, взявъ Макса на руки.—Я былъ оскорбленъ и огорченъ, и я говорилъ слишкомъ рѣзко, дружокъ мой. Я не могу осуждать тебя.

— Пепинъ не испугался,—сказалъ Максъ, втайнѣ завидя высокой мудрости собаки.

— Нѣтъ, милый; собаки не обращаютъ вниманія на наши слова, онѣ читаютъ въ нашемъ сердцѣ.

— Отчего же дѣти этого не умѣютъ?

— Увы, Максъ! дѣти вѣдь мужчины и женщины въ маленькомъ видѣ.

Максъ поцѣловалъ дѣда, а потомъ и Пепина. Ни одинъ изъ нихъ не получилъ ужина въ этотъ вечеръ, но они заснули, прижимаясь другъ къ другу и спали вовсе не плохо.

Былъ мартъ, когда Вальбраншъ въ первый разъ посѣтилъ Роскова. Въ теченіе весны и лѣта Роскову жилось свосно; работа его—исполненіе порученій магазина—казалась легкой въ хорошую погоду; нерѣдко мальчикъ и собака оба провожали его. По воскресеньямъ всѣ они отправлялись за городъ или на берегъ рѣки—той хорошо знакомой Сены, которую художникъ такъ любилъ изображать въ счастливые дни своей жизни. Небо было обыкновенно ясно, встрѣчавшіяся женщины изъ рабочаго класса дас-

кали Макса, любясь его хорошенькими глазами и кудрями, студенты бросали Пепину кости отъ своихъ завтраковъ. Собака прыгала, мальчикъ рѣзвился, и старикъ заставлялъ себя улыбаться, глядя на нихъ.

Всю весну Вальбраншъ или заходилъ самъ, или присылалъ къ Роскову, повторяя свое предложеніе, и всегда получалъ тотъ же отвѣтъ.

— Упрямое старое животное!—говорилъ богачъ съ весьма естественнымъ нетерпѣніемъ.

Комитетъ благотворительнаго учрежденія не могъ объяснить себѣ отказа Роскова; Вальбраншъ старался защитить художника отъ обвиненій въ неблагодарности, просилъ отсрочки и получилъ ее. Ему было рѣшительно все равно, какова будетъ судьба Роскова; но онъ рѣшилъ добиться своего. Ему всегда все удавалось и въ этомъ дѣлѣ онъ не желалъ потерпѣть неудачу. Для него стало дѣломъ личнаго самолюбія—видѣть Пьера Роскова членомъ заведенія Монъ-Парнасъ.

— Нельзя сажать въ клѣтку старыхъ орловъ,—сказалъ одинъ изъ приближенныхъ къ Вальбраншу молодыхъ людей, который любилъ противорѣчить ему.

— Нѣтъ, можно,—запальчиво возразилъ Вальбраншъ,—если по-добрать ихъ полузамершими въ обнаженныхъ лѣсахъ.

— Но они умираютъ,—сказалъ непочтительный ученикъ.

— Орлы, можетъ быть, и умираютъ,—отвѣтилъ его патронъ.—Нравы хищныхъ и ручныхъ птицъ мнѣ мало извѣстны; но мужчины и женщины, голубчикъ, остаются жить и радуются, если ихъ хорошо кормятъ.

Онъ зналъ, какъ зналъ Вальполь и многіе другіе, что каждаго человѣка можно купить за извѣстную цѣну, и если не удастся совершить покупки, то только потому, что вы не угадали. какого рода монету слѣдуетъ предложить.

— Не всѣ люди думаютъ только о себѣ,—сказалъ Вальбраншъ молодому человѣку,—но мы всѣ почти такіе безсовѣстные эгоисты, что забываемъ объ этомъ. Есть люди, на которыхъ нельзя дѣйствовать непосредственно, а приходится для вліянія на нихъ указать имъ на положеніе другихъ.

Онъ намекалъ на то, что Роскова можно убѣдить принять предложеніе, доказавъ ему, что это необходимо для Макса.

Мальчикъ былъ отъ природы здоровый, но не сильный; онъ былъ такого сложенія, что ему нужны были чистый воздухъ, тепло, хорошая пища и радость; голубыя вены на нѣжныхъ вискахъ и тонкихъ маленькихъ ручкахъ невольне внушали опасенія,

грудь его была узка, а всѣ остальные члены худы и малы. Лѣтомъ онъ чувствовалъ себя недурно, хотя по шести дней въ недѣлю дышалъ только спертымъ, вонючимъ воздухомъ кипѣвшихъ пародомъ улицъ,—воздухомъ, выдыхаемымъ тысячею другихъ легкихъ и полнымъ вредныхъ зародышей. Но въ холодную погоду мальчикъ замѣтно худѣлъ: это было маленькое растеніе, требовавшее солнечнаго свѣта и прозябавшее въ подвалѣ.

Вальбраншъ однажды съ жестокою откровенностью высказалъ это дѣду.

— Я это знаю, я это вижу,—рѣзко возразилъ Росковъ.—Что же я могу сдѣлать?

— Вы знаете, что вы можете сдѣлать,—отвѣтилъ Вальбраншъ. Росковъ повернулся къ нему спиною.

Однажды Вальбраншъ встрѣтилъ старика одного, несущаго нѣсколько небольшихъ пакетовъ. Съ Вальбраншемъ былъ знаменитый врачъ: они шли вмѣстѣ въ Сальпетриеръ смотрѣть гипнотическіе опыты. Вальбраншъ попросилъ своего друга взойти съ нимъ наверхъ и взглянуть на ребенка, котораго они и нашли вмѣстѣ съ собакой въ маленькой каморкѣ, гдѣ жила старуха, убиравшая во всемъ домѣ постели и будившая, кого нужно. Она была родомъ изъ деревни, находившейся въ лѣсистомъ округѣ Юры, и отличалась честностью и добротою, хотя подъ грубой оболочкой, и ей вполне безопасно было поручить ребенка.

Врачъ выслушалъ Макса, не сказалъ ни слова и вышелъ.

— Что же?—спросилъ Вальбраншъ.

— Старая пѣсня: недостатокъ питанія, недостатокъ крови, кислорода и озона. Органическаго недостатка нѣтъ, но силы и матеріи не хватаетъ; всѣ эти дѣти похожи другъ на друга. Этотъ мальчикъ проживетъ съ годъ, не больше.

И великій человекъ съ гнѣвомъ отозвался о безуміи и неискренности человѣчества.

— Органическаго недостатка нѣтъ?—сказалъ Вальбраншъ.—Такъ значитъ, если бы его хорошо кормили и поставили-бы въ лучшія условія, то онъ, по всей вѣроятности, поздоровѣлъ бы и окрѣпъ?

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ врачъ равнодушно.—Все зло происходитъ въ подобныхъ случаяхъ отъ недостатка озона и питанія.

— Не можете ли вы изложить это письменно?

— Къ чему?

— Потому что у мальчика упрямый дѣдъ, котораго ваша ния можетъ убѣдить въ томъ, что ребенка опасно держать здѣсь. Врачъ пристально посмотрѣлъ на Вальбранша.

— Если это вашъ ребенокъ, то вы поздно вдумали о немъ заботиться. Онъ не дѣлаетъ вамъ чести.

— Между мною и ребенкомъ нѣтъ ничего общаго въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете. Но я хочу спасти его. Такъ, пожалуйста, запишите все, что вы мнѣ сказали.

Врачъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и написалъ нѣсколько словъ. Всѣ, даже знаменитые доктора, съ радостью готовы были сдѣлать одолженіе для Вальбранша. Потомъ оба пріятеля отправились въ Сальпетриеръ смотрѣть загниготизированную женщину, которую заставляли думать, что ее, какъ вѣдьму, сжигаютъ на кострѣ, и которая испытывала всѣ ужасы этой страшной казни къ безконечному удовольствію профессора и студентовъ: быть въ состояніи мучить внушеніемъ большой шагъ впередъ сравнительно съ грубыми ухватками инквизиціи; для этого не требуется ни инструментовъ, ни сообщниковъ, и кругъ дѣйствій этого способа на практикѣ неограниченъ.

На другой день Вальбраншъ приложилъ заявленіе врача къ короткой, написанной имъ самимъ, запискѣ такого содержанія:

«Ребенокъ неизбѣжно умереть, если вы, наконецъ, не согласитесь на то, чтобы мы спасли его».

Онъ отослалъ записку вмѣстѣ съ документомъ старику Роскову.

Конечно, Вальбраншу было безразлично, умереть ребенокъ или нѣтъ, но онъ рѣшилъ во что бы то ни стало сломить упрямство дѣда. Свое собственное упрямство Вальбраншъ вѣнчалъ себѣ въ достоинство, но упрямство другихъ считалъ непростительнымъ преступленіемъ и дерзостью. Въ этомъ отношеніи многіе походятъ на Вальбранша.

На другой день къ роскошно убраннымъ комнатамъ, отведеннымъ для редакціи журнала, издаваемого Вальбраншемъ, подошелъ худощавый, угрюмый старикъ въ сильно потертомъ платьѣ и такой жалкій на видъ, что прислуга не рѣшалась впустить его, невольно вспомнивъ объ анархистахъ и динамитчикахъ.

— Я не изъ ихъ числа,—сказалъ Росковъ, угадывая мысль ливрейнаго Цербера.—Доложите обо мнѣ г-ну Вальбраншу. Вы увидите, онъ приметъ меня.

Швейцаръ, ворча, согласился назвать имя посѣтителя въ трубу, которая сообщалась съ комнатами Вальбранша.

— Просите его ко мнѣ немедленно,—былъ отвѣтъ, и, къ великому недоумѣнію швейцара, старикъ отправился вверхъ по лѣстницѣ, устланной голубымъ бархатнымъ ковромъ, въ своихъ грязныхъ, потрескавшихся сапогахъ.

Лѣстница была украшена вызолоченными бронзовыми подстав-

ками для электрических лампъ, и мраморными статуями Молчанія и Памяти, которыя издатель считалъ символомъ печати.

— А, мой другъ!—весело сказалъ Вальбраншъ, сидѣвшій на широкомъ стулѣ передъ письменнымъ столомъ, съ напироской въ зубахъ; передъ нимъ стояла бутылка съ ликеромъ и сифонъ съ минеральною водою.—Войдите, садитесь и выпейте глотокъ этого ликера. Это прекрасный напитокъ; я получилъ его изъ Петербурга. Не хотите? Напрасно. Такъ не возьмете ли сигару? Нѣтъ? Ужъ это совсѣмъ нехорошо. Ну, что же вамъ угодно?

Росковъ отказался отъ предложеннаго ему стула, отъ сигары и отъ ликера; онъ продолжалъ стоять, и бѣлые пшвы и обтрепанные края его бѣдной грубой одежды выдѣлялись при мягкомъ солнечномъ свѣтѣ, который лился въ комнату изъ большого окна, завѣпаннаго золотистыми шелковыми занавѣсами. Фигура старика казалась особенно нескладной въ этомъ роскошномъ храмѣ современнаго Меркурія, и, чувствуя это, Росковъ невольно становился нервнымъ.

— Что же?—повторилъ Вальбраншъ съ меньшею противъ обыкновенія развязностью и съ большею жесткостью, такъ какъ время было ему дорого.—Получили вы мое письмо?

— Да,—медленно сказалъ старикъ, тяжело вздохнувъ.—Да, да; если вы принимаете участіе въ моемъ бѣдномъ мальчикѣ, такъ возьмите его; чтобы спасти его, я готовъ отдать его вамъ.

Каріе глаза Роскова, сохранившіе еще свою красоту, несмотря на его старость,—красоту души художника,—наполнились слезами.

— Я отдамъ его вамъ,—повторилъ онъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ.

— Прекрасно!—сказалъ Вальбраншъ съ оттѣнкомъ жестокаго сарказма. Съ нѣкоторою подозрительностью онъ внимательно взглянулъ на Роскова и прибавилъ:—Условіе! Вы понимаете условіе? Вы согласны? Вы принимаете приглашеніе въ Монъ-Парнасъ?

— Зачѣмъ? зачѣмъ вы ставите какія бы то ни было условія?—горячо сказалъ старикъ, поддаваясь волненію и чувствуя приливъ краснорѣчія.—Вы видите умирающаго ребенка; человекъ науки говоритъ вамъ, что онъ умретъ безъ воздуха, безъ лекарствъ и безъ удобствъ. Что вамъ еще нужно, чтобы онъ заслужилъ ваше вниманіе? Спасите его ради его самого! Спасите его ради того, чтобы получить удовлетвореніе отъ совершенія добраго дѣла! Я отдамъ его вамъ совсѣмъ, а самъ удалюсь куда-нибудь и проживу какъ-нибудь тѣ немногіе годы, которые мнѣ осталось прожить. Чего вамъ еще нужно? Спасите ребенка! Я обѣщаю вамъ, что не стану тревожить ни васъ, ни его своей особой. Спасите

ребенка! Неужели онъ не имѣетъ права на ваше состраданіе? Ему шесть лѣтъ и онъ умираетъ отъ недостатка воздуха и пищи.

Росковъ говорилъ со всѣмъ краснорѣчіемъ и энергіей сильнаго чувства. Вальбраншъ надѣлъ пенсне и съ любопытствомъ глядѣлъ на него. Ему казалось нелѣпымъ, что такой старикъ способенъ такъ волноваться.

— Бѣдный другъ мой,—возразилъ онъ тѣмъ сухимъ, рѣзкимъ тономъ, котораго такъ боялись всѣ его сотрудники.—Въ Парижѣ нѣсколько сотенъ тысячъ дѣтей, нуждающихся въ чистомъ воздухѣ и здоровой пищѣ; вы бы могли съ такимъ же правомъ утверждать, что мнѣ слѣдуетъ позаботиться обо всѣхъ этихъ дѣтяхъ. Несмотря на все мое уваженіе къ медицинѣ, я не могу сказать, чтобы она успѣшно боролась съ анеміей, малярией или со всевозможными формами невроза. Я не обязанъ, да и не въ силахъ помогать всѣмъ больнымъ. Я сдѣлаю для вашего внука все, что нужно, и, съ своей стороны, честно выполняю договоръ. Но я сдѣлаю это только въ томъ случаѣ, если вы согласитесь помѣститься въ заведеніи Монъ-Парнасъ.

— Какое вамъ дѣло до меня?—горячо спросилъ Росковъ.—Если старый, всѣми забытый песъ забивается въ уголокъ, чтобы умереть, то какое дѣло кому бы то ни было до того, гдѣ онъ испуститъ духъ? Если я безумецъ, предпочитающій умереть съ голоду на свободѣ и въ независимости, то можетъ ли это касаться васъ? Вѣдь только я одинъ пострадою отъ этого. Спасите ребенка потому, что онъ ребенокъ, что онъ мучается не по своей винѣ, такъ какъ онъ родился вполне здоровымъ. Спасите ребенка и отпустите меня. Оставьте мнѣ только мою свободу. Это все, о чемъ я прошу.

Вальбраншъ сдѣлалъ легкое, нетерпѣливое движеніе, оттолкнулъ хрустальный графинчикъ съ ликеромъ и придвинулъ къ себѣ пресъ-бюваръ.

— Вы бредите, почтенный другъ мой,—сухо сказалъ онъ,—и мнѣ некогда терять съ вами времени. Если вы согласитесь помѣститься въ Монъ-Парнасъ, то для мальчика будетъ сдѣлано все, что возможно; если же нѣтъ, то не отдавайте его намъ, оставьте его у себя на тѣ немногіе мѣсяцы, которые ему осталось прожить, и не приходите ко мнѣ съ просьбой, чтобы я заплатилъ за его похороны.

Съ этими словами онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка. Въ дверяхъ показался лакей.

— Такъ это ваше послѣднее слово?—упавшимъ голосомъ спросилъ старикъ; всѣ мускулы на лицѣ его дергались конвульсивно.

Вальбраншъ, казалось, не слышалъ его.

— Проводите этого господина внизъ, — сказалъ Вальбраншъ лакею, начиная писать съ тою поспѣшностью и рѣшительностью, какими отличались всѣ его дѣйствія

— Подождите! — промолвилъ Росковъ, задыхаясь; жилы на лбу его надулись, какъ стальные струны.

— Пожалуйте, сударь! — нетерпѣливо прошепталъ лакей, принимая Роскова за бѣднаго просителя, которые сильно надоѣдали Вальбраншу.

— Подождите! — сказалъ Росковъ, хватаясь за горло, какъ будто его широкой, изношенный воротникъ душилъ его. — Если... если нѣтъ другого способа спасти его, то я согласенъ.

— Bravo! — воскликнулъ Вальбраншъ, снова обрѣтая свое веселое и благодушное настроеніе; и полупривставъ, онъ прислонился къ своему письменному столу, и къ великому изумленію своего лакея, протянулъ руку высокому, худому, несчастному старику въ лохмотьяхъ.

Къ еще большому изумленію лакея, бѣднякъ въ лохмотьяхъ не взялъ этой руки, но круто повернулся и направился къ дверямъ.

— Напишите это мнѣ! — закричалъ Вальбраншъ. — Пусть это будетъ выражено на бумагѣ.

Росковъ кивнулъ головой и, молча отстранивъ лакея, отворилъ дверь и вышелъ. Вальбраншъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ глядѣлъ на его удаляющуюся фигуру.

— Вотъ чудакъ! — пробормоталъ онъ, а затѣмъ закурилъ свѣжую папироску и принялся за перо.

Черезъ два дня въ каретѣ, запряженной двумя пони, за Максомъ пріѣхала дама: она была вдова доктора и брала на воспитаніе слабыхъ дѣтей моложе десятилѣтняго возраста. Сначала она не хотѣла-было брать какого-то бродягу и найденыша изъ-за его незаконнаго происхожденія и плохого воспитанія; но лицо, которому поручено было вести съ ней переговоры, шепнуло ей, что этого ребенка, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, желательно какъ можно лучше обставить... и дама уступила, нѣсколько растрогавшись, — такъ какъ была женщина съ сердцемъ, — блѣднымъ страдальческимъ личикомъ и красивыми кудрями своего новаго питомца.

— Ты будешь очень счастливъ у меня, дружокъ, — сказала она Максу. — Ты будешь играть въ красивомъ саду, у тебя будутъ славные товарищи, хорошія платья и вкусная ѣда, и пони, на которомъ ты будешь ѣздить верхомъ, и голуби, и кролики, которыхъ ты будешь кормить...

— Но я хочу, чтобъ дѣдъ и Пепинъ были со мною!—всхлипывалъ Максъ, отъ страху и горя забиваясь въ уголокъ кареты.— Я хочу дѣда и Пепина! Отвезите меня назадъ! Отвезите меня назадъ!

— Да, я понимаю это, мой милый. Непремѣнно, непременно,—сказала чужая дама, глядя его спутанныя кудри. Но, зная дѣтей и ихъ природу, она подумала:—Не пройдетъ и сутокъ, какъ ты будешь смѣяться и рѣзвиться, а черезъ недѣлю ты забудешь твоихъ друзей. Бѣдный дѣдъ, бѣдный Пепинъ, кто бы вы ни были! Вотъ они такъ не забудутъ тебя!

Но въ ту минуту Макса невозможно было успокоить или утѣшить.

Дѣдъ и собака остались на чердакѣ, который мальчикъ покинулъ навсегда. Пепинъ озирался и вопросительно визжалъ, а дѣдъ сталъ собирать немногія дешевыя игрушки и грошевыя книжки, составлявшія единственныя развлеченія Макса. Росковъ съ нѣжностью обмахнулъ съ каждой изъ нихъ пыль, завернулъ каждую отдѣльно въ бумагу и связалъ ихъ всѣ въ одинъ пакетъ.

— Онъ умеръ, Пепинъ, умеръ для насъ!—сказалъ онъ въ отвѣтъ на умоляющій, грустный, смущенный взглядъ собаки. Пепинъ вздрогнулъ, и хвостъ его печально опустился.

Потомъ хозяинъ его отвернулся и взялъ со стола новое, хорошее платье, бѣлье, сапоги, войлочную шляпу и часы съ цѣпочкой.

Эти вещи прислалъ ему Вальбраншъ.

— Если я что-нибудь дѣлаю, то дѣлаю это охотно и хорошо,—сказалъ Вальбраншъ своему секретарю съ самодовольствомъ челоувѣка, своими силами пробившаго себѣ дорогу. Отъ природы онъ былъ великодушнѣе, и щедрость нравилась ему уже изъ тще славія.

— Вотъ тюремное платье, Пепинъ,—промолвилъ Росковъ.

Онъ медленно раздѣлся и облекся въ новую одежду. Онъ рѣшилъ осушить до дна чашу униженія. Свобода, уваженіе къ самому себѣ, гордость — все это было у него отнято. Онъ отдалъ все это за спасеніе внука. Онъ взглянулъ на себя въ обломокъ разбитаго зеркала, висѣвшій на стѣнѣ: уже много лѣтъ не былъ онъ одѣтъ такъ прилично. Бороду и волосы онъ успѣлъ уже подрѣзать. Открытая бритва лежала на ветхомъ стулѣ подъ зеркаломъ; при видѣ ея въ глазахъ его сверкнуло горячее желаніе воспользоваться ею; онъ схватилъ и закрылъ бритву и съ силой швырнулъ ее въ уголокъ, словно это было живое существо, которое соблазняло его. На мгновеніе онъ закрылъ глаза, какъ челоувѣкъ,

у котораго закружилась голова на краю утеса и который во-время отступилъ назадъ.

Онъ былъ бретонецъ, и смолоду привыкъ смотрѣть на самоубійство, какъ на умерщвленіе души и тѣла. Въ эту минуту, сквозь туманъ годовъ, возстало передъ нимъ воспоминаніе о его матери—набожной, кроткой, доброй женщинѣ, готовой пройти двадцать миль по степи, чтобы получить отпущеніе грѣховъ, собиравшей вокругъ себя своихъ дѣтей для молитвы о мореплавателяхъ, когда вѣтеръ гудѣлъ на берегу, врываясь въ хижины, и набѣгавшія волны заливались за садовую ограду.

— Бѣдная мать!—сказалъ онъ, подавляя вздохъ. Она умерла ужъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Онъ собрался съ духомъ и сказалъ Пепину: «Пойдемъ!»

Пепинъ, всегда радостно привѣтствовавшій всякій знакъ, за-ключавшій въ себѣ намекъ на прогулку, медленно поплелся за старикомъ, словно чувствуя, что навсегда покидаетъ жилище, гдѣ онъ-то, по крайней мѣрѣ, былъ счастливъ.

На порогѣ хозяинъ его остановился и оглянулся назадъ. Это, дѣйствительно, была бѣдная каморка, холодная, голая, неуютная зимою, а лѣтомъ нагрѣвавшаяся отъ жары, благодаря цинковой крышѣ, которая приходилась какъ разъ надъ чердакомъ. Въ этой комнатѣ онъ испыталъ голодь, нужду, мучительныя безпокойства—всѣ скрытыя горести и заботы бѣдняка, который никогда не знаетъ, какъ достанетъ себѣ на этотъ день хлѣба. Но здѣсь онъ былъ свободенъ; здѣсь онъ никому ничѣмъ не былъ обязанъ; здѣсь онъ могъ распоряжаться своею судьбою; сюда онъ могъ приходиться, когда хотѣлъ, отсюда могъ уходить, когда ему вздумается; здѣсь онъ никому не подчинялся, добывая трудомъ каждую корку хлѣба, каждую нитку на своей одеждѣ. И здѣсь съ нимъ жилъ его мальчикъ, принадлежа ему одному.

Онъ снова вошелъ въ комнату и на мгновеніе опустился на колѣни передъ маленькими козлами, на которыхъ спалъ Максъ; онъ прижался лицомъ къ твердой подушкѣ, гдѣ столько ночей покоилась бѣлокурая головка мальчика. Потомъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Ему не суждено было больше имѣть своего собственнаго жилища.

Внизу лѣстницы онъ встрѣтилъ старую служанку, прислуживавшую всему дому. Она плакала.

— Судьба милостива къ вамъ,—сказала она, замѣтивъ на немъ новое платье.—Что до меня, то я буду всю жизнь жалѣть этого милаго бѣднаго мальчика.

— Вы были добры къ нему,—сказалъ Росковъ, указывая на

пакетъ, который держалъ въ рукахъ.—Я взялъ съ собою только его игрушки и книжки. Все прочее я оставилъ наверху. Все это стоитъ пустяки—тамъ только и есть, что тряпки да доски, но все это вы можете считать своимъ. Вы были добры къ Максѹ.

Онъ оставилъ ее и поспѣшилъ на улицу, а собака прижималась къ его ногамъ.

Милостивая судьба! Да, столь же милостива бываетъ она къ заключеннымъ въ тюрьмѣ, давая имъ помѣщеніе, пищу и одежду на всю жизнь, но навсегда лишая ихъ свободы.

Росковъ вышелъ на лучшія улицы города, а Пепинъ не отставалъ отъ него ни на шагъ, но бѣжалъ безъ всякой радости или воодушевленія. Съ свойственно собакамъ чуткостью къ нравственному состоянію своихъ хозяевъ,—чуткостью, столь же сильной и безотчетной, какъ чувствительность фотографической пластинки,—маленькій террьеръ понималъ, что хозяинъ его несчастенъ, и что товарищъ его игръ, Максъ, потерянъ навсегда. Но даже чувство Пепина было недостаточно остро для того, чтобы предвидѣть грозившія ему самому горести.

Росковъ перешелъ черезъ мостъ, оставилъ за собою широкія улицы, бульвары, виллы и сады и направился въ Нельи, къ тому мѣсту, гдѣ сохранились еще остатки королевскаго лѣса, который вмѣстѣ съ нѣсколькими фермами имѣлъ видъ настоящей деревни. Росковъ направился къ одной изъ этихъ фермъ вмѣстѣ съ безпкойнымъ, взволнованнымъ Пепиномъ, которому его собачье чутье говорило, что должна произойти какая-то перемѣна, о которой его не предупредили. Оставивъ Пепина за дверью, старикъ вошелъ въ домъ и заговорилъ съ хозяйкой, которую зналъ уже давно. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ и кликнулъ собаку.

Это была небольшая ферма, но вся въ зелени, привѣтливая, цвѣтущая, и нѣсколько лѣсныхъ великановъ стояло на лугу и по бокамъ строенія. Росковъ прикрѣпилъ веревку къ ошейнику своего маленькаго друга и передалъ веревку женѣ фермера.

— Будьте добры къ нему,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.— Это чудесное существо, и со мной онъ пробылъ девять лѣтъ.

— Бѣдная собака, бѣдная собака!—сказала хозяйка.—Отчего вамъ нельзя взять ее съ собою туда, куда вы идете?

— Потому что заключеннымъ не позволяется держать животныхъ, и собака внушаетъ отвращеніе мѣщанской душѣ,—съ горечью сказалъ Росковъ.—Прошу васъ ради всего святого, будьте добры къ нему, а я буду приходить какъ можно чаще.

Потомъ онъ поспѣшно вышелъ изъ дому, прошелъ черезъ садикъ и слышалъ визги и борьбу Пепина, каждый крикъ котораго вонзалъ въ его душу остріе стыда и угрызений совѣсти.

Бѣдная, вѣрная собачка, брошенная къ чужимъ! Росковъ поднялъ руки и потрясъ сжатými кулаками въ направленіи блестящей крыши заведенія Монъ-Парнасъ, которое возвышалось надъ голубоватымъ туманомъ предмѣстья и гдѣ отнынѣ должна была проходить его жизнь.

Вой и визгъ его покинутаго друга наконецъ замерли, и Росковъ быстро пошелъ впередъ; душа его была исполнена тоски и угрызений.

— О, безсердечные, грубые тираны!—думалъ онъ.—Они заставляютъ меня бросить его и причинить столько страданій такому славному, маленькому созданію!

Онъ просилъ, умолялъ, увѣщевалъ разрѣшить ему оставить при себѣ собачку, обѣщалъ, что это не доставитъ никакихъ безпокойствъ и издержекъ; говорилъ, что это старый другъ, который будетъ несчастенъ безъ него; но совѣтъ мудрыхъ мужей съ секретаремъ и управляющимъ во главѣ, не былъ тронуть его ребяческими доводами, и всѣ его мольбы были отвергнуты краткимъ и рѣшительнымъ «невозможно». Если комитетъ сочинилъ таблицу правилъ, то правила эти получили въ его глазахъ божественную печать и такъ же священны, какъ законы Моисея.

Росковъ шелъ впередъ одинъ, пока передъ нимъ не очутились высокія, оправленные бронзой двери Монъ-Парнаса, который мрачно высился надъ пыльной улицей и проложенными по ней рельсами конно-желѣзной дороги. Онъ позвонилъ и двери открылись.

— У васъ нѣтъ собаки?—спросилъ швейцаръ подозрительно: начальство ужъ успѣло сдѣлать надлежащія распоряженія.

— Нѣтъ,—сказалъ Росковъ.— Въ тюрьмахъ еще позволяютъ бѣднякамъ держать ручную крысу или мышь, но здѣсь, такъ какъ мы ни въ чемъ не виноваты, намъ не оказывается даже подобнаго снисхожденія.

Швейцаръ, который былъ тугъ на ухо, услышалъ только слова «крыса» и «мышь» и съ негодованіемъ отвѣтилъ:

— Здѣсь нѣтъ гадовъ, у насъ здѣсь домъ устроенъ по новѣйшему образцу, съ новѣйшими усовершенствованіями! За кого вы насъ принимаете, сударь? Погодите, погодите! Я долженъ доложить о васъ управляющему.

Но, Росковъ, привыкнувъ къ быстрой ходьбѣ во время разнесенія пакетовъ въ теченіе многихъ лѣтъ, уже проникъ за стеклянныя двери заведенія, когда вышелъ ему на встрѣчу управляющій Монъ-Парнаса.

— У васъ нѣтъ собаки?—сказалъ онъ подозрительно.— А, радуюсь вашему благоразумію. Вы отправили вашу собачку на съѣзжую, не правда ли?

— Удовольствуйтесь моимъ заявленіемъ, что она не тамъ,— надменно возразилъ Росковъ. — Васъ это никоимъ образомъ не касается.

— Какой несносный человѣкъ!—подумалъ управляющій и сказалъ вслухъ:—Позвольте мнѣ показать вамъ вашу комнату. Надѣюсь, вы будете себя чувствовать хорошо здѣсь, если только будете дѣйствовать въ подобающемъ духѣ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?—спросилъ Росковъ.

Управляющій, не привыкшій давать опредѣленій, замялся, кашлянулъ и выглянулъ немного сердито сквозь стеклянную дверь на неоконченные сады.

— Довольство своею судьбою... сговорчивость... сокращеніе себя... благодарность за все, что здѣсь дѣлается...—пробормоталъ онъ, чувствуя себя не по себѣ.

— Духъ царедворцевъ, да? Гибкія колѣни и спина, медовыя рѣчи? Духъ раболѣпства, низпоклонства, заискиванія, обмана и набиванія желудка? Я, милостивый государь, старъ, слишкомъ старъ для того, чтобы учиться чему-нибудь, колѣни и спина моя не гнутся, и языкъ мой никогда не лгалъ. Очень жаль! Но что же дѣлать? Не могу же я теперь поступать въ школу.

Управляющій побагровѣлъ отъ злости.

— Будьте такъ добры пройти въ вашу комнату,—мягко сказалъ онъ, думая въ тоже время:—Съ какой стати Вальбраншъ прислалъ намъ этого сердитаго, ворчливаго медвѣдя? Ужъ если кого называть свѣтскимъ человѣкомъ, такъ это Вальбранша.

— Да, я медвѣдь, — сказалъ старикъ, угадывая невысказанную мысль, какъ это часто бываетъ. — Но я никогда не умѣлъ плясать, къ сожалѣнію!

Управляющій деликатно сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и указалъ дорогу вверхъ по лѣстницѣ, вдоль широкаго корридора и отворилъ одну изъ дверей, совершенно одинаковыхъ и украшенныхъ золотыми цифрами.

— Вотъ ваша спальня, — сказалъ онъ, отворяя дверь. — Кушаютъ всѣ внизу, въ большой комнатѣ. Надѣюсь, вы останетесь довольны во всѣхъ отношеніяхъ.

Комната была хорошая, съ обоими холоднаго сѣраго цвѣта, съ желѣзной кроватью, выкрашенной въ свѣтло-голубую краску, съ мебелью изъ кленоваго дерева; занавѣски были сѣрыя, какъ стѣны, полъ паркетный, съ рисунками, по серединѣ комнаты разостланъ небольшой голубой коверъ. На мѣдномъ гвоздѣ табличка съ правилами заведенія, а подъ нею бѣлая фарфоровая пуговка электрическаго звонка. Это была комната, какихъ

много въ современныхъ отеляхъ средней руки. Единственное окно выходило на бѣлую стѣну.

Управляющій взглянулъ на Роскова, чтобы видѣть, произвели ли на него хорошее впечатлѣніе порядокъ, чистота, опрятность убранства комнаты; но Росковъ былъ непроницаемъ.

— Ваши вещи еще не пришли, кажется? Тутъ есть чуланъ для чемодановъ,—заявилъ управляющій, указывая на завѣшанное углубленіе.

— У меня нѣтъ никакихъ вещей,—сказалъ Росковъ, кладя на столъ пакетъ съ игрушками Макса.—У меня нѣтъ ничего, кромѣ шляпъ, да и то мнѣ далъ господинъ Вальбраншъ. Комната недурна. Въ послѣднія десять лѣтъ я жилъ на чердакѣ и спалъ на мѣшкѣ съ соломой.

— Боже мой, Боже мой!—пробормоталъ управляющій, непріятно пораженный.—Подобныя вещи случаются, но приличные люди не говорятъ о нихъ.

— Вотъ какъ, милостивый государь!—крикнулъ Росковъ, подавляя въ себѣ желаніе схватить этого человѣка за горло и потрясти его.—Ужъ не думаете ли вы, что *сюда* являются люди, которые могутъ спать на пуху, подъ атласнымъ одѣяломъ, пить дорогія вина и ѣсть жареныхъ фазановъ?

Управляющій, совершенно озадаченный, быстро вышелъ изъ комнаты. Старый нищій осмѣливался говорить о благородномъ заведеніи, устроенномъ на самыхъ прекрасныхъ началахъ съ самыми благими намѣреніями, какъ объ убѣжищѣ для самыхъ низкихъ классовъ. Управляющій, получавшій отъ заведенія ежегодно 12.000 франковъ жалованья, съ даровою квартирой, столомъ, отопленіемъ и прислугой, спустился съ лѣстницы, глубоко пораженный человѣческой неблагодарностью.

— Сказать о человѣкѣ, что онъ неблагодаренъ, значитъ сказать все,—объявилъ онъ недѣлю спустя Вальбраншу, который возразилъ съ свойственнымъ ему веселымъ цинизмомъ:

— Всѣ люди неблагодарны, особенно, если имъ ждуть больше нечего. Но этотъ старикъ былъ въ свое время гениальнымъ человекомъ, а такіе люди имѣютъ право на привилегіи.

— Геній-то уже исчезъ давно,—замѣтилъ управляющій съ усмѣшкой.

— Давно жили и Микель Анджело, и Апельсесъ, а все-таки...—возразилъ Вальбраншъ смѣясь, и управляющій понялъ, что новому обитателю Монъ-Парнаса должно быть оказываемо уваженіе. Вальбраншъ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и способныхъ директоровъ совѣта, отъ него зависѣло и настроеніе служащихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОКРАСКА ЖИВОТНЫХЪ.

Какъ и всякая сложная отрасль человѣческаго знанія, наука о животныхъ—зоологія—слагалась мало-по-малу изъ разнородныхъ элементовъ, проходя въ своемъ развитіи различныя фазы съ тѣмъ или другимъ преобладающимъ направлениемъ. Когда въ теченіе XVI и XVII вѣковъ накопилось множество описаній животныхъ, обитающихъ въ различныхъ частяхъ свѣта, то явилась потребность привести эти свѣдѣнія въ систему, которая помогла бы ориентироваться въ пестромъ, разнообразномъ матеріалѣ. Этой потребности удовлетворилъ знаменитый шведскій естествоиспытатель, Карлъ Линней, давшій біологической наукѣ стройную номенклатуру, которая въ основныхъ чертахъ удерживается и понынѣ и составляетъ единственный, пожалуй, всѣми признанный всемірный языкъ, хотя бы только для извѣстной группы понятій. Какъ бы ни называлось животное или растеніе на разныхъ языкахъ,—ученые всего міра тотчасъ же понимаютъ другъ друга, если это животное или растеніе назвать латинскимъ именемъ по Линнеевской двойной номенклатурѣ. Не мудрено, что простота и практическое удобство введенныхъ Линнеемъ принциповъ обезпечили имъ громадный и прочный успѣхъ въ наукѣ и что съ Линнея начался, такъ называемый, *систематическій* періодъ развитія зоологіи, когда главною, чуть не единственною, задачею натуралиста считалось умѣнье распредѣлить формы организмовъ по категоріямъ системы, отвести каждой формѣ то или другое мѣсто, какъ книгамъ по шкафамъ и полкамъ бібліотеки. Знаніе внѣшнихъ признаковъ и именъ считалось тогда главнѣйшимъ знаніемъ естествоиспытателя. *Nomina si nescis, perit et cognitio rerum* (если не знаешь именъ, не имѣешь и понятія о самыхъ предметахъ),—вотъ девизъ этого періода въ развитіи зоологіи и ботаники. Но недолго длился этотъ періодъ: назрѣла скоро потребность въ болѣе широкихъ и глубокихъ обобщеніяхъ, касающихся не только внѣшнихъ признаковъ организмовъ, но и всѣхъ подробностей ихъ

анатомическаго строенія, ихъ эмбриональнаго и постэмбриональнаго развитія. Возникли сравнительная анатомія и эмбриологія, которыя показали, что въ основѣ строенія организмовъ лежатъ извѣстные общіе планы, какъ бы творческія идеи, олицетворяющіяся въ тѣхъ или другихъ частныхъ формахъ. Мало-по-малу интересъ лучшихъ, передовыхъ работниковъ науки сталъ привлекаться все сильнѣе и сильнѣе именно къ этимъ болѣе философскимъ вопросамъ,—вопросамъ *морфологии* или философіи органическихъ формъ; наступилъ новый, *морфологическій* періодъ развитія зоологіи. Когда стала все болѣе и болѣе выясняться связь органическихъ формъ между собою, доказываемая эмбриологіею, сравнительною анатоміею и палеонтологіею, — наступилъ, наконецъ, *генетическій періодъ*, начало котораго можно считать съ появленія теоріи естественнаго подбора (Дарвинъ и Уоллесъ) въ 1859 году. Въ этомъ періодѣ одною изъ главныхъ задачъ зоолога стало разыскиваніе племеннаго сродства животныхъ формъ между собою, ихъ историческаго развитія, ихъ преемственности.

Понятно, что при такомъ различіи господствующихъ стремленій и направленій въ разныхъ періодахъ развитія зоологіи—отношеніе большинства ученыхъ къ извѣстнымъ частнымъ вопросамъ было различно. Какъ бы ни былъ независимъ человѣкъ въ своихъ мнѣніяхъ; какъ бы критически ни относился онъ къ разнымъ современнымъ ему тенденціямъ, все-таки, онъ, всегда или почти всегда,—дитя своей эпохи, отъ вліянія которой трудно отдѣлаться даже величайшимъ умамъ. Если интересъ данной эпохи прикованъ къ извѣстной категоріи явленій, то явленія иныхъ, отдаленныхъ, категорій остаются въ тѣни, считаются какъ бы маловажными, пока новое направленіе вѣчно развивающейся человѣческой мысли не озаритъ ихъ новымъ, неожиданнымъ, свѣтомъ. Тогда эти, будто бы маловажныя, явленія вдругъ оказываются необыкновенно интересными и важными и привлекаютъ къ себѣ цѣлыя толпы изслѣдователей.

Въ настоящее время не послѣднее мѣсто въ ряду интереснѣйшихъ біологическихъ вопросовъ занимаетъ вопросъ объ *окраскѣ* животныхъ. Великолѣпіе красокъ, поражающее насъ въ мірѣ растительномъ, еще большаго развитія достигаетъ въ мірѣ животныхъ. Нѣжные, прозрачныя оттѣнки актиній, металлическіе отливы перьевъ колибри, роскошная одежда тропическихъ бабочекъ и жуковъ достигаютъ такой красоты, что съ ними иногда не могутъ сравниться самыя великолѣпныя цвѣты тропической флоры. Эти роскошныя краски, разумѣется, не могли не бросаться въ глаза каждому, не только любителю природы, но и вообще охот-

нику до красивыхъ вещей: чтобы собирать, напримѣръ, красивыя раковинки, вовсе не нужно быть натуралистомъ. Наука же обратила надлежащее вниманіе на окраску животныхъ только въ сравнительно весьма недавнее время. Въ *систематическомъ* періодѣ развитія зоологіи окраска животныхъ мало привлекала къ себѣ вниманіе натуралистовъ: какъ систематическій признакъ, она имѣетъ сравнительно мало значенія, да притомъ нерѣдко бываетъ подвержена индивидуальнымъ измѣненіямъ; а въ эту эпоху старались розыскивать наиболѣе стойкіе, постоянные признаки, которые преимущественно пригодны для цѣлей классификаціи. Въ періодѣ *морфологіи*, опять-таки, вниманіе изслѣдователей было посвящено, главнымъ образомъ, внутреннимъ, анатомическимъ особенностямъ животныхъ, а внѣшность ихъ считалась чѣмъ-то второстепеннымъ. Только въ *генетическомъ* періодѣ, когда ученые стали разсматривать міръ животныхъ въ его историческомъ развитіи и въ соотношеніи съ окружающею средою, — вопросъ объ окраскѣ занялъ подобающее мѣсто въ ряду біологическихъ вопросовъ первостепенной важности. Прежде всего обратили вниманіе на цѣлесообразность многихъ формъ окраски, составляющей, какъ оказалось, нерѣдко весьма важное охранительное средство для животныхъ; затѣмъ обратили вниманіе на матеріальную сущность окраски, — на ея анатомію, химію и фізіологію, — а также примѣнили ее и для соображеній о взаимномъ родствѣ животныхъ, о происхожденіи и измѣненіи видовъ. Мы начнемъ прежде всего именно съ вопроса о матеріальной сущности окраски животныхъ. Отчего она происходитъ, какова ея физикохимическая основа?

Съ перваго взгляда, отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ: окраска должна зависѣть отъ красящихъ веществъ, отъ красокъ, заключающихся въ наружныхъ покровахъ тѣла: каковы эти краски, таковы и цвѣта животныхъ. Во многихъ случаяхъ это, дѣйствительно, такъ и есть, но не мало и такихъ примѣровъ, гдѣ краски однѣ, а видимые нами цвѣта — совсѣмъ другіе. Съ первыхъ же шаговъ, слѣдовательно, мы убѣждаемся, что окраска — очень сложное физикохимическое явленіе, объяснить которое не такъ легко, какъ могло бы казаться.

Краски или *пигменты*, встрѣчающіеся въ тѣлѣ животныхъ, весьма разнообразны и, вѣроятно, ихъ не менѣе сортовъ, чѣмъ въ мірѣ растений. Многіе красные, зеленые, оранжевые, желтые оттѣнки зависятъ отъ такъ-называемыхъ *липохромовъ* (жирныхъ пигментовъ), которымъ, сообразно ихъ цвѣту, даются разныя спеціальныя названія: напримѣръ, красный пигментъ зовется *зооэритриномъ*, желтый — *зоофумльвиномъ*, зеленый — *зоовердиномъ* и т. д.

Химическое строение липохромовъ мало еще выяснено (они содержатъ углеродъ, водородъ и кислородъ), такъ что для характеристики многихъ изъ нихъ, за неимѣніемъ точныхъ химическихъ данныхъ, служитъ спектральный анализъ, съ помощью котораго хорошо различаются разные сорта этихъ пигментовъ. Общія химическія реакціи, характерныя для липохромовъ, слѣдующія: растворимость въ алкогольѣ, неизмѣняемость при омыленіи горячею ѣдкой щелочью (ѣдимымъ натромъ), появленіе синей окраски при дѣйствіи крѣпкой сѣрной или азотной кислоты. Липохромы—пигменты вообще весьма измѣчивые, нестойкіе, напр., они легко разрушаются, или, какъ говорится, выцвѣтаютъ отъ дѣйствія свѣта (съ образованіемъ холестерина или его продуктовъ). Въ животномъ царствѣ они весьма распространены: они встрѣчаются въ крови и лимфѣ разныхъ животныхъ, въ колбочкахъ сѣтчатой оболочки глаза позвоночныхъ, въ кожѣ суставчатыхъ и низшихъ позвоночныхъ животныхъ, въ желткѣ птичьихъ яицъ, въ жирѣ разныхъ животныхъ и проч.

Близко къ липохромамъ стоятъ, такъ-называемые, *липохромоиды* и *меланоиды*, встрѣчающіеся въ скелетѣ нѣкоторыхъ коралловъ и въ раковинахъ моллюсковъ и составляющіе переходъ къ такъ-называемымъ *меланинамъ*. Меланины—это уже болѣе стойкіе пигменты, преимущественно темныхъ оттѣнковъ, содержащіе, кромѣ кислорода, водорода и углерода, еще азотъ, а иногда и сѣру или желѣзо. Они нерастворимы въ водѣ, алкогольѣ, хлороформѣ и эфирѣ и болѣе или менѣе энергично противостоятъ дѣйствію кислотъ и щелочей. Они не только не выцвѣтаютъ отъ свѣта, но для многихъ изъ нихъ присутствіе свѣта является необходимымъ условіемъ ихъ развитія. Сюда принадлежитъ, на примѣръ, такъ-называемый *фусцинъ*—черный пигментъ сосудистой оболочки глаза позвоночныхъ животныхъ и человѣка; сюда же относится и темно-бурый пигментъ, содержащійся въ жидкости чернильнаго мѣшка каракатицы и употребляемый для рисованія въ видѣ всѣмъ извѣстной краски—сепи. Меланины встрѣчаются въ волосахъ и вообще въ роговомъ веществѣ млекопитающихъ, въ перьяхъ нѣкоторыхъ птицъ, въ чешуѣ змѣй и т. д.

Кромѣ перечисленныхъ, есть еще очень много животныхъ пигментовъ, которыхъ здѣсь перечислять нѣтъ ни возможности, ни надобности; назовемъ только главнѣйшіе. Весьма распространены, напр., *гемоглобины* (кровяные пигменты), принадлежащіе къ бѣлковымъ тѣламъ, *железные пигменты* (билирубинъ, биливердинъ), химически близко стоящіе къ гемоглобину и входящіе въ составъ не только желчи, но, напр., и въ составъ красокъ скорлупы птичьихъ

яиць; назовемъ также *карминъ* — содержащійся въ жировомъ тѣлѣкошенили,—и многіе другіе. Предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы въ тѣлѣ животныхъ встрѣчаются и *анилиновые краски* — не оправдалось: спорные пигменты (напр. пурпурная жидкость, выдѣляемая нѣкоторыми морскими моллюсками) оказались липохромами или иными органическими красками,—но отнюдь не анилиновыми. Не подтвердилось также и предположеніе нѣсколькихъ ученыхъ, будто зеленый цвѣтъ червя Бонелли и нѣкоторыхъ насѣкомыхъ зависитъ отъ присутствія въ ихъ тѣлѣ *хлорофилла* — зеленого вещества, весьма распространеннаго въ мірѣ растеній. Оказалось, что спектръ зеленой окраски насѣкомыхъ, который совпадалъ со спектромъ хлорофилла, не имѣлъ отношенія къ цвѣту самого животнаго, а принадлежалъ хлорофиллу растительной пищи, находившейся въ пищеварительномъ каналѣ изслѣдуемаго насѣкомаго. Въ другихъ случаяхъ зеленый цвѣтъ животныхъ происходитъ отъ того, что въ ихъ тканяхъ живутъ микроскопическія зеленыя водоросли, осуществляя этимъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ, такъ-называемаго, *симбіоза* (сожитія разнородныхъ организмовъ). Тамъ же, гдѣ зеленый пигментъ составляетъ принадлежность и результатъ физиологической работы самаго животнаго,—пигментъ этотъ оказывается не хлорофилломъ, а совершенно инымъ веществомъ (напр., изъ группы липохромовъ). Впрочемъ, въ самое новѣйшее время опять появились сообщенія, будто бы у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ дѣйствительно зеленая окраска происходитъ отъ выработаннаго ими хлорофила.

Изъ только-что сдѣланнаго, весьма бѣгло, перечисленія пигментовъ видно, что они чрезвычайно распространены въ животномъ царствѣ. Невольно возникаетъ вопросъ о причинѣ возникновенія этихъ веществъ и о значеніи ихъ для жизни животныхъ. Что касается происхожденія пигментовъ, то вопросъ этотъ—весьма сложный и пока еще темный. Повидимому, пигменты представляютъ собою большею частью косвенный результатъ сложнаго обмѣна веществъ въ организмѣ,—одинъ изъ конечныхъ результатовъ этого обмѣна. Такъ какъ организмъ, содержащій разноцвѣтные пигменты, развивается нерѣдко изъ совершенно безцвѣтнаго или лишь весьма слабо окрашеннаго яйца, то очевидно, что въ концѣ концовъ пигментъ долженъ происходить (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ) отъ какого-нибудь неокрашеннаго вещества. Возможно, конечно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ окраска происходитъ прямо отъ вещества, воспринимаемаго извнѣ, напр., съ пищею или черезъ воздухъ. Можно, на примѣръ, искусственно окрасить кости животнаго въ красный цвѣтъ, примѣшивая въ его

пищѣ марену; этимъ даже пользовались гистологи для изученія развитія костной ткани у молодыхъ животныхъ. Извѣстно также, что легкія углекоповъ окрашиваются въ черный цвѣтъ вслѣдствіе того, что эти люди постоянно вдыхаютъ вмѣстѣ съ воздухомъ тончайшую угольную пыль. Но такіе случаи все-таки составляютъ исключеніе; даже если измѣненіе окраски тѣла зависитъ отъ пищи, то все же не прямо, а лишь косвенно, въ результатѣ обѣдна веществъ, вызываемаго тою или другою пищею. Наблюдали, на примѣръ, что свигири, зяблики, щеглы—чернѣли при обильномъ кормленіи коноплянымъ сѣменемъ, что зависѣло, по видимому, отъ масла, содержащагося въ сѣменахъ; масло это не чернаго цвѣта, но ведетъ къ потемнѣнію перьевъ. Извѣстны и другія подобныя указанія. Одна изъ красивѣйшихъ нашихъ птичекъ—чечевица (*Carduelis erythrinus*) тоже чернѣетъ отъ кормленія коноплянымъ сѣменемъ; если же ее кормить сурѣпой, то она желтѣетъ. Есть въ литературѣ указанія, что нѣкоторыя племена Южной Америки умѣютъ съ помощью какой-то пищи дѣлать зеленыхъ попугаевъ желтыми. Сообщаютъ также, что канарейки отъ прибавленія къ ихъ пищѣ испанскаго перца дѣлаются темно-оранжевыми. Точно также удавалось измѣнять цвѣтъ бабочекъ, измѣняя пищу гусеницъ. Если, на примѣръ, кормить гусеницу весьма пестрой, разноцвѣтной бабочки *Argia Saia* листьями орѣшника, то по выходѣ изъ куколки получается одноцвѣтная кирпичевая бабочка.

Кромѣ пищи, и другія внѣшнія условія могутъ вліять на образованіе пигментовъ. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить вліяніе свѣта. Выше мы уже видѣли, что для развитія нѣкоторыхъ пигментовъ (меланины) необходимо присутствіе свѣта. Мы знаемъ также, что и чернокожія человѣческія племена свойственны по преимуществу жаркимъ климатомъ, гдѣ солнце свѣтитъ очень ярко; точно также всѣ знаютъ, что веснушки и загаръ, происходящія отъ отложенія пигмента въ клѣточкахъ кожи, появляются съ наступленіемъ яркихъ солнечныхъ дней и развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе кожа подвержена вліянію солнца. Имѣются, кромѣ того, прямыя опыты надъ насѣкомыми, показывающіе, что дѣйствіе различныхъ (по цвѣту) свѣтовыхъ лучей можетъ вызывать измѣненія въ окраскѣ животнаго. Такъ, на примѣръ, Граберъ, воспитывая гусеницъ бабочки многоцвѣтницы въ ящикѣ съ желтыми стеклами, получилъ бабочекъ, которыя имѣли, вмѣсто типичныхъ голубыхъ полудунныхъ пятенъ на крыльяхъ,—сѣрыя.

Куколки нѣкоторыхъ бабочекъ принимаютъ разный цвѣтъ, смотря по окраскѣ окружающей среды. Наконецъ, не лишентъ зна-

ченія и тотъ общій фактъ, что животныя, изъятые отъ дѣйствія свѣта,—напримѣръ, большинство глистовъ и другихъ внутреннихъ паразитовъ, почти всѣ личинки насѣкомыхъ, живущія внутри растений, въ землѣ, въ навозѣ, многія пещерныя животныя — бываютъ лишены пигментовъ или отличаются блѣдною окраскою. Но, разумѣется, есть и исключенія, доказывающія, что для выработки пигментовъ вовсе не всегда нуженъ свѣтъ; во-первыхъ, многія животныя, обитающія въ вѣчной темнотѣ, въ глубинѣ морей, отличаются яркими, красивыми цвѣтами; во-вторыхъ, извѣстно не мало примѣровъ, когда *внутренніе* органы животныхъ, не подверженные прямому вліянію свѣта, ярко окрашены; кромѣ того, мы уже видѣли, что многіе пигменты, такъ сказать, боятся дѣйствія свѣта,—выцвѣтаютъ отъ него, разлагаются подъ его вліяніемъ. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣтъ необходимъ для выработки пигментовъ, онъ не является ихъ источникомъ, а лишь условіемъ для такого хода обмѣна веществъ, что въ результатѣ получается то или другое красящее вещество.

То же слѣдуетъ сказать и о вліяніи температуры, которое нерѣдко трудно бываетъ отдѣлать отъ вліянія свѣта. Очень вѣроятно, что роскошь и яркость цвѣтовъ тропическихъ животныхъ въ значительной степени обусловливается высокою температурою окружающей среды. Сѣверныя животныя, наоборотъ, отличаются болѣе нѣжною, блѣдною, скромною окраскою. Есть и прямые опыты, доказывающіе, что измѣненія температуры могутъ вызывать измѣненія окраски. Существуетъ нѣсколько видовъ европейскихъ бабочекъ, которыя бываютъ темнѣе окрашены, если куколокъ ихъ держать при довольно высокой температурѣ, и, наоборотъ, получаютъ блѣдную окраску, если куколки будутъ подвергнуты сильному охлажденію. Одна изъ такихъ бабочекъ до того рѣзко измѣняетъ при этомъ свою одежду, что ее даже описываютъ подъ двумя разными именами: рыжее видоизмѣненіе, происходящее изъ перезимовавшихъ или искусственно охлаждавшихся куколокъ, называется *Vanessa levana*, а черное видоизмѣненіе, выходящее изъ лѣтнихъ куколокъ, носитъ названіе *Vanessa prorsa*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ появленіе окраски—и именно *блѣдой* окраски—обусловливается не присутствіемъ пигментовъ, а исчезаніе ихъ—*выцветаніемъ*, или же отложеніемъ въ покровныхъ или другихъ органахъ животныхъ (въ волосахъ, чешуѣ) особыхъ веществъ (не пигментовъ), сильно отражающихъ свѣтъ. Что касается выцветанія, то оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ вслѣдствіе ухудшенія питанія, въ особенности, если дѣло касается такъ называемыхъ жирныхъ пигментовъ (липохромовъ).

У старыхъ или плохо питающихся животныхъ ярко-окрашенные волосы могутъ превращаться въ бѣлые; такъ, выпѣтаетъ, на примѣръ, желтое пятно на горлѣ лѣсной куницы. Пигментъ въ такихъ случаяхъ всасывается или можетъ только маскироваться мельчайшими воздушными пузырьками, сильно отражающими свѣтъ и придающими волосамъ бѣлый цвѣтъ. Сюда относятся, между прочимъ, случаи внезапнаго посѣдѣнія человѣческихъ волосъ, о чемъ существуетъ въ литературѣ не мало разказовъ. Ландуа изслѣдовалъ волосы мужчины, посѣдѣвшаго въ теченіе одной ночи во время припадка бѣлой горячки: оказалось, что пигментъ въ волосахъ совершенно сохранился, но былъ заслоненъ безчисленными воздушными пузырьками. Въ виду такихъ фактовъ приобретаетъ особый интересъ вопросъ о причинѣ бѣлой окраски полярныхъ звѣрей, на примѣръ бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ и др., а также зимней одежды бѣлой куропатки и другихъ животныхъ, зимою одѣвающихся въ бѣлое платье. Исчезъ-ли здѣсь пигментъ, или онъ только маскируется воздухомъ? Наконецъ, извѣстенъ рядъ фактовъ, указывающихъ на то, что при треніи или иномъ раздраженіи кожи цвѣтныя волосы или перья могутъ выпадать и замѣняться бѣлыми: отъ этого иногда происходятъ пѣгота лошадей или быковъ, бѣлыя пятна плавающихъ птицъ и проч. Вѣроятно, и здѣсь побѣлѣніе сводится на измѣненіе условий.

Бѣлая окраска можетъ зависѣть и не отъ воздуха, а отъ отложенія кристалловъ особаго азотистаго вещества — *гуанина*, который отлагается въ кожѣ рыбъ и пресмыкающихся, въ стѣнкахъ плеватальнаго пузыря нѣкоторыхъ рыбъ и т. д. Серебристый блескъ нѣкоторыхъ рыбъ зависитъ именно отъ гуанина; отъ него же зависятъ и бѣлыя пятна кожи различныхъ амфибій.

До сихъ поръ мы разсматривали тѣ случаи, когда окраска обуславливается присутствіемъ какого-либо вещества, преимущественно пигмента, цвѣтъ котораго и есть цвѣтъ данной окраски. Но наиболѣе великолѣпныя краски животныхъ — именно тѣ, которыя менѣе всего зависятъ отъ пигментовъ, а обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно сложному преломленію и отраженію, диффракціи и интерференціи свѣтовыхъ лучей въ перьяхъ, чешуйкахъ, волосахъ и другихъ покровныхъ органахъ животныхъ. Это такъ называемыя *структурныя* краски. Такъ, на примѣръ, голубого пигмента вовсе не бываетъ въ птичьихъ перьяхъ: пигментъ въ голубыхъ перьяхъ бываетъ оранжево-красный или бурый. Если смотрѣть черезъ голубое перо на свѣтъ, то голубой цвѣтъ исчезаетъ; точно такъ же, если мы раздавимъ перо или разотремъ его въ порошокъ, то голубая окраска его пропадаетъ.

*

Это зависитъ отъ того, что при раздавливаніи или растираніи пера разрушается сложная структура кожицы, покрывающей слой пигмента и состоящей изъ тонкихъ пластинокъ и призматическихъ клѣтокъ, покрытыхъ очень частыми и тонкими бороздками. Эта-то структура и обуславливаетъ собою голубой цвѣтъ пера, потому что въ тѣхъ частяхъ его, гдѣ призматическія клѣтки становятся ниже и, наконецъ, исчезаютъ,—исчезаетъ и голубая окраска. По объясненію физиковъ и физиологовъ, роль этой структуры можетъ быть понята, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: если свѣтъ проходитъ черезъ среду, состоящую изъ множества мелкихъ частицъ, раздѣленныхъ промежутками, то не всѣ лучи смѣшаннаго свѣта отражаются равномерно: чѣмъ короче волны, тѣмъ болѣе относительно ихъ величина каждой частицы и тѣмъ сильнѣе отраженіе. Вотъ почему голубые и фіолетовые лучи съ ихъ короткими волнами отражаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ лучи красные и желтые. Кромѣ голубыхъ перьевъ, также и фіолетовыя, а отчасти и зеленыя обязаны своимъ цвѣтомъ преимущественно структурѣ своей кожицы. Структурными красками обуславливаются также и блестящія чешуи нѣкоторыхъ пресмыкающихся, микроскопическія чешуйки бабочекъ, металлическіе отливы разныхъ жуковъ и т. д. Необходимо при этомъ различать объективную и субъективную структурную окраску; объективною окраскою называется такая, которая не зависитъ для нашего глаза ни отъ положенія наблюдаемаго предмета, ни отъ угла паденія на него свѣта; субъективною же окраскою называется та, которая мѣняется для глаза съ измѣненіемъ положенія предмета. Какъ примѣръ субъективной окраски, можно привести иризирующія шейныя и грудныя перья колибри, бабочекъ изъ рода *Arauga*, которыя кажутся то черными, то фіолетовыми или голубыми, смотря по положенію ихъ крыльевъ относительно нашего глаза и т. д. Въ образованіи субъективной окраски принимаютъ участіе явленія интерференціи и диффракціи и, безъ всякаго сомнѣнія, окраска этого сорта производитъ наиболѣе роскошныя и великолѣпныя цвѣта животныхъ. Въ этихъ случаяхъ пигмента иногда можетъ вовсе и не быть, а все великолѣпие красокъ основывается на игрѣ свѣтовыхъ лучей въ тонкихъ пластинкахъ и бороздкахъ. Таковъ, напримѣръ, перламутровый блескъ раковинъ; его чисто структурное происхожденіе было наглядно доказано Брюстеромъ, который отгиснулъ поверхность иризирующаго куска раковины на черномъ сургучѣ: вмѣстѣ съ отпечатавшимися мельчайшими бороздками сургучъ получилъ и перламутровый блескъ.

Частный случай структурной (и нерѣдко субъективной) окраски

представляетъ такъ называемая *хроматофорная окраска*. Подъ именемъ *хроматофоръ* разумѣются спеціальныя клѣтки, содержащія пигментъ и расположенныя въ кожѣ животныхъ. Клѣтки эти обыкновенно имѣютъ много отростковъ и подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія животнаго окраска измѣняется при посредствѣ именно этихъ клѣтокъ. Прежде представляли себѣ дѣятельность хроматофоръ въ такомъ видѣ, что клѣтки эти могутъ сокращаться, втягивая свои отростки, или же, наоборотъ, выпускать эти отростки далеко, черезъ что цвѣтныя пятна занимаютъ большую площадь. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ выходитъ, что форма хроматофоръ, собственно, остается неизмѣнною, а перемѣщается только пигментъ, который или сосредоточивается къ центру клѣтки, или распространяется по ея отросткамъ. Какъ бы то ни было, дѣло въ томъ, что при посредствѣ хроматофоръ измѣняется распределеніе пигмента въ кожѣ; поверхъ хроматофоръ лежатъ разнообразно преломляющіе и отражающіе свѣтъ слои кожи, структура которыхъ сообщаетъ окраскѣ, съ своей стороны, извѣстный характеръ. Такимъ образомъ взаимодействіемъ этихъ двухъ факторовъ получается явленіе измѣнчивой, иногда переливающейся радужными цвѣтами окраски, которое мы наблюдаемъ у различныхъ животныхъ. Очень интересна игра хроматофоръ у нѣкоторыхъ рыбъ. У древнихъ римлянъ, напримѣръ, была въ большомъ почетѣ морская рыба, водящаяся и у насъ въ Черномъ морѣ и называемая по-русски *барбуномъ* или *султанкою* (*Mullus barbatus*) Цѣнилось (тысячами сестерцій!) не только вкусное мясо этой рыбы, но и та игра цвѣтовъ, которую она плѣняла взоры прекрасныхъ римлянокъ при своемъ умираиіи. Барбуновъ ставили въ большихъ сосудахъ на обѣденные столы и тотчасъ послѣ смерти рыбы несли ее на кухню для приготовленія, потому что мясо ее легко портится. «Нѣтъ ничего прекраснѣе, — говоритъ Сенека, — какъ зрѣлище умирающаго барбуна! Онъ борется съ приближающею смертью и эти усилія распространяютъ по его тѣлу роскошный пурпуровый блескъ, который постепенно блѣднѣетъ, переливаясь самыми удивительными и великолѣпными оттѣнками». Умирающіе *головоногіе моллюски* (напримѣръ, каракатица, вынутая изъ воды), также обнаруживаютъ игру хроматофоръ, выражающуюся и при жизни, если животное чѣмъ-либо сильно возбуждено. Здѣсь смѣняются другъ друга разнообразныя металлическіе оттѣнки, — отъ блестящаго мѣдно-краснаго до зеленаго или серебристо-голубого. Но самый классическій примѣръ хроматофорной окраски представляетъ собою *хамелеонъ*, подробно изслѣдованный въ этомъ отношеніи знаменитымъ физиологомъ Брюкке. Хамелеонъ — без-

обиднѣйшая африканская ящерица, питающаяся насѣкомыми и въ Испаніи содержимая иногда въ неволѣ, въ комнатахъ, какъ для истребленія мухъ, такъ и для забавы. «Совершенно несправедливо (говоритъ Брюкке) представляли хамелеона олицетвореніемъ обмана и переменчивости: это, напротивъ, самое откровенное животное, потому что всѣ его внутреннія возбужденія отражаются тотчасъ же на кожѣ всего его тѣла... Въ спокойномъ состояніи эти животныя вообще довольно свѣтлой окраски; но на кожѣ появляются тотчасъ же самые разнообразные узоры, когда хамелеоны съ жадностью приближаются къ своей добычѣ, или когда онѣ ссорятся между собою или что-либо ихъ беспокоитъ». Хамелеонъ имѣетъ, по Брюкке, два основныя цвѣта съ переливами, зависящими отъ строенія эпидермиса. Основныя цвѣта—бѣлый или желтый (въ тѣни) и темно-бурый или черный (на солнцѣ), переливы же даютъ голубой, зеленый и красный цвѣтъ. Если отравить животное стрихниномъ, то оно по всей поверхности получаетъ свѣтлую окраску, такъ какъ стрихнинъ заставляетъ сильно сокращаться протоплазму клѣтокъ и собираетъ пигментъ хроматофоръ въ ихъ центру; если же сдѣлать разрѣзъ въ кожѣ (напр., спины), то получается черное пятно съ расходящимися отъ него древовидными фигурами: очевидно, что группы клѣточекъ, отдѣленныя перерѣзкою отъ подходящихъ къ нимъ нервныхъ волоконъ, парализуются и не могутъ концентрировать своего пигмента. Хроматофоры, слѣдовательно, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, находятся въ прямой связи съ нервной системой и подъ ея вліяніемъ.

Но довольно о матеріальной сущности окраски животныхъ: мы разсмотрѣли всѣ ея важнѣйшіе сорта. Спросимъ теперь себя: каково фізіологическое и біологическое значеніе окраски, въ чемъ состоитъ,—говоря житейскимъ языкомъ,—цѣль ея?

Здѣсь мы должны прежде всего различать двѣ стороны дѣла: во-первыхъ, значеніе окраски для самого организма, какъ недѣлимаго, и, во-вторыхъ, значеніе ея для живого существа по отношенію къ другимъ организмамъ и вообще къ окружающей средѣ, съ которою каждый индивидъ ведетъ активную или пассивную борьбу.

Первая изъ этихъ сторонъ — чисто фізіологическое значеніе окраски—мало разработана до сихъ поръ. Очень можетъ быть, что окраска въ этомъ отношеніи во многихъ случаяхъ вообще не имѣетъ большого значенія. Будетъ ли данное животное чернаго, бѣлаго или иного цвѣта, фізіологическіе процессы могутъ совершаться въ немъ съ одинаковою или почти одинаковою пра-

вильностью. Это и доказывается, между прочимъ, многочисленными цвѣтовыми варіаціями, къ которымъ способны многіе виды животныхъ, безъ всякаго, повидимому, ущерба ихъ жизнеспособности. Возьмемъ, на примѣръ, бабочку-монашенку (*Liparis monacha*), столь много заставившую говорить о себѣ въ послѣдніе годы вслѣдствіе поврежденій, нанесенныхъ ея гусеницами гѣсамъ средней Европы. Окраска этой бабочки бѣлая съ черными узоромъ, и можно подобрать всевозможныя варіаціи отъ почти совершенно бѣлыхъ экземпляровъ до такихъ, у которыхъ чернаго цвѣта больше, чѣмъ бѣлаго; нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы эти варіаціи окраски имѣли какое-нибудь фізіологическое значеніе для бабочки. И такихъ примѣровъ можно было бы привести много. Съ другой стороны, немногочисленные факты, приводимые въ пользу прямаго фізіологическаго значенія окраски, недостаточно обоснованы. Такъ, нѣкоторые указываютъ, будто бы *альбиносы*, т. е. люди или животныя, лишеныя пигментовъ, отличаются слабостью, легкою ранимостью кожи, психическими недостатками и т. д. Но, во-первыхъ, эти утвержденія не доказаны, и несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, многіе альбиносы пользуются полнымъ физическимъ здоровьемъ; во-вторыхъ, альбинизмъ не есть, собственно, родъ окраски, а лишь *отсутствіе* окраски, вслѣдствіе недоразвитія пигмента отъ какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ. Другой примѣръ прямой пользы окраски приводится однимъ англійскимъ орнитологомъ М. Эльдоуи. Онъ утверждаетъ, что синій или зеленый пигментъ скорлупы птичьихъ яицъ служитъ для поглощенія солнечныхъ лучей и умѣряетъ ихъ дѣйствіе на развивающееся содержимое яйца. Въ подтвержденіе этой теоріи, авторъ ея приводитъ, съ одной стороны, ярко окрашенныя яйца европейскихъ дроздовъ, завирушекъ и воронъ, съ яркимъ зеленоватосинимъ фономъ, по которому разбросаны крапины, а съ другой — слабо окрашенныя зеленоватыя яйца коноплянки, зеленушки и др.; первыя изъ названныхъ птицъ кладутъ яйца, когда деревья еще лишены листьевъ или бѣдны листвою, а вторыя — когда листва уже вполне развита и болѣе защищаетъ яйца отъ солнечныхъ лучей, дѣлая ненужнымъ сильное развитіе пигмента. Съ этой точки зрѣнія объясняется и присутствіе зеленого пигмента подъ наружнымъ бѣлымъ слоемъ скорлупы яицъ баклановъ, вслѣдствіе чего эти яйца кажутся бѣлыми: иначе его присутствіе, по мнѣнію нашего автора, необъяснимо. Однако, эта теорія нуждается еще въ подтвержденіи, а есть и прямо противорѣчащіе ей факты. Почему, на примѣръ, у горихвостки яйца ярко-голубыя, хотя они всегда лежатъ въ темнотѣ, защищеныя отъ солнечныхъ лучей, такъ какъ эта птичка устраиваетъ свое гнѣздо въ дуплѣ, въ какой-нибудь глубокой расщелинѣ и т. п.?

Гораздо лучше разработанъ вопросъ объ общебіологическомъ значеніи окраски, о значеніи ея въ видовой жизни организмовъ, т. е. въ жизни не отдѣльныхъ недѣлимыхъ, а породъ или видовъ животныхъ. Здѣсь мы, дѣйствительно, знаемъ множество фактовъ, доказывающихъ высокую біологическую цѣнность нѣкоторыхъ сортовъ окраски. Это значеніе окраски—уже не прямое, а косвенное, какъ одного изъ оружій организма въ борьбѣ за существованіе. Эти сорта окраски выработались и укрѣпились при помощи *естественнаго подбора* (т. е. путемъ вымиранія иначе окрашенныхъ особей), по крайней мѣрѣ, мы не можемъ объяснить ихъ себѣ безъ этой теоріи. Едва ли нужно упоминать, что самое *происхожденіе* той или другой окраски дано не естественнымъ подборомъ, а иными (неизвѣстными) факторами; естественный же подборъ только удерживалъ, упрочивалъ и накоплялъ выгодныя для организма цвѣтныя варіаціи. Относящіяся сюда весьма многочисленныя и разнообразныя явленія извѣстны подъ общимъ именемъ *охранительной* или *покровительственной окраски* и состоятъ въ томъ, что животное или окрашено въ цвѣтъ окружающей среды, или раздражаетъ своими красками и формою одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ, которые не подвергаются тѣмъ опасностямъ, какимъ можетъ подвергнуться само данное животное. Такъ, зеленый кузнечикъ незамѣтенъ въ зелени куста, на которомъ онъ сидитъ; бѣлая куропатка незамѣтна на снѣгу, многія ночныя бабочки или мухи—на корѣ; нѣкоторые жуки необыкновенно похожи на сѣмена, нѣкоторыя беззащитныя бабочки—на хорошо вооруженныхъ осъ и т. д. Очевидно, что такое сходство съ посторонними предметами выгодно для данныхъ животныхъ, почему эта окраска и названа охранительною. Объ этомъ родѣ окраски существуетъ обширная литература; очень много примѣровъ ея находится, напр., въ трудахъ Уоллеса и Бэтса *).

Мы здѣсь приведемъ нѣсколько примѣровъ, такъ-называемой, *угрожающей* охранительной окраски, пользуясь матеріаломъ, собраннымъ въ статьяхъ нашего извѣстнаго энтомолога І. А. Порчинскаго, подъ заглавіемъ: «Гусеницы и бабочки С.-Петербургской губерніи».

Извѣстенъ фактъ, что огромное большинство насѣкомоядныхъ птицъ пренебрегаютъ волосатыми гусеницами. Причина этого, по видимому, та, что многія изъ волосатыхъ гусеницъ ядовиты, т. е. волоски ихъ, обламываясь и вонзаясь въ кожу или въ слизистыя оболочки животныхъ и человѣка, производятъ сильное раздраже-

*) См. «Міръ Божій» 1894 г., № 8, статья «Мимикрія», г. Вольке.

не и даже воспаленіе данныхъ органовъ. Поэтому и тѣ волосатыя гусеницы, которыхъ волоски не имѣютъ такого вредоноснаго свойства, подозрительны для птицъ уже вслѣдствіе одной своей волосатости, и птицы остерегаются употреблять ихъ въ пищу. Подобныя же явленія замѣчаются и относительно нѣкоторыхъ *голыхъ* личинокъ, куколокъ и взрослыхъ насекомыхъ. Многія изъ нихъ оказываются непригодными въ пищу птицамъ вслѣдствіе своей способности выдѣлять изъ своей кожи или изъ пищеварительнаго канала жидкую жидкость, обыкновенно желтоватаго цвѣта; другія этой способности не имѣютъ, но зато по тѣлу ихъ разбросаны желтоватыя пятна, или же временно показываются, при вѣшнемъ раздраженіи, желтоватые или красноватые железистые выросты кожи, въ спокойномъ состояніи втянутые внутрь. Изъ числа насекомыхъ, выпускающихъ желтоватую или бѣловатую ядовитую жидкость, можно указать, напр., божьихъ коровокъ (*Coccinellidae*), жуковъ маекъ (*Meloe*), личинокъ нѣкоторыхъ пилильщиковъ (*Tenthredinidae*) и т. д. Типичный примѣръ угрожающей окраски съ желтыми пятнами, напоминающими капельки жидкости, представляютъ гусеницы ночныхъ бабочекъ изъ рода *Cisullia*; общій фонъ тѣла ихъ—бѣлый, но по нему разбросаны черныя и желтыя пятна и точки (рис. 1). Гусеницъ этихъ птицы отказываются ѣсть, тогда какъ соотвѣтственныя бабочки (имѣющія другую—сѣрую—окраску) охотно поѣдаются птицами. Тотъ же типъ окраски свойственъ и гусеницамъ нѣкоторыхъ

Рис. 1. Гусеница *Cisullia campariellae*. другихъ семействъ, напр., *пестрянокъ* (*Zygaenidae*), а также встрѣчается и въ другихъ отрядахъ насекомыхъ, напр., у личинокъ пилильщиковъ. Такъ, у личинки *Lophyrus similis*, живущей на соснѣ, бѣловатое или сѣровато-бѣлое тѣло покрыто черными и желтыми пятнами, «причемъ желтыя пятна находятся на возвышенныхъ бугоркахъ и вапаминаютъ капли желтой жидкости, выступившія изъ тѣла личинки». Очень интересны личинки другого пильщика—*Nematus septentrionalis*, живущія на листовныхъ деревьяхъ (береза, ольха). Онѣ также бѣловатаго цвѣта съ черными пятнами, а брюшныя ноги ихъ окрашены въ яркій желтый цвѣтъ. Если потревожить такихъ личинокъ, то онѣ поднимаютъ всю заднюю часть тѣла вверхъ и впередъ, держась на листѣ только передними ногами и изгибаясь въ видѣ вопросительнаго знака, такъ что нижняя сторона тѣла, съ желтыми ногами, обращается наружу. Но одинъ изъ самыхъ паразитическихъ примѣровъ разсматриваемой окраски встрѣчаемъ

мы у куколки одной изъ красивѣйшихъ нашихъ дневныхъ бабочекъ—*тополеваго ленточника* (*Limenitis populi*). Эта куколка, прикрѣпленная къ верхней сторонѣ тополеваго листа, имѣетъ основной цвѣтъ желто-бѣлый, съ многочисленными черными пятнышками. При основаніи ея брюшной поверхности (куколка обращена къ листу своею спинною стороною) находится большой бугоръ оранжево-желтаго цвѣта, блестящій и полупрозрачный, такъ что онъ чрезвычайно напоминаетъ собою большую каплю ярко-желтой жидкости, выступившей изъ брюшка (рис. 2). Слѣдующіе за этимъ

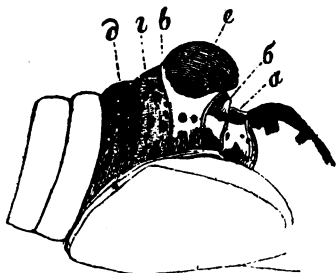

Рис. 2. Средняя часть куколки *Limenitis populi*: а, б—грудныя кольца, в, г, д—переднія брюшныя кольца, е—бугоръ.

бугромъ (къ головному концу куколки, висящему внизъ) членики какъ бы вдавлены и блестятъ, какъ будто покрыты лакомъ. «Мысль, выраженная природою на этой куколкѣ,—говоритъ г. Порчинскій,—очевидна и заключается въ слѣдующемъ. Открытое положеніе, величина и яркая окраска куколки должны были обратить на себя вниманіе насѣкомоядныхъ животныхъ, напр., птицы. Когда послѣдняя, желая съѣсть куколку, приступила къ исполненію своего намѣренія и разрушила верхнюю часть перваго (брюшнаго) кольца, то оттуда выступило внутреннее содержимое и отчасти разлилось по передней части куколки, а главная часть его образовала полупрозрачный желтый выступъ. Но содержимое это оказалось непригоднымъ въ пищу и куколка въ такомъ положеніи оставлена была врагомъ, нарушившимъ ея покой и цѣлость. Я многимъ показывалъ живую куколку *Limenitis populi* на разстояніи и всѣ, безъ исключенія, принимали выступъ или за высунувшееся содержимое раздавленной куколки, или за каплю меда и т. п.». Опыты надъ кормленіемъ птицъ этою куколкою дали отрицательный результатъ: птицы ея не ѣдятъ.

Этотъ примѣръ, какъ и другіе, отчасти приведенные нами выше, раскрываетъ намъ тайну бѣлой съ желтымъ (и чернымъ) окраски и объясняетъ, почему эта окраска такъ распространена у насѣкомыхъ (особенно у личинокъ и куколокъ) различнѣйшихъ семействъ и отрядовъ. Окраска эта—угрожающая вывѣска ядовитости. Сюда же примыкаетъ и еще одинъ крайне интересный родъ окраски насѣкомыхъ,—глазчатая пятна, встрѣчающіяся, напримѣръ, на крыльяхъ нѣкоторыхъ бабочекъ. Кто изъ коллекторовъ не знаетъ великолѣпнаго *павлиньяго глаза* (*Vanessa Jo*),

громадной грушевой сатурнии (*Saturnia pyri*), эффектной рыжей Агліи (*Agria Tau*)? У всѣхъ этихъ бабочекъ находится по срединѣ каждаго крыла красивый «глазокъ» съ свѣтлымъ центромъ, частью голубой и окаймленный чернымъ цвѣтомъ. Подобныя же глазчатыя пятна мы найдемъ на крыльяхъ бабочекъ изъ семейства *Satyridae* (рис. 3), *Lysaeidae* и др. и у нѣкоторыхъ гусеницъ. Какъ объяснить себѣ значеніе этого, также, какъ мы видимъ, весьма распространеннаго рода окраски? Оказывается, что мы и здѣсь можемъ свести эти пятна къ каплямъ ядовитой жидкости, какъ будто выступающей наружу. Черный цвѣтъ, окаймляющій желтыя пятна только-что рассмотрѣнныхъ нами случаевъ окраски, обозначаетъ собою хитиновую пластинку или бугорокъ, чрезъ отверстіе которыхъ выступаетъ охранительная жидкость.

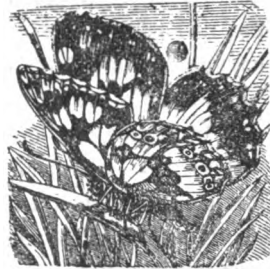

Рис. 3. *Arge Galathea*, съ многочисленными глазками на крыльяхъ.

«Представимъ себѣ,—говорить г. Порчинскій,—обыкновенную хитиновую пластинку съ маленькимъ бугоркомъ, въ центрѣ котораго выступила капля охранительной жидкости (рис. 4а). Если мы посмотримъ на пластинку сверху, нашимъ взорамъ представится круглое пятно желтаго цвѣта (если жидкость того же цвѣта), которое равномерно, какъ кольцомъ, окаймлено чернымъ цвѣтомъ пластинки, выступающей равномерно за предѣлы жидкой капли (рис. 4б)». «Въ глазчатыхъ пятнахъ природа стремится выразить первоначальный ихъ источникъ, придавая имъ такую виѣшность, которая отвѣчаетъ главнѣйшимъ физическимъ свойствамъ жидкой капли. На плоской поверхности тѣла гусеницы или крыльевъ бабочки природа рисуетъ шарообразную каплю охранительной жидкости совершенно такъ же, какъ изображаютъ художники шаръ на плоской бумагѣ». Опыты показали, что птицы ѣдятъ бабочекъ съ глазчатыми пятнами на крыльяхъ только тогда, если эти крылья предварительно оборваны. Читатель согласится, конечно, что только-что приведенныя нами наблюденія и обобщенія представляютъ глубокий интересъ. Они осмысливаютъ, какъ бы одухотворяютъ цѣлый рядъ явленій, которыя раньше были совершенно необъяснимы, играя роль какихъ-то странныхъ курьезовъ или капризовъ природы. Всякій мыслящій человекъ не можетъ не признать съ благодарностью заслугъ науки, раскрывающей передъ нимъ тайны явленій обыденныхъ, попадающихся на каждомъ шагѣ,—и все-таки до по-

Рис. 4. а—бугорокъ съ выступающею каплею жидкости сбоку, б — тоже сверху.

слѣдяго времени казавшихся совершенно непонятными, загадочными.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ охранительной окраскѣ, рассмотримъ еще нѣсколько примѣровъ *охранительнаго значенія хроматофора*. Въ тѣхъ случаяхъ, которые мы разсмотрѣли выше (барбунъ, каракатица, хамелеонъ), игра хроматофора являлась лишь выраженіемъ внутреннихъ ощущеній и волненій животного, не имѣя для него никакого охранительнаго значенія. Но есть случаи хроматофорной окраски, въ которыхъ животное съ помощью своихъ пигментныхъ клѣтокъ прекрасно приспособляется къ окраскѣ окружающей среды. Это доказано точными наблюденіями относительно нѣкоторыхъ рыбъ и другихъ животныхъ. Такова, напр., водящаяся въ разныхъ европейскихъ моряхъ рыба, называемая *морскимъ* или *колючимъ бычкомъ* (*Cottus scorpio*). «Я положилъ,—говоритъ одинъ нѣмецкій ученый,—морского бычка, который былъ сверху красновато-бураго цвѣта, въ акварій съ сѣрымъ дномъ и въ теченіе получаса спина его приняла равномерный сѣрый цвѣтъ. Тогда я положилъ вокругъ него разноцвѣтные камешки, и вскорѣ на кожѣ моей рыбы выступили пятна соответственныхъ цвѣтовъ». Очевидно, что такая измѣнчивость окраски выгодна для морского бычка, дѣлая его незамѣтнымъ какъ для его враговъ, такъ и для его добычи, которую онъ можетъ удобно подстергать, лежа на днѣ. Подобной же способностью измѣнять свою окраску обладаетъ камбала. Французскій изслѣдователь Пупе, изучая камбалъ въ этомъ отношеніи, положилъ нѣсколько экземпляровъ на бѣлое песчаное дно. Спустя короткое время, всѣ рыбы побѣлѣли, кромѣ одной, которая сохранила свою буроватую окраску; оказалось, что эта рыба была слѣпа. Отсюда было уже ясно, что измѣненія хроматофора происходятъ при участіи органа зрѣнія, который находится съ ними въ сложной связи чрезъ посредство нервной системы. Дальнѣйшія экспериментальныя изслѣдованія вполнѣ подтвердили это. Оказалось, что и другія животныя, напр., рачекъ *Idothea entomon*, обладаютъ такою же цѣлесообразною игрою хроматофора; если этому рачку замазать глаза непрозрачною массою, то онъ теряетъ способность мѣнять свою окраску. Слѣдовательно, приспособительная окраска съ помощью хроматофора принадлежитъ къ разряду сложныхъ рефлекторныхъ дѣйствій, т. е. такихъ дѣйствій, при которыхъ организмъ, вслѣдствіе раздраженія извѣстныхъ органовъ чувствъ, произвольно, роковымъ образомъ отвѣчаетъ сокращеніемъ мышцъ, выдѣленіемъ жезъ, сокращеніемъ клѣточной плазмы и проч.

Кромѣ охранительнаго значенія, окраска животныхъ можетъ

служить и для другихъ біологическихъ цѣлей. Извѣстно, напр., что во многихъ отдѣлахъ животнаго царства самецъ отличается отъ самки различными признаками, въ томъ числѣ и окраскою. Въ большинствѣ случаевъ самецъ бываетъ окрашенъ ярче, чѣмъ самка; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить нѣкоторыхъ изъ нашихъ пѣвчихъ птицъ или различныхъ насѣкомыхъ. Чижъ и чижовка, клестъ (красный) и клестовка (желто-сѣрая), зябликъ и зяблица и многія другія птицы могутъ служить здѣсь общеизвѣстными примѣрами. Очень развиты различія самца отъ самки у куриныхъ птицъ, напр., павлинъ и пава, индѣйскій пѣтухъ и индюшка и т. д. Если мы захотимъ взять примѣръ изъ міра насѣкомыхъ, то намъ стоитъ только вспомнить обыкновеннѣйшихъ бабочекъ изъ семейства *Lyscaenidae*, порхающихъ по лугамъ и лѣснымъ дорогамъ: у этихъ маленькихъ бабочекъ самцы часто бываютъ (сверху) прелестнаго небесно-голубого цвѣта, а самки—бурыя или черныя. Такихъ примѣровъ можно было бы привести многое множество. Превосходство самца по окраскѣ надъ самкою объясняется различно. Нѣкоторые ученые объясняютъ это своего рода подборомъ, причѣмъ необходимо допустить, что самки выбираютъ наиболѣе красивыхъ самцовъ, и потому-то красивая окраска и передается по наслѣдству преимущественно мужскому полу; другіе же изслѣдователи отказываются предположить эстетическія чувства не только у высшихъ, но и у низшихъ животныхъ и предпочитаютъ объяснять красоту самцовъ большимъ накопленіемъ у нихъ пластическаго матеріала, такъ какъ физиологическія траты у самца меньше, чѣмъ у самки, которая должна вынашивать яйца, снабжать ихъ питательнымъ желткомъ и проч. Какъ бы то ни было, но окраска, безъ сомнѣнія, играетъ видную роль въ половой жизни животныхъ.

Мы разсмотрѣли разные случаи біологическаго значенія окраски. Но интересъ разсматриваемой нами сложной группы явленій этимъ еще не исчерпывается; напротивъ, чѣмъ больше ее изучаютъ, тѣмъ больше открывается новыхъ перспективъ, новыхъ точекъ зрѣнія. Такъ, напр., въ послѣднія два десятилѣтія выяснилось, что окраска животныхъ имѣетъ немаловажное филогенетическое значеніе, т. е. можетъ служить для выясненія происхожденія видовъ, степени ихъ родства съ другими видами и для оцѣнки ихъ относительной древности или новизны. Раскрытіемъ этого значенія окраски мы обязаны, главнымъ образомъ, трудамъ нѣмецкаго ученаго Эймера.

Законность въ постепенной смѣнѣ одной окраски другою была замѣчена Эймеромъ, прежде всего, при изслѣдованіи разныхъ ва-

ріацій такъ называемою *стѣнной ящерицы* (*Lacerta muralis*), во множествѣ водящейся на скалахъ по побережью Средиземнаго моря (во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи). Разныя видоизмѣненія этой пестрой ящерицы получили особыя названія; такъ, разновидность, покрытая продольными полосами, называется *Lacerta striata*, пятнистая разновидность *L. maculata*, одноцвѣтная (буровато желтая)—*L. modesta*, красивая зеленая варіація—*L. elegans* и т. д. Общій фонъ ящерицы, большею частью, сѣрый или бурый, а пятна и полосы болѣе темнаго оттѣнка; брюхо свѣтлое. Изучивъ эти варіаціи на множествѣ экземпляровъ и найдя между ними постепенные переходы, Эймеръ пришелъ къ заключенію, что всѣ формы окраски стѣнной ящерицы могутъ быть сведены къ продольной полосатости, которая и является исходною, наиболѣе древнею формою, а остальные представляютъ ея видоизмѣненія. Такъ, если полосы распадутся на части, то возникаетъ пятнистая окраска; если теперь пятна сольются поперечными рядами, то возникаетъ поперечная полосатость. Наконецъ, пятна и полосы могутъ исчезнуть, сливаясь съ общимъ фономъ. Самецъ варьируетъ и удаляется отъ исходнаго типа болѣе, чѣмъ самка, которая является, такимъ образомъ, консервативнѣе самца; что же касается дѣтенышей, то у нихъ продольная полосатость бываетъ выражена наиболѣе постоянно и только съ возрастомъ можетъ перейти, мало-по-малу, въ другую окраску, повторяя, при этомъ, ходъ племеннаго развитія. При этой перемѣнѣ окраски измѣненіе ея начинается съ задняго конца тѣла и постепенно передвигается къ переднему. Что приложимо къ ящерицамъ, приложимо и къ другимъ животнымъ. Возьмемъ, на примѣръ, отрядъ хищныхъ млекопитающихъ (*Carnivora*). Древнѣйшими изъ нихъ, по многимъ признакамъ, являются виверры (*Viverridae*)—своеобразные ночные хищники, нѣсколько напоминающіе по виду кошекъ (рис. 5) и водящіеся въ Африкѣ, на Мадагаскарѣ и въ Южной Азіи (немногіе виды встрѣчаются и въ Южной Европѣ). У нихъ окраска бываетъ или чисто продольнополосатая (у одного мадагаскарскаго вида), или пятнистая, или даже образуетъ поперечныя полосы. У другихъ хищныхъ млекопитающихъ продольная полосатость или совсѣмъ исчезла (медвѣди, псовыя), или сохраняется только отчасти (напр., на лбу у кошекъ). Пятнисты, какъ извѣстно, многіе виды хищныхъ, напр., леопарды, ягуары, гіены, столь же часты и поперечнополосатыя формы, напр., тигръ. Взрослый левъ одноцвѣтенъ, но львята имѣютъ поперечныя полосы и пятна; также пятнисты и дѣтеныши одноцвѣтнаго пумы. Наша домашняя кошка на спинѣ сохраняетъ слѣды продольной полосатости, а на бокахъ ея верѣдко весьма ясно вы-

ражены поперечныя полосы. Замѣчательно, что европейская дикая кошка ушла въ отношеніи окраски дальше отъ прародительскаго типа, чѣмъ домашняя: у дикой кошки поперечная полосатость очень мало выражена. Въ этомъ натуралисты видятъ одно изъ доказательствъ видоваго различія домашней и дикой европейской кошки.

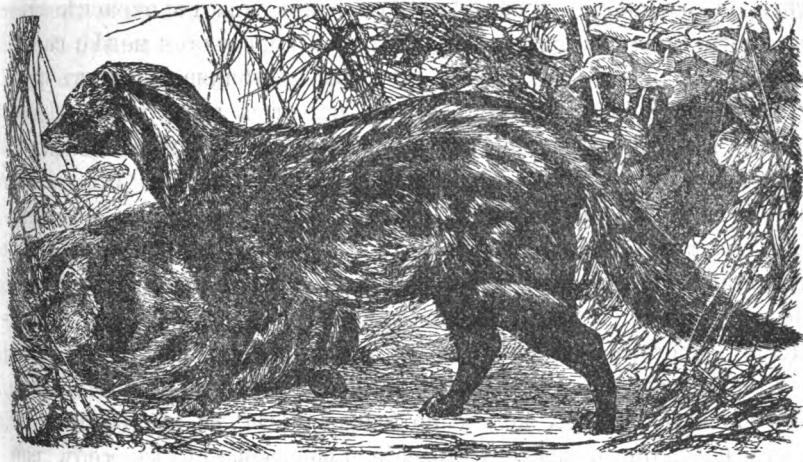

Рис. 5. Африканская виверра. *Viverra civetta*.

Очень интересно прослѣдить подобную же законность развитія окраски у другихъ млекопитающихъ, напр., у лошадей (Equidae). Зебра знаменита своею полосатостью; на лбу у нея еще сохраняются продольныя полосы. Квагга (*Equus quagga*) уже имѣетъ поперечныя полосы только на шеѣ (на лбу у нея есть продольныя полоски). Домашнія лошади и ослы уже одноцвѣтны и сохраняютъ развѣ только слѣды древней окраски, напр., продольную полосу на спинѣ. Если мы обратимся къ семейству оленей, то увидимъ, что, напр., индійскій олень *аксисъ* (*Cervus axis*) весь усѣянъ бѣлыми пятнами, у нашей лани (*Cervus dama*) пятна уже обозначены слабѣе, а *благородный олень* (*Cervus elaphus*) одноцвѣтенъ, и только дѣтеныши его имѣютъ бѣлыя пятна. Точно также мы замѣчаемъ продольную полосатость у дѣтенышей кабана или тапира; во взросломъ состояніи она совершенно исчезаетъ. Если перейдемъ отъ млекопитающихъ къ птицамъ, то и здѣсь увидимъ, что, напр., у молодыхъ ястребовъ есть на груди продольныя полоски, которыя потомъ распадаются на удлиненныя пятна и, наконецъ, уступаютъ мѣсто поперечной полосатости. Тотъ же законъ господствуетъ и среди безпозвоночныхъ животныхъ и былъ подтвержденъ Эймеромъ на бабочкахъ изъ рода *Papilio*, а Вейсманномъ—на гусеницахъ бражниковъ (*Sphingidae*). Словомъ, оказывается, что окраска является, до извѣстной степени, генеалогиче-

скимъ документомъ: на поверхности животнаго природа какъ бы записываетъ нѣкоторыя главы изъ его исторіи.

Въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ явленій животной окраски мы, разумѣется, могли привести только малую долю относящихся сюда фактовъ, но и изъ этого незначительнаго матеріала нельзя не видѣть, какое многостороннее значеніе принадлежитъ окраскѣ. Кажется бы, что можетъ быть въ животномъ организмѣ менѣе важно, чѣмъ его окраска? Не она ли настолько измѣнчива, что въ ряду классификационныхъ признаковъ ей отводится чуть не послѣднее мѣсто? Не она ли во многихъ случаяхъ можетъ измѣняться въ широкихъ предѣлахъ безъ всякаго видимаго ущерба для жизни и благополучія организма? И дѣйствительно, долгое время натуралисты мало интересовались окраскою животныхъ, предоставляя дилеттантамъ-любителямъ восхищаться ея эстетическою стороною. Но въ настоящее время десятки изслѣдователей заняты изученіемъ вопросовъ, относящихся къ окраскѣ, и каждый годъ работы ихъ обогащаютъ науку новыми, цѣнными фактами и обобщеніями. Спрашивается: почему же именно только теперь, въ послѣдніе годы, этотъ рядъ біологическихъ явленій приковываетъ къ себѣ вниманіе естествоиспытателей? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: потому, что только въ новѣйшемъ, генетическомъ періодѣ своего развитія зоологія стала разсматривать животный организмъ не какъ нѣчто вырванное изъ остальной природы, а какъ живое цѣлое, находящееся въ сложномъ соотношеніи съ окружающимъ міромъ. Только въ новѣйшее время мы научились смотрѣть на каждую форму *исторически*,—и названіе *естественная исторія* получило только съ этихъ поръ свое полное значеніе. Мы разсматриваемъ теперь каждую животную форму, каждое явленіе, какъ неизбѣжный результатъ всей суммы предшествовавшихъ формъ и явленій, все время находившихся въ гармоническомъ соответствіи съ окружающею средою, подвергаясь ея вліяніямъ, причемъ внутренніе законы развитія комбинировались съ вѣшними воздѣйствіями. Только при такомъ взглядѣ на дѣло выяснилось, что въ организмѣ нѣтъ, собственно говоря, ничего второстепеннаго, ничего малозначущаго, потому что все развилось по вѣчнымъ законамъ природы, постепенное раскрытіе которыхъ составляетъ для ученаго неизсякаемый источникъ самаго высокаго наслажденія, самыхъ дорогихъ и чистыхъ впечатлѣній, какія только доступны человѣку.

Одинъ изъ выдающихся современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, д-ръ Гааке (авторъ новой, имѣвшей очень мало успѣха, теоріи наследственности) находитъ, что современные біологи чересчуръ

уходятъ въ мелкія спеціальности и, вслѣдствіе общаго направленія науки, почти не имѣютъ возможности сдѣлаться болѣе многосторонними. «Мы должны,—воскликаетъ онъ,—возвратиться къ старой зоологіи и ботаникѣ, которыя болѣе интересовались изученіемъ цѣлыхъ животныхъ и растений, чѣмъ частей ихъ!» Этотъ призывъ г-на Гааке, конечно, не можетъ возымѣть дѣйствія уже по той простой причинѣ, что «исторія не повторяется»; но нужно ли доказывать, что современная біологическая наука не заслуживаетъ этого упрека? Раздѣленіе по спеціальностямъ, конечно, идетъ все далѣе и далѣе; недавно народилась, напримѣръ, цѣлая новая спеціальная наука—*цитологія* (занимающаяся изученіемъ животной и растительной клѣтки); иначе и быть не можетъ при быстромъ и постоянномъ ростѣ знанія. Раздѣленіе труда—непреложный законъ всякаго развитія, одинаково приложимый какъ къ постепенному самосозиданію организма, такъ и къ возникновенію и совершенствованію человѣческихъ обществъ и къ прогрессу науки. Но вмѣстѣ съ этою спеціализаціею не ослабляется а скорѣе усиливается связь отдѣльныхъ вѣтвей біологіи между собою. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, зоотомія и эмбриологія, напр., представляли собою двѣ отдѣльныя науки, имѣвшія очень мало точекъ соприкосновенія; а въ настоящее время всякое сравнительно-анатомическое изслѣдованіе является незаконченною работою, пока оно не приметъ во вниманіе соотвѣтственныхъ данныхъ эмбриологіи или вообще исторіи развитія. Разсматривая вопросъ объ окраскѣ животныхъ, мы видѣли, какъ помогаютъ здѣсь одна другой разныя отрасли біологіи,—фізіологія, фізіологическая химія, общая біологія, анатомія и проч. Далѣе, тѣ отрасли, которыя, дѣйствительно, пока еще мало принимаются во вниманіе при разработкѣ общихъ вопросовъ, напр., зоогеографія (на что горько жалуется г. Гааке), не потому недостаточно эксплуатируются, что находятся въ пренебреженіи, а просто потому, что отрасли эти еще очень молоды и не имѣли времени принять надлежащее участіе въ общемъ движеніи научной мысли. Съ гораздо болѣшимъ правомъ можно утверждать противоположное тому, что утверждаетъ д-ръ Гааке: никогда еще общее научное движеніе не отличалось такою многосторонностію, такимъ единеніемъ разнородныхъ отраслей знанія, какъ въ наше время; и, конечно, плодотворному генетическому принципу принадлежитъ не послѣдняя роль въ этомъ объединеніи наукъ на пути къ одной общей цѣли—возможному выясненію и достиженію истины.

Проф. Н. Холодновскій.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдларда Киплинга и Уольботта Балестривра.

(Продолженіе *).

XV.

Отъ оспы и дурного глаза, отъ роскошнаго свадебнаго пира и отъ доброты моей второй жены да спасутъ боги сына моего.

Индійская поговорка.

Когда Тарвинъ явился на банкетѣ, лицо его горѣло, во рту все пересохло. Онъ его видѣлъ. Оно существовало. Оно не было миеомъ. И онъ его добудетъ; онъ увезетъ его съ собою. М-съ Мѣтри украситъ имъ свою мраморную шею, которая была такъ прекрасна, когда она смѣялась, и Три Компаніи появятся въ Топазѣ. Онъ окажется спасителемъ своего города; народъ выпряжетъ лошадей изъ его кареты и повезетъ его на себѣ по Пенсильванской улицѣ; въ будущемъ году городскіе участки въ Топазѣ станутъ продаваться на вѣсъ золота.

Ради этого стоило ждать, стоило запрудить сотню рѣкъ, стоило цѣлый вѣкъ играть въ пахизи и проѣхать тысячу миль въ телегѣ на буйволахъ.

За банкетомъ, осушая свой стаканъ за здоровье молодаго магараджи Кенвара, онъ повторилъ самому себѣ клятву довести дѣло до конца, даже если оно протянется все лѣто. Его увѣренность въ успѣхъ ослабѣла въ послѣднее время, получивъ нѣсколько ударовъ; теперь, когда ему удалось увидѣть свою награду, ему казалось, что онъ уже держитъ ее въ рукахъ; точно также разсуждалъ онъ и въ Топазѣ. Кэтъ должна принадлежать ему, потому что онъ ее любитъ.

*) См. «Міръ Божій» № 10, октябрь.

На слѣдующее утро онъ проснулся со смутнымъ чувствомъ, что стоитъ на порогѣ великихъ событій; а потомъ послѣ ванны онъ удивился, откуда взялась у него наканунѣ такая увѣренность, такое радостное возбужденіе. Онъ дѣйствительно видѣлъ Наулаку. Но двери храма скрыли отъ него это видѣніе. Онъ спрашивалъ себя даже, существовали ли въ дѣйствительности и храмъ и ожерелье, и среди своего волненія и недоумѣнія не помнилъ, какъ вышелъ изъ гостиницы и очутился на полдорогѣ отъ города. Но когда онъ очнулся, онъ ясно понялъ, куда и зачѣмъ идетъ. Разъ онъ увидалъ Наулаку, онъ рѣшилъ не терять ее болѣе изъ вида. Ожерелье исчезло въ храмѣ. Значитъ, онъ долженъ идти въ храмъ.

Обломки сгорѣвшихъ факеловъ лежали на лѣстницѣ храма вмѣстѣ съ затоптанными цвѣтами и пролитымъ масломъ; гирлянды золотоцвѣта висѣли завядшія и смятыя, на толстыхъ шеяхъ черныхъ каменныхъ 9 быковъ, которые стояли у входа во внутренній дворъ. Тарвинъ снялъ свою бѣлую шляпу (было очень жарко, хотя послѣ восхода солнца прошло всего два часа), откинулъ густые волосы съ своего высокаго лба и оглядывалъ остатки вчерашняго праздника. Городъ еще спалъ послѣ своего праздника, Двери храма были открыты настежь, онъ вошелъ по лѣстницѣ и безпрепятственно вступилъ въ него.

Безформенный четырехголовый богъ Исвара, стоявшій посрединѣ храма, былъ запачканъ и замазанъ пятнами растопленнаго масла и черною копотью куреній. Тарвинъ съ любопытствомъ осматривалъ это изваяніе, почти ожидая, что Наулака виситъ на одной изъ четырехъ шей его. Сзади него, въ болѣе темномъ помѣщеніи храма стояли другія божества, многорукія и многоголовыя, съ поднятыми кверху руками, съ высунутыми языками и съ оскаленными зубами. Вокругъ нихъ были раскиданы остатки разныхъ жертвоприношеній, и, несмотря на полусвѣтъ, Тарвинъ разглядѣлъ на колѣняхъ одного изъ нихъ пятна засохшей крови. Надъ нимъ темная крыша заканчивалась куполомъ и оттуда слышался шорохъ и царапанье летучихъ мышей.

Тарвинъ, сдвинувъ шляпу на затылокъ и засунувъ руки въ карманы, глядѣлъ на изображенія боговъ, осматривался по сторонамъ и тихонько посвистывалъ. Онъ уже цѣлый мѣсяцъ прожилъ въ Индіи, но до сихъ поръ еще ни разу не проникалъ внутрь храма. Стоя тутъ, онъ съ новою силою сознавалъ, насколько жизнь, обычаи и преданія этого страннаго народа были далеки отъ всего, что казалось хорошимъ и правильнымъ ему, Тарвину; онъ чувствовалъ смутную досаду, при мысли, что поклонники этихъ безобразныхъ боговъ владѣютъ ожерельемъ, имѣющимъ силу измѣнить

*

судьбу христіанскаго, цивилизованнаго города, города въ родѣ Топаза.

Онъ зналъ, что если его увидятъ тутъ, его безъ церемоніи прогонятъ за оскорбленіе святыни, и потому спѣшилъ покончить съ осмотромъ; онъ былъ почти увѣренъ, что по небрежности, свойственной этому народу, Наулака гдѣ-нибудь брошена, подобно тому, какъ у женщины, поздно вернувшейся съ бала, брилліанты валяются на туалетѣ. Онъ шарилъ вокругъ и подъ каждымъ идоломъ, а летучія мыши шуршали надъ нимъ. Затѣмъ онъ вернулся къ центральной фигурѣ Исвара и, ставъ на прежнее мѣсто, принялся разглядывать бога.

Ему показалось, что хотя онъ стоитъ на ровномъ полу, но ему почему-то приходится сильно упираться на пальцы ногъ и онъ отступилъ, чтобы сохранить равновѣсіе. Вдругъ плита песчаника, съ которой онъ сошелъ, медленно приподнялась, точно дельфинъ на спокойномъ морѣ, и открыла на секунду темное подполье. Затѣмъ она снова беззвучно легла на свое мѣсто, и Тарвинъ отеръ холодный потъ у себя на лбу. Онъ былъ такъ взбѣшенъ, что если бы нашелъ въ эту минуту Наулаку, отбросилъ бы ее прочь отъ себя. Онъ вышелъ опять на солнечный свѣтъ и мысленно предавалъ страну, гдѣ подобныя вещи были возможны, во власть ея собственныхъ боговъ; худшаго наказанія онъ не могъ для нея придумать. Священникъ, появившійся изъ какого-то таинственнаго убѣжища, вышелъ изъ храма вслѣдъ за нимъ и съ улыбкой посмотрѣлъ на него.

Тарвину захотѣлось вернуться въ дѣйствительный міръ, населенный мужчинами и женщинами, и онъ отправился въ домъ миссіи, гдѣ самъ себя пригласилъ на завтракъ. М. и м-съ Эстетъ держались совершенно въ сторонѣ отъ церемоніи вѣнчанія, но имъ было пріятно послушать, что рассказывалъ о ней Тарвинъ съ точки зрѣнія Топаза. Кэтъ встрѣтила его съ неподдѣльною радостью. Она была сильно взволнована тѣмъ, что Дунпатъ Рам и вся больничная прислуга ушли и бросили свое дѣло. Они отправились смотрѣть на свадебныя торжества и цѣлыхъ три дня не показывались въ больницѣ. Вся работа лежала на ней одной и на дикой женщинѣ изъ пустыни, пришедшей слѣдить за ходомъ леченія мужа. Кэтъ была сильно утомлена и мучилась безпокойствомъ о здоровьи маленькаго принца; она сообщила свои опасенія Тарвину, когда онъ послѣ завтрака увелъ ее на веранду.

— Я увѣрена, что ему теперь нуженъ полный покой,— произнесла она чуть не со слезами.—Онъ пришелъ ко мнѣ послѣ обѣда вчера вечеромъ—я была на женской половинѣ дворца—и плакалъ цѣлые полчаса. Бѣдный ребенокъ! Это жестоко!

— Ну, онъ отдохнетъ сегодня, нечего вамъ волноваться!

— Нѣтъ; сегодня повезутъ его невѣсту назадъ на ея родину, и онъ долженъ ѣхать съ процессіей, провожающей ее, въ самый жаръ. Это страшно утомительно. Что, у васъ не болитъ голова отъ здѣшнихъ жаровъ, Никъ? Я часто думаю о васъ, когда вы сидите тамъ у своей плотины, и не понимаю, какъ вы можете выносить.

— Я многое могу вынести ради васъ, милая дѣвочка,—отвѣчалъ Тарвинъ, смотря ей прямо въ глаза.

— Да почему-же это для меня, Никъ?

— Вы узнаете это когда-нибудь,—увѣрялъ онъ; но ему не хотѣлось говорить о своей плотинѣ, и онъ перевелъ разговоръ на болѣе безопасную тему, на магараджу Кенвара.

На другой и на третій день онъ безцѣльно ѣздилъ верхомъ въ окрестностяхъ храма, не осмѣливаясь опять войти за ограду его, но рѣшившись не спускать съ глазъ то мѣсто, гдѣ онъ въ первый и въ послѣдній разъ видѣлъ Наулаку. Въ настоящую минуту не было возможности добиться разговора съ тѣмъ единственнымъ—не считая короля—живымъ человѣкомъ, который держалъ въ рукахъ его сокровище. Онъ напрасно ожидалъ появленія магараджи Кенвара съ его экипажемъ и долженъ былъ призвать на помощь весь свой запасъ благоразумія, чтобы не сойти съ ума отъ нетерпѣнія. Онъ сильно рассчитывалъ на мальчика; а пока часто заходилъ въ больницу, чтобы узнавать, какъ идутъ дѣла Кэтъ. Измѣнникъ Дунпатъ Раи и его помощники вернулись, но больница была переполнена паціентами: явилась масса зашибленныхъ при безостановочной ѣздѣ королевскихъ экипажей, и одинъ или два случая отравленія, новыхъ въ практикѣ Кэтъ; злоумышленники, подъ предлогомъ пріятельскаго угощенія, давали чело-вѣку ядъ, обирали его и оставляли на большой дорогѣ въ безпомощномъ состояніи.

Тарвинъ, окинувъ проницательнымъ взглядомъ мужскія палаты больницы, содержавшіяся въ образцовомъ порядкѣ, долженъ былъ смиренно сознаться самому себѣ, что въ концѣ концовъ Кэтъ дѣлала въ Раторѣ гораздо лучшее дѣло, чѣмъ онъ. Она работала въ больницѣ не для того, чтобы прикрывать какіе-нибудь болѣе глубокіе и болѣе темные планы, и она имѣла передъ нимъ то неопредѣленное преимущество, что видѣла свою цѣль передъ глазами. Эта цѣль не скрылась отъ нея, появившись на одинъ мигъ; она не находилась подъ охраною таинственнаго духовенства или неосязаемого правительства; она не была запрятана въ храмахъ съ западнями, не висѣла на шеѣ слабого ребенка.

Разъ утромъ, прежде чѣмъ онъ по своему обыкновенію ушелъ на плотину, Кэтъ прислала ему въ гостинницу записочку съ просьбой придти какъ можно скорѣе въ больницу. На одну мимолетную секунду у него явилась мечта о невозможномъ счастьи. Но онъ горько усмѣхнулся своей готовности надѣяться, закурилъ сигару и исполнилъ полученное приказаніе. Кэтъ встрѣтила его на лѣстницѣ и повела въ аптеку.

— Знаете вы, какіе признаки отравленія коноплей?—спросила она взволнованнымъ голосомъ.

Онъ схватилъ обѣ ея руки въ свои и смотрѣлъ на нее дикими глазами.

— Зачѣмъ вамъ? Зачѣмъ? Неужели кто-нибудь осмѣлился?

Она нервно разсмѣялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, не меня, это его.

— Кого?

— Магараджу, ребенка. Теперь я въ этомъ увѣрена.

Она рассказала ему, какъ въ этотъ день утромъ экипажъ, конвой и одинъ туземный сановникъ подѣхали къ дверямъ мисси съ магараджей Кенваромъ, который лежалъ почти безжизненнымъ трупомъ; какъ она сначала приписала его болѣзнь утомленію вслѣдствіе свадебныхъ празднествъ; какъ мальчикъ пришелъ въ себя, но лежалъ съ посинѣлыми губами и провалившимися глазами, и какъ съ нимъ безпрестанно дѣлались судороги до того, что она пришла въ совершенное отчаяніе. Наконецъ, онъ крѣпко заснулъ и она оставила его на попеченіи миссисъ Эстесъ. Она прибавила, что миссисъ Эстесъ считаетъ это возвращеніемъ старой болѣзни маленькаго принца; она видѣла у него два раза такіе припадки до пріѣзда Кэтъ.

— А теперь посмотрите сюда,—сказала Кэтъ, показывая ему больничныи журналъ, въ которомъ были записаны признаки и исторія болѣзни въ двухъ случаяхъ отравленія коноплей, встрѣтившихся ей за послѣднія двѣ недѣли.

— Этихъ людей угостила сладкимъ печеньемъ компанія бродячихъ цыганъ, и всѣ деньги были у нихъ украдены, пока они спали. Прочтите сами.

Торвинъ прочелъ, кусая губы. Затѣмъ онъ бросилъ на нее пронипательный взглядъ.

— Да, — сказалъ онъ, выразительно кивнувъ головой, — да. Ситабхай?

— Кому же больше?—взволнованно отвѣтила Кэтъ.

— Я знаю. Я знаю. Но какъ помѣшать ей? Какъ выяснить дѣло?

— Разскажете магараджѣ!—рѣшительно отвѣчала Кэтъ.

Тарвинъ взялъ ея руку.

— Хорошо, я постараюсь. Но вы понимаете,—у насъ нѣтъ ни тѣни доказательства.

— Не бѣда. Помните о мальчикѣ. Попробуйте. Мнѣ надобно теперь вернуться къ нему.

Они вмѣстѣ отправились въ домъ мисси и по дорогѣ мало говорили. Негодованіе Тарвина при мысли, что Кэтъ можетъ быть замѣшана въ это гадкое дѣло, превращалось почти въ негодованіе противъ самой Кэтъ; но гнѣвъ его сразу исчезъ при видѣ магараджи Кенвара. Мальчикъ лежалъ на кровати въ одной изъ внутреннихъ комнатъ мисси и былъ такъ слабъ, что почти не могъ повернуть головы. Когда Кэтъ и Тарвинъ вышли, миссисъ Эстесъ, только что давшая ему лекарство, встала, сказала нѣсколько словъ Кэтъ о ходѣ болѣзни и возвратилась къ своимъ дѣламъ. На мальчикѣ было надѣто легкое кисейное платье, но его мечъ и поясъ, украшенный драгоценными камнями, лежали въ ногахъ его.

— Салаамъ, сагибъ Тарвинъ,—прошепталъ онъ.—Мнѣ очень жаль, что я заболѣлъ.

Тарвинъ ласково наклонился надъ нимъ.

— Не пытайтесь разговаривать, дружокъ.

— Нѣтъ, мнѣ теперь хорошо,—отвѣчалъ мальчикъ.—Мы скоро поѣдемъ вмѣстѣ кататься.

— А вамъ было очень нехорошо?

— Не знаю. Я былъ во дворцѣ и игралъ съ танцовщицами. Вдругъ я упалъ. А потомъ я ничего не помню и не знаю, какъ очутился здѣсь.

Онъ проглотилъ прохладительный напитокъ, который Кэтъ подавала ему, и снова опустился на подушки; желтая, точно восковая, ручка его играла рукояткой меча. Кэтъ стояла на колѣняхъ подлѣ него, положивъ одну руку подъ подушку и поддерживая его голову; Тарвину казалось, что до сихъ поръ онъ не отдавалъ должной справедливости красотѣ ея лица, дышавшаго добротой, искренностью и силой. Изящная маленькая фигурка приняла болѣе нѣжныя очертанія, твердыя губы дрожали, въ глазахъ сіялъ свѣтъ, котораго Тарвинъ никогда раньше не видалъ.

— Зайдите съ другой стороны, такъ,—сказалъ мальчикъ, дѣлая Тарвину знакъ по мѣстному обычаю: онъ нѣсколько разъ сложилъ и разложилъ очень быстро всѣ свои тоненькіе пальчики на ладони его руки. Тарвинъ покорно опустился на колѣни съ другой стороны постели.

— Вотъ теперь я король, а это мой дворъ.

Кэтъ звонко разсмѣялась, радуясь, что мальчику стало лучше. Тарвинъ просунулъ руку подъ подушку, отыскалъ ручку Кэтъ и не выпускалъ ее.

Занавѣсъ у дверей комнаты тихо раздвинулась, миссисъ Эстесъ вошла неслышными шагами, и ей показалось, что она видѣла достаточно и можетъ также тихонько уйти прочь. Она о многомъ передумала съ тѣхъ поръ, какъ Тарвинъ въ первый разъ вошелъ въ ея домъ.

Глаза мальчика потускнѣли и отяжелѣли; Кэтъ хотѣла вынуть свою руку изъ подъ подушки и дать ему лекарство.

— Нѣтъ, оставайтесь такъ,—сказалъ онъ повелительно, и затѣмъ, заговорилъ на туземномъ нарѣчьи:—Кто вѣрно служитъ королю, тотъ не останется безъ награды. Я имъ дамъ деревни, свободныя отъ налоговъ, три, пять деревень: Суджайнъ, Аметъ и Гунжу. Пусть это будетъ имъ свадебнымъ подаркомъ. Они поженятся и всегда будутъ около меня: миссъ Кэтъ и сагибъ Тарвинъ.

Тарвинъ не понялъ, почему ручка Кэтъ тихонько отодвинулась отъ его руки. Онъ хуже ее зналъ мѣстный языкъ.

— Онъ опять начинаетъ бредить,—прошептала Кэтъ.—Бѣдный, бѣдный ребенокъ.

Тарвинъ стиснулъ зубы и послалъ проклятіе Ситабхаи. Кэтъ вытирала потъ со лба мальчика и старалась получше уложить его головку, которая металась изъ стороны въ сторону. Тарвинъ держалъ ручки мальчика и онѣ сильно сжимали его пальцы во время мучительныхъ судорогъ, обычнаго слѣдствія яда конопли.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ метался и стоналъ, призывалъ на помощь разныхъ боговъ, старался схватить свой мечъ и приказывалъ воображаемымъ отрядамъ повѣсить бѣлыхъ собакъ на столбахъ дворцовыхъ воротъ и замучить ихъ до смерти.

Потомъ припадокъ миновалъ, онъ сталъ говорить тише и звалъ мать.

Въ воображеніи Тарвина воскресло воспоминаніе о маленькой могилкѣ, вырытой на открытой равнинѣ, спускавшейся къ рѣкѣ и положившей начало кладбищу Топазы. Они опустили въ нее сосновый гробикъ съ первымъ ребенкомъ Геклера, и Кэтъ, стоя тутъ же, вырѣзала на гладкой соснѣ имя ребенка, что и должно было замѣнить ему надгробный памятникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—бредилъ магараджа Кенваръ,—я говорю правду; охъ, я такъ усталъ отъ священнаго танца въ храмѣ, я только перешелъ черезъ дворъ... Это была новая дѣвушка изъ Лукнова; она пѣла пѣсню о «Зеленомъ горохѣ Мендора»... да; только

ватрушка съ миндалямъ. Мнѣ очень хотѣлось ѣсть. Маленькая миндальная ватрушка, мама. Отчего же мнѣ было не ѣсть, когда мнѣ хотѣлось. Что я сынъ трубочиста или короля? Держите меня! держите меня! у меня конь въ головѣ... Громче. Я не понимаю. Развѣ они хотять везти меня къ Кэтъ? Она мнѣ поможетъ. Какое это было порученіе?—Мальчикъ началъ съ отчаяніемъ ломать себѣ руки.—Порученіе! Порученіе! Я забылъ порученіе. Никто во всей странѣ не умѣетъ говорить по-англійски такъ, какъ я умѣю. Но я забылъ порученіе. «Тигръ, тигръ, ярко блистающій во тьмѣ лѣсовъ! Чья безсмертная рука, чей безсмертный глазъ создалъ тебя столь страшнаго и прекраснаго».—Да, мама, пока она не заплачетъ. Я долженъ повторять ей все сначала, пока она не заплачетъ. Я не забуду. Я не забылъ перваго порученія. Великій боже Гаръ. Я это порученіе забылъ,—и онъ заплакалъ.

Кэтъ, которая привыкла сидѣть у постелей больныхъ, сохраняла твердость и мужество; она успокоивала ребенка, разговаривая съ нимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, подавая ему лекарство, дѣлая все, что было нужно въ данное время, и все такъ спокойно, разумно, безъ всякаго признака волненія. Тарвинъ, напротивъ, былъ сильно разстроенъ зрѣлищемъ страданія, которое онъ не могъ облегчить.

Магараджа Кенваръ глубоко вздохнулъ и сдвинулъ брови.

— Махадео-ки-джаи! — вскричалъ онъ. — Я вспомнилъ. «Это сдѣлала цыганка. Это сдѣлала цыганка». И я долженъ былъ повторять это, пока она заплачетъ.

Кэтъ приподнялась и съ ужасомъ взглянула на Тарвина. Онъ отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ, кивнулъ головой и тихонько вышелъ изъ комнаты, отирая слезы.

XVI.

Сердце мое, сердце, умѣстно ли, умно ли открывать королю его враговъ? Мы знаемъ, что готовить намъ небо и адъ, но никто не можетъ знать душу короля.

Баллада о королѣ Джестъ.

- Мнѣ надобно видѣть магараджу.
- Его нельзя видѣть.
- Я подожду, пока онъ пріѣдетъ.
- Его нельзя будетъ видѣть цѣлый день.
- Ну, такъ я буду ждать цѣлый день.

Тарвинъ спокойно усѣлся на сѣдлѣ и выѣхалъ на средину двора, гдѣ онъ обыкновенно разговаривалъ съ магараджей. Голуби спали на солнышкѣ, а маленькій фонтанъ разговаривалъ самъ съ собой, точно голубка, которая воркуетъ, прежде чѣмъ усѣсться въ своемъ гнѣздѣ. Бѣлая мраморная мостовая жгла точно раскаленное желѣзо, и цѣлыя волны жара неслись отъ стѣнъ съ зелеными ставнями. Привратникъ завернулся въ свою простыню и снова заснулъ. И съ нимъ вмѣстѣ заснулъ, казалось, весь міръ подъ покровомъ полной тишины и удручающаго жара. Лошадь Тарвина закусывала удила и звонъ желѣза передавался эхомъ съ одной стороны двора на другую. Самъ всадникъ обернулъ себѣ шею шелковымъ платкомъ, чтобы хоть слегка защититься отъ палящихъ солнечныхъ лучей и нарочно не вѣзжалъ въ тѣнь подъ арки, чтобы магараджа увидѣлъ его на открытомъ дворѣ и понялъ, какъ необходимо принять его.

Черезъ нѣсколько минутъ среди тишины пронесся звукъ, подобный шелесту вѣтра на пшеничномъ полѣ въ осенній вечеръ. Онъ шелъ изъ-за зеленыхъ ставенъ и, услышавъ его, Тарвинъ бессознательно усѣлся покрѣпче на сѣдлѣ. Шумъ усилился и снова замеръ и, наконецъ, превратился въ постоянный шорохъ, къ которому ухо тревожно прислушивается, такой шорохъ, который предвѣщаетъ быстрое приближеніе морского прилива во время кошмара, когда человѣкъ въ ужасѣ не можетъ ни убѣжать, ни закричать. Вслѣдъ за шорохомъ разнесся запахъ жасмина и мускуса, хорошо извѣстный Тарвину.

Одно крыло дворца проснулось отъ своего послѣобѣденнаго сна и смотрѣло на него сотнею глазъ. Онъ чувствовалъ взгляды, которыхъ не могъ видѣть, и они приводили его въ бѣшенство, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ неподвижно, а конь его отмахивался отъ мухъ. Кто-то позади ставни зѣвнулъ сдержаннымъ маленькимъ зѣвкомъ. Тарвинъ принялъ это за личное себѣ оскорбленіе и рѣшилъ стоять на одномъ мѣстѣ, пока не упадетъ или онъ самъ, или его лошадь. Тѣнь вечерняго солнца постепенно надвигалась на дворъ все дальше и дальше и наконецъ покрыла его.

Во дворцѣ раздалось жужжаніе голосовъ, совершенно отличное отъ прежняго шороха. Маленькая, выложенная слоновою костью, дверь отворилась и магараджа появился на дворѣ. Онъ былъ въ самомъ некрасивомъ муслиновомъ халатѣ и его маленькая шафранно-желтая райпутанская чалма сидѣла криво на гол овѣ его такъ что изумрудный плюмажъ падалъ точно пьяный. Глаза его были красны отъ опиума, и онъ шелъ точно медвѣдь, котораго разсвѣтъ застигъ среди маковаго поля, гдѣ онъ досыта угощался въ теченіе цѣлой ночи.

При видѣ его, лицо Тарвина омрачилось, и магараджа, поймавъ его взглядъ, приказалъ своей свитѣ отойти подальше, чтобы не слышать ихъ разговора.

— Давно ждете вы меня, сагибъ Тарвинъ?—спросилъ онъ съ любезнымъ видомъ.—Вы знаете, я никого не принимаю въ эти часы послѣ обѣда, и... и мнѣ не сказали, что вы здѣсь.

— Я умѣю ждать,—спокойно отвѣчалъ Тарвинъ.

Король сѣлъ на сломанное виндзорское кресло, стоявшее среди двора, и подозрительно посмотрѣлъ на Тарвина.

— Развѣ вамъ мало отпустили преступниковъ изъ тюремъ? Отчего вы не на плотинѣ, а вмѣсто того беспокоите меня? Господи, Боже мой! Король никогда не можетъ отдохнуть изъ-за васъ и вамъ подобныхъ!..

Тарвинъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ на эту вспышку.

— Я прѣхалъ поговорить съ вами о магараджѣ Кенварѣ,—спокойно проговорилъ онъ.

— Что же съ нимъ случилось?—нетерпѣливо вскричалъ магараджа.—Я... я ужъ нѣсколько дней не вижу его.

— Отчего?—рѣзко спросилъ Тарвинъ.

— Все государственныя дѣла и политическія осложненія,—пробормоталъ король, избѣгая негодующаго взгляда Тарвина.—Что же мнѣ беспокоиться, когда я знаю, что ничего дурного съ мальчикомъ не могло случиться.

— Ничего дурного!

— Какъ же могло случиться съ нимъ что-нибудь дурное?

Голосъ упалъ почти до жалобнаго хныканья.

— Вы сами, сагибъ Тарвинъ, обѣщали мнѣ быть ему вѣрнымъ другомъ. Это было въ тотъ день, когда вы такъ славно ѣздили и такъ славно держались при нападеніи моего конвоя. Никогда не видалъ я такой верховой ѣзды! значить, чего же мнѣ беспокоиться? Давайте лучше выпьемъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ слугамъ. Одинъ изъ нихъ приблизился, держа высокую серебряную стопу, полускрытую подъ его широкою одеждою, и влилъ въ нее такую порцію водки, что Тарвинъ, привыкшій къ крѣпкимъ напиткамъ, широко раскрылъ глаза. Второй слуга принесъ бутылку шампанскаго, откупорилъ ее съ ловкостью опытнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка и долилъ стопу до краевъ пѣнящимся виномъ.

Магараджа выпилъ значительную порцію и, вытирая пѣну съ усомъ, проговорилъ какъ бы оправдываясь:

— Такія вещи нельзя показывать политическимъ агентамъ, но вы, сагибъ, вѣрный другъ нашей страны. Поэтому отъ васъ я не скрываю. Хотите, вамъ приготовятъ такого же?

— Благодарю. Я пріѣхалъ не для того, чтобы пить. Я пріѣхалъ сказать вамъ, что магараджа былъ сильно боленъ.

— Мнѣ говорили, что у него маленькая лихорадка,—сказалъ король, отклоняясь на спинку кресла.—Но онъ съ миссъ Кэтъ и она вылечитъ его. Маленькая лихорадка, ничего больше, сагибъ Тарвинъ. Выпьемъ вмѣстѣ.

— Маленькая лихорадка, чортъ возьми! Можете ли вы понимать, что я говорю? Бѣдный мальчикъ отравленъ и чуть не умеръ.

— Ну, такъ это отъ англійскихъ лекарствъ,—сказалъ магараджа съ глупой улыбкой.— Я одинъ разъ сильно расхворался благодаря имъ, такъ что долженъ былъ обратиться къ туземнымъ гакимамъ. Вы всегда рассказываете интересныя вещи, сагибъ Тарвинъ.

Тарвину пришлось сдѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы сдержать свое негодование; онъ поклоналъ себя бичомъ по сапогу и произнесъ внятно и раздѣльно:

— Я пришелъ сегодня не для интересныхъ рассказовъ. Мальчикъ теперь у миссъ Шерифъ. Его туда свезли; кто-то во дворцѣ пытался отравить его коноплей.

— Бхангъ!—безмысленно произнесъ магараджа.

— Я не знаю, какъ называется это кушанье, но оно было отравлено. Если бы не миссъ Шерифъ, онъ бы умеръ, вашъ старшій сынъ умеръ бы. Онъ былъ отравленъ, слышите, сагибъ магараджа? и отравленъ кѣмъ-то во дворцѣ.

— Онъ вѣрно съѣлъ что-нибудь вредное и заболѣлъ. Мальчики постоянно все ѣдятъ. Господи, Боже мой! Никто не осмѣлится поднять пальца на моего сына.

— А какъ же вы помѣшаете этому?

Магараджа привсталъ и красные глаза его засверкали гнѣвомъ.

— Я привяжу его къ передней ногѣ самага большого моего слона и убью его!

Послѣ этого онъ сталъ говорить на мѣстномъ нарѣчій, съ яростью перебирая самыя ужасныя пытки, какія хотѣлъ бы примѣнить, хотя не имѣлъ на то права.

— Я сдѣлаю все это тому, кто осмѣлится тронуть его,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Тарвинъ улыбнулся недовѣрчиво.

— Я знаю, вы думаете,—закричалъ король, обезумѣвшій отъ вина и опиума,—вы думаете, что такъ какъ существуетъ англійское правительство, то я могу судить только по закону, и разныя такія безмыслицы. Глупости! Что мнѣ за дѣло до закона, который написанъ въ книгахъ? Развѣ стѣны моего дворца рассказуютъ, что я здѣсь дѣлаю?

— Онѣ не расскажутъ. Если бы онѣ могли говорить, онѣ скали бы вамъ, что въ это дѣло замѣшана женщина, которая жить во дворцѣ.

Смутное лицо магараджи стало сѣрымъ. Затѣмъ онъ снова заворолъ почти свирѣпо:

— Да что я король или горшечникъ, что дѣла моего зенана изглашаются на весь свѣтъ всякою бѣлой собакой, которой вздумается обляять меня? Убирайтесь вонъ, не то караулъ выгонитъ жь, какъ какого-нибудь шакала!

— Очень хорошо,—спокойно отвѣчалъ Тарвинъ.— Но какое же имѣеть отношеніе къ принцу, сагибъ магараджа? Поѣдемъ къ Эстесу и я вамъ покажу. Вы, я думаю, должны знать, что тае отравы. Вы сами рѣшите. Ребенокъ былъ отравленъ.

— Несчастный былъ день для всего моего государства, когда выпустилъ въ него миссіонеровъ, и еще болѣе несчастный, когда не выгналъ васъ.

— Ни мало. Я рѣшилъ охранять магараджу Кенвара и буду пранять его. А вамъ лучше хочется, чтобы ваши женщины убили ю.

— Сагибъ Тарвинъ, понимаете ли вы, что вы говорите?

— Если бы не понималъ, такъ и не говорилъ бы. У меня всѣ указательства въ рукахъ.

— Но если было отравленіе, то не можетъ быть никакихъ доказательствъ, особенно если ядъ дала женщина. Тогда надобно ухать по подозрѣнію, а по англійскимъ законамъ это очень нелиберально убивать по подозрѣнію. Сагибъ Тарвинъ, англичане твали у меня все, что составляетъ радость Райпутана, и я, и всѣ мы вичимъ жизнь въ бездѣйствіи, точно лошади, которыхъ дергать взаперти. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, я господинъ.

Онъ указалъ рукой на зеленые ставни и заговорилъ болѣе тихимъ голосомъ, снова опускаясь въ кресло и закрывая глаза.

Тарвинъ смотрѣлъ на него съ отчаяніемъ.

— Никто не посмѣетъ, никто не посмѣетъ,—бормоталъ магараджа слабѣющимъ голосомъ.— А то другое, о чемъ вы говорили, то не въ вашей власти. Ей-Богу! я вѣдь райпутанъ и король. Я не могу говорить о томъ, что дѣлается за занавѣсями.

Тарвинъ призвалъ на помощь все свое мужество и сказалъ:

— Я и не прошу васъ говорить; я только хочу предупредить васъ относительно Ситабхаи. Это она отравила принца.

Магараджа задрожалъ. Европейецъ осмѣливался произнести имя орелевы; это само по себѣ было достаточно оскорбительно, ни его подобнаго онъ никогда не слыхалъ. Но что европейецъ громко

произносилъ среди двора такое обвиненіе, какое высказалъ Тарвинъ, это превосходило всякое вѣроятіе. Магараджа только - что пришелъ отъ Ситабхаи, которая убаюкивала его пѣснями и ласками, тайну которыхъ зналъ онъ одинъ, и вдругъ этотъ сухопарый иностранецъ нападаетъ на нее съ своими низкими обвиненіями. Въ припадкѣ гнѣва онъ готовъ былъ наброситься на Тарвина, который сказалъ:

— У меня есть доказательства, которыя могутъ вполне удовлетворить полковника Нолава.

Магараджа уставился на Тарвина своими воспаленными глазами и на минуту Тарвину показалось, что съ нимъ дѣлается апоплексическій ударъ; но оказалось просто, что вино и опіумъ производили свое дѣйствіе. Онъ что-то сердито проворчалъ. Голова его упала на грудь, слова замерли на губахъ его и онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, тяжело дыша, безчувственный, какъ чурбанъ.

Тарвинъ собралъ поводья и нѣсколько времени молча смотрѣлъ на пьянаго короля, между тѣмъ какъ шорохъ за ставнями то умогkалъ, то снова поднимался. Затѣмъ онъ повернулъ лошадь, чтобы уѣхать и, задумавшись, вѣхалъ подъ арку воротъ.

Вдругъ что-то выскочило изъ темнаго угла, гдѣ спалъ сторожъ и гдѣ содержались обезьяны короля; сѣрая обезьяна, съ цѣпью, перерванною около самаго ошейника, щелкая зубами, вскочила на передокъ сѣдла и испуганная лошадь встала на дыбы. Въ темнотѣ Тарвинъ не могъ разглядѣть животное, но узналъ его по осязанію и по запаху. Обезьяна ухватилаь одною рукою за гриву лошади, а другою обняла его за шею. Онъ инстинктивно отклонился назадъ, и прежде чѣмъ зубы подъ синими деснами успѣли еще разъ щелкнуть, онъ сдѣлалъ два выстрѣла въ упоръ. Обезьяна упала на землю, застонавъ точно человѣкъ, а дымъ отъ выстрѣловъ полетѣлъ назадъ сквозь отверстіе арки и разсѣялся по широкому двору.

XVII.

Чужіе явились мы съ разныхъ концовъ земли, украшенные перьями и драгоценными камнями; я была первымъ въ родѣ Инковъ, она была царицей моря. Подъ звѣздами выше нашихъ звѣздъ, тамъ, гдѣ блещутъ свободные метеоры, брали мы съ бою Валгаллу миллионъ лѣтъ тому назадъ.

Звѣздная пыль была подъ нашими ногами, звѣздное сіяніе надъ нашими головами, отъ нашей ярости обломки, кружась, летѣли внизъ, а мы бились, и сражались, и боролись. Мы отталкивали міры за мірами и катали ихъ взадъ и впередъ въ ту ночь, когда мы брали съ бою Валгаллу миллионъ лѣтъ тому назадъ.

На ней сіяла звѣзда и я избралъ ее своею, я стремился къ ней въ страстномъ желаніи, пока мы блуждали во мракѣ ночи ночей, смятенные пожаромъ міровъ; мы сошлись на этой борьбѣ любви и ненависти тамъ, гдѣ блещутъ свободные метеоры, и мы пробили себѣ путь къ Валгаллѣ миллионъ лѣтъ тому назадъ.

«Битва съ богами».

Лѣтомъ ночи въ пустыняхъ бываютъ жарче, чѣмъ дни, такъ какъ послѣ заката солнца, камни и мраморъ возвращаютъ поглощенную теплоту, а низкія облака, только общающія дождь, но никогда не дающія его, не позволяютъ этой теплотѣ улетучиться.

Тарвинъ лежалъ на верандѣ въ гостинницѣ, курилъ сигару и раздумывалъ, улучшилъ ли онъ положеніе магараджи Кенвара тѣмъ, что обратился къ магараджѣ. Никто не мѣшалъ ему предаваться размышленіямъ; послѣдніе изъ коммерческихъ агентовъ уѣхали въ Калькутту и Бомбей, продолжая негодовать до самой послѣдней минуты отъѣзда, и онъ остался полнымъ господиномъ гостинницы. Окидывая взглядомъ свои владѣнія и затягиваясь сигарой, онъ думалъ о томъ, что дѣла его находятся въ отчаянномъ и, повидимому, совершенно безнадежномъ положеніи. Обстоятельства дошли до той точки, когда ему было пріятно бороться съ ними. Когда дѣла принимали подобный оборотъ, одинъ только Николай Тарвинъ могъ уладить ихъ и повернуть въ свою пользу. Кэтъ упрямится, Наулака, чортъ знаетъ, гдѣ спрятана, магараджа готовъ изгнать его изъ своихъ владѣній, Ситабхаи слышала, какъ онъ обвинялъ ее. Очень возможно, что ему предстоитъ въ близкомъ будущемъ быстро и таинственно покончить жизнь, при чемъ онъ не будетъ имѣть даже и того утѣшенія, что Геклеръ и другіе молодцы ото-

мстятъ за него; а если онъ и останется живъ, ему, по всѣмъ видимостямъ, придется жить безъ Кэтъ, жить, не давши новой жизни Топазу, иначе сказать такъ, какъ вовсе и не стоитъ трудиться жить.

Лунный свѣтъ, освѣщавшій городъ по ту сторону песковъ, бросалъ фантастическія тѣни на шпицы храмовъ и на сторожевыя башни стѣнъ. Собака, отыскивавшая себѣ пищу, жалобно повизжала около кресла Тарвина, затѣмъ отошла отъ него и принялась выть. Это былъ необычайно меланхоличный вой. Тарвинъ курилъ, пока луна не погрузилась въ густую тьму индійской ночи. Какъ только она зашла, онъ замѣтилъ нѣчто, что было чернѣе ночи и стояло между нимъ и горизонтомъ.

— Это вы, сагибъ Тарвинъ? — спросилъ голосъ по-англійски, но съ мѣстнымъ акцентомъ.

Прежде чѣмъ отвѣчать, Тарвинъ вскочилъ на ноги. Онъ начиналъ бояться всякаго вновь входящаго. Рука его опустилась въ боковой карманъ. Ему казалось, что въ этой странѣ, гдѣ все дѣлается точно на представленіи фокусника, изъ темноты можетъ вдругъ выскочить что-нибудь ужасное.

— Нѣтъ, не бойтесь, — сказалъ голосъ, — это я, Юггуть Сингъ.

Тарвинъ задумчиво докуривалъ сигару.

— Въ странѣ много Синговъ, — сказалъ онъ, — вы который же изъ нихъ?

— Я Юггуть Сингъ; я служу при дворѣ магараджи.

— Гм! Король прислалъ васъ за мною?

Фигура подошла еще на одинъ шагъ ближе.

— Нѣтъ, сагибъ, королева.

— Которая? — спросилъ Тарвинъ.

Фигура стояла на верандѣ рядомъ съ нимъ и шептала ему почти на ухо:

— Только одна королева осмѣливается выѣзжать изъ дворца. Это цыганка.

Тарвинъ весело и беззвучно щелкнулъ пальцами и съ торжествомъ прищелкнулъ языкомъ.

— Пріятные, пріятные часы у этой леди, — сказалъ онъ.

— Здѣсь не мѣсто вести разговоры, сагибъ. Я долженъ былъ сказать вамъ: «Пойдемъ, если вы не боитесь темноты».

— Ахъ, вотъ что! Ну хорошо, Юггуть. Я очень радъ повидаться съ вашимъ другомъ, Ситабхаи. Гдѣ же вы ее держите? Куда мнѣ идти?

— Я долженъ былъ сказать: «Пойдемъ со мною». Вы боитесь?

Этотъ вопросъ посланный предложилъ уже самъ отъ себя.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, — проговорилъ Тарвинъ, окружая себя цѣлымъ облакомъ дыма.

— Со мной есть лошади, очень смиренныя лошади. Такъ приказала королева. Пойдемъ со мною.

Тарвинъ продолжалъ курить, не торопясь, и точно также не спѣшно поднялся съ кресла. Онъ вынулъ револьверъ изъ кармана, медленно осмотрѣлъ всѣ заряды подѣ бдительнымъ взглядомъ Юггута Синга и снова положилъ его въ карманъ, подмигнувъ при этомъ своему собесѣднику.

— Ну, идемъ, Юггуть, — сказалъ онъ.

Они обошли гостиницу и направились къ тому мѣсту, гдѣ стояли двѣ лошади, головы которыхъ были закрыты плащами, чтобы онѣ не заржали. Проводникъ сѣлъ на одну изъ нихъ, Тарвинъ молча влѣзъ на другую, удостовѣрившись предварительно, что на этотъ разъ сѣдло крѣпко привязано. Они свернули съ дороги, которая вела въ городъ, и поѣхали шагомъ по проселочной дорожкѣ, къ горамъ.

— Теперь, — сказалъ Юггуть Сингъ послѣ того, какъ они проѣхали такимъ образомъ около четверти мили, — мы можемъ припустить.

Онъ нагнулся впередъ, подтянулъ стремяна и бѣшено погналъ свою лошадь. Ничто, кромѣ страха смерти, не могло заставить изнѣженнаго дворцоваго евнуха ѣхать такимъ аллюромъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ, какъ онъ скакалъ на сѣдлѣ, немножко посмѣялся и послѣдовалъ за нимъ.

— Вы не любите слишкомъ откормленныхъ лошадей, Юггуть, — правда, не любите?

— Ёдемъ! — закричалъ Юггуть Сингъ, — мы должны быть въ ущельѣ! Ёдемъ!

Сухой песокъ летѣлъ изъ подъ копытъ лошадей, горячій вѣтеръ свисталъ вокругъ нихъ, пока они поднимались по отлогому склону къ горамъ, за три мили отъ дворца. Въ прежнее время, до введенія телеграфовъ, промышленники опиумомъ, жившіе въ степяхъ, имѣли обыкновеніе сообщать о поднятіи и пониженіи цѣны на опиумъ съ небольшихъ маяковъ, построенныхъ для этой цѣли на холмахъ. Юггуть Сингъ направился къ одной изъ этихъ заброшенныхъ башенъ. Лошади пошли тише, когда подъемъ сталъ круче, и очертанія башни съ плоскою крышей начали вырисовываться на фонѣ неба. Черезъ нѣсколько минутъ Тарвинъ услышалъ, что подковы ихъ лошадей стучатъ по твердому мрамору, и увидѣлъ, что они ѣдутъ по окраинѣ большого резервуара, до верху наполненнаго водой.

Къ востоку нѣсколько мерцающихъ огоньковъ указывали на мѣсто, гдѣ находился Раторъ, и напомнили ему ту ночь, когда онъ бросалъ прощальный взглядъ на Топазъ съ платформы поѣзда. Ночныя птицы перекликались въ травѣ на дальнемъ концѣ пруда, и большая рыба прыгнула изъ воды на томъ мѣстѣ, гдѣ отражалась звѣзда.

— Сторожевая башня на томъ концѣ пруда,—сказалъ Юггуть Сингъ.—Цыганка тамъ.

— Неужели это имя будетъ вѣчно повторяться?—раздался изъ темноты удивительно нѣжный голосъ.—Хорошо, что я кроткаго нрава, а то рыбамъ удалось бы поближе познакомиться съ тобой, Юггуть Сингъ.

Тарвинъ дернулъ лошадь и остановилъ ее, такъ какъ почти у самой головы ея появилась фигура, съ ногъ до головы обернутая облакомъ свѣтложелтаго газа. Она вышла изъ-за краснаго надгробнаго памятника райпутанскаго воина, прославившагося въ прежнія времена, и, по повѣрью сельскихъ жителей, каждую ночь объѣзжающаго устроенный имъ водоемъ, отъ чего никто не ходилъ на Дунгаръ Талао послѣ заката солнца.

— Сойдите съ лошади, сагибъ Тарвинъ,—произнесъ голосъ по англійски съ отгѣнкомъ насмѣшки.—Я во всякомъ случаѣ не сѣрая обезьяна. Юггуть Сингъ, подожди съ лошадьми наверху около сигнальной башни.

— Да, подождите Юггуть, и не вздумайте заснуть,—сказалъ Тарвинъ,—вы вамъ можете понадобится.—Онъ сошелъ съ лошади и сталъ передъ закутанной фигурой Ситабхай.

— Пожмемъ другъ другу руку,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, протягивая ручку, которая была меньше даже, чѣмъ у Кэтъ.—Ахъ, сагибъ, я знала, что вы приѣдете. Я знала, что вы не боитесь.

Она держала его руку въ своей и нѣжно пожимала ее. Тарвинъ захватилъ тоненькую ручку въ свою объемистую руку, пожавъ ее съ такою силою, что Ситабхай невольно вскрикнула, и сильно потрясъ ее.

— Очень радъ познакомиться съ вами,—сказалъ онъ, между тѣмъ какъ она шептала: «Клянусь Индуромъ, у него сильная рука!»

— Я тоже очень рада, что вижу васъ,—отвѣчала она громко. Тарвинъ замѣтилъ, какъ музыкаленъ ея голосъ, и очень хотѣлъ бы знать, каково лице, скрытое подъ покрываломъ. Она спокойно сѣла на маленькую плиту и указала ему мѣсто рядомъ съ собой.

— Всѣ бѣлые люди любятъ говорить откровенно,—прогово-

рила она, произнося слова медленно и съ неправильнымъ англійскимъ выговоромъ.—Скажите мнѣ, сагибъ Тарвинъ, что именно вы знаете.

При этихъ словахъ она отдернула покрывало и повернула къ нему свое лицо. Тарвинъ увидѣлъ, что она красива. Представленіе о ея красотѣ нечувствительно заслонило отъ него представленія о другихъ ея свойствахъ.

— Вы не ожидаете, что я самъ себя выдамъ, не правда ли, королева?

— Я не понимаю. Но я знаю, что вы говорите не такъ, какъ другіе бѣлые люди,—сказала она кротко.

— Ну, хорошо, такъ развѣ вы ожидаете, что я вамъ скажу правду?

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—иначе, вы бы мнѣ сказали, зачѣмъ вы здѣсь. Зачѣмъ вы мнѣ причиняете столько безпокойствъ?

— Я вамъ причиняю безпокойства?

Ситабхай засмѣялась, откинувъ назадъ голову и сложивъ руки на затылкѣ. Тарвинъ съ любопытствомъ наблюдалъ ее при свѣтѣ звѣздъ. Всѣ чувства его были въ возбужденномъ состояніи онъ былъ на сторожѣ и отъ времени до времени бросалъ испытующіе взгляды вокругъ и назадъ. Но онъ ничего не могъ видѣть, кромѣ тусклаго блеска воды, у подножія мраморныхъ ступеней, ничего не могъ слышать, кромѣ крика ночныхъ совъ.

— О, сагибъ Тарвинъ, — сказала она. — Знаете! Мнѣ было такъ жаль послѣ перваго раза!

— Какой же это былъ разъ?—спросилъ Тарвинъ, не вполне понимая ее.

— Да тогда, когда сѣдло перевернулось. И потомъ, когда балка упала съ арки, я думала, что, по крайней мѣрѣ, ваша лошадь искалѣчена. Зашибло ее?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Тарвинъ, удивленный ея вызывающею откровенностью.

— Навѣрно вы знали, — проговорила она почти съ упрекомъ Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, Ситабхай, моя милая, — сказалъ онъ медленно и многозначительно. — Я не подумалъ о васъ, и это будетъ моимъ вѣчнымъ позоромъ. Но я начинаю смѣкать. Вы, должно быть, устроили и маленькія приключенія на плотинѣ, и съ мостомъ, и съ телѣгами. А я-то думалъ, что это все ихъ дьявольская небрежность! Ну, я буду... — Онъ засвисталъ какую-то мелодію и въ отвѣтъ ему раздался хриплый крикъ журавля въ камышѣ.

Королева вскочила на ноги и схватилась рукою за грудь.— «Сигналъ!» Затѣмъ она снова опустила на могильную плиту.

— Нѣтъ, вы никого не привели съ собой. Я знаю, вы не боялись пріѣхать одинъ.

— О, я вовсе не стараюсь погубить васъ, молодая леди,— отвѣчалъ онъ.— Напротивъ, я люблюсь вашими красивыми и систематичными адскими выдумками. Оказывается, что вы главная виновница всѣхъ моихъ бѣдъ? Штука съ сыпучимъ пескомъ была очень мила. Часто устраиваете вы ее?

— О, на плотинѣ! — вскричала королева, слегка махнувъ рукою.— Я просто велѣла имъ устроить что-нибудь, что они могутъ. Но это все очень глупый народъ, простые кули. Они рассказали мнѣ, что сдѣлали, и я разсердилась на нихъ.

— Убили кого-нибудь?

— Нѣтъ, съ какой стати?

— Но, если на то пошло, съ какой стати хотите вы меня убить?— сурово спросилъ Тарвинъ.

— Я не люблю, когда сюда пріѣзжаютъ жить бѣлые люди, а я знала, что вы пріѣхали жить. Кромѣ того,— продолжала она,— магараджа полюбилъ васъ, а я никогда прежде не убивала бѣлаго человѣка. И потомъ вы мнѣ понравились!

— О!— вскричалъ Тарвинъ многозначительно.

— Клянусь Малангъ-Шахомъ, а вы этого и не замѣчали!— Она клялась богомъ своего клана, богомъ цыганъ.

— Перестаньте, это не идетъ къ дѣлу,— сказалъ Тарвинъ.

— А вы убили мою любимую обезьянку,— продолжала она.— Она всякое утро кланялась мнѣ совсѣмъ, какъ Лухманъ Рао, первый министр. Сагибъ Тарвинъ, я знавала многихъ англичанъ. Я танцевала на натянутомъ канатѣ передъ палатками офицеровъ, шедшихъ въ походъ, и протягивала свою чашечку за подающимъ самому высокому бородатому полковнику, когда была ему всего по колѣна.— Она показала рукой на футъ отъ земли.— А когда я стала старше,— продолжала она,— я думала, что знаю сердца людей. Но, клянусь Малангъ Шахомъ, сагибъ Тарвинъ, я никогда не видала такого человѣка, какъ вы! Нѣтъ,— продолжала она почти умоляюще,— не говорите, что вы не знали. На моемъ языкѣ есть любовная пѣсня: «я не спала отъ луны до луны изъ за тебя»; и ко мнѣ эта пѣсня совсѣмъ подходитъ. Иногда мнѣ кажется, что я вовсе не хотѣла бы видѣть васъ мертвымъ. А все таки, было бы лучше, если бы вы умерли. Я, я одна распоряжаюсь этимъ государствомъ. А теперь, послѣ того, что вы сказали ко ролю...

— Да? Вы, значитъ, слышали?

Она кивнула.

— Послѣ этого я не вижу никакого другого средства,—развѣ если вы уѣдете.

— Я не уѣду,—сказалъ Тарвинъ.

— Хорошо,—проговорила королева съ легкимъ смѣхомъ. — Значитъ, мнѣ придется каждый день видѣть васъ на дворѣ дворца. Я думала, что солнце убѣдетъ васъ, когда вы ждали магараджу. Поблагодарите меня, сагибъ Тарвинъ, это я сдѣлала, что магараджа вышелъ къ вамъ, а вы сыграли со мной такую злую штуку.

— Моя милая молодая леди,—серьезно сказалъ Тарвинъ,—если вы согласитесь спрятать свои маленькіе злые когти, никто не сдѣлаетъ вамъ никакого вреда. Но я не позволю вамъ отбить у меня магараджу Кенвара. Пока я здѣсь, я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы молодой человѣкъ оставался съ нами. Держитесь по-дальше, это будетъ лучше для васъ.

— Опять-таки я ничего не понимаю,—сказала королева съ недоумѣніемъ.—Что за дѣло до жизни какого-то маленькаго ребенка, вамъ, иностранцу?

— Что мнѣ за дѣло? Странный вопросъ! Да вѣдь это жизнь ребенка, чего же вамъ еще? Неужели для васъ нѣтъ ничего святого?

— У меня тоже есть сынъ,—возразила королева,—и онъ не болѣзненный ребенокъ. Право, сагибъ Тарвинъ, тотъ мальчикъ былъ больной отъ рожденія. Какъ же онъ можетъ управлять людьми? Мой сынъ будетъ настоящій райпутанъ, и впослѣдствіи... но это не касается бѣлыхъ людей. Не мѣшайте этому мальчику возвратиться къ богамъ!

— Ни въ какомъ случаѣ! — рѣшительно отвѣчалъ Тарвинъ.

— Иначе,—продолжала королева,—онъ доживетъ до 90 лѣтъ больнымъ и несчастнымъ человѣкомъ. Я знаю тотъ родъ Кулу, отъ котораго онъ происходитъ. Да, я пѣла у воротъ дворца его матери, когда и она, и я мы были еще дѣвочками, я стояла въ пыли, ее несли въ носилкахъ на свадьбу. Теперь пришла ея очередь стоять передо мною въ пыли. Сагибъ Тарвинъ,—ея голосъ смягчился до мольбы,—у меня никогда не будетъ второго сына, но я хочу, по крайней мѣрѣ, управлять государствомъ изъ за завѣсей, какъ это дѣлали многія королевы. Я выросла не во дворцѣ. Тѣ—она презрительно указала на огни Ратора—никогда не видали, какъ склоняются колосья, не слышали, какъ воетъ вѣтеръ, не сидѣли на сѣдлѣ, не разговаривали съ глазу на глазъ съ муж-

чинами на улицѣ. Онѣ называютъ меня цыганкой и прячутся за свои покрывала, какъ толстыя улитки въ раковины, когда мнѣ вздумается протянуть руку къ бородѣ магараджи. Ихъ пѣвцы поютъ объ ихъ предкахъ, жившихъ 12 сотенъ лѣтъ тому назадъ. Онѣ благородныя, конечно! Но, клянусь Индуромъ и Аллахомъ, да и Богомъ вашихъ миссіонеровъ, ихъ дѣти и британское правительство будутъ помнить обо мнѣ дважды 12 сотенъ лѣтъ! Ахъ, сагибъ Тарвинъ, вы не знаете, какой мой сынъ умный мальчикъ. Я не позволяю ему ходить къ миссіонерамъ. Всему, что ему надобно будетъ узнать впослѣдствіи—а, конечно, это не бездѣлица, управлять государствомъ,—онъ научится у меня; потому что я видала свѣтъ, и я знаю. И пока вы не пріѣхали, все шло такъ тихо, такъ мирно къ цѣли. Мальчикъ умеръ бы, и никому не было бы никакихъ непріятностей. И никогда никто во дворцѣ, ни мужчина, ни женщина, не шепнули бы королю ни одного слова о томъ, о чемъ вы кричали громко во дворѣ при солнечномъ свѣтѣ. Теперь подозрѣніе навсегда запало въ душу короля, и я не знаю... я не знаю...—Она наклонилась къ нему и сказала серьезно:—Сагибъ Тарвинъ, если во всемъ, что я говорила сегодня ночью, есть хоть слово правды, скажите мнѣ, что именно вамъ извѣстно.

Тарвинъ продолжалъ хранить молчаніе. Она положила руку на его когѣно съ умоляющимъ видомъ.

— И никто бы ничего не подозрѣвалъ. Когда леди вице-короля пріѣзжала въ прошломъ году, я изъ своихъ собственныхъ денегъ пожертвовала 25 тысячъ рупи на дѣтскую больницу, и сагибъ леди поцѣловала меня въ обѣ щеки, и я говорила по-англійски, и показывала имъ, какъ я занимаюсь вязаньемъ, а я въ это время вязала и развязывала сердца людей.

Теперь Тарвинъ больше не свисталъ; онъ только улыбнулся и пробормоталъ что-то въ знакъ сочувствія. Длинный рядъ ея ловко подстроенныхъ преступленій и то равнодушіе, съ какимъ она о нихъ говорила, придавали ей извѣстную оригинальность. Мало того, онъ уважалъ ее за ту черту ея характера, которая особенно симпатична людямъ запада—она провела его. Правда, ея замыслы не удались; но она приводила ихъ въ исполненіе такъ, что онъ, ея жертва, этого не замѣтилъ. Онъ почти преклонялся передъ ней за это.

— Теперь вы начинаете понимать,—сказала Ситабхай,—это дѣло не очень простое. Вы все еще намѣрены, сагибъ, идти къ полковнику Нолану съ вашими разсказами обо мнѣ?

— Непремѣнно, если вы не оставите въ покоѣ магараджу Кенвара,—сказалъ Тарвинъ, не допуская, чтобы его чувства мѣшали дѣлу.

— Это очень глупо,—сказала королева,—потому что полковникъ Нолянъ надѣлаетъ непріятностей королю, а король перевернетъ вверхъ дномъ весь дворецъ, и всѣ мои служанки, за исключеніемъ немногихъ, будутъ показывать противъ меня, и, пожалуй, дѣло дойдетъ до того, что меня всѣ станутъ подозрѣвать. Тогда вы подумаете, что помѣшали мнѣ, сагибъ Тарвинъ. Но вы вѣдь не можете же всегда жить здѣсь. Вы не можете жить здѣсь до моей смерти. А какъ только вы уйдете... — она щелкнула пальцами.

— Не надѣйтесь,—невозмутимо проговорилъ Тарвинъ,—я все строю прочно. Развѣ вы меня не знаете?

Королева укусила себѣ палецъ съ видимымъ смущеніемъ. Никакъ нельзя было предвидѣть, что способенъ сдѣлать этотъ человекъ, о котораго разбивались всѣ ея уловки. Если бы ей пришлось вести дѣло съ кѣмъ-нибудь изъ ея племени, шансы были бы равны. Но вполне спокойная и невозмутимая фигура, сидѣвшая рядомъ съ ней и наблюдавшая за каждымъ ея движеніемъ, подперевъ подбородокъ рукой, эта ловкая, подвижная, безстрашная фигура представляла неизвѣстную величину, разстраивавшую всѣ ея расчеты и приводившую ее въ безпокойство.

Послышался сдержанный кашель и къ нимъ приблизился Юггуть Сингъ. Онъ смиренно поклонился и прошепталъ что-то королевѣ. Она презрительно засмѣялась и знакомъ приказала ему вернуться на его мѣсто.

— Онъ напомнилъ мнѣ, что ночь близится къ концу,—пояснила она,—и что смерть грозитъ ему и мнѣ за то, что мы вышли изъ дворца.

— Позвольте мнѣ не задерживать васъ,—сказалъ Тарвинъ, вставая.—Мнѣ кажется, мы понимаемъ другъ друга.—Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.—Руки прочь!

— Значитъ, я не могу дѣлать все, что хочу?—сказала она,—и вы пойдете завтра къ полковнику Нолану?—

— Весьма возможно,—сказалъ Тарвинъ, сжимая губы. Онъ засунулъ руки въ карманы и стоялъ, глядя на нее сверху внизъ.

— Присядьте еще на минутку, сагибъ Тарвинъ,—сказала Ситабаи пригласительнымъ жестомъ, похлопывая маленькую плиту своею маленькою ручкой. Тарвинъ повиновался.—Ну, вотъ, если я не позволю бревнамъ обваливаться, если я буду держать сѣрыхъ обезьянъ на крѣпкой привязи...

— И высушите сипучіе пески на Аметѣ,—продолжалъ Тарвинъ сердито.—Понимаю. Нѣтъ, милая, маленькая непріятельница, вы можете дѣлать все, что хотите. Я не желаю мѣшать вашимъ забавамъ.

— Я была виновата. Я должна была знать, что васъ ничѣмъ нельзя запугать,—сказала она задумчиво, искося поглядывая на него:—я то же никого не боюсь, кромѣ васъ, сагибъ Тарвинъ. Если бы вы были королемъ, а я королевой, мы держали бы въ рукахъ весь Индостанъ.

Она зажала кулакъ при этихъ словахъ, и Тарвинъ, вспомнивъ то быстрое движеніе, съ какимъ она схватилась за грудь при его свисткѣ, положилъ свою руку на ея руки и держалъ ихъ крѣпко.

— Неужели вѣтъ ничего, ради чего вы могли бы оставить меня въ покоѣ, сагибъ Тарвинъ? Что вамъ нужно? Вы же не затѣмъ пріѣхали сюда, чтобы охранять жизнь магараджи Кенвара?

— Почему вы знаете, что не затѣмъ?

— Вы очень умны, — сказала она съ легкимъ смѣхомъ, — но не надобно воображать себя слишкомъ умнымъ. Сказать вамъ, за чѣмъ вы пріѣхали?

— Ну, за чѣмъ же, скажите!

— Вы пріѣхали сюда за тѣмъ же, за чѣмъ вы ходили въ храмъ Исвара, и чего вы никогда не найдете, если,—она нагнулась къ нему,— я не помогу вамъ. Что, очень было холодно въ Коровьей Пасты, сагибъ Тарвинъ?

Тарвинъ отшатнулся, нахмурилъ брови, но ничѣмъ больше не выдалъ себя.

— Я боялась, что змѣи съѣдятъ васъ тамъ.

— Неужели боялись?

— Да,—мягко сказала она. — И я также боялась, что вы не сойдете во-время съ вертящагося камня въ храмъ.

Тарвинъ взглянулъ на нее.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Ахъ, я знала, что у васъ было на душѣ даже раньше, чѣмъ вы заговорили съ королемъ въ тотъ день, когда конвой чуть не убилъ васъ.

— Скажите, пожалуйста, молодая особа, вы содержите собственную тайную полицію?

Она засмѣялась.

— О вашей храбрости уже поютъ пѣсню во дворцѣ. Но самымъ храбрымъ подвигомъ съ вашей стороны было заговорить съ королемъ о Наулакѣ. Онъ рассказалъ мнѣ все, что вы говорили. Но онъ, даже онъ не воображалъ себѣ, что какой-нибудь иностранецъ можетъ пожелать пріобрѣсти его. А я была такъ добра, что не сказала ему этого. Но я знаю, — люди, подобные вамъ, созданы не для мелкихъ дѣлъ. Сагибъ Тарвинъ, — проговорила она,

приближаясь къ нему, освободивъ свою руку и нѣжно положивъ ее ему на плечо, — вы и я мы родственныя души! Потому что гораздо легче управлять этимъ государствомъ и, управляя имъ, легче отвоевать весь Индостанъ отъ этихъ бѣлыхъ собакъ-англичанъ, чѣмъ сдѣлать то, о чемъ вы мечтали. А между тѣмъ, для твердаго сердца нѣтъ ничего труднаго. Вы хотѣли добыть Наулаку для себя, сагибъ Тарвинъ, или для кого-нибудь другого, какъ я хочу заполучить Гакраль Ситарунъ для моего сына? Мы не мелкіе людишки. Вѣрно для кого-нибудь другого, не правда ли?

— Послушайте, — съ изумленіемъ проговорилъ Тарвинъ, снимая ее руку съ своего плеча и опять сжимая ее въ своей, — много такихъ, какъ вы, въ Индіи?

— Никого. Я, какъ и вы, — единственная.

Голова ее опустилась на его плечо, и она смотрѣла на него глазами, такими же темными, какъ вода у ихъ ногъ. Красныя губы и раздувающіяся ноздри ее были такъ близки отъ его лица, что ее горячее дыханіе обжигало его щеку.

— Хотите вы править государствомъ, какъ я, сагибъ Тарвинъ? Нѣтъ! вы навѣрно работаете для женщины. Вѣдь ваше правительство для васъ свято, и вы дѣлаете все, что оно вамъ приказываетъ. А у насъ: правительство велѣло вырыть каналъ, а я отвела его къ своему апельсинному саду, и я точно также заставлю короля повиноваться моей волѣ, и точно также убью мальчика, и точно также буду управлять Гакраль Ситаруномъ черезъ посредство своего сына. А вы, сагибъ Тарвинъ, вамъ ничего не нужно, кромѣ женщины? Не правда ли? Но вѣдь она слишкомъ мала, чтобы носить «Счастье государства». Она блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Она почувствовала, какъ онъ вздрогнулъ, но онъ не сказалъ ни слова.

Изъ кучи хвороста и валежника на дальнемъ концѣ пруда раздался сиплый, лающій кашель и, казалось, звукъ его переполнилъ скорбью эту мѣстность, точно послѣдняя капля въ сосудѣ, до верху налитомъ водою.

Тарвинъ вскочилъ.

Въ первый разъ пришлось ему слышать сердитый и жалобный ревъ тигра, возвращающагося въ свое логовище послѣ неудачной ночной охоты.

— Это ничего, — сказала королева, не трогаясь съ мѣста. — Это просто тигръ изъ Дунгаръ Талао. Когда я была цыганкой, я много разъ слышала его ревъ, и даже если онъ придетъ сюда, вѣдь вы же застрѣлите его, какъ застрѣлили обезьяну?

Она прижалась къ нему, и онъ снова упалъ на камень рядомъ съ ней, машинально обнявъ ее одною рукою.

Тѣнь звѣря скользнула по открытому мѣсту на берегу пруда такъ же безшумно, какъ пушинки растеній пролетаютъ по воздуху въ лѣтніе дни, и рука Тарвина крѣпче обхватила станъ женщины; не смотря на густыя складки кисеи, онъ почувствовалъ подъ ладонью холодный кушакъ, съ выпуклыми возвышеніями.

— Она такая маленькая и слабенькая, гдѣ же ей носить его?— повторила королева.

Она слегка повернулась въ его объятіяхъ, и рука его ощущала другой край пояса, такъ же какъ первый, усѣянный неправильными возвышеніями, а локоть его натолкнулся на большой квадратный камень.

Онъ вздрогнулъ и продолжалъ обнимать ее съ поблѣвшими губами.

— А мы вдвоемъ,—продолжала королева тихимъ голосомъ, бросая на него мечтательный взглядъ,—могли бы взбудоражить все королевство; у насъ всѣ стали бы биться точно буйволы весной. Хотите быть моимъ первымъ министромъ, сагибъ Тарвинъ, и давать мнѣ тайкомъ совѣты?

— Не знаю, могу ли я довѣрять вамъ,—рѣзко отвѣтилъ Тарвинъ.

— Я не знаю, могу ли я и сама себѣ довѣрять,—возразила королева;—очень возможно, что черезъ нѣсколько времени я, которая всегда была королевой, сдѣлаюсь рабой. Я была близка къ тому, чтобы бросить свое сердце подъ копыта вашей лошади. да и не одинъ разъ, а много разъ.

Она закинула руки за его шею и сложила ихъ тамъ, глядя ему прямо въ глаза и наклоняя къ себѣ его голову.

— Развѣ это бездѣлица,—ворковала она,—если я прошу васъ сдѣлаться моимъ королемъ? Въ прежнія времена, до англійскаго завоеванія, англичане низкаго происхожденія покоряли сердца влстителей и начальствовали надъ ихъ арміями. Они только по имени не были королями. Мы не знаемъ, когда вернутся прежнія времена, и мы можемъ вмѣстѣ предводительствовать арміями.

— Очень хорошо. Приберегите для меня это мѣстечко. Я, можетъ быть, когда-нибудь вернусь и попрошу его у васъ, послѣ того какъ обдѣлаю дома два-три дѣльца.

— Такъ вы уѣзжаете? И вы хотите скоро уѣхать отъ насъ?

— Я уѣду отъ васъ, когда получу, что мнѣ нужно, дорогая моя,—отвѣчалъ онъ, крѣпче обнимая ее.

Она закусила губу.

— Я должна была это знать,—кратко сказала она.—Я и сама никогда не отступаю от того, чего разъ захочу. Ну, чего же вы хотите?

Уголки губъ ея слегка опустились, а голова снова упала на плечо его. Взглянувъ внизъ, онъ увидѣлъ украшенную рубинами ручку небольшого ножа на ея груди.

Онъ быстрымъ движеніемъ освободился отъ ея объятій и поднялся на ноги. Она была очаровательна, когда съ умоляющимъ видомъ протягивала ему руки въ полусвѣтѣ. Но у него было другое на умѣ.

Тарвинъ посмотрѣлъ ей прямо въ лицо, и она опустила глаза.

— Если позволите, я возьму то, что у васъ надѣто на тальфъ.

— Я должна была знать, что бѣлые ни о чемъ не думаютъ, кромѣ денегъ!—вскричала она съ презрѣніемъ.

Она отстегнула серебряный поясъ, который былъ надѣтъ на ней, и съ шумомъ бросила его на мраморную плиту.

Тарвинъ даже не взглянулъ на него.

— Вы меня слишкомъ хорошо знаете для этого, — нетерпѣливо сказалъ онъ. — Полноте, возьмите прочь руки, ваша игра проиграна.

— Я не понимаю, — сказала она. — Я должна вамъ дать нѣсколько рупій, что ли? — спросила она презрительно. — Говорите скорѣй, Юггуть Сингъ ведетъ лошадей.

— О, я скажу скоро. Дайте мнѣ Наулаку.

— Наулаку?

— Да, именно. Мнѣ надобли непрочные мосты, дурно осѣдланная лошадь, обваливающіяся арки и вязкіе пески. Мнѣ нужно ожерелье.

— А вы мнѣ отдадите мальчика?

— Нѣтъ, не дамъ ни мальчика, ни ожерелья.

— А вы поѣдете утромъ къ полковнику Нолану?

— Да утро уже настало, вы бы лучше поторопились.

— Поѣдете вы къ полковнику Нолану?—повторила она, вставая и глядя на него.

— Да, если вы мнѣ не отдадите ожерелье.

— А если отдамъ?

— Тогда не поѣду. Это сдѣлка?—Такой же вопросъ онъ предложилъ и миссисъ Мѣтри.

Королева съ отчаяніемъ посмотрѣла на утреннюю звѣзду, которая начинала блѣднѣть на востокѣ. Все ея вліяніе на короля не спасло бы ея отъ смерти, если бы разсвѣтъ засталъ ее внѣ стѣнъ дворца.

Этотъ человѣкъ говорилъ такъ, какъ будто держалъ всю ея жизнь у себя въ кулакѣ, и она понимала, что онъ былъ правъ. Если у него есть доказательства, онъ не задумается представить ихъ магараджѣ; а если магараджа повѣритъ — Ситабхаи чувствовала уже лезвее меча у себя на шеѣ. Она не будетъ основательницей новой династіи, она безслѣдно исчезнетъ изъ дворца. Къ счастью, сегодня на дворѣ король былъ въ такомъ состояніи, что не могъ понять обвиненія, которое Тарвинъ взводитъ на нее. Но теперь она была беззащитна противъ всего, что этотъ безпокойный и рѣшительный чужеземецъ вздумаетъ сдѣлать съ ней. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ возбудить противъ нея неопредѣленное подозрѣніе индійскаго двора—что будетъ гибелью для ея плановъ,—и, съ помощью полковника Нолана, устроить такъ, что магараджа Кенваръ будетъ удаленъ отъ ея вліянія, въ худшемъ... но она не рѣшилась продолжить эту мысль до конца.

Она проклинала жалкую слабость, внушившую ей любовь къ нему и помѣшавшую ей убить его нѣсколько минутъ тому назадъ, когда онъ лежалъ въ ея объятіяхъ. Она хотѣла убить его съ самой первой минуты ихъ свиданія; она слишкомъ долго позволила себѣ увлечься наслажденіемъ чувствовать, какъ надъ ней властвуетъ воля болѣе сильная, чѣмъ ея воля, но время еще не потеряно.

— А если я вамъ не отдамъ Наулаку?—спросила она.

— Я увѣренъ, что вы поступите болѣе разумно.

Она окинула взглядомъ окружающую мѣстность и увидѣла, что блескъ звѣздъ померкъ; черная вода пруда стала сѣрою и дикія птицы просыпались въ камышахъ.

Разсвѣтъ былъ такъ же безжалостенъ къ ней, какъ и этотъ человѣкъ. Югутъ Сингъ подводилъ лошадей, и вся фигура его выражала ужасъ и нетерпѣніе. Небо было противъ нея, и на землѣ не отъ кого было ей ждать помощи.

Она положила руки за спину. Тарвинъ услышалъ щелканье застежки, и Наулака, вся сіяя огнями, лежала у ея ногъ.

Не удостоивъ взглядомъ ни его, ни ожерелье, она направилась къ лошадямъ. Тарвинъ быстро шагнулъ впередъ и овладѣлъ сокровищемъ. Югутъ Сингъ подвелъ его лошадь. Тарвинъ взялся за поводъ, засунувъ ожерелье въ карманъ на своей груди.

Онъ нагнулся, чтобы удостовѣриться, натянута ли подпруга. Королева, стоя сзади своей лошади, медлила садиться на нее.

— Прощайте, сагибъ Тарвинъ, и помните цыганку,—сказала она, перекинувъ руку за шею лошади.—Гей!

Огненная искра пронеслась передъ его глазами. Ножъ съ неф-

ритовой рукояткой, принадлежавшей королевѣ, вонзился въ подсѣдельникъ лошади на полдюйма отъ его праваго плеча. Лошадь застонала отъ боли и скакнула впередъ къ жеребцу королевы.

— Убей его, Юггуть Сингъ!—закричала королева, указывая на Тарвина своему евноху, влѣзавшему на сѣдло.—Убей его.

Тарвинъ схватилъ ея маленькій кулачекъ въ свою сильную руку. «Потише, голубушка! Поттише! Успокойтесь!» Она поглядѣла на него растеряннымъ взглядомъ.

— Позвольте мнѣ подсадить васъ!

Онъ обхватилъ ее руками и поднялъ на сѣдло.

— Ну, теперь поцѣлуемся,—сказалъ онъ, видя, что она продолжаетъ смотрѣть на него.

Она отшатнулась.

— Нѣтъ? вы не хотите? Дайте-ка мнѣ ваши руки.

Онъ захватилъ обѣ ея руки въ свои и поцѣловалъ ее прямо въ губы. Затѣмъ онъ хлопнулъ ея лошадь, и она понеслась внизъ по ущелью и дальше по равнинѣ.

Онъ слѣдилъ нѣсколько минутъ глазами, какъ королева и Юггуть Сингъ исчезли въ облакѣ пыли и летящихъ камней, затѣмъ съ глубокимъ вздохомъ облегченія вернулся къ пруду. Онъ вынулъ Наулаку изъ кармана, разложилъ ее на своихъ рукахъ и съ любовью глядѣлъ на него.

Камни заблестѣли при свѣтѣ утренней зари и затмили пестрые цвѣта холмовъ. Сравнительно съ сіяніемъ блестящей нитки красный свѣтъ неба, мелькавшій изъ за камышей, казался тусклымъ, какъ казались тусклыми факелы въ ночь свадьбы принца. Нѣжная зелень камышей, темная синева озера, пестрыя перья зимородокъ и заблестѣвшія на солнцѣ капли воды, которыя стая водяныхъ птицъ стряхала съ своихъ перьевъ—все казалось блѣднымъ сравнительно съ ожерельемъ. Одинъ только черный алмазъ не заразился радостнымъ блескомъ утра и лежалъ среди своихъ свѣтящихся товарищей мрачный и суровый, какъ та тревожная ночь, въ которую онъ его добылъ.

Тарвинъ перебралъ всѣ камни одинъ за другимъ; ихъ было всего 25, и каждый изъ нихъ былъ безукоризненнымъ совершенствомъ; чтобы ни малѣйшая часть ихъ красоты не пропадала, они были обдѣланы въ самую тонкую золотую оправу, и каждый камень свободно возвышался надъ легкой золотой оболочкой, къ которой былъ прикрѣпленъ, и за каждый камень можно было выкупить короля изъ плѣна, купить доброе имя королевы.

Это были счастливыя минуты для Тарвина. Цѣль его жизни была достигнута, Топазъ былъ спасенъ!

Дикія утки плавали взадъ и впередъ по пруду, журавли перекликались, гордо выступая среди камышей, которые доходили имъ почти до головы. Изъ какого-то храма, скрытаго среди холмовъ, раздалось звучное пѣніе одинокаго священника, приносящаго утреннюю жертву своему богу, и изъ города разнесся по равнинѣ грохотъ сторожеваго барабана, извѣщавшаго, что ворота открываются, и день начинается.

Тарвинъ отвелъ глаза отъ ожерелья, ножъ съ нефритовой ручкой лежалъ у его ногъ.

Онъ поднялъ хрупкое оружіе и бросилъ его въ воду.

— Теперь осталась только Кэть,—проговорилъ онъ.

XVIII.

И вотъ пришли мы въ свое царство и увидѣли мы свою державу, наши легіоны стоятъ у воротъ дворца и не нужны они намъ больше, мы пришли въ свое царство. Мы пришли въ свое царство, корона ждетъ насъ, мы можемъ взять ее съ обнаженнымъ мечомъ въ залѣ совѣта, подъ трономъ змѣи, мы пришли въ свое царство. Мы пришли въ свое царство, а глаза моей милой смотреть внизъ. Все, за что я бился, все, что я отвоевалъ, нисколько не радуешь ее. Моя корона для меня сухіе листья, когда она сидитъ во прахѣ и горюетъ, хотя мы пришли въ свое царство.

Король Антони.

Дворецъ на своей красной скалѣ, казалось, все еще былъ погруженъ въ сонъ, пока онъ ѣхалъ легкимъ галопомъ по пустынной равнинѣ. Человѣкъ на верблюдѣ выѣхалъ изъ городскихъ воротъ, направляясь подъ прямымъ угломъ на перерѣзъ его пути, и Тарвинъ съ интересомъ слѣдилъ, какъ быстро можетъ двигаться длинногій верблюдъ пустыни. Хотя онъ уже привыкъ къ этимъ животнымъ съ шеею страуса, но при видѣ ихъ онъ все-таки не могъ удержаться отъ воспоминаній о циркѣ Барнума и о своихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ. Человѣкъ подѣхалъ ближе и пересѣкъ дорогу прямо противъ него. Тогда въ утренней тишинѣ Тарвинъ услышалъ сухой звукъ, хорошо извѣстный ему: это былъ звукъ вводимаго курка. Онъ инстинктивно соскользнулъ съ сѣдла и

стоялъ по другой сторонѣ лошади, когда раздался выстрѣлъ, голубой дымъ поднялся и повисъ недвижимо надъ верблюдомъ.

— Я долженъ былъ знать, что она рано примется за дѣло,— пробормоталъ онъ, выглядывая изъ-за луки сѣдла.—Я не могу попасть въ него изъ револьвера на такомъ разстояніи. Что нужно этому сумасшедшему?

Онъ замѣтилъ, что всадникъ съ неловкостью, свойственною туземцамъ, прижималъ курокъ и бѣшено колотилъ прикладомъ по передней части сѣдла. Онъ поспѣшно вскочилъ на лошадь и подѣхалъ къ нему, направивъ револьверъ прямо на поблѣднѣвшее лице Юггута Синга.

— Какъ, это вы! Ну, Юггуть, старичина, это не любезно съ вашей стороны.

— Мнѣ было приказано,—продолжалъ Юггуть, дрожа отъ страха.—Я не виноватъ. Я, я не умѣю дѣлать этихъ дѣлъ.

— Это-то я вижу. Пойдите, я вамъ покажу.—Онъ взялъ ружье изъ его дрожащихъ рукъ.—Курокъ не надо тискать, другъ мой, такъ нельзя стрѣлять. Надо взвести его и дернуть за собачку, вотъ такъ! Вамъ слѣдуетъ поучиться, Юггуть.

— Что вы сдѣлаете со мной?—вскричалъ евнухъ.—Она убила бы меня, если бы я не поѣхалъ.

— Не вѣрьте этому, Юггуть. Она неумолима, какъ Юмба, въ теоріи и слаба на практикѣ. Пожалуйста, поѣзжайте впереди.

Они направились къ городу, Юггуть ѣхалъ впереди на своемъ верблюдѣ, ежеминутно оглядываясь назадъ съ пугливымъ выраженіемъ. Тарвинъ улыбался ему насмѣшливо, хотя успокоительно, и помахивалъ конфискованнымъ ружьемъ. Онъ замѣтилъ, что это очень хорошее ружье для умѣющаго стрѣлять.

Подѣхавъ къ флигелю дворца, гдѣ жила Ситабхай, Юггуть Сингъ слѣзъ съ верблюда и проскользнулъ во дворъ, представляя всей своей фигурой живое воплощеніе страха и стыда. Тарвинъ догналъ его, и въ ту минуту, когда евнухъ готовъ былъ скрыться въ дверь, окликнулъ его.

— Вы забыли свое ружье, Юггуть,—сказалъ онъ.—Не бойтесь его.—Юггуть нерѣшительно протянулъ руку за ружьемъ.

— Теперь оно никому не сдѣлаетъ зла. Идите къ своей госпожѣ, скажите ей, что вы возвратились, и поблагодарите ее.

Ни одинъ звукъ изъ за зеленыхъ ставень не долеталъ до него, пока онъ ѣхалъ дальше, а Юггуть съ недоумѣніемъ глядѣлъ вслѣдъ ему. Въ воротахъ на него ничего не свалилось и обезьяны сидѣли на привязи. Очевидно, Ситабхай придумываетъ что-нибудь новое.

Что предстояло ему сдѣлать теперь прежде всего, это онъ уж придумалъ. Онъ поѣхалъ въ мечеть за городъ, разбудил своего друга въ шелковомъ халатѣ и заставилъ его послать слѣдующую телеграмму: «М-съ Мѣтри, Денверъ. Ожерелье ваше. Готовьтесь принять и ведите линію на Топазъ. Тарвинъ».

Затѣмъ онъ повернулъ лошадь къ Кэтъ. Онъ застегнулъ пальт на всѣ пуговицы и съ любовью гладилъ рукою карманъ, гдѣ лежала Наулака, пробираясь пѣшкомъ по тропинкѣ къ верандѣ дома миссіи, и оставивъ Фибби на привязи за наружной оградой Его довольство собой и всѣмъ свѣтомъ свѣтилось въ глазахъ ея пока онъ здоровался съ м-съ Эстесъ.

— Вы навѣрно узнали что-нибудь пріятное,—сказала она,—входите, пожалуйте.

— Да, очень пріятное, можетъ быть, даже самое пріятное, на вѣрное не знаю,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь и идя за ней въ гостиную.—Мнѣ бы очень хотѣлось рассказать вамъ, м-съ Эстесъ въ чемъ дѣло. Я чувствую, что непременно долженъ кому-нибудь рассказать, но эта исторія не для здѣшнихъ мѣстъ.—И онъ оглядѣлся кругомъ.—Если бы я могъ дѣлать, что хочу, я нанялъ бы глашатая съ музыкой, чтобы онъ всѣмъ оповѣстилъ ее; и мы устроили бы праздникъ 4-го іюля съ иллюминаціей, и я съ радостью прочелъ бы туземцамъ декларацію освобожденія. Но этого нельзя. А, впрочемъ, есть одна исторія, которую я могу рассказать вамъ,—прибавилъ онъ, послѣ минутнаго размышленія.—Вы знаете, отчего я такъ часто прихожу сюда, миссисъ Эстесъ, т.-е. понятно, я говорю не о томъ, что вы были ко мнѣ всегда добры и я люблю всѣхъ васъ и намъ всегда было очень пріятно видѣться, но кромѣ этого. Вѣдь вы знаете, не правда ли?—М-съ Эстесъ улыбнулась.

— Думаю, что знаю,—сказала она.

— Ну, хорошо! отлично! отлично! Я былъ увѣренъ, что вы знаете. И я надѣюсь, вы мнѣ другъ?

— Если вы спрашиваете, желаю ли я вамъ добра, то, конечно желаю. Но, вы понимаете, я считаю себя до нѣкоторой степени отвѣтственной за миссъ Шерифъ. Мнѣ думается иногда, что я должна предупредить ея мать.

— О, ея мать знаетъ! Она все отлично знаетъ. И она ниче не имѣетъ противъ меня. Затрудненіе вовсе не въ этомъ, м-съ Эстесъ, вы понимаете?

— Да, она странная дѣвушка; очень сильная и очень нѣжная. Я отъ всей души полюбила ее. Она замѣчательно мужественна. Но я была бы рада за нее, если бы она все это бросила. Ей гораздо лучше выйти замужъ,—сказала она задумчиво.

Тарвинъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Какая вы умная, м-съ Эстесъ, какая вы умная! — пробормоталъ онъ. — Я это же самое говорилъ ей, десять разъ говорилъ. А не находите ли вы также, что для нея было бы хорошо выйти замужъ сейчасъ, какъ можно скорѣе, не теряя понапрасну времени?

Собесѣдница посмотрѣла на него, желая удостовѣриться, не шутитъ ли онъ. Тарвинъ всегда немножко сбивалъ ее съ толку.

— Я думаю, съ вашей стороны будетъ разумнѣе предоставить дѣло теченію времени, — отвѣчала она послѣ минутнаго молчанія. — Я наблюдала за ея дѣятельностью здѣсь и надѣялась, что ей удастся то, что никому не удавалось. Но въ глубинѣ души я думаю, этого не будетъ. Слишкомъ многое здѣсь противъ нея. Ей приходится бороться съ 1000-лѣтними преданіями, привычками, обычаями. Рано или поздно, они одолѣютъ ее. И тогда, не смотря на все ея мужество, ей придется уступить. Мнѣ кажется, что ей скоро предстоятъ непріятности. Въ больницѣ много недовольныхъ. До Люсьена дошли слухи, которые очень меня тревожатъ.

— Тревожатъ! Я думаю. Бѣда въ томъ, миссисъ Эстесъ, что она не только не хочетъ итти за меня замужъ, но еще подвергаетъ себя всевозможнымъ опасностямъ. Мнѣ некогда ждать, пока она убѣдится въ этомъ. Вообще, мнѣ некогда ждать, пока она въ чемъ-нибудь убѣдится, кромѣ одного только, что теперь, именно теперь для нея самый благопріятный моментъ выйти замужъ за Николая Тарвина. Мнѣ надобно какъ можно скорѣе уѣхать изъ Ратора, м-съ Эстесъ, вотъ въ чемъ дѣло. Не спрашивайте у меня почему. Это необходимо. И я долженъ увезти съ собой Кэтъ. Помогите мнѣ, если вы ее любите.

На это воззваніе м-съ Эстесъ не нашла отвѣтить ничего лучше, какъ то, что она пойдетъ и позоветъ къ нему Кэтъ. Она ушла, а Тарвинъ остался одинъ. Но онъ ждалъ терпѣливо, съ улыбкой на губахъ. Онъ не сомнѣвался, что Кэтъ уступитъ. Упоенный первой удачей, онъ не могъ допустить, что она откажется ѣхать съ нимъ. Развѣ Наулака не у него? Она поѣдетъ вмѣстѣ съ Наулакой, она неразрывно связана съ нимъ. И все-таки онъ готовъ былъ воспользоваться всякою помощью, и ему пріятно было думать, что м-съ Эстесъ уговариваетъ ее.

Онъ принялъ за новое предзнаменованіе успѣха, когда, проглядѣвъ № «Топазскаго Телеграфа», увидѣлъ извѣстіе, что копь «Желанная» оправдала его ожиданія. Рабочіе, которымъ онъ поручилъ безъ себя продолжать дѣло, напали на богатую жилу и добывали по 500 пуд. въ недѣлю. Онъ сунулъ газету въ карманъ

и чувствовалъ сильнѣйшее желаніе танцовать; но по нѣкоторомъ размысленіи, онъ рѣшилъ, что разумнѣе отложить танцы до конца свиданія съ Кэтъ. Взамѣнъ того, онъ радостно засвисталъ и быстро смѣнилъ свистъ на улыбку, когда Кэтъ отворила дверь и вошла въ комнату. Онъ долженъ былъ объясниться съ ней тотчасъ же, улыбка его, помимо его воли, сказала ей слишкомъ много. А между тѣмъ, первый взглядъ на нее показалъ, что ей дѣло представлялось не такимъ простымъ, какъ ему. Онъ процагъ ей это; она не могла знать, на чемъ основывается его внутреннее убѣжденіе. Онъ даже полюбовался ея сѣрымъ домашнимъ платьемъ съ отдѣлкой изъ чернаго бархата, которое она надѣла, вмѣсто своего обыкновеннаго, бѣлаго.

— Я радъ, что вы на сегодня бросили бѣлое,—сказалъ онъ, вставая, чтобы пожать ей руку.—Это знакъ. Это показываетъ, что вы вообще бросаете, покидаете эту благословенную страну, а это для меня въ высшей степени пріятно. Я радъ, что вы ее кинете, отшвырнете, забросите.

Онъ держалъ ея смуглую ручку въ своей громадной ладони, которую только что высвободилъ изъ бѣлой перчатки, и внимательно глядѣлъ ей въ глаза.

— Что такое забросить?

— Индію, все дѣло. Мнѣ хочется, чтобы вы уѣхали со мною.— Онъ говорилъ нѣжно.

Она взглянула на него, и онъ увидѣлъ въ дрожаніи линий вокругъ ея губъ слѣды спора по этому поводу, выдержаннаго ею прежде, чѣмъ выйти къ нему.

— Вы уѣзжаете? Я очень рада.—Она съ минуту колебалась.—Знаете почему?—прибавила она съ оттѣнкомъ ласки, какъ ему показалось.

Тарвинъ засмѣялся и сѣлъ.

— Это мнѣ нравится. Да, я ѣду,—сказалъ онъ.—Но я ѣду не одинъ. По моимъ расчетамъ, мы должны ѣхать вмѣстѣ,—рѣшительно проговорилъ онъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, не говорите этого, Кэтъ. Вы не должны... На этотъ разъ дѣло стоитъ серьезно.

— Развѣ прежде [оно не было серьезно?—сказала она, опускаясь въ кресло.—Мнѣ оно всегда казалось очень серьезнымъ. Для меня очень серьезно, что я не могу исполнить ваше желаніе, что я дѣлаю не то, что вы хотите, а совсѣмъ другое; единственное дѣло, которое я хочу дѣлать, очень для меня серьезно. Я осталась все та же, Никъ. Если бы что-нибудь во мнѣ измѣ-

нилось, я тотчасъ же сказала бы вамъ. Что же случилось новаго съ котормъ-нибудь изъ насъ?

— Очень многое. Во-первыхъ, я долженъ уѣхать изъ Ратора. Надѣюсь, вы не воображаете, что я васъ здѣсь оставлю безъ себя.

Она нѣсколько секундъ пристально смотрѣла на свои руки, сложенные на колѣняхъ. Затѣмъ подняла на него открытый взглядъ своихъ большихъ глазъ.

— Никъ,—сказала она,—позвольте мнѣ объяснить, какъ я понимаю дѣло. Вы можете поправить меня, если я ошибаюсь.

— О, вы навѣрно ошибаетесь!—вскричалъ онъ и, однако, наклонился къ ней, чтобы лучше слушать ее.

— Ничего, я попробую. Вы просите меня выйти за васъ замужъ?

— Прошу,—торжественно отвѣчалъ Тарвинъ,—позвольте мнѣ повторить это въ присутствіи священника, и вы увидите.

— Благодарю васъ, Никъ. Вы мнѣ предлагаете величайшій, лучший даръ, и я вамъ очень благодарна. Но чего вы собственно отъ меня хотите? Не сердитесь, что я это спрашиваю, Никъ. Вы хотите, чтобы я украсила вашу жизнь, чтобы я служила дополненіемъ вашихъ другихъ честолюбивыхъ замысловъ? Развѣ это не правда? Скажите мнѣ по совѣсти, Никъ, развѣ это не правда?

— Нѣтъ!—закричалъ Тарвинъ.

— Да, увѣряю васъ! Это и есть бракъ. Бракъ есть поглощеніе одной жизни другою, вступить въ бракъ—значитъ жить своею жизнью такъ, какъ будто она не своя, а чужая. Такъ живутъ всѣ женщины; я это понимаю, я ихъ одобряю. Но сама я этого не могу. Женщина отдаетъ всю себя въ бракъ, во всякомъ счастливомъ бракѣ. Я не могу отдать всю себя. Одна часть меня принадлежитъ другому. Я не могу предложить вамъ часть себя: самые лучшіе мужчины отдаютъ только часть себя женщинамъ, но отъ женщины требуютъ большаго.

— Т.-е. вы хотите сказать, что вамъ приходится выбирать: бросить свое дѣло, или бросить меня, и что послѣднее для васъ легче.

— Я этого не сказала; но если бы и такъ, что же тутъ особенно удивительнаго? Будьте правдивы, Никъ. Представьте себѣ, что я потребую, чтобы вы отказались отъ всего смысла и всей цѣли *вашей* жизни? Представьте себѣ, что я потребую, чтобы вы бросили *ваше* дѣло, и взамѣнъ предложу вамъ бракъ! Нѣтъ, нѣтъ!—она покачала головой.—Бракъ дѣло хорошее; но какой мужчина заплатитъ за него такой цѣной?

*

— Моя дорогая дѣвушка, но вѣдь это же назначеніе женщія.

— Назначеніе нѣкоторыхъ счастливыхъ женщинъ, да; но не всякая можетъ такъ относиться къ браку. Не одни мужчины,—и женщины имѣютъ разнаго рода призванія.

— Ахъ, перестаньте, Кэтъ! Мужъ вовсе не пріютъ для сиротъ и не убѣжище для странниковъ. Вы слишкомъ серьезно смотрите на дѣло. Вы говорите такъ, какъ будто онъ долженъ быть единственнымъ объектомъ вашего милосердія, какъ будто ради него вы должны отказаться отъ всего. Конечно, къ нѣкоторой долѣ самопожертвованія вамъ надобно приготовиться, но на практикѣ вамъ придется ради мужа побывать на нѣсколькихъ обѣдахъ, присутствовать на полугодовыхъ митингахъ совѣта, да на одномъ-двухъ пикникахъ,—вотъ и все. Затѣмъ, вы должны утромъ пить кофе вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ, а вечеромъ, когда онъ возвращается домой, сидѣть гдѣ-нибудь недалеко отъ камина въ не очень безобразномъ костюмѣ. Полноте, неужели это трудно? Попробуйте, Кэтъ, моя дорогая, вы увидите, какъ все это будетъ вамъ легко со мною. Я понимаю то другое, о чемъ вы мечтаете. Я понимаю, что вы никогда не удовлетворитесь жизнью, при которой вамъ нельзя будетъ дѣлать счастливыми, кромѣ мужа, еще массу другихъ людей. Я это признаю. Я считаю это самымъ главнымъ. Увѣряю васъ, мнѣ именно этого-то и хочется. У васъ талантъ дѣлать людей счастливыми. Ну, я, по особому соглашенію, поручаю вамъ сдѣлать меня счастливымъ; а когда вы этого достигнете, я хочу, чтобы вы шли дальше, чтобы своею добротою вы осчастливили весь міръ. И вы это сдѣлаете. Чортъ возьми, Кэтъ, мы это сдѣлаемъ! Никто не знаетъ, сколько добра могутъ надѣлать два человѣка, если они составятъ синдикатъ и займутся серьезно этимъ предпріятіемъ. До сихъ поръ еще никто этого не пробовалъ. Попробуйте вмѣстѣ со мной! О, Кэтъ, я васъ люблю, я не могу быть счастливъ безъ васъ, только не отказывайте мнѣ, я устрою вамъ жизнь по вашему вкусу!

— Я знаю, Никъ, вы будете добры. Вы постараетесь сдѣлать все, что можетъ сдѣлать мужчина. Но не мужчина дѣлаетъ бракъ счастливымъ или сноснымъ, а женщина, такъ и должно быть. Я или вполне войду въ роль жены и заброшу все остальное, и тогда я буду несчастна, или я заброшу васъ и буду еще несчастнѣе. Въ томъ и другомъ случаѣ я не могу быть счастливой.

Тарвинъ нащупалъ рукой Наулаку въ своемъ переднемъ карманѣ и крѣпко стиснулъ его. Казалось, будто изъ ожерелья въ него вошла сила, сила сдержатъ себя, чтобы не потерять всего изъ-за нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ.

— Кэтъ, дорогая моя,—мягко сказалъ онъ,—намъ теперь не время толковать о будущихъ опасностяхъ. Намъ надобно считаться съ существующими. Ваше положеніе небезопасно. Я не могу оставить васъ здѣсь одну, а мнѣ необходимо уѣхать. Вотъ почему я прошу васъ теперь же стать моей женой.

— Но я ничего не боюсь. Кому охота дѣлать мнѣ зло?

— Ситабхаѣ,—мрачно отвѣтилъ онъ.—Да и не все ли равно? Я говорю, — вамъ грозитъ опасность, повѣрьте мнѣ, я знаю это навѣрно.

— А вамъ?

— О, обо мнѣ не стоитъ говорить.

— Скажите правду, Никъ!—попросила она.

— Ну, что жъ, я всегда говорилъ, что нигдѣ нѣтъ такого здороваго климата, какъ въ Топазѣ.

— Значить, вамъ грозитъ опасность и, можетъ быть, большая.

— Фактъ тотъ, что Ситабхаи придумываетъ разныя штуки вовсе не для спасенія моей драгоцѣнной жизни,—съ улыбкой проговорилъ онъ.

— Такъ вы должны уѣзжать сейчасъ же, вы не должны терять ни часу. О, Никъ, вы вѣдь не останетесь?

— Да я вѣдь тоже самое говорю. Я отлично могу жить безъ Ратора, но я не могу жить безъ васъ. Поѣдемъ!

— Вы хотите сказать, что если я не поѣду, то и вы останетесь?

— Нѣтъ, это походило бы на угрозу. Я говорю только, что подожду васъ.—Онъ глядѣлъ на нее смѣющимися глазами.

— Никъ, это все изъ-за того, что вы сдѣлали, о чемъ я васъ просила?

— Вы меня вовсе не просили,—возразилъ онъ.

— Значить изъ-за того, и я во всемъ виновата.

— Вы думаете, изъ-за того, что я говорилъ съ королемъ?

Милая моя, это не болѣе, какъ прологъ къ представленію въ здѣшнемъ циркѣ. Не мучьте себя мыслью о какой бы то ни было отвѣтственности. Вы будете отвѣтственны только въ томъ случаѣ, если тотчасъ же не бѣжите со мной. Идемъ, бѣжимъ, скроемся! Вамъ не стоитъ оставаться здѣсь ни часа, я въ этомъ убѣжденъ, а мнѣ ни минуты.

— Подумайте, въ какое положеніе вы меня ставите,—съ упрекомъ проговорила она.

— Я не ставлю васъ ни въ какое положеніе; я только предлагаю вамъ простой выходъ изъ затрудненія.

— Вы предлагаете себя.

— Да, конечно. Я вѣдь сказалъ, что это простой выходъ, я не сказалъ блестящій. Почти всякій могъ бы сдѣлать для васъ гораздо больше; на свѣтѣ найдется миллионъ людей лучше меня, но нѣтъ ни одного, кто могъ бы любить васъ лучше меня. О, Кэтъ, Кэтъ,—вскричалъ онъ, вставая,—довѣрьтесь моей любви, и я готовъ бороться съ цѣлымъ свѣтомъ, чтобы дать вамъ счастье!

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала она съ нетерпѣніемъ,—вы должны уѣхать.

Онъ покачалъ головой.

— Я не могу оставить васъ. Требуйте это отъ кого-нибудь другого. Неужели вы думаете, что человѣкъ, который любитъ васъ, можетъ бросить васъ на произволъ судьбы въ этой дикой пустынѣ? Неужели вы думаете, что кто-нибудь можетъ это сдѣлать? Кэтъ, дорогая моя, поѣдемъ со мною. Вы меня мучите, вы меня убиваете, заставляя меня хоть на одну минуту выпустить васъ изъ глазъ. Я говорю вамъ,—вамъ грозитъ серьезная, смертельная опасность. Неужели вы останетесь, даже зная это? Навѣрно же вы не захотите пожертвовать жизнью ради этихъ тварей.

— Захочу, —вскричала она, вставая съ возбужденнымъ лицомъ.—Да! если хорошо жить для нихъ, то хорошо и умереть ради нихъ. Я не думаю, чтобы моя жизнь была кому-нибудь нужна, но если она нужна, — пусть берутъ и ее!

Тарвинъ смотрѣлъ на нее пораженный, оторопѣлый, сбитый съ толку.

— Значить, вы не поѣдете?

— Я не могу. Прощайте, Никъ. Все кончено.

Онъ взялъ ея руку.

— Добраго вечера,—отвѣчалъ онъ.—На сегодня дѣйствительно все кончено.

Она слѣдила за нимъ тревожными глазами, пока онъ выходилъ изъ комнаты; потомъ она вдругъ бросилась за нимъ.

— Но вы вѣдь уѣдете же?

— Уѣду! Нѣтъ! Нѣтъ!—закричалъ онъ.—Теперь я останусь, даже если мнѣ придется организовать постоянную армію, объявить себя королемъ и сдѣлать гостинницу резиденціей правительства. Уѣду!

Она съ отчаяніемъ протянула руку, какъ бы стараясь удержать его, но онъ уже ушелъ.

Кэтъ вернулась къ маленькому магараджѣ Кенвару, которому привезли изъ дворца множество игрушекъ и разныхъ его любимцевъ, чтобы онъ не скучалъ во время выздоровленія. Она сѣла у его кровати и долго плакала, не говоря ни слова.

— Что съ вами, миссъ Кэтъ?—спросилъ принцъ, нѣсколько минутъ молча съ удивленіемъ смотрѣвшій на нее.—Право, я теперь почти совсѣмъ здоровъ, такъ что обо мнѣ нечего плакать. Когда я вернусь во дворецъ, я скажу отцу все, что вы для меня сдѣлали, и онъ подаритъ вамъ деревню. Мы, райпутане, никогда ничего не забываемъ.

— Я совсѣмъ не о томъ, Ляли,—сказала она, наклоняясь къ нему и вытирая свои заплаканные глаза.

— Мой отецъ можетъ дать вамъ и двѣ деревни. Никто не долженъ плакать, когда я выздоравливаю, вѣдь я сынъ короля. Гдѣ Моти? Мнѣ хочется, чтобы она посидѣла на стулѣ.

Кэтъ покорно встала и начала кликать любимицу магараджи Кенвара,—маленькую сѣрую обезьянку съ золотымъ ошейникомъ, которая свободно гуляла по всему дому и саду и на ночь старалась улечься подлѣ принца. Обезьянка откликнулась съ вершины дерева въ саду, гдѣ она ссорилась съ дикими попугаями, и вошла въ комнату, тихонько мурлыча, какъ обыкновенно.

— Иди сюда, маленькій Гануманъ,—сказалъ принцъ, поднимая руку. Обезьяна вскочила къ нему на кровать.—Мнѣ рассказывали объ одномъ королѣ,—говорилъ принцъ, играя ея золотымъ ошейникомъ,—который истратилъ три лакха на свадьбу двухъ обезьянъ. Моти, хочешь взять себѣ жену? Нѣтъ, нѣтъ, довольно съ тебя золотого ошейника. Мы истратимъ лучше три лакха на свадьбу миссъ Кэтъ и Тарвина-сагиба, когда мы выздоровѣемъ, и ты будешь танцовать на свадьбѣ.

Онъ говорилъ на мѣстномъ нарѣчьи, но Кэтъ очень хорошо понимала, почему онъ называлъ ея имя вмѣстѣ съ именемъ Тарвина.

— Не надо, Ляли, не надо!

— Отчего, Кэтъ? Вѣдь даже я женатъ.

— Да, да, но это другое дѣло. Кэтъ жалѣетъ объ этомъ, Ляли.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ магараджа, надувъ губы.—Я знаю, что я еще ребенокъ. Когда я выздоровѣю, я опять стану королемъ, и тогда никто не посмѣетъ отказаться отъ моихъ подарковъ. Послушайте-ка. Это трубы отца моего. Онъ ѣдетъ ко мнѣ.

Вдали раздался звукъ охотничьяго рога. Послышался топотъ лошадиныхъ копытъ, и черезъ нѣсколько минутъ экипажъ магараджи, окруженный конвоемъ, съ шумомъ подкатилъ къ дверямъ дома миссиі. Кэтъ съ безпокойствомъ посмотрѣла, не раздражаетъ ли этотъ шумъ ея маленькаго пациента; но его глаза загорѣлись, носдри дрожали, и онъ шепталъ, сжимая ручку сабли, которая все время лежала подлѣ него: «Очень хорошо! Отецъ привезъ всю свою гвардію».

Прежде чѣмъ Кэтъ успѣла встать, м. Эстесъ ввелъ магараджу въ комнату, которая вдругъ показалась маленькой сравнительно съ его особой и его величіемъ. Онъ только-что присутствовалъ на смотре своей гвардіи и пріѣхалъ въ полной парадной формѣ главнокомандующаго всей арміей королевства, что было не маловажное дѣло. Магараджа Кенваръ съ восхищеніемъ осматривалъ августѣйшую фигуру отца своего, начиная съ блестящихъ ботфортовъ съ золотыми шпорами, бѣлоснѣжныхъ замшевыхъ панталонъ, мундира, расшитаго золотомъ, и алмазовъ ордена «Звѣзды Индіи» до шафраннаго турбана и его качающейся изумрудной застѣжки. Король снялъ перчатки и ласково пожалъ руку Кэтъ. Видно было, что его величество послѣ попойки сталъ вѣжливѣе.

— Ну, что, выздоровѣлъ мальчикъ?—спросилъ онъ.—Мнѣ говорили, что у него была маленькая лихорадка, и у меня тоже была лихорадка.

— Я боюсь, что болѣзнь принца была гораздо серьезнѣе простой лихорадки, сагибъ магараджа,—отвѣчала Кэтъ.

— Ахъ, ты, мой мальчикъ,—сказалъ король, на мѣстномъ нарѣчій, нѣжно наклоняясь надъ сыномъ,—это все оттого, что ты слишкомъ много ѣшь.

— Нѣтъ, отецъ, я не ѣлъ, и я теперь здоровъ.

Кэтъ стояла у изголовья кровати и гладила волосы мальчика.

— Сколько войска было сегодня на парадѣ?

— Оба эскадрона, генераль,—отвѣчалъ отецъ, и глаза его заблестали гордостью.—Ты настоящій райпутанъ, сынъ мой.

— А мой конвой, гдѣ онъ?

— Вмѣстѣ съ отрядомъ Пертабъ Синга. Они пошли въ атаку передъ концомъ битвы.

— Клянусь Священнымъ Конемъ,—сказалъ магараджа Кенваръ,—въ настоящемъ сраженіи они пойдутъ въ атаку съ самаго начала. Вѣдь, правда, отецъ? Ты поведешь правый флангъ, а я—лѣвый.

— Непремѣнно. Но для этого принцъ не долженъ хворать и долженъ многому научиться.

— Я знаю,—задумчиво отвѣчалъ принцъ.—Отецъ, я здѣсь не спалъ нѣсколько ночей, и все думалъ. Развѣ я маленькій ребенокъ?—Онъ взглянулъ на Кэтъ и прошепталъ:—Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ отцомъ. Пусть никто сюда не входитъ.

Кэтъ тотчасъ же вышла изъ комнаты, мимоходомъ съ улыбкой посмотрѣвъ на мальчика, а король сѣлъ подлѣ его кровати.

— Нѣтъ, я не маленькій ребенокъ,—сказалъ принцъ.—Черезъ пять лѣтъ я буду взрослымъ человѣкомъ, и многіе люди будутъ

повиноваться мнѣ. Но какъ же узнаю, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ приказывать?

— Надобно будетъ много учиться, — неопредѣленно повторилъ магараджа.

— Да, я объ этомъ-то и думалъ, пока лежалъ здѣсь въ темнотѣ, — сказалъ принцъ. — И мнѣ кажется, что всему этому нельзя научиться, живя за стѣнами дворца и около женщинъ. Отецъ, позволъ мнѣ уѣхать и учиться, какъ надобно управлять.

— Да куда же ты хочешь ѣхать? Все мое королевство твоей домъ, мой дорогой.

— Я знаю, я знаю, — отвѣчалъ мальчикъ. — И я вернусь назадъ, только мнѣ не хочется, чтобы другіе принцы смѣялись надо мной. На свадьбѣ равуть Баннаула смѣялся надо мною за то, что у меня меньше книгъ, чѣмъ у него. А онъ вѣдь сынъ простого лорда. У него нѣтъ предковъ. Но онъ ѣздитъ по всей Райпутанѣ, онъ былъ въ Дели, въ Агрѣ, въ Абу; онъ въ старшемъ классѣ королевской школы въ Аймиръ. Отецъ, все сыновья королей учатся тамъ. Они не играютъ съ женщинами; они ѣздятъ верхомъ съ мужчинами. Въ Аймиръ и воздухъ, и вода очень хороши. Мнѣ бы такъ хотѣлось поѣхать туда!

Лицо магараджи омрачилось, онъ всѣмъ сердцемъ любилъ мальчика.

— А вдругъ тамъ что-нибудь случится съ тобой, Ляльи? Подумай-ка объ этомъ.

— Я уже думалъ, — отвѣчалъ принцъ. — Что же можетъ со мною случиться тамъ, гдѣ за мною будутъ смотрѣть англичане? Равуть Баннаульскій говорилъ мнѣ, что у меня будутъ мои собственные комнаты, мои собственные слуги, мои собственные конюшни, какъ у другихъ принцевъ, и что меня тамъ будутъ очень уважать.

— Да, — успокоительно сказалъ король. — Мы дѣти солнца, ты и я, мой принцъ.

— Значитъ, я долженъ быть такимъ ученымъ, такимъ сильнымъ и такимъ храбрымъ, какъ лучшіе люди моего рода. Отецъ, мнѣ надоѣло бѣгать по комнатамъ женщинъ, слушать разговоры матери и пѣніе танцовщицъ; и потомъ онѣ вѣчно лѣзутъ ко мнѣ со своими поцѣлуями. Пусти меня въ Аймиръ. Пусти меня въ королевскую школу. Черезъ годъ, да, черезъ годъ, такъ говорилъ равуть Баннаула, я буду умѣть командовать моимъ копьемъ, какъ командуютъ короли. Обѣщай мнѣ, отецъ!

— Когда ты выздоровѣешь, — отвѣчалъ магараджа, — мы объ этомъ поговоримъ, поговоримъ не какъ отецъ съ сыномъ, а какъ мужчина съ мужчиной.

Глаза магараджи Кенвара загорѣлись радостью.

— Это хорошо, — проговорилъ онъ, — какъ мужчина съ женщиной.

Магараджа поласкалъ его нѣсколько минутъ и сообщилъ ему разныя мелкія дворцовыя новости, какія мальчику могло быть интересно услышать. Затѣмъ онъ сказалъ, смѣясь:

— Ну, теперь вы мнѣ позволите уйти?

— О, отецъ!—Принцъ спряталъ голову въ бороду отца и обнялъ его обѣими руками. Магараджа высвободился тихонько и также тихонько вышелъ на веранду. Прежде чѣмъ Кэтъ вернулась, онъ исчезъ въ облакъ пыли, среди звука трубъ. Въ ту минуту, какъ онъ отъѣзжалъ, къ дому подошелъ посланный съ платяной корзиной, до верху наложенной апельсинами, бананами и гранатами—золото, изумрудъ и мѣдь; онъ поставилъ ее къ ногамъ Кэтъ и сказалъ:

— Это подарокъ королевы.

Маленькій принцъ услышалъ изъ комнаты эти слова и началъ радостнымъ голосомъ:

— Кэтъ, это моя мать вамъ прислала. Не правда ли, какіе большіе фрукты? Ахъ, дайте мнѣ гранатъ!—попросилъ онъ, когда она вернулась въ комнату съ корзиной.—Я ихъ не ѣлъ съ прошлой зимы.

Кэтъ поставила корзину на столъ, а у принца явилось новое желаніе. Ему захотѣлось шербета изъ граната, и Кэтъ должна была сдѣлать смѣсь изъ сахара, молока, сока и толстыхъ красныхъ зеренъ. Она вышла изъ комнаты, чтобы принести стаканъ, а въ это время Моти, который напрасно старался стащить изумруды принца и съ горя спрятался подъ кровать, вылѣзъ оттуда и схватилъ спѣлый бананъ. Зная, что магараджа Кенваръ не можетъ встать, Моти, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его слова, сѣлъ преспокойно на корточки, осмотрѣлъ свой бананъ, снялъ кожицу своими маленькими черными пальчиками, сдѣлалъ гримасу принцу и принялся ѣсть.

— Хорошо, Моти, —сказалъ магараджа Кенваръ на мѣстомъ нарѣчи, —Кэтъ говоритъ, что ты совѣмъ не богъ, а просто маленькая, сѣрая обезьяна, и я тоже думаю. Когда она придетъ, она тебя побьетъ.

Моти сѣлъ половину банана, когда Кэтъ вернулась, но онъ не пытался убѣжать отъ наказанія. Кэтъ слегка толкнула воришку, и онъ упалъ на бокъ.

— Ляли, что же такое случилось съ Моти?—спросила она, съ удивленіемъ смотря на обезьяну.

— Онъ стащилъ бананъ, а теперь, должно быть, притворяется мертвымъ... Ударьте его!

Кэтъ наклонилась надъ неподвижнымъ маленькимъ тѣломъ; Моти не пришлось наказывать, онъ лежалъ мертвымъ.

Кэтъ поблѣднѣла. Она встала, взяла корзину съ фруктами, быстро поднесла ее къ носу и понюхала. Блестящая кучка плодовъ отдавала приторнымъ, опьяняющимъ запахомъ. Она опять поставила корзину на столъ и поднесла руку къ головѣ. Отъ этого запаха ей дѣлалось дурно.

— Ну, что же,—сказалъ принцъ, который не могъ видѣть своей мертвой любимицы,—дайте же мнѣ шербетъ.

— Фрукты оказались нехорошими, Ляльи,—отвѣчала она съ усиліемъ. Съ этими словами она выбросила въ садъ черезъ открытое окно недоѣденный кусокъ банана, который Моти такъ крѣпко прижималъ къ своей преступной, маленькой груди.

Попугай въ ту же секунду слетѣлъ съ дерева къ этому куску, и унесъ его съ собой въ чашу вѣтвей. Это произошло такъ быстро, что Кэтъ, все еще не хотѣвшая вполнѣ вѣрить злодѣйству, не успѣла остановить птицу, и черезъ минуту маленькій комокъ зеленыхъ перьевъ слетѣлъ съ дерева—попугай лежалъ на землѣ мертвымъ.

— Нѣтъ, фрукты не хороши,—повторила она безсознательно; лицо ея было блѣдно, глаза расширились отъ ужаса. Мысли ея вернулись къ Тарвину. Она оттолкнула его предостереженія и его мольбы! Онъ говорилъ, что ей грозитъ опасность. Развѣ это было не правда? Ужасное лукавство, съ какимъ былъ направленъ ударъ, могъ бы поразить и болѣе сильную женщину, чѣмъ она. Съ какой стороны ждать его теперь? Въ какой засадѣ притаился врагъ? Самый воздухъ можетъ быть отравленъ. Она едва рѣшалась дышать.

Смѣлость нападенія пугала ее столько же, сколько и злодѣйство замысла. Если это могло быть сдѣлано среди бѣла дня, подъ видомъ дружескаго подарка, тотчасъ послѣ посѣщенія короля, на что не рѣшится цыганка въ другой разъ? Она съ магараждей Кенваромъ жили подъ одною крышей; если Тарвинъ справедливо предполагаетъ, что Ситабхай желаетъ ей зла, то значить фрукты предназначались для нихъ обоихъ. Она дрожала при мысли, что могла, ничего не подозрѣвая, сама дать фруктъ магараджѣ.

Принцъ повернулся на постели и посмотрѣлъ на Кэтъ.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ онъ съ серьезною любезностью.—Въ такомъ случаѣ не трудитесь дѣлать шербетъ. Дайте мнѣ Моти, мы будемъ играть.

— О Ляльи, Ляльи!—вскричала Кэтъ, бросаясь къ кровати. Она опустилась на полъ подлѣ мальчика, обвила его руками, какъ бы защищая, и залилась слезами.

— Вы во второй разъ плачете,—сказалъ принцъ, съ удивленіемъ глядя на ея плечи, вздрагивавшія отъ рыданій.—Я скажу сагибу Тарвину.

Эти слова поразили Кэтъ въ самое сердце и вызвали въ ней горькое и бесполезное сожалѣніе. О, если бы хоть на минуту опереться на ту твердую, сильную руку, которую она оттолкнула! Гдѣ-то онъ теперь? съ раскаяніемъ спрашивала она себя. Что случилось съ человѣкомъ, котораго она прогнала, рѣшившись одна рисковать и жизнью, и смертью въ этой ужасной странѣ?

Въ это время Тарвинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ гостиницѣ и, чтобы видѣть всякаго, кто будетъ подходить, открылъ обѣ двери знойному вѣтру пустыни; револьверъ лежалъ на столѣ противъ него, а Наулака въ его карманѣ; онъ всѣми силами жаждалъ уѣхать и проклиналъ свой первый успѣхъ, который не могъ раздѣлить съ Кэтъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

(Продолженіе *).

III.

Связь развитія русскихъ государственныхъ учрежденийъ съ военными и финансовыми нуждами.—Дворцовые и государственные элементы въ управленіи великихъ княжествъ древней Руси.—Механическое нарастаніе учрежденийъ съ конца XV в. по средину XVI в.—Финансовый характеръ административной реформы Ивана IV.—Новые наросты; территориальный характеръ центрального управленія.—Сліяніе финансовыхъ вѣдомствъ и расчлененіе военныхъ втеченіе XVII в.—Завершеніе обоихъ процессовъ во время Петра.—Развитіе областного устройства и разрушеніе центрального, какъ ихъ результатъ.—Первая систематическая реформа государственныхъ учрежденийъ: ея неудача.—Общій итогъ развитія государственныхъ учрежденийъ до Екатерины II.—Вторая систематическая реформа областныхъ учрежденийъ (при Екатеринѣ) и центральныхъ (при Александрѣ I).

Первые два отдѣла этого очерка показали намъ, до какой степени вопросы самоохраненія поглощали все вниманіе древняго русскаго государства, и какъ мало заботы оно могло удѣлить всѣмъ остальнымъ государственнымъ задачамъ. Естественно ожидать, что и вся государственная организація древней Руси развивалась подъ непосредственнымъ давленіемъ тѣхъ же насущныхъ потребностей, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ,—подъ вліяніемъ быстро возраставшей нужды въ войскѣ и въ деньгахъ. Мы отмѣтили до сихъ поръ въ жизни московскаго государства нѣсколько моментовъ усиленной военной нужды, сопровождавшейся важными финансовыми реформами, именно:

1) 1490-е годы; «Дворъ государевъ» осложняется «дѣтьми боярскими», навербованными «изъ городовъ». Введеніе ямской подати; финансовая перепись земель, присоединенныхъ къ Москвѣ, и введеніе въ нихъ однообразной московской финансовой единицы—московской сохи.

2) 1550-е годы: реформируется пѣхота, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ («стрѣльцы»), и устраивается правильная оборона юга съ помощью «засѣкъ». Введеніе «пищальныхъ», «засѣч-

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

ныхъ», «емчужныхъ», «на городовое дѣло» и «положничныхъ» денегъ. Реформа сошнаго обложенія (нормировка размѣровъ «сохи», различеніе качества земли и разрядовъ плательщиковъ) и первая генеральная перепись.

3) 1620-е годы: войска набираются вновь, пѣхота выписывается изъ-за границы, вводится иноземный строй. Введеніе «большихъ ямскихъ» и «стрѣлцкой» подати. Составленіе новыхъ писцовыхъ книгъ и нормировка размѣровъ «живущей четверти».

4) 1660—1680-е годы: Организируются мѣстные полки и пограничные штабы. «Драгуны, рейтары и солдаты» вытѣсняють дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Развитіе подворнаго обложенія; отмѣна старыхъ податей; поразрядный городской налогъ.

5) 1700—1720-е годы: среди непрерывныхъ походовъ создается регулярная армія и флотъ. Экстренные подати и сборы; введеніе подушной подати.

Намъ предстоитъ теперь увидѣть, что каждая изъ этихъ военно-финансовыхъ перемѣнъ сопровождалась реорганизаціей государственныхъ учреждений, и что главной цѣлью этой реорганизаціи было удовлетвореніе все той же нужды въ деньгахъ и въ войскѣ.

Русскія учрежденія развились очень поздно и изъ очень простой и первобытной ячейки. До самаго конца XV вѣка государственное управленіе Россіи почти совершенно сливалось съ дворцовымъ хозяйствомъ. Древнѣйшими учрежденіями русскаго князя были его кладовая (казна), погребъ, кухня, конюшня, псарня и птичій дворъ; казначеи и дворецкіе, чашники, стольники, конюшіе, псари и сокольники были его чиновниками. Въ его селахъ, волостяхъ и городахъ сидѣли назначенные имъ «приказчики»; извѣстные намъ финансовыя чиновники, «данщики» и «писцы», обѣзжали по временамъ княжескія земли. Все управленіе сводилось къ государеву дворцу. Нѣкоторые изслѣдователи заключили изъ этого, что древнѣйшее устройство русскаго княжества носило совершенно частный, не государственный характеръ: князь былъ просто хозяинъ своей вотчины. На дѣлѣ, дворцовое управленіе древняго княжества такъ же неудобно называть частнымъ, какъ и государственнымъ: въ немъ одинаково смѣшивались какъ тотъ, такъ и другой элементы. Князь судилъ, собиралъ подати, велъ войну и сношенія съ сосѣдями, конечно, не какъ частный хозяинъ; его слуги, съ помощью которыхъ онъ все это дѣлалъ, были не только приказчиками въ большомъ хозяйствѣ, но настоящими государственными чиновниками; и въ составѣ княжескихъ учреждений очень рано стали выдѣляться учрежденія съ чисто

государственнымъ характеромъ. Финансы, войско и дипломатическія сношенія съ давнихъ поръ завѣдывались «дворцовыми», «разрядными» и «посольскими» дьяками, которымъ эти дѣла были специально «приказаны». Постепенно эти «приказы» (т. е. порученія) отвердились въ постоянныя учрежденія: дворецъ, разрядъ и посольскій приказъ (къ срединѣ XVI вѣка),

Описанное государственное устройство было, приблизительно, одинаково во всѣхъ великихъ княженіяхъ древней Руси. Когда одно изъ этихъ княженій, Московское, поглотило остальные, естественно, что государственное устройство объединенной Руси должно было осложниться. На первыхъ порахъ, однако же, осложненіе это было чисто внѣшнее, совершенно механическое. Присоединяя какую-нибудь значительную область, Новгородъ, Тверь или Рязань—правительство Ивана III и Василия III переводило въ Москву центральныя учрежденія этихъ областей: ихъ «дворцы» и «разряды». Такимъ образомъ, рядомъ съ Московскимъ «дворцомъ», для отличія получившимъ названіе «Большого», явились «Тверской» и «Рязанскій»; такимъ же образомъ Новгородскій «разрядъ» долженъ былъ стать рядомъ съ Московскимъ разрядомъ. Въ присоединенную область посылается «намѣстникъ»: власть, дѣйствовавшая очень самостоятельно и почти независимо отъ Москвы. Такое механическое наростаніе учреждений продолжалось со времени первыхъ крупныхъ приобрѣтеній Москвы вплоть до Ивана IV. Ко времени Ивана IV вся система русскихъ учреждений должна была представлять очень пестрое зрѣлище. Она походила на жилое помѣщеніе, которое давно уже стало тѣснымъ для хозяина, но которое хозяинъ не хотѣлъ ломать, ограничиваясь всевозможными пристройками къ старому корпусу.

Правительство Ивана IV рѣшило, наконецъ, снести этотъ старый корпусъ со всѣми пристройками и на мѣстѣ ихъ построило новое зданіе, болѣе помѣстительное и болѣе систематически расположенное. Прежде всего Иванъ IV впервые отдѣлилъ управленіе государственное отъ дворцоваго: таковъ былъ смыслъ введенія имъ опричнины. На дворцовыя нужды, на «государевъ обиходъ» было отдѣлено до 40 городовъ, волостей и селъ, которые и составили основной фондъ дворцовыхъ земель. Вѣдать ими продолжалъ по старому «Большой дворецъ». Всѣ же другія мѣстности государства образовали «земщину», и доходъ съ нихъ поступалъ въ особую государственную казну, отдѣлившуюся съ этихъ поръ отъ дворцовой подъ названіемъ «Большого Прихода». Такъ какъ вѣдомство Большого Прихода распространялось, за исключеніемъ дворцовыхъ земель, на всю старую территорію государства, то

одному учрежденію справляться съ такимъ огромнымъ вѣдомствомъ было трудно. Для большей правильности управленія, вѣдомство это было раздѣлено на четыре «четверти», и каждая отдана въ завѣдываніе одному изъ самыхъ главныхъ «дьяковъ», по нашему, статсъ-секретарей государства. Къ каждой четверти были приписаны извѣстные города, такъ что территорія раздѣлилась на тѣ же четверти, получившія названія отъ главныхъ городовъ—Владимира, Устюга, Галича, Новгорода: Владимірская, Устюжская, Галичская и Новгородская четверть. Въ какой степени вся эта реорганизація была вызвана финансовыми потребностями, видно изъ того, что новыя учрежденія предназначались, главнымъ образомъ, для взиманія податей, и все устройство «четвертей» получило по преимуществу финансовый характеръ. Однако же не надо представлять себѣ, что четверти были какими-нибудь областями, вродѣ губерній или генералъ-губернаторствъ. Города, входившіе въ составъ извѣстной четверти, были набраны изъ всѣхъ ковцовъ Россіи и самымъ пестрымъ образомъ перемѣшались съ городами, попавшими въ вѣдомство другихъ четвертей. Каждый городъ сносился прямо съ Москвою, такъ что на мѣстѣ, въ области, никакого общаго управленія городами не существовало. Мы видимъ, значитъ, что это первое областное дѣленіе Россіи было совершенно искусственнымъ: правительство перетасовало города Россіи, какъ пришлось, почти безъ всякаго соображенія съ ихъ взаимной географической близостью или съ ихъ прежней исторической связью. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ развитія нашихъ учреждений, мы наталкиваемся на огромную разницу съ западомъ. Тамъ каждая область была плотнымъ замкнутымъ цѣлымъ, связаннымъ особыми правами, которыми эти области долго не хотѣли поступиться государству. Наша исторія не выработала никакихъ прочныхъ мѣстныхъ связей, никакой мѣстной организаціи; немедленно по присоединеніи къ Москвѣ, присоединенныя области распадалась на атомы, изъ которыхъ правительство могло лѣпить какія угодно тѣла. Но на первый разъ оно ограничилось тѣмъ, что каждый такой атомъ разъединило отъ сосѣднихъ и привязало административными нитями прямо къ центру.

Процессъ роста русскихъ учреждений продолжался очень быстро и послѣ реформъ Ивана IV, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ, столь же быстрымъ ростомъ русской территоріи. Уже при самомъ раздѣленіи русской территоріи на четверти, не были введены въ составъ четвертей города только-что покореннаго Казанскаго и Астраханскаго царства: по старому принципу, для завѣдыванія

ими, былъ образованъ новый «Казанскій дворецъ», бывшій разъ и «разрядомъ», такъ какъ въ немъ вѣдались и финансы, и военная служба на вновь приобрѣтенной окраинѣ. Когда были начаты завоеванія въ Сибири, во все первое полустолѣтiе этихъ завоеваній и Сибирь присоединялась къ вѣдомству Казанскаго дворца, пока, наконецъ, въ 1637 году не былъ образованъ особый Сибирскій приказъ.

Затѣмъ и на югѣ, за Оку, русская территория продолжала непрерывно расти: немедленно послѣ устройства четвертей—на югѣ появились новые города, уже не попавшіе въ «четверти». Эти города, построенные, большею частью, для военныхъ цѣлей, естественно, находились въ вѣдомствѣ тогдашняго военнаго министерства—«Разряднаго Приказа». Такимъ образомъ, государственное устройство очень скоро стало опять пестрымъ. Большой дворецъ, Устюжская, Галичская, Новгородская и Владимірская чети, Казанскій дворецъ, Сибирскій дворецъ, Разрядный приказъ,—каждое изъ этихъ учрежденій вѣдало особый округъ и при томъ вѣдало исполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ: и собирало подати, и судило, и управляло, и гдѣ были военные люди, то управляло и военною службою. Такимъ образомъ, дѣла были распредѣлены между высшими учрежденіями Московскаго государства (Приказами) не по ихъ содержанію, а по принадлежности ихъ къ извѣстному городу: не систематически, а территориально. Территориальный характеръ центральныхъ учрежденій маскировалъ полное отсутствіе чего-либо похожего на областное устройство.

Такое грубое распредѣленіе дѣлъ само по себѣ свидѣтельствуеетъ о томъ, что и задачи, которыя преслѣдовало правительственное управленіе, были крайне грубы и несложны. Мы могли въ этомъ убѣдиться, когда знакомились съ расходами Московскаго государства; къ тому же приводитъ теперь насъ и исторія московскихъ учрежденій. Управленіе въ собственномъ смыслѣ, то-есть, заботы объ общественномъ благоустройствѣ, стояли на второмъ планѣ; и еще въ большемъ забросѣ находился судъ: судилъ въ Московскомъ государствѣ всякій, кто управлялъ, такъ что судъ считался однимъ изъ второстепенныхъ придатковъ управленія; это смѣшеніе какъ нельзя лучше выразилось въ томъ, что самое слово «судья» значило тогда то же, что правитель или администраторъ. Главными цѣлями, какъ мы не разъ говорили, были для московскаго правительства добываніе денегъ и содержаніе войска. Деньги московское правительство XVII вѣка добывало преимущественно на сѣверѣ, отъ чернососныхъ, а войско содержало преимущественно на югѣ, на военной границѣ. Со-

образно съ этими цѣлями распредѣляется къ XVII вѣку и характеръ московскаго управленія между сѣверомъ и югомъ. На сѣверѣ (въ центрѣ) задачей московскаго правительства становится сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ какъ можно болѣе денегъ; потомъ и цѣлью управленія сѣверомъ дѣлается—слить денежные сборы «четвертей» въ одну общую кассу. Къ концу XVII вѣка цѣль эта достигается: «четверти» уничтожаются, а сборы ихъ (и прежде всего главнѣйшіе изъ этихъ сборовъ, таможенные и кабацкіе) сосредоточиваются въ центральномъ приказѣ «Большой Казны» настоящемъ министерствѣ финансовъ того времени. По отношенію къ югу цѣль правительства другая: правильное устройство военной обороны. Выше (Оч. III, 1) мы уже имѣли случай замѣтить, что, по мѣрѣ удаленія границъ государства отъ Москвы, пришло дѣло и штабы оборонительныхъ корпусовъ отодвигать къ новымъ границамъ. Во время войнъ Алексѣя Михайловича намѣтились три главныхъ центра военной обороны границы: Новгородъ (со стороны шведовъ), Сѣвскъ (со стороны литовско-польскаго государства) и Бѣлгородъ (со стороны Крыма). Въ этихъ центрахъ правительство организуетъ постоянные военные корпуса, такъ называемые «полки» или «разряды». Чтобы не было затрудненій въ наборѣ рекрутъ для этихъ корпусовъ, къ каждому изъ этихъ городовъ приписывается значительное количество сосѣднихъ городовъ; а чтобы было на что содержать корпуса, всѣ доходы этихъ городовъ (и вмѣстѣ и все управленіе ими) отдаются въ распоряженіе военнаго начальства каждаго «разряда». Такимъ образомъ, формируются три обширныхъ военныхъ округа, также получающихъ имя «полковъ» и «разрядовъ»: новгородскій, сѣвскій и бѣлгородскій. Итакъ, въ то самое время, какъ на сѣверѣ и въ центрѣ разрушаются старые финансовые округа, «четверти» и сливаются въ одномъ центральномъ финансовомъ вѣдомствѣ военное вѣдомство Разряднаго приказа, напротивъ, расчленяется и на юго-западѣ вновь появляются округа военные, гораздо тѣснѣе сплоченные и болѣе непрерывные географически, чѣмъ уничтоженные финансовые округа сѣвера.

Въ такомъ состояніи засталъ русскія учрежденія Петръ. Тѣмъ не менѣе нужда въ деньгахъ и войскѣ, которая вызвала административныя перемѣны въ XVII вѣкѣ,—во время Петра увеличилась въ огромныхъ размѣрахъ. Естественно, что и перемѣны въ управленіи подобныя тѣмъ, которыя мы сейчасъ отмѣтили въ XVII в. (т. е. разрушеніе финансовыхъ округовъ и образованіе военныхъ), въ петровское время стали совершаться ускореннымъ темпомъ. Финансовые округа и приказы, уцѣлѣвшіе къ его времени отъ XVII

вѣка, въ нѣсколько лѣтъ окончательно разрушились, такъ какъ Петръ мало-по-малу передалъ всѣ ихъ доходы въ руки новыхъ, имъ самимъ созданныхъ учреждений; такимъ образомъ, старые государственные доходы направлены были на удовлетвореніе новыхъ очередныхъ потребностей.

Напротивъ, военные округа, сформировавшіеся во второй половинѣ XVII в., не только не разрушились, а окончательно окрѣпли и распространились на всю Россію. Петру было еще нужнѣе, чѣмъ Алексѣю и Ѳедору, сосредоточить сборы со всей Россіи прямо въ рукахъ своихъ генераловъ и адмираловъ, поближе къ мѣсту ихъ дѣйствій. Завоевываетъ онъ Прибалтійскій край, и весь сѣверо-западъ Россіи отдается въ полное распоряженіе главнокомандующаго Меншикова. Ожидаетъ онъ нападенія Карла XII изъ-за Днѣпра, и немедленно формируются военныя квартиры въ Смоленскѣ и Кіевѣ; къ Кіеву приписываются и старые разряды: сѣвскій и половина бѣлгородскаго. Другая половина бѣлгородскаго съ Воронежемъ приписывается къ Азову, для построенія флота. Бунтъ поволжскихъ инородцевъ заставляегь сформировать военную квартиру въ Казани и перенести туда, на мѣсто, управленіе стараго «Казанскаго дворца». Только центръ и сѣверъ остаются внѣ прямого завѣдыванія генераловъ; но для большаго единообразія Петръ и ихъ рѣшаетъ превратить въ военно-финансовые округа, съ обязательствомъ помогать южной Россіи. Такимъ образомъ, создается, впервые въ Россіи, правильное дѣленіе всего государства на области или, какъ называетъ ихъ Петръ, «губерніи» (С.-Петербургская или Ингерманландская, Смоленская, Кіевская, Азовская, Казанская, Московская, Архангелогородская и Сибирская).

Въ результатѣ устройства губерній (1708—1712 гг.) обнаруживается, однако, большая неожиданность. Раздѣливши управленіе и доходы съ различныхъ областей Россіи между своими генералами, Петръ этимъ самымъ въ корнѣ разрушилъ прежнее центральное управленіе—«приказы». Мы видѣли, что главной задачей большинства приказовъ было финансовое или военное управленіе территоріальными округами; теперь, когда военно-финансовое управленіе перешло къ губернаторамъ, приказы сами собою перестали существовать. Россія была теперь съ областями, но безъ центральнаго управленія; жалкіе обломки приказовъ слились съ управленіемъ Московской губерніи; старинная дума боярская уже не собиралась съ начала столѣтія; вмѣсто нея существовали сѣзды ближайшихъ помощниковъ Петра, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ, собиравшіеся, за его отлучками, все рѣже и рѣже. Уже для военно-финансовыхъ порученій пришлось создать

*

въ центрѣ болѣе постоянное учрежденіе, которое Петръ украсилъ грсмкимъ именованіемъ «сената». За полнымъ отсутствіемъ другихъ центральныхъ органовъ, сенатъ не могъ остаться простымъ исполнителемъ порученій государя и скоро сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но въ этомъ своемъ качествѣ, сенатъ одинъ не могъ управиться со всѣми дѣлами, не могъ замѣнить цѣлой системы центральныхъ учреждений. Поэтому, на дѣлѣ пробѣлъ въ государственномъ строѣ оставался незаполненнымъ: новые губернаторы хозяйничали въ своихъ губерніяхъ совершенно безконтрольно и управленіе Россіей потеряло всякое единство. Пока Петръ лихорадочно занимался борьбой съ Карломъ XII-мъ и Турціей и непрерывно переѣзжалъ изъ конца въ конецъ своего обширнаго государства, появляясь въ Москвѣ лишь на нѣсколько недѣль каждый годъ (обыкновенно къ новому году), онъ не могъ, конечно, замѣчать неудобствъ новаго государственнаго устройства. Но когда самое трудное время прошло, когда Петръ окончательно рѣшилъ поселиться на одномъ (и притомъ, новомъ) мѣстѣ, то очень скоро онъ долженъ былъ почувствовать необходимость новыхъ, правильно организованныхъ, центральныхъ учреждений. Откуда было ихъ взять? Во всей Европѣ одна страна славилась тогда своими правительственными учрежденіями, устроенными въ духѣ неограниченной монархической власти: это—Швеція. Въ другихъ странахъ государственный строй носилъ болѣе или менѣе ясныя слѣды средневѣковаго феодализма. Естественно, что Швеція и сдѣлалась образцомъ для подражанія: по шведскому образцу рѣшено было устроить въ центрѣ государства «коллегіи», а въ области ввести «провинціи» съ правильнымъ устройствомъ финансовой, административной и судебной власти, съ значительнымъ судебнымъ персоналомъ. Казалось, впервые русская область придетъ въ нѣкоторый порядокъ, русская власть станетъ лицомъ къ лицу съ подданнымъ и перестанетъ нуждаться въ посредникахъ, судъ будетъ выдѣленъ изъ управленія и порученъ будетъ самостоятельнымъ отдѣльнымъ учрежденіямъ. Но всѣ эти благія намѣренія наткнулись на одно непреодолимое препятствіе. По шведскимъ порядкамъ управленіе одной Лифляндіей обошлось бы государству дороже, чѣмъ стоило прежде управленіе всей Россіей. Примитивное управленіе Московскаго государства, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло то незамѣнимое для казны достоинство, что обходилось чрезвычайно дешево. Напротивъ, образцовыя шведскія учрежденія оказались для бѣдной страны, отягощенной сверхъ силъ высокими налогами, черезчуръ дороги. Поэтому, уже при самомъ введеніи ихъ, пришлось сдѣлать въ нихъ

кля значительныя упрощенія, что они потеряли въ сущности ю свою цѣну. Въ своемъ испорченномъ видѣ они не стоили и эго, что приходилось на нихъ расходовать. Поэтому, немедленно послѣ смерти Петра, правительство сочло за лучшее почти вовсе гнѣбить ихъ и вернуть областныя учрежденія почти къ допетровской простотѣ. Воеводы и воеводская канцелярія для провинцій, губернаторъ и губернская канцелярія для губерній — вотъ се, или почти все, что осталось отъ всѣхъ этихъ рентмейстеровъ, камерировъ, ландрихтеровъ и другихъ чиновниковъ шведской системы. Такимъ образомъ, первая попытка правильной бюрократической организаціи областного управленія кончилась неудачей. За то уцѣлѣла другая сторона заимствованныхъ учреженій—шведскія коллегіи. Собственно такъ, какъ онѣ были введены, и въ нихъ ничего не оставалось шведскаго. Но въ нихъ орога была самая простая и основная идея — систематическаго аспредѣленія дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Послѣ хаотической системы привазнаго управленія, какія бы то ни было, олько-бы систематически соподчиненныя, центральныя учрежденія азались истиннымъ совершенствомъ. Сохранился и сенатъ, хотя о шведскому порядку при коллегіяхъ въ немъ не было никакой адобности; и на практикѣ въ теченіе всего XVIII в. сенатъ никакъ не могъ точно установить своего положенія между высшей осударственной властью и коллегіями. По отношенію къ высшей осударственной власти, сенатъ могъ имѣть только значеніе *исполнительнаго* органа; но высшая власть не могла обойтись безъ сякихъ учреженій при проявленіи своихъ высшихъ учредительныхъ и законодательныхъ правъ. Такія учрежденія, съ *учредительнымъ* и *законодательнымъ* характеромъ, постоянно возникали азгѣ верховной власти (верховный совѣтъ, кабинетъ и т. д.), и остоянно становились фактически выше сената, а формально — хъ отношеніе часто оставалось неопредѣленнымъ. По отношенію къ коллегіямъ, съ другой стороны, сенатъ имѣлъ характеръ надзодательнаго органа; но важнѣйшія изъ коллегій прямо были оставлены наравнѣ съ нимъ и не подчинялись ему (военная, адмиралтейская, иностранная); а по отношенію къ другимъ, сенатъ не имѣлъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ правильно осуществить вой контроль.

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, связь между главнѣйшими чуждами государства и постепеннымъ развитіемъ государственнаго троя до Екатерины II. Механическому объединенію областей и ихъ оенныхъ отрядовъ соотвѣтствуетъ механическое нарастаніе военныхъ и финансовыхъ учреженій въ центрѣ, при полномъ отсутствіи

связи между центромъ и областями. Затѣмъ, съ финансовыми и военными реформами Ивана Грознаго связана первая попытка систематизаціи государственнаго управленія; цѣль этой систематизаціи исключительно финансовая. Связь области съ центромъ устанавливается, но устанавливается не путемъ устройства административныхъ инстанцій, а путемъ непосредственнаго управленія областью изъ центра. Далѣе происходитъ военная колонизація юга и совершается втеченіе XVII вѣка дифференціація финансоваго и военнаго управленій. Первое требуетъ объединенія доходовъ, второе—разъединенія власти. Объединеніе финансоваго управленія ведетъ къ постепенному разрушенію старыхъ центральныхъ учреждений; разъединеніе военной власти полагаетъ начало новому областному дѣленію. Войны Петра доводятъ оба процесса до крайнихъ результатовъ: *все* центральныя учрежденія разрушаются, и финансовое управленіе дробится между начальниками округовъ, сформированныхъ для военныхъ цѣлей. Наконецъ, на пустомъ мѣстѣ производится первая попытка систематической реформы центральнаго управленія; но, въ виду невозможности создать соотвѣтственную сѣть областныхъ учреждений, эта попытка оказывается мало дѣйствительной. Чего же достигалъ этотъ тяжелый механизмъ, такъ медленно совершенствовавшійся и развивавшійся такъ стихійно? Изъ отдѣла о финансовомъ управленіи мы уже знаемъ, что русскія государственныя учрежденія даже въ этой самой важной для нихъ отрасли управленія достигали немногого. Они были не въ силахъ установить непосредственныя отношенія между государствомъ и каждымъ отдѣльнымъ подданнымъ; и, взаимнѣе такого прямого отношенія, они принуждены были довольствоваться круговой отвѣтственностью передъ государствомъ цѣлой общественной группы. Круговая отвѣтственность, какъ мы еще подробнѣе увидимъ впоследствии, становится типичной формой связи между гражданиномъ и государственной властью. Отдѣльное лицо неуловимо для правительства, пока властямъ не удастся отдать это лицо «за крѣпкія поруки». Съ «поруки» и начинается всякое серьезное обращеніе власти къ подданному. Система поручительства употребляется всякій разъ, когда нужно связать отдѣльное лицо какимъ бы то ни было обязательствомъ относительно государства. И даже когда правительство хочетъ заставитьъ весь народъ принять на себя передъ государствомъ какое-нибудь экстренное обязательство, оно не находитъ лучшаго средства, какъ связать его всенародной порукой въ лицѣ его представителей на «земскомъ соборѣ». Вотъ почему выборные люди земли русской не увлекаются своимъ званіемъ и смотрятъ

ва него вовсе не какъ на свое право, а какъ на тяжелую обязанность.

Если въ предѣлахъ ближайшихъ своихъ задачъ московское правительство принуждено было прибѣгать къ такимъ сильнымъ средствамъ, чтобы восполнить недостатокъ правильной системы учреждений и какъ-нибудь помочь собственному безсилію, то понятно, что въ отношеніяхъ подданныхъ между собой его регулирующее вліяніе сказывалось еще слабѣе. Какъ отразилось это на развитіи соціального строя, мы еще увидимъ; теперь же необходимо коснуться дѣятельности допетровскаго государства въ области правосудія. Конечно, судъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ функціямъ государственной власти; но стоитъ напомнить нѣсколько элементарныхъ фактовъ, чтобы показать, что для московскаго государства эта функція постоянно оставалась на второмъ планѣ. Мы уже не будемъ повторять, что до самой имп. Екатерины II судебная власть не имѣла въ Россіи своихъ особыхъ органовъ и соединена была съ властью административной. Но если припомнить, что русское уголовное право кодифицировано было лишь настолько, насколько эта кодификація нужна была для правильнаго взиманія судебныхъ пошлинъ; что гражданское право кодифицировано было еще несовершенно; что первая попытка кодифицировать русское государственное право была сдѣлана, болѣе или менѣе плохо, только въ Уложеніи царя Алексѣя, по иностраннымъ источникамъ; если прибавить къ этому, что и на основаніи такихъ неполныхъ и неточныхъ нормъ не легко было добиться правосудія, что правительство должно было, послѣ троекратной повѣстки, устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести къ суду сколько-нибудь вліятельнаго обвиняемаго, что на судѣ этотъ обвиняемый имѣлъ множество темныхъ способовъ уклониться отъ отвѣтственности, что даже въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, какъ убійство, стороны часто предпочитали кончать дѣло миромъ, а власти смотрѣли на такую развязку сквозь пальцы;—если собрать всѣ эти и подобные признаки, то легко будетъ представить себѣ, въ какой атмосферѣ безправія и безнаказанности жилъ русскій обыватель XVII и части XVIII столѣтія.

Нельзя сказать, чтобы всѣ отмѣченныя черты сразу уничтожились со времени Екатерины II; но несомнѣнно, что съ ея царствованія въ русскомъ государственномъ и общественномъ правосознаніи начинаютъ обнаруживаться признаки поворота на новую дорогу. Прежде всего, русскія учрежденія при Екатеринѣ II подверглись новой систематической перестройкѣ.

Никогда еще условія реформы не благоприятствовали до такой

степени ея успѣху, какъ въ царствованіе этой императрицы. Развитіе экономической жизни, увеличеніе народонаселенія давали, наконецъ, возможность населенію выдержать болѣе сложныя, и слѣдовательно, болѣе дорогія учрежденія. Сознательное отношеніе къ дѣлу, содѣйствіе людей теоретически и практически подготовленныхъ къ разработкѣ реформы ставило и законодателя въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ когда-либо прежде. Отсутствие ближайшихъ практическихъ побужденій позволяло приступить къ реформѣ обдуманно. Въ результатѣ губернскія учрежденія Екатерины II были одной изъ наиболѣе удачныхъ и оказались одной изъ наиболѣе прочныхъ русскихъ реформъ. При лучшихъ условіяхъ правительство Екатерины II пыталось осуществить тѣ же самыя задачи, отъ осуществленія которыхъ должно было отказаться правительство Петра и его преемниковъ. Задачи эти сводились, во-первыхъ, къ тому, чтобы приблизить управленіе къ управляемымъ; во-вторыхъ, чтобы отдѣлить судъ отъ управленія. Привычка управлять областью изъ центра, изъ приказа, была одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ стараго московскаго управленія. Съ Петра впервые явилось въ Россіи дѣленіе на области; но при скудости и малочисленности губернскихъ учреждений завѣдованіе главнѣйшими отраслями областного управленія продолжало сосредоточиваться въ коллегіяхъ; многія стороны губернскаго механизма приводились въ движеніе прямо коллежскими чиновниками. При Екатеринѣ II, наконецъ, управленіе губерніей всецѣло стало принадлежать губерніи. Рядомъ съ правительственнымъ чиновникомъ стали въ новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ выборные представители отъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ; такимъ образомъ, положено было начало идеѣ мѣстнаго самоуправленія, ничего не имѣющей общаго съ московской идеей — круговой отвѣтственности мѣстныхъ общественныхъ группъ. Не буду останавливаться на другой важной сторонѣ екатерининской реформы: на выдѣленіи, на этотъ разъ окончательно, суда отъ управленія и на устройствѣ, впервые въ Россіи, правильныхъ судебныхъ инстанцій, съ правильнымъ порядкомъ переноса дѣлъ изъ низшаго присутствія въ высшее. Со введеніемъ новыхъ губернскихъ порядковъ Екатерины II повторилось, однако, то же самое явленіе, какое мы видѣли при введеніи губернскихъ учреждений Петра I. Какъ тогда, такъ и теперь, при Екатеринѣ II, сосредоточеніе правительственной власти въ губерніи повело къ разрушенію этой власти въ центральныхъ коллегіяхъ: коллегіи, прежде непосредственно управлявшія губерніей черезъ своихъ чиновниковъ, теперь дѣлались ненужными, когда финансы, управленіе и судъ перешли

отъ коллежскихъ чиновниковъ къ губернскимъ палатамъ, правленіямъ и судебнымъ присутствіямъ. За исключеніемъ трехъ главныхъ, коллегіи вскорѣ и были уничтожены. Вслѣдствіе этого, опять появился пробѣлъ въ системѣ государственнаго устройства и опять долженъ былъ возникнуть вопросъ о реформѣ центральныхъ учреждений. Такимъ образомъ, губернская реформа Екатерины II по необходимости повела за собою центральную реформу Александра I.

Въ основу этой послѣдней реформы была положена Сперанскимъ идея раздѣленія властей: законодательной, исполнительной и судебной. Средоточіемъ судебной власти долженъ былъ быть сенатъ, уже составлявшій по судебному устройству Екатерины II правильную высшую судебную инстанцію. Исполнительная власть распредѣлялась между министерствами, которыми замѣнены были прежнія коллегіи: при замѣнѣ этой принято было въ расчетъ, что главное достоинство исполнительныхъ органовъ власти состоитъ въ быстротѣ ихъ дѣйствія и въ отвѣтственности дѣйствующихъ лицъ. То и другое лучше достигается при единоличномъ управленіи министра, чѣмъ при совмѣстномъ управленіи нѣсколькихъ членовъ коллегіальнаго присутствія. Надо прибавить къ этому, что въ дѣйствительности «коллегіальность», т. е. равенство членовъ въ коллегіи, и прежде всегда была мертвой буквой; на дѣлѣ управляли болѣе или менѣе независимо отъ сочленовъ президенты коллегій. Наконецъ, что касается законодательной власти, по первоначальному проекту Сперанскаго предполагалось отдать эту власть государственной думѣ, составленной изъ выборныхъ отъ всей Россіи по способу, заимствованному Сперанскимъ изъ французской конституціи VIII-го года (1799). Но потомъ рѣшено было сдѣлать законодательнымъ органомъ государственный совѣтъ. Все же и при такомъ ограниченномъ осуществленіи проекта, впервые появился въ Россіи постоянный органъ законодательной власти, и колебаніямъ въ устройствѣ высшихъ учреждений, какія мы видѣли въ XVIII в., казалось, положенъ былъ конецъ.

«Совѣтъ учрежденъ», писалъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ Государю, «чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ монархическимъ».

Не мало сдѣлано было со времени Екатерины и не мало остается еще сдѣлать для развитія гражданскаго правосознанія въ русскомъ обществѣ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, Россія дож-

далась, наконецъ, 60 лѣтъ тому назадъ, первой кодификаціи русскихъ законовъ, но какой кодификаціи? Связанный необозримымъ и самымъ пестрымъ наличнымъ матеріаломъ, знаменитый творецъ Свода Законовъ составилъ свой кодексъ изъ массы обрывковъ всевозможнаго историческаго происхожденія, туземнаго и иноземнаго, древняго и современнаго; ревностный сторонникъ раздѣленія властей безнадежно смѣшалъ при этомъ настоящіе законы съ административными распоряженіями и постановленіями по отдѣльнымъ случаямъ. Сперанскій, конечно, нисколько не виноватъ въ такомъ характерѣ Свода; по желанію императора Николая, онъ долженъ былъ ограничиться на первый разъ однимъ сопоставленіемъ существующихъ законовъ, безъ всякихъ измѣненій. Въ этомъ смыслѣ «Сводъ» являлся только предисловіемъ къ настоящему «уложенію»; но этого уложенія не суждено, повидимому, дождаться и нашему вѣку. Каковъ бы онъ ни былъ, Сводъ Законовъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ; но этотъ шагъ впередъ сдѣланъ былъ только самой незначительной частью русскаго общества. До самаго послѣдняго времени о существованіи Свода знала едва десятая часть населенія Россіи. Все русское крестьянство поневолѣ пользовалось двусмысленной привилегіей—судиться и управляться по собственному праву: что это за право, извѣстно немногимъ, но большинство убѣждено, что это право не то—и не должно быть тѣмъ, какимъ пользуются высшіе классы. Только на почвѣ такого убѣжденія возможны были тѣ законодательные эксперименты надъ личностью и собственностью крестьянъ, которые не прекратились еще и въ наше время. Передъ этимъ состояніемъ юридическаго правосознанія массы блѣднѣютъ тѣ слабые и медленные успѣхи въ развитіи чувства законности, которые успѣла сдѣлать привилегированная часть русскаго общества.

Мы не будемъ останавливаться на послѣднемъ періодѣ образованія русскихъ учреждений, начало которому положено «эпохой великихъ реформъ» императора Александра II и который до сихъ поръ нельзя еще считать законченнымъ. Съ историческимъ прошлымъ нашихъ учреждений этотъ періодъ связанъ только, какъ его полное отрицаніе—во имя требованій государственнаго искусства и во имя успѣховъ, сдѣланныхъ общественнымъ развитіемъ. Вопреки выраженію извѣстнаго адреса, поднесеннаго Александру II раскольниками, «старина наша» не «слышится въ новизнахъ» царя-реформатора; и это служитъ лучшимъ доказательствомъ соответствія новыхъ формъ новому духу—и вмѣстѣ ручательствомъ за ихъ развитіе въ будущемъ.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предыдущихъ отдѣлахъ, см. курсы русскаго государственнаго права *Градовскаго* (Начала русскаго государственнаго права) и *Романовича-Славатинскаго* (Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи). Характеристику учреждений удѣльнаго времени см. у *В. О. Ключевскаго*, Боярская дума древней Руси, гл. V. О характерѣ древнѣйшихъ московскихъ учреждений см. *А. Лохвицкаго*, Губернія. Спб. 1865, и *Градовскаго*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Спб. 1868. Общая характеристика губернской реформы Екатерины II и связь ея съ центральными реформами Александра I сдѣлана въ поучительной статьѣ *Ѳ. М. Дмитриева*, Сперанскій и его государственная дѣятельность. «Русскій Архивъ», 1868. См. также *М. А. Корфа*, Жизнь графа Сперанскаго. Спб. 1861, 2 тома. Записка Балугьянскаго напечатана въ Бумагахъ комитета 6 декабря 1826, изд. въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», т. 90-й. Любопытную характеристику современной дѣятельности высшихъ государственныхъ учреждений читатель найдетъ въ «Современной Россіи» (*Скальковскаго*), т. I, 3-е изд. Спб. 1891. Споръ объ отношеніи между закономъ и распоряженіемъ раздѣляетъ современныхъ русскихъ юристовъ, нѣкоторые изъ которыхъ стараются затушевать и въ теоріи разницу, изгладившуюся на практикѣ. Свѣдѣнія о кодификаціи Свода даны самимъ Сперанскимъ въ брошюрѣ «Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ», 1833; отзывъ о характерѣ этой кодификаціи см. въ Исторіи кодификаціи гражданскаго права, *С. В. Палмана*, т. 2, Спб. 1876.

Очеркъ четвертый. Сословный строй.

I.

Роль дворянства въ исторіи Запада.—Недостатокъ экономической самостоятельности русскаго дворянства и его зависимость отъ службы.—Переходъ отъ вольной службы къ невольной.—Закрѣпощеніе служилого сословія.—Судьбы русской высшей аристократіи.—Политика Грознаго и мѣстническая система.—Подготовка дворянскихъ привиллегій въ XVII в. и ихъ развитіе въ XVIII в.—Новыя богатства высшей аристократіи.—Ихъ непрочность и развитіе дворянской задолженности.—Постепенная потеря привиллегій.—Попытки ихъ восстановления и вѣроятная судьба этихъ попытокъ.

Перейдя въ послѣднемъ очеркѣ къ изученію русской общественной организаціи, мы успѣли расчленивъ эту организацію на два составные элемента. Мы видѣли, что русское общество замыкалось сильной государственной властью сверху и опиралось на принудительную организацію общественныхъ группъ снизу. Самодержавная власть и населеніе, отданное самому себѣ на поруки, таковы двѣ историческія основы русской общественности, болѣе или менѣе несовершенно связанные системой посредствующихъ правительственныхъ органовъ. Такимъ образомъ, съ самаго возникновенія нашей общественной организаціи она была поставлена въ непосредственную связь и въ прямую зависимость отъ государственной власти. Это наблюденіе само по себѣ показываетъ, что у насъ между государствомъ и населеніемъ не успѣло сложиться никакого плотнаго непроницаемаго слоя, который бы отдѣлялъ одно отъ другого такъ, какъ это дѣлали общественныя и территориальныя группы западной Европы. Теперь намъ предстоитъ развить то же наблюденіе въ приложеніи къ самому матеріалу, изъ котораго сложились наши общественныя группы.

Въ западной Европѣ между государствомъ и подданнымъ прежде всего стоялъ феодалъ. Этотъ феодалъ такъ успѣшно отдѣлялъ верхъ и низъ европейскаго общества, что никакія прямыя сношенія между ними не были возможны. Всѣ права государя надъ подданными: право судить и наказывать, право брать подати и т. д., феодалъ присвоилъ себѣ, государству стоило большого труда и многолѣтнихъ усилій вернуть эти государственныя права, захва-

ченныя феодаломъ. Въ этой борьбѣ за власть феодалы защищали свое положеніе противъ правительства не въ одиночку, а плотной массой, заставившей государство пойти на уступки и дать борющимся противъ него сословіямъ важныя политическія права.

По причинамъ, намъ уже отчасти извѣстнымъ, сословная жизнь Россіи сложилась совершенно иначе. Мы говорили уже о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя создали усиленный ростъ государственности (оч. III, 1): теперь мы увидимъ, какъ тѣ же самыя условія помѣшали свободному развитію сословной жизни Россіи. Прежде всего, остановимся на историческихъ судьбахъ русскаго землевладѣльческаго сословія—аристократіи и дворянства. Земледѣліе было въ Европѣ той силой, которая дала основу могуществу феодальной аристократіи. Опираясь на свои земельныя богатства, это сословіе могло чувствовать себя сильнымъ и независимымъ. И у насъ на Руси, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣніе землей давало богатство, оно давало также силу и независимость высшему сословію: такъ было на русскомъ и польскомъ юго-западѣ. Но на сѣверо-востокѣ обстоятельства сложились иначе. При крайней первобытности экономическаго развитія, при рѣдкости и бродячемъ состояніи рабочаго населенія, при полномъ господствѣ натурального хозяйства и невозможности сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, владѣніе землей, естественно, не давало значительнаго дохода землевладѣльцу. Поэтому высшее сословіе и не дорожило землей въ древней Руси; покидая свою «боярщину», свой вотчинный участокъ, русскій землевладѣлецъ искалъ болѣе выгоднаго занятія на сторонѣ, при князѣ. Такимъ образомъ, создавалось сословіе «вольныхъ слугъ», не признававшихъ никакихъ политическихъ дѣлений удѣльной Руси и свободно странствовавшихъ изъ удѣла въ удѣлъ, отъ князя къ князю. Въ самомъ дѣлѣ, покидая свою «вотчину», землевладѣлецъ ничего не терялъ, а выигрывалъ очень многое. Въ своей вотчинѣ онъ никогда не былъ тѣмъ государемъ, судьей и правителемъ, какимъ былъ западный баронъ въ своей бароніи; чиновники мѣстнаго князя, его судьи, сборщики податей всегда безпрепятственно проникали въ предѣлы владѣній русскаго вотчинника. Тѣ ограниченныя выгоды, которыя онъ получалъ отъ владѣнія вотчиной, онъ все равно сохранялъ и въ томъ случаѣ, если даже уходилъ къ чужому князю, въ чужой удѣлъ: обыкновенно, въ договорахъ между собою, князья условливались не отнимать земель у такихъ «слугъ», переходившихъ отъ одного изъ нихъ къ другому. Но явившись на службу къ князю,—своему или чужому,—землевладѣлецъ могъ рассчитывать въ свое пользованіе хотя бы часть тѣхъ государствен-

ныхъ правъ, которыхъ онъ былъ лишенъ, какъ простой хозяинъ вотчины. Князь давалъ ему часть своихъ доходовъ, связанныхъ съ управленіемъ, судомъ и т. д. въ «кормленіе». Итакъ, тѣ права, которыми западный землевладѣлецъ пользовался, какъ самостоятельный хозяинъ, нашъ землевладѣлецъ могъ получить только какъ чиновникъ, на службѣ князя. Естественно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльческое сословіе могло имѣть значеніе не какъ сословіе самостоятельное, а какъ «служилое». Поэтому-то, когда начало складываться и быстро расти Московское государство, не оказалось на лицо землевладѣльческаго класса, который могъ бы противостоять государству, какъ самостоятельная сила, — съ которымъ надобно было бы считаться. Этотъ классъ послужилъ только неорганической массой, сырымъ матеріаломъ, который государство употребило для возведенія своей собственной постройки. Вольный хозяинъ, свободно покидавшій свою вотчину, со времени объединенія Руси не могъ уже, какъ прежде, выбирать между князьями; князь и государь всей Руси былъ теперь одинъ, и отношенія къ нему бывшаго «вольнаго» слуги быстро становятся подневольными. Московскому государю нужно войско и, какъ мы видѣли, онъ спѣшитъ записать на свою службу всѣхъ наличныхъ землевладѣльцевъ; не довольствуясь этимъ матеріаломъ — землевладѣльцевъ-вотчинниковъ, — онъ создаетъ себѣ новыхъ слугъ, раздавая имъ казенныя земли, но уже не въ полную собственность, не въ вотчину, а только въ ограниченное и временное пользование подъ условіемъ службы, — въ помѣсть. Въ промежутокъ времени отъ Ивана III до Ивана IV возникаетъ, такимъ образомъ, рядомъ съ прежнимъ вотчинникомъ, вольнымъ слугою, новый классъ — подневольныхъ, обязанныхъ службой «помѣщиковъ». Ихъ служебныя обязанности со времени Ивана IV точно соразмѣряются съ величиной ихъ помѣстья и правительство строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы помѣстная земля «изъ службы не выходила». Какъ только умираетъ или перестаетъ быть годнымъ къ службѣ старый помѣщикъ, правительство тотчасъ отбираетъ у него помѣстье и передаетъ или взрослому сыну, или, если такого нѣтъ, кому-нибудь другому, способному къ службѣ; вдова и дочери получаютъ только небольшой клочекъ помѣстья, «въ прожитокъ», т. е. въ пенсію, вдова до смерти, а дочери до 15 лѣтъ. Только позднѣе, въ XVII в., правительство становится стоворчивѣе и соглашается «справлять» помѣстье за вторымъ мужемъ вдовы или за женихомъ дочери; только тогда же оно соглашается ждать, пока вырастутъ малолѣтнія дѣти стараго помѣщика, и въ ожиданіи этого не «отписывать» его помѣстья «на государя». Всего характернѣе,

что, опредѣливши самымъ точнымъ и строгимъ образомъ обязанности служилаго человѣка, получившаго помѣстье, правительство начинаетъ затѣмъ распространять эти обязанности и на его старое свободное владѣніе, на вотчину; оно заставляетъ служилаго человѣка точно такъ же служить съ вотчины, какъ онъ служилъ съ помѣстья; и самое помѣстье дается служилому человѣку только тогда, когда у него нѣтъ вотчины или когда она слишкомъ мала. Такимъ образомъ, самое основное различіе вотчины отъ помѣстья, какъ свободной собственности отъ условной, къ XVII вѣку совершенно уничтожается: старый вольный слуга окончательно становится невольнымъ; его отношенія къ правительству становятся вполне принудительными. Помѣщикъ и вотчинникъ прикрѣпляется къ государственной службѣ точно такъ же, какъ крестьянинъ прикрѣпляется къ податному тяглу: прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу обезпечиваетъ, какъ мы видѣли, потребность государства въ деньгахъ; прикрѣпленіе служилаго человѣка къ службѣ обезпечиваетъ потребность въ «войскѣ». Какъ крестьянину, такъ и помѣщику, въ серединѣ XVII вѣка, правительство окончательно запрещаетъ свободный выходъ изъ своего сословія въ другое; чтобы крестьянинъ не ушелъ изъ тяглой общины, членовъ общины правительство связываетъ круговой порукой; такая же порука требуется и отъ помѣщиковъ, записанныхъ въ службу по одному и тому же уѣзду, съ той только разницею, что здѣсь не всѣ помѣщики уѣзда ручаются другъ за друга, а, напр., за Иванова ручается Петровъ и Васильевъ, за Васильева—Ивановъ и Алексѣевъ, за Алексѣева—Петровъ и Ивановъ и т. д. Какъ крестьянская община, такъ и дворянское общество имѣетъ своихъ выборныхъ представителей, но не для того, чтобы осуществлять какія-нибудь права, а чтобы помогать правительству правильно распредѣлять лежащія на нихъ обязанности. Крестьянскій выборный староста разлагаетъ подати между членами тяглой общины; дворянскій выборный «окладчикъ» опредѣляетъ количество и качество военной службы, какую долженъ нести каждый изъ уѣздныхъ дворянъ.

Итакъ, въ удѣльной Руси не было зародышей для образованія дворянства, какъ привилегированнаго класса, и поэтому Московская Русь безъ малѣйшаго труда превратила вольнаго удѣльнаго землевладѣльца въ крѣпостнаго служилаго человѣка. Но въ удѣльной Руси былъ другой элементъ, болѣе пригодный для развитія аристократіи: это сами удѣльные князья, очутившіеся подъ властью великаго князя московскаго. Что случилось съ этимъ элементомъ послѣ объединенія Руси? Перейдя на службу Москвы, нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей долго сохраняли свои государственныя права

надъ старыми своими удѣлами; въ Москву они привезли свѣжія удѣльныя воспоминанія, и на нѣкоторое время московскій дворъ получилъ такой аристократическій характеръ, какого онъ никогда не имѣлъ ни прежде, ни послѣ. Но ненадолго удалось Гедиминовичамъ и Рюриковичамъ отгѣснить старыхъ нетитулованныхъ слугъ московскихъ государей. Монархическая власть, въ лицѣ Іоанна Грознаго, начала систематическую борьбу противъ опаснаго для нея соціальнаго элемента; борьба эта велась съ неутомимой послѣдовательностью и закончилась быстро—совершеннымъ пораженіемъ и даже истребленіемъ титулованнаго боярства. Первымъ шагомъ въ этой борьбѣ было окончательное прикрѣпленіе князей къ московской службѣ и уничтоженіе послѣднихъ остатковъ свободнаго отъѣзда. «Ты затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ», жалуется Курбскій Грозному на него самого; «кто побѣдетъ изъ твоей земли въ чужую, того ты называешь измѣнникомъ, а если поймають его на границѣ, то ты казнишь его разными смертями». Чтобы предупредить княжескіе отъѣзды, власть и здѣсь прибѣгла къ системѣ поручительства. Главные бояре связаны были огромными неустойками, которыя должны были уплатить въ случаѣ побѣга одного изъ членовъ высшей боярской аристократіи. Напримѣръ, за побѣгъ князя Серебрянаго имъ пришлось бы уплатить около 1½ милл. рублей на наши деньги; за князя Мстиславскаго—около 1.200.000; побѣгъ одного изъ двухъ братьевъ Воротынскихъ стоилъ бы поручителямъ немногимъ меньше милліона, и болѣе полумилліона имъ пришлось бы внести за князя Большаго, за бояръ Шереметева и Яковлева. Заперевъ, такимъ образомъ, бояръ въ московскую ловушку, съ ними можно было уже не церемониться. Источникъ ихъ силы заключался въ томъ, что они сохраняли владѣтельныя права въ своихъ дѣлахъ и вотчинахъ. Слѣдовательно, второй шагъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы отобрать у нихъ эти старыя вотчины. До двадцати такихъ вотчинъ, отобранныхъ у князей, Грозный перечисляетъ въ своемъ завѣщаніи. Взамѣнъ наслѣдственныхъ владѣній «княжатамъ» жаловались земли гдѣ-нибудь на противоположномъ краю Россіи, въ мѣстностяхъ, съ которыми они не были уже связаны никакими историческими воспоминаніями. Но и этой мѣной владѣній не ограничилась политика Грознаго. Третій и послѣдній шагъ этой политики заключался въ томъ, что царь прямо началъ «губить» знатнѣйшія фамиліи, губить не по личной прихоти и враждѣ, а изъ той же политики, и не отдѣльныхъ лицъ той или другой фамиліи, а по возможности всѣхъ представителей каждаго рода, — «всеродно»,

по выраженію Курбскаго. Такъ погибли Прозоровскіе и Ушатые, «понеже имѣли вотчины великія», и Воротынской съ Одоевскимъ, потому что «тѣ княжата были еще на своихъ удѣлахъ, а и великія вотчины подъ собою имѣли». Немногіе уцѣлѣвшіе экземпляры старинныхъ фамилій—преемники Грознаго соглашались терпѣть, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе представители этихъ фамилій не женились и не имѣли потомства. При такихъ условіяхъ произошло то, что никогда не могло бы случиться безъ политики Ивана IV: въ какіе-нибудь полвѣка безъ остатка вымерло большинство княжескихъ боярскихъ родовъ, которые сообщали блескъ московскому двору первой половины XVI столѣтія. На мѣсто Щепятевыхъ, Патрикеевыхъ, Шуйскихъ, Мстиславскихъ являются въ Боярской Думѣ XVII столѣтія новые, не «родословные» люди, всецѣло созданные царской службой. Съ удивительной быстротой исчезаютъ и старыя удѣльныя имущества этой аристократіи; ни одно изъ крупныхъ богатствъ того времени не дошло до конца XVII вѣка. Если теперь въ рядахъ людей богатыхъ мы и встрѣчаемъ старыхъ Рюриковичей и Гедиминовичей или потомковъ старинныхъ московскихъ бояръ (напримѣръ, князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ и т. д.), то богатства ихъ приобрѣтены были вновь ихъ позднѣйшими предками, не раньше XVIII столѣтія.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ своихъ преимуществъ высшая аристократія сохранила только одно: свое служебное положеніе при московскомъ дворѣ. Въ этомъ всего рѣзче обнаруживается разница между русской служилою аристократіей и независимой аристократіей западной Европы. Европейская аристократія въ основу своего понятія о дворянской сословной чести полагала идею дворянскаго равенства, перства; въ Москвѣ служилая «честь» измѣрялась государевымъ жалованьемъ, различнымъ для всякаго, и вмѣсто понятія перства, поддерживавшаго корпоративный духъ и создававшего цѣльность западной аристократіи,—выработалась своеобразная система мѣстничества. Всѣмъ извѣстно, что мѣстничество основывалось на родовыхъ счетахъ, возникавшихъ при назначеніяхъ на службу; члены одного рода не хотѣли служить подъ начальствомъ членовъ другого рода, если при прежнихъ назначеніяхъ они не бывали ниже послѣднихъ. При такомъ общемъ представленіи о мѣстничествѣ легко понять дѣло такъ, что цѣлые роды спорили съ цѣлыми родами, считая себя выше ихъ; что, стало быть, все родовое московское боярство располагалось по своему значенію при дворѣ въ извѣстнаго рода мѣстницу, ступенями которой были цѣлые роды, отъ высшаго къ низшему. При такомъ понятіи, мѣстничество,

конечно, противопологается идеѣ перства, какъ система единицъ, изъ которыхъ ни одна не была равна другой, такой системѣ, въ которой всѣ единицы равны. Но каждая отдѣльная единица мѣстнической системы, отдѣльный родъ, все же представляла бы собою при этомъ аристократическій элементъ, знакомый и Западу. На дѣлѣ различіе съ Западомъ идетъ дальше. Рюриковичи и Гедиминоичи съѣхались въ Москву такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что не было никакой возможности сообразить, какой родъ долженъ стать выше и какой ниже, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности ихъ права на вниманіе московскаго князя были не настолько различны, разниа въ удѣльномъ вѣсѣ не такъ велика, чтобы каждый родъ могъ получить особое, по праву ему принадлежащее, положеніе. За отсутствіемъ этихъ внутреннихъ признаковъ сравнительнаго достоинства цѣлаго рода, каждому члену рода приходилось зорко слѣдить за внѣшними признаками своего личнаго положенія среди сослуживцевъ и цѣпко хвататься за отношеніе, разъ установившееся между нимъ и сослуживцами изъ другого рода. Если А и В были назначены на мѣста, равныя по достоинству, то разъ навсегда устанавливалось, что и сами они равны другъ другу; но это вовсе не означало, что равны и ихъ роды. Сынъ А считалъ себя уже ниже В, а отецъ А былъ выше В: все дѣло, стало быть, сводилось къ тому, чтобы установить личное отношеніе каждаго члена одного рода къ каждому члену другого и этимъ опредѣлить личное право каждаго на то или другое мѣсто. Какъ видимъ, родовые счеты были при всемъ этомъ не цѣлью, а только средствомъ; чтобы опредѣлить взаимное отношеніе двухъ спорящихъ лицъ, надо было высчитать ихъ отношеніе къ лицамъ, когда-нибудь прежде назначеннымъ на службу вмѣстѣ; надо было, какъ тогда выражались, узнать «кто каковъ въ своемъ родѣ». Итакъ, оригинальную систему русскаго мѣстничества не надо представлять себѣ, какъ гѣстницу родовъ въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ «родословности», а скорѣе какъ параллельный рядъ поколѣнныхъ росписей, съ помощью которыхъ высчитывалось служебное положеніе каждаго члена каждой росписи относительно всякаго другого (предполагая нѣкоторыхъ представителей каждой изъ этихъ росписей равными другъ другу). При такомъ пониманіи, и послѣдній элементъ мѣстнической системы, который можно бы было считать аристократическимъ,—единство рода,—разрушается: родъ разлагается на свои отдѣльные атомы. Итакъ, и здѣсь, въ высшихъ слояхъ, служба, одна только служба опредѣляла положеніе нашей старинной аристократіи. Такимъ образомъ, московскіе государи не только спокойно могли при-

знавать мѣстническія права своихъ «служилыхъ князей» и бояръ; мѣстническіе счеты становились даже въ ихъ рукахъ новымъ средствомъ самодержавной политики. Какъ мы только-что видѣли, эти счеты не объединяли, а напротивъ, раздѣляли аристократію, поступившую на московскую службу: взаимная борьба за «государево жалованье» дробила высшій классъ на отдѣльные атомы и лишала его послѣдней возможности объединиться. Недаромъ иностранные наблюдатели (Флетчеръ и Горсей) говорятъ намъ, что царь систематически сѣялъ вражду между знатью, и что между отдѣльными членами высшаго класса существовало взаимное недобріе. Мы не имѣемъ на этотъ разъ собственнаго признанія царя, но послѣ всего сказаннаго не трудно предположить, что Грозный царь сознательно пользовался знаменитымъ политическимъ правиломъ макиавелизма: «разъедени и властуй».

Мы разсмотрѣли теперь два періода въ исторіи русскаго дворянства и нашли, что въ оба періода значеніе дворянства основывалось на службѣ сперва вольной, потомъ невольной; ни въ тотъ, ни въ другой періодъ дворянство не было привилегированнымъ сословіемъ; во 2-й періодъ, близко къ этому положенію, было титулованное боярство; но оно не было проникнуто сословнымъ духомъ, не составляло цѣлаго, заботилось только о личныхъ выгодахъ службы и притомъ скоро лишилось своего стараго «родословнаго» ядра, вымершаго безъ остатка или захудавшаго и уцѣлѣвшаго лишь въ младшихъ линіяхъ. Одновременно съ распаденіемъ боярства въ томъ же 2-мъ періодѣ создалась однако же на болѣе широкомъ фундаментѣ компактная масса рядового провинціального дворянства. Этому нижнему слою суждено было въ третьемъ періодѣ сдѣлаться настоящимъ привилегированнымъ сословіемъ. Какъ ни странно, это привилегированное положеніе подготовлено было для провинціального дворянства XVIII вѣка самыми условіями его прикрѣпощенія въ XVII вѣкѣ. Мы видѣли только что, какъ правительство распространяло *служебныя обязанности* дворянства съ помѣстій на вотчины. Эта мѣра оказалась въ результатѣ обоюдоострой, такъ какъ дворяне, въ то же время и съ помощью того же правительства, распространили свои *владѣльческія права* въ обратномъ направленіи съ вотчинъ на помѣстья. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство обезпечило себѣ дворянскую службу одинаково съ помѣстій и вотчинъ, оно могло уже спокойно смотрѣть на то, какъ помѣстья постепенно высвобождались изъ подъ прежнихъ ограничительныхъ тисковъ, какъ они начинали удерживаться за родомъ въ женской и въ боковой линіяхъ, переходить по наслѣдству и т. д. Такимъ

образомъ, XVII вѣкъ подготовилъ совершившееся въ XVIII вѣкѣ сліяніе разныхъ родовъ дворянскаго землевладѣнія въ одну категорію недвижимыхъ имуществъ, владѣемыхъ на правѣ полной собственности.

Другая сторона дѣла, точно также подготовившая привилегированное положеніе дворянства въ XVIII вѣкѣ, была еще важнѣе. Дворянское землевладѣніе выиграло не только въ юридическомъ отношеніи: оно выиграло также и по отношенію къ экономическому положенію дворянской собственности. Мы говорили, что земля сама по себѣ мало цѣнилась въ древней Руси; главную цѣнность составлялъ прилагавшійся къ землѣ рабочій трудъ. Возложивши на служилое сословіе обязательную службу, правительство должно было дать ему за это нѣкоторую экономическую обезпеченность; для этой цѣли оно, какъ мы видѣли, чрезвычайно облегчило податныя тягости дворянскихъ земель; для того же, когда потребность въ рабочихъ рукахъ стала особенно сильно чувствоваться дворянствомъ, правительство закрѣпило за нимъ эти рабочія руки.

Итакъ, двѣ главныя основы, сообщившія сословную силу дворянству XVIII вѣка, сложились въ XVII в.: основа юридическая, полнота дворянской собственности на землю, и основа экономическая—даровой трудъ крѣпостного крестьянства. Фундаментъ дворянскихъ привилегій былъ, такимъ образомъ, заложенъ; недоставало сословной организаціи, которая дала бы дворянству сознание единства сословныхъ интересовъ.

XVIII вѣкъ далъ дворянству и эти недостававшіе ему элементы сословности. Обязательная служба, проходившаяся богатѣйшими дворянами въ петербургской гвардіи, роль этой гвардіи въ политическихъ событіяхъ времени, въ рядѣ дворцовыхъ переворотовъ, воспитали въ дворянствѣ сословный духъ и сознание своей силы; затѣмъ и результаты этого сознанія не замедлили сказаться. Дворянство сохранило за собою пріобрѣтенныя права, но освободилось отъ обязанностей: служба перестала быть обязательной: «благородное русское шляхетство» перестало быть служимымъ сословіемъ; къ своимъ прежнимъ правамъ оно присоединило при Екатеринѣ II сословную организацію и получило первенствующую роль въ областномъ управленіи. Впервые въ сословной жизни Россіи явилось нѣчто похожее на западъ: привилегированное сословіе.

Вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ цѣлаго сословія выиграла чрезвычайно передовая часть его: цѣлая масса крупныхъ богатствъ составила путемъ пожалованія населенныхъ имѣній.

Такимъ образомъ, вторая половина прошлаго вѣка была золотымъ вѣкомъ въ исторіи русскаго дворянства. Но весь этотъ блескъ оказался въ высшей степени непроченъ. Крупныя состоянія на Руси наживались чрезвычайно быстро и случайно, но также быстро и проживались, благодаря расточительности владѣльцевъ. Большіе капиталы поддерживаются и растутъ только тамъ, гдѣ существуетъ быстрое денежное обращеніе и значительное экономическое развитіе, т. е. какъ разъ при томъ условіи, котораго у насъ не существовало. Безумная роскошь петербургскихъ богачей и полныя сундуки золота и драгоценностей, удивлявшіе иностранцевъ въ ихъ кладовыхъ, лучше, чѣмъ что-либо другое, доказывали бѣдность Россіи; капиталъ некуда было приложить при тогдашнемъ ея состояніи. Земледѣльческое хозяйство, главная основа дворянской силы, велось безъ всякаго приложенія капитала, съ помощью дарового труда. При оцѣнкѣ дворянскихъ имуществъ земли обыкновенно вовсе не считали, какъ особой цѣнности; стоимость имѣнія опредѣлялась количествомъ душъ. Въ теченіе вѣка цѣна крѣпостной души значительно поднялась: въ началѣ XVIII столѣтія нужно было заплатить за душу 90 рублей на наши деньги, въ срединѣ до 270 рублей, а въ концѣ до 500 рублей. Повидимому, такое вздорожаніе рабочаго труда должно было бы свидѣтельствовать о значительномъ подъемѣ промышленной жизни; но въ этомъ подъемѣ личная дѣятельность помѣщика не играла никакой роли: онъ только воспользовался этимъ результатомъ для увеличенія личнаго комфорта *). Даровой доходъ въ такой степени избаловалъ русское дворянство, что когда, во второй половинѣ XVIII вѣка, явились кредитныя учрежденія, выдававшія ссуды подъ залогъ имѣнія, помѣщикъ бросился занимать. При правильномъ ходѣ экономической жизни займы подъ залогъ недвижимаго имущества служатъ обыкновенно или для того, чтобы ввести необходимыя улучшенія, или для того, чтобы расширить хозяйство новыми покупками; наше дворянство занимало для собственнаго удовольствія, для потребностей личнаго комфорта. Этимъ займамъ и суждено было, въ концѣ концовъ, погубить дворянское землевладѣніе. Ко времени крестьянскаго освобожденія изъ 11 милліоновъ крѣпостныхъ душъ м. п. 7 милліоновъ находилось въ залогѣ, то-есть, $65\frac{1}{2}\%$ всего количества. Получивши отъ правительства при освобожденіи крестьянъ выкупныя деньги за уступленную

*) Притомъ вздорожаніе имѣній парализовалось ихъ раздѣломъ между наследниками. Только въ исключительныхъ случаяхъ цѣлость крупныхъ имѣній сохранялась въ рядѣ поколѣній (какъ, на примѣръ, въ родѣ Шереметевыхъ, Строгоновыхъ, Юсуповыхъ).

крестьянамъ землю, помѣщикъ имѣлъ возможность расплатиться со старыми долгами и начать хозяйство при новыхъ условіяхъ, съ вольнонаемнымъ трудомъ; впервые дворянство очутилось въ положеніи обыкновеннаго предпринимателя на одинаковыхъ условіяхъ конкуренціи со всѣми остальными сословіями. Несмотря на усиленное покровительство государства, на удешевленный кредитъ, на всевозможныя льготы и отсрочки по уплатѣ долговъ,—дворянство этой конкуренціи не выдержало. Задолженность дворянскаго землевладѣнія возрастала послѣ крестьянскаго освобожденія съ ужасающей быстротой: въ 1870 году, когда существовало только 2 земельныхъ банка, число заложенныхъ имѣній немногимъ превышало тысячу; въ 1875 г., послѣ открытія 11 новыхъ земельныхъ банковъ, было заложено уже до 11 тысячъ имѣній, а теперь (1892), послѣ открытія дворянскаго банка (1886)—уже около 87 тыс. имѣній, представляющихъ въ совокупности болѣе $\frac{2}{5}$ (41%) всей площади частновладѣльческихъ (не однихъ дворянскихъ) земель. Продажа дворянскихъ имѣній за долгъ и по частнымъ сдѣлкамъ также шла чрезвычайно быстро. Передъ крестьянскимъ освобожденіемъ дворяне владѣли 105 милліонами десятинъ; къ концу 80-хъ годовъ крестьяне выкупили изъ этого количества $32\frac{1}{2}$ мил., но изъ оставшихся $72\frac{1}{2}$ мил. очень значительное количество перешло въ руки другихъ сословій: купечества, мѣщанства и крестьянства. Общей цифры земель, потерянныхъ такимъ образомъ дворянствомъ, никто не пытался высчитать, но по отдѣльнымъ мѣстностямъ убыль дворянскихъ земель доходила до 2%, ежегодно (Тверская, Московская, С.-Петербургская губерніи) и въ суммѣ составила, вѣроятно, около половины всей земли, оставшейся за дворянами послѣ освобожденія.

Итакъ, вся исторія русскаго дворянства распадается на четыре періода. Въ первомъ періодѣ, продолжавшемся до конца XV вѣка, дворяне были вольными слугами; во второмъ, въ теченіе XVI—XVII в.в. они сдѣлались невольными слугами и были прикрѣплены къ своему занятію; въ XVIII в. они были раскрѣплены, но сохранили за собою даровой трудъ и сдѣлались привилегированнымъ сословіемъ. Наконецъ, въ послѣдній періодъ, наступившій послѣ отнятія дароваго крестьянскаго труда, русское дворянство походило на человѣка, не привыкшаго къ труду и къ правильной хозяйственной дѣятельности; оно нуждалось въ покровительствѣ и опекѣ, которыя и были даны ему въ видѣ дешеваго кредита; но при отсутствіи хозяйственныхъ привычекъ, дешевый кредитъ привелъ и приводитъ только къ скорѣйшей ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. Потерявши свою главную опору—въ

землевладѣннн—дворянство въ то же самое время постепенно лишалось и другихъ своихъ прежнихъ привилегій—не какими-нибудь законодательными распоряженіями, а просто естественнымъ ходомъ вещей. Въ губерніи и уѣздѣ дѣятельность дворянскихъ собраний была отодвинута на второй планъ дѣятельностью земства; свобода отъ военной службы потеряла смыслъ при введеніи всеобщей воинской повинности; свобода отъ податей—теряетъ смыслъ при переходѣ государства отъ сословныхъ податей къ подоходнымъ и уже теперь не распространяется съ лица на дворянскую землю; право судиться сословнымъ судомъ «равныхъ» также потеряло значеніе со времени судебной реформы. Правда, въ послѣднее время существуетъ стремленіе удержать, что можно, изъ дворянскихъ привилегій: закрыть доступъ въ дворянство, такъ широко раскрытый чиновничеству со времени Петра, прекратить закономъ дробленіе дворянскихъ имѣній, отъ котораго разрушались постоянно самыя крупныя богатства нашего дворянства и котораго не могъ остановить даже знаменитый законъ Петра о единонаслѣдіи, отмѣненный Анной; уравновѣсить силу дворянства съ силой другихъ сословій въ земствѣ, сдѣлать дворянина вотчиннымъ судьей и непосредственнымъ начальникомъ надъ крестьянской волостью и т. д.

Но едва ли не поздно успѣли всѣ эти мѣры для поддержанія сословнаго положенія дворянства. Та же причина, которая способствовала разрушенію самаго фундамента дворянскихъ привилегій, необходимо помѣшаетъ и успѣху палліативныхъ мѣръ въ пользу этого сословія. Въ нашемъ дворянствѣ не было чувства сословнаго единства. При отсутствіи этого корпоративнаго духа никогда нигдѣ привилегіи дворянскаго сословія не возникали такъ быстро, не существовали такъ недолго и не разрушались такъ, какъ у насъ.

Блестящую характеристику сословной исторіи русскаго дворянства см. у *Leroy-Beaulieu*, *L'empire des Tsars*, т. I. О прикрѣпленіи дворянства къ службѣ см. *Градовскаю*, *Исторію мѣстнаго управленія*. О перемѣнахъ въ составѣ боярства см. *В. О. Ключевскаю*, *Боярская дума*, гл. IX—X. О политикѣ Грознаго относительно боярства, см. у *С. М. Середонина*, *Сочиненіе Джильса Флетчера*, какъ историч. источникъ. Спб. 1891. О земельныхъ богатствахъ русской аристократіи см. *Е. П. Карновича*, *Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи*, 2 изд. 1885. Очеркъ развитія дворянскихъ привилегій см. у *Романовича-Славатинскаю*, *Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права*, Спб. 1870. Развѣтн «задолженности частнаго землевладѣнн въ Россіи» изложено г. *Е. И. Жигачевымъ* въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, «Русская Мысль», 1892, № 11.

II.

Роль западнаго города въ жизни Европы.—Происхождение и характеръ русскихъ городскихъ поселеній. — Москва. — Численность и населенность городовъ.—Процессъ обособленія городского сословія.—Обособленіе городского тягла и доступность его для другихъ сословій.—Прикрѣпленіе къ городскому тяглу торгово-промышленнаго класса и юридическое выдѣленіе городского сословія.—Особый характеръ тягла «гостей»: «вѣрная служба». — Происхождение городского самоуправления изъ «вѣрной службы». — Распредѣленіе городского сословія и новое смѣшеніе его съ другими.—Третье сословіе будущаго.

Переходимъ теперь къ исторіи городского сословія въ Россіи.

Въ остальной Европѣ развитіе города было послѣдствіемъ внутренняго развитія экономической и промышленной жизни европейскаго общества. Городъ выдѣлился изъ общаго фона средне-вѣковаго феодализма тогда, когда торгово-промышленное сословіе почувствовало въ себѣ достаточно силы, чтобы противостать своимъ феодальнымъ господамъ. Для борьбы съ своими противниками, городъ организовался въ корпорацію, которая съ теченіемъ времени все расширялась и впускала въ свою среду все болѣе низшіе слои городского населенія.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ европейской исторіи городская буржуазія сосредоточила въ себѣ и высшія формы экономическаго развитія, — развитіе капитала, и высшія формы культурной жизни: — науку, искусство, общественность. ¶

Обращаясь къ Россіи, и въ этомъ случаѣ встрѣтимъ полную противоположность европейской исторіи города и городского сословія. Русский городъ, какъ мы уже могли замѣтить по медленному развитію русской тооргово-промышленной жизни, не былъ естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія страны. За единичными исключеніями, русский городъ возникалъ не изъ скопленія въ одномъ мѣстѣ населенія, занятаго промыслами и торговлей. Промыслы и торговля, какъ мы видѣли раньше, въ Россіи могли обходиться безъ развитія городской жизни, потому что долго сливались съ сельскими занятіями. Раньше, чѣмъ городъ понадобился населенію, онъ понадобился правительству.

Зачѣмъ онъ понадобился, показываетъ само названіе «городъ». Это было мѣсто «огороженное», укрѣпленное, военный оборонительный пунктъ. Очень долго, до самаго XVIII в., за словомъ «городъ» сохранялось то значеніе, которое мы придаемъ слову «кремль», т.-е. подъ «городомъ», въ собственномъ смыслѣ, разумѣлся укрѣпленный, обведенный обыкновенно деревянной стѣной, центръ города. Въ этомъ центрѣ помѣщалось начальство: стояла воеводская изба, тюрьма для «колодниковъ», тутъ же помѣщались склады оборонительныхъ средствъ — пороха, свинца и другого казеннаго имущества. Въ «городѣ» жили приказные люди для управленія и ратные люди для обороны въ случаѣ «осады»; самые дворы обывателей, помѣщавшіеся въ городѣ, назывались «осадными», и пріобрѣтались въ городѣ на случай осады, въ остальное же время часто стояли пустыми. Настоящее, по нашему понятію, городское (т.-е. торгово-промышленное) населеніе жило внѣ «города», на «посадѣ», почему и называлось «посадскими» людьми. Посадъ выстраивался около города и чаще всего возникалъ послѣ города, а еще позже появилось вокругъ посада третье кольцо: «слободы», куда стекались промышленные люди и ремесленники. Итакъ, русскій городъ былъ, прежде всего, правительственнымъ и военнымъ центромъ. Въ цѣлой половинѣ Россіи, на югъ отъ Оки, всѣ, безъ исключенія, города появляются на нашихъ глазахъ именно какъ такіе оборонительные пункты. Понятно, что и въ населеніи ихъ преобладаетъ служилый военный элементъ. Чѣмъ ближе къ окраинѣ и чѣмъ, стало быть, моложе городъ, тѣмъ военного элемента въ немъ больше и тѣмъ меньше «посадскихъ». Напримеръ, въ срединѣ XVII в. въ Серпуховѣ число посадскихъ составляетъ 74% всего населенія; въ Бѣлевѣ найдемъ уже 65%, а въ Курскѣ 43%, а если отъ Курска спустимся еще южнѣе, на только-что построенную «Бѣлгородскую черту» (Оч. I), тутъ ужъ изъ всѣхъ 24-хъ городовъ, большей частью только-что появившихся, посадскихъ людей найдемъ только въ пяти, и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ: 2%—6½% всего населенія. И сама Москва, единственный сколько-нибудь значительный городъ древней Россіи, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Не смотря на обширное пространство, на которое растянулась наша старая столица, казавшаяся еще въ XVI столѣтіи англичанамъ не меньше тогдашняго Лондона, не смотря на то, что по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ, едва ли достовѣрнымъ, количество населенія въ ней было въ XVII вѣкѣ немногимъ меньше настоящаго времени (500, 600 тысячъ противъ 753 тысячъ), все же Москва была огромной царской усадьбой, значительная часть населенія которой

такъ или иначе состояла въ связи съ дворцомъ, въ качествѣ свиты, гвардіи или дворни. Изъ 16 тысячъ слишкомъ дворовъ, насчитывавшихся въ Москвѣ по переписи 1701 года, на долю посадскихъ и ремесленниковъ не приходится и 7 тысячъ (44%), и тѣ состоятъ изъ населенія государевыхъ слободъ, работающихъ на дворецъ. Остальные 9 тысячъ принадлежатъ духовенству (1½ тыс.) и правящему сословію. Относительно размѣровъ торговыхъ оборотовъ Москвы еще въ концѣ XVI в. одинъ иностранецъ замѣтилъ, что во всѣхъ лавкахъ любого изъ Московскихъ рядовъ не найдется столько товаровъ, сколько въ одномъ венеціанскомъ магазинѣ. Достаточно взглянуть на рисунки московскихъ улицъ XVII в. съ деревянными избами, отдѣленными другъ отъ друга длинными заборами, безъ мостовыхъ, или еще хуже—съ тряскими мостовыми изъ бревенъ, съ базарной толкотней и вонью на главныхъ площадяхъ, достаточно этихъ иллюстрацій къ Олеарію или Мейербергу, чтобы придти къ заключенію, что Москва, вопреки присутствію двора, оставалась огромныхъ размѣровъ деревней.

Съ теченіемъ времени, эконоическая жизнь русскаго города, конечно, должна была развиться; но это развитіе не могло поспѣть за потребностями государственнаго управленія. Къ петровскому времени во всей Россіи насчитывалось немногимъ болѣе 250 городовъ, а когда Екатерина II стала вводить свои областныя учрежденія, понадобилось для управленія новыми ея уѣздами возвести въ рангъ города еще такое же количество. Какъ трудно было набрать необходимое количество селеній, заслуживавшихъ имя и положеніе уѣзднаго города, видно изъ того, что цѣлую сотню такихъ селеній, передѣланныхъ въ города, пришлось снова вычеркнуть изъ списка. Итакъ, государственная потребность въ городахъ, какъ средоточіяхъ управленія и военной обороны съ древняго времени и до нашего столѣтія, опережала естественное развитіе городской жизни. Городское населеніе приходилось создавать насильно. Естественно, такимъ образомъ, что и количество торгово-промышленнаго населенія въ поселеніяхъ, официально называвшихся городами, было очень незначительно. Въ срединѣ нынѣшняго вѣка изъ тысячи русскихъ городовъ 878 имѣла меньше 10.000 жителей, и только 32 больше 20.000 жителей, и изъ нихъ только въ двухъ было больше 150.000 жителей. (Теперь больше 150.000 имѣютъ 7 городовъ, а больше 20.000 — 40 городовъ). При такихъ условіяхъ городское сословіе въ Россіи, очевидно, не могло представлять самостоятельнаго элемента сословной жизни. Не только оно не развилось самостоятельно или даже въ противорѣчіе центральной власти, но, напротивъ, даже самымъ выдѣленіемъ въ особую

общественную группу и своимъ корпоративнымъ устройствомъ оно было цѣликомъ обязано правительству.

Безъ правительственныхъ хлопотъ, дѣйствительно, городская жизнь долго оставалась бы слитой съ сельской. Городское населеніе древней Руси XVI в. прямо дѣлилось на людей «торговыхъ» и людей «пашенныхъ». Пашенные люди города были совершенными крестьянами, но и вообще каждый обыватель города имѣлъ свою пашню и свой покосъ на городской землѣ. Первымъ побужденіемъ для правительства выдѣлить населеніе посада въ особую группу было побужденіе финансовое. Въ финансовой организаціи московскаго государства посадскіе міры составили такую же тяглую группу, какъ міры сельскіе. Точно также, какъ члены сельской общины, и члены городской общины были связаны другъ съ другомъ круговой порукой и сами разверстывали между собою всѣ подати съ помощью выборныхъ властей. Тутъ еще не было ничего, что отдѣляло бы городъ отъ деревни больше, чѣмъ каждая деревенская община отдѣлялась отъ своей сосѣдней. Переходъ изъ одной въ другую тяглую группу былъ одинаково затрудненъ фактически, вслѣдствіе нежеланія общины выпускать своихъ плательщиковъ; но юридически такой переходъ былъ одинаково возможенъ какъ изъ села въ село, такъ и изъ села въ городъ. Первое, что положило различіе между городомъ и деревней, это — перемѣна характера самаго тягла. Торгово-промышленное населеніе города могло, конечно, платить больше, чѣмъ чисто пашенные крестьяне. Поэтому правительство, бравшее крестьянскія подати первоначально съ земельного участка («сохи»), въ городѣ съ давнихъ поръ стало брать подати съ «двора». «Соха» была оставлена и для городского обложенія, какъ высшая единица, но она состояла не изъ извѣстнаго количества «четвертей пашни», какъ въ деревнѣ, а изъ извѣстнаго количества дворовъ (чаще всего 80, 100, 120 дворовъ въ «сохѣ»: сравни 800, 1.000, 1.200 четвертей въ сохѣ сельской). Такимъ образомъ, городской дворъ приравнялся земельному участку въ 10 четвертей или 5 десятинъ, т. е. 15 десятинъ въ трехъ цоляхъ. Это, въ сущности, было очень легкое обложеніе, не тяжеле деревенскаго; но отдѣльные жители города, конечно, должны были получать больше съ своихъ промысловъ и торговли, чѣмъ получалъ крестьянинъ съ участка, и правительство очень рано старается этотъ излишекъ городского дохода тоже уловить въ податную сѣть. Лавки, какъ мы уже знаемъ (Оч. II), облагались особо и часто отдавались въ наемъ прямо правительственными чиновниками; это былъ, стало быть, налогъ на торговые помѣщенія. Позднѣе, въ XVII вѣкѣ, правительство пыта-

лось даже обложить городъ налогомъ съ дохода: именно къ городу относились всѣ процентные сборы, о которыхъ мы говорили прежде: пятая, десятая, пятнадцатая деньга (Оч. II). Правда, правильное устройство подоходнаго налога не удалось, но все-таки городъ въ XVII вѣкѣ платилъ уже по особому окладу, болѣе тяжелому, чѣмъ деревня. Итакъ, разница въ характерѣ тягла и въ свойствахъ полатей прежде всего отдѣлила формально городъ отъ деревни. Но это вовсе не значило, чтобъ и городское населеніе отдѣлилось вмѣстѣ съ тѣмъ отъ другихъ сословій. Правительство могло выдѣлить тяглую городскую землю; но городского человѣка прикрѣпить къ тяглой городской землѣ—до самаго XVII вѣка правительству не удавалось. Городское населеніе находилось въ такомъ же подвижномъ, бродячемъ состояніи, какъ и вся остальная Россія. Городской житель могъ уйти съ тяглаго участка, могъ перейти въ другой городъ или въ другое сословіе. Въ городскихъ переписяхъ XVI вѣка мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ: иногда въ самый короткій промежутокъ времени всѣ владѣльцы тяглыхъ городскихъ участковъ уходятъ, и составъ ихъ замѣняется совершенно новымъ. Множество оставленныхъ старыми владѣльцами участковъ въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, пустуетъ, и городская община охотно уступаетъ ихъ всякому желающему, хотя бы онъ былъ и изъ другого сословія: служилымъ людямъ, монастырямъ и т. д. Такимъ образомъ, городское тягло оказывается вовсе не сословнымъ тягломъ, и составъ городского тягловаго общества представляется довольно пестрымъ. Члены другихъ сословій допускаются нести городское тягло; но рядомъ съ этимъ люди самыхъ разнообразныхъ сословій и профессій ухитряются тутъ же въ городѣ жить и даже заниматься городскими промыслами, помимо всякаго тягла, не платя ничего государству. Особенно удобнымъ мѣстомъ для такого обхода городского тягла представляются подгородныя «слободы», имѣвшія уже совершенно земледѣльческій характеръ. Сюда охотно переселялся и торговый человѣкъ изъ города, и крестьянинъ изъ села, и даже служилый человѣкъ селилъ здѣсь своего приказчика—все для одной и той же цѣли—чтобы заниматься торговлею, не платя городскихъ податей. Такимъ образомъ, выдѣленіе городской тяглой земли нисколько не мѣшало городскому сословію перемѣшиваться съ другими и сохранять полную сословную безформенность. Истинно-городскіе, торгово-промышленные элементы оставались часто внѣ тягловаго союза; наоборотъ, въ тяглый союзъ входили рядомъ съ горожанами и служилые, и духовные владѣльцы. Отъ такого смѣшенія теряла прежде всего казна. Скоро наступили обстоятельства,

которыя заставили ее принять противъ этого смѣшенія рѣшительныя мѣры. Мы видѣли прежде, какъ увеличались государственныя потребности въ XVII вѣкѣ и какія усилія должно было дѣлать правительство, чтобы увеличить въ уровень съ новыми нуждами и свои средства. Каждый членъ государства нуженъ былъ теперь на своемъ собственномъ мѣстѣ и не долженъ былъ занимать чужого. Закрѣпощая служилое сословіе на военную службу, правительство не могло требовать уже, чтобы то же сословіе несло городскія подати со своихъ «дворовъ». Оно, поэтому, сняло со служилыхъ «дворовъ» въ городѣ всѣ подати, «обѣлило» ихъ по выраженію того времени. Но съ тѣмъ большею строгостью оно должно было слѣдить теперь за тѣмъ, чтобы служилые люди не отбивали у «посадскихъ» промышленность и торговлю,—источникъ платежной силы послѣднихъ, и чтобы самое торгово-промышленное населеніе не ускользало отъ тягла. Связать для этого тягломъ надо было не землю, а прямо людей.

Съ этого и начинается второй періодъ исторіи городского сословія въ Россіи. Не городская земля, а все городское сословіе становится тяглымъ, и для того, точно такъ же какъ и другія сословія, прикрѣпощается къ своему занятію. Всю первую половину XVII вѣка издаются все болѣе и болѣе строгія распоряженія этого характера. Наконецъ, въ серединѣ вѣка эти мѣры сводятся въ одно цѣлое Уложеніемъ царя Алексѣя. Всѣ посадскіе люди прикрѣпляются къ тому мѣсту и занятію, гдѣ застали ихъ эти правительственныя мѣропріятія. Не только переходъ между городомъ и селомъ, но даже переходы посадскаго населенія изъ города въ городъ строго запрещаются.

Закрѣпленная, такимъ образомъ, на мѣстѣ посадская община очищается тщательно отъ постороннихъ элементовъ и получаетъ обратно свои собственные. Продавать на сторону, въ другія сословія, городскіе дворы и лавки строжайше запрещается. Всѣ такія имущества, принадлежація лицамъ другихъ сословій, предписывается возвратить посадскимъ. Самихъ посадскихъ, ушедшихъ въ слободы или въ крестьяне, велѣно вернуть въ городское тягло; къ этому же тяглу приписать и всѣ слободы, занимающіяся торговлей и промысломъ беспошлинно. Какъ значительны были послѣдствія этихъ мѣръ, видно изъ того, что за три года, послѣ изданія Уложенія, въ силу ихъ были возвращены въ посадское тягло до 10.000 дворовъ и 21.000 торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей. Такимъ образомъ, къ срединѣ XVII вѣка городское сословіе впервые въ Россіи выдѣлилось юридически изъ другихъ сословій. Но выдѣленіе это, какъ видимъ, совершилось

насилъственно, правительственными мѣрами, и сопровождалось закрѣпощеніемъ всего сословія на правительственную службу. Служба эта состояла въ отбываніи городского тягла; но по отношенію къ высшей части сословія она приняла иной и очень своеобразный характеръ.

Какъ ни слабо развиты были въ Россіи торговля и промышленность, все же у насъ было небольшое количество богатыхъ купцовъ, капиталистовъ. Можетъ быть, эта небольшая группа сплотилась тѣснѣе и была сильна своими капиталами? Дѣйстви-тельно, такъ: но сплотило ее, опять-таки, само правительство и для своихъ правительственныхъ цѣлей; оно воспользовалось богатствами этой группы, чтобы наложить на нее особаго рода казенную службу. Группа богатѣйшаго купечества называлась «гостями». Какъ только провинціальныи купецъ богатѣлъ, правительство сейчасъ же переводило его въ Москву и запрягало въ свою службу. Такимъ образомъ, въ провинціи не могло создаться богатаго и независимаго купечества. Въ Москвѣ же, служба, которую навязывали «гостямъ», была очень тяжела и отвѣтственна. Правительство «повѣряло» имъ сборъ важнѣйшихъ доходовъ государства, именно сборъ таможенныхъ и кабацкихъ пошлинъ; самая служба по сбору пошлинъ называлась «вѣрною» службою. Косвенный сборъ, конечно, никогда не могъ собираться въ одинаковомъ количествѣ изъ года въ годъ; но правительству важно было имѣть опредѣленную цифру дохода; для этого оно отмѣчало сборъ каждаго года, сравнивало цифры между собою и требовало, чтобы сборъ слѣдующихъ лѣтъ не былъ ниже высшаго изъ предыдущихъ сборовъ и, во всякомъ случаѣ, не ниже средняго. Въ противномъ случаѣ, о всякомъ недоборѣ производился строгій розыскъ и правительство грозило взыскать недоборъ на «вѣрныхъ сборщикахъ». Они отвѣчали за сборъ своимъ имуществомъ: для этого-то и понадобилось отдать сборы людямъ богатымъ. За свою службу «гости» получали нѣкоторыя преимущества, одинаковыя съ служилымъ сословіемъ.

Вѣрная служба лучше всего характеризуетъ зависимое положеніе городского сословія во второй періодъ его сословной жизни. Но еще характернѣе то, что и самое городское самоуправленіе, составляющее отличіе *третьяго* періода и характеризующее какъ бы добытую городскимъ сословіемъ самостоятельность, — вытекало изъ той же вѣрной службы. Дѣло въ томъ, что, поручивъ «гостямъ» взиманіе важнѣйшихъ сборовъ во всѣхъ городахъ государства, правительство «этимъ самымъ уже передало имъ значительную долю управленія городами. Но управляя городомъ вое-

вода, и вѣрные головы и цѣловальники приходили съ нимъ въ постоянныя столкновения. Къ концу XVII в. правительство убѣдилось, что въ воеводѣ нѣтъ надобности для управления городомъ, разъ въ городѣ есть уже таможенные и кабацкіе головы, а между тѣмъ содержать воеводу все-таки лишній расходъ: не разъ обнаруживалось, что воевода бралъ свое содержаніе и получалъ взятки прямо изъ денегъ, собранныхъ для казны. Поэтому, изъ простаго финансоваго расчета правительство рѣшило вовсе отмѣнить должность воеводы въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило одно посадское населеніе, т.-е. на всемъ сѣверѣ; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило, кромѣ посадскаго, и служило сословіе,—ограничить значеніе воеводы завѣдованіемъ служилыми людьми. Вѣрные головы и цѣловальники должны были выбираться самимъ городомъ и находиться подъ завѣдованіемъ московскихъ гостей, куда они и должны были доставлять свои сборы. Случайно вышло, что въ то время, когда проводились эти мѣры, Петръ Великій вернулся изъ своего перваго путешествія по Европѣ: онъ далъ старымъ должностямъ и учрежденіямъ новыя голландскія имена: головы стали называться «бурмистрами», а московское присутствіе гостей «Бурмистерской палатой», а потомъ «Ратушей». Сущность осталась та же. *Служба* высшаго разряда городского сословія по собиранію сборовъ сохранилась во всей неприкосновенности. Въ послѣдніе года своего царствованія Петръ сдѣлалъ, было, попытку отдѣлить казенные сборы отъ городского самоуправленія и поручить эти сборы особымъ правительственнымъ чиновникамъ; но попытка не удалась—чиновниковъ не хватило, а назначенные оказались не особенно искусными, и сборы вернулись въ болѣе привычныя руки городского самоуправленія, гдѣ и остались до самой Екатерины II. Самое городское самоуправленіе и организація городского сословія были совершенно перестроены Петромъ и Екатериной II. Какъ сказано, въ этой новой сословной организаціи и состоитъ отличительный характеръ третьяго періода городской сословной жизни. Подобно третьему періоду въ исторіи дворянскаго сословія, это время должно было по идеѣ правительства представлять *раскрытіе* сословія. Правительство хотѣло дать сословію тѣ элементы самостоятельности, которыхъ не выработала русская исторія, и городское сословіе облечено было для этого въ формы средневѣковой европейской свободы, подѣлено на гильдіи и цехи. Городское корпоративное устройство въ Россіи въ гораздо болѣе высокой степени, чѣмъ дворянское, оказалось мертвой формой. Городское сословіе одинаково съ крестьянскимъ платило подушный окладъ и несло воинскую повинность и уже поэтому не

могло чувствовать себя привилегированнымъ. Вотъ почему при вновь открытой свободѣ перехода изъ сословія въ сословіе, разбогатѣвшій купецъ торопился всѣми средствами перейти въ дворянское сословіе. Такимъ образомъ, надежда Екатерины II на то, что ея учрежденія поведутъ къ созданію третьяго сословія, не осуществилась. Наше третье сословіе, подъ вліяніемъ быстрого промышленнаго и умственнаго движенія нашего времени, складывается, дѣйствительно, понемножку, но не на основѣ стараго городского сословія, не въ его предѣлахъ. Со времени крестьянскаго освобожденія, когда купецъ получилъ право пріобрѣтать въ деревнѣ земельную собственность, а дворянинъ очень часто терялъ эту собственность и навсегда переселялся въ городъ;—прежнія границы городского и землевладѣльческаго сословія совершенно смѣшались. Съ каждымъ днемъ и бытовой типъ стараго московскаго купца становится воспоминаніемъ прошлаго, и не очень далеко то время, когда мы или наши дѣти будемъ изучать этотъ типъ по комедіямъ Островскаго, какъ мы теперь изучаемъ по Фонъ-Визину типъ г-жи Простаковой. Третье сословіе нашего времени формируется изъ самыхъ различныхъ элементовъ русскаго прошлаго, и въ немъ намѣчаются тѣ силы, которыя создали культурную жизнь современной Европы: сила капитала и сила знанія.

Пособія: *Н. Чечулинъ*, Города Россіи въ XVI вѣкѣ, Спб. 1889 г. *Градоскій*, Исторія мѣстнаго управленія. *И. Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи. *Д. Багалъй*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. госуд. *И. Е. Забѣлинъ*, Древности Москвы и ихъ изслѣдованія, въ «Вѣстн. Европы», 1867 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

(Окончаніе *).

XXXIV.

Прошло три года съ небольшимъ.

За это время Антошка блистательно окончилъ курсъ технической школы при одномъ большомъ заводѣ на Васильевскомъ островѣ и поступилъ ученикомъ на тотъ же заводъ въ механическую мастерскую.

Талантливость и способности Антошки, его необыкновенная смѣтливость и какая-то лихорадочная жадность къ занятіямъ обратили на себя вниманіе завѣдующаго школой, стараго идеалиста шестидесятихъ годовъ, преданнаго своей школѣ, которой онъ завѣдовалъ пятнадцать лѣтъ и которую поставилъ на надлежащую высоту, умѣя внушить къ себѣ любовь и уваженіе учениковъ, по большей части дѣтей заводскихъ рабочихъ.

Антошка сдѣлался его любимцемъ, и учитель предложилъ своему способному ученику приходить къ нему по вечерамъ, послѣ окончанія работъ на заводѣ, для специальныхъ занятій по механикѣ, въ которой Антошка обнаруживалъ особенную склонность. Еще бывши въ школѣ, онъ интересовался чертежами машинъ, часто бѣгалъ послѣ занятій въ механическую мастерскую, гдѣ отдѣлывались части громаднхъ механизмовъ для кораблей, и тамъ жадно смотрѣлъ на эти цилиндры, золотники и холодильники, старался проникнуть въ тайны ихъ

*) См. «Миръ Божій», № 10, октябрь.

«Миръ Божій», № 11, ноябрь.

устройства. Ужъ онъ смастерилъ для „графа“ особенный замокъ и палку съ выскакивающимъ изъ нея приборомъ для рыбной ловли, а для Нины — стальной бюваръ съ ея монограммой, съ календаремъ и застежками замысловатаго, имъ придуманнаго, устройства, и выказалъ въ этихъ работахъ много вкуса и механическаго остроумія.

„Графъ“, гордившійся успѣхами Антошки гораздо болѣе, чѣмъ самъ юный изобрѣтатель, былъ въ восторгѣ отъ его подарковъ, находилъ, что лучше такихъ вещей онъ не видалъ на своемъ вѣку, и не безъ торжественности объявилъ, что Антошка впоследствии будетъ знаменитымъ механикомъ...

— Того и гляди, когда-нибудь и портретъ твой, Антоша, въ иллюстраціяхъ появится... Выдумашь какую-нибудь новую машину... и станешь извѣстнымъ...

Антошка, однако, довольно скептически относился къ похваламъ „графа“, зная, что онъ, несмотря на свой умъ и обширныя познанія въ другихъ областяхъ, рѣшительно ничего не смыслить въ механическомъ дѣлѣ.

Нечего и говорить, что онъ съ благодарностью принялъ предложеніе завѣдующаго школой и ходилъ къ нему на квартиру при заводѣ каждый вечеръ, съ жадностью слушалъ его лекціи. Въ годъ онъ прошелъ, такимъ образомъ, краткій курсъ механики, познакомившись съ ея принципами, насколько это было возможно безъ знанія высшей математики.

И завѣдующій школой, маленький, круглый, толстенькій человѣчекъ съ добрыми глазами и длинными сѣдоватыми волосами, придававшими ему литературный видъ, однажды съ особенною горячностью просилъ директора завода обратить на Антона Щигрова особое вниманіе.

Онъ рассказалъ его исторію, рассказалъ, какъ прекрасно занимался онъ у него, и расхваливалъ его талантливость.

— Изъ этого юноши вышелъ бы выдающійся математикъ и механикъ, если бы только онъ имѣлъ возможность получить высшее образованіе... Но куда ему объ этомъ и думать бѣднягѣ? Во всякомъ случаѣ, благодаря его замѣчательнымъ способностямъ, заводъ будетъ имѣть въ немъ не дюжиннаго мастера...

Директоръ завода, образованный и самъ очень талантливый человѣкъ, особенно заботившійся, чтобы у него на заводѣ были

хорошіе русскіе мастера, заинтересовался Щигровымъ, котораго помнилъ по бойкимъ отвѣтамъ на экзаменѣ и обѣщаль не забыть его.

— Только не увлекаетесь ли вы, Петръ Федоровичъ?— улынулся директоръ, обращаясь къ учителю.

— А вы потрудитесь спросить о Щигровѣ начальника мастерской... Да вотъ и Арнольдъ Оскаръ самъ... Леговъ на поминѣ.

На внезапный вопросъ объ Антонѣ Щигровѣ начальникъ мастерской Арнольдъ Оскаровичъ Вундстремъ, аккуратный, требовательный, справедливый и нѣсколько ограниченный финляндецъ пожилыхъ лѣтъ въ формѣ инженеръ-механика, небольшого роста, блондинъ, съ серьезнымъ лицомъ, въ выраженіи котораго было что-то честное, правдивое и въ то же время жестковатое, первымъ дѣломъ нѣсколько опалѣлъ отъ этого вопроса, такъ какъ онъ къ нему не былъ приготовленъ и пришелъ въ кабинетъ директора, занятый другими дѣлами, требующими разрѣшеніе директора.

И потому онъ не сразу отвѣтилъ и нѣсколько мгновений соображалъ о томъ, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить со всей его педантическою добросовѣстностью.

Отзывы честнаго финляндца были самыя лучшіе. Хотя Щигровъ всего годъ, какъ служить на заводѣ, но исполняетъ отвѣтственныя работы. Руки у этого Щигрова золотыя и сообразительность замѣчательная. Кромѣ того, онъ и чертитъ отлично. Еслибъ не заводскія правила, то онъ съ удовольствіемъ представилъ бы его въ помощники мастера и назначилъ бы ему на первое время пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяць... Ему можно поручить работу, требующую тонкой отдѣлки и особеннаго вниманія...

По счастью директоръ не былъ рутинеромъ и охотно выдвигалъ способныхъ рабочихъ, не стѣсняясь ни правилами, ни годами службы, ни молодостью.

— Что жъ, сдѣлайте Щигрова помощникомъ мастера и дайте пятьдесятъ рублей жалованья съ будущаго мѣсяца!— рѣшилъ немедленно директоръ и затѣмъ сталъ слушать обстоятельный и черезчуръ подробный доводъ добросовѣстнаго финляндца, обнаруживая на своемъ красивомъ и умномъ лицѣ нѣкоторое нетерпѣніе и оттого, что Арнольдъ Оскаровичъ

„тянетъ“ то, что можно объяснить въ пять минутъ, и оттого, что онъ, директоръ завода, принужденъ слушать другого вмѣсто того, чтобы его слушали. А онъ любилъ — таки поговорить и любилъ, чтобы слушали его, дѣйствительно, подчасъ блестящія рѣчи.

Когда въ тотъ же день, передъ обѣденнымъ шабашомъ, начальникъ мастерской велѣлъ позвать въ свою контору Антона Щигрова и объявилъ ему о повышеніи и о жалованьи, нашъ пріятель, котораго мы попрежнему будемъ называть Антошкой, зардѣлся отъ радостнаго волненія и, видимо подавленный неожиданнымъ счастіемъ, въ первое мгновеніе, казалось, не смѣлъ вѣрить словамъ начальника. Такого блестящаго начала онъ не ожидалъ!

— Надѣюсь, Щигровъ, васъ не испортитъ такое быстрое повышеніе. Сколько я помню, это, кажется, первый примѣръ на заводѣ, чтобы такой молодой человѣкъ, почти мальчикъ, изъ учениковъ прямо сдѣланъ былъ помощникомъ мастера...

Дѣйствительно, худощавый, маленькій, съ блѣдноватымъ, выразительнымъ лицомъ, оживленнымъ радостнымъ выраженіемъ, сверкавшимъ и въ его живыхъ, карихъ, умныхъ глазахъ, Антошка казался моложе своихъ восемнадцати лѣтъ и напоминалъ бы прежняго подростка Антошку, ходившаго съ ларькомъ, если бы не пробивавшіеся черные усики и едва замѣтный пушокъ на подбородкѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, Арнольдъ Оскарычъ! — пробормоталъ, наконецъ, Антошка.

— Меня благодарить не за что. Повышеніемъ вы обязаны своимъ способностямъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ работѣ... Вы и теперь многое понимаете не хуже мастера, а современемъ, я увѣренъ, будете превосходнымъ мастеромъ... Только смотрите, Щигровъ, оправдайте мои надежды, — продолжалъ, выговаривая слова съ замѣтнымъ акцентомъ, тихимъ, ровнымъ и нѣсколько монотоннымъ голосомъ Арнольдъ Оскаровичъ, любившій читать нравоученія молодымъ мастерамъ, особенно тѣмъ, которыхъ отличалъ.

— Постараюсь, Арнольдъ Оскарычъ.

— А, главное, не закутите, какъ вутятъ многіе изъ вашихъ товарищей.

— Я вина въ ротъ не беру, Арнольдъ Оскарычъ.

— Приятно это слышать, очень приятно. И никогда не пейте водки, Щигровъ... Водка больше всего губитъ мастерового и лишаетъ его всякаго самолюбія. А безъ самолюбія какой можетъ быть человѣкъ?.. И вообще, Щигровъ, избѣгайте не только пьянства, но и другихъ кутежей... Вы понимаете, о чемъ я говорю? Будьте нравственнымъ человѣкомъ. О, это очень важно и для здоровья, и для хорошей работы...

— Я глупостями не занимаюсь!—прошепталъ конфузливо Антошка.

— Очень похвально, и не занимайтесь глупостями... При порядочномъ образѣ жизни вы можете откладывать часть жалованья и класть деньги въ сберегательную кассу. У васъ, такимъ образомъ, будетъ всегда запасъ на всякій случай.. А это очень хорошо имѣть запасъ... Предусмотрительный человѣкъ долженъ всегда имѣть запасъ. Вѣдь вамъ некому помогать? У васъ, какъ я слышалъ, родители умерли?

— У меня, Арнольдъ Оскарычъ, родителей нѣтъ, это точно, но за то есть одинъ господинъ, который для меня, можно сказать, дороже отца и матери. Онъ меня человѣкомъ сдѣлалъ, и я, пока живъ, буду для него работать!—горячо проговорилъ Антошка.

— Это дѣлаетъ вамъ честь. Благодарность—рѣдка добродѣтель... Вашъ покровитель, значить, бѣдный?

— Бѣдный. У него ничего нѣтъ... Племянница ему помогаетъ...

— А теперь будете вы?

— Я-съ.

— Радъ узнать, что вы исполняете свой долгъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени вы будете получать и большее жалованье, если станете такъ же хорошо работать, какъ работали до сихъ поръ.

— Я изо всѣхъ силъ буду стараться, Арнольдъ Оскарычъ.

Взглядъ большихъ, слегка выпяченныхъ, глазъ начальника мастерской, съ видимымъ благоволеніемъ скользнулъ по всей тщедушной фигурѣ Антошки и снова принялъ нѣсколько строгое выраженіе, когда Арнольдъ Оскаровичъ внушительно произнесъ:

— Но только знайте, Щигровъ, что, какъ я васъ ни цѣню, а за малѣйшее упущеніе буду строго взыскивать, и даже строже, чѣмъ съ другихъ... Помните это, и не надѣйтесь ни на какія послабленія съ моей стороны..

— Я ни на чьи послабленія не рассчитывалъ! — не безъ достоинства отвѣтилъ Антошка.

— Да вотъ еще что...

Тутъ добросовѣстный финляндецъ на минутку замаялся и продолжалъ уже не начальническимъ, а ласково-конфиденціальнымъ тономъ, нѣсколько понижая голосъ:

— Это, конечно, не мое дѣло, но я искренно желаю вамъ добра и потому считаю долгомъ предупредить васъ: не очень-то дружите съ машинистомъ Ермолаевымъ... Вы, кажется, дружны съ нимъ?.. Можете не отвѣчать, воли не хотите... Это ваше частное дѣло! — прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ.

— Дя, я пріятель съ нимъ...

— Онъ отличный работникъ и не пьяница, но только неспокойнаго образа мыслей... Поняли?

— Понялъ, Арнольдъ Оскарычъ... Только никакихъ дурныхъ разговоровъ мы не ведемъ...

— Ну, я васъ предупредилъ. Ступайте обѣдать, сію минуту звонокъ! — прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ и ласково кивнулъ въ отвѣтъ на поклонъ Антошки.

XXXV.

Въ этотъ холодный, хмурый и мокрый октябрьскій день Антошка шелъ съ завода обѣдать домой съ такою быстротой, съ какою, бывало, въ прежнія времена своей безотрадной жизни нагонялъ какую-нибудь „миленькую барыньку“, подававшую надежду снабдить копѣечкой.

Онъ не чувствовалъ ни пронизывающаго холоднаго вѣтра, дувшаго съ Невы, ни сырости, ни холода, такъ какъ костюмъ его былъ въ надлежащей исправности — „графъ“ особенно объ этомъ заботился, и случалось, самъ чинивалъ Антошкины вещи — и, переполненный счастьемъ, спѣшилъ поѣлиться новостью съ „графомъ“ и обрадовать радостной вѣстью своего пѣстуна и друга.

Едва ли въ этотъ скверный день былъ во всемъ Петербургѣ такой счастливый человѣкъ, какъ Антошка. Самыя

радужныя мысли вихремъ проносились въ его головѣ, чередуясь съ невольными воспоминаніями о горемычномъ прошломъ, словно бы для того, чтобы еще ярче отфѣнить прелесть настоящаго.

Давно ли онъ, оборванный и несчастный, не слыхавшій ни одного ласковаго слова, бѣгалъ нищенкой и ходилъ съ тяжелымъ ларькомъ по улицамъ, упрашивая прохожихъ купить конвертовъ и бумаги, чтобы принести выручку и не испробовать ремня „дяденьки“ и ругани „рыжей вѣдьмы“ (гдѣ-то они теперъ)? Давно ли онъ забнулъ на улицахъ и часто голодалъ?..

А теперъ онъ окончилъ курсъ, имѣетъ хорошее мѣсто и жалованье и въ недалекомъ будущемъ будетъ мастеромъ— не даромъ же всѣ хвалятъ его работу, и не даромъ же онъ самъ любитъ свое дѣло.

Только въ послѣднее время, когда Антошка значительно развился, благодаря вліянію школы, чтенію и философскихъ бесѣдъ „графа“, онъ понялъ, что бы могло быть съ нимъ, съ брошеннымъ созданиемъ, если бы не графъ. И то, что прежде Антошка лишь чувствовалъ, теперъ понялъ и оцѣнилъ. Оцѣнилъ все, что сдѣлалъ для него единственный человекъ, принявшій въ немъ горячее участіе, понялъ всю дѣятельную силу его любви и безграничность заботъ о немъ, направленныхъ къ тому, чтобы избавить его отъ ужасовъ нищенской жизни и сдѣлать его человекомъ.

Безконечно благодарный и любившій теперъ „графа“ сознательно, чѣмъ прежде, Антошка былъ въ восторгѣ, что такъ скоро сбылись его завѣтныя мечты, тѣ самыя мечты, которыя нерѣдко занимали Антошку съ той памятной ночи, когда онъ, избитый, окровавленный и продрогшій прибѣжалъ отъ „дяденьки“ и былъ согрѣтъ ласкою и участіемъ, прирѣнъ и принятъ подъ покровительство такимъ же нищимъ и бездомнымъ, какимъ былъ и Антошка. И съ той только поры онъ почувствовалъ, что жизнь можетъ быть мила.

Теперъ онъ можетъ отплатить своему другу не одною только безпредѣльною привязанностью. Теперъ Александру Ивановичу не нужна ничья посторонняя помощь. Ему, преждевременно состарѣвшемуся отъ долгихъ лѣтъ нищенской жизни, часто хворающему, не нужно больше трудить слабыхъ

глазъ и сидѣть, не разгибая спины, по нѣскольку часовъ въ день за перепиской, чтобъ заработать нѣсколько рублей для того, чтобы побаловать развлечениями и лакомствами лишній разъ того же Антошку. Теперь онъ будетъ заботиться о немъ и баловать „графа“. Теперь у нихъ будетъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ своихъ кровныхъ денежекъ и никакой чужой помощи имъ не надо. А впереди въ воображеніи Антошки послѣдовательно пробѣгали крупнѣйшія цифры будущаго жалованья и, доходя до цифры 100, говорили ему и о двухъ комнатахъ, и о сигарахъ для Александра Ивановича, и о красномъ винѣ для него за обѣдомъ, и о маленькой дачѣ гдѣ-нибудь по близости, на Петровскомъ островѣ, напримѣръ, гдѣ бы Александръ Ивановичъ могъ поправиться, а то онъ все покашливаетъ, и нѣтъ-нѣтъ да и пожалуется, что болитъ грудь...

Квартира „графа“ и Антошки была недалеко отъ завода въ одной изъ дальнихъ линій Васильевского острова, у средняго проспекта. Они уже два года, какъ переѣхали отъ Никифоровыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ-технологъ, окончивъ курсъ, получилъ мѣсто на одномъ изъ заводовъ въ Екатеринославской губерніи, и съ нимъ уѣхали мать и сестра, здоровье которой требовало теплаго климата.

Эти милые, добрые люди, у которыхъ такъ хорошо прожили больше года „графъ“ и Антошка, пользуясь расположеніемъ всѣхъ членовъ семьи, не забывали своихъ прежнихъ жильцовъ. Разъ въ мѣсяцъ братъ или сестра писали „графу“, живо интересуясь и имъ, и его сожителемъ, и „графъ“ отвѣчалъ длинными, благодарными, письмами, описывая успѣхи Антошки и отчасти свои по перепискѣ статистическихъ таблицъ, которую ему давала, по порученію барышни Никифоровой, одна студентка.

Минуть черезъ пятнадцать, которыя показались въ этотъ день Антошкѣ ужасно долгими, онъ торопливо прошелъ дворъ большого дома и взбѣжалъ въ третій этажъ флигеля, гдѣ „графъ“ снималъ комнату со столомъ у стараго музыканта-нѣмца, жившаго вдвоемъ съ супругой въ трехъ комнатахъ, чистенькихъ, опрятныхъ, какъ и сами хозяева.

Маленькая, толстенная и румяная старушка, съ сѣдыми бублями, неизмѣнной потертой плюшевой наядушкой на плечахъ, отворила двери и, впустивъ Антошку, не безъ нѣко-

торого удивленія проговорила на очень плохомъ русскомъ языкѣ.

— Сегодня вы на пять минутъ раньше пришли, Антошъ.

— Раньше, Адель Карловна... Торопился.

— Кушать вѣрно очень захотѣли?—довольно привѣтливо освѣдомилась хозяйка, благоволившая къ своимъ жильцамъ и за то, что они аккуратно платили, и за то, что были тихіе жильцы и не дѣлали, какъ она выражалась, „schweineerei“ изъ своей комнаты.

— Да, Адель Карловна,—весело и торопливо отвѣчалъ Антошка, готовый на радостяхъ обнять эту степенную, аккуратную, немного прижимистую и сентиментальную Адель Карловну.

— Марта сейчасъ подастъ...

Но Антошка едва ли слышалъ послѣднія слова, такъ какъ, сбросивъ пальто, стремительно бросился въ комнату, повергнувъ въ нѣкоторое недоумѣніе почтенную нѣмку и свою забывчивостью обтереть ноги о половики, и своимъ особенно радостнымъ, возбужденнымъ, видомъ.

„Вѣрно, какое-нибудь маленькое жалованье назначили!“—мысленно рѣшила практическая старушка, пріурочивавшая всѣ житейскія радости къ полученію денегъ.

И, снѣдаемая любопытствомъ узнать, въ чемъ дѣло, и желаніемъ сообщить что-нибудь новенькое своему Адольфу Ивановичу, когда онъ вернется съ репетиціи изъ театра, гдѣ онъ игралъ вторую или третью скрипку, — Адель Карловна приложила ухо къ двери комнаты жильцовъ въ надеждѣ что-нибудь услышать. Но двери были плотно закрыты, и Адель Карловна отошла нѣсколько обиженная и отправилась въ свою сверкавшую чистотой кухню, чтобы посмотреть, какъ будетъ отпускать жильцамъ обѣдъ „этотъ глупый русскій свинъ Марта“, какъ называла нѣмка рябую, неуклюжую и лѣнивую Марю, дѣйствительно не отличавшуюся большимъ пристрастіемъ въ чистотѣ, хотя и жила, какъ она говорила, „у нѣмцевъ“ цѣлыхъ пять лѣтъ, получая небольшое жалованье и вѣчно слыша отъ нѣмки посрамленіе русской національности.

Въ ожиданіи прихода Антошки, „графъ“, только-что окончившій переписку полустраницы цифръ, ходилъ, расправляя

свои усталые члены, медленными шагами по небольшой, опрятной и уютной комнатѣ, убранной въ нѣмецкомъ вкусѣ, съ бисерными подставочками на столикахъ, съ вышитой подушкой на диванѣ и съ идиллическими плохими литографіями на стѣнахъ. Маленькій обѣденный столъ посреди комнаты былъ накрытъ чистой скатерткой, и у каждаго изъ двухъ приборовъ лежали салфетки въ бисерныхъ же кольцахъ, явившихся знакомъ вниманія Адель Карловны въ день годовщины пребыванія у нея на квартирѣ жильцовъ.

За эти три года „графъ“, не смотря на спокойную и самую правильную жизнь, какую онъ велъ, сильно постарѣлъ и какъ-то осунулся. И^н волнистые его волосы и борода совсѣмъ засѣдѣли. Глубоко ввалившіеся темные глаза, хотя и сохранили еще живость и порой свѣтились юморомъ и насмѣшкой, но въ нихъ уже не было прежняго блеска. Лицо его потеряло одутловатость и землистый цвѣтъ кожи, зато на немъ залегло болѣе морщинъ и черты заострились, придавая фізіономіи графа тотъ изнуренно-страдальческій видъ, въ которомъ изображаютъ монаховъ-подвижниковъ.

Онъ не могъ пожаловаться ни на какія острые страданія—по временамъ грудь ныла, но не очень сильно, и беспокоилъ сухой кашель, но онъ чувствовалъ, что вообще слабѣетъ и послѣ часа работы или послѣ ходьбы устаетъ, чувствовалъ какую-то тяжесть въ ногахъ и отсутствіе гибкости въ членахъ. Видно было, что послѣдствія прежней жизни начинаютъ сказываться и постепенно разрушаютъ его когда-то крѣпкій организмъ.

Но „графъ“, привязавшійся снова къ жизни съ тѣхъ поръ, какъ она ему улыбнулась, все надѣялся, что эта усталость и эта слабость пройдутъ. Онъ бодрился и съ какою-то инстинктивною предусмотрительностью заботился теперь о своемъ здоровьи и частенько показывался въ пріемные часы у женщины-врача Елизаветы Марковны, лечившей его отъ воспаленія легкихъ, совѣтовался съ ней, принималъ какія-то пилюли, остерегался простуды, словомъ, берегъ себя и подчасъ строилъ планы о будущемъ, о далекомъ будущемъ, вмѣстѣ съ Антошкой.

Когда Антошка ворвался въ комнату, графъ сразу догадался по его сіяющему лицу, что случилось что-то пріятное.

— Ну, рассказывай, рассказывай скорѣй, Антоша... Вижу, братъ, по твоей физиономіи, что ты въ восторгахъ. Что случилось? Новую машину выдумалъ, или тебя вашъ строгій чухна похвалилъ?—говорилъ „графъ“, самъ улыбаясь при видѣ неудержимой радости, которую, казалось, былъ переполненъ Антошка.

— Помощникомъ мастера назначили, Александръ Ивановичъ,—почти крикнулъ Антошка.

„Графъ“, знавшій, благодаря Антошкѣ, всѣ іерархическія степени заводскихъ служащихъ, вполне пронесся важностью этого повышенія, и радостно проговорилъ:

— Ну, поздравляю тебя, Антоша, поздравляю тебя, родной... Годъ на заводъ и уже помощникъ мастера... Это что-то необыкновенное... Иди, братъ, вымой скорѣй руки, чтобъ я ихъ пожалъ... Кстати, вотъ и Марта несетъ произведеніе Адели Карловны.

— И жалованье назначили, Александръ Ивановичъ! Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ!—почти выкрикнулъ Антошка, уходя за перегородку и принимаясь за мытье.

— Пятьдесятъ рублей!?—воскликнулъ „графъ“, не вѣря своимъ ушамъ.

— Пятьдесятъ!—повторилъ Антошка, отфыркиваясь. — Съ перваго числа. И общали сдѣлать мастеромъ.

— Молодецъ Антоша... Ты блистательно начинаешь свою карьеру... Въ восемнадцать лѣтъ и уже пятьдесятъ рублей... Да вѣдь это жалованье поручика... Ай да справедливый „печальный пасынокъ природы“!.. Ай да вашъ строгій Арнольдъ Оскаровичъ! Онъ, значить, оцѣнилъ тебя, понялъ, какой ты талантливый человекъ!—радостно говорилъ „графъ“.

И когда Антошка вышелъ изъ-за перегородки, графъ крѣпко пожалъ руку Антошки, потомъ привлекъ его къ себѣ, обнялъ и что-то долго не выпускалъ Антошку изъ своихъ объятий, желая скрыть радостныя слезы, которыя невольно застѣлали глаза.

— Ну, теперь садись и ѣшь... Подробности вечеромъ... Вѣдь вашъ шабашъ не дологъ. Такъ пятьдесятъ рублей, Антоша? И будешь мастеромъ? И, конечно, скоро... Однимъ, словомъ, теперь ты на своихъ ногахъ... Я такъ и ждалъ... Ты и мальчишкой былъ всегда сообразительнымъ умницей... О

ты, братъ, далеко пойдешь... Непремѣнно какую-нибудь машину да выдумаешь... Ъшь, ѡшь... Вечеромъ расскажешь, какъ все это случилось, и что тебѣ начальникъ мастерской говорилъ... Такъ съ перваго числа? Теперь, Антоша, ты богатъ и можешь завести и часы, и спитъ себѣ новую пару, и пользоваться иногда развлечениями...

Но вдругъ „графъ“ остановился, изумленный внезапной переменою лица Антошки. Куда дѣвалась сиявшая на немъ радость!

— Развѣ жалованье, которое я буду получать, мое, а не наше, Александръ Ивановичъ?—взволнованнымъ и словно бы недоумѣвающимъ тономъ воскликнулъ Антошка, и лицо его приняло безконечно-грустное выраженіе обиженного ребенка.— Къ чему вы говорите о какихъ-то часахъ, о новой парѣ? Развѣ мы не будемъ оба жить на жалованье?.. Вы, значить, не хотите, чтобъ я могъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за все, что вы для меня сдѣлали... Я... я... жизнь... готовъ... отдать за васъ, а вы...

Антошка больше не могъ продолжать.

О, какія мгновенія безконечнаго счастья испытывалъ „графъ“, слушая эти порывистыя, прочувствованныя изліанія благороднаго сердца! Какимъ великимъ вознагражденіемъ за всѣ страданія горемычной его жизни была эта обида привязаннаго существа! И какъ хороша казалась жизнь! И какимъ тепломъ охватывало его душу!

Съ трудомъ удерживаясь и самъ отъ слезъ, подступавшихъ къ горлу, „графъ“ поглядѣлъ на Антошку съ восторженнымъ умиленіемъ и проговорилъ:

— Такъ вотъ отъ чего ты обидѣлся! А я и не думалъ тебя обидѣть... Развѣ я не знаю, не чувствую твоей привязанности?

— Но вы говорили о часахъ... о платьѣ...

— Ну, говорилъ... Такъ вѣдь я получаю тридцать пять рублей отъ племянницы.

— Зачѣмъ ихъ получать? Теперь мы сами проживемъ безъ посторонней помощи!—не безъ горделиваго чувства произнесъ Антошка и, снова повеселѣвшій, поднялъ голову и смотрѣлъ на „графа“.— Еще какъ проживемъ-то! Это на первое время мнѣ дали пятьдесятъ, а черезъ годъ навѣрное да-

дуть семьдесят пять... Я буду работать, стараться... Мы теперь ни отъ кого не будемъ зависѣть...

— „Мы“,—повторилъ „графъ“ и печально усмѣхнулся.— Что жъ, ты вѣдь правъ, мой милый; я съ бѣльшимъ удовольствіемъ буду жить на твой счетъ, чѣмъ на чей-нибудь другой.. Корми же меня, ни къ чему негоднаго старика... Ты вѣдь единственный близкій мнѣ на свѣтѣ.

— А то какъ же!—радостно поддакнулъ Антошка.

— И умру на твоихъ рукахъ.

— До этого еще долго, Александръ Ивановичъ. А главное: не трудите себя этой перепиской... Ну ее... Оставьте! Вамъ это вредно!

— Коли такъ приказываешь—оставлю!—шутливо говорилъ „графъ“.—Она, дѣйствительно, очень меня утомляетъ. Однако, что же ты не ѣшь котлетъ...

— Не хочется.

— И мнѣ не хочется... Вечеромъ поѣдимъ... Убирайте, Марѳа... Да скажите Адели Карловнѣ, что мы не ѣли ея котлетъ не потому, что онѣ дурны, а потому... потому, что мы съ Антошей очень счастливы. Понимаете?

Марѳа взглянула ошалѣлыми глазами на обоихъ жильцовъ и молча убрала со стола.

„Графъ“ закурилъ свою копѣчную сигару и заговорилъ:

— Ужасно сильно развито у тебя чувство благодарности, я тебѣ скажу, Антоша. Оно вообще рѣдко у людей... Ты помни это и никогда на него не рассчитывай. И ты преувеличиваешь это чувство по отношенію ко мнѣ...

— Почему это?

— А потому, что я и не знаю, кто кому больше обязанъ: ты мнѣ, или я тебѣ.

— Конечно, я... Не будь васъ, чѣмъ бы я былъ теперь... Ходилъ бы съ ларькомъ и терпѣлъ отъ дяденьки...

— А не явился ты ко мнѣ въ ту ночь, давно бы я умеръ гдѣ-нибудь на улицѣ пьяный... Да, Антоша. И не жалѣлъ бы жизни... А ты возродилъ меня... Ты снова заставилъ полюбить жизнь... И вотъ теперь я не одинъ, и я счастливъ, благодаря тебѣ... Ну, да что считатьъся. Но не забывай только одного, что обоихъ насъ выручилъ случай... Не будь этой доброй феи племянницы, не устроилось бы все такъ хорошо...

Я ходилъ бы по вечерамъ на „работу“, выпрашивалъ бы гривенники, но на нихъ, братъ, ты знаешь, не составишь состоянія, и даже теплаго пальто не купишь. По всей вѣроятности, я слегъ бы въ больницу, и чтобы тогда съ тобой сталось, бѣдняга?.. Помнишь, ты хотѣлъ идти въ газетчики?

— И пошелъ бы... И мы съ вами не пропали бы!

— Я во всякомъ случаѣ бы пропалъ... Впрочемъ, къ чему вспоминать прошлое, когда настоящее намъ улыбается... Не будемъ, Антоша. А ты во всякомъ случаѣ какъ-нибудь сходи къ Нинѣ... Она обрадуется, когда узнаетъ о твоихъ успѣхахъ отъ тебя самого... И поблагодари ее... А ты ужъ бѣжишь на заводъ?

— Пора, Александръ Ивановичъ.

— Ну, до свиданія. Вечеромъ поболтаемъ, ты мнѣ расскажешь, что тебѣ говорилъ твой начальникъ, какъ приняли твое повышеніе товарищи... Все, все расскажи... До свиданія... Смотри, у машинъ осторожнѣй... Ты вѣдь слишкомъ пряткій...

Когда Антошка вышелъ изъ комнаты, „графъ“ пересѣлъ въ кресло и впалъ въ то блаженное настроеніе, когда человеку кажется, что счастьемъ его не будетъ конца.

Съ этими мыслями онъ незамѣтно задремалъ.

Его въ послѣднее время часто клонило къ дремотѣ.

XXXVI.

Тихій стукъ въ двери разбудилъ его.

— Войдите!—проговорилъ онъ, съ трудомъ поднимаясь съ кресла и напрасно стараясь принять бодрый видъ.

Колѣни его подгибались и ноги стояли не твердо.

Вошла Нина.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ ко мнѣ, Нина?— радостно привѣтствовалъ „графъ“, дѣлая нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ племянницѣ.

Онъ поцѣловалъ Нину и, усадивъ на диванъ, тотчасъ же сталъ рассказывать о томъ, что Антоша только-что получилъ мѣсто—онъ, конечно, объяснилъ, какое важное для начала—и ему назначили, восемнадцатилѣтнему мальчику, пятьдесятъ рублей жалованья.

— Вотъ какой онъ Антоша... О, онъ далеко пойдетъ... Это необыкновенно талантливый мальчикъ... И какое золотое сердце!

„Графъ“ передалъ „Нинѣ“ сцену за обѣдомъ и прибавилъ:

— Непременнo требуетъ, чтобъ я былъ его пансіонеромъ, и чтобъ никто больше не заботился обо мнѣ... Вы понимаете, Нина, я не смѣю отказать ему!—радостно заговорилъ „графъ“.

— Еще бы... Иначе вы обидѣли бы его, дядя.

— То-то и есть. А развѣ я захочу обидѣть моего мальчика? Вотъ почему съ перваго ноября вы уже прекратите мнѣ выдачу пенсіи изъ вашего казначейства. Теперь мы богаты и счастливы, благодаря милой феѣ. Спасибо вамъ, Нина!

— Но развѣ, дядя, и мнѣ нельзя о васъ заботиться. Вѣдь эти деньги вамъ давно назначены. Позвольте попрежнему посылать вамъ.

Но „графъ“ протестовалъ. Никакъ нельзя. Антоша не позволить. И то четыре года они пользовались пенсіей. Теперь Нина можетъ быть доброй феей кого-нибудь другого, мало-ли горемыкъ? Вѣдь Антоша получилъ 50 рублей на первое время, черезъ годъ онъ получитъ 75, а когда сдѣлаютъ мастеромъ онъ будетъ получать 150 рублей въ мѣсяцъ.

Нина, глядѣла на это исхудавшее блѣдное лицо дядя, озаренное счастливой улыбкой, на эту впалую грудь, и ей почему-то казалось, что онъ слишкомъ фамильярно обращается съ будущимъ.

— Ну, какъ хотите, дядя... Я рада за васъ и за Антошу... Вотъ только вы что-то похудѣли немножко съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла васъ въ послѣдній разъ... Здоровы-ли вы?..

— Ничего себѣ, скриплю... Вотъ слабость сталъ чувствовать въ послѣднее время, но, надѣюсь, это пройдетъ... Года все-таки свое берутъ, ну, и жизнь-то моя прежняя была не особенно правильная, совсѣмъ дажо неправильная, Нина.

— Быть можетъ, хотите посовѣтоваться съ докторомъ, дядя? Я къ вамъ привезу спеціалиста.

— Спасибо, Ниночка, спасибо... У меня есть одна знакомая—докторша, славная барыня. Я съ ней совѣтуюсь и, по ея совѣту, ходилъ къ спеціалисту. Онъ говоритъ то же, что и докторша: надо беречься. Я и сдѣлался трусомъ... За-

бочусь о своей персонѣ, Нина, точно принцъ крови... Теперь, видите-ли, мнѣ !очень жить хочется... Хоть бы лѣтъ пять еще протянуть!—проговорилъ, улыбаясь, „графъ“.—Ну, а вы какъ поживаете, Нина? Здоровы, надѣюсь?

— Здорова.

— А объ остальномъ нечего и спрашивать... Живется хорошо, конечно?

Нина встрепенулась, точно раненая птица. Въ выраженіи ея лица и большихъ темныхъ глазъ было что-то безконечно грустное.

— Не хорошо, дядя!—проронила она.

— Не хорошо? Отчего не хорошо? Что съ вами, голу-бушка?—съ нѣжнымъ любовнымъ участіемъ спрашивалъ „графъ“, пораженный печальнымъ видомъ племянницы.—Вы молоды, хороши, имѣете средства, добры и отзывчивы, живете не праздно, какъ другія... У васъ образованный молодой мужъ, свѣтило науки, который, конечно, любитъ васъ и раздѣляетъ ваши взгляды...

Нина нѣсколько мгновеній молчала, и вдругъ слезы тихо закапали изъ ея глазъ.

— Нина! Простите... Я своими дурацкими вопросами только разстроилъ васъ, — извинялся „графъ“, цѣлуя маленькую блѣдную руку Нины.—Я принесу воды... успокойтесь.

И „графъ“ поднялся съ кресла.

— Не надо, сидите, дядя... Это сейчасъ пройдетъ. Я нарочно приѣхала, чтобы рассказать вамъ все... все... Вы ничего не знаете... Я прежде и себѣ не рассказывала, и рѣдко у васъ бывала... Я вѣдь совсѣмъ одинока, милый дядя!—говорила молодая женщина, когда нѣсколько успокоилась.

— Одиноки? А мужъ?—невольно воскликнулъ „графъ“.

Онъ видѣлъ его разъ или два.

Влюбленная и счастливая, вышедшая замужъ противъ воли отца за молодого профессора, далеко не родовитаго происхождения, что, главнымъ образомъ, и смущало его превосходительство, Нина, два года тому назадъ, вскорѣ послѣ свадьбы приѣзжала съ мужемъ къ дядѣ.

Онъ не понравился тогда „графу“, этотъ молодой, красивый и уже извѣстный ученый. Онъ показался слишкомъ ужъ кокетливымъ и въ манерахъ, и въ костюмѣ, слишкомъ

рѣшительнымъ въ приговорахъ и влюбленнымъ въ себя. Несмотря на чрезвычайную любезность профессора, отъ него вѣяло холодомъ.

— Я расхожусь съ мужемъ!—отвѣтила Нина.

И послѣ паузы спросила:

— Вы удивлены, дядя?

— Нисколько, Нина... Я всего насмотрѣлся на своемъ вѣку и мало чему удивляюсь... Признаюсь, вашъ мужъ мнѣ не нравился... Такъ, первое впечатлѣніе стараго бродяги... Но вы, Нина, кажется, его любили?

— Любила, но не знала его. Тогда онъ казался другимъ.

„Обыкновенная исторія“, подумалъ „графъ“ и, проговорилъ:

— Бѣдная! Такая молодая—и такое разочарованіе!

— И не одно!—грустно проронила Нина...

„А впереди еще сколько!“—пронеслось въ головѣ у „графа“.

— Что же, онъ не любитъ васъ?

— Онъ никого не любитъ, кромѣ себя, и женился, считывая на приданое... Я это хорошо знаю теперь, къ несчастью, слишкомъ хорошо, дядя... А тогда я увлеклась имъ... Среди мужчинъ, которыхъ я встрѣчала въ нашемъ обществѣ, онъ такъ выдавался... Вы вѣдь хорошо знаете это общество?

— Знавалъ, Нина...

— Я хотѣла уйти изъ него... Я чувствовала, что такъ жить, какъ я жила, невозможно... Меня угнетала эта бездѣльная, праздная жизнь... эти балы... эта безумная роскошь небольшого кружка въ то время, когда у десятковъ тысячъ нѣтъ куска хлѣба... Къ тому же и дома... Отецъ...

Нина на секунду остановилась, точно ей было тяжело до-сказать то, что причиняло ей страданіе. Оно въ эту минуту выражалась въ чертахъ ея лица, во всей ея принявшей фигурѣ.

— Я не смѣю осуждать отца, — произнесла она наконецъ упавшимъ голосомъ, — я все-таки люблю папу, и мнѣ жаль его, но я... я потеряла къ нему уваженіе. Вѣдь это ужасно, дядя. Не правда ли?.. Не уважать отца?..

„Графъ“ угрюмо молчалъ, опустивъ голову.

Что могъ и смѣлъ онъ сказать дочери чело-вѣка, кото-раго давно считалъ подлецомъ. Чѣмъ могъ онъ утѣшить Нину?

И въ первый разъ, кажется, во всю его жизнь въ немъ пробудилось чувство состраданія и жалости къ брату. Не смотря на все свое богатство и важное положеніе, онъ несчастливъ. У брата нѣтъ такого преданнаго любящаго созданія, какое есть у него, у бывшаго отверженца.

— Я съ радостью приняла предложеніе, — продолжала молодая женщина, — я любила этого человѣка, я ждала новой дѣятельной жизни, новыхъ людей, и вмѣсто того нашла почти то же, что и въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ. Та же погоня за карьерой, за деньгами... То же равнодушіе къ вопросамъ, не имѣющимъ отношенія къ ихъ специальности, тѣ же интриги... И это ученые! Профессора!.. Мой мужъ оказался такимъ же... Разница въ нашихъ характерахъ, взглядахъ, мнѣніяхъ обнаружилась скоро и наконецъ дошла до того, что я просила развода.

— Онъ даетъ его?

— Охотно. Тѣмъ болѣе, что вѣдь женитьба не принесла ему ничего... Отецъ не далъ мнѣ приданого... Онъ только сдѣлалъ тряпки и выдаетъ мнѣ по двѣсти рублей въ мѣсяцъ.. А мужъ рассчитывалъ не на это и недавно настаивалъ, чтобы я вѣхала къ отцу и просила его дать мнѣ хоть половину обѣщаннаго состоянія теперь же... Это было уже слишкомъ!

— Изъ современныхъ раннихъ молодыхъ людей! — протянулъ „графъ“. — И, вѣрно, онъ все это объяснялъ по науку?

— Вродѣ этого. О, говорить-то онъ краснорѣчиво и любить говорить... Но мнѣ его рѣчи кажутся бездушными... Прежде, когда онъ былъ женихомъ, онъ не то говорилъ, что теперь... И съ какой страстью! И какую разумную жизнь обѣщаль... Все это была одна ложь. И какъ подумаешь, что этотъ человѣкъ профессоръ, поучаетъ другихъ, а самъ... О, какъ все это отвратительно, дядя!

— Хорошо еще, что вы не поздно узнали этого ученаго, и, смѣю думать, совсѣмъ разлюбили его. Не правда ли, Нина? — осторожно спросилъ „графъ“.

— Онъ мнѣ чужой совсѣмъ. Я къ нему равнодушна! — рѣшительно проговорила молодая женщина.

— Вотъ это отлично. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, лишнихъ страданій.

— Они были, дядя. Вѣдь я его любила!

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Высказавъ все, что мучило ее, Нина казалась покойнѣе.

— Что жъ вы намѣрены теперь дѣлать, Нина? Гдѣ будете жить? У своихъ?

— Папа былъ у меня и настоятельно звалъ къ себѣ, и мама тоже.., Бѣдныя! Они любятъ меня и въ отчаяніи, что у нихъ такая неудачная дочь. И сдѣлала mesalliance, и разводится.. Но, какъ мнѣ ни тяжело было огорчить ихъ, я отказалась. Опять вернуться къ этой жизни!?. Боже сохрани!.. Мнѣ опротивѣлъ Петербургъ.

„Графъ“ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на молодую женщину. Сколько характера и энергии въ этомъ созданіи!

— Вы, значить, уѣзжаете!

— Надняхъ уѣзжаю, дядя... До отъѣзда я еще буду у васъ...

— Спасибо, спасибо, милая... Вы не перестаете баловать меня... Надѣюсь, и вѣсточку о себѣ когда-нибудь дадите?.. Вы куда уѣзжаете?

— Далекю, дядя, въ Самарскую губернію.

— Къ кому?

— Къ тетѣ Танѣ, къ маминой сестрѣ. Она славная, добрая и простая такая, совсѣмъ не похожа на нашихъ дамъ. Зоветъ къ себѣ въ деревню... Она постоянно тамъ живетъ послѣ смерти своего мужа и не скучаетъ... Она обѣщаетъ найти мнѣ дѣло въ деревнѣ, если только я не соскучусь по баламъ и у меня хватить терпѣнія быть полезной другимъ... Пишетъ, между прочимъ, что у нихъ въ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ школъ, и что надо ихъ устроить. Поживу тамъ и, если понравится, быть можетъ, и останусь тамъ... Сюда буду пріѣзжать, чтобъ навѣстить своихъ, взглянуть на васъ, дядя, какъ вы живете со своимъ другомъ... А средства на устройство школъ у меня будутъ. Папа оставляетъ мнѣ мои двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Видите ли, какая я богачея!—заключила Нина.

— Чудная вы!—умиленно воскликнулъ „графъ“.

И вслѣдъ за этимъ какъ-то особенно почтительно поцѣловалъ руку Нины. Она горячо обняла старика и проговорила:

— Если я ужъ не совсѣмъ пустая, то я и вамъ обязана, дядя. Вы мнѣ на многое открыли глаза.

— Своему доброму сердцу обязаны, и никому болѣе!

Нина еще просидѣла нѣсколько времени у „графа“.

Она строила планы будущей жизни, говорила, что ея мантия деревня, и, что тамъ она надѣется совсѣмъ забыть о своихъ неудачахъ личной жизни, и вдругъ воскликнула, какъ бы озаренная внезапной мыслью:

— А знаете что, дядя?

— Что, Нина?

— Что бы и вамъ прїѣхать въ деревню? Тетя навѣрное будетъ рада. Тамъ вы скоро поправитесь и не будете чувствовать ни усталости, ни слабости. Хотите? Я напишу вамъ изъ деревни, и вы прїѣзжайте.

— А мой Антоша?

Нина виновато улыбнулась, взглядывая на мертвенно-блѣдное лицо съ заострившимся носомъ и обтянутыми щеками, и стала собираться, безконечно жалѣя дядю.

XXXVII.

Пришла весна.

„Графъ“ худѣлъ и слабѣлъ съ каждымъ днемъ въ теченіе зимы и теперь съ трудомъ могъ дѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Большую часть времени онъ сидѣлъ въ креслѣ, или лежалъ на постели.

Но онъ и думать не хотѣлъ, что дѣло его проиграно окончательно, и что смерть уже витаетъ надъ его изголовьемъ. Онъ, напротивъ, питалъ какую-то упорную надежду, что поправится, какъ только наступятъ теплые вешніе дни, а тамъ и лѣто... Антошка обѣщала нанять на Петровскомъ островѣ маленькую дачу... Тамъ, на чистомъ воздухѣ, онъ окончательно выздоровѣетъ.

Даже зеркало, отражавшее лицо мертвеца, не колебалось этой увѣренности. Не смущали его и исхудалыя ноги и руки, и выдающіяся по плоской груди ребра...

И онъ добросовѣстно глоталъ какіе-то пилюли, принималъ микстуру и насильно, безъ всякаго аппетита, пилъ молоко и ѣлъ бульонъ и мясо.

Еще бы! Ему теперь такъ хотѣлось жить, этому горемычному бродягѣ, безконечно счастливому въ это послѣднее время, когда они жили съ Антошкой на свои кровныя денежки. И какъ же Антошка баловалъ его: и вино ему позуцалъ, и не-

дурныя сигары, и на газету для него подписался, и по вечерамъ, возвратившись изъ завода, читалъ ему или рассказывалъ про заводскія дѣла и новости.

Какъ же не хотѣть жить, когда на каждомъ шагѣ видишь трогательную преданность близкаго существа и самъ безконечно любишь его и радуешься его успѣхамъ. А Антошка рѣшительно преуспѣвалъ. За какую-то его выдумку („графъ“ при самомъ подробномъ объясненіи автора „выдумки“ не могъ понять, въ чемъ дѣло) ему выдали недавно триста рублей награды, и самъ директоръ завода призывалъ Антошку и хвалилъ его...

И нерѣдко „графъ“, замѣчая, что Антошка грустенъ, говорилъ ему, стараясь придать своему глухому голосу веселый тонъ:

— Ты что, голубчикъ, носъ опустилъ... Думаешь: я умирать собираюсь. Дудки, братецъ! Опольевы живучи... Вотъ только тепло придетъ... Ты увидишь...

— И вовсе не думаю, Александръ Ивановичъ... Еще какъ поправитесь... Вотъ какъ теплое воскресенье придетъ, поѣдемъ дачу нанимать... Деньги у насъ, слава Богу, есть...

И Антошка употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы казаться веселымъ и не разрыдаться, слушая эти полныя надежды слова.

Ему сказали доктора, что дни „графа“ сочтены, да онъ и самъ видѣлъ это, и горю его не было границъ. Нерѣдко онъ выбѣгалъ изъ комнаты на лѣстницу и плакалъ, какъ малый ребенокъ. Нерѣдко во время работы на заводѣ онъ утиралъ навертывавшіяся слезы — вѣдь „графъ“ былъ у него единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ любилъ. И вдругъ потерять его тогда, когда жизнь ихъ обоихъ такъ хорошо устроилась!

И Елизавета Марковна, и другой докторъ совѣтовали перевести больного въ больницу, но Антошка и слышать объ этомъ не хотѣлъ, зная, что „графъ“ ни за что не согласится. И кто же будетъ по ночамъ около него?..

Каждое утро Антошка уходилъ со страхомъ, что вернется домой и не застанетъ въ живыхъ „графа“, и каждое утро просилъ хозяйку дать знать на заводъ, если Александру Ивановичу будетъ плохо.

Не смотря на протесты „графа“, въ послѣдніе дни у него въ комнатѣ дежурила сидѣлка. Антошка настоялъ на этомъ, убѣдивъ „графа“, что это необходимо. По крайней мѣрѣ, она будетъ аккуратно слѣдить за приемами лекарства.

„Графъ“ въ концѣ-концовъ покорно согласился и замѣтилъ:

— Пусть будетъ по твоему, а какъ потеплѣетъ, мы, братъ, сидѣлку спровадимъ... И то я тебѣ дорого стою.. Слишкомъ ужъ ты балуешь меня, Антоша... Роскошествуешь ты очень...

— Что вы, Александръ Ивановичъ... И вовсе у насъ много выходитъ...

— Не бойсь, вижу... Вино-то одно чего стоитъ... Ну да, голубчикъ, скоро я тебя освобожу отъ этихъ расходовъ... Поправлюсь, и войдемъ въ бюджетъ...

Антошка отворачивался, чтобы скрыть слезы.

Въ этотъ вечеръ, когда Антошка вернулся съ завода, „графъ“ объявилъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше, и вмѣстѣ съ Антошкой пилъ чай, сидя въ креслѣ. Онъ былъ особенно разговорчивъ и веселъ.

Напрасно Антошка останавливалъ его, объясняя, что ему вредно много говорить, „графъ“ не слушалъ и возбужденно порывисто заговорилъ:

— Да что ты, братецъ, точно меня умирающимъ считаешь... Я жить хочу и буду жить... Слышишь, Антоша... Милый, дорогой мой... Довольно я мыкался, терпѣлъ униженія, дѣлалъ подлости, пьянствовалъ... побирался... Я встрѣтилъ тебя, такого же горемыку, бѣднаго, брошеннаго... и твоя любовь привязала меня къ жизни и пробудила во мнѣ человѣка...

Онъ задыхался и все-таки продолжалъ, точно торопясь высказаться, глядя съ безконечною нѣжностью на Антошку.

— И теперь, когда я горжусь тобою, твоими успѣхами, когда я такъ привязался къ тебѣ, моему умному, славному мальчику, и вдругъ умереть... Нѣтъ... Я этого не желаю.. Ты что же плачешь, мой милый... Зачѣмъ ты такъ смотришь?.. Или въ самомъ дѣлѣ...

Выраженіе ужаса вдругъ исказило черты „графа“. Онъ шевелилъ губами, и звука не было. Онъ какъ-то жалобно

замычалъ, и безконечно грустными глазами, точно моля о помощи, глядѣлъ на Антошку.

— Это ничего... пройдетъ... докторъ говорилъ... ей-Богу, ничего, Александръ Ивановичъ,—безумно выбрасывалъ слова Антошка, и припалъ къ холодящей рукѣ „графа“, орошая ея слезами.

— Сейчасъ бѣгу за докторомъ, Александръ Ивановичъ.

„Графъ“ отрицательно помахалъ головой, не сводя туснѣющаго взгляда съ Антошки.

— Ну, такъ пошлю...

И Антошка выбѣжалъ, чтобы распорядиться.

Когда онъ вернулся въ комнату, „графъ“ ужъ не дышалъ.

Черезъ два дня за скромнымъ гробомъ шли на Смоленское кладбище три человѣка: Антошка, бывшая квартирная хозяйка и прачка Анисья Ивановна и Нина. Она пріѣхала въ Петербургъ, получивъ отъ Антошки телеграмму о смерти дяди.

Другихъ родныхъ онъ не извѣстилъ.

Никто не говорилъ рѣчей на могилѣ „графа“. Только Антошка безутѣшно рыдалъ, и плакали Анисья Ивановна и Нина.

Возвращаясь съ кладбища работать на заводъ, Антошка еще сильнѣе почувствовалъ свое сиротство. Но, сознавая себя одинокимъ, онъ зналъ, что, благодаря покойнику, онъ бодро и стойко выдержитъ битву жизни... Она уже улыбалась ему, еще недавно несчастному нищенкѣ.

Въ то же лѣто на могилѣ „графа“ красовался красивый желѣзный памятникъ, весь сдѣланный руками Антошки.

Н. Станюковичъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СЛАВА.

(Семья Полонезскихъ. Романъ г-на Сенкевича).

Критика всякаго литературнаго произведенія сводится, въ сущности, къ двумъ основнымъ вопросамъ: во-первыхъ, о предметѣ, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ и талантъ, и потомъ объ отношеніи самого автора къ этому предмету. Разрѣшеніе перваго вопроса даетъ характеристику извѣстныхъ общественныхъ типовъ, явленій, идеаловъ, а второй вопросъ прямымъ путемъ приводитъ читателя къ оцѣнкѣ міросозерцанія, умственнаго развитія и культурныхъ задачъ писателя. А такъ какъ авторъ, по своему таланту заслуживающій подобнаго разбора, долженъ принадлежать къ наилучше интеллигентнымъ и лучшимъ представителямъ общества, — въ результатѣ критики получается довольно точное понятіе объ идеальныхъ стремленіяхъ и нравственныхъ силахъ высшихъ слоевъ данной націи въ данную эпоху.

Эти общія положенія какъ нельзя болѣе примѣнимы къ г. Сенкевичу и его новому роману. На родинѣ г. Сенкевичъ считается первенствующимъ писателемъ, довольно громки отголоски этой славы и у насъ. По крайней мѣрѣ, въ русской печати объ авторѣ *Безъ догмата* принято говорить почтительно и немедленно сообщать русской публикѣ его новыя произведенія — даже въ нѣсколькихъ переводахъ.

Очевидно, такому романисту принадлежитъ несомнѣнное право съ совершенной авторитетностью говорить о своихъ соотечественникахъ, объ общественныхъ и нравственныхъ условіяхъ своей родины и рассчитывать на полное вниманіе со стороны иноземныхъ читателей. Но этого мало. Одновременно съ весьма лестнымъ правомъ такой романистъ долженъ нести столь же отвѣтственныя обязанности. Онъ долженъ представлять собой явленіе, во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся, не только по своему умѣнью наблюдать и рассказывать, но и по способности понимать и судить.

Это не значитъ, чтобы авторъ въ своемъ произведеніи выступалъ непремѣнно въ роли публициста или моралиста. Эта роль сама по себѣ не представляетъ ничего возвышеннаго: весь вопросъ въ содержаніи и смыслѣ публицистики и морали. Нѣтъ. Мы отъ прославленнаго автора требуемъ не проповѣдей, изложенныхъ текстуально, а известной высоты настроенія, нравственнаго созерцанія, хотя бы даже *инстинктивнаго* сочувствія или негодованія, однимъ словомъ — благородства и интеллигентности писательской *натуры*. Гоголь *Мертвыхъ душъ* и *Ревизора* ничего учительски не проповѣдывалъ, но у читателей и зрителей послѣ поэмы и комедіи возникали такого рода ощущенія и мысли, какихъ не вызвать самому краснорѣчивому и тенденціозному моралисту. И тайна заключалась въ «благородномъ смѣхѣ», т.-е. возвышенномъ, духовно-развитомъ чувствѣ автора.

Гдѣ нѣтъ этого чувства, тамъ не поможетъ никакая горячая тенденція, а гдѣ оно воодушевляетъ творчество, тамъ какая угодно «объективность» и «безсознательность» не помѣшаютъ великому идейному смыслу произведенія и его просвѣтительному значенію.

Обратимся теперь къ творчеству г. Сенкевича. Оно представляетъ большой интересъ—литературный и политическій, особенно для насъ, русскихъ. Въ силу разныхъ историческихъ событій и положеній, между двумя великими славянскими народами до сихъ поръ существуетъ не мало прискорбныхъ недоразумѣній, практически мѣшающихъ общественному и культурному единенію. Всякое недоразумѣніе чаще всего результатъ непониманія или невѣдѣнія, и несомнѣнно тщательныя взаимныя знакомства поляковъ и русскихъ на почвѣ мысли и слова тѣснѣе сблизили бы обѣ націи. Мы знаемъ блестящій примѣръ въ этомъ родѣ,—вліяніе русской литературы на Западѣ. Никакія военныя побѣды и союзы не могли бы до такой степени поднять въ глазахъ иностранцевъ культурную роль русскаго народа, какъ это сдѣлали произведенія нашихъ гениальныхъ художниковъ. Еще, конечно, желательнѣе подобный результатъ, когда вопросъ идетъ о двухъ родственныхъ національностяхяхъ, связанныхъ, притомъ, въ одно государственное тѣло. Мы поэтому заранѣе привѣтствуемъ лучшихъ польскихъ писателей на русскомъ языкѣ и готовы въ ихъ литературной дѣятельности видѣть полезное руководство для изученія ихъ страны и ихъ народа.

Г. Сенкевичъ идетъ на встрѣчу этой готовности—именно романомъ *Семья Поланецкихъ*, вызвавшимъ насъ на разсужденія. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ романѣ,—мы бросимъ бѣглый взглядъ на раннюю дѣятельность г-на Сенкевича. Такимъ путемъ

мы достигнемъ богѣе полнаго и цѣльнаго представленія о «послѣднемъ словѣ» его таланта — въ настоящее время, по крайней мѣрѣ.

До *Семьи* {*Поланецкихъ* русская публика могла прочесть довольно много мелкихъ рассказовъ польскаго автора, два большихъ романа *Онемъ и мечомъ* и *Потопъ*. Впечатлѣнія отъ всѣхъ этихъ произведеній получались, повидимому, весьма выгодныя для г-на Сенкевича: по крайней мѣрѣ, русская критика привѣтствовала звѣзду молодого романиста не только благосклонно, но нерѣдко даже восторженно. Кое-гдѣ, конечно, слышались и ропчущіе голоса, но они нисколько не повредили быстрому росту популярности г-на Сенкевича.

И все-таки этотъ ростъ отъ начала до конца въ сильной степени былъ недоразумѣніемъ и основывался отнюдь не на художественной силѣ и высокомъ идейномъ содержаніи *всѣхъ* сочиненій автора.

Русская критика, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ талантливѣйшихъ, интеллигентнѣйшихъ и честнѣйшихъ своихъ представителей всегда придавала и продолжаетъ придавать большое значеніе *смыслу* искусства, его культурному и общественному вліянію на дѣятельность. Случалось, такое отношеніе къ искусству переходило въ крайность, какъ это можетъ случиться со всякой самой справедливой идеей,—и критики усиливались совершенно устранить съ своего горизонта вопросъ о прекрасномъ и художественномъ. Но увлеченіе такъ и оставалось увлеченіемъ, правда и здравый смыслъ брали свое, и *идеалъ осмысленной, сознательной красоты* снова вступалъ въ свои законныя права.

Въ наше время слышатся голоса, зовущія насъ въ другую, противоположную, сторону, — къ *звукамъ сладкимъ*, даже *безъ молитвъ*, потому что всякая молитва есть молитва о чемъ-нибудь, а звуки сладкіе могутъ быть издаваемы совершенно безсознательно и безцѣльно. Но эти призывы — не нашъ исконный русскій голосъ, не тотъ голосъ гениальныхъ художниковъ, который до глубины души поразилъ французскаго критика Вогюэ и заставилъ его въ нашихъ поэтахъ видѣть истинныхъ пророковъ и вождей общества. Этотъ голосъ или рабское эхо чужихъ зарубежныхъ напѣвовъ, или стонъ немощныхъ, томящихся собственной пустотою и безсиліемъ душъ.

И вотъ г. Сенкевичъ присоединяетъ свою запальчивую рѣчь къ этому стону.

«По моему мнѣнію», говоритъ онъ, «наиничтожнѣйшій талантъ стоитъ дороже великолѣпнѣйшей доктрины, а наивеликолѣпнѣйшая доктрина недостойна чистить бапкимаки свободѣ».

Это весьма гордый и рѣзкій крикъ, который, впрочемъ, искони былъ свойственъ всѣмъ «свободнымъ» художникамъ. Талантъ, конечно, прекрасная вещь,—но дѣло-то въ томъ, что *свободныхъ* талантовъ никогда не бывало и не можетъ быть именно въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ мнимо-свободные художники. Доктрина непремѣнно вмѣшается во все, чтобы ни «подсказывало сердце» г-дамъ Сенкевичамъ, и, къ сожалѣнію, отнюдь не «великолѣпнѣйшая» доктрина. Такой ужъ фатумъ свободныхъ художниковъ! Теоретически твердятъ они о свободѣ, а въ своихъ же собственныхъ произведеніяхъ воздвигаютъ пьедесталы для завѣдомо темныхъ и низменныхъ силъ всякаго культурнаго общества.

У насъ извѣстна, наприимѣръ, участь самаго усерднаго служителя свободной музы — Фета: трели соловья звучали у него въ полной гармоніи съ азартными воплями крѣпостника и полудикаго представителя «бѣлой кости». Не менѣе любопытны подвиги и современнаго рыцаря эстетики—г. Боборыкина: воскликнуть ли да здравствуетъ «свободное искусство», или какъ чудно прекрасны московскіе Разуваевы, говорящіе «на языкахъ»—для него, повидимому, не составляетъ большой разницы.

Г. Сенкевичъ удивительно напоминаетъ этихъ русскихъ писателей—по своимъ тенденціямъ. Да, именно *тенденціямъ*, несмотря на то, что мы прочли у него безповоротное осужденіе всякихъ доктринъ.

Всѣ свободные художники—непремѣнно аристократы, и г. Сенкевичъ съ своей стороны польскій шляхтичъ, и притомъ, далеко не новѣйшей эпохи. Въ этомъ и заключается его «доктрина», а «великолѣпнѣйшая» она, или совершенно напротивъ, зависитъ отъ вкуса читателей. Намъ только удивительно, что она такъ быстро успѣла сжиться съ симпатіями нашей публики къ произведеніямъ г. Сенкевича. Можетъ быть, исключительная художественная талантность писателя заставила «все забыть и простить»? Мы сейчасъ это увидимъ.

Шляхетскія чувства г. Сенкевича сказываются съ поразительной наивностью, — почти съ такой же, какъ у знаменитаго польскаго капитана Матамора въ забавной комедіи гр. Фредро, — *Полночный левъ*, на русскомъ языкѣ. Въ историческихъ романахъ *Олема* и *мечемъ* и *Потопъ* каждая глава не что иное, какъ варіація на одну и ту же тему—патріотическаго гимна *Róki tu зујету*, и оба громадные произведенія можно бы озаглавить по польски кратко и сильно: *Громъ побѣды раздавайся*, потому что, во славу шляхетства, даже Богданъ Хмельницкій оказывается трусомъ и пошлякомъ лицомъ къ лицу съ польскимъ паномъ.

Это пріемъ лубочный и дурного тона, но для г. Сенкевича онъ—типическая черта его таланта. Въ разсказахъ не историческаго содержанія шлякетскій азартъ не такъ горячъ, но не менѣе упоренъ. Напомнимъ повѣсти *Старый слуга* и *Ганя*, имѣющія характеръ автобіографическихъ отрывковъ.

Здѣсь мы присутствуемъ при самыхъ странныхъ положеніяхъ героевъ и изумительныхъ настроеніяхъ автора. То, что *шляхтичъ* Суховольскій является «хамомъ» у цѣлаго поколѣнія другого *шляхтича*, что его бьютъ до полусмерти за его рабскія добродѣтели—это еще не удивительно... Но не такъ просто и естественно поведение настоящихъ господъ-шляхтичей. Они ежеминутно преисполнены мучительными помыслами о «своей крови»: это любимое выраженіе героевъ г. Сенкевича во всѣхъ его произведеніяхъ, но и въ этомъ еще ничего нѣтъ особеннаго. Любопытно, *въ чемъ* собственно шляхтичи г. Сенкевича, при полномъ сочувствіи съ его стороны, полагаютъ практическое осуществленіе своего побѣдоноснаго благородства.

Идеальный шляхтичъ-рыцарь—отецъ разсказчика въ повѣсти *Ганя*. Это—личность величавая, суровая и необыкновенно энергичная, достойный герой хотя бы *Огня и меча*. Описывается онъ въ разсказѣ, по крайней мѣрѣ, такимъ тономъ, какъ, напримѣръ, у Гоголя великій помѣщикъ Костанжогло: красота и величіе! И какъ же подвизается этотъ фениксъ?

Его сынъ, «мальчикъ», только-что кончившій курсъ гимназій, и его пріятель, такой же герой, по уставу шлякетскаго ордена, состязаются между собой одновременно въ чувствахъ дружбы и въ рыцарскихъ подвигахъ. Послѣднія состязанія собственно устраиваетъ величественный отецъ одного изъ юныхъ витязей.

«Чужой» мальчикъ, напримѣръ, перепрыгнулъ въ бѣшеной скачкѣ черезъ заборъ,—моментадно загорается гордость у сѣдовласаго шляхтича, и онъ обращается къ сыну: «скачи, скачи, мальчикъ, да смотри,—хорошенько!» И тотъ скачетъ, падаетъ съ лошади, но, во славу шлякетства, совершенно «здорово»...

Въ другой разъ тотъ же злокозненный мальчикъ похищаетъ Ганю, влюбленную въ него, но въ Ганю также влюбленъ и его другъ. Этотъ герой беретъ «прадѣдовскую» саблю, идетъ биться съ пріятелемъ, и по пути встрѣчаетъ своего отца. Старый шляхтичъ уже, въ свою очередь, также вызвалъ отца похитителя—старика, даже не знавшаго о продѣлкѣ сына и немедленно привезшаго Ганю назадъ со всевозможными извиненіями. Происходитъ діалогъ между оригинальными вояками—сыномъ и отцомъ,—и съ двухъ словъ отецъ отправляетъ своего сына на бой... Нѣтъ, оче-

видно, ни одной мальчишеской выходки, ни одинаго школьническаго забіячества, въ которомъ главную роль не принялъ бы на себя великій мужъ г. Сенкевича. И объ этомъ великомъ мужѣ, по поводу дуэли его сына, говорится слѣдующее:

«И этотъ ветеранъ, посѣдѣвшій въ битвахъ, съ распростертыми руками, показался мнѣ орломъ, издали благословляющимъ своего птенца на такую же славную и высокую жизнь, какую велъ и онъ самъ».

Хороша слава,—подзадоривать мальчишекъ раскраивать другъ другу черепа! Именно такъ кончается дуэль несовершеннолѣтнихъ героевъ,—но, опять во славу шляхетства, раскромсанные черепа не мѣшаютъ въ концѣ концовъ общему благополучію.

Мы знаемъ, конечно, всякіе бываютъ бреттеры,—и съ самыми наивными понятіями о благородствѣ, и съ самыми дикими представленіями о чести. Героямъ извѣстнаго сорта, можетъ быть, и подобаетъ до сѣдыхъ волосъ натравливать другъ на друга гимназистовъ. Для насъ важенъ не этотъ безнадежно ограниченный и, при всей своей суровости и величіи, необыкновенно комическій индивидуумъ «пѣтушиной породы», а чувства писателя, изображающаго эту ограниченность и этотъ комизмъ, характерна эта выпрениная рѣчь и трагическій пафосъ тамъ, гдѣ простое нравственное чувство и общечеловѣческій здравый смыслъ требуютъ смѣха и сатиры. Но для г. Сенкевича все шляхетски-рыцарственное—священно, и онъ не знаетъ границы, гдѣ доблести этого трагическаго жавра становятся законнымъ достояніемъ фарса, хотя бы по формѣ и очень жестокаго.

Неужели, спросите вы у г. Сенкевича, такъ и не сказывается вездѣ его профессія писателя, и притомъ, писателя нашего XIX-го, демократическаго вѣка? Неужели онъ такъ и не поднимается надъ «орлами», играющими жизнью своихъ сыновей-мальчиковъ по поводу всякаго вздора?

О, нѣтъ! Г-ну Сенкевичу не чужды и другія фигуры. У него есть такія исторіи, какъ, на примѣръ, *За хльбомъ*, *Бартекъ-побѣдитель*, *Янко-музыкантъ*. Здѣсь дѣйствующія лица изъ низшаго крестьянскаго класса, и намъ любопытно послушать, какъ рассказываетъ о мужикахъ Гомеръ польскаго шляхетства.

Г. Сенкевичъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ заявляетъ себя рѣшительнымъ врагомъ современнаго натурализма, повторяя отъ своего лица истину, давно уже высказанную во Франціи противниками Золя. Истина, во всякомъ случаѣ, несомнѣнная: «Для изображенія красоты во всемъ ея блескѣ нужно имѣть больше

силы, больше красокъ на палитрѣ, чѣмъ для изображенія мерзости, и вообще легче возбудить тошноту, чѣмъ душу».

Справедливо. Но натурализмъ, по своей сущности, не «мерзости» собственно: это только внѣшній результатъ; натурализмъ—*односторонность, крайность, половинчатое*, если такъ можно выразиться, созерцаніе и пониманіе жизни. Такова *идейная* основа новой школы, и этой основы, очевидно, не понимаетъ г. Сенкевичъ: онъ разглядѣлъ только поверхность предмета и не проникъ въ его философское ядро. Иначе бы онъ созналъ, что можно и не описывать «мерзостей» и не возбуждать «тошноты»,—и все-таки грѣшить грѣхомъ натуралистовъ.

Вѣдь человѣкъ живетъ подѣ влияніемъ нѣсколькихъ нравственныхъ силъ. У него есть умъ, есть чувство. И то, и другое можетъ быть предметомъ и дѣйствительно-художественнаго, и натуралистическаго изображенія. «Мерзости» и «тошнота», какъ ихъ разумѣетъ г. Сенкевичъ, получаютъ при натуралистическомъ изображеніи *чувства*. Но совершенно также натуралистически можно представить и умственную дѣятельность человѣка, его *душу*, изобразить его животнымъ не по *чувственности*, а по *безмыслию*. «Тошноты» подобное изображеніе, можетъ быть, и не вызоветъ, но оно, по существу, будетъ самымъ подлиннымъ натурализмомъ, потому что и въ этомъ случаѣ на романѣ или разсказѣ можно поставить знаменитое заглавіе: *L'homme-bête*.

Теперь, припомните взрослыхъ героевъ г. Сенкевича изъ названныхъ нами разсказовъ и сравните ихъ съ «хамами», ползкимъ, у г-жи Ожешковой. Сравненіе особенно поучительно и прямо ведетъ насъ къ цѣли, потому что оба писателя имѣютъ въ виду одну и ту же человѣческую породу.

Бартекъ г. Сенкевича, несомнѣнно, возбуждаетъ въ васъ состраданіе, но совершенно такъ же, какъ раненое или раздавленное животное. Вы не видите *страдающей души человеческой*, не можете обратиться къ бѣдняку съ словами утѣшенія на вашемъ человѣческомъ языкѣ, не можете протянуть ему руку, какъ равный равному по человѣчеству. Бартекъ—послѣдняя степень нравственной тупости и мозговой окаменѣлости. Въ теченіе всего разсказа васъ не покидаетъ злое замѣчаніе Писемскаго, что собака болѣе мыслящее и благородное животное, чѣмъ иной человѣкъ (г. Сенкевичъ впрочемъ и самъ приравниваетъ своего героя къ его лошади), и не будь Бартекъ жертвой самыхъ жестокихъ, чисто инвизиторскихъ, ударовъ судьбы, онъ врядъ ли вызвалъ бы у насъ глубокое чувство. Автору рѣшительно ничего не остается дѣлать, какъ только бросать на своего «Макара» одну шишку

убійственнѣе другой и поддерживать интересъ читателей исключительно внѣшними жестокими обстоятельствами. Въ результатѣ, предъ нами все, что угодно—этнографическій очеркъ, публицистическая статья съ иллюстраціями, историческій документъ въ беллетристической формѣ,—только не творчески-литературное произведеніе.

Мы не думаемъ утверждать, чтобы на свѣтѣ не было Бартековъ, и еще менѣе расположены требовать отъ писателя народнической идеализаціи. Мы знаемъ, какъ мало служить серьезнымъ общественнымъ цѣлямъ подобный приемъ, до какой степени онъ дискредитируетъ *дѣйствительныя* положительныя черты народа, снабжая его вымышленными добродѣтелями и разукрашивая его могучій естественный обликъ дѣтскими побрякушками. Идиллическое, безотчетно-восторженное настроеніе писателя такое же отрицательное явленіе, какъ и натуралистическій преднамѣренный пессимизмъ. Мы ищемъ въ литературѣ не пасторалей и не застѣнковъ, а всесторонняго, осмысленнаго, человѣчески-чуткаго созерцанія жизни. Оно—основной законъ художественнаго творчества, какая бы дѣйствительность ни изображалась писателемъ, и даже не творчества, а простыхъ фактическихъ картинъ самаго грубаго людскаго быта.

Въ русской литературѣ мы знаемъ не мало подобныхъ приговоровъ. Припомните хотя бы *Подлиповцевъ*. Трудно представить обитателей цивилизованной страны на болѣе низкой ступени общественнаго и умственнаго развитія. Въ матеріальномъ отношеніи жизнь Бартековъ изъ Подгнетова истинное блаженство сравнительно съ существованіемъ Пилы и Сысойки. Тамъ, судя по разсказу г. Сенкевича, безконечно больше условій—родиться и жить мыслящему существу, чѣмъ въ Подлипной. Тамъ Бартеки сѣютъ и собираютъ пшеницу, а Сысойки почти круглый годъ питаются корой и мякиной. Но сравните, какъ изображена жизнь и приключенія Пилы у русскаго автора, назвавшаго свое произведеніе только *этнографическимъ очеркомъ*, и у г. Сенкевича, давшаго въ *Бартековъ-публицистѣ*, будто бы, выдающееся литературное произведеніе. Припомните разсказъ о смерти Апроськи, о житѣ Пилы и Сысойки въ городѣ среди такихъ же дикарей и бѣдняковъ, и сравните барственно-юмористическій тонъ, какимъ г. Сенкевичъ повѣствуетъ о путешествіи подгнетовцевъ на войну и о возвращеніи Бартека на родину. Мы вѣримъ, когда русскій авторъ, ни на одну минуту не измѣнившій спокойствію этнографическаго наблюдателя, писалъ къ поэту-народнику по поводу своихъ героевъ: «Вы не повѣрите, — я даже плакалъ, когда передъ мной очерчивался

образъ Пилы во время его мученій». Но что могъ чувствовать г. Сенкевичъ, поминутно сравнивающій своего героя-то съ лошадыю, то съ индюкомъ, издохшимъ отъ думанья? И на какое чувство онъ рассчитывалъ у читателей, заставляя жену Бартека вспоминать съ глубочайшимъ сожалѣніемъ о Бартекѣ до побѣды, т. е. о Бартекѣ глупомъ, но, по крайней мѣрѣ, добромъ? Очевидно, предъ нами представитель особой двуногой расы, роковымъ образомъ тупой и дикій—въ сравнительно весьма сноскомъ экономическомъ и культурномъ положеніи, инстинктивно-деспотическій и злой при всякой воображаемой перемѣнѣ къ лучшему, совершенно безпомощный и рабски-трусливый въ нуждѣ и неудачѣ. Пила—на могилѣ Апроськи и Пила на допросѣ у слѣдователя—настоящій человѣкъ и герой сравнительно съ «побѣдителемъ» г-на Сенкевича—въ сценахъ съ женой и съ начальствомъ.

Снова повторяемъ—наша цѣль не увѣнчаніе познанскихъ мужиковъ, и даже не отрицаніе реализма въ рассказѣ польскаго автора,—мы только указываемъ, какого сорта «хама» взялъ авторъ для изображенія злосчастной участи «быдла»: полуживотное, едва владѣющее членораздѣльными звуками, даже своего земляка поражающее несказанно идиотскими поступками и словами. Эта животность самое наше чувство состраданія къ несчастному должна нерѣдко подвергать сильному испытанію. Бартекъ, какъ истый дикарь, доступный только грубѣйшимъ вліяніямъ среды и самымъ примитивнымъ вождедѣніямъ, заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для самодура и нахала въ своей семьѣ и въ деревнѣ. И этотъ матеріалъ обнаруживается немедленно, лишь только Бартекъ чувствуетъ себя «побѣдителемъ», попадая въ среду смиренныхъ людей.

Очевидно, слѣдовательно, предъ нами вопросъ не въ демократическихъ симпатіяхъ автора: иначе—онъ захотѣлъ бы ихъ оправдать не на мужикѣ-лошади, а на мужикѣ-человѣкѣ, котораго онъ, судя по произведеніямъ г-жи Ожешковой, могъ найти и между польскими крестьянами. Дѣло въ другой политикѣ, не внутренней; дѣло въ протестѣ противъ нѣмецкаго владычества въ Познани. На эту тему и написанъ рассказъ. Бартекъ—козелъ отпущенія не демократическихъ, а *обще-польскихъ* идей автора, т. е., въ сущности, тѣхъ же шляхетскихъ.

Мы, конечно, ничего не возражаемъ противъ *внѣшней* политики г. Сенкевича,—мы только раскрываемъ сущность его, яко бы демократическаго, замысла. Русскіе читатели слишкомъ хорошо знакомы съ приемами, съ тономъ, съ настроеніемъ истинныхъ народолюбцевъ-писателей, чтобы въ высокомѣрномъ и полити-

чески-разсчитанномъ повѣствованіи шляхтича о мужикѣ увидѣть малѣйшіе слѣды великаго демократическаго чувства.

Нѣтъ этого чувства и въ столь же жестокомъ разсказѣ *За хльбомъ*. Опять предъ нами сверхъестественное тупоуміе героя-мужика, здѣсь же и ангельская доброта шляхтича-патріота. Дѣвушка-крестьянка, милое созданіе, въ счетъ не идетъ: когда же красивыя дѣвушки-крестьянки не казались милыми всевозможнымъ шляхтичамъ и поэтамъ!..

Никто не станетъ отрицать у г-на Сенкевича наклонности къ чувствительнымъ ощущеніямъ, доходящимъ нерѣдко до предѣловъ мелодрамы: въ особенности два предмета могутъ вызывать подобныя ощущенія—женщины и дѣти. Это фактъ обычный во всѣхъ литературахъ, и не имѣетъ ничего общаго съ демократизмомъ. Марыся и Янко-музыкантъ—очень эффектные образцы въ произведеніяхъ г-на Сенкевича, но они не измѣняютъ сущности его общественнаго направленія.

Мы не станемъ искать доказательствъ своей мысли въ другихъ разсказахъ польскаго автора. Онъ самъ новѣйшими своими сочиненіями освобождаетъ насъ отъ этого труда, живописуя съ небывалымъ усердіемъ и захватывающимъ умиленіемъ самыя микроскопическія мелочи шляхетскаго нравственнаго и внѣшняго міра. Какъ авторъ мелкихъ разсказовъ, г. Сенкевичъ если менѣе всего былъ демократомъ, по крайней мѣрѣ, правдиво и искренно относился къ своему дѣлу, въ общемъ являлся писателемъ безъ разнашистыхъ претензій и сравнительно рѣдко прибѣгалъ къ литературной мишурѣ и эффекту. Мы, конечно, исключаемъ, такъ называемые, историческіе продукты его таланта: здѣсь шляхтичъ-патріотъ подчасъ просто не вмѣняемъ... Зато на другихъ страницахъ встрѣчались блестящіе и юморы (*Та третья*), и человѣчнаго теплаго чувства (*Фонаричикъ на маякѣ*—начало разсказа). Г. Сенкевичъ былъ только шляхтичемъ въ политикѣ. Но возрастающая ли популярность, или непреодолимый демонъ моды, превратили скромнаго сравнительно разсказчика въ напыщеннаго шляхтича отъ литературы. Г. Сенкевичъ захотѣлъ быть европейскимъ писателемъ и съ закрытыми глазами бросился подъ колесницу современныхъ божествъ, во мгновеніе ока превратился въ философа, психолога, мистика, прорицателя въ области самыхъ важныхъ вопросовъ религіи и человѣческой культуры...

Явилось прежде всего *Безъ догмата*, и—что особенно удивительно,—стяжало громкую славу именно у насъ,—у насъ, владычущихъ величайшимъ психологическимъ романомъ въ мірѣ—отъ Лермонтова до гр. Толстого. Русская публика, будто ради пре-

красныхъ глазъ г-на Сенкевича, по мановенію волшебнаго жезла, забыла первостепенныя произведенія своей литературы, и вообразала найти что-то новое въ польскомъ романѣ. Критика усердно помогала въ этихъ поискахъ... А между тѣмъ, первыя же страницы романа переносили читателя прежде всего прямо къ Лермонтовскому Герою нашего времени. Панъ Плошовскій, оказывалось, писалъ свой дневникъ *буквальными* цитатами изъ записокъ Печорина. Да, *буквальными*, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда характеризуется *самая сущность* того и другого типа.

Мы ограничимся немногими примѣрами.

Печоринъ: «Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой—мыслить и судить его»...

Плошовскій: «Я ношу въ себѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ вѣчно все взвѣшиваетъ и критикуетъ, другой—живетъ полужизнью»...

Печоринъ: «Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвушки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь».

Плошовскій: «Я долженъ былъ бы предложить себѣ вопросъ: если ты не хочешь жениться, то зачѣмъ дѣлаешь все, чтобъ влюбить въ себя дѣвушку?».

Печоринъ. «Зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился?... Я не угадалъ (своего) назначенія».

Плошовскій. «Опредѣленіе «геній безъ портфеля» мнѣ кажется точнымъ. Я долженъ буду взять привилегію на это изобрѣтеніе»...

Мы нарочно привели *общія* сужденія героевъ о самихъ себѣ. Частности должны совпадать, и дѣйствительно совпадаютъ также поразительно. Возьмите, вмѣсто княжны Мэри, Анельку—и вы цѣликомъ можете перенести въ романъ Сенкевича разсужденія Печорина о женитбѣ, о женской любви, о роли героевъ среди женщинъ, его приемы соблазна, даже лермонтовское наблюденіе насчетъ электрической искры, пробѣгающей изъ руки мужчины въ руку женщины—все это точно воспроизведено г-номъ Сенкевичемъ и въ тождественныхъ положеніяхъ. И все это—*общее* и *частности*—превращаютъ основную часть произведенія г-на Сенкевича въ рабскую копію русскаго романа. Предположимъ, эта копія не списана преднамѣренно: г. Сенкевичъ, какъ *наблюдатель жизни*, сошелся съ Лермонтовымъ на одномъ и томъ же пути... Тогда какой же интересъ представляетъ для насъ его герой и его исторія, если ни въ немъ, ни въ ней нѣтъ ничего по существу оригинальнаго, характернаго для общества извѣстной эпохи? И если въ наукѣ изъ

двухъ наблюдений, дѣйствительнымъ открытіемъ и завоеваніемъ считается—наблюденіе первое по времени, а другое лишь повтореніемъ уже извѣстнаго опыта, въ художественной литературѣ въ такой же мѣрѣ, психологическое и историко-культурное значеніе принадлежитъ произведенію, впервые воспроизведшему извѣстное общественное явленіе. Слѣдовательно, *психологическое* содержаніе романа *Безъ догмата* можетъ казаться новостью, развѣ только публикѣ, знающей одного г-на Сенкевича. Для насъ это перепѣвъ стараго гениальнаго произведенія, и еще хорошо было бы, если бы только перепѣвъ. Но г. Сенкевичъ внесъ и нѣчто другое въ психологію своего героя. Это другое столь же неоригинально и заимствовано изъ источника, гораздо менѣе совершеннаго.

Нечего говорить о шляхетскихъ чувствахъ героевъ, о необыкновенно развитомъ физическомъ патріотизмѣ героинь, т.-е. восторженномъ культѣ родовыхъ помѣстій, рѣшающемъ чуть ли не всѣ вопросы нравственной жизни: все это — неизмѣнные мотивы г-на Сенкевича. Любопытна другая черта,—самый пріемъ психологическихъ размышленій у г. Сенкевича.

Это—черта общая всѣмъ новѣйшимъ произведеніямъ г-на Сенкевича и съ теченіемъ времени она, очевидно, все больше усиливается и разрастается.

Семья Поланецкихъ далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи предъидущій романъ, и именно на этой *Семьѣ*, мы можемъ съ особенной ясностью прослѣдить путь новыхъ литературныхъ стремленій г-на Сенкевича, воображающаго работать, такъ сказать, уже на европейской сценѣ.

Много говорили о философскихъ размышленіяхъ Плюшевскаго, но при этихъ разговорахъ забывали какъ разъ самое важное—новомодные «психологическіе романы» Бурже и большую значимость въ нихъ г. Сенкевича, мало обратили вниманія, что этотъ романъ оказался скорѣе поприщемъ космополитическихъ настроеній и событій, а не сценой типически польскихъ людей и фактовъ. Другое дѣло — *Семья Поланецкихъ*. Это — дѣйствительно будничная исторія, литературная картина современнаго быта польской интеллигенціи. Этимъ именно романъ для насъ и дорогъ. Разныя исторіи о духовно-недужныхъ людяхъ «конца вѣка» мы можемъ прочесть и помимо г. Сенкевича, у романистовъ, выросшихъ среди подлинныхъ дѣтищъ *fin de siècle*'я, наблюдавшихъ дѣйствительную, оригинальную, утонченную культуру, а не «плохія копіи», какъ, на примѣръ, именуется у самого г. Сенкевича польскій декадентъ—Букацкій. Но лавры Бурже не къ добру испортили совѣтъ польскаго писателя.

Французскій, такъ-называемый, «психологическій романъ» возникъ на почвѣ протеста противъ натурализма школы Золя и, какъ всякая преднамѣренная оппозиція, немедленно впалъ въ крайность. психологію подмѣнилъ *психологизмомъ*, все равно какъ, природу Золя подмѣнилъ натурализмомъ. Въ результатѣ романы превратились въ сборники трактатовъ на темы всевозможныхъ общечеловѣческихъ настроеній. Настоящая художественная психологія имѣеть въ виду *опредѣленную личность*, душу извѣстнаго героя, а *психологизмъ*—*общія* душевныя явленія, своего рода формулы чувствъ и впечатлѣній, и на нихъ нанизываетъ цѣлыя изслѣдованія, забываясь только объ отвлеченной логичности разсужденія.

Напримѣръ, герой—женатый и имѣющій дѣтей—влюбился въ другую женщину и намѣренъ объясниться ей въ любви... Что онъ при этомъ долженъ испытывать—не этотъ именно герой, а вообще человѣкъ въ подобномъ положеніи? Авторъ, такимъ образомъ, ставитъ себѣ тему и обрабатываетъ ее, какъ нѣкую схоластическую задачу. И такъ по поводу всякаго положенія и факта. Такой пріемъ, конечно, весьма выгоденъ для объема романа и его видимой серьезности, но не имѣеть ничего общаго съ правдивымъ поэтическимъ творчествомъ. Г. Сенкевичъ, въ качествѣ подражателя, недостатокъ своихъ учителей превратилъ въ настоящій порокъ. Это чувствовалось въ мнимо-оригинальныхъ диссертацияхъ, переполняющихъ страницы *Безъ догмата*, а *Семейство Поланецкихъ* оказалось уже прямо пораженнымъ страшною водянкой, распространившей исторію о двухъ-трехъ годахъ сѣренькой жизни весьма незамысловатыхъ людей до подавляющаго объема. Въ книгѣ г. Сенкевича вмѣщаются, по крайней мѣрѣ, пять тургеневскихъ романовъ, или всѣ художественныя произведенія Гогола.

Главный герой—панъ Поланецкій, а героиня—его невѣста, потомъ супруга—панна Плавичкая. Около этой «семьи» группируется нѣсколько другихъ кавалеровъ, дамъ и барышень. Всѣхъ ихъ подавляетъ своими достоинствами — Поланецкій, героиня же прямо именуется въ романѣ первой красавицей Варшавы, а нравственныя ея добродѣтели прославляются рѣшительно на каждой страницѣ, гдѣ появляется она сама, или о ней только говорятъ. Что же это за рѣдкостные экземпляры человѣческой породы?

Поланецкій — по происхожденію шляхтичъ, по профессіи купецъ, представитель торговой фирмы. Операціи этой фирмы такъ характеризуются въ романѣ: подешевле купить, подороже продать, остатокъ спрятать въ кассу. Но героическая натура Поланецкаго, узнаемъ мы, не удовлетворяется подобными дѣлами и изобрѣтаетъ нѣчто экстренное. Что же именно? Россіи угрожаетъ голодъ, пред-

видится запрещеніе вывоза хлѣба за границу, — Поланецкій скупаетъ хлѣбъ, запродаетъ его за границей по контрактамъ до запрещенія и вывозитъ въ самый разгаръ голода. Авторъ это называетъ «удачной спекуляціей, которая велась на широкую и солидную ногу», а герой немедленно признаетъ свою голову «необыкновенной» и здѣсь же объясняетъ женѣ свое превосходство надъ «всѣми окружающими». Авторъ съ нимъ согласенъ, дѣлаетъ ему только легкій выговоръ, зачѣмъ онъ именно передъ женой расквастался... Получается картина въ какомъ-то странномъ жанрѣ: съ одной стороны, комическая наивность, граничащая съ несовершеннolѣтїемъ, съ другой — удивительное смѣшеніе нравственныхъ понятій.

Таковы дѣла и подвиги героя. Но человѣка, какъ извѣстно, ярче всего характеризуютъ его идеалы, его высшія стремленія. Поланецкій и г. Сенкевичъ на этотъ счетъ необыкновенно много рѣчивы. Буквально, нѣтъ возможности сосчитать, сколько разъ герой и авторъ принимаютъ объяснять, что они считаютъ высшимъ счастьемъ и крайней цѣлью человѣческихъ усилій. Можно подумать, — эта цѣль необыкновенно сложна и возвышенна. Напротивъ, ничего нѣтъ проще и зауряднѣе.

По мнѣнію г. Сенкевича, въ извѣстный возрастъ мужчина обязательно жаждетъ жениться. Это — «неумолимая сила», и ей подчиняются даже «самые отчаянные пессимисты», и философы, и артисты, и самые идеальные общественные дѣятели, съ какими угодно жизненными задачами. Поланецкій вполне единодушенъ съ авторомъ, и всѣ досуги свои посвящаетъ на поиски невѣсты. Въ этихъ поискахъ вся философія нашего героя, а въ благополучномъ результатѣ — всѣ его идеалы. Именно этими словами Поланецкій называетъ свое сватовство и свою женитьбу. Какую же роль онъ предназначаетъ женѣ? Опять все — до умиленности просто. Жена должна *узнать* его, т. е. оцѣнить его коммисіонерскія способности, потомъ принести дѣтей, которымъ онъ могъ бы оставить наследство. Все это рѣчи самого Поланецкаго, и онъ при этомъ, не обинуясь, сравниваетъ себя, какъ холостяка, съ брилліантами на лунѣ, цѣнности которыхъ еще пока никто не узналъ... И авторъ совершенно ясно выражаетъ идею всего романа: женитьба и накопленіе матеріальныхъ благъ путемъ «солидныхъ» спекуляцій — вотъ современная мудрость даже для господъ съ «необыкновенными» головами, каковъ Поланецкій.

Но что же такое панна Плавичкая? Русская жизнь и русская литература пріучила насъ къ женскимъ типамъ, рядомъ съ которыми идеалы пана Поланецкаго могутъ показаться необыкновенно мизерными, пожалуй, поплыми. Мариня — это, по заявленію автора,

воплощеніе всѣхъ совершенствъ,—все время является предъ нами какимъ-то нравственнымъ недоноскомъ. О ней авторъ иначе не говоритъ, какъ уменьшительными именами: у нея—«красивый *лобикъ*», «немного широкій *ротикъ*», «маленькое *личико*». Этимъ микроскопическимъ внѣшнимъ даннымъ соотвѣтствуетъ столь же ограниченный внутренній мірокъ: «сердечко», «умишко», «душенка», — хочется сказать, читая разсужденія Марини, и особенно—авторскія рекомендаціи. Мариня любитъ папу, покойную маму, своего мужа и господина, своего «огромнаго сына», еще Кшемень — свою родину. За предѣлами этого царства для Марини все «чужіе» и «чужое», въ томъ самомъ смыслѣ, какъ это понимаютъ дѣти. Впрочемъ, есть одинъ сильный внѣшній интересъ у Марини—страсть женить молодыхъ людей и сватать барышень. Это, повидимому, вообще страсть польскихъ дамъ,—по крайней мѣрѣ, въ романѣ онѣ всѣ занимаются сватовствомъ—въ высшей степени откровеннымъ и настойчивымъ. Другого имъ рѣшительно нечего дѣлать: «узнавать» мужей для нихъ не особенно трудно, хотя бы даже и такихъ необыкновенныхъ, какъ Поланецкій, вопросъ о потомствѣ еще проще, хотя бы эти исторіи и обставялись такими многочисленными и торжественными сценами, какъ это дѣлаетъ г. Сенкевичъ. Очевидно, съ Мариней идеалы Поланецкаго могутъ быть вполне безопасны. Высшіе моменты въ жизни нашей героини—рѣшеніе мужа свезти ее въ Италію, покупка медальона съ черной жемчужиной и, въ особенности, пріобрѣтеніе утраченнаго, было, Кшменя. Всѣ эти происшествія описываются на нѣсколькихъ страницахъ, почти такимъ же умиленнымъ тономъ, какимъ, напримѣръ, Маниловъ бесѣдуетъ о талантахъ Фемистоклюса и Алкида. Очевидно, авторъ хочетъ сосредоточить все наше вниманіе на событіяхъ, съ особенной силой обнаруживающихъ милыя добродѣтели Марини, въ родѣ ея «сердечка» и «немного широкаго ротика». Объ этомъ ротикѣ мы слышимъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять—счетомъ. Будто авторъ боится, какъ бы мы не упустили изъ виду подобную прелесть...

Это—отнюдь не мелочи. Онѣ лучше всякихъ крупныхъ чертъ характеризуютъ тонъ и смыслъ авторскаго творчества. Г. Сенкевичъ проникнуть глубокимъ сочувствіемъ, и даже почтеніемъ къ своимъ героямъ. Для него Поланецкій дѣйствительно положительный, и даже исключительно прекрасный, представитель современнаго польскаго общества, а выше Марини не существуетъ ничего даже и въ воображеніи. Только въ мелочахъ и отдѣльных положеніяхъ г. Сенкевичъ нарушаетъ свою чисто-отеческую сердечную гармонію съ своимъ дѣтищемъ, напримѣръ, онъ не согла-

сень съ очень ужъ покровительственнымъ отношеніемъ «необыкновенной головы» къ женѣ и, чтобы посбавить спѣси, г. Сенкевичъ заставляетъ г-на Поланецкаго совершить нѣкоторую *récodille* на счетъ супружеской вѣрности. Но въ шляхетскомъ царствѣ г-на Сенкевича все къ лучшему,—и звѣзда нашего героя поднимается еще выше и лучезарнѣе непосредственно изъ будуара чужой жены. И кромѣ того становится очевиднымъ, что эта звѣзда опустилась на минуту въ незаконныя сферы — ради вящей славы всесовершенной Марини. Съ этихъ поръ и Кшемень и панъ Стахъ ей принадлежатъ на одинаково прочныхъ основаніяхъ. Отсюда сплошное маниловское настроеніе всякій разъ, когда дѣло идетъ о Поланецкихъ, отсюда наивныя идилическія краски, лежащія на самыхъ, въ сущности, мелкихъ и мѣщански-эгоистичныхъ вождедѣніяхъ героя, отсюда забавно-серьезныя повѣствованія объ его необыкновенной дѣловитости, уживающейся рядомъ съ отчаянной склонностью къ философіи.

Какъ,—спросите вы,—неужели Поланецкій философъ, и о чемъ же онъ философствуетъ, онъ—столь просто и удобно разрѣшившій все «проклятые вопросы»—о счастьѣ, о долгѣ, о служеніи обществу? Въ томъ-то и дѣло, что Бурже написалъ—*Disciple, Crime d'amour, La terre promise*, а г. Сенкевичъ—*Безъ dogmata*,—не можетъ же послѣ этого «необыкновенный» варшавскій комиссіонеръ и мужъ первой варшавской красавицы—не предаваться «анализу»,—да еще какому!—«Онъ анализировалъ Маринку», читаемъ мы на одной страницѣ. «Онъ анализировалъ ее, какъ ювелиръ», повторяется немного дальше.

Не правда ли, вы изумлены? Что же это за предметъ для анализа—Мариня—съ ея «личикомъ», «лобикомъ», «ротикомъ» и соответствующими духовными совершенствами. Проще, кажется, не можетъ быть и субъекта въ культурной средѣ XIX-го вѣка. Но это вамъ такъ кажется,—г. Сенкевичъ совершенно другого мнѣнія и находитъ вполне естественнымъ безчисленное число разъ повторять, что «Мариня—натура прямая», даже по два раза на страницѣ, напримеръ, въ восьмой главѣ второй части, что она хорошая хозяйка, «женщина положительная», что она очень привязана къ Кшеменю... Это—«анализъ Марини». Онъ наполняетъ всю первую часть романа, охватываетъ и вторую вплоть до вѣнчанія, но за то ужъ по этому экстремному случаю «анализъ» разыгрывается въ настоящую оргію. Сначала у Поланецкаго «мысли вертѣлись въ мозгу по нѣскольку десятковъ вмѣстѣ», потомъ «мысли эти разлетались», наконецъ «снова начинали кружиться»... Очевидно, «мыслямъ» Поланецкаго надоѣло ждать свадебнаго торжества, и онѣ раньше времени устроили

нѣчто въ родѣ танцевальнаго вечера. Послѣ этого, конечно, намъ весьма трудно познакомиться съ этими странными «мыслями», хотя онѣ и «кружатся» на пространствѣ пѣлаго печатнаго листа.

Но это еще только «анализъ Марини»,—онъ тонетъ, какъ капля въ морѣ, въ «анализѣ пана Стаха», т.-е. самого Поланецкаго. Авторъ ради такой «необыкновенной головы» прибѣгаетъ къ очень любопытному методу. Не довольствуясь тѣмъ, что самъ «анализируетъ» своего героя, заставляетъ тоже дѣлать другихъ дѣйствующихъ лицъ, онъ разсѣкаетъ своего героя на двухъ Поланецкихъ—и вотъ эти господа бесѣдуютъ другъ съ другомъ крайне энергично, «горячо», тѣмъ болѣе, что «одинъ Поланецкій» «не слишкомъ церемонился» съ «другимъ Поланецкимъ» и обзывалъ его даже «дурнемъ», «дулся» на него и приказывалъ молчать. Совершенно такимъ образомъ подвизался на поприщѣ психологіи и въ такихъ же выраженіяхъ громилъ двойника панъ Плошовскій,—не отставать же отъ него пану Поланецкому. Анализъ, какъ видите, необыкновенно серьезный, почти трагическій,—но весь настоящій комизмъ и дѣтскую наивность этого «анализа» вы можете почувствовать, только прочитавши главу VIII первой части и главу I—второй.

Всѣмъ, конечно, извѣстно состояніе *душевнаго раздвоенія*—источникъ истинныхъ глубочайшихъ нравственныхъ страданій, и мы не возражаемъ противъ самого явленія, а указываемъ на первобытную грубость авторскаго пріема и полную неумѣстность его въ данномъ случаѣ. Познакомившись весьма точно и подробно съ міросозерцаніемъ Поланецкаго и его умственнымъ уровнемъ на первыхъ же страницахъ романа, а также и съ панной Плавицкой,—мы положительно не подозрѣвали, какъ можно написать громадную книгу о подобномъ «семействѣ». Внѣшнихъ фактовъ можно, разумѣется, сколько угодно насочинить, но какъ открыть цѣлыя психологическіе горизонты въ эмбриональныхъ организмахъ скольконибудь цивилизованнаго человѣчества, — этой задачи не разрѣшилъ бы и Шекспиръ.—Да, потому что Шекспиръ имѣлъ дѣло дѣйствительно съ человѣческой душой и правдой жизни, а г. Сенкевичъ только съ листами писчей бумаги и своимъ воображеніемъ, настроеннымъ на модный тонъ, точнѣе, даже не съ воображеніемъ, а съ чисто внѣшней писательской способностью, подогрѣваемой быстрымъ успѣхомъ въ наше, весьма неизбалованное, и потому нетребовательное время.

И прослѣдите внимательнѣе за пружинами, на которыхъ держится вся тяжеловѣсная машина г. Сенкевича, — вы не найдете болѣе удачныхъ примѣровъ для комедіи «много шума изъ ни-

чего». Въ жизни, конечно, безпрестанно ничтожныя причины вы-
зываютъ значительныя послѣдствія, но, во-первыхъ, далеко не
все, происходящее въ жизни, можетъ въ неприкосновенномъ видѣ
быть перенесено въ художественную литературу, а потомъ — *est*
modus in rebus,—и даже истинное можетъ перейти въ нелѣпое,
и великое въ смѣшное. Именно это и происходитъ въ романѣ
г. Сенкевича.

Почему, напримѣръ, существуетъ первая часть романа и де-
вятъ главъ второй — по объему равныя *Мертвымъ душамъ*? По-
тому что панъ Поланецкій, вечеромъ влюбившись въ панну Пла-
вицкую и влюбивъ ее въ себя, утромъ разгнѣвался на ея отца,
сурово встрѣтился съ дочерью и не успѣлъ съ ней объясниться:
«побѣждалъ за ней, но было уже поздно, и Мариня вышла»...

Вотъ въ этомъ казусѣ ключъ ко всѣмъ «анализамъ», мукамъ,
недоразумѣніямъ, дипломатическимъ и военнымъ предпріятіямъ.
Вамедли Мариня въ дверяхъ одну секунду, — и половины громад-
наго романа у г. Сенкевича не было бы. Такая завязка съ пер-
ваго же раза придаетъ роману характеръ чего-то до крайности
мелкаго, несерьезнаго, почти дѣтскаго. И это впечатлѣніе немед-
ленно подтверждается: главное дѣйствующее лицо первой части—
двѣнадцатилѣтній ребенокъ Литка.

Она появляется на нѣсколько мгновеній, будто нѣкая фея, вы-
зываетъ у автора и у всѣхъ дѣйствующихъ лицъ безкончныя
чувствительныя настроенія и рѣчи, особенно у «пана Стаха», по-
томъ умираетъ, передъ смертью оказывая серьезную услугу ав-
тору, его героямъ и, въ особенности, читателямъ. Неизвѣстно,
до какихъ бы предѣловъ затянулась игра въ прятки между По-
ланецкимъ и Мариней, если бы Литка, вѣрная назначенію всѣхъ
героинь г. Сенкевича, не сосватала окончательно нашего героя
съ предметомъ его «анализа». Затѣмъ, повидимому, только и по-
явилась Литка на сцену романа. По крайней мѣрѣ, всю ея роль
можно выбросить безъ всякаго изъяна для смысла и съ большой
пользой для *серьезныхъ* достоинствъ романа. Авторъ будто вос-
пользовался случаемъ—вставить въ романъ личныя трогательныя
воспоминанія о лично дорогой дѣвочкѣ: до такой степени искус-
ственно вклеенъ сентиментальный мартирологъ двѣнадцатилѣтней
сваты. Авторъ будто усиливается обезсмертить эту исторію: послѣ
Литки остается фотографія, и «панъ Стахъ» уже съ фотографіей
бесѣдуетъ, когда это вздумается автору. Но потомъ все-таки По-
ланецкій, въ качествѣ счастливаго мужа, забываетъ о Литкѣ, —
и намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, зачѣмъ вообще ему

нужно было знать и помнить о ней? Вѣроятно, въ интересахъ такихъ читательницъ, какъ Мариня Поланецкая и сама Литка.

Свадьба, наконецъ, совершается, изъ «двухъ Поланецкихъ» и «двухъ Маринь» стало всего одинъ и одна,—дѣйствующихъ лицъ, слѣдовательно, ubyло, и авторъ везетъ «семью» въ Италію, гдѣ эта семья завязываетъ новыя знакомства, и романъ имѣетъ возможность продолжаться, особенно благодаря «семьѣ Основскихъ». Видите, какъ просто дѣлается исторія, также какъ и психологія.

Всѣ дѣйствующія лица романа послѣ Поланецкихъ не представляютъ интереса, за исключеніемъ пани Основской и панны Кастелли. Это единственныя героини, охарактеризованныя г. Сенкевичемъ метко и дѣйствительно серьезно, какъ слѣдуетъ настоящему писателю. Эти характеристики—настоящіе оазисы на обширномъ пространствѣ романа и главы XIII и XXXIII второй части показываютъ, что у г. Сенкевича есть несомнѣнный матеріалъ писателя, хотя врядъ ли оригинальнаго, но по крайней мѣрѣ интереснаго не только для легкаго дамскаго чтенія и претенціозныхъ подражательныхъ психологическихъ экскурсій. Правда, онъ и здѣсь, по обыкновенію, многорѣчивъ, слѣдуетъ тому же методу — изображать дѣйствующихъ лицъ отъ себя лично и еще устами другихъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Но, по крайней мѣрѣ, злополучный «анализъ» отсутствуетъ, и мы чувствуемъ дыханіе живыхъ реальныхъ людей, и притомъ общечеловѣческаго типа. Дама, питающая романтическіе капризы чтеніемъ книжекъ и воображающая себя поэтому загадочнымъ и идеальнымъ существомъ, барышня—извнѣ ангельски прекрасная, съ таинственной глубиной очей, но въ дѣйствительности пошлая и ограниченная,—это вообще печальныя дѣтища извѣстной культурной среды, независимо отъ національностей.

Къ нимъ авторъ относится, конечно, отрицательно—такъ же, какъ и къ аферисту, пробивающемуся въ знать, и къ мѣщанамъ во дворянствѣ. Но онъ зато вполне благосклоненъ къ «солиднымъ» аферистамъ и къ подлиннымъ шляхтичамъ. Ихъ онъ изображаетъ въ такомъ-же тонѣ, въ какомъ, напримѣръ, у насъ г. Боборыкинъ живописуетъ «рюрикovichей» и ангажированныхъ московскихъ фабрикантовъ: слегка юмористическая улыбка съ тайнымъ глубокимъ почтеніемъ.

Безусловныя симпатіи г. Сенкевича принадлежатъ писательской профессіи: это, разумѣется, понятно. Романтическую даму, неуправляемую въ своихъ фантазіяхъ, онъ заставляетъ остановиться на желаніи—быть писателемъ, и, что особенно любопытно, писателемъ психологомъ, «рисующимъ мельчайшіе изгибы

души» и, вѣроятно, открывающимъ ихъ даже въ совершенно пустыхъ душахъ... Но это только вступленіе: дальше описывается потрясающій триумфъ писателя, поэта Завиловскаго, только что выпустившаго сборникъ стихотвореній.

Счастливицы эти поэты! — приходится намъ воскликнуть. Намъ кое-что сообщаютъ на счетъ поэзіи Завиловскаго: у него, на-примѣръ, есть стихи — *Сны въ горахъ*, выражающіе тоску о чѣмъ-то недостижимомъ. Это, очевидно, «чистый» поэтъ, какихъ и у насъ множество, но ни одному изъ нихъ не поклоняются ни солидные аферисты, ни знатные господа, ни даже свѣтскія дамы, ни одного изъ нихъ не созерцаютъ, какъ нѣкое восьмое чудо свѣта, не именуютъ *орломъ* и *великимъ человекомъ*. Напротивъ, у насъ стихамъ грозитъ даже опасность утратить право считаться настоящей литературой. Совершенно иначе на берегахъ Вислы. Тамъ старый магнатъ считаетъ себя «слишкомъ глупымъ», чтобы писать стихи... По истинѣ поэтическое Эльдорадо эти берега Вислы! И не даромъ г. Сенкевичъ, не сочиняющій стиховъ, осуществляетъ другой идеалъ писателя, «анализируетъ» «всѣ формы, и цвѣта, и тѣни».

Но, какъ бы великъ ни былъ успѣхъ стиховъ Завиловскаго, намъ все-таки кажется нѣсколько страннымъ одно обстоятельство. До появленія поэта на сцену мы слышали множество бесѣдъ нашихъ героевъ и героинь и изумлялись ихъ охотѣ переливать изъ пустого въ порожнее. Каковы кавалеры въ бесѣдахъ другъ съ другомъ и о другъ другѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ сценъ, не требующихъ критики.

Первая. Говоритъ панъ Плавицкій о панѣ Васновскомъ:

«Мнѣ съ самого начала показалось, что у него тутъ немного не въ порядкѣ!..»

«И панъ Плавицкій стукнулъ нѣсколько разъ указательнымъ пальцемъ по лбу».

Вторая сцена. Говоритъ панъ Бигель о панѣ Машко:

«Я первый готовъ признать за Машко и массу энергіи, и много ума и ловкости, но, принимая все это во вниманіе, ей-Богу, у него тутъ навѣрное что-то неладно».

«И Бигель нѣсколько разъ стукнулъ указательнымъ пальцемъ по лбу».

Третья сцена. Говоритъ панъ Васновскій о панѣ Букацкомъ:

«Я очень люблю этого Букацкаго, душа человекъ... только... видишь ли... У него вотъ тутъ чего-то недостаетъ».

«И Васновскій постукалъ пальцами себѣ по лбу».

Дамы менѣ тверды въ приемахъ, но также составляютъ дѣя-

тельнѣйшую компанію, занимающуюся исключительно взаимными пересудами или сватовствомъ, мужчинамъ, которые—«по пѣлымъ днямъ» говорятъ о знакомыхъ, напримѣръ, очень умный художникъ Свирскій и ко всему равнодушный декадентъ Букацкій—о семьѣ Основскихъ, или размышляютъ въ одиночествѣ «по пѣлымъ часамъ.» о жизни знакомыхъ, напримѣръ Поланецкій о Букацкомъ, полумертвомъ развратникѣ и эстетикѣ. Неправда ли, очень поучительное времяпрепровождение? А дальше ужъ идетъ безпримѣрное невѣжество пана Плавницкаго, «феноменальная глупость» пана Коповскаго, фанфаронство и темныя продѣлки пана Машко... Изображеніе всѣхъ этихъ уродливыхъ явленій дѣлаетъ честь безпристрастію польскаго писателя, но не дѣлаетъ чести его *психологической логикѣ*, при всей его опытности въ «анализахъ».

Умственные и, вообще, культурные интересы общества, выведеннаго въ романѣ, крайне невысоки, можно сказать, эти интересы совсѣмъ даже неумственные и некультурные, и вдругъ въ этой средѣ авторъ создаетъ триумфъ писателя. Положимъ, чтобы заинтересоваться литераторомъ или артистомъ, достаточно быть праздною модною барыней. Но вѣдь надо же помнить, какого сорта этотъ интересъ, и писателю, изображающему популярность писателя въ подобной средѣ, слѣдуетъ понять и выставить на первый планъ сущность явленія. А между тѣмъ г. Сенкевичъ съ обычнымъ идиллическимъ простодушіемъ рисуетъ серьезнѣйшее торжество нищаго стихотворца тамъ, гдѣ панъ Поланецкій—солъ земли и «хорошая кровь»—верхъ человѣческаго достоинства.

Тоже простодушіе и чрезвычайно скромный полетъ авторскихъ идей сказываются въ другомъ, еще болѣе важномъ, вопросѣ.

Г. Сенкевичъ въ своей погонѣ за самымъ моднымъ авторствомъ не могъ ограничиться «анализомъ» и декадентствомъ въ лицѣ Букацкаго. *Fin de siècle*, какъ извѣстно, чувствуетъ большую слабость къ мистицизму и особаго рода религіознымъ настроеніямъ. Польскій авторъ не преминулъ захватить въ свой романъ и эту струю, — прежде всего въ лицѣ профессора Васковскаго и художника Свирскаго, а потомъ и панъ Поланецкій долженъ былъ пристать къ новѣйшей партіи. Симпатичнѣе всего профессоръ—нѣчто въ родѣ стараго русскаго славянофила на мистической подкладкѣ, Свирскій просто декламаторъ и поэтъ и съ наивностью отрока или салонной дамы бесѣдуетъ о католичествѣ, хотя авторъ видимо очень дорожитъ этими декламаціями и заставляетъ ихъ врѣзываться въ памяти слушателей; что же касается Поланецкаго, онъ сначала «ищущій», а потомъ вдругъ, безъ всякихъ промежутокъ «вѣрующій по убѣжденію».

Къ сожалѣнію, вездѣсущій анализъ на этотъ разъ отсутствовать, а именно здѣсь онъ и былъ бы особенно необходимъ. Но не это важно, — любопытенъ исходный пунктъ всевозможныхъ мистическихъ и религіозныхъ толковъ въ духъ «конца вѣка». Мы, впрочемъ, познакомившись съ житейскими идеалами героевъ г. Сенкевича, можемъ заранѣе предугадать и ихъ высшій религіозный символъ. Это, ни богъ, ни менъ, какъ папство въ самой правовѣрной формѣ и католическая обѣдня. Мы, конечно, отнюдь не намѣрены подвергать критикѣ этотъ символъ, и дѣло не въ самомъ символѣ, а въ вопросѣ, изъ за чего было огородъ гордиться? Неужели затѣмъ, чтобы изобразить въ необыкновенно лирическомъ, восторженномъ описаніи папскую аудіенцію и привести къ туфлѣ римскаго первосвященника всѣхъ отрицающихъ и сомнѣвающихся? Несомнѣнно, Поланецкіе и Свирскіе могутъ придти къ этому идеалу, но тогда зачѣмъ подобнымъ господамъ навязывать серьезный скептицизмъ и, будто бы мучительное, исканіе истины? Это значитъ клеветать на скептицизмъ и на истину и не по достоинству возвышать «солидныхъ аферистовъ». Увы! къ великому разочарованію г. Сенкевича, вопросы «конца вѣка» далеко не такъ легко разрѣшаются, какъ ихъ разрѣшаетъ счастливая чета Поланецкихъ, и авторъ жестоко погрѣшилъ предъ великими запросами нашего времени, задумавъ вмѣстить ихъ въ ничтожныя души, все равно, какъ онъ нанесъ преступный ударъ человѣческой душѣ, приписавъ ея благородныя муки и возвышенныя стремленія нравственно убитымъ существамъ.

На этомъ мы и кончимъ нашъ разборъ *Семьи Поланецкихъ*. Мы и такъ говорили о ней больше, чѣмъ заслуживаютъ литературныя достоинства романа и художественный талантъ автора. Положительная сторона произведенія г. Сенкевича ограничивается нѣкоторыми *фактическими данными* о современномъ польскомъ обществѣ и мы видѣли, эти данныя представлены довольно полно и безпристрастно. Последнему качеству повредилъ не талантъ автора, не его какія бы то ни было познанія въ предметѣ, а недостатокъ личнаго культурнаго развитія. Г. Сенкевичъ, по своему нравственному міросозерцанію и общей умственной дѣятельности, членъ толпы. Онъ, по своимъ идеаламъ не стоитъ выше будничной, изображаемой имъ, среды. Онъ заявляетъ въ концѣ книги, что «пилъ медъ» счастливой жизни Поланецкихъ — «съ помощью воображенія», — онъ, несомнѣнно, готовъ пить этотъ медъ и въ дѣйствительности. А мы знаемъ, что это за медъ. Ни одинъ истинно просвѣщенный писатель не удовлетворился бы этимъ напиткомъ; — устыдился бы его, какъ *меда всей жизни*, даже и заурядный интеллигентный чело-

вѣкъ, не утратившій совѣсти и мысли. А г. Сенкевичъ между тѣмъ старается плыть въ потокѣ самоновѣйшихъ теченій своего времени, спѣшитъ заимствовать мысли, и даже литературные приемы, иноземныхъ писателей,—и всѣ эти заимствованія ложатся сырыми пластами на мало воздѣланную почву. Г. Сенкевичу придется много, очень много работать надъ собой, какъ человѣкомъ и романистомъ, чтобы явиться не только поставщикомъ журнальнаго матеріала и мимолетнымъ предметомъ восхваленій нашего глухого времени, но дѣйствительнымъ національнымъ писателемъ съ прогрессивнымъ міросозерданіемъ и оригинальной творческой силой.

Ив. Ивановъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Романъ г-на Мережковскаго «Отверженный». — Двойственность производимаго имъ впечатлѣнія. — Вѣрное изображеніе настроенія эпохи. — Отсутствіе шаблонности въ обрисовкѣ типовъ. — Странное освѣщеніе характера главнаго героя. — Историческая справка для декадентовъ. — «Вологжанинъ», литературно-научный сборникъ. — Къ характеристикѣ провинціальной прессы. — «Изъ записокъ сельской учительницы», г-жи А. А. Штевень. — Общій интересъ книги и ея большое общественное значеніе.

Въ нашей, далеко небогатой исторической беллетристикѣ, гдѣ до сихъ поръ преобладало вліяніе направленія, созданнаго ложно-историческимъ жанромъ гг. Сальяса и Мордовцева, — новое произведеніе г-на Мережковскаго «Отверженный» займетъ по праву видное мѣсто. Не смотря на двойственность впечатлѣнія, производимаго романомъ, онъ прежде всего очень интересно задуманъ и мѣстами прекрасно написанъ, давая живую и широкую картину нравовъ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ. Взять въ высокой степени трагическій моментъ, когда отживающій міръ, собравъ послѣднія силы, олицетворивъ все, что въ немъ оставалось лучшаго, въ одномъ человѣкѣ, далъ отчаянную битву торжествующему христіанству — и проигралъ. Этотъ сюжетъ еще недавно послужилъ темой для нѣмецкаго романиста Дана, съ произведеніемъ котораго «Юліанъ-Отступникъ» наша публика могла познакомиться, когда этотъ романъ печатался, годъ тому назадъ, въ «Наблюдателѣ». Но Данъ не справился съ своей задачей, и его герои — тѣ же современные намъ нѣмцы, пересаженные въ историческую обстановку четвертаго вѣка христіанства. Увлеченіе Юліана эллинизмомъ — это сентиментальное преклоненіе предъ греческой культурой образцоваго нѣмецкаго учителя-классика, а отношеніе его къ христіанству трактуется съ обычной шаблонной точки зрѣнія, уставовленной для бытописателей этой эпохи.

Г. Мережковскій въ изображеніи толпы и нравовъ освободился отъ тѣхъ условностей, которыя почему-то считаются необходимыми, разъ дѣло коснется первыхъ вѣковъ нашей эры. Благодаря

имъ, получалось впечатлѣніе, что и люди были тогда необыкновенно возвышенные, и дѣла ихъ залечатлѣны характеромъ недостижимаго, непонятнаго намъ отчужденія отъ всего земного. При этомъ упускалось изъ виду, что великій, чудный и никогда не повторявшійся потомъ подъемъ человѣческаго духа, которымъ отмѣчено время нарожденія христіанства,—не могъ поддерживаться постоянно на одной высотѣ, и что эпоха торжества сильно уже отличается отъ первыхъ временъ гоненія. Г. Мережковскій вполне самостоятеленъ въ изображеніи толпы, народа и общества, не дѣлая противопоставленія двухъ міровъ—христіанскаго и языческаго, такъ какъ между ними въ то время различіе уже значительно сгладилось. Его христіанская толпа мало чѣмъ отличается отъ языческой, какъ то и должно было быть въ дѣйствительности. Это—все та же вѣковѣчная толпа, суевѣрная, темная, неспособная къ критикѣ, съ такою же искренностью требующая чуда отъ святыхъ, какъ прежде отъ боговъ. «Около гробницы (св. Мамы) толпились больные, ждавшіе исцѣленія. Юліанъ зналъ, зачѣмъ они приходятъ. У одного аріанскаго монаха были въ рукахъ вѣсы. Богомольцы, многіе изъ далекихъ деревень, отстоявшихъ на нѣсколько парасанговъ, тщательно взвѣшивали куски льняной, шелковой или шерстяной ткани и, положивъ ихъ на гробъ св. Мамы, молились по-долгу, иногда цѣлую ночь до утра. Потомъ, ту же ткань взвѣшивали, чтобы сравнить съ прежнимъ вѣсомъ. Если ткань была тяжелѣе, значитъ, молитва исполнена, благодать святого вошла, подобно ночной росѣ, впиталась въ шелкъ, ленъ или шерсть, и та же ткань могла исцѣлять недуги» (стр. 18). Рядомъ г. Мережковскій изображаетъ и языческій храмъ, куда приносятъ въ жертву Афродитѣ двухъ голубей, моля объ исцѣленіи отъ любви. Еще ярче родственность настроеній толпы изображена въ тѣхъ моментахъ романа, когда христіане и язычники сталкиваются и ревностно уничтожаютъ другъ друга. Вы чувствуете, что разницы между ними нѣтъ никакой.

Суевѣрію толпы противопоставляется полное безвѣріе высшаго общества. Оно становится христіанскимъ, потому что такъ повелѣлъ императоръ, а «его богоподобная святость» обладаетъ весьма убѣдительными доказательствами неопровержимости христіанской истины. Но когда другой императоръ, обладавшій не менѣе убѣдительными доводами, замѣнилъ крестъ изображеніемъ Гелиоса, то же общество увѣровало въ солнце, Діониса и Афридиту, которой, впрочемъ, при всѣхъ вѣраxъ оно усердно поклонялось.

«Въ послѣдніе годы Константина Великаго, когда христіанская вѣра стала придворною модою, Геккеболій принялъ христіанство. Люди духовнаго зван-

ніа питали къ нему особенную склонность. Онъ платилъ имъ тѣмъ же. Гѣкеболій часто, и всегда во время, мѣнялъ символъ вѣры, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ: то изъ арианства переходилъ въ православіе, то опять изъ православія въ арианство, и каждый разъ такой переходъ былъ ступенью въ лѣстницѣ государственныхъ чиновъ. Лица духовнаго званія тихонько подталкивали его, и онъ, въ свою очередь, помогать имъ карабкаться. Голова его умащалась сѣдинами, дородность дѣлалась все болѣе приятной, умныя рѣчи все болѣе вкрадчивыми и усладительными, а щеки украшались старческою свѣжестью. Глаза были ласковые, подернутые не то слезою, не то слезею... Вся наружность знаменитаго софиста приобрѣла оттѣнокъ церковнаго благолѣпія. Онъ былъ строгимъ постникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ гастрономомъ, Лакомыя постныя блюда его стола были изысканнѣе самыхъ роскошныхъ скоромныхъ, также какъ монашескія шутки Гѣкеболія были иногда острѣе самыхъ откровенныхъ языческихъ. На столъ у него подавалось знаменитое прохладительное питье изъ свежловичнаго сока съ приюстами: многіе увѣряли, что оно вкуснѣе вина. Вмѣсто обыкновеннаго пшеничнаго хлѣба онъ изобрѣлъ особенныя постныя лепешки изъ пустынныхъ сѣмянъ, которыми нѣкогда, по преданію, св. Пахомій питался въ Египтѣ».

Въ романѣ такихъ мастерски написанныхъ портретовъ разсѣяно много, что въ общемъ слагается въ яркую бытовую картину, дополняемую живымъ, исторически вполне вѣрнымъ, описаніемъ сектантскихъ соборовъ, дающихъ читателю ясное представленіе о безчисленныхъ уклоненіяхъ отъ истиннаго христіанства, съ чѣмъ горячо и упорно боролись тогда отцы церкви. Страницы романа, изображающія дикій фанатизмъ и уродливости различныхъ сектъ, взаимную ихъ ненависть и нетерпимость, доходящую до безпощаднаго истребленія другъ друга, принадлежатъ къ числу лучшихъ, и картины этихъ соборовъ, по художественности изображенія, напоминаютъ видѣнія, терзающія св. Антонія у Флобера. Комизмъ нѣкоторыхъ сценъ, какъ, напримѣръ, появленіе суроваго отшельника, готоваго предать себя на растерзаніе палачамъ, когда ихъ вовсе не оказывается, оживляетъ общую картину пустоты и суесловія, ознаменовавшихъ описываемую эпоху. Становится понятнымъ, почему умы, болѣе глубокіе, и сердца, страстныя и жаждавшія подвига, не могли удовлетвориться сектантскимъ суемудрствованіемъ и стремились въ поиски за истиной, увлекавшія ихъ иногда въ сторону, противоположную этой истинѣ.

Юліанъ именно и представляется однимъ изъ такихъ умовъ, и если бы художникъ оставался все время на исторической почвѣ, мы имѣли бы вполне законченное произведеніе. Но когда, вмѣсто историческаго Юліана-Отступника, г. Мережковскій выводитъ на сцену Юліана-декадента во вкусѣ fin de siècle'я, то такой неожиданный оборотъ только портитъ въ общемъ хорошо задуманный романъ, и вмѣсто художественнаго образа получается мистико-

декадентская символика, повидимому, неясная и для самого автора. По крайней мѣрѣ, такое именно впечатлѣніе производит странное предисловіе, которымъ г. Мережковскій счелъ нужнымъ снабдить своего «Отверженнаго». Этотъ романъ, говоритъ онъ въ предисловіи, есть первая часть трилогіи и изображаетъ коленъ древняго міра, смерть олимпійскихъ боговъ. Вторая часть, озаглавленная «Воскресшіе боги», представитъ эпоху возрожденія, воскресеніе «красоты древняго олимпійскаго мною обожаема—въ поэзи, живописи, искусствѣ и философіи». Наконецъ, въ третьей мы увидимъ возрожденіе Россіи—эпоху Петра Великаго. Тонъ предисловія, Петръ—въ нѣкоторомъ родѣ собратъ Юліана-Отступника—достаточно свидѣтельствуя, что авторъ такъ-же мало намѣренъ считаться съ исторической правдой въ дальнѣйшемъ развитіи своей трилогіи, какъ и въ характеристикѣ Юліана.

Сопоставленіе его съ Петромъ болѣе чѣмъ смѣло, но не менѣе смѣлы тѣ декадентскія черточки, которыми авторъ скрашиваетъ своего Юліана. «Я люблю все уходящее!—говоритъ его Юліанъ.—Я люблю благоуханье умирающихъ пвѣтовъ»,—это изъ Бодлера. «Вотъ Онъ явится,—говоритъ учитель Юліана Максимъ,—какъ молнія изъ тучи, смертоносный и всеозаряющій. Онъ будетъ страшенъ и безстрашенъ, выше долга и закона, выше добра и зла. Въ немъ сольются добро и зло, смиреніе и гордость, какъ свѣтъ и тѣнь сливаются въ утреннихъ сумеркахъ. И люди благословятъ его не только за милосердіе, но и за безпощадность. Въ ней будетъ сверхчеловѣческая сила и кротость». Это совсѣмъ какъ у Ницше съ его «сверхчеловѣкомъ». Поклоненіе солнцу и увлеченіе демонами, восторженное обожаніе красоты, отвращеніе къ точнымъ наукамъ и склонность къ стихоплетству,—словомъ г. Мережковскій не упустилъ ни одной черты, характерной для современнаго декадента. Получилась въ результатѣ странная безжизненная фигура, все, что угодно, только не художественный образъ. Еще въ первой части Юліанъ болѣе или менѣе понятенъ; онъ притворяется, обманываетъ и лукавитъ, и хотя несетъ по временамъ декадентскую чепуху (напр., его разговоры съ Арсиной), но вообще ведетъ себя, какъ существо разумное, хотя и сбитое съ толку выпавшими на него съ дѣтства несчастьями и ударами судьбы. Но съ момента вступленія на престолъ Юліанъ г. Мережковскаго совершенно сумасшедшій, кидающійся во всѣ стороны, вѣчно подъ наитіемъ всякихъ видѣній, преслѣдуемыхъ его на каждомъ шагу. Отъ историческаго характера ничего не остается, кромѣ знаменитыхъ послѣднихъ словъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Ниспровергая христіанство, онъ заимствуетъ у послѣдняго духъ его: воз-

становляя боговъ. заявляетъ открыто, что въ нихъ не вѣрять: публично оскорбляетъ жертвенники и взываетъ къ чуду. «Все равно, все равно... Чудо совершится!.. Не теперь, такъ потомъ... Я вѣрно въ чудо!..»

Симпатіи автора несомнѣнно на сторонѣ Юліана, который представляется ему символомъ свободнаго эллинскаго духа, и тѣмъ страннѣе и непонятнѣе кажется читателю хаосъ идей, господствующій въ головѣ героя. Юліанъ—«сверхчеловѣкъ» (Uebergemensch Ницше) отдается въ руки шарлатана Максима, надувающего его посредствомъ дѣтскихъ фокусовъ въ первой части романа. Во второй оказывается, что Максимъ и есть тотъ самый «сверхчеловѣкъ», который то появляется, то внезапно исчезаетъ, въ самые важные моменты жизни Юліана. Слѣдуетъ ли понимать эти явленія, какъ галлюцинаціи больного мозга Юліана,—для читателя неясно. Путаница еще усиливается г-жей Арсиной, изображающей, повидимому, чистую красоту эллинскаго духа, но такъ только повидимому. На дѣлѣ она ведетъ себя въ теченіе всего романа какъ хорошо вѣдѣ знакомая современная дама психопатка-истеричка, которая и флиртомъ не прочь позаняться, и къ чертовщинѣ чувствуетъ склонность, и въ монастырѣ спасается, и искусству служить, выгнѣшная изъ воску «обнаженное цвѣтущее тѣло олимпійскаго бога». Потерпѣвъ неудачу съ Юліанамъ,—Арсиня утѣшается съ жеманно-доблестнымъ, разочарованнымъ сотникомъ Анатоліемъ и вмѣстѣ съ нимъ испытываетъ въ заключительныхъ строкахъ романа «великое веселіе Возрожденія».

Можно бы отъ души порадоваться такому благополучному концу, если бы авторъ хоть намекнулъ намъ, что же понимать надлежитъ подъ его пресловутымъ «Возрожденіемъ»? Неужели мистическій вздоръ, отуманивающей голову Юліана и его присныхъ? Или безпорядочныя метанія Арсиной, хотя бы и скрашенныя кокетливымъ заигрываніемъ то съ богами, то съ изящнымъ сотникомъ? Авторъ не даетъ никакого отвѣта, довольствуясь чисто отрицательнымъ изображеніемъ схоластики и догматизма христіанскихъ сектъ IV-го вѣка, какъ противоположности тому, что знаменуетъ возрожденіе эллинизма. Неопредѣленность возрѣвій автора только усиливаетъ нехудожественность его пріема: надѣлая историческія личности современными ему идеями, онъ заставляетъ ихъ дѣйствовать подъ вліяніемъ чуждыхъ имъ настроеній и даже говорить языкомъ Ницше и Бодлера.

Читателю остается только пожалѣть объ этомъ, такъ какъ авторъ является вполне художникомъ, когда, забывъ о своихъ декадентскихъ тенденціяхъ, онъ описываетъ нравы хорошо имъ

изученной эпохи. Не можемъ не привести одной живой сценки, интересной и самой по себѣ, и, въ особенности, для нашихъ декадентовъ, воображающихъ, что они явленіе новое и потому многообщающее.

Юліанъ присутствуетъ на пирѣ въ Аѳинахъ, гдѣ собралось утонченное общество изъ ораторовъ, поэтовъ и богатыхъ покровителей искусства.

«Юліану было скучно.

Всѣ обратились къ нему, спрашивая его мнѣнія относительно дактилей и анапестовъ.

Онъ откровенно признался, что объ этомъ никогда не думалъ и полагаетъ, что оратору слѣдуетъ болѣе заботиться о мудромъ содержаніи рѣчи, чѣмъ о такихъ ничтожныхъ подробностяхъ внѣшняго стила.

Мамертинъ, Лампридій, Гефестіонъ вознегодовали. По ихъ мнѣнію, содержаніе безразлично. Оратору должно быть все равно, говорить за или противъ. Не только смыслъ имѣетъ мало значенія, но даже сочетаніе словъ—второстепенное дѣло, главное—звуки, мелодія рѣчи, новыя музыкальныя сочетанія буквъ. Надо, чтобы и варваръ, который ни слова не понимаетъ по гречески, чувствовалъ прелесть оратора.

— Сейчасъ я приведу два латинскихъ стиха Проперція,—сказалъ, Гаргаліанъ,—вы увидите, что значать звуки въ поэзіи, и какъ ничтоженъ смыслъ. Слушайте:

*Et Veneris dominae volucres, mea turba, columbae
Tinguunt Gorgoneo punica rostra lacu.*

Какое очарованіе! Каждая буква поетъ!.. Что мнѣ за дѣло до смысла? Вся красота—въ звукахъ, въ подборѣ гласныхъ и согласныхъ!.. За эти звуки я отдалъ бы гражданскую добродѣтель Ювенала, философію Лукреція. Нѣтъ въ только обратите вниманіе, какая сладость въ этомъ журчаніи:

Et Veneris dominae, mea turba, columbae!..

И онъ прищмокнулъ верхней губой съ чувственнымъ упоеніемъ.

Всѣ повторяли два стиха Проперція, не могли насытиться ихъ прелестью. Глаза у нихъ загорѣлись. Они другъ друга возбуждали къ литературной оргіи.

— Вы только послушайте,—шепталъ Мамертинъ своимъ мягкимъ, замирающимъ голосомъ, похожимъ на Эолову арфу: «tinguunt Gorgoneo»...

— Tinguunt Gorgoneo!..—повторялъ чиновникъ префекта, —клянусь Палладой: самому небу пріятно, какъ будто глотаешь густую, теплую струю вина, смѣшаннаго съ аттическимъ медомъ:

Tinguunt Gorgoneo!..

Замѣьте, сколько подрядъ буквъ «g»,—это воркованіе горлицы. И дальше...
...punica rostra lacu!..

— Удивительно, неподражаемо!—шепталъ Лампридій, закрывая глаза отъ наслажденія.

— Надо, чтобы слова были слегка бессмысленны,—заключилъ Лампридій съ важностью,—чтобы они текли, журчали, пѣли, не задѣвая ни слуха, ни сердца,—тогда только возможно полное наслажденіе красотой!..»

Очень недурна эта карриатура на декадентское увлеченіе звуками, и, притомъ, эта сцена исторически вполнѣ выдержана. Время

упадка римской литературы, между прочимъ, ознаменовалось особымъ родомъ звукоподражательныхъ, по содержанію бессмысленныхъ стиховъ. Для нашихъ знатоковъ классической литературы было бы благодарной темой познакомить современныхъ декадентовъ съ ихъ предшественниками временъ паденія античной культуры. Тогда они убѣдились бы, что ничто не ново подъ луной, и что ихъ горделивому самообольщенію грозитъ та же печальная участь, какъ и ихъ предшественникамъ,—забвеніе.

Когда намъ попадаются въ руки провинціальныя изданія, будутъ ли то сборники литературно-научнаго характера, вроде вышедшаго недавно «Вологжанина», или брошюры, трактующія по отдѣльнымъ вопросамъ, мы испытываемъ одно изъ пріятныхъ ощущеній. Разной, конечно, цѣнности бываютъ эти изданія, между которыми встрѣчаются и такія, что лучше бы имъ и не появляться, во общее впечатлѣніе почти всегда говоритъ въ ихъ пользу. Дѣло, однако, не въ этомъ, не столько въ ихъ содержаніи, сколько въ самомъ фактѣ—въ стремленіи путемъ печати говорить о своихъ нуждахъ, къ чему провинціальныи обыватель еще не такъ давно испытывалъ чуть не физическое отвращеніе. Теперь же, помимо ежедневной текущей печати, завоевывающей самые дикіе глухіе уголки, тотъ же обыватель прибѣгаетъ безъ страха и трепета къ книгѣ, выпуская въ свѣтъ цѣлыя изданія, какъ спеціальнаго, такъ и общаго содержанія. И это одно изъ самыхъ отраднѣхъ явленій въ жизни провинціи.

Ростъ и развитіе послѣдней ни въ чемъ, быть можетъ, не выразились такъ ярко, какъ въ созданіи своей провинціальной печати, о которой гдѣ 20—15 тому назадъ провинція не имѣла представленія. Большинство провинціальныхъ газетъ очень юны и, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, появились на свѣтъ въ послѣднее десятилѣтіе. Теперь въ рѣдкомъ большомъ городѣ вы не встрѣтите своей мѣстной газеты, тогда какъ раньше газета была достояніемъ лишь немногихъ избранныхъ центровъ. Встрѣчаются даже города съ двумя и болѣе мѣстными изданіями, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой кругъ читателей и почитателей. Намъ хорошо извѣстны города, гдѣ мечта о своей газетѣ составляетъ одно изъ самыхъ горячихъ желаній мѣстной интеллигенціи. Но не только для послѣдней «свой органъ» является необходимою,—значеніе его начинаютъ понимать и другія мѣстныя силы, между которыми на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить представителей промышленности и капитала. Насколько прежде они чуждались печатнаго слова, настолько теперь оно представ-

ляется имъ желательнымъ. Конечно, значеніе его они понимаютъ по своему, въ узко-утилитарномъ смыслѣ, какъ одно изъ средствъ отстаивать свои интересы и проводить нужные имъ взгляды. Но, даже и при этомъ условіи, ихъ стремленіе къ печати все же желательнѣе, чѣмъ прежде къ ней отвращеніе и тѣ неприглядныя средства, къ которымъ они прибѣгали, чтобы задавить эту ненавистную имъ печать. Если о чемъ можно пожалѣть, такъ это о постепенномъ захватѣ провинціальной печати капиталомъ, — явленіе, сплошь и рядомъ наблюдаемое въ провинціи. Впрочемъ, дѣло еще не зашло такъ далеко, и провинціальная печать несравненно выше по общему нравственному облику, чѣмъ ея старшая столичная сестра, что не мѣшаетъ послѣдней относиться къ ней съ непонятнымъ высокоуміемъ. Мы не знаемъ, напр., ни одной провинціальной газеты (южная пресса въ этомъ случаѣ занимаетъ особое положеніе), въ которой велась бы систематическая травля инородцевъ и иновѣрцевъ, — эта излюбленная тема огромной части столичной прессы. Общечеловѣческое направленіе такъ прочно установилось въ мѣстной печати, что выходки противъ народностей въ ней немыслимы, какъ немыслимо отрицательное отношеніе къ привидимамъ мѣстнаго самоуправленія или народнаго просвѣщенія. Любопытенъ, между прочимъ, и крайне характеренъ фактъ, что въ провинціи нѣтъ ни одного сословнаго органа, и общимъ направленіемъ, преобладающимъ надъ разными временными и случайными, остается неизмѣнно просвѣтительное, прогрессивное и гуманное. Это отчасти зависитъ отъ слабаго развитія общественной жизни, вслѣдствіе чего интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ не могутъ проявиться съ полной опредѣленностью. Но несомнѣнно, что въ большей степени это зависитъ отъ общаго настроенія провинціальной жизни, которой чужды пока національная, религіозная и сословная нетерпимость. На прессѣ это и отражается въ видѣ ея общегуманитарнаго направленія, и отражается далеко не въ такой степени, какъ могло бы, такъ какъ многое обходится ею молчаніемъ. И въ этомъ отношеніи поведеніе провинціальной печати тактичнѣе, чѣмъ столичной, которая часто грѣшитъ противъ истины своимъ неопредѣленнымъ къ ней отношеніемъ. Провинціальная печать въ такихъ случаяхъ, упорно молчитъ, и такое отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ жизни оказываетъ болѣе воспитательное значеніе, чѣмъ хожденіе вокругъ да около. Если не всегда печать можетъ просвѣщать читателя, она не должна, по крайней мѣрѣ, развращать его, и провинціальная печать свободна отъ этого упрека.

Мы думаемъ, что если теперь, создалась все-таки весьма вну-

шительная печать въ провинціи, то въ будущемъ,—можно ожидать блестящаго расцвѣта провинціальной прессы. Чѣмъ, какъ не обыкновенной жизненностью, можно объяснить ея ростъ теперь, когда печать чувствуетъ себя окруженной элементами, съ которыми приходится очень и очень считаться...

Только тотъ, кому приходилось самому работать въ провинціальной печати, знаетъ, при какихъ условіяхъ ведется эта работа, и понимаетъ, что вниманья заслуживаютъ не промахи и недостатки, а самое существованіе этой работы. Да и ведется она въ общемъ очень и очень недурно, и кто зналъ провинціальную прессу лѣтъ десять тому назадъ, не узнаетъ ее теперь. Возвращаясь къ упомянутому литературно-научному сборнику «Вологжанинъ», приходится признать, что сборникъ составленъ очень прилично и вполнѣ литературно. Мы остановились на немъ, такъ какъ онъ очень типиченъ и появился въ такомъ уголкѣ, гдѣ печать только еще зарождается.

Содержаніе сборника распадается на литературную и научную часть. Въ числѣ нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній выдѣлится одно съ несомнѣнной искрой таланта, очеркъ г. Иванецкаго «Мои слуги». Очеркъ написанъ живо и интересно, не смотря на незамысловатость темы, обнаруживая въ авторѣ извѣстную наблюдательность и умѣнье схватывать характерныя черты. Разсказъ идетъ о крестьянскомъ мальчикѣ, бывшемъ въ услуженіи у автора, и написанъ не шаблонно, какъ пишется масса разсказовъ, очерковъ и этюдовъ, наполняющихъ страницы нашихъ толстыхъ и тонкихъ журналовъ. Въ немъ чувствуется жизнь, видна оригинальная манера письма и мѣстами тонкое пониманіе душевнаго настроенія, которое передается и читателю.

Большую часть сборника занимаютъ статьи, посвященныя описанію края въ историческомъ, бытовомъ и экономическомъ отношеніи. Лучшая статья говоритъ о дѣятельности вологодскаго губернскаго земства по народному образованію; содержаніе ея, какъ и всѣхъ остальныхъ, имѣетъ чисто мѣстный интересъ, но показываетъ полное умѣнье обращаться съ матеріалами, написана она сжато и даетъ ясное представленіе о роли земства въ дѣлѣ просвѣщенія. Право, такая статья мало въ чемъ уступаетъ тѣмъ многочисленнымъ компиляціямъ, которыя составляются по «матеріаламъ» и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ фигурируютъ въ «серьезномъ» отдѣлѣ столичной журналистики.

Появленіе такихъ сборниковъ періодически было бы большимъ шагомъ впередъ въ развитіи мѣстной печати. Много не укладывается обыкновенно въ рамки корреспонденцій и небольшихъ

статей газетнаго размѣра, а между тѣмъ имѣетъ несомнѣнный интересъ и мѣстный, и общій. Силъ литературныхъ, очевидно, хватило бы, какъ показываетъ настоящій сборникъ, и тогда, на ряду съ періодической ежедневной прессой, провинція имѣла бы и свою журналистику, въ которой изученіе края могло бы получить болѣе широкій и серьезный характеръ. Мы увѣрены, что, съ развитіемъ областной жизни, создастся и своя областная журналистика.

Тѣ живыя симпатіи, которыми пользуется вполне заслуженно г-жа Штевенъ, какъ работникъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, обеспечиваютъ наилучшій приемъ для только-что выпущенной ею книжки «Изъ записокъ сельской учительницы» *). И книга вполне заслуживаетъ этого и своей литературной стороной, обнаруживающей въ авторѣ свѣжій и оригинальный талантъ, и серьезностью своего содержанія.

О школахъ, устраиваемыхъ г-жею Штевенъ, намъ приходилось говорить вскользь въ замѣткѣ о народническихъ взглядахъ на просвѣщеніе **), причемъ къ той постановкѣ школъ грамотности, какъ она вырисовывалась въ книгѣ г. Пругавина, мы отнеслись рѣшительно съ отрицаніемъ, и теперь продолжаемъ думать также. Последующія статьи г-жи Штевенъ вполне разсѣяли то недомѣніе, къ какому подавала поводъ неясность ея первой брошюры «Исторія одной школы», — кстати замѣтимъ, нѣсколько передѣланной теперь въ новомъ изданіи (по крайней мѣрѣ, мы въ ней не нашли той выписки, которую приводитъ г. Пругавинъ). Въ слѣдующей статьѣ «По поводу школъ грамотности» г-жа Штевенъ ставитъ вопросъ о нихъ уже нѣсколько иначе. «Убѣдившись, — говоритъ она, — что вполне возможно дать дѣтскому населенію земскихъ губерній начальное образованіе болѣе высокаго качества и что весьма нежелательно, чтобы земства и частныя лица увлекались *одними только* дешевыми школами грамоты, я начинаю понимать раздраженіе, съ которымъ говорятъ о нихъ нѣкоторые, наиболѣе искренніе ревнители народнаго просвѣщенія. Думаю, однако, что, при введеніи всеобщаго обученія, школы грамоты должны быть включены въ школьную организацію, какъ школы подготовительныя или филиальныя отдѣленія, замѣняющія собою млад-

*) А. А. Штевенъ. «Изъ записокъ сельской учительницы». Спб. 1895 г. Ц. 75 коп.

***) См. № 3, мартъ, «М. В.» «Текуція замѣтки».

шія отдѣленія земскихъ школъ въ мѣстностяхъ, которыя не могутъ составить отдѣльнаго школьнаго района съ достаточнымъ для нормальной школы числомъ учениковъ. Но чтобы школа грамоты могла исполнить такое свое назначеніе, чтобы она не терпѣла недостатка въ учителяхъ и чтобы на нее могли быть потрачены земскія средства, необходимо: 1) чтобы школы грамотности, т.-е. школы съ неизмѣющими учительскихъ правъ учителями, находились въ тѣсной связи съ нормальными земскими школами, состоя подѣ надзоромъ земскихъ учителей и имѣя ту же самую учебную программу и тѣ же учебныя пособія, какія приняты въ младшихъ отдѣленіяхъ земскихъ школъ; 2) чтобы учителями школъ грамоты были получившіе въ нормальныхъ школахъ особую подготовку и упражнявшіеся въ преподаваніи, въ качествѣ помощниковъ учителя, ученики нормальныхъ земскихъ школъ» (стр. 60). Какъ видятъ читатели, все это очень далеко отъ тѣхъ «молодыхъ» (15—16 лѣтъ) учителей, съ «небольшимъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ», которые умилили г. Пругавина, противъ чего мы и считали себя въ правѣ возразить. Какъ тогда, такъ и теперь мы осмѣливаемся думать, что единственная школа, которая въ состояніи удовлетворить все возрастающую государственную потребность въ просвѣщеніи, это нормальная школа, устроенная по типу земской, съ ея хорошо подготовленнымъ учительскимъ персоналомъ и учебной программой. Всякое пониженіе этого типа школы является страннымъ компромиссомъ, который, пожалуй, былъ умѣстенъ (да и то едва ли) лѣтъ 10—15 тому назадъ, когда еще дебатировался вопросъ, «учить ли грамотѣ народъ». Теперь двухъ мнѣній по этому вопросу не существуетъ, и если, тѣмъ не менѣе, рекомендуются тѣ или нныя школы ввзшаго типа, то ужъ не дѣло интеллигенціи поддерживать ихъ.

Возвращаясь къ книгѣ г-жи Штеванъ, отмѣтимъ прежде всего необыкновенную искренность ея разсказа о своей дѣятельности и горячую симпатію къ народу, бьющую ключемъ на страницахъ «Записокъ сельской учительницы». Можно раздѣлять или не раздѣлять ея взгляды на значеніе школъ грамотности, но нельзя читать безъ волненія прочувствованныхъ строкъ, въ которыхъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, живая, безграничная преданность народу, желаніе работать для него и стремленіе хоть чѣмъ-нибудь помочь ему разобраться среди окружающей его тьмы.

«Когда я мысленно переживаю эти послѣднія 8 лѣтъ моего пребыванія въ деревнѣ, мнѣ много, много еще вспоминается разныхъ сценъ, потому что много есть прекрасныхъ и забавныхъ, загадочныхъ и трогательныхъ страницъ въ той ни съ чѣмъ несравнимой книгѣ, которую читаемъ, знакомясь

съ жизнью, и которая особенно хороша тѣмъ, что мы сами можемъ вписывать въ нее цѣлыя строки и страницы. Вспоминаю, какъ разъ въ воскресный день собралось въ школу нѣсколько крестьянъ и какъ я прочла имъ одну свою самодѣльную маленькую повѣсть. Слушатели хвалили и благодарили, а самой мнѣ было очень стыдно, потому что я не могла не сознавать контраста между силой духовной жажды, выражавшейся въ ихъ мужественныхъ лицахъ, и той слабой, дѣтской пищей, которую я имъ предложила. Точно также я не могу не сознавать, что всё мои школы только въ жалкой и слабой степени удовлетворяютъ потребность народа въ образованіи. Я довольна ими только потому, что онѣ все же лучше, чѣмъ ничего, какъ лучше дать голодному корку хлѣба, чѣмъ ничего ему не давать. Я знаю, конечно, что этого недостаточно, что людямъ способнымъ мыслить и задавать себѣ вопросы, людямъ, стремящимся къ добру, обладающимъ прекрасными художественными дарованіями и наклонностями и всѣми добрыми, живыми человѣческими свойствами, нельзя дать какія-то жалкія крохи ученія и на томъ успокоиться. Надо по мѣрѣ силъ удовлетворять ихъ духовную жажду, а иначе она натолкнетъ на безумье тѣхъ, въ комъ она особенно сильна, и заглохнетъ въ остальныхъ. А вѣдь гдѣ она заглохла, тамъ полный просторъ всѣмъ животнымъ инстинктамъ, тамъ вся цѣдь—гроши и барыши, и все счастье—пьяный разгулъ; тамъ нѣтъ уже ничего святого, тамъ нѣтъ человѣческой жизни, и совершаются тѣ ужасы, о которыхъ страшно даже вспомнить, — такъ они непонятны и дики... (стр. 39).

Во второй статьѣ «По поводу школъ грамотности» изложены тѣ препятствія, съ которыми г-жѣ Штевенъ пришлось имѣть дѣло при распространеніи своихъ школъ. Результатомъ борьбы съ этими препятствіями явилась та поправка къ постановкѣ школъ, о которой мы говорили выше. Эта статья имѣетъ большой общественный интересъ, показывая наглядно, на массѣ примѣровъ, какъ запутанъ у насъ такой, повидимому, простой и всѣми признаваемый вопросъ о необходимости просвѣщенія для народа. Такое сложное и громадное по количеству необходимыхъ силъ дѣло, какъ народное просвѣщеніе, только и мыслимо при дружной общей работѣ, что мы и видимъ вездѣ, въ западной Европѣ и Америкѣ, гдѣ всѣ общественные элементы, прямо или косвенно, принимаютъ въ этомъ дѣлѣ участіе. У насъ же видимъ совсѣмъ обратное. Дѣла больше, чѣмъ гдѣ-либо, силъ меньше, и сверхъ того взаимное недовѣріе, доходящее до прямого противодѣйствія, слѣдствіемъ чего является крайняя шаткость школьнаго дѣла...—Въ двухъ очеркахъ подъ общимъ заглавіемъ «Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія» г-жа Штевенъ даетъ прелестную идиллію «Пѣшкомъ въ Муромѣ» и живую картину лѣтнихъ занятій при Яблонской школѣ, гдѣ подготовлялись будущіе учителя школъ грамотности. Описывая въ первомъ изъ нихъ свое странствованіе пѣшкомъ съ группой деревенской молодежи на богомолье въ Муромѣ, г-жа Штевенъ останавливается на томъ здоровомъ освѣжающемъ

впечатлѣніи, какое она испытывала въ обществѣ деревенской молодежи, оторванной на минуту отъ удручающей будничной обстановки, въ условіяхъ, сближавшихъ ее, интеллигентнаго человѣка, съ крестьянскимъ міромъ, уничтожавшихъ обычныя перегородки, мѣшающія взаимному пониманію и общенію.

«Я хотѣла бы въ воображеніи пережить это время вновь, но мнѣ уже невозможно припомнить его минута за минутой и день за днемъ; во мнѣ сохранилось лишь общее, живое впечатлѣніе чего-то милаго, новаго, немного страннаго и поэтически-прекраснаго, да еще уцѣлѣли въ памяти нѣкоторые отдѣльные моменты и картинки, которыми я и желала бы подѣлиться. Знаете ли вы, что значитъ уйти на время отъ всѣхъ мелочей и дрязгъ, отъ всего искусственнаго и условнаго, отъ всякихъ лишнихъ стѣсненій и всякой нравственной тягости? Знаете ли вы, что значитъ забыть исключительное положеніе, въ которое поставлены интеллигентные и обезпеченные люди, живущіе среди невѣжественной и бѣдной массы народа, и всю протекающую изъ этого положенія мучительную душевную работу, и страшные вопросы, и отвѣтственность, и почти неизбежное чувство вины? Знаете ли, что значитъ хоть на время почувствовать себя только человѣкомъ среди другихъ людей, съ точно такими же, какъ будто бы, правами и обязанностями, съ тѣмъ же самымъ простымъ и яснымъ положеніемъ среди великаго Божьяго міра? Знаете ли, какъ прекрасенъ бываетъ въ эти минуты великій Божій міръ, и какъ хороши и милы въ такое время люди, наши товарищи на жизненномъ пути?.. Мы не можемъ вдругъ раздѣлать все то, что постепенно было сдѣлано, и не можемъ забыть того, что узнали; а потому равенство положенія насъ, имѣющихъ и знающихъ, съ положеніемъ неимѣющихъ и незнающихъ будетъ воображаемымъ и фиктивнымъ, пока мы не заплатимъ за полученное и не подѣлимся приобретеннымъ. А до тѣхъ поръ неизбежны для насъ и особенное положеніе, и тяжкій душевный трудъ, и душевное одиночество, и отвѣтственность, и вина» (стр. 65)...

Мы привели эту выдержку, какъ очень характерную для настроенія автора, показывающую, что передъ нами одинъ изъ тѣхъ идеалистовъ, которые въ увлеченіи идеаломъ доходятъ до забвенія дѣйствительности и направляютъ свои упреки не по надлежащему адресу. Мы не думаемъ, чтобы на нашей интеллигенці лежала какая-то фатальная отвѣтственность предъ кѣмъ-то, кромѣ общечеловѣческой отвѣтственности передъ своей совѣстью, и еще менѣе склонны приписывать ей какую-то «вину», кромѣ, развѣ, излишняго смиренья, мѣшавшаго ей до сихъ поръ правильно понимать свои задачи и интересы. Въ настроеніи автора чувствуются еще отголоски крѣпостнаго права, съ уничтоженіемъ котораго г-жа Штевень вполне справедливо связываетъ далѣе «новый духъ», вѣющій въ современной деревнѣ.

Тѣмъ не менѣе,—говоритъ г-жа Штевень въ заключительныхъ строкахъ этого очерка,—крѣпостное право уже давно миновало. Ребятъ нашихъ не будутъ ни продавать, ни покупать, никто не въ правѣ бить ихъ по щекамъ, и даже розги, къ стыду и несчастью нашему еще уцѣлѣвшія въ практикѣ

волостныхъ судовъ, примѣняются судьями рѣдко и неохотно. И грамотность, которую значительная часть населенія уже получаетъ въ школахъ, хорошія книжки, уже проникающія въ деревню и все болѣе и болѣе частыя столкновенія народной массы съ интеллигентными лицами и городскими жителями—вызвали въ деревнѣ нѣкоторое умственное оживленіе. Народъ уже не та инертная масса, какою онъ былъ еще недавно. Уже вездѣ молодежь горячо стоитъ за школы, отношеніе къ [женамъ и дѣтямъ стало нѣсколько мягче, пьянство мѣстами начинаетъ казаться постыднымъ. Появился цѣлый новый многочисленный классъ мелкой деревенской полуинтеллигенціи, кое-что читавшей и читающей, имѣющей довольно живое чувство собственнаго достоинства и не скрывающейся отъ болѣе темной и приниженой братіи. И кое-гдѣ уже проснулся духъ критика, возникаютъ горячіе споры, и люди, такъ долго жившіе по традиціи и поклонявшіеся «невѣдомому Богу», начинаютъ равсуждать о вѣрѣ, объ общихъ вопросахъ, о жизненныхъ явленіяхъ. Какъ будто освѣтлѣе, какъ будто поживѣе стало въ деревнѣ» (стр. 119).

Эта, быть можетъ, нѣсколько радужная картина новой деревни, рисуемая въ воображеніи г-жи Штевенъ, должна бы подчеркнуть ей полное единеніе идей и интересовъ нашей и нарождающейся деревенской интеллигенціи, единеніе при которомъ не можетъ быть и рѣчи о чьей-либо отвѣтственности или «винѣ». Потому что интеллигенція всегда народна. Ей нечего превозноситься, но незачѣмъ и преклоняться передъ народомъ, тѣмъ болѣе каяться за чужіе грѣхи. Быстрый и блестящій успѣхъ дѣятельности самой г-жи Штевенъ лучше всего свидѣтельствуетъ, что между интеллигенціей и народомъ нѣтъ роковой противоположности. Съ измѣненіемъ условій, при которыхъ приходится жить и работать интеллигенціи, исчезнетъ и послѣдняя тѣнь недовѣрія и непониманія, и тогда наступитъ моментъ, о которомъ мечтаетъ г-жа Штевенъ, когда «эти струйки живой воды, бѣгущая подъ снѣгомъ невѣжества и застоя, соединятся въ могучее, всеобъемлющее, неудержимое, какъ вешнія воды, теченіе».

Въ послѣднемъ очеркѣ «Лѣтнія занятія въ Яблонской школѣ въ 1894 году» г-жа Штевенъ описываетъ порядокъ и сущность занятій съ будущими учителями школъ грамотности. Не смотря на лѣтнее время, когда все подростяющее поколѣніе деревни на работѣ, успѣхъ курсовъ по числу учениковъ оказался поразительнымъ. За все время перебивало до 100 учениковъ, и курсы, начавшись при наличности всего только 20 учениковъ, черезъ недѣлю имѣли 30, а къ концу мѣсяца 50. Полный курсъ проходили не всѣ, но число подготовляющихся не падало за все лѣто ниже 20. Программа курсовъ была довольно обширна, что заставляло вести ученіе усиленнымъ темпомъ, но ученики не жаловались, и усердіе ихъ не ослабѣвало. «Какъ бы то ни было,—замѣчаетъ г-жа Штевенъ,—первый нашъ опытъ лѣтнихъ занятій съ окон-

чившими курсъ начальной школы учениками я считаю удачнымъ, такъ какъ вполне увѣрена, что наша молодежь не мало вынесла хорошаго изъ этихъ пяти мѣсяцевъ усерднаго ученія». Опытъ г-жи Штевенъ въ этомъ отношеніи крайне поучителенъ, показывая, какая жажда просвѣщенія таится въ народѣ, и какъ сравнительно легко могла бы она удовлетворяться. Такіе лѣтніе курсы для кончившихъ первоначальную школу, открытые въ значительномъ числѣ, при содѣйствіи земствъ и частныхъ лицъ, могли бы сразу поднять общій уровень знаній въ народѣ, а результаты такого подъема трудно даже предвидѣть. «Всякій проучившійся нѣсколько лишнихъ лѣтъ крестьянинъ будетъ во всѣхъ положеніяхъ полезенъ, такъ какъ онъ непременно внесетъ извѣстный излишекъ знанія и свѣта [въ темную и бѣдную свою среду], говоритъ г-жа Штевенъ въ заключеніе, съ чѣмъ, конечно, согласится всякій. И подумать только, что все это, въ сущности, такъ возможно и такъ нетрудно!..

Много другихъ не менѣе важныхъ вопросовъ возбуждаетъ книга г-жи Штевенъ, имѣющая несомнѣнно общественное значеніе. Въ своей бѣглой замѣткѣ мы могли, къ сожалѣнію, коснуться только немногаго, но и это немногое, какъ могутъ судить читатели, говоритъ достаточно, какой интересъ возбуждаютъ скромныя «Записки сельской учительницы».

А. Б.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА СТАСОВА.

(Некрологъ).

27 сентября смерть неожиданно сразила Н. В. Стасову, энергичную поборницу женской самостоятельности и высшаго женскаго образованія. Вся жизнь Н. В. являетъ яркій примѣръ неутомимой работы, и даже самая смерть ея какъ бы утрачиваетъ обычную печать разрушенія и несетъ въ себѣ задатки жизни и энергіи. Выполненіе же безмолвнаго, послѣдняго завѣта Н. В. — внести «свѣта, больше свѣта и дѣятельной, созвательной и гордой любви» къ родинѣ—лежитъ прежде всего на тѣхъ сильныхъ знаніяхъ, которыя приобрѣли его благодаря ея стойкой дѣятельности на пользу высшаго женскаго образованія.

Будущій біографъ Н. В. постарается возстановить дорогой для насъ образъ ея во всей ея цѣльности и покажетъ, при какихъ обстоятельствахъ и подъ чьимъ вліяніемъ сложился ея характеръ, какъ выработалось то стройное міросозерпаніе, которое руководило всѣми ея поступками—въ мою же задачу входитъ только представить краткій очеркъ ея жизни и описаніе общей скорби, которая такъ рельефно выразилась послѣ смерти и при погребеніи дорогаго пѣонера высшаго женскаго образованія.

Н. В. Стасова родилась въ Петербургѣ, 12-го іюня 1822 г., въ семьѣ художника и придворнаго архитектора Василя Петровича Стасова, и была крестницей императрицы Елизаветы Алексѣевны. Образованіе Н. В. получила домашнее и разностороннее,—она основательно владѣла четырьмя языками, прекрасно пѣла, знала музыку и занималась живописью. У братьевъ ея цѣлы семейные портреты, писанные Н. В-ной масляными красками, и нѣкоторые другіе рисунки, свидѣтельствующіе о ея художественномъ вкусѣ. Ростомъ художественнаго развитія Н. В. всегда интересовалась и, съ особенной любовью, относилась къ родному русскому искусству; еще наканунѣ смерти своей ѣздилла она посмотреть на новыя работы г-жи Бемъ и собиралась вскорѣ посѣтить Эрмитажъ, чтобы ознакомиться съ вновь приобретенными имъ картинами. На развитіи любви ея къ искусству отразилось несомнѣнное вліяніе ея отца. Можно съ достовѣрностію предположить, что жизнь Н. В. въ семьѣ была счастлива, что она вынесла изъ нея много свѣта-

и тепла—объ отрадномъ чувствѣ увѣренности въ неизмѣнной, сильной любви и дружбѣ между всѣми членами ея семьи, Н. В. тепло сообщала близкимъ знакомымъ еще наканунѣ своей смерти. Но въ чемъ состоялъ личный внутренній міръ Н. В. въ ея юные годы, что пережила и перечувствовала Н. В., молодость которой прошла въ тотъ періодъ русской жизни, когда общественная мысль находилась въ состояніи почти непробуднаго сна, а женскій міръ былъ исключительно міромъ личнаго чувства и домашняго очага въ самомъ узкомъ значеніи этого слова? Литература была тогда достояніемъ избранныхъ и, среди нихъ, конечно, очень немногихъ женщинъ. На читающихъ женщинъ и особенно на знакомящихся съ произведеніями русской литературы смотрѣли тогда, какъ на зачумленныхъ. Н. В. разсказывала мнѣ, какъ ей и сестрѣ ея, заговорившимъ въ гостяхъ о «Мертвыхъ душахъ», пришлось вскорѣ остаться въ залѣ одинѣмъ среди мужчинъ, потому что заботливыя маменьки увели своихъ дочерей изъ общества такихъ неприличныхъ барышень, которыя осмѣливались хвалить какого-то Гоголя. Кто же зажегъ внутренній огонекъ, кто помогъ выработать духъ спокойнаго анализа и любви къ истинѣ, кто направилъ стремленія Н. В. къ общественной дѣятельности, кто научилъ ее жить общественною жизнью, кто закалилъ ее непоколебимой энергіей,— вотъ вопросы, на которые намъ не дадутъ пока отвѣта всѣ отрывочные разсказы о жизни покойной. Въ 40-хъ годахъ, значить въ самые лучше, молодые годы жизни Н. В., личное горе помрачило ея жизнь и довело до нервнаго расстройства. Не это-ли личное несчастіе открыло глаза Н. В. на ту великую и безконечную мировую скорбь, которою болѣла она потомъ до послѣдняго дня своей жизни? Въ 60-хъ годахъ мы застаемъ Н. В. уже на аренѣ общественной дѣятельности, занятую организаціей Общества дешевыхъ квартиръ; она участвовала въ устройствѣ воскресныхъ школъ, возникшихъ по идеѣ проф. Павлова, и организовала издательскія артели и общество переводчицъ, въ вторыхъ дѣятельной помощницей ея была П. С. Стасова. Позже, Н. В., вмѣстѣ съ другими дѣятельницами и дѣятелями, основала «Общество для пособія бѣднымъ женщинамъ», уставъ котораго утвержденъ въ сентябрѣ 1865 г. и, въ одномъ изъ отдѣловъ его, именно въ отдѣлѣ общественной нравственности, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ графини Ламбертъ, самоотверженно трудилась надъ тяжкимъ дѣломъ спасанія униженныхъ и оскорбленныхъ женщинъ. Неумоимо работала она и въ разныхъ другихъ отрасляхъ женскаго дѣла и скоро пришла къ убѣжденію въ необходимости расширить сферу женской дѣятельности,—отсюда ужъ ясный и логическій выводъ о необходимости для женщинъ высшаго образо-

ванія. Придя къ такому убѣжденію, Н. В. не останавилась передъ трудностью задачи и, вмѣстѣ съ другими лицами, стоявшими за допущеніе женщинъ въ университеты, смѣло принялась за ея осуществленіе. Такъ возникли «Владимірскіе университетскіе курсы», нашедшіе покровительство у Министра Народнаго Просвѣщенія и даже получившіе даровое помѣщеніе сначала въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а позже въ домѣ Владимірскаго уѣзнаго училища. Пробѣлы въ подготовкѣ женщинъ къ слушанію университетскихъ курсовъ вызвали къ жизни «Аларчинскіе курсы», въ дѣлѣ организациі которыхъ участвовала также Н. В. Курсы эти должны были служить для пополненія пробѣловъ въ общемъ среднемъ образованіи женщинъ и, отслуживъ свою службу, съ открытіемъ гимназій, закрылись. «Владимірскіе курсы» въ 1878 г. возродились, при болѣе правильной, стройной программѣ, подъ именемъ «Бестужевскихъ». Въ дѣлѣ организациі ихъ Н. В. играла крупную роль и сразу сдѣлалась главною распорядительницею курсовъ. Въ 80-хъ годахъ, когда вопросъ о существованіи курсовъ опять былъ поставленъ на очередь, и пріемъ на курсы временно прекращенъ, Н. В., съ присущей ей энергіей, отстаивала ихъ и, при новой организациі ихъ, вошла въ составъ Комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, въ которомъ и работала до послѣдняго дня своей жизни. Высшіе женскіе курсы были любимымъ дѣтищемъ Н. В., въ нихъ вложила она всю свою душу, работала для нихъ неустанно, съ глубокой вѣрою въ ихъ необходимость для русской женщины. Ея усиліями и при помощи другихъ энергичныхъ женщинъ, которыя и понынѣ неутомимо трудятся на пользу курсовъ, создано и упрочено матеріальное ихъ положеніе, появилось собственное помѣщеніе и, въ нынѣшнемъ году, общежитіе для слушательницъ, построенное на собственные средства курсовъ. Слушательницы курсовъ были Н. В. безконечно дороги, и онѣ хорошо сознавали это и охотно шли къ ней за нравственной и матеріальной поддержкой въ трудную минуту жизни. Въ 1889 г. Н. В. отдалась дѣлу служенія народу, устраивая ясли для дѣтей фабричныхъ женщинъ, воскресныя школы, и позже участвуя въ трудахъ Общества для содѣйствія сельскимъ школамъ. Она поддерживала связь съ окончившими курсъ слушательницами и основала вмѣстѣ съ ними Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Съ какой любовью и неутомимою энергіей работала Н. В. для осуществленія этого дѣла, видно изъ тѣхъ прочувствованныхъ рѣчей, которыми почтили ея память, на засѣданіи 8 октября, бывшія воспитанницы курсовъ и сотрудницы ея по дѣлу Общества.

«Какой неисчерпаемый запас душевной бодрости, энергии и сочувствія къ людской бѣдѣ и горю и готовности облегчить его вносила Н. В., тому свидѣтельница мы», говорила г-жа Платонова. «Ни плохое здоровье, ни преклонный возрастъ, ни почти полная потеря зрѣнія—ничто не останавливало Н. В., когда нужно было похлопотать за кого-нибудь изъ нашихъ. Въ этомъ отношеніи она могла служить примѣромъ для всѣхъ насъ, болѣе молодыхъ и сильныхъ членовъ Общества: мы могли утомиться, полѣниться, Н. В.—никогда. Во всякую погоду, вечеромъ, иногда на другой конецъ города, являлась она въ собраніе Совѣта, и намъ часто жутко было смотрѣть, какъ она тихо и осторожно поднимается по лѣстницѣ или спускается, ногой опущывая каждую ступеньку».

Такой же неутомимой дѣятельницей и исполнительницей принятой на себя обязанности была Н. В. и во всѣхъ другихъ обществахъ, въ которыхъ работала. Когда, въ мартѣ 1894 г., мнѣ выпала счастливая доля привлечь Н. В. къ участію въ «Русскомъ женскомъ Обществѣ», утвержденномъ 12 мая 1895 года подъ именемъ «Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества»—она отвѣтила мнѣ немедленнымъ согласіемъ, говоря, что давно-давно мечтала о такомъ единеніи интеллигентныхъ женскихъ силъ. Ей подобала честь руководительства въ нашемъ женскомъ Обществѣ, и вскорѣ она стала лучшимъ вдохновителемъ его и горячей защитницей его интересовъ, неизмѣнно участвуя въ трудахъ по выработкѣ устава и лично ходатайствуя о его утвержденіи. «Я чувствую, что это послѣдній уставъ, который мнѣ придется проводить», сказала Н. В. другой депутаткѣ, ѣхавшей вмѣстѣ съ нею представлять уставъ Общества г-ну Министру Внутреннихъ Дѣлъ—предчувствіе ея оправдалось. Заботы по дѣлу организаціи женскаго Общества, по устройству при немъ помѣщенія, отнимали много времени у Н. В., неизмѣнно являвшейся на всѣ засѣданія Совѣта, пріѣзжавшей даже для этого съ дачи, изъ Парголова. Идеиная сторона Общества такъ захватывала ее, что она не уставала говорить о ней при каждой съ нами встрѣчѣ и, даже въ письмахъ своихъ, намѣчала тѣ вопросы, которые, по ея мнѣнію, слѣдовало бы отстаивать нашему женскому Обществу, которому отдавала она свои послѣднія, дряхлѣющія физическія силы и свой несокрушимый духъ.

21-го сентября я сопровождала Н. В. въ ея послѣднемъ помѣщеніи помѣщенія Общества—она желала видѣть, насколько продвинулась меблировка комнатъ и вообще выказала рѣдкую заботливость къ нуждамъ нашего «Номе», близости открытія котораго искренно радовалась. Послѣдніе дни жизни Н. В. прошли въ томъ

же забвеніи собственнаго я, въ тѣхъ же заботахъ объ обществен-ныхъ дѣлахъ, при чемъ бодрость духа ея не допускала у окружавшихъ ее мысли о скорой и вѣчной съ нею разлукѣ. Наканунѣ смерти Н. В., днемъ, какъ я уже говорила, посѣтила мастерскую г-жи Бемъ, ѣздила въ Торговую улицу, на засѣданіе Совѣта Общества вспоможенія окончившимъ курсы, вечеромъ, по обыкновенію, слушала чтеніе, а 27-го сентября, бодрая и веселая отправилась на условленное свиданіе съ одной знакомой, въ домъ Мурузи, откуда должна была ѣхать съ нею на курсы, чтобы узнать: можно ли будетъ получить залу ихъ для общаго собранія Общества вспоможенія бывшимъ слушательницамъ курсовъ, назначеннаго ею на 8-е октября. Не дойдя до квартиры знакомой, Н. В. почувствовала себя дурно и, неузнанная швейцаромъ, была отправлена въ Марининскую больницу, гдѣ и скончалась.

Давно объявленіе въ траурной каемочкѣ не вызывало такого взрыва общей, неподдѣльной скорби, какой произвело коротенькое извѣщеніе отъ 28-го сентября о скоростижной смерти Н. В. Стасовой въ Марининской больницѣ. Въ квартирѣ ея, куда перевезли покойную, весь день до глубокой ночи смѣнялись посѣтители и особенно посѣтельницами, приходившіе поклониться дорогой усопшей. У гроба Н. В., убраннаго вѣнками, гирляндами и оукетами изъ бѣлыхъ лилій и другихъ, по преимуществу бѣлыхъ цвѣтовъ, устроены были дежурства днемъ и ночью изъ слушательницъ курсовъ, бывшихъ курсистокъ и членовъ Совѣта русскаго женскаго взаимно благотворительнаго Общества. Вѣнковъ было множество отъ всѣхъ Обществъ, въ которыхъ покойная трудилась, отъ родныхъ и знакомыхъ, но самымъ лучшимъ вѣнкомъ были—та искренняя печаль, которая виднѣлась на лицахъ всѣхъ, окружавшихъ гробъ покойницы, и та скорбная энергія, которою свѣтились молодыя лица курсистокъ, какъ бы говорившая о рѣшимости ихъ принять на себя выполнение «последняго, безмолвнаго завѣта» поборницы высшаго женскаго образованія.

Послѣ отгѣванія въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ, гробъ Н. В. былъ вынесенъ слушательницами курсовъ и опущенъ въ могилу на Тихвинскомъ кладбищѣ Лавры, рядомъ съ могилой ея отца.

Могилу засыпали землей, убрали крестъ и холмъ вѣнками, и стали расходиться по домамъ, мысленно осыпая дорогую могилу иными цвѣтами—пожеланіями, чтобы духъ Надежды Васильевны зажегъ сердца оставшихся священнымъ огнемъ любви, которымъ всю жизнь горѣло ея сердце.

Е. Гарднеръ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

щедоступные литературные ве-
въ Одессѣ. Въ недавно вы-
ей брошюрѣ проф. Киричичи-
подъ вышеприведеннымъ загла-
мы находимъ интересныя по-
ости объ организациі общедоступ-
литературныхъ вечеровъ въ Одес-
звѣстно, что къ публичному чте-
въ народныхъ аудиторіяхъ до-
ется лишь очень ограниченное
ество книгъ. Вслѣдствіе этого,
удиторіяхъ большихъ городовъ,
е какъ и на фабрикахъ и заво-
посѣтителямъ часто приходится
Бесколку разъ слушать одно и
е чтеніе, такъ какъ новый ма-
ль накопляется очень медленно,
рый скоро исчерпывается. Такое
реніе, конечно, чрезвычайно тор-
тъ развитіе народныхъ чтеній.
этомъ обстоятельствѣ говорить и
киричичиковъ въ своей брошю-
«количество одобренныхъ чтеній
народныхъ аудиторій, какъ из-
ю,—говоритъ оны,—очень огра-
чно, и на 3-й—4-й годъ послѣ
лтія чтеній въ Одессѣ зачастую
дятся повторять одно и то же.
ня было не замѣтить, что из-
ое любимое чтеніе даже при лю-
тъ аудиторіей чтецъ, повторяясь
инъ и тотъ же сезонъ 2—3 ра-
сли и собирало по-прежнему слу-
лей, то слушатели эти—контин-
ихъ приблизительно былъ одинъ

и тотъ же—относились къ читаемому
делеко не съ такимъ вниманіемъ, какъ
въ первый разъ, и, казалось, неда-
леко то время, когда аудиторія, вслѣд-
ствіе постоянныхъ повтореній одного
и того же лишится именно наиболѣе
интересующихся и подготовленныхъ
своихъ посѣтителей». Изъ этого за-
трудненія славянское благотворитель-
ное Общество, устраивающее эти чте-
нія, вышло такимъ образомъ. Оно,
на-ряду съ обычными публичными
чтеніями для народа, предприняло въ
1887 году устройство общедоступныхъ
литературныхъ вечеровъ.

Литературные вечера въ Одессѣ—
платные, отъ 10 коп. и выше, при-
чемъ три четверти всѣхъ мѣстъ сдѣ-
ланы 10-копѣечными. Лекторами пре-
имущественно явились преподаватели
университета и гимназій. Въ про-
грамму вечеровъ внесены были почти
всѣ русскіе классики, нѣкоторые изъ
иностранныхъ (Сервантесъ, Шекспиръ,
Гёте, Шиллеръ, Диккенсъ) и всѣ
хрестоматіи, въ томъ числѣ и сборт-
ники Гербеля. Было испрошено у на-
чальства дозволеніе дѣлать небольшія
вступленія и объясненія въ виду
сравнительно низкаго развитія боль-
шинства публики, сообщать вкратцѣ
содержаніе пѣлаго произведенія, изъ
котораго читается отрывокъ, и пр. Въ
составленіи программы на каждый ве-
черъ руководились желаніемъ дать ма-

*

теріалъ поразнообразнѣе; въ каждомъ отдѣленіи,—ихъ обыкновенно бывало 2 съ антрактомъ въ 10 минутъ,—была и проза, и стихи, и серьезное, и веселое чтеніе (роль послѣдняго въ этомъ году въ большинствѣ вечеровъ играли отдѣльныя главы «Мертвыхъ душъ» и повѣсти Гоголя). Съ перваго же раза нашлись охотники разнообразить вечера музыкой; явились солисты на скрипкѣ, фортепіано, даже на цитрѣ, иногда составляли небольшіе квартеты, изрѣдка выступали начинающіе пѣвцы и пѣвицы; наконецъ, составилась небольшой хоръ преимущественно изъ студентовъ.

Проф. Кирпичниковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эти вечера: «Представьте себѣ» говорить онъ, «невысокій хлѣбный амбаръ, построенный, разумѣется, безъ оконъ, изъ мѣстнаго мягкаго камня, шаговъ въ 50 длины и шаговъ въ 15 ширины. Онъ неблестяще освѣщенъ двумя газовыми рожками и полудюжиной плохихъ версиновыхъ лампочекъ. Въ глубинѣ его стоитъ небольшая эстрада для фортепіано и хора и высокая каедрa, освѣщенная особой газовой лампочкой для чтеня. Затѣмъ непосредственно помѣщаются 2—3 ряда стульевъ, а потомъ скамейки, возвышающіяся амфитеатромъ вплоть до выходной двери. Такъ какъ при аудиторіи нѣтъ помѣщенія для верхняго платья, то въ день вечеровъ она не топится, и въ началѣ вечера всѣ сидятъ въ пальто и шубахъ; но черезъ часъ—полтора залу такъ надышать, что всѣ начинаютъ разоблачаться и укладывать платье подъ себя и за собою, какъ умѣютъ; только снимать калошъ никто не рѣшался, такъ какъ полъ всегда оставался холоднымъ, хотя къ концу вечера иногда начинало капать съ потолка и стѣнъ. Не смотря на такую неприглядную обстановку, первые дорогіе ряды большею частью были заняты публикой очень интеллигентной; если среди статскихъ и студен-

ческихъ пальто здѣсь оказывалась чуйка, это означало, что ея владелец опоздалъ взять болѣе дешево билетъ, а присутствовать на вечерѣ желалъ во что бы то ни стало: вые 5—6 вечеровъ были всегда комъ набиты, а Пушкинскій вечеръ 1887 г., состоявшій изъ чтенія пьесы Жуковского, ряда пьесъ и отрывковъ и музыкальных пьесъ изъ «Лана» и «Русалки», пришлось поить по настойчивому желанію публики. Огромное большинство публики было 10 коп.; около половины были заняты обычной публикой шихъ народныхъ чтеній: мастеровъ и мастерами, мелкими торговцами и приказчиками, прислугой, учениками и ученицами народныхъ школъ; бывала и достаточная крестьянская публика, но едва ли въ большемъ числѣ; гую половину, собственно вечера составляли гимназисты, реалисты, назистки и просто небогатая публика обоего пола; въ 20—30 мѣстахъ встрѣчались цѣлыя семейства евреевъ и русскихъ. Наиболѣе сентиментальную часть публики составляли молодые мѣщане; болѣе шумную и восторженную—ученики народныхъ школъ и подмастерья. Публика въ общемъ была чрезвычайно благодарная и чатливая, хотя свободная и отвлеченная; если чтеніе недостаточно вышло, — акустическія условия зала были изъ рукъ вонъ плохи,—съ заднихъ рядовъ раздавались возгласы: *громче! не слышно!* Такая остроумная фраза, напр. изъ Гоголя, вызывала такой неудержимый смѣхъ, что имъ заражались и передние ряды, а иногда и самъ чтецъ; Гоголя, Жуковского о послѣднихъ мѣстахъ Пушкина у многихъ вызывали слезы; во время чтенія даже извѣстныхъ ученикамъ пьесъ всѣмъ челоуѣкъ слушали въ глубокомъ вниманіи, не перешептываясь, и всенародно исполнителя награждали аплодисментами; музыкан-

«Есть всё безъ исключенія принима-
етъ съ глубокой благодарностью». Выборъ произведеній для этихъ ве-
щевъ очень обширенъ, сравнительно
репертуаромъ народныхъ чтеній.
Рецензитель Одесскаго учебнаго округъ
разрѣшилъ для нихъ слѣдующія
изменія: всё сочиненія Пушкина,
Лермонтова, Л. Толстого, Шил-
лера, Шекспира, Гёте и мн. др. рус-
скихъ и иностранныхъ классиковъ.
Включены, кромѣ того, многія изъ
лучшихъ произведеній Достоевска-
го, Некрасова, Салтыкова, Гл. Успен-
скаго, Надсона, Чехова. Читаются такъ
на вечерахъ и популярныя лекціи
научнымъ вопросамъ.

**Крестьянское хозяйство въ Пол-
тавской губ.** Въ настоящее время
очень часто приходится слышать о пе-
вимаемомъ Россіею сельско хозяй-
ственномъ кризисѣ, который вызы-
вается крайне низкими цѣнами на
хлѣбъ. Низкія цѣны невыгодны, глав-
нымъ образомъ для помѣщиковъ и
мелкихъ хозяевъ, продающихъ хлѣбъ.
Крестьянамъ же производимаго ими
хлѣба еле хватаетъ для собственнаго
потребленія и имѣть, въ большинствѣ
случаевъ, приходится еще прикупать
хлѣбъ со стороны. Поэтому, для нихъ
низкія цѣны выгодны. Но это спра-
вливо только относительно нечер-
ноземныхъ губерній; въ чернозем-
ныхъ же губерніяхъ, гдѣ крестьянамъ
очень приходится продавать хлѣбъ,
низкія цѣны хлѣбныхъ цѣнъ тяжело ло-
жатся и на крестьянское хозяйство.
Сельская газета «Жизнь и искусство»,
взявъ «Обзоромъ сельскаго хозяй-
ства въ Полтавской губ. за 1894 г.»
изданномъ статистическимъ бюро при
землемѣрскомъ губернскомъ земствѣ),
сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о по-
ложеніи сельскаго хозяйства въ губер-
ніи. Крестьянское хозяйство въ Пол-
тавской губерніи, обезсиленное бѣд-
ственнымъ 1892 годомъ, до сихъ поръ
не можетъ поправиться, именно бла-

годаря низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ.
«Крайне низкія цѣны на хлѣбъ,—го-
ворится въ «Обзорѣ»,—при относи-
тельно высокихъ цѣнахъ на всё
остальные необходимые предметы по-
требленія, а также и при высокомъ
обложеніи крестьянскихъ земель нало-
гами, положительно парализуютъ влія-
ніе хорошаго урожая обзоряемаго
года». Насколько высоки цѣны на
предметы необходимаго потребленія въ
крестьянскомъ хозяйствѣ сравнитель-
но съ цѣнами на хлѣбъ, можно су-
дить по сообщенію корреспондента изъ
Сенчанской волости, Лубенскаго уѣзда,
гдѣ за одну пару сапогъ нужно было
отдавать до 20 пудовъ хлѣба. Что
же касается уплаты податей и раз-
ныхъ недоимокъ, накопившихся въ
крестьянахъ, то при цѣнахъ на хлѣбъ,
существовавшихъ въ прошломъ году,
она ложилась тяжелымъ бременемъ
на истощенныя уже хозяйства. «Сами
крестьяне говорятъ,—какъ сообщаетъ
корреспондентъ изъ Песчанской воло-
сти, Полтавскаго уѣзда,—что прежде,
бывало, отвезъ мѣшокъ пшеницы въ
городъ и этимъ подати уплатилъ, а
теперь нужно везти 3 мѣшка, а съ
ячменемъ и не показывайся на ба-
заръ». По показанію корреспондента
изъ Маташовской волости, Лубенскаго
уѣзда, «въ настоящее время, чтобы
выручить 5 руб., необходимо свезти
на базаръ 15 пудовъ пшеницы; глядь
уже и въ закрому мало остается, во-
лей-неволей приходится продать хоро-
шую скотину, а себѣ купить худшую,
лишь бы хватило денегъ на уплату
повинностей». Между прочимъ, энер-
гичное взысканіе въ прошломъ году
хлѣбныхъ ссудъ, забранныхъ, глав-
нымъ образомъ, въ неурожайномъ
1892 г., служило также однимъ изъ
сильныхъ препятствій поправленію
разстройствъ въ хозяйствѣ. «Возвра-
щеніе хлѣбныхъ ссудъ, взыскивае-
мыхъ сразу,—пишетъ корреспондентъ
изъ Блотницкой волости, Прилукскаго
уѣзда,—ложится тяжелымъ ярмомъ на

крестьянскія хозяйства; если бы возвратъ этихъ ссудъ можно было разложить лѣтъ на пять, по частямъ, тогда это не было бы такъ тягостно. Особенно тяжело отдача ссудъ ложится на малосостоятельныхъ крестьянъ, которые поневолѣ должны будутъ продать послѣднюю скотину или заложить послѣдній свой участокъ для возвращенія ссуды». То же говорятъ и многіе другіе корреспонденты. Крайняя дешевизна хлѣба и часто полное отсутствіе спроса на него ставили крестьянъ не разъ въ безвыходное положеніе. Корреспондентъ Петровской волости, Миргородскаго уѣзда, пишетъ: «Хлѣбъ и другіе продукты не проданы, спроса ни на что никакого. Это очень вредно отзывается на хозяйствѣ, потому что денегъ нѣтъ и взять неоткуда; продать можно только или рогатую скотину, или лошадь, но это для себя необходимо, а излишковъ въ скотѣ нѣтъ, потому что безкормица 1892 года все забрала». Крестьяне поступали въ такихъ случаяхъ, по сообщеніямъ многихъ корреспондентовъ, слѣдующимъ образомъ: «продавали на ярмаркахъ хорошую и болѣе дорогую скотину, а себѣ приобрѣтали тутъ же болѣе дешевый молодой скотъ или лошадей подешевле, лишь бы годились для работы». Судя по сообщеніямъ, «весьма многіе крестьяне принуждены были такимъ путемъ изыскивать себѣ средства какъ для уплаты требуемыхъ повинностей, такъ и для удовлетворенія другихъ насущныхъ потребностей». Такимъ образомъ, низкія цѣны на хлѣбъ отзываются губительно не только на частновладѣльческихъ хозяйствахъ, но и на крестьянскихъ. Но для крестьянъ вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ неблагоприятно главнымъ образомъ потому, что оно проявляется въ связи съ дѣйствіемъ другихъ причинъ, каковы малоземелье, недостатокъ скота, необходимость брать землю въ наемъ, что совѣмъ невыгодно при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ,

дорогіе отработки за взятую на сронѣ землю подъ выпасъ скота, папашю и т. п. Къ этимъ причинамъ миѣнію кievской газеты, присоединяется также отсутствіе правильнаго организованнаго и дешеваго кредита и высокія подати, тяжелымъ бременемъ ложащіяся на крестьянское селеніе.

Ткацкое кустарное производство въ Черниговской губ. Кустарные промыслы въ Черниговской губерніи начинаютъ теперь обращать на себя вниманіе земства, которое предпринимаетъ рядъ мѣръ для поддержанія и развитія ихъ. Изъ числа многихъ промысловъ, развитыхъ въ губерніи, губернская управа пока остановилась на слѣдующихъ: на гончарствѣ (изготовленіи глиняной посуды), ткацествѣ, плетеніи изделийъ изъ лозы, изготовленіи дешевыхъ сельскохозяйственныхъ орудій и на жевничествѣ.

Разсмотримъ пока, что сдѣлано земствомъ для поддержанія ткацкаго кустарнаго промысла. По словамъ главы земства «Жизнь и Искусство», мысли о необходимости поднять технику кустарнаго ткацкаго промысла въ губерніи усвоенны еще въ началѣ 20-хъ годовъ, когда въ губернію въвезены были самолеты, была подана земству г-жею Доливо-Добровольскіи командированною Министерствомъ Звѣздъ для изслѣдованія положенія кустарныхъ промысловъ. Управа обратила вниманіе на наиболѣе развитыя ткацкіе районы—Олишевки, Резны, Кролевца, Беркиевки, Седки и другихъ мѣстъ для обученія рабочихъ на самолетахъ. Ткачи быстро поняли и усвоили себѣ все важнѣйшее, однако, самолеты не захотѣли у насъ въвести, ссылаясь на то, что грубо и неровно спряденная крестьянскими руками пряжа плохо идетъ на металлическіе двигатели самолета. Только когда губернская управа пригласила бывшаго роднаго учителя Н. А. Голосова, раньше изучившаго всѣ приемы и

стого крестьянскаго ткачества, а затѣмъ изучившаго, по порученію губернской управы, и всѣ усовершенствованные приемы въ районах наибольшаго развитія московскаго, ярославскаго и костромскаго ткачества, и когда г. Голосовъ, объѣздивъ весь югъ и средину губерніи, выяснилъ себѣ всю обстановку и нужды мѣстнаго кустарнаго ткачества, ему удалось убѣдить ткачей, что самолетъ отчасти удобенъ и для крестьянской пряжи, и склонить ихъ къ устройству у себя самолетовъ для самостоятельной переработки тонкой фабричной пряжи какъ для рынка, такъ и по заказамъ разныхъ учреждений (преимущественно земскихъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, въ которыхъ ежегодно требуются десятки тысячъ аршинъ полотна и другихъ тканей). Этимъ совѣтомъ г. Голосовъ какъ бы создавалъ для ткачей новые пункты сбыта: раньше ткачи брали отъ бабъ сдѣланную ими собственноручно пряжу и ткали изъ нея ткани по указаннымъ бабами узорамъ; когда у бабъ не оставалось пряжи, прекращались и работы ткачей,—на лѣто они должны были уходить на полевые работы. Съ разрѣшенія управы, г. Голосовъ рекомендовалъ ткачамъ получать при посредствѣ губернскаго земства фабричную пряжу и готовить изъ нея издѣлія на самолетахъ для самостоятельной продажи. Кое-гдѣ совѣты эти уже принимаются ткачами. Группа олишевскихъ ткачей, при содѣйствіи мѣстной народной учительницы Е. А. Стѣпупкиной и г-на Голосова, составили ткацкую артель, или товарищество, которое получаетъ ссуду отъ земства, при круговой поруцѣ. Въ составъ артели входятъ пока около 20-ти ткачей, лучшихъ и наиболѣе зажиточныхъ мастеровъ Олишевки. Артель беретъ отъ губ. земства сначала небольшую партію фабричной пряжи, выписанной изъ московскихъ

фабрикъ, всего рублей на 200—250. Деньги за нее они обязываются уплатить въ 4 срока, сообразно срокамъ мѣстныхъ ярмарокъ, на которыхъ они предполагаютъ продавать наготовленные изъ пряжи издѣлія (холсты, скатерти и т. п.). Пряжу при полученіи они дѣлятъ между собою сами. Взаимный контроль исключаетъ возможность скопленія пряжи (т. е. земскаго кредита) въ однѣхъ рукахъ въ ущербъ другимъ. Въ случаѣ, если бы наготовленные издѣлія не нашли себѣ сейчасъ сбыта на мѣстныхъ ярмаркахъ, ткачи предполагаютъ организовать продажу тканей въ развозъ черезъ особо уполномоченныхъ для этого членовъ артели, которые получатъ средство возить ткани на ближайшіе пункты сбыта. Олишевскіе ткачи хорошіе мастера и знатоки своего дѣла, и есть основаніе думать, что губ. управа и разныя благотворительныя учрежденія г. Чернигова, Козельца, Остра и друг. будутъ закупать у нихъ много холста для своихъ ежегодныхъ потребностей. Въ прошедшемъ году въ губернскую больницу было доставлено нѣсколько сотъ аршинъ крестьянскихъ полотенъ олишевскихъ (изъ выписной пряжи); полотна были приняты и оказались нисколько не хуже и не дороже, а даже нѣкоторые сорта значительно дешевле, чѣмъ лавочные холсты сидоровской мануфактуры. Прибыли и убытки будутъ распределяться между участниками подъ общимъ контролемъ. Если бы удалось всездѣ устроить подобныя же кустарныя артели, то этимъ была бы оказана значительная помощь кустарямъ, которые не могутъ вести дѣло въ одиночку, такъ какъ имъ неоткуда достать кредитъ. «Жизнь и Искусство» справедливо замѣчаетъ, что только развитіе артельного духа въ средѣ нашихъ кустарей можетъ спасти ихъ отъ медленнаго, но неумолимаго поглощенія капиталистической организаціей. Если

земство въ своихъ попыткахъ будетъ поддержано центральной властью, оно будетъ въ состояніи развить громадную силу сопротивленія капитализму. А поддержка центральной власти на первыхъ порахъ могла бы выразиться хотя бы и въ двухъ важнѣйшихъ видахъ: во-первыхъ, въ предоставленіи земскимъ учрежденіямъ самаго широкаго кредита для доставленія ими, въ свою очередь, такого кредита кустарямъ; во-вторыхъ, въ освобожденіи кустарныхъ артелей, какъ предприятий кооперативныхъ, отъ разныхъ стѣснительныхъ формальностей и отъ тяжелыхъ приплатъ въ казну, которымъ онѣ подвергаются наравнѣ съ чисто - коммерческими предприятиями. Въ настоящее время упомянутый выше земскій агентъ г. Голосовъ оказываетъ содѣйствіе кустарямъ въ Кролевицѣ, довольно крупномъ центрѣ кустарнаго ткачества. «Въ Кролевицѣ также очень много ткачей, — насчитываютъ до 1.000 ткацкихъ станковъ, но ихъ, вѣроятно, еще больше. Кролевчане давно славятся своими ружниками, и въ послѣднее время слава эта разошлась далеко — до бельгійской, парижской и чикагской выставокъ включительно. Это дѣло рукъ, главнымъ образомъ, мѣстнаго крупнаго скупщика и работодателя И. Е. Рындина, который завелъ агентуру по продажѣ кролевецкихъ тканей во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Россіи, на всѣхъ ярмаркахъ и на важнѣйшихъ даже всемирныхъ выставкахъ. Кромѣ г. Рындина, еще цѣлый рядъ болѣе или менѣе мелкихъ предпринимателей кормится около кролевецкаго ружника. Всѣ они сильно капитализировали кустарный промыселъ, развелили кустаря съ рынкомъ сбыта и поработили его выдачею сырья для переработки, такъ какъ переработавшій сырье ткачъ, принося готовый издѣлія, получаетъ отъ предпринимателя ничтожные гроши за трудъ, а продать на сторону не можетъ и не

имѣеть свободнаго рынка. Предприниматель же расплачивается съ ткачемъ, смотря по рыночному спросу, причѣмъ, разумѣется, старается застраховать себя отъ убытковъ не только въ настоящемъ, но и въ возможномъ будущемъ. Когда отдѣльные кустары выражаютъ желаніе самостоятельно готовить издѣлія и продавать ихъ, предприниматели или вовсе не отпускаютъ имъ матеріала изъ своихъ складовъ, или отпускаютъ по слишкомъ дорогой цѣнѣ — съ прибылью, такъ около 100 на 100. Подъ вліяніемъ конкуренціи между отдѣльными предпринимателями и стремленія ихъ къ быстрой наживѣ кустары заботятся, главнымъ образомъ, о количествѣ издѣлій, а не о качествахъ ихъ, почему самая техника промысла замѣтно падаетъ, въ работахъ замѣчается спѣшность и недобросовѣстность. Однимъ словомъ, получается полная картина хищническаго хозяйства».

Понятно, что появленіе земскаго агента въ этомъ царствѣ скупщиковъ-капиталистовъ произвело страшное смѣтеніе. Ожесточеніе скупщиковъ противъ г. Голосова дошло до того, что они собираются подавать жалобы губернатору и Министру Финансовъ на то, что г. Голосовъ, по ихъ словамъ, лишаетъ ихъ куска хлѣба. Прежде всего г. Голосовъ обратилъ вниманіе на дешевую поставку пряжи для всѣхъ желающихъ ткачей. Для начала операціи губернская управа отпустила въ распоряженіе Голосова до 4.000 р. оборотнаго капитала, обѣщавъ ему, въ случаѣ надобности и при правильной постановкѣ дѣла, увеличить этотъ оборотный капиталъ до значительно большей суммы. Г. Голосовъ выписалъ уже нѣсколько сотъ пудовъ пряжи и продаетъ ее (частью же отпускаетъ въ кредитъ), надбавляя лишь 5 проц. къ фабричной цѣнѣ для покрытія расходовъ по складу. Результатомъ двухмѣсячной дѣятельности кролевецкаго сырьевого склада г. Го-

кова было, во-1-хъ, то, что въ складѣ перъ нѣтъ отбою отъ покупателей ражи, а во-2-хъ, то, что мѣстные купщики уже и сами сильно понижили цѣну пряжи въ своихъ складахъ. Въ этомъ, г. Голосовъ постепенно пытается установить посредничество между кустарями и рынокъ. Съ этою цѣлью онъ завязалъ сношенія съ кустарными музеями Министерства Земледѣлія, московскаго земства и комитета, состоящаго подъ покровительствомъ Великой Княгини Елисаветы Теодоровны въ Москвѣ, а также и съ нѣкоторыми крупными провинціальными магазинами, и доставляетъ, по ихъ заказамъ, работы кустарямъ. Съ тою же цѣлью онъ ходитъ по ярмаркамъ ближайшихъ губерній, развозитъ и распродаетъ на себя всякую отъ кустарей издѣлія и рассматривается къ условіямъ и особенностямъ рынокъ. Въ это лѣто уже во многихъ ярмаркахъ видѣлась вывеска земскаго кролевцакаго склада, бабы-покупательницы уже не мало смѣли надивиться «пану въ брили», никакъ не хотѣвшему сбросить ни одной копѣйки съ объявленныхъ цѣнъ издѣліямъ, въ противность всѣмъ торгивымъ обычаямъ нашей мѣстной закупающей купли-пролажи. Разуздается, эта часть операций земскаго склада ведется очень осторожно и въ экономныхъ размѣрахъ, такъ какъ всякая торговля и сама по себѣ дѣло рискованное. Хозяевами рынка все еще остаются предприниматели-скупщики, земскій же складъ пока только завоевываетъ себѣ скромное мѣсто на рынокѣ. Впрочемъ, у него уже имѣются кое-какіе козыри въ рукахъ: во-1-хъ, доброкачественность издѣлій (земскій складъ очень зорко слѣдитъ за своей репутациею въ этомъ отношеніи), а во-2-хъ, сравнительно низкая дешевизна издѣлій, такъ какъ складъ за предпринимательскими ба-лашами не гонится. Кролевцакій складъ въ концѣ концовъ имѣеть въ

виду образованіе большой ткацкой артели, которая, изучивъ рынки сбыта, могла бы развить свои операціи не хуже теперешнихъ операцій Рыдина и комп., оставивъ для себя весь предпринимательскій барышъ.

Земскія читальни для народа.

Вопросъ о читальняхъ и библиотекахъ для народа до самаго послѣдняго времени оставался почти незатронутымъ. Для народной школы дѣлалось сравнительно довольно много, но забота о внѣшкольномъ образованіи народа почти совсѣмъ отсутствовала. Къ началу 1895 г. въ Россіи было не болѣе 40 народныхъ библиотекъ и читаленъ. Теперь же это дѣло быстро подвинулось впередъ, благодаря С.-Петербургскому Комитету грамотности, по инициативѣ котораго въ прошломъ году была открыта подписка для устройства 100 народныхъ читаленъ при содѣйствіи земствъ. Для этой цѣли нужно было собрать 25.000 р. Не прошло еще года со времени открытія подписки, а въ настоящее время собрано уже болѣе 30.000 р. Комитетъ со своей стороны обратился къ земствамъ съ предложеніемъ снабдить книгами 100 вновь открывающихся бесплатныхъ народныхъ библиотекъ, если земства съ своей стороны обезпечатъ эти библиотеки помѣщеніемъ и средствами для дальнѣйшаго ихъ существованія. Предложеніе Комитета явилось тѣмъ толчкомъ, который вызвалъ общую крупную работу земствъ по внѣклассному образованію. Предложеніе это обсуждалось почти всѣми губернскими и уѣздными земскими собраниями и около 200 изъ нихъ откликнулось на призывъ Комитета съ полнымъ сочувствіемъ, сознавая, что широкое распространеніе знаній путемъ книги въ народной средѣ есть не только гарантія общественнаго развитія, но и главный залогъ экономическаго прогресса. Изъ свѣдѣній,

доставленныхъ Комитету грамотности, видно, что въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ земскія собранія 1894 года не ограничились основаніемъ одной-двухъ библиотекъ, но положили прочное начало правильной ихъ организаціи. Типичнѣйшими изъ этихъ земствъ являются:

Шадринское, Пермской губ., открыло три бесплатныя народныя библиотеки и ассигновало на содержаніе каждой изъ нихъ по 190 руб.; Днѣпровское, Таврической губ., основало 5 библиотекъ и ассигновало на нихъ 2.500 р.; Мариупольское, Екатеринославской губ., намѣтило слѣдующую организацію народныхъ читаленъ: мѣстное сельское общество обязывается приговоромъ отвести для читальни удобное помѣщеніе съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и со сторожемъ, земство же приглашаетъ за особое вознагражденіе завѣдующаго читальней и снабжаетъ читальню книгами и мебелью; въ распоряженіе Мариупольской управы на выполненіе этого дѣла ассигнована тысяча рублей; мелитопольское, Таврической губерніи, рѣшило открыть библиотеки во всѣхъ селахъ уѣзда и ассигновало на это 10.000 руб., рекомендовавъ для помѣщенія библиотекъ зданія волостныхъ правленій и ссудо-сберегательныхъ товариществъ; уржумское, Вятской губерніи, ассигновало на развитіе библиотечнаго дѣла въ распоряженіе управы 2.400 руб., управа же рѣшила отпускать на каждую библиотеку по 60 руб. на наемъ помѣщенія и по 180 руб. на жалованье библиотекаря; александровское ассигновало на ежегодное содержаніе библиотекъ по 350 руб. на каждую; чернское, Тульской губ., ассигновало на содержаніе библиотеки по 350 р. въ годъ и, кромѣ того, отпустило 500 руб. на постройку особаго зданія для библиотеки и т. д.

Подобныя же постановленія сдѣлали около 200 земствъ. Такимъ образомъ, ничтожная сравнительно сумма въ

250 р., жертвуемая Комитетомъ для каждой читальни, послужила толчкомъ, заставившимъ земства затратить многія тысячи рублей на дѣло распространенія внѣшкольнаго образованія въ народѣ. Роль Комитета не ограничилась только сборомъ средствъ и составленіемъ библиотекъ. Совѣтъ Комитета собралъ и издалъ узаконенія о бесплатныхъ народныхъ библиотеккахъ, составилъ примѣрные ихъ уставы и, наконецъ, составилъ изъ одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ книгъ примѣрный списокъ ихъ для бесплатныхъ библиотекъ и читаленъ на разныя суммы, причемъ на первомъ планѣ поставилъ выдающіяся произведенія русской литературы. Эти изданія бесплатно разосланы земствамъ, многія изъ которыхъ до сихъ поръ не были знакомы съ дѣйствующими узаконеніями о бесплатныхъ библиотеккахъ. Примѣрный же списокъ книгъ, одобренныхъ для библиотекъ и читаленъ, является первымъ въ своемъ родѣ изданіемъ.

Комитетъ грамотности, снабдивъ 100 бесплатныхъ библиотекъ книгами общей стоимостью въ 250 руб. (для большей половины книги уже закуплены), не прекратилъ свою дѣятельность въ этомъ отношеніи. Въ октябрьскомъ засѣданіи, какъ сообщаетъ «Новое Время», было постановлено: во-первыхъ, учредить при Комитетѣ фондъ на устройство бесплатныхъ библиотекъ и зачислить въ этотъ фондъ всѣ неизрасходованныя еще суммы, поступившія по подпискѣ на учрежденіе ста народныхъ библиотекъ, равно какъ и всѣ будущія поступления на этотъ предметъ; во-вторыхъ, ассигновать изъ этого фонда не менѣе 50-ти комплектовъ книгъ, стоимостью каждый не менѣе 250 руб., для бесплатнаго снабженія ими первыхъ и лучше обставленныхъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ, учреждаемыхъ городами и посадами, въ-третьихъ, организовать при Коми-

тетъ ежегодную закупку книжныхъ комплектовъ для библиотекъ, чтобы отпускать ихъ всѣ заказчикамъ по заготовочной цѣнѣ, и, въ-четвертыхъ, учредить при Комитетѣ постоянную комиссію по устройству бесплатныхъ библиотекъ.

Церковно-приходскія школы въ Оренбургской губерніи. Отчетъ епархіальнаго училищнаго Совѣта оренбургской епархіи сообщаетъ слѣдующія любопытныя данныя о церковно-школьномъ дѣлѣ въ Оренбургской губ. за 1892—1893 учебный годъ. «Въ отчетномъ году обучалось дѣтей въ 249 школахъ—9.148 обоюго пола (7.271 мал. и 1.887 дѣв.). Израсходовано всего Совѣтомъ 18.081 р. 1 коп. Число приходоѡ, неимѣющихъ церк.-приходскихъ школъ и школъ грамоты, но отчету достигаеѡ до 200. Отсутствіе школъ во многихъ приходоѡхъ объясняется обѣднѣніемъ населенія и отсутствіемъ усердія въ мѣстномъ клирѣ къ школьному дѣлу (6 стр.). Отношеніе самого духовенства къ устройству школъ и обученію въ нихъ представляется въ такомъ видѣ: «не смотря на неоднократныя просьбы Совѣта и въ настоящій отчетный годъ, какъ и въ прошлые годы, отдѣленія Совѣта, за исключеніемъ Челябинскаго, не представляли свѣдѣній о томъ, въ какихъ приходоѡхъ вовсе нѣтъ начальныхъ школъ и въ какихъ нѣтъ церковныхъ» (6 стр., примѣч. 2). «Совѣтъ не можетъ не отмѣтить въ отчетѣ и того печальнаго явленія, что многіе оо. завѣдующіе, въ распоряженіе коихъ отпускались суммы изъ Совѣта на постройку школьныхъ зданій, по нерадѣнію или же неумѣнію уклоняются отъ правильной и своевременной отчетности, а иногда не представляютъ никакихъ оправдательныхъ документовъ» (19). «Дѣло, напр., о постройкѣ школьнаго зданія въ с. Троицкомъ тянется еще съ 1888 года, когда въ распоряженіе о.

завѣдующаго школою Вас. Тихомирова было выдано 700 р. на постройку. Но о. Тихомировъ, частію по нерадѣнію, частію вслѣдствіе недоразумѣній съ прихожанами, только въ отчетномъ году, по настойчивымъ требованіямъ Совѣта, отстроилъ зданіе, хотя до сихъ поръ не сдалъ онаго и не представилъ отчета» (17). «Несмотря на требованія Совѣта, оо. завѣдующіе не отдають полного отчета и въ суммахъ, собираемыхъ съ учениковъ» (30). «Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, Совѣтъ вынужденнымъ приходится иногда отказывать въ субсидіи только потому, что не расчитываетъ отъ о. завѣдующаго школою добиться отчета и оправдательныхъ документовъ» (20).

Отношеніе законоучителей къ своему дѣлу отчетъ въ общемъ признаеѡ удовлетворительнымъ. «Дѣятельность законоучителей, — говоритъ въ отчетѣ, — въ общемъ можно назвать удовлетворительною. немногихъ отмѣнно-усердною и нѣкоторыхъ только неудовлетворительною. Въ одноштатныхъ приходоѡхъ, гдѣ законоучители должны часто отвѣкаться для исправленія церковныхъ требъ, въ преподаваніи Закона Божія неизбѣжно встрѣчались оуущенія уроковъ. Нѣкоторые оо. законоучители предоставляли преподаваніе Закона Божія учителямъ и учительницамъ. Оо. законоучители изъ лицъ малообразованныхъ затруднялись въ преподаваніи Закона Божія по неподготовленности къ этому дѣлу» (89). Находились такія лица изъ священнослужителей, которыя уклонялись отъ преподаванія Закона Божія по нерадѣнію и, наконецъ, даже такія, какъ свящ. Градо-уральской кладбищенской церкви о. Дм. Кобловъ, который официально заявилъ, что не считаеѡ своею обязанностью преподавать Законъ Божій и вообще «*питаетъ отвращеніе къ школьному дѣлу*» (9).

«Отношеніе учащаго персонала къ

школьнымъ занятіямъ въ общемъ можно признать усерднымъ» (10). «Большинство учителей состоитъ на должности 3—4 года. Очень немногіе служатъ болѣе пяти лѣтъ. Воспитанники духовной и учительской семинарій смотрять на учительство, какъ на временную переходную ступень къ священству, и чрезъ годъ-два оставляютъ учительство» (11). Таково же отношеніе къ обученію въ церковно-приходской школѣ и штатныхъ діаконовъ.

Успѣхи обученія въ школахъ грамоты, по словамъ отчета, весьма различны въ различныхъ школахъ. «Наряду съ хорошими есть такія, гдѣ дѣти за годъ еле-еле научились разбирать, да и то съ ошибками, русскую грамоту. Учителя изъ діаконовъ и псаломщиковъ смотрять на школьное дѣло, какъ на сверхдолжное, которое вести они не обязаны, и потому ведутъ его болѣе чѣмъ цѣприленно» (22, 23).

Что же касается до школьных помѣщеній, то изъ 249 только 97 было удобныхъ и 152 неудобныхъ. 61 школа помѣщалась въ особо-устроенныхъ зданіяхъ, 57 въ наемныхъ домахъ, 95 въ частныхъ квартирахъ и 36 въ церковныхъ сторожкахъ. Всѣ специально выстроенныя зданія были помѣстительны, но нѣкоторыя очень неудобны вслѣдствіе холода отъ недостатка топлива и отъ плохой отдѣлки стѣнъ, непрокопаченныхъ, нештукатуренныхъ во многихъ школахъ. Отъ ремонта и поставки топлива мѣстныя общества отказываются. Помѣщенія въ наемныхъ домахъ, сторожкахъ, частныхъ квартирахъ, за немногими исключеніями, неудобны во всѣхъ отношеніяхъ; хуже всего приходится школамъ, помѣщающимся въ сторожкахъ. Неопытныя и тѣсныя, эти помѣщенія особенно неудобны во время Великаго поста, когда въ сторожкахъ толпятся «говѣльщики» (нѣкоторые изъ нихъ даже ночуютъ) (19).

Юбилей А. Θ. Кони. Надняхъ исполнилось 30-ти-лѣтіе литературно-научной дѣятельности извѣстнаго судебного дѣятеля, сенатора А. Θ. Кони. Сообщаемъ, со словъ газетъ, краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ выдающемся дѣятелѣ: А. Θ. Кони родился въ Петербургѣ въ 1844 г. Отецъ его былъ докторъ философіи іенскаго университета и драматическій писатель, мать—драматическая актриса и тоже писательница. Онъ учился въ петербургской нѣмецкой Анненской школѣ и во II-й гимназій. въ маѣ 1861 г. поступилъ въ петербургскій университетъ по математическому факультету. По случаю закрытія въ 1862 г. этого университета, А. Θ. перешелъ въ московскій на 2-й курсъ юридическаго факультета. По представленіи ученой работы «О правѣ необходимой обороны» г. Кони былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ кафедрѣ уголовного права. Какъ разъ въ это время (1865 г.) временно пріостановлены были командировки магистрантовъ за границу, и А. Θ. вынужденъ былъ поступить на административную службу, сначала по Государственному контролю, а затѣмъ въ главный штабъ по особымъ порученіямъ юридическаго характера.

Съ введеніемъ 17-го апрѣля 1866 г. въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, А. Θ. Кони попалъ на настоящую свою дорогу, въ новыя судебныя учрежденія, съ исторією коихъ навсегда связалъ свое имя. Сперва онъ занималъ должность помощника секретаря С.-Петербургской судебной палаты, потомъ—секретаря при прокурорѣ Московскій судебной палаты (знаменитомъ Д. А. Ровинскомъ); затѣмъ онъ перешелъ въ прокурорскій надзоръ и занималъ должность товарища прокурора Харьковскаго и прокурора Казанскаго окружныхъ судовъ. Съ 1871 г. онъ переходитъ на ту же должность въ Петербургскій окружный судъ и здѣсь въ рядѣ громкихъ процессовъ обна-

ружилъ какъ выдающійся ораторскій талантъ, такъ и способность къ стойкому и гуманному отправленію обязанности прокурора въ духѣ принциповъ судебныхъ уставовъ. Между прочимъ, въ это время возбуждено было г. Кони уголовное преслѣдованіе противъ игуменни Митрофаніи, милліонера Овсянникова, возбудившія, особенно послѣднее, сильную сенсацію не только у насъ, но и за границу.

«Русскія Вѣдом.» вспоминаютъ по поводу этого дѣла, что вѣнская газета «Кладерадачъ», не вѣря возможности привлеченія къ суду въ Россіи такого богача, какъ *11-ми-кратный* милліонеръ Овсянниковъ, въ ядовитой депешѣ изъ Петербурга добавляетъ: «Вѣроятно, скоро услышимъ, что освобожденъ отъ суда *10-ми-кратный* милліонеръ Овсянниковъ». Предсказаніе «Кладерадача» не оправдалось, но насколько оно было основательно, явствуетъ изъ того, что въ доброе старое время Овсянниковъ *десять* разъ привлекался къ суду и всегда выходилъ сухъ изъ воды, благодаря своимъ милліонамъ».

Въ 1877 г. А. Θ. Кони занялъ постъ предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда. Въ настоящее время онъ, съ сохраненіемъ званія сенатора, состоитъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассационнаго департамента Сената.

Параллельно судебной службѣ шла почти непрерывно и научно-литературная и публицистическая дѣятельность г. Кони, но она особенно развилась съ 80-хъ годовъ. Статьи свои отчасти специально-юридическаго характера, отчасти литературно-психологическаго и публицистическаго, А. Θ. помѣщалъ въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права», «Юридической Лѣтописи», «Журналѣ Министерства Юстиціи», въ «Вѣстникѣ Европы», въ книжкахъ «Недѣли», въ «Порядкѣ», въ «Голосѣ», въ «Новомъ Времени» и другихъ. Въ 1888 г. вышелъ большой томъ «Судебныхъ

рѣчей» Кони, имѣвшій громадный успѣхъ и выдержавшій съ тѣхъ поръ три изданія. Этотъ важный вкладъ въ юридическую литературу, стяжавшій автору отъ харьковскаго университета званіе доктора уголовного права (*honoris causa*), служить вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ источникомъ для ознакомленія съ ораторскою манерою г. Кони и съ принципами, проводимыми имъ въ его судебной дѣятельности. Главная особенность «дѣловой» ораторской школы, созданной А. Θ. Кони совместно съ В. Д. Спасовичемъ, это—стремленіе къ живому психологическому анализу, основанному на тщательномъ изученіи всѣхъ тонкихъ особенностей дѣла и индивидуальныхъ свойствъ подсудимаго.

Изъ законодательныхъ работъ г. Кони слѣдуетъ отмѣтить участіе его въ состоящей при Министерствѣ Юстиціи комиссіи по пересмотру судебного законодательства. Особенно важное значеніе имѣло руководство совѣщанія предсѣдателей судебныхъ палатъ и прокуроровъ по вопросу о судѣ присяжныхъ. Самъ убѣжденный защитникъ суда присяжныхъ, г. Кони имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что взгляды его раздѣляютъ почти единогласно всѣ практики. Появившееся въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» изложеніе хода и результата совѣщанія, давшего такой лестный отзывъ о дѣятельности суда присяжныхъ, не мало способствовало укрѣпленію въ обществѣ нравственного авторитета этого учрежденія.

Въ дѣятельности А. Θ. есть еще одна черта, которая заслуживаетъ особаго вниманія. Выступивъ убѣжденнымъ сторонникомъ судебныхъ установленій Императора Александра II, А. Θ. Кони никогда не измѣнялъ своихъ взглядовъ,—въ противность многимъ, которые, начавъ съ преклоненія передъ «этимъ величественнымъ созданіемъ Царя-Освободителя», кончили тѣмъ, что дѣлаютъ

всевозможное, чтобы отъ «величественнаго созданія» камня на камень не оставалось. Стойкость въ убѣжденіяхъ, — это главнѣйшее качество всякаго культурнаго общества, еще

такъ мало присуща обществу русскому, что мы въ правѣ поставить ее въ ряду общественныхъ заслугъ А. Ө. на первомъ мѣстѣ.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы».

Гоголь и Чаадаевъ. Въ интересномъ очеркѣ «Гоголь и Чаадаевъ» («Вѣст. Европы», № 8), проф. Алексѣй Веселовскій разсматриваетъ судьбу двухъ литературныхъ произведеній, являющихся рѣзкими обличеніями русской дѣйствительности — «Ревизора», Гоголя и «Философскихъ писемъ» Чаадаева. «На разстояніи немногихъ мѣсяцевъ», говоритъ онъ, «Ревизоръ» послѣ перваго неудачнаго представленія, рядомъ возрастающихъ успѣховъ завоевалъ себѣ, несмотря на ропотъ обиженныхъ комедію, передовое мѣсто на русской сценѣ».

Еще при жизни Грибоѣдова молва настойчиво указывала на Чаадаева, какъ на прототипъ Чацкаго, и, по странной случайности судьбы, комедія Грибоѣдова черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея появленія оказалась пророческой: Чаадаеву дѣйствительно пришлось испытать участь Чацкаго. Изъ-за мнимаго оскорбленія національной чести, этотъ выдающійся мыслитель былъ объявленъ сумасшедшимъ и все общество отвернулось отъ него. «Одиннадцать лѣтъ прошло послѣ того, какъ въ превосходной сценѣ свѣтской клеветы, разрастающейся передъ глазами зрителя точно «снѣговая глыба, катящаяся съ горы», Грибоѣдовъ заклеилъ нетерпимость, злорадство и жестокость вліятельныхъ общественныхъ слоевъ, готовыхъ счесть безумцемъ независимо-мыслящаго человѣка, и неожиданно эта сцена разыгралась въ небывалыхъ размѣрахъ на подмосткахъ настоящей жизни... Всѣ негодовали, профаны и мудрецы, свѣтскіе люди, дамы и литераторы...

Говорятъ, будто нѣсколько студентовъ явилось тотчасъ послѣ напечатанія статьи къ попечителю округа съ заявленіемъ готовности съ оружіемъ въ рукахъ отомстить за оскорбленіе, нанесенное всей Россіи, а въ редакцію «Телескопа» — съ грознымъ протестомъ противъ статьи. Натискъ общественнаго мнѣнія былъ такъ великъ, что правительство, сначала какъ будто не особенно расположенное вмѣшиваться, рѣшилось вступиться». Противъ Чаадаева возстала все еще живая и вліятельная «Грибоѣдовская Москва».

Послѣ этого Чаадаевъ написалъ свою извѣстную «Апологію сумасшедшаго», въ которой онъ съ тонкой ироніей оцѣниваетъ неумѣренное патріотическое рвеніе его современниковъ. «Вѣдь есть разные виды любви къ отечеству», говоритъ онъ, «Такая, самоѣдъ привязанъ къ своимъ роднымъ снѣгамъ, которые сдѣлали его близорукимъ; къ дынной куртѣ, гдѣ онъ прячется большую часть жизни, къ прогорклому жиру своихъ оленей, заражающему его атмосферу, но онъ любить родину иною любовью, чѣмъ англійскій гражданинъ, гордящійся высокою культурою своего славнаго острова».

Ограждаясь отъ обвиненій въ «ненависти къ Россіи», Чаадаевъ доказываетъ, что, несмотря на то, что онъ не можетъ закрывать глаза на тяжелыя и мрачныя стороны русской жизни, онъ все-таки любитъ Россію и вѣритъ въ нее не меньше возставшихъ на него патріотовъ, и дѣлаетъ затѣмъ слѣдующее сопоставленіе: «Вскорѣ послѣ появленія въ печати «зло-

счастной статьи»... на нашей сценѣ дана была новая пьеса. Никогда еще нація не подвергалась такому бичеванію, никогда еще страну не обдавали такою грязью, никогда не бросали въ лицо публики столько гнусностей—и все же никогда не бывало подобнаго успѣха. Оттого ли это, что серьезный умъ, глубоко размышляющій о своей странѣ, о ея исторіи, о характерѣ народа, обреченъ на молчаніе потому, что онъ не можетъ устани комика выразить удручающее его патріотическое чувство? Отчего же мы такъ снисходительны къ пиническому уроку, который даетъ намъ комедія, и такъ нетерпимы къ суровой рѣчи, проникающей до глубины вещей?»

Этой новой пьесой былъ «Ревизоръ». Слухи объ успѣхѣ «Ревизора» проникали и до Чаадаева, который въ то время съ Гоголемъ былъ довольно близокъ по своимъ основнымъ взглядамъ.

«Передъ русскимъ обществомъ 30-хъ годовъ», говоритъ Ал. Веселовскій, «стояли эти два проповѣдника обновленія, — одинъ, стремящійся «глаголомъ жечь сердца людей», другой— смѣхомъ исправлять ихъ, но ихъ не сразу поняли, и они не поняли другъ друга. Гоголь сдѣлался вполнѣ действіи непримиримымъ врагомъ Чаадаева и рукоплескалъ браннымъ стихотвореніямъ Языкова. Чаадаевъ, съ своей стороны, навсегда сохранилъ къ Гоголю наблюдательное и недовѣрчивое отношеніе, особенно обострившееся послѣ того, какъ произошелъ поворотъ въ его взглядахъ».

Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ. Въ своей интересной статьѣ «Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ» («Сѣв. Вѣстн.», № 10), г-нъ Арефьевъ рисуетъ чрезвычайно неприглядную картину положенія рабочихъ на строящейся желѣзной дорогѣ. Рабочіе эти составляютъ крайне пеструю армію, въ составъ которой

входятъ крестьяне чуть ли не всѣхъ губерній Европейской Россіи, природные сибиряки, новоселы-переселенцы, инородцы-киргизы. Денежная рабочая плата всѣмъ этимъ рабочимъ сравнительно довольно высока: для болѣе искусныхъ и сильныхъ рабочихъ отъ 12 и до 20, 22 рублей въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи. Но содержаніе это, какъ видно изъ статьи г. Арефьева, оставляетъ желать очень многого. Помѣщались рабочіе въ баракахъ, которые представляли собою большихъ разбѣровъ сараи, съ крышей, нарами, двумя-тремя небольшими оконцами и желѣзными печами. Въ большинствѣ бараконъ полъ земляной. Окна въ большинствѣ случаевъ не заставляются стекломъ, а просто затыкаются какой-нибудь тряпичей. Болѣе экономные подрядчики устраиваютъ баракъ просто въ четырехъ-угольной ямѣ, на которой устраивается наклонной формы крыша изъ жердей; крыша заваливается землей и дерномъ. Вообще большинство бараконъ, за немногими исключеніями, во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ ниже всякой критики. Вотъ, напр., что рассказываетъ одна партія рабочихъ о своемъ житьѣ у одной крупной компаніи подрядчиковъ: «Привели это насъ на мѣсто, а кругомъ еще бѣлымъ-бѣло, снѣгъ. Зима тогда еще стояла. Согнали это насъ съ подводъ, смотримъ, а еще ничѣмъ ничего—бараку-то для насъ еще не построили даже. Десятники говорятъ—руби сами, ребята. Сложили мы на снѣгъ свои котомки, видно, ничего не подѣлаешь—принялись за работу. Вырыли это, значитъ, ямы, жердье на нихъ навалили, землю съ дерномъ сверху. Логовище готово. «Ползай теперь, ребята, грѣйся!» командуютъ надъ нами десятники. Переночевали. На утро десятники насъ на работу ужъ гонять. Такъ и обохнуть не успѣли. Лѣсъ приказано было рубить. Снѣгъ въ лѣсу, почестъ, по поясъ.

Доступу туда никакого нѣтъ... За-лѣземъ, это, въ снѣгъ по поясъ, маемся, маемся, насилу зѣсину-то свалимъ. За день-то такъ измотаешься, что до барака кое-какъ ноги волочить. Мокрехонекъ весь, нитки сухой на тебѣ нѣту. Придешь въ баракъ, и прилечь-то нельзя—сырость, мокрота. Погрѣешься малость у печки, просохнешь, да и свалишься пластомъ на нары. И тутъ мокро, а въ баракъ холодъ поднимется. Лихоманка тебя трясеть. Измаешься весь и уснешь. Печка погаснетъ, въ баракѣ одно что на улицѣ—холодище страшный. За ночь-то и примерзнешь къ нарамъ. На утро десятникъ будитъ на работу, съ просонокъ соскочишь, это, да такъ и взвоешь—волосы-то, значить, къ нарамъ присты-

ли... Почесъ кажинный день кто-нибудь изъ нашихъ ребятъ примерзаетъ. А одевонка, такъ та всегдысъ каждое утро примерзала, на утро отряваешь...»

Пища рабочимъ давалась сама простая, и часто несвѣжая, такъ что случалось, рабочіе даже бунтовали и требовали лучшей пищи. Особенно плохо было довольствіе рабочихъ вѣною, когда трудно было доставлять провизію на линію.

Старая, знакомая картина, воспринятая еще Некрасовымъ въ его «Желѣзной дорогѣ»! Нельзя не видѣть въ ней еще одного доказательства, какъ слабо у насъ развитіе культуры, при которой было бы немислимо жить въ «логовѣ», гдѣ волосы спящихъ примерзаютъ къ нарамъ.

Изъ иностранной жизни.

Бюро правосудія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, группа, состоящая изъ шести молодыхъ людей, студентовъ мичиганскаго университета, не вполне согласныхъ съ идеями и методами, господствовавшими въ университетѣ, рѣшила организовать отдѣльное общество или «клубъ взаимнаго усовершенствованія». Клубъ этотъ вначалѣ носилъ характеръ тайнаго общества, но лишь въ отношеніи вѣшнихъ формъ, т. е. былъ придуманъ лозунгъ и собранія клуба не происходили открыто, какъ собранія всѣхъ другихъ клубовъ въ коллегіи; главное же отличіе заключалось не въ этомъ, а въ цѣляхъ, которыя преслѣдовались новымъ студенческимъ обществомъ или братствомъ. Каждый изъ шести членовъ этого братства избиралъ для себя профессію, которой долженъ былъ посвятить свою жизнь, но такъ какъ всѣ они выбрали разныя профессіи, то это придавало ихъ клубу нѣсколько разнообразный характеръ и этимъ онъ

также отличался отъ другихъ клубовъ коллегіи, состоящихъ преимущественно изъ однородныхъ элементовъ, т. е. людей одной профессіи, связанныхъ общими интересами. Однако, несмотря на кажущуюся разнородность, члены новаго братства были тѣснѣе связаны между собою въ личномъ отношеніи, нежели члены обыкновенныхъ студенческихъ обществъ университетской коллегіи. Они преслѣдовали одну общую высшую цѣль, но только шли къ ней разными путями. Цѣль эта—благо челоувѣчества и каждый изъ членовъ клуба, выбирая для себя профессію, прежде всего обязывался всю свою жизнь ставить эту цѣль на первомъ планѣ и служить челоувѣчеству по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. Въ концѣ года каждый изъ членовъ долженъ былъ представить въ клубъ работу, въ которой заключались бы его взгляды на избранную имъ профессію и, такъ сказать, его «profession de foi», выражающее его жизненный идеаль. Т

кимъ образомъ получился рядъ статей, трагующихъ о шести различныхъ профессіяхъ съ точки зрѣнія метода и идеала способовъ его достиженія. Тутъ были и адвокатъ, и докторъ, и учитель, и проповѣдникъ и т. д. Каждый изъ нихъ высказывалъ свой взглядъ на то, какъ онъ находитъ нужнымъ служить человечеству въ предѣлахъ своей профессіи. Мы займемся теперь адвокатомъ и его миссіей.

Юноша, избравшій своею профессіею адвокатуру, былъ по происхожденію еврей и родомъ изъ Чикаго. Въ своей статьѣ прочитанной маленькому университетскому клубу, онъ изложилъ свой взглядъ на эту профессію и свой идеалъ, сказавъ, что законъ долженъ имѣть цѣлью высшую справедливость въ отношеніи каждаго изъ гражданъ; затѣмъ онъ указалъ на тѣ реформы, которыя, по его мнѣнію, должны быть введены, для того, чтобы законъ дѣйствительно могъ служить охраною для беззащитныхъ и бѣдныхъ и духъ его—высшая справедливость въ теоріи—не подвергался бы на практикѣ столь частымъ искаженіямъ. Проникнутый такими идеальными взглядами на свою профессію, молодой юристъ, по фамилии Эррантъ, тотчасъ же по окончаніи курса въ университетѣ, отправился въ Чикаго, гдѣ и началъ проводить въ жизнь свои взгляды съ истиннымъ жаромъ миссіонера и принялся за выработку схемы реформъ, которыя признавалъ необходимыми въ юридической профессіи. Его глубоко возмущало то, что онъ видѣлъ кругомъ: толкованіе законовъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но его щеболѣе огорчало, что его товарищи по профессіи защищали крупныхъ преступниковъ, несомнѣнныхъ мошенниковъ, въ внѣ которыхъ никто не сомнѣвался, между тѣмъ какъ рядомъ какой-нибудь бѣдняга, имѣющій тяжebное дѣло, не могъ найти адвоката, который бы согласился вести его. Само собою разумѣется, что

Эррантъ тотчасъ же сдѣлался «адвокатомъ бѣдныхъ и сирыхъ» и скоро занялъ выдающееся мѣсто среди своихъ собратьевъ по профессіи. Богачи захотѣли также пользоваться его услугами и ему не трудно было бы разбогатѣть очень скоро, но онъ упорно отвергалъ всякія предложенія, исхившія отъ богатыхъ кліентовъ. Когда ему возражали на его негодующія рѣчи противъ существующаго положенія вещей, что оно составляетъ неизбѣжный продуктъ нашей цивилизаціи, неизбѣжный результатъ накопленія населенія въ большихъ городахъ, то онъ указывалъ, какъ на главное зло, на индиферентизмъ и эгоизмъ общества, на равнодушное отношеніе къ страданію. Свои взгляды онъ изложилъ въ статьѣ «О правосудіи для беззащитныхъ и бѣдныхъ» и, прочитавъ ее въ собраніи адвокатовъ въ штатѣ Иллинойсѣ, предложилъ организовать въ городахъ и селахъ штата такъ называемыя «бюро правосудія», куда могли бы обращаться и находить защиту всѣ одинокіе и бѣдные, нуждающіеся въ помощи, въ совѣтѣ и въ покровительствѣ закона.

Члены адвокатскаго общества нашли, что онъ преслѣдуетъ химеру и никакихъ особенныхъ практическихъ результатовъ отъ его плана ожидать нельзя. Поэтому предложеніе Эрранта было оставлено безъ вниманія. Ему пришлось тутъ убѣдиться, что адвокатское сословіе—самое консервативное изъ всѣхъ и всего упорнѣе всегда противится реформамъ. Нѣкогда подобное же разочарованіе пришлось испытать Песталоцци, когда онъ, въ своей молодости, мечталъ посвятить себя адвокатурѣ, быть защитникомъ сирыхъ и бѣдныхъ въ Швейцаріи. Но когда онъ выступилъ со своею схемою реформъ, его такъ осмѣяли его же собратья адвокаты, что онъ былъ совершенно обезкураженъ и тутъ же отказался навсегда

отъ юридической профессіи и только спустя восемнадцать лѣтъ снова выступилъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля, но уже на поприщѣ педагогика. Однако, Эррантъ не такъ скоро могъ придти въ отчаяніе и разочароваться въ своей миссіи. Черезъ восемнадцать дней послѣ неудачи, постигшей его въ обществѣ адвокатовъ, Эррантъ обратился со своею запиской въ общество этической культуры. Тутъ его идеи вызвали взрывъ восторженнаго сочувствія. «О мои друзья!—воскликнулъ Эррантъ, обрадованный такимъ пріемомъ.—На насъ лежатъ тяжелыя обязанности и огромная отвѣтственность. Жизнь не должна и не можетъ заключаться только въ погонѣ за матеріальными благами. Я видѣлъ много фазисовъ человѣческой жизни... и чѣмъ больше видѣлъ, тѣмъ тверже становилась моя вѣра въ человѣка, тѣмъ болѣе я проникался увѣренностью въ силѣ и способностяхъ людей. Но я видѣлъ, какъ человѣкъ сгибается подъ вліяніемъ окружающихъ условий, какъ онъ мучится и изнуруется въ борьбѣ съ ними. А между тѣмъ во власти человѣчества уничтожить все это, измѣнить тяжелыя условія. Вы, мужчины и женщины, отъ васъ зависитъ облегчить жизнь человѣчества. Когда же соедините вы свои усилія во имя любви къ человѣчеству? Вы должны протянуть руку нуждающимся братьямъ, помочь имъ совѣтомъ и дѣломъ... Но прежде всего надо приблизиться къ тѣмъ, кому мы хотимъ помогать, и постараться узнать ихъ больше, чѣмъ мы знаемъ другъ друга; мы должны изучить условія ихъ жизни, проникнувшись братскою любовью и состраданіемъ».

Рѣчь Эрранта произвела сильное впечатлѣніе на собравшееся общество, и нѣсколько минутъ всѣ молчали послѣ того, какъ онъ пересталъ говорить. Наконецъ, поднялся одинъ человѣкъ и произнесъ взволнованнымъ

голосомъ: «Я предлагаю организовать здѣсь первое бюро правосудія». Предложеніе это было принято единогласно и тотчасъ же начались пренія и обсужденіе плановъ. Въ концѣ концовъ была принята извѣстная схема и въ мартѣ 1888 года Эррантъ увидѣлъ, наконецъ, реализацію частицы своихъ мечтаній. Это первое бюро правосудія, устроенное и поддерживаемое добровольными пожертвованіями, дѣйствительно представило образецъ самаго полнаго безпристрастія, такъ какъ оно стояло внѣ всякихъ классовъ, партій, вѣрованій и сектъ, и на самомъ дѣлѣ осуществляло принципъ равенства всѣхъ передъ лицомъ правосудія. Цѣли бюро, главнымъ образомъ, слѣдующія: 1) помогать и поддерживать всѣхъ, нуждающихся въ покровительствѣ закона, но неимѣющихъ средствъ нанимать защитника. Бороться съ несправедливостью и прираженіемъ всѣми путями. 2) Изучать условія дѣйствующихъ законовъ и методы судебной процедуры. 3) Вырабатывать и предлагать новые лучшіе законы и стараться о принятіи ихъ и правильномъ примѣненіи въ жизни. Девизъ бюро правосудія гласилъ: «Я сторожъ моего брата», и дѣйствительно, служилъ выраженіемъ руководящей идеи этого учрежденія.

Президентъ комитета директоровъ по устройству бюро правосудія, мистеръ Хасъ, самый убѣжденный и самоотверженный сторонникъ идей Эрранта о взаимной отвѣтственности людей, въ своемъ первомъ годовомъ отчетѣ о дѣятельности бюро говоритъ: «Мы выбрали самую возвышенную идею, во имя которой взываемъ къ божественной сущности, обитающей въ душѣ каждаго человѣка. Эта идея служитъ синонимомъ человѣческаго счастья и знамя съ ея девизомъ надо нести чистыми руками, преслѣдуя только одну общую цѣль. Понесемъ это знамя къ тѣмъ, чьи спины согнулись отъ работы, чьи сердца разрываются

отъ горя, и вмѣстѣ съ ними внесемъ имъ надежду, миръ и радость. Справедливость—это величайшее милосердіе. Когда справедливость воцарится на землѣ, то благотворительность исчезнетъ, ибо она возникла лишь для того, чтобы залѣчивать раны, произведенныя несправедливостью. Милосердіе (въ смыслѣ подачи милостыни) сѣетъ раздоры, справедливость же означаетъ гармонію. Поэтому, въ основу устройства бюро правосудія положенъ не принципъ благотворительности, а принципъ справедливости...»

Бюро существуетъ уже пять лѣтъ и въ этотъ промежутокъ разобрано 15.000 дѣлъ, причѣмъ въ девяти изъ десяти случаевъ распри разрѣшались мирнымъ путемъ, не доходя до суда. Выслушавъ жалобу истца, Эррантъ самъ лично или его ассистентъ производятъ разслѣдованіе, ведутъ переговоры съ отвѣтчикомъ и всегда производятъ такое впечатлѣніе безпристрастія и справедливости, что очень рѣдко имъ не удается добиться разрѣшенія мирнымъ путемъ тяжбы и распри. Однажды былъ такой случай: въ бюро пришелъ человѣкъ, съ котораго требовался одинъ долларъ уплаты одному рабочему; онъ объявилъ съ горячностью, что уплачиваетъ этотъ долларъ только для того, чтобы избѣжать суда, хотя и не считаетъ себя должнымъ. На это Эррантъ спокойнымъ тономъ отвѣтилъ: «Мы не можемъ принять отъ васъ деньги на такихъ условіяхъ. Если вы не считаете себя должникомъ, то намъ вашъ долларъ не нуженъ. Мы здѣсь только для того, чтобы наблюдать за сохраненіемъ справедливости во всѣхъ случаяхъ». Это такъ поразило строптиваго должника, что онъ вступилъ въ переговоры, призналъ себя должнымъ и, уплативъ слѣдующій долларъ рабочему, самъ сдѣлался затѣмъ членомъ бюро.

Идеи Эрранта пустили корни, и уже во многихъ другихъ штатахъ учреж-

даются подобныя-же бюро, куда и прибѣгаютъ всѣ беззащитные и бѣдные искать помощи и совѣта.

Слѣпые авторы. Какъ много можетъ сдѣлать сильная воля и энергія человѣка, это особенно видно на литературной и ученой дѣятельности слѣпыхъ. Какъ оказывается изъ данныхъ, собранныхъ въ интересной, но уже почти позабытой теперь, англійской книгѣ «Biography of the Blind» (Биографія слѣпыхъ), не мало слѣпыхъ авторовъ достигли знаменитости въ области литературы и науки. Авторъ этой книги—тоже слѣпой, Джемсъ Вильсонъ, лично заинтересованный въ вопросѣ объ ученой и литературной дѣятельности слѣпыхъ, постарался собрать въ своей книгѣ все, что касается этой дѣятельности не только въ современную эпоху, но даже въ древнія времена. Такъ, напри- мѣръ, въ началѣ нашей эры приобрѣли извѣстность грамматикъ Аскониусъ Педаніусъ и теологъ Дидимій, изъ Александріи, оба слѣпые. Въ эпоху, болѣе близкую къ намъ, среди ученыхъ пользовались извѣстностью филологи: Понтакусъ, Грасси, нѣмецъ Гризингеръ, знавшій семь языковъ; проповѣдники: Брандолини и священникъ Жанъ Тьерри, который, несмотря на свой недостатокъ, собирався написать трактатъ о краскахъ; ученые и математики, какъ, напри- мѣръ, Кенеди и Эйлеръ и знаменитый кембриджскій профессоръ Николай Саундерсонъ, о которомъ Дидеро много говорить въ своемъ знаменитомъ «Lettre sur les aveugles». Какъ это ни трудно представить себѣ, но даже между актерами и художниками были слѣпые, достигшіе знаменитости, напри- мѣръ, Луи Гротто, драматическій авторъ и актеръ въ XVI вѣкѣ; тосканскій скульпторъ Жанъ Гоннели, произведенія котораго даже считались шедеврами, книгопродавецъ Прайсъ пользовавшійся огромною извѣстностью

какъ переплетчикъ и т. д. Всего чаще среди слѣпыхъ авторовъ встрѣчаются поэты, и авторъ «Biography of the Blind», самъ тоже писавшій стихи, посвятилъ имъ большую часть своего труда. Конечно, авторъ этой любопытной книжки, далеко не исчерпалъ своего предмета, и притомъ, со времени выхода этой книги, накопилось еще больше примѣровъ, указывающихъ, что самая ужасная немощъ, какая только можетъ порази́ть мышлящее существо, потеря зрѣнія, не только не останавливаетъ его умственной дѣятельности, но иногда эта дѣятельность даетъ такіе же плодотворные результаты, какъ и у зрячихъ людей. Исторія слѣпыхъ ученыхъ и писателей—это трогательная исторія того, какъ люди съ высоко развитымъ умомъ и талантами, пораженные слѣпотой, искали и находили утѣшеніе, благодаря своей силѣ воли и энергіи, въ великой области науки, искусства и поэзіи. Можно себя ясно представить, съ какими затрудненіями приходится бороться этимъ несчастнымъ, болѣе прочихъ обыкновенныхъ людей чувствующимъ, какъ много они теряютъ, благодаря своей немощи. Въ прошломъ году въ Бостонѣ умеръ извѣстный американскій историкъ Френсисъ Паркманъ, тоже слѣпой, который написалъ нѣсколько томовъ исторіи и могъ это сдѣлать лишь благодаря особому, придуманному имъ аппарату. Его преданные ученики и читатели помогали ему въ трудахъ, но, тѣмъ не менѣе, несмотря на эту помощь и на свою замѣчательную упорную энергію, Паркманъ самъ говоритъ, что въ теченіе своихъ сорокалѣтнихъ трудовъ онъ сдѣлалъ только одну четверть того, что могъ бы сдѣлать при нормальныхъ условіяхъ.

Трогательную исторію борьбы съ этимъ тяжелымъ несчастьемъ—потерю зрѣнія, представляетъ жизнь одной современной, недавно умершей,

англійской писательницы, миссъ Кингъ, какъ это можно видѣть изъ ея автобіографіи, напечатанной въ англійскомъ журналѣ «The Argosy», гдѣ она всегда сотрудничала. Разсказъ этой слѣпой писательницы долженъ дѣйствовать ободряющимъ образомъ на всѣхъ тѣхъ, кто, подобно ей, лишенъ одного изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ природой, зрѣнія. Миссъ Кингъ съ дѣтства страдала слабостью зрѣнія и всѣ предметы представлялись ей точно въ туманѣ. Къ семи годамъ она окончательно ослѣпла. «Но, страннымъ образомъ,—говоритъ она,—моя слѣпота не пугала и не слишкомъ огорчала меня. Въ ней заключалась одна особенность: я всегда видѣла блестящій свѣтъ передъ глазами, весь окружающій воздухъ казался мнѣ накаленнымъ до бѣла. При этомъ я могла произвольно вызывать въ этомъ сіяніи появленіе разнаго рода блестящихъ цвѣтовъ, которые смѣшивались съ сіяніемъ, носившимся передъ моими глазами, какъ бы составляя его нераздѣльные части. Такимъ образомъ, я жила не въ «темнотѣ», какъ это должно было бы быть вслѣдствіе потери зрѣнія, а среди особеннаго блеска, и это много скрашивало мнѣ мое положеніе слѣпой». Кромѣ того, у миссъ Кингъ, какъ это всегда бываетъ вслѣдствіе потери одного чувства сильно развились и обострились всѣ другія чувства. Такъ, на примѣръ, она всегда угадывала, когда на нее смотрятъ и почти навѣрное могла опредѣлить выраженіе, съ какимъ на нее смотрятъ. Слухъ у нея былъ необычайно тонкій. По голосу и по прикосновенію руки она всегда почти вѣрно угадывала характеръ человѣка. Также тонко у нея было развито обоняніе и оно во многихъ случаяхъ ея жизни служило ей подспорьемъ. Такъ какъ она не могла учиться въ школахъ, вслѣдствіе слѣпоты, то съ нею занималась дома ея мать и другіе учи-

теля, и она оказалась очень способной ученицей и изучила болѣе или менѣе хорошо семь языковъ: французскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій, латинскій, греческій и древне-еврейскій. Отецъ ея, викарій, обыкновенно читалъ ей по вечерамъ и затѣмъ эту обязанность взялъ на себя ея братъ. Замѣчательно, что, несмотря на свой недостатокъ, она сдѣлалась прекрасной и безстрашной наѣздницей и, можетъ быть отчасти благодаря этому недостатку, храбро проѣзжала на лошади по такимъ горнымъ тропинкамъ и болотамъ, по которымъ рѣдко рѣшались пускаться даже очень храбрые наѣзники и наѣздницы, видящіе грозящую имъ опасность.

Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ миссъ Кингъ въ Италіи, составили поворотъ въ ея жизни. Конечно, она лишена была возможности любоваться красотами итальянской природы, но она чувствовала ихъ. Съ дѣтства у нея существовала склонность къ литературѣ: она сочиняла стихи и повѣсти, и теперь эта склонность развилась еще сильнѣе. Ея повѣсти, между которыми наибольшую извѣстностью пользуется «Queen of Herself», скоро обратили на себя вниманіе. Она нашла горячую поддержку въ покойномъ профессорѣ Генри Морисѣ, заинтересовавшемся ея литературною дѣятельностью, въ Чарльзѣ Диккенсѣ, узнавшемъ ея исторію и всячески старавшемся содѣйствовать ея популярности, поощряя ее и помогая ей своими совѣтами. Извѣстная англійская писательница мистриссъ Генри Вудъ также приняла въ ней участіе и содѣйствовала ея приглашенію въ постоянныя сотрудницы журнала «Argosy». Но миссъ Кингъ не ограничила свою дѣятельность только литературой. Слѣпая дѣвушка горячо интересовалась рабочими классами и въ приходѣ своего отца постоянно занималась съ дѣтьми и рабочими. Она устроила для нихъ читальню, клубъ

для игры въ крокетъ, публичные чтенія, хоръ и т. п. «Моя слѣпота,— говоритъ она въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній,—повидимому, способствовала возбужденію въ душѣ рабочихъ особенныхъ рыцарскихъ чувствъ и они не только охотно повиновались мнѣ, но даже какъ будто видѣли въ этомъ какой-то высшій долгъ и обязанность». Говоря очень часто въ собраніяхъ рабочихъ, миссъ Кингъ приобрѣла способность говорить публично и считалась однимъ изъ хорошихъ ораторовъ на митингахъ. Миссъ Кингъ говоритъ, что хотя ей и случалось глубоко сожалѣть о своемъ недостаткѣ, тѣмъ не менѣе, она все-таки не чувствовала себя лишней и несчастной отъ этого, такъ какъ жизнь ея была полна интересами и она чувствовала, что дѣятельность ея плодотворна. Какъ много зрячихъ не имѣютъ этого утѣшенія, которое имѣла эта слѣпая дѣвушка, за гробомъ которой шли ея друзья, рабочіе и ученики, а также многочисленные почитатели ея литературнаго таланта. Изъ ея автобіографіи узнаемъ, что она не диктовала свои повѣсти, а сама набирала ихъ посредствомъ шрифта, въ которомъ ввела нѣкоторые спеціальныя улучшенія, и дѣлала это такъ же быстро, какъ быстро пишетъ зрячій посредствомъ обыкновеннаго пера.

Исчезающіе народы: Тодды въ Индіи. Извѣстно, что европейская цивилизація не всегда составляетъ благо для дикихъ народовъ; подъ давленіемъ ея многія первобытныя расы въ различныхъ мѣстахъ земного шара мало-по-малу вымираютъ и исчезаютъ. Такъ, напримѣръ, въ Тасманіи уже не существуетъ болѣе представителей первоначальной расы; они исчезли съ тѣхъ поръ, какъ англичане колонизовали этотъ островъ. Также и число маорійцевъ въ Новой Зеландіи съ 80.000 въ 1840 году

(эпоха присоединенія къ Англіи) уменьшилось до 40.000 въ настоящее время, а число туземцевъ въ австралійской колоніи упало съ 9.000 до 800. То же самое и относительно Антильскихъ острововъ, гдѣ европейская цивилизація вытѣснила караибовъ, и Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) острововъ, гдѣ туземное населеніе съ 300.000 уменьшилось до 32.000. Известно какъ быстро вымираютъ индѣйцы въ Сѣверной Америкѣ, число которыхъ, менѣе чѣмъ въ двѣсти лѣтъ, уменьшилось съ пяти милліоновъ до 245.000. Это быстрое вымирание даже обратило на себя вниманіе правительства Соединенныхъ Штатовъ, которое теперь уже принимаетъ мѣры, чтобы предупредить полное исчезаніе нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ.

Примѣровъ такихъ можно было бы набрать множество и мы можемъ наблюдать въ разныхъ мѣстахъ, какъ постепенно цвѣтная раса уступаетъ мѣсто бѣлой. Главная причина такого, во всякомъ случаѣ, прискорбнаго явленія заключается въ невозможности для первобытныхъ народовъ быстро приспособиться къ новымъ привычкамъ и условіямъ, порождаемымъ чуждою для нихъ цивилизаціей. Впрочемъ, надо прибавить еще, что въ этомъ исчезаніи первобытныхъ расъ не послѣднюю роль играетъ и самая колонизаторская политика европейцевъ, какъ бы поставившая себѣ цѣлью возможно болѣе быстрое освобожденіе захваченныхъ территорій отъ ихъ прежнихъ хозяевъ и владѣльцевъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда побѣдители относятся къ побѣжденнымъ съ полной человѣчностью, первобытная раса мало-по-малу теряетъ свой прежній характеръ, такъ какъ, ассимилируясь съ бѣлой расой посредствомъ скрещиванія, теряетъ свои личныя этническія черты.

Къ длинному списку исчезающихъ народовъ, вымирающихъ постепенно расъ, надо причислить въ настоящее

время и племя тоддовъ въ Индіи, весьма интересное во многихъ отношеніяхъ. но мало изученное европейцами. Между прочимъ, Поль Барре сообщаетъ въ «Revue française de l'étranger et des Colonies» объ этомъ племени слѣдующія свѣдѣнія:

Тодды обитаютъ въ Нильгири или Голубыхъ горахъ, самыя высокія вершины которыхъ достигаютъ высоты 2.700 метровъ. Племя это атлетическаго роста и черты лица тоддовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, указываютъ на ихъ кельтическое происхожденіе, по мнѣнію же другихъ, тодды—потомки древнихъ римскихъ колонистовъ. Существуютъ еще и разныя другія мнѣнія относительно происхожденія тоддовъ. Тодды, во всякомъ случаѣ, совершенно не похожи на другія расы Индіи и представляютъ явное сходство съ европейскимъ типомъ. Языкъ ихъ также не похожъ на другіе индѣйскіе діалекты. По преданіямъ, тодды съ незапамятныхъ временъ обитали въ равнинахъ Индіи, откуда ихъ вытѣснилъ въ горы, вмѣстѣ съ ихъ стадами, король-великанъ Равана. По другимъ сказаніямъ, тодды происходятъ отъ народа, удалившагося въ горы въ эпоху религіозныхъ войнъ между буддистами и браминами.

Тодды ведутъ патриархальный образъ жизни и до англійскаго завоеванія ходили совершенно нагими; съ той же поры они стали, вмѣсто всякой одежды, носить грубыя шерстяныя одѣяла, въ которыя, однако, они драпированы очень живописно. Женщины тоддовъ носятъ длинныя косы, спускающіяся у нихъ по плечамъ, и вокругъ стана одѣваютъ металлическій поясъ. Повидимому, тодды поклоняются верховному существу, которому приносятъ въ жертву, въ храмѣ, масло и молоко. Два жреца тоддовъ «гуру» совершаютъ всѣ религіозныя обряды. Вначалѣ они должны сохранять обѣтъ безбрачія, затѣмъ имъ разрѣшается вступать въ бракъ. Но сущность рели-

гіозныхъ возрѣній тоддовъ, также какъ и ихъ религіозные обряды, не достаточно хорошо извѣстна. Мнѣнія многихъ изслѣдователей на этотъ счетъ расходятся. Тодды вступаютъ въ бракъ только въ предѣлахъ племени и у нихъ существуетъ полиандрія, также какъ у многихъ другихъ первобытныхъ племенъ въ Тибетѣ и другихъ мѣстахъ. Молодая дѣвушка выходитъ замужъ за всѣхъ братьевъ сразу, такъ что у нея иногда бываетъ пять мужей и болѣе.

Число тоддовъ стало быстро уменьшаться въ этомъ столѣтіи. Въ 1881 году ихъ было уже только 675: 382 мужчины и 293 женщины. Такая непропорціональность и является главною причиною полиандріи. Недостаточное количество женщинъ зависитъ отъ того, что у тоддовъ допускается дѣтубійство дѣвочекъ, если онѣ имѣли несчастье родиться въ одинъ изъ четырехъ несчастныхъ дней въ недѣлѣ. Тодды не воздѣлываютъ земли и средства къ жизни доставляютъ имъ стада. Кромѣ того, тодды взимаютъ дань натурою съ другихъ племенъ, обитающихъ въ горахъ, именно съ бодаговъ. Деревни ихъ, называемыя «mands», состоятъ всегда изъ пяти хижинъ, изъ которыхъ три служатъ для житія, одна служить одновременно молочною и храмомъ и одна представляетъ убѣжище для коровъ. Хижины всѣ овальной формы и поставлены наклонно. Всѣ они имѣютъ три метра въ вышину, 5 м. 40 въ длину и 2 м. 70 въ ширину. Въ хижинѣ существуетъ только одно отверстие, одновременно служащее и дверью, и окномъ, и войти въ него можно только ползкомъ. Такихъ деревень насчитывается въ настоящее время 106.

На воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. Нашимъ читателямъ извѣстно, что на международномъ географическомъ конгрессѣ въ этомъ го-

ду молодой шведскій воздухоплаватель Андрѣ выступилъ съ своимъ проектомъ путешествія на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. Доводы, представленные Андрѣ въ пользу предлагаемаго имъ способа арктическаго путешествія, хотя и очень остроумные, все-таки показали недостаточными убѣдительными ученымъ, собравшимся на конгрессѣ, и проектъ Андрѣ не былъ принятъ, но, тѣмъ не менѣе, молодой воздухоплаватель не пришелъ въ уныніе отъ этой неудачи и все-таки проектируетъ совершить это путешествіе. Въ бесѣдѣ съ однимъ англійскимъ журналистомъ Андрѣ сказалъ, что надѣется достигнуть сѣвернаго полюса не болѣе, какъ въ «десять» часовъ, отправившись въ свое путешествіе съ острова Шпицбергена. Во всякомъ случаѣ, даже при неблагоприятныхъ условіяхъ достаточно будетъ, по его вычисленіямъ, 43-хъ часовъ, чтобы достигнуть сѣвернаго полюса. По мнѣнію Андрѣ, воздухоплаваніе въ полярныхъ областяхъ должно быть легче, нежели въ умѣренномъ поясѣ, много же, что мѣшаетъ изслѣдованію поверхности земли при обыкновенныхъ условіяхъ, отсутствовуетъ въ полярной области. Полное отсутствіе растительности въ этой области, допускаетъ низкій полетъ, безъ опасенія запутаться въ верхушкахъ деревьевъ. Кромѣ того, это обстоятельство представляетъ большія удобства для сниманія фотографіи. Воздухоплаватель видитъ въ постоянномъ солнечномъ свѣтѣ и равномерности температуры также очень благоприятныя условія, такъ какъ, благодаря этому обстоятельству, колебанія въ силѣ подъема воздушнаго шара должны быть очень незначительны. Перечисливъ еще разныя другія данныя, которыя, по его мнѣнію, говорятъ въ пользу этого способа путешествія и указываютъ на его преимущество передъ другими способами, — путешествіемъ на лодкахъ

и саняхъ, Андрѣ прибавляетъ, что онъ пришелъ къ такому выводу не только на основаніи теоретическихъ разсужденій, но и на основаніи личнаго опыта. Андрѣ предлагаетъ совершить свой полетъ вмѣстѣ съ двумя другими смѣлыми воздухоплавателями лѣтомъ будущаго года. Онъ отвезетъ шаръ на Шпицбергенъ, гдѣ предполагаетъ построить сарай и всѣ приспособленія для наполненія шара газомъ. Затѣмъ онъ будетъ ждать благоприятнаго вѣтра, чтобы пуститься въ область неизвѣстнаго. Лодка воздушнаго шара будетъ заключать въ себѣ темную камеру для фотографіи и приспособленія для спанья трехъ путешественниковъ. Крыша сверху спальни и камеры будетъ огорожена перилами и должна служить мѣстомъ прогулки путешественниковъ. Андрѣ предполагаетъ взять съ собою не менѣе 3.000 фотографическихъ пластинокъ, но проявлять ихъ будетъ лишь по возвращеніи изъ своего путешествія. Провизія будетъ взята на четыре мѣсяца и, кромѣ того, будутъ взяты парусинныя лодки, спасательные аппараты, сани и палатка, всяго рода научные инструменты, электрическая батарея и электрическій очагъ. Андрѣ убѣжденъ, что при благоприятномъ вѣтрѣ онъ пролетитъ черезъ полюсъ. Онъ произвелъ рядъ довольно удачныхъ опытовъ съ управленіемъ шара и можетъ отклонить его направленіе, по крайней мѣрѣ, на 27° отъ направленія вѣтра. Если воздухоплавателю удастся привести въ исполненіе свой проектъ, то, конечно, это будетъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій на свѣтѣ.

Скандинавскіе народы и ихъ политика. Въ послѣдніе годы въ сѣверныхъ государствахъ Европы замѣчается очень любопытное политическое движеніе, особенно любопытное въ томъ отношеніи, что оно составляетъ рѣзкій контрастъ съ дви-

женіемъ, которое обнаруживается въ южныхъ государствахъ, населенныхъ славянскими народностями. Славяне стремятся къ объединенію; между тѣмъ какъ скандинавскіе народы, наоборотъ, выказываютъ явную склонность къ разединенію, раздробленію. Въ настоящее время скандинавская раса представляетъ двѣ политическія единицы: Швецію съ Норвегіей и Данію съ Исландіей; но она стремится къ распаденію на четыре отдѣльныя части, хотя всѣ четыре народа вмѣстѣ составляютъ этническую единицу и говорятъ почти на одномъ и томъ же языкѣ, такъ какъ лишь разница въ удареніяхъ отличаетъ шведскій и датскій языкъ, и если исландцы въ данномъ случаѣ представляютъ исключеніе, то лишь потому, что они сохранили архаическій языкъ древнихъ норманновъ.

Наклонности къ сепаратизму, такъ рѣзко выражающіяся у скандинавскихъ народовъ, интересны въ томъ отношеніи, что они составляютъ какъ бы результатъ сильно развитою духа индивидуализма у этихъ народовъ. Этотъ индивидуализмъ выражается у нихъ, на примѣръ, даже въ томъ, что какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи и особенно въ Исландіи весьма рѣдко можно встрѣтить сельскія поселенія, бурги, деревни. Населеніе разсѣяно и отдѣльныя жилища крестьянъ часто находятся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга. Норвежскіе и исландскіе крестьяне живутъ точно затерянные въ пустынь и почти не имѣютъ сношеній другъ съ другомъ, но это изолированное положеніе не только не тяготитъ ихъ, но даже имъ нравится. Скандинавскій крестьянинъ никогда не строитъ себѣ жилища вблизи какаго-нибудь другого жилья, а всегда старается выбрать болѣе или менѣе уединенное положеніе. Особенно рѣзко выступаетъ эта черта скандинавскаго характера на крайнемъ сѣверѣ.

на берегахъ Ледовитаго океана. Въ Норвегіи колонисты живутъ уединенно, среди лѣсовъ и горъ и очень рѣдко образуютъ маленькія поселенія. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ у славянъ проявляется инстинктъ ассоціаціи, стремленіе къ общинѣ, мы видимъ у скандинавскихъ народовъ стремленіе къ изоляціи и къ полной индивидуальной независимости. Ничего нѣтъ удивительнаго, что это же чувство выражается и въ политикѣ этихъ народовъ.

И такъ, мы видимъ, что скандинавскіе народы далеко несочувствуютъ принципу націонализма, который преобладаетъ въ настоящее время въ политикѣ остальной Европы. Индивидуальная свобода и независимость—это въ ихъ глазахъ самый главный принципъ, который долженъ быть поставленъ въ основу всякой политики. Поэтому—то Норвегія съ такимъ трудомъ переноситъ свой союзъ съ Швеціей и стремится къ отпаденію. Въ Норвегіи, въ настоящее время, существуетъ очень сильная партія, стремящаяся къ разрыву уніи со Швеціей и можно почти навѣрное утверждать, что дни уніи сочтены. Идеалъ этой партіи—учрежденіе въ Норвегіи республики, совершенно независимой отъ сосѣдняго государства. Къ этому же стремится теперь и Исландія, желающая освободиться отъ опеки Даніи и образовать самостоятельное государство.

Въ началѣ этого столѣтія Исландія управлялась такъ же, какъ и всѣ прочія датскія провинціи, но въ 1843 году въ Исландіи началось движеніе, которое заставило датскаго короля дѣлать ей нѣкоторую уступку и согласиться на учрежденіе въ Исландіи народнаго собранія «Альтинга», въ юспомянаніе о такомъ же собраніи, существовавшемъ во времена исландской республики. Однако, этимъ дѣломъ не ограничилось; движеніе 1848 года отразилось даже въ Исландіи и

исландцы стали требовать введенія реформъ. Тутъ на сцену выступаетъ патриотъ Янъ Сигурдсонъ, портретъ котораго украшаетъ и понынѣ залу Альтинга въ Рейкьявикѣ, главномъ городѣ Исландіи.

Въ теченіе цѣлыхъ двадцати трехъ лѣтъ Сигурдсонъ добивался конституціи для своего острова. Стоя во главѣ цѣлой партіи, онъ настаивалъ на томъ, чтобы Исландіи была дана отдѣльная конституція. Король далъ обѣщаніе, но долго оттягивалъ, и чтобы успокоить исландцевъ, давалъ имъ разныя льготы, свободу торговли и финансовую автономію; но это не удовлетворяло исландцевъ. Наконецъ, въ 1874 году желаніе ихъ было исполнено, и, въ день празднованія тысячелѣтія со времени основанія исландскаго государства скандинавскими выходцами, датскій король даровалъ долгожданную конституцію своимъ арктическимъ подданнымъ, собравшимся для этого въ исторической долинкѣ Тингвалла. Въ этой долинкѣ, въ теченіе девяти вѣковъ, съ 928 по 1800 г., Альтингъ— собраніе делегатовъ исландскаго народа, совѣщался о дѣлахъ страны, объявлялъ законы и творилъ судъ. Эта равнина представляетъ «fogum» Исландіи и полна историческихъ воспоминаній. На ней возвышается холмъ «Lögborg»—гора правосудія, гдѣ засѣдали судьи. Рядомъ съ этой горой, въ лавѣ существуетъ глубокая расщелина, куда сбрасывали осужденныхъ на смерть тотчасъ же по произнесеніи приговора. Нѣсколько далѣе находится песчаная площадка, служившая опредѣленнымъ мѣстомъ для дуэлей на ножахъ. За мѣчательно, что вся эта равнина сохранила свой первобытный видъ, несмотря на то, что почва Исландіи имѣетъ вулканической характеръ и въ ней часто совершаются превращенія. Вотъ на этой-то равнинѣ собрались 1-го августа 1874 года жители Исландіи со всѣхъ концовъ, и съ вершины

«Lögsberg», какъ въ древнія времена, имъ были объявлены основные законы. Это былъ моментъ всеобщаго ликования, и бѣднымъ исландцамъ казалось, что снова воскресло ихъ славное прошлое. Положеніе Исландіи по отношенію къ Даніи стало такое же, какъ и положеніе Норвегіи по отношенію къ Швеціи.

Однако, исландцы, также какъ и норвежцы, не довольствуются почти полной автономіей и стремятся къ окончательной независимости. Возрожденіе древней исландской республики также составляетъ идеаль всѣхъ мечтателій исландцевъ. Они недовольны, что въ нѣкоторомъ отношеніи все-таки находятся въ зависимости отъ Даніи, что въ Даніи игнорируютъ исландскую литературу, что въ Исландіи нѣтъ университета и исландская молодежь должна ѣхать въ Данію для полученія высшаго образованія. Почти каждый крестьянинъ въ Исландіи непремѣнно стремится къ полученію ученой степени, хотя весьма рѣдко извлекаетъ какую-нибудь практическую пользу изъ своего диплома. Заручившись дипломомъ и вернувшись домой, онъ снова принимается за полевые ра-

боты, берется за заступъ, исполняетъ должность кучера, погонщика и т. д. и не гнушаясь никакимъ ремесломъ. Въ Даніи, во время пребыванія въ университетѣ, молодые исландцы держатъ себя гордо и неприступно, замыкаясь въ своей національности. Не сближаясь съ прочими студентами. Они считаютъ уже не малымъ униженіемъ для себя то, что имъ приходится изучать науку на датскомъ языкѣ, «испорченномъ нарѣчіи древняго благороднаго языка сагъ», и, вернувшись домой, горячо настаиваютъ на учрежденіи въ Рехьявикѣ исландскаго университета, гдѣ исландскій языкъ былъ бы официальнымъ языкомъ.

Такимъ образомъ, къ политическому вопросу, раздѣляющему двѣ родственныя страны, Данію и Исландію присоединяется еще историческая литературная распря. Въ настоящее время исландцы требуютъ абсолютной автономіи и личной уніи съ Даніею въ глубинѣ души у нихъ все-таки живетъ надежда на болѣе или менѣе близкое осуществленіе своего идеала-возрожденія республики исландскія сагъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues». — «Revue de Paris». — «Revue Scientifique».

Въ октябрьской книжкѣ «Revue des Revues» начинается рядъ статей о женщинахъ, написанныхъ женщинами. Журналъ имѣетъ въ виду дать своимъ читателямъ изображеніе женскихъ типовъ различныхъ странъ и для этой цѣли обратился къ различнымъ писательницамъ съ просьбою написать о женщинѣ своей страны. Первая статья, которою начинается эта галерея женскихъ типовъ, посвящается румынской женщинѣ и принадлежитъ перу румынской королевы Елизаветы, известной въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Карменъ Сильва».

По мнѣнію Карменъ Сильва, румынская женщина интереснѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ женщинъ, такъ какъ въ ней соединяются черты очень многихъ расъ, смѣсью которыхъ является румынскій народъ. Да и римляне, готы, кельты, славяне, греки и др. народы послѣдовательно поселяли румынскія равнины, оставивъ свой отпечатокъ, и поэтому въ румынской женщинѣ мы можемъ най-ти черты римской матроны, одновременно съ чертами славянки, гречанки, татарки, суевѣрной, но поэтической женщины кельтовъ и европейской пари-

цыганки, красивой какъ статуя или ужасной какъ колдунья, но все же живописной даже въ лохмотьяхъ.

Красота румынской женщины давно уже пользуется извѣстностью, но другія ея качества, энергія, мужество, преданность недостаточно хорошо извѣстны Европѣ, мало знакомой съ исторіею Румыніи. Между тѣмъ, только изучивъ эту исторію, можно получить вѣрное понятіе о румынской женщинѣ, которой Румынія обязана своимъ существованіемъ. Румынскія женщины были всегда хранительницами языка, религіи и преданій страны. Масса легендъ и старинныхъ балладъ, собранныхъ румынскимъ поэтомъ Александри, воспѣваютъ мужество и преданность румынской женщины.

Можно было бы наполнить цѣлую большую книгу, говорить далѣе Карменъ Сильва, описывая нравы, привычки и жизнь румынской крестьянки, этого терпѣливаго существа, работающаго въ полѣ лѣтомъ и за палками зимой. Она прядетъ, ткеть, шьетъ и вышиваетъ чудные наряды, восхищающіе взоры гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Она улыбается рѣдко и красота ея быстро увядаетъ отъ тяжелой работы и отъ слишкомъ большого числа дѣтей. Ея обращеніе, всегда очень степенное, внушаетъ уваженіе и только въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то у богатыхъ крестьянокъ, дающихъ и эксплуатирующихъ бѣдныхъ, оно переходитъ въ грубость. Между бѣдными же взаимопомощь развита трогательнымъ образомъ и, напримѣръ, если въ семьѣ много дѣтей и это въ тягость бѣдной матери, то женщины, не имѣющія дѣтей, берутъ часть ихъ къ себѣ, и такія усыновленные дѣти называются «дѣтьми души».

Румынская женщина способна на всякія самопожертвованія и считаетъ ихъ вполне естественными. Карменъ Сильва заимствуетъ изъ румынской исторіи цѣлый рядъ рассказовъ о

героическихъ дѣяніяхъ румынскихъ женщинъ. Въ настоящее время миновала уже героическій періодъ исторіи и румынскимъ женщинамъ нѣтъ надобности совершать геройскіе подвиги съ мечомъ въ рукахъ, защищая свою страну, свою семью или своихъ дѣтей. Но свою способность къ самоотверженію они перенесли въ другую область, болѣе приличествующую женщинамъ, нежели кровавые воинственные подвиги. Во время войны 1877 года онѣ поражали иностранныхъ врачей своимъ геройствомъ, мужествомъ и самоотверженнымъ уходомъ за ранеными. Теперь среди румынскихъ женщинъ обнаруживается еще новое стремленіе — стремленіе къ ученію. Онѣ уже не выходятъ болѣе замужъ въ двѣнадцать лѣтъ, какъ прежде, и поэтому посвящаютъ ученію свои молодые годы, поступая въ университеты и добываясь ученыхъ степеней. Сдѣлавшись матерью, румынская женщина будетъ себѣ отказывать во всемъ, чтобы только дать воспитаніе своимъ дѣтямъ. Десятилѣтнія дѣвочки въ румынской семьѣ уже раздѣляютъ заботы своихъ родителей и знаютъ, что жизненный путь далеко не усыпанъ розами. И въ румынскихъ матеряхъ, хранительницахъ лучшихъ сокровищъ націи, Карменъ Сильва видитъ залогъ великаго будущаго румынскаго народа.

Въ своихъ журнальныхъ очеркахъ и сценахъ, напечатанныхъ въ «Revue de Paris» извѣстный французскій журналистъ Морисъ Тальмейръ изображаетъ, между прочимъ, Луи Блана, въ качествѣ редактора газеты. Около 1877 года Луи Бланъ рѣшилъ основать газету «L'Homme Libre», сдѣлавшуюся для него источникомъ всевозможныхъ нравственныхъ мученій. Человѣкъ самой идеальной честности и доброты, Луи Бланъ никакъ не могъ понять необходимости компромиссовъ, требуемыхъ современною жизнью. Его

идеальный взгляд на служеніе печати обществу рѣшительно не вязался съ современнымъ взглядомъ на газету, какъ на выгодное предприятие, приносящее доходы; поэтому, пытки для него начались съ самаго момента выхода его газеты и открытія бюро редакціи. Онъ не зналъ, какъ ему отдѣлаться отъ массы людей, предлагавшихъ ему съ разныхъ сторонъ свои услуги въ качествѣ редакторовъ отдѣловъ, фельетонистовъ, поэтовъ, биржевиковъ и финансистовъ и т. д. «Друзья мои,—сказалъ онъ кротко своимъ сотрудникамъ.—Вѣдь мы же друзья народа, демократы, въ нашей газетѣ не должно быть финансоваго бюллетеня». — «Что вы!—воскликнули все его сотрудники въ одинъ голосъ.— Вѣдь финансовый бюллетень составляетъ доходную статью для газеты». — Но этого бѣдный Луи Бланъ никакъ не могъ понять! — «Какъ это... доходы!—говорилъ онъ въ смущеніи.— Вѣдь не для того же мы основали газеты, чтобы... Доходная статья!.. Нѣтъ, это слишкомъ!»

Такимъ же источникомъ мученія служили для него и объявленія. «Эти объявленія, мой другъ,—спрашивалъ онъ своего администратора,—отвѣчаете вы мнѣ за ихъ нравственность?» Онъ былъ противъ объявленій, но администраторъ возразилъ ему, что безъ объявленій газета существовать не можетъ и се пришлось бы продавать такъ дорого, что ни одинъ рабочій не въ состояніи будетъ покупать ее. Это было аргументомъ, противъ котораго Луи Бланъ не могъ ничего возразить, такъ какъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ: или отказаться отъ газеты, или согласиться на объявленія. Луи Бланъ согласился, но каждый вечеръ, просматривая четвертую страницу, онъ морщился и душу его опять начинали терзать сомнѣнія. «Милый другъ,—говорилъ онъ секретарю редакціи, какъ всегда тщательно подыскивая выраженія,—я вижу

тутъ объявленія и адреса банковъ, ссудныхъ кассъ, фармацевтическихъ препаратовъ... Я не хочу сомнѣваться въ добропорядочности всѣхъ этихъ торговыхъ фирмъ, но... скажите... вамъ онѣ хорошо извѣстны?.. Можемъ мы ихъ смѣло рекомендовать?..» На замѣчаніе секретаря, что этой страницей нельзя касаться, такъ какъ она за-контрактована, Луи Бланъ восклицалъ съ отчаяніемъ: «Ахъ, я это прекрасно знаю!.. Я не думаю посягать на владѣніе другого... Но вѣдь надо же соблюдать извѣстныя границы, а то мы можемъ дойти до того, что наша газета будетъ рекомендовать все въ уже двусмысленныхъ личностей... Вотъ, напримѣръ, объявленіе о сомнамбулѣ. Что это за особа? Неужели же, спрашиваю васъ, мы должны быть посредниками всѣхъ этихъ лицъ, матримоніальныхъ агентствъ и проч.! Вѣдь это выходитъ, что я покровительствую такимъ вещамъ...»

Луи Бланъ чувствовалъ себя скопрометированнымъ. Онъ былъ созданъ для того, чтобы засѣдать въ академіи, а между тѣмъ попалъ въ лавочку, и это заставляло его глубоко страдать. Точно также онъ не выносилъ рѣзкихъ, сильныхъ словечекъ, которыми любили уснащать свою хронику его сотрудники. Онъ съ кротостью выговаривалъ своимъ сотрудникамъ ихъ индифферентизмъ. «Измирили ли вы весь ужасъ того, что вы рассказываете?—говорилъ онъ тономъ грустнаго огорченія кому-нибудь изъ своихъ молодыхъ сотрудниковъ.—И вы даже не протестуете! Вы только описываете!.. Подумали ли вы о человѣчествѣ, мое дитя?..»

Все въ редакціи огорчало и оскорбляло лучшія чувства Луи Блана. Газета его не шла; въ администраціи царствовалъ ужасный беспорядокъ. Въ концѣ концовъ Луи Бланъ не выдержалъ и въ одинъ прекрасный день не явился въ редакцію, газета «Homme libre» перестала суще-

говать, и, вѣроятно, Луи Бланъ по-
дѣлствовалъ не малое облегченіе, когда
дѣлался отъ этой обузы и могъ,
наконецъ, вздохнуть свободно, игно-
рируя четвертыя страницы газетъ,
свѣдѣнія о фармацевтическихъ сред-
ствахъ, банкахъ, агентствахъ и т. п.
не зная болѣе ни финансовыхъ
газетеней, ни статей сотрудниковъ,
понимавшихъ его возвышенной
шп.

Китай и Японія не перестаютъ
интересовать европейскую печать, и
въ послѣднее время появилась такая
масса статей и книгъ объ этихъ стра-
нахъ, что образованный европеецъ
имѣетъ теперь возможность ознако-
миться съ ними даже лучше, чѣмъ
въ многорыми укронными закоул-
ками своего собственнаго отечества.
Однако о Японіи, какъ болѣе до-
ступной для европейцевъ странѣ, все-
гда написано больше, нежели о Ки-
тѣ, который во многихъ отношеніяхъ
стается еще terra incognita для евро-
пейца. Японскіе города описываются
въ большинствѣ авторовъ довольно при-
влекательными красками; нельзя того
сказать о китайскихъ городахъ.
Сказать, напримѣръ, что говорить о Пе-
кинѣ Т. Чайлдъ, въ своей конферен-
ціи въ Лондонскомъ Обществѣ «Society
of Arts», сообщеніе о которой напе-
чатано въ «Revue Scientifique».

Пекинъ лежитъ въ песчаной рав-
нинѣ, окруженной горами, и климатъ
его отчасти напоминаетъ климатъ
Нью-Йорка. Зима въ Пекинѣ обыкно-
венно бываетъ сухая и ясная, безъ
дождей и тумановъ, и лишь въ очень
редкихъ случаяхъ температура по-
нижается нѣсколько ниже нуля.
Августация прекращается на три мѣ-
сяца, такъ какъ замерзаетъ не
только рѣка, но и море до гаван-
сифу. Самые жаркіе мѣсяцы это—май,
июнь и июль. Въ это время выпадаетъ
очень много дождей, сезонъ ко-
торыхъ продолжается до половины ок-

тября, а съ этого времени до слѣ-
дующаго іюня не выпадаетъ ни дож-
дей, ни снѣга. Зимой свирѣпствуютъ
часто ледные вѣтры и почва про-
мерзаетъ почти на метръ глубины.
Городъ раздѣляется на двѣ части: на
татарскій и на китайскій городъ; оба
окружены стѣнами. Татарскій городъ
имѣетъ девять воротъ и внутри его
находится императорскій городъ, тоже
окруженный стѣной, въ которомъ, въ
свою очередь, заключается священ-
ный городъ, гдѣ находятся дворцы и
куда ни одинъ изъ иностранцевъ не
можетъ проникнуть.

Зелени въ Пекинѣ много, почти
все дома скрываются за деревьями.
Главные улицы очень широки и ка-
жутся еще шире отъ низенькихъ
одноэтажныхъ домиковъ. Онѣ идутъ по
прямой линіи и соединяются узкими
переулками, грязь которыхъ не под-
дается описанію. Впрочемъ, грязь въ
Пекинѣ вообще очень велика; въ се-
зонъ дождей люди тонутъ на улицахъ,
и поэтому полицейскіе агенты ста-
вятъ теперь вѣхи для указанія пути
пѣшеходамъ и экипажамъ, когда на-
чинается дождливое время. Хотя въ
Пекинѣ существуетъ даже система
сточныхъ каналовъ, но она такъ пло-
хо устроена, что остается безъ вся-
каго употребленія, и все нечистоты
выливаются прямо на улицу.

Самое замѣчательное зданіе въ Пеки-
нѣ—это, безспорно, обсерваторія, стар-
ѣйшая на свѣтѣ, основанная въ 1275
году. Теперь она пришла въ силь-
ный упадокъ и въ ней нѣтъ инстру-
ментовъ моложе полутора ста лѣтъ, и
все столы покрыты чуть ли не вѣ-
ковымъ слоемъ пыли. Затѣмъ идетъ
экзаменаціонный дворецъ, состоящій
изъ 15.000 маленькихъ клѣтушекъ, не
болѣе одного метра въ ширину и полу-
метра въ длину. Въ этихъ клѣтуш-
кахъ стоятъ только скамья и столъ.
Кандидатовъ запираютъ въ эти клѣ-
тушки на одинъ день и двѣ noci, и
они не смѣютъ отлучиться изъ нихъ

ни подь какимъ предлогомъ. Книгъ имъ не позволяется имѣть съ собою. Имъ задается письменная тема и вручается тетрадь, на которой написано имя кандидата. Въ этой тетради онъ пишетъ свое сочиненіе на заданную тему. Экзаменующихся бываетъ всегда много и часто можно видѣть внука и дѣда, добивающихся одного и того же диплома. Пекинская газета рассказываетъ, что во время одного только экзаменаціоннаго періода было 35 кандидатовъ, перешедшихъ 80-лѣтній возрастъ, и 18, достигшихъ 90 лѣтъ

и болѣе. Однако счастливецъ, удостоившихся ученой степени, бываетъ немного, и изъ 15.000 кандидатовъ, напримѣръ, иногда не болѣе 200 получаютъ желанный дипломъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ выводить благоприятнаго заключенія о степени интеллектуальной культуры страны. Эта культура также устарѣла, какъ устарѣли инструменты обсерваторіи, и ни одна свѣжая струя воздуха не проникаетъ въ нее, чтобы смести въ-ковую пыль, густымъ слоемъ покрывающую китайскіе умы.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Отъ Отдѣла для содѣйствія самообразованію при Комитетѣ Педагогическаго Музея.

Въ «Критическихъ замѣткахъ» г. А. Б., помѣщенныхъ въ «Мірѣ Вожіемъ» за іюль этого года, былъ сдѣланъ небольшой разборъ программъ чтенія для самообразованія, составленныхъ вышеозначеннымъ Отдѣломъ и напечатанныхъ въ VIII т. «Историческаго Обозрѣнія». Не вступая въ полемику съ авторемъ «Замѣтокъ», составители программъ считаютъ нужнымъ указать на фактическія невѣрности, встрѣчающіяся въ этихъ «Замѣткахъ».

1. Комиссія, составившая программы, существуетъ не при Историческомъ Обществѣ, какъ сказано въ статьѣ (стр. 224), а при Комитетѣ Педагогическаго Музея, что и отмѣчено было въ самыхъ программахъ.

2) Сравнивая разбираемую программу энциклопедическаго чтенія съ московскими программами домашняго чтенія, авторъ говоритъ, что въ первой естествознаніе находится въ полномъ пренебреженіи сравнительно со вторыми (стр. 225). Дѣло, однако, въ томъ, что всѣхъ книгъ и статей по естественнымъ наукамъ въ разбираемой г. А. Б. программѣ названо около 85 изъ 250, въ московскихъ же программахъ — 35 изъ 109, т.-е. въ обоихъ случаяхъ одинаково около трети.

3. Г-нъ А. Б. приписываетъ составленіе списка книгъ по физиологіи гг. Антоновичу и Рубакину (стр. 222), хотя въ программахъ прямо въ данномъ случаѣ названъ проф. Павловъ, причемъ по представленію рецензента въ программѣ названы только изданія 60-хъ годовъ и одно 70-го года, тогда какъ на самомъ дѣлѣ названы и сочиненія девяностыхъ годовъ, и одно изъ нихъ даже особенно рекомендуется по своей современности.

4. По словамъ рецензента, историческія программы «начинаются и кончаются трудами» гг. Карѣева и Семевского (стр. 294). Въ дѣйствительности, изъ трехъ съ половиною десятковъ сочиненій по всеобщей исторіи, названныхъ въ программѣ, указаны всего четыре общихъ труда Н. И. Карѣева, въ томъ числѣ общій курсъ всей новой западно-европейской исторіи съ XIV в. до 1830 г. Въ энциклопедической программѣ по русской исторіи всѣхъ авторовъ, сочиненія коихъ указываются, около двадцати, и изъ сочиненій В. И. Семевского названы лишь введеніе въ его трудъ по исторіи крестьянъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв. и небольшой литографированный курсъ по исторіи крестьянскаго вопроса. Невѣрно и утвержденіе (стр. 223), будто по исторіи крестьянъ въ XVIII в. названы только сочиненія г. Семевского: кромѣ его монографіи, указаны еще: *Побѣдоносцева*, «Историческія изслѣдованія»; *Лазаревского*, «Малороссійскіе посполитые крестьяне»; *Луцкичаго*, «Займанщина и формы землевладѣнія въ Малороссіи» и *Макотина*, «Прикрѣпленіе крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи».

5. По представленію дѣла г. А. Б. у читателя можетъ составить такое впечатлѣніе, будто въ программахъ по политической экономіи то же самое случилось съ трудами гг. Карышева и Яроцкого (стр. 223—224). Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что въ одной (энциклопедической) программѣ названо девять сочиненій, изъ коихъ лишь одно принадлежитъ г. Карышеву, и притомъ это—весьма популярное изложеніе основъ науки, а во второй (спеціальной) программѣ изъ цѣлой сотни сочиненій лишь шесть принадлежатъ г. Карышеву, и два—г. Яроцкому.

Разборъ другихъ заявленій рецензента Отдѣлъ сдѣлаетъ въ издаваемомъ имъ Сборникѣ.

II.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Въ іюльской книжкѣ Вашего журнала помѣщена статья г. А. Б., который, разбирая составленную петербургскимъ «Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію» программу самообразовательнаго чтенія, упрекаетъ авторовъ ея въ томъ, что они рекомендуютъ публикѣ свои собственные труды. Между прочимъ, г. А. Б. въ весьма игривой формѣ обвиняетъ и меня въ томъ, что я въ спеціальной программѣ по русской исторіи дважды, подъ двумя разными вопросами, указалъ свою статью «Прикрѣпленіе крестьянства лѣво-

бережной Малороссіи въ XVIII в.» *), видя въ этомъ какъ бы самохвальство съ моей стороны. Въ виду серьезности предпріятія, о которомъ идетъ рѣчь, и тяжести взведеннаго на меня обвиненія, я считаю необходимымъ сказать въ свою защиту нѣсколько словъ и надѣюсь, что Вы не откажете дать имъ мѣсто на страницахъ Вашего журнала, въ которомъ появилось и самое это обвиненіе.

Прежде всего моя статья указана не мною, а составлявшей специальную программу по русской исторіи комиссіей изъ трехъ лицъ, въ число которыхъ входилъ, правда, и я, но не для того, чтобы указывать свои труды. Во-вторыхъ, — и это важнѣе, — г. А. Б. не потрудился, повидимому, сколько-нибудь внимательно просмотрѣть разбираемую имъ программу. Иначе онъ не могъ бы не замѣтить, что двойное указаніе одного и того же труда, въ которомъ онъ меня обвиняетъ, составляетъ въ данной программѣ не исключеніе, а общую ея особенность. Въ самомъ дѣлѣ, лекціи проф. Ключевскаго указаны въ ней 3 раза, подъ тремя различными вопросами, книга г. Пыпина «Общественное движеніе при Александрѣ I» — 3 раза, книга г. Романовича-Славяинскаго «Дворянство въ Россіи» — 2 раза, «Лекціи и изслѣдованія» проф. Сергѣевича — 3 раза и т. д. Разъ замѣтивъ эту особенность программы, не трудно ужъ, кажется, было найти ей объясненіе. Специальная программа по русской исторіи составлена была въ томъ предположеніи, что лица, занимающіяся по ней, могутъ заинтересоваться тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ вопросомъ изъ области данной науки. Такіе вопросы и намѣчены въ программѣ и подъ каждымъ изъ нихъ сгруппирована относящаяся къ нему и наиболѣе, по взгляду составителей, важная и доступная литература. Поэтому-то начало моей статьи, въ которомъ идетъ рѣчь о внутренней исторіи Малороссіи въ XVII столѣтіи, указано подъ вопросомъ «Малороссія въ XVII в.», а указаніе на всю статью повторено подъ рубрикой «Малороссія въ XVIII в.». Поэтому же и указанія на труды другихъ авторовъ повторяются нѣсколько разъ, при различныхъ вопросахъ. Замѣтить все это, кажется, было не трудно, даже при бѣгломъ просмотрѣ программы, но г. А. Б. не замѣтилъ. Я не хочу думать противнаго, такъ какъ это значило бы обвинить самого г. рецензента въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своимъ читателямъ. Предоставляя читателямъ судить, справедливо ли взведенное на меня обвиненіе, я не могу въ заклю-

*) Г. рецензентъ зачѣмъ-то прибавилъ къ этому заглавію слова: «къ Россіи», лишившія его всякаго смысла. Въ моей статьѣ говорится о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, а не къ Россіи.

ченіе не сказать, что серьезное по своей цѣли предпріятіе заслуживало и серьезнаго къ нему отношенія, а не одного безцеремоннаго глумленія.

Готовый къ услугамъ Вашимъ
В. Мякотинъ.

III.

М. Г.,

Г. Редакторъ!

Полученныя Вами возраженія на «Замѣтки» мои въ іюльской книжкѣ обязываютъ меня сказать нѣсколько словъ, главнымъ образомъ, по поводу фактическихъ поправокъ, присланныхъ «Отдѣломъ». Я надѣюсь, что, въ интересахъ выясненія дѣла, Вы не откажетесь помѣстить и мои къ нимъ замѣчанія.

На пунктѣ первомъ не буду останавливаться, думая, что и почтенная Коммиссія, составившая программы, не придаетъ ему особаго значенія. Охотно признаю свою ошибку, которая не умила достоинства программъ и не увеличила ихъ недостатковъ.

Пунктъ второй возбуждаетъ во мнѣ большое недоумѣніе. Мнѣ кажется прежде всего, что статистическій *) методъ въ данномъ случаѣ едва ли доказателенъ, такъ какъ любая программа для чтенія оцѣнивается никакъ не количествомъ входящихъ въ нее книгъ. Неужели это положеніе еще нужно доказывать? Я полагаю, что весь вопросъ въ разработкѣ данной науки въ программѣ. А какъ отнеслись къ этому нѣкоторые составители программъ, я указалъ на примѣрѣ программъ по геологіи и фізіологіи, какъ болѣе характерныхъ. Сравнивать программы Коммиссіи и московской Коммиссіи помощи домашнему чтенію—я даже и не думалъ, потому что онѣ и не сравнимы**), и отмѣтилъ только рѣзко бросающуюся въ глаза неполноту программъ по естествознанію сравнительно съ программами по другимъ отраслямъ знанія, — чего въ программахъ московской Коммиссіи нѣтъ.

*) Между прочимъ, разъ статистика, то она должна быть точна. Не 85 «книгъ и статей» указано въ программахъ по естествознанію, а 63 (нѣкоторыя книги, кромѣ того, повторяются), что нѣсколько мѣняетъ выведенное Коммиссіей отношеніе. Но, повторяю, дѣло не въ количествѣ.

**) Дѣло въ томъ, что въ программахъ Московской Коммиссіи дана программа чтенія на первый годъ, какъ вступленіе къ двумъ отдѣламъ естествознанія: 1) науки о природѣ неорганизованной (фізико-химическія), 20 сочиненій; 2) науки о природѣ организованной (біологическія), 15 сочиненій. Не затронуты, такимъ образомъ, астрономія, геологія фізіологія, и проч.

Коммиссія ошибается, заявляя, что программу по физиологіи я приписываю исключительно гг. Антоновичу и Рубакину: на стр. 220 «Замѣтокъ» я «прямо» называю проф. Павлова. Что мое представленіе объ историческомъ характерѣ этой программы небезосновательно, доказывается тѣмъ, что изъ 7-ми приведенныхъ въ ней сочиненій, только *два* новыхъ, а остальные *пять*, при всемъ уваженіи къ автору программы, я и теперь осмѣливаюсь считать имѣющими историческое значеніе, въ особенности «Физиологію» Льюиса и «Физиологическія письма» Фохта, упоминаемыя и въ «Замѣткахъ».

Лучшимъ отвѣтомъ на пунктъ четвертый, мнѣ кажется, могутъ служить тѣ программы, въ составленіи которыхъ главное участіе принималъ *самъ* г. Н. Карѣвъ. Вотъ одна изъ нихъ:

По социологіи. Разбивъ программу на 7 вопросовъ, авторъ, г. Н. Карѣвъ, приводитъ по каждому слѣдующія сочиненія: 1) Соціологія, какъ наука, изучающая законы, коими управляются общественныя явленія: *Г. Льюисъ* и *Д. С. Милль*. Огюсть Контъ и положительная философія (вторая часть Льюиса). *Д. С. Милль*. Система логики (т. II, кн. 6, логика нравственныхъ наукъ). *Г. Стенсеръ*. Объ изученіи социологіи. *Н. Карѣвъ*. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 1). *Эспинасъ*. Соціальная жизнь животныхъ (вступленіе).—2) Научный и этический элементъ социологіи: *Н. Карѣвъ*. Историко-философскіе и социологическіе этюды (статьи «О субъективизмѣ въ социологіи» и «философія, исторія и теорія прогресса»), или *Н. Карѣвъ*. Основные вопросы философіи исторіи, т. I, кн. II, гл. 1, 4 и 5.—3) Отношеніе социологіи къ биологіи и психологіи (дарвинизмъ въ социологіи, органическая теорія общества, коллективная психологія): *Н. Михайловскій*. Дарвинизмъ въ социологіи и Общество, недѣлимое и организмъ («Сочиненія»). *С. Южаковъ*. Соціологическіе этюды. *Н. Карѣвъ*. Общество и организмъ (въ Ист.-фил. и соц. этюдахъ). *Н. Карѣвъ*. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 3). *Г. Стенсеръ*. Основы социологіи.—4) Отношеніе социологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ (въ частности вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ): *Льюисъ* и *Милль*. Огюсть Контъ (мѣсто о классификаціи наукъ). *Н. Карѣвъ*. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 2). *Н. Карѣвъ*. Экономическій матеріализмъ въ исторіи (въ Ист.-фил. и соц. этюдахъ)—5) Зависимость исторіи отъ природы, условій: *Бокль*. Исторія цивилизаціи въ Англіи (ч. I, гл. 2). *Н. Карѣвъ*. Основные вопросы (т. II, кн. III, гл. 4).—6) Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи: *Н. Карѣвъ*. Основные вопросы, т. II, кн. IV, гл. 1. *Н. Михайловскій*. Герои и толпа («Сочиненія»). *Н. Карѣвъ*. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. *П. Николаевъ*. Активный прогрессъ.—7) Что такое прогрессъ: *Н. Карѣвъ*. Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи (въ Ист.-фил. и соц. этюдахъ). *Н. Михайловскій*. Что такое прогрессъ? (въ «Сочиненіяхъ», ср. статью «Формула прогресса г-на Михайловскаго» въ «От. Зап.» за 1870 г.). *Н. Карѣвъ*. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. IV, гл. II и III). (Стр. 30—31 «Энциклоп. программы»).

По всеобщей исторіи программа составлена совершенно такъ же: разбивъ ее на 14 вопросовъ, авторъ каждый вопросъ, кромѣ

1, 4 и 5, начинаегь указаніемъ на сочиненія г. Н. Карѣва, въ видѣ добавленія къ которымъ приводятся и другіе соотвѣтственные авторы(стр. 34—35).

Коммиссія, дѣйствительно права, замѣчая, что «указаны всего четыре общихъ труда г. Н. Карѣва»,—но *какъ* указаны, это я и отмѣтилъ въ «Замѣткахъ».

Что касается г. Семевского, то въ «Замѣткахъ» приведено лишь то, что напечатано въ программахъ на стр. 45, § 16 съ примѣчаніемъ.

Говоря о программѣ по политической экономіи, я отнюдь не утверждалъ, что, кромѣ трудовъ гг. Карышева и Яроцкаго, тамъ нѣтъ ничего другого. То же, что я тамъ говорю, излишне повторять здѣсь, такъ какъ интересующіеся могутъ найти это на стр. 32—33 энциклопедической программы, а также на стр. 53—54 тамъ же,

Относительно возраженія г. Мякотина распространяться не стану, такъ какъ оно достаточно ясно само по себѣ. Позволю себѣ лишь замѣтить, что будь я г—номъ Мякотинымъ, то, можетъ быть, я тоже находилъ бы вполне умѣстнымъ двойное (и даже тройное: см. стр. 45, 46 и 53 прогр.) указаніе своихъ трудовъ на ряду съ такимъ же указаніемъ трудовъ гг. Ключевского, Пыпина, Романовича-Славатинскаго или проф. Сергѣевича. Допускаю даже, что я ничего не имѣлъ бы противъ указанія и такихъ своихъ трудовъ, которые «къ сожалѣнію въ продажѣ не находятся и, слѣдовательно, могутъ быть доступны развѣ посѣтителямъ публичныхъ библиотекъ Петербурга и Москвы» (см. программы, стр. 43). Охотно допуская это, я, тѣмъ не менѣе, могу только остаться на этотъ счетъ при особомъ мнѣніи, высказанномъ въ «Замѣткахъ» іюльской книжки, хотя бы оно и казалось моему почтенному оппоненту «безцеремоннымъ глумленіемъ».

Примите увѣреніе и проч.

А. Б.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Томъ IV-й.

№ 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Д Е К А Б Р Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою 27 ноября 1895 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.	СТР.
1. ГРѢХИ. (Наброски и силуэты). (Окончаніе). И. Потапенко	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ. Н. Бальмонта	23
3. КОСМОПОЛИТИЗМЪ И НАЦИОНАЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ. Статья Брюнетъера. Переводъ съ французскаго Т. Криль	25
4. НЕБЛАГОДАРНЫЙ. Соч. Уида. Пер. съ англ. М. Коршъ. (Окончаніе)	41
5. ИЗЪ ГЕРМАНИИ. (Письмо изъ Берлина). М. С—ва	71
6. КРАСНАЯ ШАПОЧКА. Разсказъ. Д. Мамина-Сибиряка	76
7. ЗНАЧЕНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ФАКТОРА ВЪ ИСТОРИИ. М. Туганъ-Барановскаго	101
8. НАУЛАКА. Романъ Рюдіарда Кипплинга и Уолькотта Балестріера. (Окончаніе)	119
9. БОГО ЛИШИЛИСЬ МЫ ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ? Виктора Острогорскаго	152
10. НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА У НОВѢЙШИХЪ ИСТОРИКОВЪ. Ив. Иванова	158
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА. О. Чюмина	193
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Окончаніе I-й части). Проф. П. Н. Милюкова	194
13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Хлѣбъ», романъ г. Мамина, какъ иллюстрація хищнической стадіи капитализма. — Новые типы: «интеллигентная черничка» и человѣкъ будущаго. — «Душевные свойства женщины», г. Каптерева. — Двусмысленный характеръ и запоздалость его выводовъ. — Проповѣдникъ для современной молодежи: г. Карѣвъ и его произведенія для молодежи. — Общій характеръ этихъ произведеній. — Литературная фізіономія г. Карѣва. — Тридцатилѣтіе «Вѣстника Европы» А. Б.	231
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Земледѣльческія артели въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. — Пытки въ Рѣжницкомъ уѣздѣ. — Общественная благотворительность въ деревнѣ. — Бабье царство. — Бурашевская колонія для душевно-больныхъ. — Прокаженные въ Прибалтійскомъ краѣ. — Якуты Верхоянскаго округа. — Самоожигатели XVII вѣка.	250
15. За границей. Столѣтіе Французскаго института. — Музей на открытомъ воздухѣ. — Ученыя женщины въ Германіи. — Периодическая печать въ Японіи. — Успѣхи современной хирургіи. — Томасъ Карлейль. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Revues». — «North American Review».	262
16. ОТЧЕТЪ секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 10-го апрѣля по 2-е октября 1895 г.	280
17. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова	127
18. 2) СЕНТЬ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго А. М.	149
19. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позенъ, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	289
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика. — Критика. — Философія и этика. — Соціологія. — Исторія всеобщая. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Этнографія и путешествія. — Указатель книгъ, разобранныхъ въ бібліографическомъ отдѣлѣ (іюнь—декабрь). — Обзоръ иностранныхъ литературъ. — Новыя книги, поступившія въ редакцію	1
21. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 1895 Г. ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ»	57
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ГРѢХИ.

(Наброски и силуэты)

И. Потапенко.

(Окончаніе *).

Ровно въ семь часовъ, на кухнѣ, въ конюшнѣ и во всей усадьбѣ было объявлено, что баринъ просить всѣхъ въ себѣ въ кабинетъ. Такъ именно и было сказано: „просить“, а не „требуешь“, какъ это говорилось обыкновенно.

— Только скажи, чтобъ поторопились, — прибавила Марта Федоровна, дѣлая это распоряженіе, — потому что барину некогда.

Старые слуги знали, зачѣмъ ихъ зовутъ, но тѣ, кто служилъ меньше года, недоумѣвали. Но не было человѣка, который не получилъ бы приглашенія. Явилось сомнѣніе только относительно Мавры, такъ какъ она не жила въ усадьбѣ. Сомнѣніе это пришлось разрѣшить Мартѣ Федоровнѣ, и Мавра была допущена.

У Марты Федоровны было еще одно колебаніе, которое она никому не высказала, а приняла его на свой страхъ. Звать ли Геннадія? Вѣдь, чего добраго еще, выкинеть какую-нибудь неожиданную штуку. А тутъ все должно быть тихо и чинно, ни одинъ рѣзкій звукъ не долженъ нарушить мирнаго настроенія, которое господствовало въ домѣ, и она рѣшила Геннадія не звать.

Въ той самой комнатѣ, куда собирались на общую молитву, набралось душъ двѣнадцать. Тутъ былъ даже дѣдъ Яковъ и его поставили впереди всѣхъ, какъ самую представительную личность. Пришли и мы, явилась и мама. Иппо-

*) См. «Миръ Божій» № 11, ноябрь.

«Миръ Божій», № 12, декабрь.

лить промедлил минутъ пять, какъ бы давая всему установиться. Наконецъ, онъ вошелъ и, обратившись ко всѣмъ, сказалъ:

— Я хочу попросить у васъ прощенія! Если я кого-нибудь обидѣлъ словомъ или дѣломъ, или помышленіемъ, простите!

Въ первую минуту всѣ промолчали, но затѣмъ дѣдъ Яковъ, какъ болѣе опытный въ дѣлахъ покаянія, сказалъ:

— Богъ простить! а за нимъ всѣ гулко повторили:— Богъ простить!

— Простите!—опять сказалъ Ипполитъ.

На этотъ разъ дружнѣе раздалось:

— Богъ простить!

— Простите!—промолвилъ онъ въ третій разъ и опять всѣ хоромъ отвѣтили ему:—Богъ простить!

Это такъ полагалось, непременно до трехъ разъ. Затѣмъ Ипполитъ поднялъ глаза и, осмотрѣвъ всѣхъ присутствующихъ, спросилъ:

— А что же брата здѣсь нѣтъ?

Въ голосѣ его звучало огорченіе. Марта Федоровна пришла въ сильное замѣшательство. Она думала, что отсутствие Геннадія будетъ пріятно Ипполиту.

— Я не смѣла беспокоить Геннадія Марковича!—объяснила она, очень нетвердымъ голосомъ.—Можетъ быть, попросить его?

— Нѣтъ, не надо,—отвѣтилъ Ипполитъ.—Нѣтъ, ужъ я самъ...

Всѣ начали расходиться. Ипполитъ вышелъ съ мамой въ гостиную и мягкимъ голосомъ говорилъ съ нею о томъ, что на завтра надо заказать большой обѣдъ для нищихъ, которые были уже приглашены. Потомъ онъ вышелъ во дворъ. Для насъ представлялось огромное искушеніе. Когда онъ заявилъ, что самъ пойдетъ къ Геннадію, нами овладѣло дьявольское любопытство. Хотя мы совершенно искренно были настроены благочестиво и рѣшительно не хотѣли грѣшить, но тутъ ужъ не было никакой возможности отказать себѣ въ удовольствіи видѣть и слышать рѣдеющую сцену.

Это было и не трудно. Для этого не надо было принимать никакихъ мѣръ. Во флигелѣ окна были раскрыты настежь, и намъ стоило только пройти двадцать шаговъ и остановиться, прислонившись къ дереву, чтобы стоять противъ оконъ и видѣть и слышать все.

Ипполить направился туда и вошелъ во флигель. Раньше мы видѣли Геннадія, сидящаго на стулѣ въ цвѣтной рубашкѣ, безъ сюртука, съ растегнутымъ воротомъ. Онъ протянулъ ноги, положивъ ихъ на другой стулъ, и, страшно дымя, курилъ толстую папиросу. Въ лицѣ у него было что-то желчное. По временамъ онъ кривился и свирѣпо кусаль мундштукъ. Вообще, видно было, что онъ не въ добромъ настроеніи. Затѣмъ мы видѣли, какъ передъ нимъ появилась вроткая фигура Ипполита.

Геннадій не перемѣнилъ позы, а только поднялъ голову и повернулъ ее въ сторону Ипполита.

— А, пожаловалъ! — воскликнулъ онъ далеко недружелюбнымъ тономъ: — зачѣмъ бы это? Вотъ чудеса!

— Я пришелъ къ тебѣ, братъ, — коротко отвѣтилъ Ипполить, — попросить прощенія. Если я тебя обидѣлъ дѣломъ, словомъ...

Геннадій перебилъ его рѣзкимъ неприятнымъ смѣхомъ:

— Ха-ха-ха! Что же это вы, братецъ, умирать собираетесь, или въ монастырь идете? Раздаете имѣніе нищимъ? А впрочемъ, это не ваше имѣніе... Гм., а вашей супруги!

— Нѣтъ, Геннадій, я говѣю, ты же знаешь! — съ непоколебимой вротостью отвѣтилъ Ипполить: — такъ вотъ, я и прошу тебя, если ты былъ отъ меня чѣмъ-нибудь обиженъ, такъ прости.

— А очень тебѣ нужно, братъ, мое прощеніе, а? — желчно сказалъ Геннадій: — вѣдь эго все такъ, канитель одна. Къ чему? Ты могъ бы обойтись и безъ этого...

— Я вижу, что ты боленъ, Геннадій. Ты бы пошелъ! — спокойно замѣтилъ Ипполить: — у тебя печень, не правда-ли? — участливо прибавилъ онъ.

— Да-съ, печень! — выпалилъ Геннадій. — Вы правы. А лечиться не желаю, потому что никакой чортъ меня не вылечитъ. Вообще я не понимаю: вы дали мнѣ приютъ, разрѣшили мнѣ здѣсь быть, я васъ не беспокою, даже стараюсь не попадаться вамъ на глаза. Чего же вы отъ меня хотите?

— Я прошу у тебя прощенія, братъ!

— Вамъ это необходимо? очень?

— Да, я прошу у тебя прощенія! — повторилъ Ипполить, и намъ повезалось, что его вротость какъ бы начала колебаться.

Геннадій вдругъ сорвался съ мѣста, шумно отодвинулъ стулъ, на которомъ лежали его ноги, сталъ въ преувели-

ченно-торжественную позу, скрестилъ на груди руки и величественно наклонилъ голову.

— Я васъ прощаю!— произнесъ онъ, какъ плохой актеръ въ трагедіи,—вы прощены мною, любезный братъ!

Затѣмъ онъ повернулся и опять сѣлъ.

— Ну, а теперъ оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!— раздражительно прибавилъ онъ.

Ипполитъ нахмурился, глубоко вздохнулъ и вышелъ. Мы видѣли, какъ онъ, идя по тропинкѣ, которая вела отъ флигеля въ дому, кусалъ себѣ губы и ломалъ пальцы, но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ крыльцу, настроеніе его становилось спокойнѣе, онъ овладѣвалъ собой и приходилъ въ то состояніе, которое ему было необходимо для завтрашняго событія. Онъ какъ будто спрашивалъ себя: согрѣшилъ я, или нѣтъ? И на этотъ вопросъ отвѣтилъ: нѣтъ, я шелькъ ему съ чистымъ сердцемъ,—нѣтъ, я не согрѣшилъ...

Мы еще находились въ нашемъ наблюдательномъ пунктѣ, когда минуты черезъ двѣ Ипполитъ опять поспѣшно вышелъ изъ дома. На немъ было длинное весеннее пальто и черная шляпа. Въ рукахъ онъ держалъ толстую палку, очевидно, какъ предосторожность на случай нападенія собакъ. Онъ отправился къ батюшкѣ пѣшкомъ.

Старый батюшка былъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ. Ипполитъ могъ бы пригласить его къ себѣ, тотъ не только не отказался бы, но почелъ бы за честь, но у него всѣ стѣны кабинета были увѣшаны иконами, а Ипполиту для полного покаянія и освобожденія отъ грѣховъ была необходима такая обстановка.

Здѣсь Ипполитъ испытывалъ какое-то особенное, возвышенное, чувство.

Батюшка ждалъ его. Ипполита нѣсколько задержала сцена во флигелѣ. Они заперлись въ кабинетѣ и часа два у нихъ продолжалась бесѣда. Сперва они просто сидѣли въ креслахъ другъ противъ друга и бесѣдовали, какъ знакомые; батюшка, какъ опытный духовникъ, Ипполитъ, какъ покорный духовный сынъ. Это было, такъ сказать, преддверіе исповѣди. Они касались различныхъ предметовъ изъ области душевной. Ипполитъ высказывалъ батюшкѣ свои сомнѣнія и недоумѣнія, батюшка разрѣшалъ ихъ по мѣрѣ своихъ силъ и познаній. Между прочимъ былъ поставленъ вопросъ, такъ мучившій Ипполита: не является-ли онъ отвѣтственнымъ за грѣховную жизнь брата Геннадія? Батюшка зналъ Геннадія

и ему хорошо были извѣстны ихъ отношенія. Онъ успокоилъ Ипполита:—вы исполнили долгъ брата и долгъ христіанина, сказалъ онъ, и не ваша вина, если доброе сѣмя упало на столь скудную почву. И когда уже были разобраны всѣ теоретическіе вопросы изъ области покаянія, они приступили къ исповѣди. Батюшка облачился въ епитрахиль, которая всегда находилась у него въ домѣ для случайныхъ спѣшныхъ требъ, пригласилъ Ипполита къ аналою и исповѣдывалъ его уже такъ, какъ обыкновеннаго прихожанина.

Бесѣда съ батюшкой и исповѣдь совершенно успокоили Ипполита. Они дали душѣ его глубокой мірь. Онъ возвращался домой неспѣшной походкой и явился какой-то тихій, легкой, прозрачный. Голосъ у него былъ слабый, мягкій, исполненный доброты и снисхожденія ко всему на свѣтѣ. Онъ какъ бы боялся, чтобы излишне громкимъ возгласомъ или рѣзкимъ движеніемъ нечаянно не согрѣшить. Онъ несъ свою очищенную отъ грѣховъ душу съ такой осторожностью, какъ будто это былъ сосудъ, наполненный до краевъ драгоценной влагой, изъ которой онъ боялся пролить хотя бы одну каплю. Встрѣтившись съ мамой и съ Мартой Федоровной, онъ сказалъ имъ только самыя необходимыя вещи, и сказалъ кратко, отрывисто, безъ лишнихъ словъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ свою спальню, помолился, легъ въ постель и заснулъ совершеннымъ праведникомъ.

У насъ было искушеніе пойти къ дѣду Родіону. Ипполитъ легъ спать рано, а въ такихъ случаяхъ всегда рвеніе Марты Федоровны ослабѣвало и она переставала строго слѣдить за нашимъ поведеніемъ. Въ сущности, вѣдь за нами слѣдили не потому, чтобы мы дѣлали что-нибудь дурное, потому что мы ничего такого и не дѣлали, а единственно потому, что этого желалъ Ипполитъ. Но мы къ дѣду Родіону не пошли, мы сами почувствовали, что этого нельзя дѣлать. Вѣдь тамъ будетъ великій соблазнъ сварить и поѣсть уха. Дѣдь уже отговѣлся и не откажется поплыть къ котамъ и вытащить оттуда рыбы, у насъ же, не смотря ни на что, не хватитъ характера добровольно отказаться отъ этого блаженства.

Мы рѣшили, что это грѣхъ, и къ дѣду Родіону не пошли. Но, намъ казалось, не будетъ никакого грѣха, если мы заглянемъ къ Ивану Арсентьевичу. Вѣдь онъ сказалъ намъ, что говѣеть, а между тѣмъ въ церкви мы видѣли его только одинъ разъ. Когда онъ говѣеть? Можетъ быть, онъ уже сегодня отговѣлся,—можетъ быть, завтра,—его нигдѣ не видно. Мы отправились къ нему.

Онъ сидѣлъ на диванѣ, одѣтый по домашнему, въ коротенькой тужуркѣ, и читалъ книгу. Мы узнали, что это научный журналъ, который ему присылали каждый мѣсяць. Уже одно это привело насъ въ ужасъ. Читать журналъ во время покаянія!

— Когда же вы говѣете, Иванъ Арсентьевичъ?—спросилъ Жоржикъ.

— Я уже отговѣлся,—отвѣтилъ нашъ учитель.—Вчера исповѣдывался, сегодня причастился.

— Почему же мы васъ не видѣли?

— Право, не знаю, я не прятался.

Онъ не лгалъ, но у него была манера въ церкви смѣшиваться съ толпой и стараться быть незамѣченнымъ. Насъ-то онъ, конечно, видѣлъ. Онъ такъ былъ увлеченъ статьей, за чтеніемъ которой мы его застали, что началъ оживленно говорить о ней съ нами. Это была научная статья, и мы, разумѣется, очень мало поняли изъ того, что онъ говорилъ. Но ему необходимо было высказать кому-нибудь свои взгляды, онъ обрадовался, что къ нему пришли живые люди, и высказывалъ ихъ больше для себя, чѣмъ для насъ.

Странный человѣкъ! Вчера онъ писалъ стихи, это было послѣ исповѣди, сегодня онъ увлекается вопросами о клѣткѣ и протоплазмѣ. Въ немъ какимъ-то удивительнымъ образомъ смѣшивались испытатель природы, реалистъ, съ чувствительнымъ поэтомъ съ небольшой долей мистицизма. Онъ какъ бы еще колебался въ выборѣ пути. Правда, тогда онъ былъ еще молодъ, ему не было двадцати четырехъ лѣтъ. Впослѣдствіи, когда онъ вспоминалъ объ этомъ времени, онъ говорилъ, что въ немъ встрѣтились два теченія: чистый идеализмъ, который господствовалъ въ его семьѣ, и новое вѣяніе, которое носилось тогда въ печати, въ обществѣ и въ университетахъ.

Лѣтъ черезъ шесть послѣ этого онъ сдѣлался врачомъ, совершенно бросилъ писать стихи, однимъ словомъ — выяснился.

ХІІІ.

Торжественный день Ипполита.

Раннимъ утромъ, когда съвозъ щели въ ставнѣ въ нашу комнату не прониетъ еще лучъ свѣта, когда звѣзды на небѣ еще блѣдно догорали, и нашъ тусклый ночникъ едва мерцалъ на маленькомъ столикѣ, совсѣмъ не освѣщая комнату и только

блистая свѣтлой точкой, какъ блуждающій огонекъ среди ночной тьмы,—я вдругъ открылъ глаза и почувствовалъ, что какая-то внутренняя сила, какое-то съ вечера засѣвшее въ моей головѣ сознаніе, заставляетъ меня проснуться и больше не засыпать. Сквозь окна нашей комнаты съ плотно прикрытыми ставнями доносился тихій, едва слышный звонъ церковнаго колокола. Я услышалъ его во снѣ и проснулся взволнованный. Никакія убѣжденія Марты Федоровны, никакія запугиванія тѣмъ, что Ипполитъ будетъ огорченъ, если мы не встанемъ, не подѣйствовали бы на меня такъ вѣрно, какъ это глубоко засѣвшее во мнѣ убѣжденіе, что я долженъ встать рано. Такой сегодня день. Если я въ предыдущія двѣ недѣли относился небрежно къ посѣщеніямъ церкви, то это потому, что такого сознанія еще во мнѣ не было. Я не чувствовалъ себя на столько грѣховнымъ, чтобы терпѣть точно такія же лишенія, какія терпѣлъ Ипполитъ, который на мой взглядъ былъ переполненъ грѣхами. Надо же было, чтобы между нами существовала какая-нибудь разница.

— Жоржикъ!—осторожно позвалъ я, въ полной увѣренности, что Жоржикъ спитъ глубокимъ сномъ, я даже боялся, что слишкомъ громкій окликъ можетъ его спящаго испугать.

— Какъ? Ты развѣ тоже проснулся?—спросилъ Жоржикъ, къ моему искреннему изумленію. Оказалось, что онъ проснулся раньше меня и тоже былъ взволнованъ.

— Слышишь, звонятъ!—сказалъ я.

— О, да, я проснулся еще до звона. А какъ ты думаешь, Ипполитъ уже всталъ?

— Я думаю, онъ и не ложился.

— А правда, онъ сегодня должно быть святой!

— Очень можетъ быть, но завтра онъ опять переполнится грѣхами.

Мы вскочили съ постелей и старались перегнать другъ друга въ быстротѣ одѣванія и умыванія. Отъ поспѣшности, конечно, получались недоразумѣнія. Жоржикъ по ошибкѣ натянулъ мои чулки, я повязалъ себѣ его галстукъ. Брызги обдавали стѣны со всѣхъ сторонъ отъ нашего усерднаго умыванія. Мы не молились, имѣя въ виду, что намъ предстоитъ очень длинная молитва въ церкви. Когда мы появились во дворѣ, то, разумѣется, удивили всѣхъ своимъ появленіемъ. Было еще совсѣмъ темно, утренній холодъ пріятно освѣжилъ наши головы. Вдали среди высокихъ деревьевъ двигалась какая-то таинственная тѣнь. Мы поняли, что это не могъ быть никто

иной, какъ Ипполитъ. Разумѣется, у насъ явилось желаніе пройти мимо него, чтобы онъ насъ замѣтилъ и оцѣнилъ наше усердіе. Мы такъ и сдѣлали.

— А, — съ кажимъ-то несвойственнымъ ему благодушіемъ сказала Ипполитъ, когда мы поровнялись съ нимъ. — Это хорошо, это дѣлаетъ вамъ честь.

Похвала, однако, подѣйствовала на насъ отрицательно. Можетъ быть, наше тщеславіе было удовлетворено, но мы почувствовали, что это какъ бы затемнило ясность и искренность нашего настроенія. Просыпаясь при первомъ звонѣ колокола, мы дѣйствовали безкорыстно, совсѣмъ не думая угодить Ипполиту, и вотъ нечаянно угодили ему.

Въ домѣ началось движеніе. Появилась Марта Федоровна съ чрезвычайно озабоченнымъ видомъ. Ей съ просонковъ показалось, что кто-то не исполнилъ своихъ обязанностей, что вучеръ опоздалъ, что Ипполитъ можетъ быть недоволенъ... Не пощадили Дусю. Но она ходила съ сонными глазками, постоянно спотыкаясь, и, кажется, продолжала спать. Въ продолженіе недѣли ей дѣлались большія льготы, такъ какъ она, по выраженію Ипполита, еще не достигла отрочества. Поэтому, она была избавлена отъ исповѣди; но въ такой торжественный день даже ей, не достигшей отроческаго возраста, никакъ нельзя было пропустить утреню.

Какъ только двинулся со двора экипажъ, Дуся тотчасъ же заснула на рукахъ у мамы. Ипполитъ смотрѣлъ по сторонамъ и все сосредоточивался на явленіяхъ природы. Онъ говорилъ о цвѣтѣ неба, о яркости звѣздъ, о шумѣ камыша, который временами доносился къ намъ, объ утреннемъ крикѣ бекаса, который походилъ на бляеніе барашка. Все это были такія вещи, о которыхъ можно было говорить свободно, не рискуя согрѣшить.

Нашего повышеннаго настроенія хватило на утреню и начало обѣдни, а потомъ явилось на помощь ожиданіе. Мы опять подбодрились. Въ церкви была масса народа, все говѣльщики. Но мы, какъ чисто одѣтые люди, заняли первыя мѣста во главѣ съ Ипполитомъ. Когда вышелъ батюшка, то пришлось, однако, уступить первенство младенцамъ, которые наполняли церковь нестерпимымъ крикомъ. Ихъ причащали и поспѣшно выносили въ ограду. Первая подошла Дуся, потомъ я, затѣмъ Жоржизъ, мама и, наконецъ, самъ Ипполитъ. Затѣмъ насъ повели къ правому влиросу, гдѣ стоялъ пономарь съ „запивкой“. Мы выпили по глотку краснаго вина съ

водой изъ серебрянаго корца, закусили кусочкомъ просфоры и когда обернулись, то увидѣли Ипполита, съ ясной улыбкой поздравлявшаго маму съ событіемъ. При этомъ онъ поцѣловалъ ей руку, а она отвѣтила ему поцѣлуемъ въ лобъ. Дошло даже до того, что Ипполитъ поздравилъ и насъ, и мы съ нимъ облобызались. Въ церкви вообще слышались во всѣхъ углахъ поцѣлуи, всѣ поздравляли другъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ ходили по рукамъ бублики и крашенные кони. Когда мы послѣ службы проходили черезъ ограду, нищіе раболѣпно вланились Ипполиту, поздравляли его и при этомъ, въ видѣ исключенія, не протягивали къ нему руки. Ипполитъ отвѣчалъ имъ поклонами и сказалъ:

— Приходите же, приходите! вамъ сегодня будетъ обѣдъ!

На обратномъ пути экипажъ свернулъ налѣво и остановился у хаты, гдѣ жила Лизавета Августовна. Ипполитъ почувствовалъ позывъ къ дѣламъ благотворительности. Еще вчера мы врывались въ скромное убѣжище Лизаветы Августовны съ шумомъ и криками. Сегодня это было торжественное шествіе. Ипполитъ взялъ стулъ, присѣлъ около нея, спросилъ—говѣла ли она, хорошо ли за ней ухаживаетъ Агафья? Не чувствуетъ ли она въ чемъ-нибудь недостатка, и все это величественно, совершенно по царски. Мы замѣтили съ Жоржиномъ, что старуха передъ нимъ трусила и была подавлена всѣми этими распросами. Мы знали очень хорошо, что „недостатковъ“ у нея слишкомъ много, и наплась бы тысяча просьбъ, съ которыми она обратилась бы ко всякому другому. Но ему она отвѣтила:

— Нѣтъ, спасибо, Ипполитъ Марковичъ, у меня все есть, я всѣмъ довольна... Вотъ вчера вареньица мнѣ прислали, спасибо...

Про наливку она не рѣшилась сказать ему.

Вообще, въ этотъ день Ипполита такъ и раскачивало—творить благія дѣла, онъ вспоминалъ, нѣтъ ли гдѣ еще сырыхъ и увѣчныхъ, которыхъ онъ могъ бы утѣшить по крайней мѣрѣ добрымъ словомъ, но такихъ больше не оказалось. Въ кухнѣ очень были удивлены, когда вдругъ тамъ появилась высокая фигура барина. Всѣ поняли это такъ, что онъ просто жаждетъ поздравленій, и принялись поздравлять его. Но онъ пришелъ не за этимъ. Онъ разыскивалъ дѣда Якова. Дѣдъ Яковъ, разумѣется, не могъ быть причисленъ къ увѣчнымъ. Но онъ прожилъ сто десять лѣтъ, это своего рода несчастье. И Ипполитъ, отыскавъ его, сталъ участливо распра-

пивать о томъ, хорошо ли онъ отговѣлся, не утомило ли это его, и не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь?

— Нѣтъ, милостивый баринъ,—отвѣтилъ Яковъ,—какая у меня нужда? Что мнѣ, стариеу, надо? Кормятъ меня, поятъ, одежды на мой вѣкъ хватить, обиды ни отъ кого не вижу, гдѣ жъ обижать этакого? Это даже грѣшно,—и рука не подыметъ; а попрошу я васъ, милостивый баринъ, объ одномъ: вотъ помирать собираюсь, ужъ это мой послѣдній постъ. До святой еще дотяну, а тамъ пойду въ горняя... Такъ вотъ на счетъ могилы.

При этомъ словѣ у Ипполита лицо слегка передернулось. У него былъ какой-то бессознательный страхъ передъ всѣмъ, что относилось къ смерти, и такія слова, какъ гробъ, могила, владбище, были для него самыми ненавистными словами. Но подслѣповатый дѣдъ Яковъ этого, конечно, не замѣтилъ и продолжалъ:

— На счетъ могилы... Ужъ сдѣлайте милость, будьте такіе добрые, не откажите поспособствовать.

— Я думаю,—сказалъ Ипполитъ,—что тебѣ нечего беспокоиться, Яковъ. Все, что надо, будетъ сдѣлано...

— Я знаю!—отвѣтилъ Яковъ,—да только я... у меня свои мысли. Такъ мнѣ чувствуется, такъ желается... чтобы могилку мнѣ вырыли на той сторонѣ владбища, что глядитъ на востокъ. Все же и солнышку ближе, и райскій садъ на востокѣ былъ... и Богу молится человѣкъ на востокъ. Все хорошее на востокѣ. Такъ вотъ я желаю, чтобы могилка моя была на той сторонѣ. А на могилѣ чтобы былъ деревянный крестъ... Только не каменный, нѣтъ,—это тяжесть. И чтобы деревцо было посажено... Ива, да, иву чтобы посадили. Вотъ и все, милостивый баринъ, а въ остальномъ прочемъ я доволенъ...

— Ну, хорошо, хорошо!—послѣшно, какъ бы желая поскорѣе окончить столь непріятный разговоръ, отвѣтилъ Ипполитъ:—исполнимъ, все исполнимъ по твоему... Только я думаю,—съ шутливымъ выраженіемъ прибавилъ онъ,—ты еще насъ переживешь. Вѣдь вонъ какой ты еще молодецъ,—въ церковь пѣшомъ ходишь...

— Хе! Гдѣ ужъ тамъ! Не хожу, а ползу. Нѣтъ ужъ, я это такъ навѣрняка знаю, что на святой недѣлѣ Богу душу отдамъ...

• Ипполитъ еще разъ подтвердилъ, что завѣщаніе Якова на счетъ могилы на востокѣ будетъ исполнено. Отсюда онъ пошелъ къ Ивану Арсентьевичу. Этотъ ужъ никоимъ обра-

зомъ не могъ быть причисленъ къ увѣчнымъ, но Ипполитъ нерѣдко съ нимъ бывалъ непривѣтливъ и холоденъ, и главное— не раздѣлялъ его взглядовъ. Иванъ Арсентьевичъ сидѣлъ на заваленкѣ у своей хижины. Они вошли съ Ипполитомъ въ комнату. На столѣ лежали у него книги и бумаги. Ипполитъ замѣтилъ листокъ, исписанный стихами.

— А,—сказалъ онъ благосклонно:—вы все еще грѣшите поэзіей!.. Съ музами общаетесь...

— Да, сообщаюсь!—съ иронической усмѣшкой подтвердилъ Иванъ Арсентьевичъ,—но замѣчаю, что онѣ начинаютъ липать меня своей благосклонности. Туго идутъ стихи, прежде легче шли. И прихожу къ заключенію, что это чепуха. Въ стихахъ есть что-то неестественное, что-то похожее на ломаніе. Въмѣсто того, чтобы просто выразить свою мысль такъ, какъ она складывается въ головѣ, человѣкъ начинаетъ искать какихъ-то особенныхъ формъ, искусственно разставлять слова, искать созвучій. Все это лишнее и только трата времени...

— Нѣтъ, не говорите такъ,—возразилъ Ипполитъ,—поэзія возвышаетъ душу! Еслибъ ея не было, то люди давно погрязли бы въ практическихъ дѣлахъ, очерствѣли бы сердцемъ. Я въ прежнее время увлекался стихами Пушкина, зналъ наизусть... А потомъ служба, теперь вотъ хозяйственные дѣла поглотили все мое время.

„Ого,—подумалъ Иванъ Арсентьевичъ,—онъ сегодня даже поэзію признаетъ!“

Только къ Геннадію Ипполитъ не рѣшился зайти. Вчерашняя сцена сдѣлала его осторожнымъ. Возвращаясь къ дому, онъ не пошелъ по прямой тропинкѣ, которая проходила какъ разъ мимо оконъ флигеля, а свернулъ нѣсколько вправо... Но Геннадій сегодня былъ въ другомъ настроеніи. Печень у него успокоилась. Онъ стоялъ у окна и благодушно грѣлся солнечнымъ тепломъ. Онъ увидѣлъ Ипполита и понялъ, почему онъ свернулъ вправо.

— Добрый день, Ипполитъ!—крикнулъ онъ ему.

Въ первое мгновеніе Ипполитъ вздрогнулъ и хотѣлъ-было даже ускорить шаги, но, вслушавшись въ возгласъ Геннадія, онъ не нашелъ въ его голосѣ ни одной саркастической ноты. Онъ зналъ, что у Геннадія настроеніе постоянно мѣнялось, и остановился.

— Здравствуй, Геннадій,—отвѣтилъ онъ.

— Я не успѣлъ тебя поздравить,—продолжалъ Геннадій,—такъ поздравляю.

Ипполитъ окончательно убѣдился въ томъ, что Геннадій сегодня въ беззлобномъ настроеніи, и подошелъ къ самому окну.

— Я вчера былъ грубъ, такъ ты извини! Знаешь, вѣдь у меня печень,—сказалъ Геннадій.

— Да я и не сердился!—отвѣтилъ Ипполитъ.—Я ужъ не совѣтую тебѣ лечиться, потому что, все равно, ты не послушаешь, а только одну скажу,—прибавилъ Ипполитъ, стараясь быть до послѣдней степени мягкимъ:—ты бы все-таки воспользовался пребываніемъ здѣсь и отговѣлся бы. Ты не можешь себѣ представить, какъ это облегчаетъ.

— Спасибо за совѣтъ, братъ, но меня даже это не облегчить!—очень серьезно, и даже съ нѣкоторой долей мрачности, отвѣтилъ Геннадій.

— Ты сегодня съ нами обѣдаешь?—спросилъ Ипполитъ, явно перемѣняя разговоръ.

— Да, пожалуй, я чувствую себя сегодня на столько приличнымъ, что могу посидѣть въ обществѣ порядочныхъ людей...

— Полно, что за пустяки!

Ипполитъ поклонился и пошелъ въ домъ.

Часовъ около двѣнадцати въ усадебномъ дворѣ началось чрезвычайное оживленіе. Погода стояла превосходная. Лучи солнца были мягки, воздухъ тихъ, отъ рѣки вѣяло легкой прохладой, надъ дворомъ висѣло свѣтло-голубое ясное небо. Посреди двора тянулись два длинныхъ стола, ничѣмъ не покрытые; на нихъ были вучами наложены ломти хлѣба и деревянные ложки. Начали появляться гости. Они всѣ пришли почти одновременно. Ихъ было нѣсколько десятковъ. Они собрались сюда изъ дальнихъ мѣстъ, очевидно имѣя въ виду этотъ обѣдъ. Увѣчья ихъ были чрезвычайно разнообразны. Здѣсь были представители всевозможныхъ калѣчествъ: хромые, слѣпые, горбатые, безрукіе, иныхъ привезли въ телѣжкахъ, другихъ привели за руки. Картина была пестрая и, пожалуй, живописная, но въ то же время безотрадная. Всѣ они явились съ котомками, нагруженными подаваніемъ. Войдя во дворъ, они тотчасъ же направлялись вправо и тутъ же у воротъ складывали свои котомки. Они клали ихъ бережно, стараясь отыскать каждый для своей наиболѣе удобное мѣсто, причемъ обозначали каждый свое добро какой-нибудь примѣтой: тотъ посыпалъ сверху стружки, другой—песокъ, третій—водружалъ свою шапку, и всѣ при этомъ подозрительно посматривали

другъ на друга;—очевидно, никто никому не довѣрялъ и каждый былъ самаго сквернаго мнѣнія о другомъ. Они боялись за цѣлость своего добра, боялись, что кто-нибудь изъ товарищей тихонько переложитъ изъ чужой котомки въ свою часть добычи, и каждому казалось, что въ его-то котомкѣ заключается самое цѣнное добро. Затѣмъ, они усѣлись за столъ, подали миски, наполненныя борщемъ, и началась трапеза.

— Тебѣ слѣдовало бы выйти въ нимъ!—сказалъ Ипполитъ, обращаясь къ мамѣ:—все-таки они будутъ видѣть хозяйку, они будутъ осчастливлены.

Мама приложила ладонь ко лбу.

— Право,—отвѣтила она съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—у меня голова болитъ,—я бы предпочла не выходить.

— Какъ хочешь! разумѣется, если нездорова... Но лучше бы... зачѣмъ ихъ обижать?

— Я, право, не хочу ихъ обижать, но въ самомъ дѣлѣ мнѣ нездоровится.

Разумѣется, у мамы голова не болѣла, но ей казалось, что этотъ выходъ къ нищимъ будетъ походитъ на плохую комедію, и ей не хотѣлось играть роль, да еще первую, въ этой комедіи.

Ипполитъ поймалъ насъ:

— Вотъ, сказалъ онъ,—если вы добрыя дѣти, такъ покажите слугамъ хорошій христіанскій примѣръ. Подите и подайте что-нибудь за столomъ.

Мама нахмурилась, но ничего не возразила. Довольно ужъ того, что она сама отказалась. Она не хотѣла наносить Ипполиту разомъ два огорченія. Но ей это предложеніе очень не нравилось. Мы посмотрѣли на него иначе. Намъ нравилось всякое разнообразіе, все оригинальное, и мы приняли его съ восторгомъ. Тотчасъ же мы со всѣхъ ногъ помчались въ кухню, напялили на себя длинные фартуки, въ которыхъ путались наши ноги, и при общемъ смѣхѣ всей кухни начали таскать къ столу миски и ломти хлѣба. Наше появленіе имѣло большой успѣхъ не только среди обѣдающихъ, но и среди любопытствовавшей публики. Эта публика расположилась группой нѣсколько поодаль, гдѣ стоялъ сѣнной сарай; тамъ былъ длинный сундукъ, устроенный такъ, что могъ служить и скамейкой, и на немъ помѣщались Иванъ Арсентьевичъ, Геннадій, Марта Федоровна, два приказчика изъ экономіи, машинистъ, конторщикъ, даже дьякъ полю-

бопытствовали и пришелъ посмотрѣть на трапезу нищихъ. За обѣдомъ каждому была предложена изрядная рюмка водки, но было строго приказано, чтобъ никто не выпилъ больше. Ипполитъ былъ врагъ пьянства, но одну рюмку признавалъ даже для себя. Но мы замѣтили странное явленіе. По всей вѣроятности, нищая братія не имѣла свѣдѣній о нашей тонкой наблюдательности. Правда, эту заслугу я не могу приписать себѣ, потому что первый проницъ въ тайну Жоржикъ. Онъ обратилъ вниманіе на рыжаго нищаго, у котораго было большое бѣльмо на лѣвомъ глазу, и кромѣ того, правая рука висѣла и не дѣйствовала... Онъ почему-то былъ центромъ обоихъ столовъ. Къ нему всѣ за чѣмъ-то обращались, и отъ него въ обѣ стороны вокругъ стола шло какое-то таинственное движеніе рукъ. Оказалось, что у него за пазухой былъ штофъ съ водкой, и онъ тутъ же устроилъ маленькую торговлю. За рюмку водки ему платили по три копейки. Торговля шла бойко и такъ ловко скрывалась, что только мы съ Жоржиномъ способны были замѣтить. Когда штофъ былъ опустошенъ, рыжий нищій отправился въ своей торбѣ, досталъ оттуда другой и тоже принесъ его за пазухой. Благодаря этому, оживленіе за обоими столами съ каждой минутой все возрастало, разговоры дѣлались громче, даже нищія бабы начали возвышать голосъ. Иногда слышались слова недостаточно приличныя, но тогда товарищи сдерживали другъ друга.

Въ самый разгаръ пиршества появился Ипполитъ. Онъ пришелъ одинъ и съ видимымъ расчетомъ избѣгать какой бы то ни было помпы. Онъ какъ-то незамѣтно очутился у стола, скромно обходилъ гостей и спрашивалъ каждого, доволенъ ли онъ, не хочетъ ли еще чего? Гости подымались, кланялись и видимо робѣли. Разговоры вдругъ смолели и водворилась тишина. Всѣмъ стало неловко, а больше всѣхъ Ипполиту, который почувствовалъ себя центральнымъ лицомъ. Это было его несчастное свойство. Всюду, гдѣ было шумно и весело, его появленіе водворяло тишину и скуку. Онъ это зналъ и приписывалъ это своей порядочности и серьезности, но все же въ глубинѣ души, по всей вѣроятности, чувствовалъ въ такихъ случаяхъ нѣкоторую неловкость. Едва ли серьезному и порядочному человѣку приятно чувствовать себя палачомъ веселаго настроенія.

Обѣдъ кончился, гости стали расходиться и при этомъ низко кланялись Ипполиту и намъ, и даже любопытствующей

публикѣ, сидѣвшей у сѣннаго сарая. Иные изъ нихъ замѣтно пошатывались, благодаря усиліямъ рыжаго нищаго, у котораго оказался въ запасѣ и третій штофъ. Наконецъ, они всё ушли, и усадебный дворъ, послѣ уборки столовъ, принялъ обычную дѣловую фізіономію.

Послѣ временнаго оживленія, когда мы сняли наши длинные фартуки, мы вдругъ почувствовали страшную наклонность ко сну. Отчасти здѣсь имѣло значеніе то обстоятельство, что мы рано проснулись, въ особенности же то, что это намъ было строго запрещено. Спать послѣ причастія Ипполитъ считалъ не только грѣхомъ, но и опаснымъ дѣломъ, потому что въ этотъ день діаволь пристально слѣдитъ за человѣкомъ и всячески искушаетъ его. Въ особенности легко нападаетъ онъ на человѣка, когда тотъ спитъ, и воля его не дѣйствуетъ; тогда человѣкъ безпомощенъ, и діаволь можетъ дѣлать съ нимъ все, что угодно. Это Ипполитъ говорилъ, какъ совершенно достовѣрную вещь, и, слѣдовательно, это было ему доподлинно извѣстно. И мы томительно ходили изъ угла въ уголь, потерявъ всякую способность получать пріятныя впечатлѣнія отъ красивой природы, окружавшей усадьбу, глаза наши слипались. Мы съ нетерпѣніемъ ждали, чтобъ прошелъ обѣдъ и наступилъ вечеръ.

Обѣдъ былъ торжественный; за нимъ присутствовали Иванъ Арсентьевичъ, и даже Геннадій, который былъ въ необыкновенно галантномъ настроеніи. Ипполитъ къ каждому кушанью приступалъ съ такимъ видомъ, какъ будто разговлялся послѣ продолжительнаго поста. Онъ разрѣшилъ себѣ не только „вино и елей“, но и рыбу, и, изголодавшись за недѣлю, ѣлъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ. Былъ супъ, пирогъ съ рисомъ и грибами, судакъ подъ польскимъ соусомъ, жареная осетрина, салатъ и сладкіе пироги со сливами. Ипполитъ всему оказывалъ честь и въ концѣ обѣда наѣлся неумѣренно. Рюмка водки и стаканъ вина, которыми онъ себя угостилъ, сдѣлали его почти веселымъ. Онъ шутилъ съ нами, смѣялся, когда острилъ Геннадій, тогда какъ въ обыкновенное время эти остроты заставляли его только вытягивать лицо. Послѣ обѣда онъ закурилъ сигару, въ чемъ отказывалъ себѣ всю недѣлю, и курилъ съ видимымъ наслажденіемъ. Затѣмъ онъ попросилъ маму сыграть что-нибудь, самъ отыскалъ тетрадь Бетховена, нашелъ Sonata appassionata и поставилъ ноты на рояль. Мама сѣла и начала играть. Музыка сперва привела его въ торжественно-печаль-

ное настроеніе, потомъ глаза его стали смыкаться, и онъ нечаянно вздремнулъ, но скоро очнулся и спохватился. Во всякомъ случаѣ, продолженіе сонаты онъ дослушалъ уже съ большимъ усиліемъ, потомъ поцѣловалъ руку у мамы и отправился въ кабинетъ, гдѣ сталъ усиленно умываться холодной водой. Это была мѣра, принятая имъ съ цѣлью, не заснуть.

Но съ насъ было довольно того, что онъ нечаянно вздремнулъ хоть нѣсколько минутъ. Жоржикъ подчеркнулъ это и не выдержалъ, чтобъ не подразнить Марту Федоровну. Онъ сказалъ ей:

— А знаете, Марта Федоровна, къ Ипполиту уже приходилъ дьяволъ и искусилъ его. Я самъ видѣлъ, ей-ей видѣлъ...

— Что вы, Жоржикъ? вы съ ума сошли?—съ ужасомъ воскликнула Марта Федоровна.

— А вы развѣ не замѣтили, послѣ обѣда за музыкой? Вѣдь онъ вздремнулъ, а дьяволъ, знаете, подѣ музыку въ особенности любить искушать...

Но этого Марта Федоровна даже не хотѣла слушать, а просто закрыла уши и ушла изъ комнаты.

Намъ предстояла еще вечерня, но ее мы выслушали въ какомъ-то полусознательномъ состояніи; усталость совершенно овладѣла нами. Солнце еще не зашло, когда мы, наскоро раздѣвшись, не напившись даже чаю, улеглись спать. А завтра ожидали насъ событія, о которыхъ мы и не подозревали.

XIV.

Геннадій проявляетъ себя. — Заключение.

Утромъ на другой день мы проснулись раньше обыкновеннаго, такъ какъ наканунѣ легли слишкомъ рано. За послѣднюю недѣлю у насъ вошло въ привычку начинать день маленькимъ путешествіемъ къ флигелю. Мы были очень удивлены, когда въ такой ранній часъ окна флигеля оказались настежь раскрытыми. Но удивленіе наше возросло до величайшихъ размѣровъ, когда, заглянувъ въ окна, мы увидѣли, что Геннадія уже нѣтъ во флигелѣ. Кровать была смята, на полу валялись принадлежности его прежняго костюма, тѣ жалкія рубища, въ которыхъ онъ пришелъ къ намъ. Мы, разумѣется, тотчасъ пошли на поиски. У Ивана Арсентье-

вича его не оказалось, и тотъ не видалъ его сегодня, а вставалъ онъ всегда въ шесть часовъ и бродилъ по саду. Тогда мы вернулись въ домъ и сообщили о своемъ открытіи Мартѣ Федоровнѣ. Старушка встревожилась.

— Поищите, дѣти, гдѣ-нибудь въ саду!

Мы помчались въ садъ и обшарили всѣ уголки. Геннадія нигдѣ не оказалось. Тревога Марты Федоровны возрасла, и она нашла необходимымъ поговорить съ мамой. Было поручено всѣмъ, кто только служилъ во дворѣ, разыскивать Геннадію. Всѣ разбѣжались въ разныя стороны. Бѣгали въ поле, въ кузницу, въ контору, даже къ Лизаветѣ Августовнѣ. Геннадій не отыскался.

Марта Федоровна потеряла голову. Однакожь не совсѣмъ. У нея настолько хватило предусмотрительности, чтобъ собственноручно припереть во флигелѣ двери и закрыть ставни. Это для Ипполита, чтобъ онъ не догадался.

Держали семейный совѣтъ, на который были приглашены и мы съ Жоржикомъ. Такое довѣріе уже указывало на полное отчаяніе. Но мы лучше, чѣмъ кто бы то ни было, знали всѣ потайные уголки сада и окрестности, и наше мнѣніе могло оказаться полезнымъ. Было высказано предположеніе, что Геннадій удралъ совсѣмъ, но тутъ же явилось вѣсое возраженіе; во-первыхъ, это было слишкомъ рано, — онъ никогда не уходилъ; проживъ менѣе двухъ недѣль, а во-вторыхъ, и это самое главное, уходу его предшествовала обращенная къ мамѣ черезъ Марту Федоровну просьба о деньгахъ. Онъ просилъ немного, — десятка два или три рублей, но теперь и этого не было. Едва ли онъ ушелъ бы такимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ ему хорошо было извѣстно, это никого не затруднило бы.

Ипполитъ всталъ, разумѣется, давно и занимался дѣлами. Онъ принималъ главнаго приказчика, объѣздчика, какихъ-то дѣловыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ города, и массу всякаго народа. Онъ до того былъ поглощенъ дѣлами, нѣсколько запущенными во время говѣнія, что за завтракомъ былъ ненаблюдателенъ и не замѣтилъ, что у мамы, Марты Федоровны, даже у насъ, въ лицахъ была тревога.

— А что же братъ еще не проснулся? — спрашивалъ онъ: — вчера онъ былъ хорошо настроенъ. Если бы такое настроеніе у него сдѣлалось постояннымъ, то, быть можетъ, удалось бы благотворно повліять на него.

— Онъ еще спитъ! — цромолвила Марта Федоровна и

должна была отвашляться, такъ какъ въ горлѣ у нея была нервная хрипота.

— Спать? Гм... какъ долго!

Послѣ завтрака, предъ новыми дѣлами, онъ съ четверть часа погулялъ въ саду и между прочимъ, проходя мимо флигеля и увидѣвъ, что ставни закрыты, замѣтилъ: „Какъ онъ долго спитъ! Что значитъ ненормальная жизнь!“

Часовъ около трехъ въ усадьбу прибѣжала Агафья, — та самая, что ходила за Лизаветой Августовной. Она была вся красная, страшно взволнована и тяжело дышала отъ быстрого бѣга. Она обратилась къ горничной и просила эстренно, сейчасъ, сію минуту, вызвать ей Марту Федоровну.

— Охъ, батюшки! — зловѣщимъ шепотомъ говорила она: — тамъ, въ кабакѣ, два какихъ-то господина пьютъ и кричатъ и всячески безобразятъ, и одинъ, кажись, бариновъ братъ. Я такъ въ лицо ихъ никогда не видала, ну, а кое-что слышала про нихъ, что они выпиваютъ... Но при томъ очень схожи съ бариномъ...

— Ну, вотъ! такъ оно и есть! — вырвалось у Марты Федоровны, — я такъ и знала!

Разумѣется, тутъ не было времени подымать вопросъ о томъ, какимъ образомъ Агафья, выдававшая себя за трезвую женщину, попала въ кабакъ.

Всѣ растерялись. Какимъ образомъ сказать это Ипполиту? А не сказать нельзя. У женщинъ уже болѣе не хватало распорядительности, — для такихъ эстренныхъ событій требовался умъ мужчины, и не столько умъ, сколько его сильная воля.

— Нѣтъ, нѣтъ! я ни за что не пойду къ нему, — говорила мама, держась за голову обѣими руками. Она была страшно блѣдна и, по обыкновенію въ такихъ случаяхъ, нервно кусала губы.

Марта Федоровна должна была принять на себя эту страшную миссію. Она уловила моментъ, когда отъ Ипполита ушли всѣ дѣловые люди, и онъ былъ одинъ. Она вошла въ кабинетъ.

— Что вамъ, Марта Федоровна? — мирно спросилъ ее Ипполитъ: — неужели еще кто-нибудь? Я усталъ, и хотѣлъ бы немного отдохнуть.

— Нѣтъ... тутъ особое дѣло, Ипполитъ Марковичъ... Утромъ-то я не сказала вамъ, думала, такъ обойдется...

— Ну? — спросилъ Ипполитъ, заблаговременно нахмуривая брови.

— Съ Геннадіемъ Марковичемъ случилось...

— Уже?—рѣзко промолвилъ Ипполитъ.

— Онъ исчезъ изъ флигеля очень рано, мы обшарили всѣ мѣста, нигдѣ не нашли, а сейчасъ пришла женщина изъ деревни и говорить, что онъ въ кабагѣ съ какимъ-то другимъ... должно быть, изъ города пришелъ его знакомый...

Ипполитъ сдѣлалъ рукой жестъ, которымъ какъ бы просилъ больше не продолжать, съ него довольно было и этихъ свѣдѣній... Онъ поблѣднѣлъ, пошатнулся и упалъ въ кресло. Но это была только одна минута. Онъ тотчасъ овладѣлъ собой и строгимъ повелительнымъ тономъ сказалъ:

— Сейчасъ мнѣ позвать кучера!

Марта Федоровна выскочила изъ кабинета и, несмотря на непрочность своихъ старыхъ ногъ, стрѣлой помчалась въ конюшню и извлекла оттуда кучера, который въ это время чистилъ лошадей. Черезъ минуту въ кабинетѣ слышался рѣзкій металлическій, слегка разбитый, голосъ Ипполита. Онъ давалъ безошадныя приказанія:

— Того, другого связать... сейчасъ заложить телѣгу, везти въ городъ, въ больницу... Вотъ письмо... тамъ примуть! Геннадія Марковича (не смотря на страшный гнѣвъ, онъ все-таки передъ слугами считалъ долгомъ называть брата по имени и отчеству) тоже связать и привезти въ сторожку... Тамъ, въ саду... Сторожа могутъ побыть въ другомъ мѣстѣ...

Въ глазахъ его и въ голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ было что-то свирѣпое и безошадное. Глаза метали молніи, весь онъ казался какимъ-то желѣзнымъ. Въ голосѣ слышался трескъ. Вообще нельзя сказать, чтобы Ипполитъ въ эту минуту заслуживалъ состраданія. Онъ скорѣе отталкивалъ.

Онъ прибавилъ:

— Отправься въ волость, тамъ дадутъ тебѣ десятскихъ. Скажи, что я просилъ. И съ ними все это исполни.

Кучеръ пошелъ исполнять всѣ эти приказанія. Едва онъ вышелъ, Ипполитъ какъ-то истерически застучалъ ногами, сѣлъ въ кресло, со стукомъ опустилъ голову на столъ и зарыдалъ громко, неудержимо, всхлипывая, какъ женщина. Мама, которая была вся какъ на иголкахъ, рѣшилась пойти къ нему, чтобы успокоить его.

— Ахъ, нѣтъ, я не могу успокоиться!—говорилъ Ипполитъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ. — Вѣдь это ужъ не наказаніе—это казнь... За что же? за что? Развѣ я такой ужъ злодѣй? Положимъ, я грѣшникъ, я гаже всѣхъ, все же,

все же нельзя так казнить. Вѣдь онъ тамъ кричитъ на все село! Вся деревня это слышитъ... Какое же послѣ этого будетъ отношеніе ко мнѣ? Развѣ я могу требовать уваженія? Вѣдь онъ мой братъ, онъ носитъ мое имя. И вѣдь это на васъ падаетъ! Поймите вы, это бросаетъ тѣнь на васъ! Я знаю, вашъ родъ давній въ этихъ мѣстахъ, крестьяне помнятъ вашего отца и дѣда! Всѣ они были честные люди, всѣ заслужили общее уваженіе, и вотъ явился я съ этимъ пьянымъ братомъ, ворвался въ вашу семью и внесъ въ нее позоръ... Вѣдь я дѣтей вашихъ позорю, поймите вы это! Ахъ, какъ я хотѣлъ бы умереть!...

Ипполитъ хотѣлъ умереть! Значить, ужъ очень плохо ему было.

Кучеръ между тѣмъ давно уѣхалъ и точно исполнилъ всѣ приказанія. Онъ взялъ десятскихъ, они явились въ кабакъ и начали брать приступомъ крѣпость. Но крѣпость не сдавалась. Въ особенности свирѣпствовалъ Геннадій. Товарищъ его, который дѣйствительно пришелъ изъ города, оказался маленькимъ, щупленькимъ, слабенькимъ. Онъ скоро свалился и сдался почти безъ боя, но Геннадій отбивался и неистово кричалъ, понося на всѣ лады Ипполита. Онъ безсовѣстно лгалъ на него.

— А, — кричалъ онъ, — грабитель, разбойникъ, воръ! Слушайте, православные, вы знаете, вѣдь онъ ограбилъ меня до нитки, да! А вы думаете? Вы не смотрите, что онъ святой!.. вотъ онъ и валяется въ грѣхѣ! Еще бы! родного брата ограбить! Понимаете? Вѣдь отъ этого я и запыль, понимаете? (и при этомъ онъ билъ кулакомъ себя въ грудь). Затѣмъ появились слезы: — Да, ограбилъ! Онъ меня по міру пустилъ, онъ меня нищимъ сдѣлалъ!..

Но десятскіе были всѣ молодцы, какъ на подборъ, и разумѣется, онъ скоро долженъ былъ сдаться. Товарища повезли въ городъ, а Геннадія доставили связаннымъ въ сторожку. Сторожка эта была совершенно уединена. Она помещалась въ глубинѣ сада въ недалекомъ разстояніи отъ усадьбы, и обыкновенный голосъ, даже лай собакъ, оттуда не былъ слышенъ. Но Геннадій такъ неистовствовалъ и кричалъ, что звукъ его голоса долеталъ до усадьбы. Мы не пошли туда. Очень ужъ было все это страшно, притомъ же и лица у всѣхъ были тоже какія-то страшныя, блѣдныя, изступленныя.

Но наступилъ моментъ, когда все стихло. Геннадій выбился изъ силъ и заснулъ. Къ сторожке былъ приставленъ

мальчуганъ, который всю ночь не спалъ, сидя у дверей на камушекѣ. Онъ долженъ былъ слѣдить за малѣйшимъ шорохомъ и въ случаѣ тревоги немедленно извѣщать усадьбу. Геннадій проспалъ до утра. Утромъ онъ зашевелился и, почувствовавъ себя связаннымъ, сперва выругался, а потомъ началъ хохотать. Мальчишка стрѣлой побѣжалъ въ усадьбу и позвалъ кучера. Кучеръ явился.

— Ахъ, черти! — промолвилъ Геннадій безъ всякаго, однако, негодованія. — Что это вы со мной сдѣлали? Фу, какъ голова трещить! Ну-ка, развяжи!

Кучеръ принялся развязывать его и при этомъ сообщалъ ему о вчерашнихъ событіяхъ.

— Да ну! Неужто это было такъ? — искренно изумился Геннадій. — Чортъ! Ну, — прибавилъ онъ необыкновенно рѣшительнымъ тономъ, когда кучеръ развязалъ его и онъ сѣлъ на кровать, расправляя члены: — вотъ теперъ и кончено! Дай-ка мнѣ варандашъ и бумажку!

У кучера ни того, ни другого не оказалось, но мальчишка сбѣгалъ къ Ивану Арсентьевичу и принесъ. Геннадій приспособился въ табурету и написалъ нѣсколько строкъ, затѣмъ свернулъ бумажку и отдалъ мальчишкѣ.

— Вотъ это снеси почтеннѣйшей Мартѣ Федоровнѣ и попроси отвѣта!

Мальчишка побѣжалъ. Въ усадьбѣ, разумѣется, съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій изъ сторожки. Марта Федоровна и на этотъ разъ щадила Ипполита и не сообщала ему о томъ, что Геннадій проснулся, выжидая событий.

Въ письмѣ было слѣдующее:

„Почтеннѣйшая Марта Федоровна, извиняюсь передъ вами за вчерашнее. Признаю оное величайшей подлостью, какая только бывала въ природѣ. Прошу передать извиненіе брату и любезнѣйшей сестрицѣ. Удаляясь изъ этихъ благословенныхъ мѣстъ, какъ первозданный человѣкъ послѣ совершенія имъ грѣхопаденія изъ рая, прибѣгаю къ вамъ съ просьбой испросить для меня у добрѣйшей бель-сэръ нѣкоторую сумму денегъ. А брату передайте, что Геннадій вляется больше никогда не посѣщать усадьбу и не наводитъ ужаса на окрестность. Вашъ слуга Геннадій“.

Марта Федоровна нашла, что это лучшее разрѣшеніе всей страшной путаницы, которая даже ее, никогда не терявшуюся, заставила потерять голову. Она взяла у мамы все, что нашлось у нея въ шифоньерѣ, что-то около пятиде-

сяти рублей, и отослала Геннадію. Геннадій дѣйствительно ушелъ, не смотря на то, что уже вечерѣло и его въ пути должна была застигнуть ночь. Марта Федоровна доложила обо всемъ этомъ Ипполиту только тогда, когда прошло полчаса съ момента ухода Геннадія. Она приподнесла ему уже готовый конецъ мучительныхъ событій. Ипполитъ вздохнулъ, перекрестился и промолвилъ вслухъ:

— Бѣдный человѣкъ!—а въ душѣ подумалъ:— „да, если бы это было такъ, если бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда уже больше сюда не приходилъ!“

Остается прибавить, что дѣдъ Яковъ удивительнымъ образомъ оказался пророкомъ. Онъ дѣйствительно умеръ въ святую недѣлю на третій день Пасхи. Ипполитъ приказалъ исполнить его завѣщаніе. Его похоронили на восточной сторонѣ деревенскаго владбища, а на могилѣ его поставили крестъ и посадили молоденькую иву.

Геннадій въ самомъ дѣлѣ исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ ни разу больше не являлся въ усадьбу. Но года черезъ два до насъ дошли вѣсти, что онъ умеръ гдѣ-то въ канавѣ за городомъ.

ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ.

Вдали отъ блеска дня, вдали отъ шума,
Я жилъ не годъ, не два, а сотни лѣтъ.
Тюремщикъ злой всегда молчалъ угрюмо,
Онъ мнѣ твердилъ одно лишь слово:—Нѣтъ.
И я забылъ, что въ мѣрѣ дышитъ свѣтъ,
И я забылъ, что значать звуки смѣха.
Я ждалъ—чего-то ждалъ—хоть новыхъ бѣдъ.
И мнѣ одна была дана утѣха:

Крича, будить въ тюрьмѣ грохочущее эхо.

Въ умѣ вставали мысли прежнихъ дней,
И гасли вновь, какъ бѣглыя зарницы,
Какъ проблески блуждающихъ огней,
Какъ буквы строкъ сжигаемой страницы.
И, вмѣсто нихъ, тянулись вереницы
Насмѣшливыхъ окрававлённыхъ сновъ:
Какъ хищныя прозорливыя птицы,
Какъ полчища уродливыхъ враговъ,
Неслись они ко мнѣ, на звонъ моихъ оковъ.

И все жъ во мглѣ безбрежнаго страданья
Зажегся блескъ, зажегся наконецъ:
Въ тиши вѣковъ кипучія рыданья
Взлелѣяли сверкающій вѣнецъ.
И первый лучъ смѣялся, какъ гонецъ
Моей весны, душистаго разсвѣта.
Со вздохомъ я привѣтствовалъ конецъ
Ночной тоски, въ пустынѣ безъ отвѣта,
И видѣлъ взглядъ любви, и слышалъ гулъ привѣта.

И вотъ я вновь живу среди людей,
Подъ солнцемъ ослѣпительно-лучистымъ,
И вижу я дѣтей, моихъ дѣтей,
Внимаю въ полдень птичкамъ голосистымъ,
Роптанью травъ, струямъ кристально-чистымъ.
Но я опять вернулся бы въ тюрьму,
Къ ущельямъ скалъ, безжизненнымъ и мгlistымъ,
Когда бы зналъ, что, выбравъ скорбь и тьму,
Я съ чьей-нибудь души тяжелый грѣхъ сниму!

Н. Бальмонтъ.

КОСМОПОЛИТИЗМЪ И НАЦИОНАЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Статья Брюнетьера, пер. съ французскаго Т. Криль.

Слишкомъ полтора ста лѣтъ тому назадъ, въ 1726 году, Вольгеръ, первый изъ французовъ, проникъ, если можно такъ выразиться, въ самую священную и глубь шекспировскаго лѣса. Онъ глѣзалъ видѣ, что чувствуетъ себя тамъ совершенно хорошо—это былъ человѣкъ смѣлый, но не трудно было замѣтить, что онъ вступилъ въ незнакомый мѣръ; онъ вынесъ оттуда «Заиру»; но тоитъ перечитать его «Англійскія письма», чтобы убѣдиться, какъ часто восхищеніе граничитъ съ изумленіемъ, а иногда просто съ недоумѣніемъ. Восемьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1810 году, г-жа Сталь, въ своей книгѣ «L'Allemagne» (Германія), не побоялась противопоставить и даже предпочесть Корнелю, Расину, самому Вольтеру не только Шекспира, но даже Оссіана, Гѣте и Шиллера. Искренно страшась бесплодности, которая, по ея мнѣнію, угрожала нашей литературѣ, она заявляла, что видитъ единственное средство спасенія въ знакомствѣ съ «сѣверными литературами». Наконецъ, въ наши дни мы принимаемъ совершенно просто, какъ за нѣчто родное, за романъ Толстого или Достоевскаго, за «Анну Каренину» или «Преступленіе и наказаніе». Если драмы Ибсена «Архитекторъ Сольнесъ» или «Дикая утка» и поражаютъ насъ съ перваго взгляда, то мы быстро умѣемъ вызвать въ себѣ настроеніе, необходимое для пониманія ихъ, и ни норвежцы, ни русскіе не представляются намъ людьми иной расы.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся исторія того, что называютъ теперь «литературнымъ космополитизмомъ».

По этому поводу возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли радоваться такому расширенію нашего умственнаго горизонта, или будетъ приличнѣе разразиться патріотическими жалобами? Замѣтимъ кстати, что сторонники послѣдняго мнѣнія обыкновенно не знаютъ ни англійскаго, ни нѣмецкаго, ни русскаго, ни норвежскаго языка.

Конечно, это простое совпаденіе, «чистая случайность». Я ограничусь замѣчаніемъ, что противники космополитизма недостаточно основательно изучили причины этого явленія, основной характеръ французской литературы и тѣ выгоды, которыя мы постоянно извлекали изъ общенія съ иностранными литературами.

I.

Всѣмъ извѣстно, какъ часто въ наше время исторія и критика злоупотребляютъ понятіемъ или идеей народности; я, съ своей стороны, не имѣю намѣренія впадать въ противоположную крайность — отрицать, что данная литература можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ быть вѣрнымъ и характернымъ выраженіемъ духа извѣстной расы. Я признаю, что нѣтъ ничего болѣе «англійскаго», чѣмъ комедія Шекспира «Виндзорскія кумушки» или «Сонъ въ лѣтнюю ночь», ничего болѣе «испанскаго», чѣмъ autos'ы Кальдерона или «Видѣнія» Квеведо. «Государь» Макиавели также, конечно, вполне «итальянская» книга; «Wahlverwandschaft» несомнѣнно «нѣмецкій» романъ. И весьма возможно, что никакія другія слова не выразили бы такъ удачно самыя характерныя свойства этихъ великихъ произведеній. Конечно, на это можно замѣтить, что въ «Государь» менѣе «итальянскаго», чѣмъ лично «макиавелевскаго», а «Виндзорскія кумушки» не столько «англійское», сколько «шекспировское» произведеніе. Дѣйствительно, мы знаемъ только одного Шекспира и одного Макиавели. Это наводитъ на мысль, что ихъ свойства скорѣе личныя, чѣмъ обще-національныя. Сколько жителей Галліи, и даже Шампани, далеко не Лафонтены! Сколько бургундцевъ, а слѣдовательно, и французовъ — не Ламартины и не Боссюэты, а, пожалуй, Пироны! Но, повторяю, я не хочу отрицать «національныхъ литературъ», допуская, что онѣ служатъ выраженіемъ духа расы, а спрашиваю только, что же такое раса?

Замѣтьте, ни одинъ ученый, будь онъ анатомъ, фізіологъ или этнографъ, не въ состояніи отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ, оставаясь въ границахъ своей специальности. Одинъ ученый скажетъ мнѣ, что китайцы не англичане, а маори не германцы! Я и самъ догадывался объ этомъ, но вѣдь не въ томъ вопросъ. Вопросъ въ томъ, могутъ ли врожденные и наследственные свойства англичанина и китайца, такъ сказать, взаимно переходить одни въ другія? Эволюціонная теорія опрокинула или уничтожила тѣ границы, которыя старая естественная исторія ставила между видами. Было бы странно допустить, что время, случайность, обстоятельства и всѣ тѣ неизвѣстныя причины, которыя обнимаются словомъ есте-

ственный подборъ, могутъ изъ киноцефала или макака сдѣлать человѣка,—и не допускать въ то же время, что изъ китайца или японца онѣ могутъ сдѣлать француза или англичанина! Вѣдь на нашихъ глазахъ изъ смѣси англичанъ, ирландцевъ и нѣмцевъ, т. е. саксонцевъ, кельтовъ и германцевъ, создалась въ теченіе 50-ти лѣтъ американская раса. «Американская раса» существуетъ всѣ изслѣдователи подтверждаютъ это. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что не одна кровь создаетъ расы? что онѣ являются въ дѣйствительности «историческими образованіями», изучать которыя можетъ только историкъ; сложными тѣлами, измѣнчивыми по самому существу своему; чѣмъ-то подвижнымъ, вѣчно-волнующимся, текущимъ, участвующимъ въ постоянномъ движеніи самой исторіи? — къ этому-то именно я и хотѣлъ придти.

«Благодаря увеличивающейся солидарности, которая объединяетъ міръ,—говорилось недавно,—въ наши дни создается общеевропейскій умъ, сокровищница культуры, идей и склонностей, общихъ всѣмъ интеллигентнымъ классамъ; вездѣ мы встрѣчаемъ одну и ту же одежду и одинъ и тотъ же умъ, подчиняющійся однимъ и тѣмъ же воздѣйствіямъ, въ Лондонѣ и Парижѣ, въ Римѣ и Петербургѣ. Мы найдемъ его даже гораздо дальше, на кораблѣ, пересѣкающемъ Тихій океанъ, на преріи, обрабатываемой эмигрантомъ, въ конторѣ, открываемой негоціантомъ у антиподовъ». Только слѣпой можетъ отрицать это! Въ наше время Лондонъ или Парижъ ближе къ Риму, чѣмъ былъ сто лѣтъ назадъ Берлинъ къ Вѣнѣ. Границы не разрушены! Напротивъ, мы каждый день видимъ, какъ на нихъ вырастаютъ новыя укрѣпленія, новыя грозныя сооруженія; подъ Ла-Маншемъ не рѣшились провести туннель. Но, тѣмъ не менѣе, распространеніе и обмѣнъ идей между двумя крайними пунктами Европы совершается теперь быстрѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ между двумя сосѣдними провинціями, а въ этомъ заключается главная причина литературнаго космополитизма. Драматурги и романисты, поскольку они стремятся воспроизводить общественную жизнь, наблюдаютъ одинаковыя явленія въ Парижѣ и въ Лондонѣ, въ Берлинѣ и въ Петербургѣ, въ Бостонѣ и въ Филадельфій. Кромѣ того, выработался одинаковый образъ мыслей обо всѣхъ вещахъ. А изъ этого общаго всѣмъ образа мыслей и одинаковаго образа жизни проистекаетъ и одинаковость чувствъ, которая, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, стираетъ въ каждомъ изъ насъ наслѣдственный, первоначальный отпечатокъ расы.

Раньше всего этотъ результатъ былъ подготовленъ международностью въ области промышленности и торговли. Конечно, въ

Марсель ѣдятъ еще «бульабесь», а въ Калабріи все еще носятъ остроконечныя шляпы! Но, къ большому огорченію любителей «живописности» и мѣстнаго колорита, отъ края до края свѣта производятся, вывозятся и ввозятся одни и тѣ же продукты, удовлетворяютъ приходится однѣ и тѣ же потребности. По правдѣ сказать, въ Кельнѣ строятъ точь-въ-точь такъ же, какъ во Флоренціи, и дома, гдѣ мы теперь живемъ, вездѣ одинаковы или почти одинаковы; ихъ архитектура, украшенія, обстановка комнатъ, обои, ковры, мебель—вездѣ одни и тѣ же. А «кушанья», развѣ они не вездѣ одинаковы? Скоро національныя блюда сохраняются только въ Африкѣ! Всѣ носятъ теперь одинаковую одежду, одинаковыя шляпки, одинаковую обувь, и для добыванія ихъ употребляютъ одинаковыя средства, т. е., иначе говоря, занимаются одинаковыми ремеслами. Прибавимъ, что и приемы, употребляемые въ этихъ ремеслахъ, одинаковы. Каменный уголь добывается изъ всѣхъ копей однимъ и тѣмъ же способомъ; на шелковыхъ фабрикахъ и въ Ліонѣ употребляются тѣ же приемы, что и въ Миланѣ; всякое улучшеніе, которое изобрѣтаетъ какой-нибудь химикъ или инженеръ, не долго остается его секретомъ или собственностью эксплуатирующей его компаніи. Говоря коротко, сотни милліоновъ людей современнаго человѣчества на разныхъ концахъ міра стремятся одинаковыми средствами къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, отъ которыхъ ожидаютъ одинаковой пользы, одинаковыхъ выгодъ или удовольствій.

Въ то время, какъ международная торговля и промышленность вліяли на возникновеніе одинаковаго или почти одинаковаго образа жизни, международная наука, съ своей стороны, вырабатывала, пожалуй, еще болѣе однородный образъ мысли.

Неужели когда-нибудь, въ давно минувшія времена существовала французская физика и англійская физика, латинская химія и германская химія? Пожалуй, при желаніи, можно даже доказывать это. Китайская или индусская медицина, конечно, не то, что медицина европейская, и тѣ, кто придаетъ такое значеніе таинственной силѣ расы, поставлены въ необходимость находить разницу между неолатинской фізіологіей и фізіологіей англо-саксонской. Что касается критики, то, еще очень недавно, мы различали англійскую критику отъ французской, а нѣмецкую философію противопоставляли англійской. Можно безъ особеннаго труда доказать, что именно то, чего Вольтеръ не выносилъ въ Шекспирѣ, особенно восхищало англійскихъ критиковъ. Нельзя найти болѣе яркаго примѣра философовъ, кореннымъ образомъ отличающихся другъ отъ друга, какъ Шеллингъ и Томасъ Ридъ, Шопенгауэръ

и Дугальдъ Стюартъ. Все это измѣнилось на нашихъ глазахъ. Продолжаютъ ли англичане до сихъ поръ интересоваться преимущественно экспериментальной физикой, а нѣмцы трансцендентной метафизикой? Считаютъ ли они, что ихъ обязываетъ къ этому прошлое ихъ расы? Какъ разъ наоборотъ, именно въ Іенѣ и въ Берлинѣ вся философія въ настоящее время сводится къ «физиопсихологіи», а въ Оксфордѣ, по моему, слѣдуетъ искать послѣднихъ метафизиковъ. Это ли не новость! Англичане и нѣмцы помѣнялись вкусами и наклонностями. Но еще болѣе ново то, что всѣ они — англичане, нѣмцы, французы, итальянцы, норвежцы, русскіе — сознаютъ, что дѣлаютъ одно общее дѣло. Наука, — я беру это слово въ самомъ широкомъ его значеніи, — стала для нихъ не только руководительницей общественной жизни, но и верховнымъ безличнымъ закономъ въ области мысли, — тѣмъ, чѣмъ была когда-то религія. Споры и диспуты, безъ сомнѣнія, продолжаются. Это отъ того, что бывають ученые разнаго рода, что наука говоритъ далеко не все, что съ перваго взгляда кажется, будто она говоритъ не все то, чтó ей приписываютъ. Есть вопросы, которые не входятъ въ ея компетенцію и можно съ увѣренностью сказать — не войдутъ никогда. Абсолютъ никогда не будетъ найденъ на дѣѣ реторты. Но никакія разногласія и противорѣчія, никакіе споры и диспуты не помѣшаютъ создаться подъ эгидой науки умственному единенію, и мы смѣло можемъ утверждать, что никогда еще не царило такое единообразіе въ образѣ мысли, какъ теперь. Если рѣшенія поставленныхъ задачъ не всегда одинаковы, то методы, съ которыми приступаютъ къ нимъ, вездѣ одни и тѣ же. Какъ въ одномъ поясѣ земного шара въ одно и то же время года дуютъ одинаковыя вѣтры, точно также и въ мірѣ духовномъ образуются одинаковыя теченія идей, — они одновременно растутъ, господствуютъ, прерываются, падаютъ и уходятъ въ землю.

Возможно ли, чтобы при одинаковыхъ условіяхъ это измѣненіе въ приемахъ мысли и въ образѣ жизни не сопровождалось измѣненіемъ въ чувствахъ? Наши ощущенія, наши чувства мѣняются съ измѣненіемъ причинъ, вызывающихъ ихъ; возможно ли, чтобы преобладаніе въ теченіе долгаго времени одинаковыхъ идей и одинаковыхъ привычекъ не повлекло за собой и одинаковыхъ чувствъ? Это перевернуло бы всѣ законы природы и даже логики. Кто станетъ отрицать, что существуетъ зависимость, пожалуй, еще мало изслѣдованная и не вполне выясненная, но несомнѣнная — между возрастаніемъ числа самоубійствъ и увеличеніемъ пьянства? Переходя къ болѣе пріятнымъ картинамъ, кто станетъ отрицать, что во всемъ мірѣ представленіе о «счастливой жизни»,

а слѣдовательно, и мечты о будущемъ сдѣлались, приблизительно, одинаковыми? *Trahit sua quemque voluptas* *), гласитъ старая поговорка. Не трудно перечислить тѣ наслажденія, къ которымъ стремится современное человѣчество, при этомъ мы съ удивленіемъ увидимъ, что всѣ народы, подъ всѣми широтами, питаютъ совершенно сходственные желанія. Тѣ же кафе-шантаны и тѣ же пивныя, тѣ же прогулки за городъ и тѣ же пикники. Даже спортъ приобретаетъ международный характеръ,—разнаго рода скачки мячъ, лаунъ-тенисъ, велосипедъ. И всѣ одинаково увлекаются спортомъ, продѣлываютъ одинаковыя упражненія, соблюдаютъ одинаковыя правила. Какое же первое послѣдствіе этого? У насъ образуются одинаковыя тѣла, иногда даже съ одинаковыми недостатками и въ каждомъ изъ насъ стираются характерныя, отличительныя признаки расы.

«Въ мірѣ нѣтъ *человѣка*,—говорилъ Жозефъ де-Местръ,—я видѣлъ въ теченіе моей жизни французовъ, итальянцевъ, русскихъ,—благодаря Монтескье, я знаю даже, что можно быть персіаниномъ,—но что касается *человѣка*, я утверждаю, что не встрѣчалъ его за всю свою жизнь: если онъ и существуетъ, то я во всякомъ случаѣ его не знаю». Но если въ прежнія времена парадоксъ Жозефа де-Местра могъ содержать, и дѣйствительно содержалъ нѣкоторую долю истины, то теперь мы принуждены утверждать какъ разъ обратное. По тѣмъ соображеніямъ, которыя мы только-что привели, можно ожидать, что названія: англичане, французы, нѣмцы и итальянцы—будутъ въ скоромъ времени указывать только на политическія группы. Всѣ люди не сдѣлаются вслѣдствіе этого похожими другъ на друга, но различія не будутъ заключать въ себѣ ничего, или почти ничего этническаго: они будутъ исключительно индивидуальными. Тогда создастся «европейская раса». Конечно, ненависть и соперничество не сложатъ оружія, и, если въ то время вспыхнетъ европейская война, она будетъ не менѣе жестока, чѣмъ нынѣшняя войны,—она, какъ сказалъ поэтъ, будетъ «хуже всякой гражданской».

И такъ, напрасны попытки задержать ростъ литературнаго космополитизма или *европеизма*, этотъ ростъ—какъ въ другой области ростъ демократизма—является однимъ изъ многихъ результатовъ, однимъ изъ частныхъ случаевъ, неизбежнымъ слѣдствіемъ общаго хода развитія современнаго человѣчества. Прогрессъ космополитизма непріятенъ только тѣмъ, кто ищетъ въ ли-

*) Каждый влечетъ его страсть.

тературѣ развлеченія отъ бездѣлья и отъ скуки, тѣмъ лѣнивымъ умамъ, которые не терпятъ никакихъ перемѣнъ въ своихъ привычкахъ. Романы Джоржа Эліота или Толстого, «Адамъ Бидъ» или «Анна Каренина», не могли не привести въ недоумѣніе читателей Поль-де-Кока или Пиго Лебрюна, этихъ пресловутыхъ представителей «старого гальскаго духа», а «Призраки» или «Кукольный домъ», которые удивили публику, любовавшуюся «Иностранкой» или «Женой Клода», совершенно скандализировали поклонниковъ Лабиша или Дювера и Лозанна. Но нельзя же вслѣдствіе этого позволить имъ выступать въ роли защитниковъ «французскаго духа», или «національной традиціи»! Если мы боимся восхищаться новымъ талантомъ, не обращая вниманія на его происхожденіе, если мы боимся, что, вслѣдствіе этого восхищенія, характерныя черты нашей литературы затеряются «въ туманахъ сѣвера» или засохнутъ «подъ знойнымъ солнцемъ юга», значитъ, мы плохо понимаемъ въ чемъ состоятъ эти самыя характерныя черты. Изъ всѣхъ литературъ современной Европы, наша французская менѣе всего потеряетъ и болѣе всего выиграетъ отъ развитія космополитическаго или общеевропейскаго духа.

II.

Мы гордимся, и, по справедливости гордимся, тѣмъ мирнымъ господствомъ надъ всемірной литературой, которое долгое время принадлежало намъ. Но что же такъ цѣнили и любили иностранцы въ нашей литературѣ? На какомъ основаніи интересовались они ею? Причины этого явленія могутъ быть историческія и географическія, несомнѣнно были и литературныя. Но, если такъ, то неужели мы настолько глупы и дерзки, что вообразимъ, будто англичане ставили нашихъ великихъ писателей выше своихъ собственныхъ. Декарта выше Бэкона, или Мольера выше Шекспира? Мы не можемъ точно также предполагать, что Расинъ или Лафонтенъ, Паскаль или Боссюэтъ—наши величайшіе художники слова—доставляли итальянцамъ болѣе живыя эстетическія впечатлѣнія, болѣе высокія наслажденія, чѣмъ ихъ собственныя великіе писатели. Петрарка, Аріосто или Тассъ. Неужели мы можемъ себѣ представить, что соотечественники Сервантеса или Кальдерона учились «рыцарству», величію души, героизму у автора «Сиды» и «Горациевъ»? Нѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ! Но съ давнихъ поръ наша литература была наиболѣе «гражданственной» изъ всѣхъ литературъ современной Европы; она всего болѣе заботилась о прославленіи, развитіи и усовершенствованіи всѣхъ «искусствъ»,

полезныхъ для человѣческой жизни». Другими словами: въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій лучшія произведенія французской литературы разсматривали природу и исторію, какъ «функцію человѣка», человѣка, какъ «функцію общества», наконецъ, общество, какъ «функцію всего человѣчества». Поспѣшимъ объяснить, что мы подразумѣваемъ подъ этими математическими и, пожалуй, слишкомъ педантическими формулами.

Разсматривать природу и исторію какъ «функцію человѣка», это значитъ—никогда не терять изъ вида, что достоинство какъ цивилизацій, такъ и отдѣльныхъ личностей измѣряется исключительно по тѣмъ услугамъ, какія они оказали человѣчеству; это значитъ—твердо помнить, что, хотя человѣкъ по отношенію къ природѣ и не представляетъ собою «государства въ государствахъ», однако, человѣчество живетъ, развивается и совершенствуется только при условіи борьбы съ природой. Человѣкъ есть животное, достаточно сильное, чтобы бороться съ природой, и онъ обязанъ дѣлать это. Объ этомъ забываютъ всѣ тѣ, кто восхищается, напримеръ, энергіей цезаря Борджія, какъ можно восхищаться свирѣпостью тигра, или, кто все прощаетъ Нерону ради красивыхъ фразъ, которыя можно о немъ сказать. Въ этомъ, какъ извѣстно, заключается великая ошибка романтиковъ,—автора «Эрнани» или «Антони», не говоря о прочихъ; эти писатели совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы изображать природу и исторію, какъ «функцію человѣка»! Нѣкоторые изъ нашихъ классиковъ также обращали мало вниманія на это,—возьмемъ Корнеля, когда онъ писалъ «Теодору» или «Аттилу». Но остальные, всѣ остальные, всѣмъ своимъ талантомъ, всѣмъ своимъ геніемъ прославляли, какъ мы сказали —«искусства полезныя для человѣческой жизни». Что такъ старательно изгоняетъ изъ своихъ произведеній какой-нибудь Рабле или Монтень? Все, что не «человѣчно», что не входитъ само собой въ область гражданской жизни, что удовлетворяетъ только праздное любопытство, всѣ тѣ вопросы, прообразомъ которыхъ служить химера. Мудрость заключается въ томъ, чтобы стать человѣкомъ, а вся роль писателя—помогать въ этомъ своимъ ближнимъ. Не человѣкъ созданъ для искусства, для литературы, для политики, или даже для религіи, но, наоборотъ, религія, политика, литература и искусство созданы для человѣка. Софистъ былъ правъ, говоря: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, нужно только правильно понимать его. Каковы бы ни были вѣшнія силы, дѣйствующія въ природѣ, и въ исторіи, мы познаемъ ихъ только въ ихъ отношеніяхъ къ намъ. Когда, ради болѣе точнаго опредѣленія, наука или философія отдѣляютъ, изолируютъ ихъ отъ насъ, противопоставляютъ ихъ намъ,

тогда онѣ являются лишь абстракціями. Литература должна постоянно напоминать намъ объ этомъ. Съ этою цѣлью она прилагаетъ къ нимъ мѣрку человѣка; это я и называю—изображать природу и исторію, какъ «функцию человѣка».

Далѣе я сказалъ, что наши великіе писатели изображали человѣка всегда, какъ «функцию общества», и, быть можетъ, именно это свойство особенно рѣзко отличало ихъ отъ великихъ писателей другихъ странъ. Мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, что въ Англіи, какъ и въ Испаніи, въ Италіи, также какъ и въ Германіи, на геній, и даже на талантъ, слишкомъ часто смотрѣли, какъ на средство выдвинуться, стать въ исключительныя условія. Тамъ какъ-то слишкомъ боятся общераспространенныхъ идей. «Громадное преимущество нѣмцевъ,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ г-жа Сталь,— заключается въ независимости ума, въ индивидуальной оригинальности... Въ Германіи все независимо, все индивидуально... нѣтъ ни на что предустановленныхъ взглядовъ». Наши классики, наоборотъ, всегда ставили въ край угла то, что клонилось къ общей пользѣ, и этимъ именно объясняется симпатія къ нимъ даже иностранцевъ. Возьмемъ, для примѣра, басню Лафонтена, комедію Мольера, сатиру Буало. Впрочемъ, предметъ сатиры Буало слишкомъ ясенъ, на немъ не стоитъ останавливаться. Но что такое «Школа мужей» и «Школа женъ», какъ не разсужденія, и весьма основательныя разсужденія, о воспитаніи, какое слѣдуетъ давать женщинамъ для приготовленія ихъ къ будущему браку, а слѣдовательно, *въ интересахъ общества?* Что такое «Тартюфъ», если не разсужденіе, и очень искусно веденное, о томъ значеніи, какое слѣдуетъ придавать религіи *въ интересахъ общества?* Или, наконецъ, что такое «Мизантропъ», какъ не разсужденіе о тѣхъ жертвахъ, какія требуетъ отъ насъ *жизнь въ обществѣ*. Такимъ образомъ, всѣ комедіи Мольера проникнуты общественнымъ интересомъ. Каждому извѣстно, что эти же интересы лежатъ въ основѣ басенъ Лафонтена, и единственно по этой причинѣ Лафонтенъ вовсе не является въ литературѣ XVII вѣка тѣмъ исключеніемъ, какимъ его часто хотятъ представить. Со временъ грековъ никакіе великіе писатели не говорили такъ мало о себѣ, какъ наши французскіе классики. Не только о своей личности, но даже о своихъ чувствахъ и идеяхъ они сообщаютъ только то, что можетъ представить общественный интересъ. Произведенія ихъ не всегда отличаются безукоризненной и высокой нравственностью, но они служатъ школой общественной жизни, «добрыхъ нравовъ», свѣтской мудрости. Они учатъ насъ искусству жить, учатъ насъ быть порядочными людьми. Это я называю изображать человѣка, какъ «функцию

общества»; мы увидимъ ниже, какъ это незамѣтно приведетъ къ изображенію общества, какъ «функціи человѣчества».

Кто можетъ опредѣленно сказать намъ, что хотѣлъ выразить Дантъ своей «Божественной комедіей», какая главная, основная цѣль ея, или какая цѣль «Бури» Шекспира, «Донъ Кихота» Сервантеса? Можно, пожалуй, спросить себя, отдавали ли они сами себѣ отчетъ въ своей цѣли и насколько? или, можетъ быть, ихъ гениі дѣйствовали въ нихъ, какъ «сила природы», можетъ быть, они велики и, главное, оригинальны именно благодаря своему бессознательному творчеству. Между тѣмъ, цѣли, какія преслѣдовалъ Корнель или Мольеръ, одинъ въ «Горацияхъ», другой въ «Тартюфѣ», Паскаль въ «Провинціальныхъ письмахъ», Боссюэтъ въ своей «Рѣчи о всемирной исторіи», эти цѣли ясны какъ день, и всякій школьникъ легко пойметъ ихъ. Каждое произведеніе Боссюэта есть въ то же время доброе дѣло, а онъ написалъ 40 томовъ! Очевидно, въ его умѣ идея служенія человѣчеству, которую онъ смѣшивалъ съ служеніемъ порядку—сливалась съ самымъ представленіемъ о литературной дѣятельности. Эта особенность нашей литературы выразилась наиболѣе ярко въ XVIII столѣтіи. Вольтеръ, импровизируя трагедію или сказку, «Магомета» или «Кандида», Монтескье, разрабатывая главу своего «Духа законовъ», Руссо, обдумывая одну изъ своихъ «Рѣчей», Дидеро, компилируя статью или наполняя страницы «Энциклопедіи»,—всѣ они имѣли въ виду практической результатъ, всѣ они стремились приблизить будущее общество къ идеалу болѣе человѣчному, по крайней мѣрѣ, съ ихъ точки зрѣнія. Всѣ эти писатели прежде всего люди, даже болѣе люди, чѣмъ французы, они пишутъ противъ общества во имя человѣчества. Считаютъ ли они дѣйствительно заблужденіемъ все, съ чѣмъ борются какъ съ предразсудкомъ? Не знаю. Они нападаютъ на традиціи, на обычаи, иногда даже на костюмъ, на все, что дѣлаетъ изъ человѣка продуктъ расы и среды, сына своего отца, уроженца извѣстной мѣстности, члена извѣстнаго сословія, гражданина извѣстной страны. Они нападаютъ на все, что мѣшаетъ развитію отвлеченнаго, безличнаго, всемирнаго разума. Но не потому ли именно ихъ читаютъ и понимаютъ, восхищаются ими, хвалятъ ихъ, подражаютъ имъ и въ Берлинѣ, и въ Неаполѣ, и въ Мадридѣ, и въ Петербургѣ? И нѣмцамъ, и русскимъ они говорятъ о томъ, что у всѣхъ ихъ есть общаго. Нѣтъ человѣческаго сердца, которое не забилось бы сильнѣе при звукѣ словъ Свобода и Справедливость! Я подразумеваю именно это, когда говорю, что они выражаютъ свой идеалъ, какъ «функцію человѣчества».

Всѣ другія объясненія сводятся къ тому же. Часто хвалятъ ясность, логичность и чистоту французскаго языка. Это совер-

шенно справедливо. Но вѣдь не языкъ французскій самъ по себѣ логичнѣе и яснѣе другихъ языковъ, а французская мысль; и она стала такой послѣ пяти или шестидѣсятилетней работы надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя понятной. Чтобы заставить понимать себя, наши великіе писатели употребляли одно только средство, самое вѣрное, самое естественное и самое «гражданское» (теперь умѣстно сказать это)—они говорили о томъ, что могло интересовать наибольшее число людей. «Вы, свѣтская женщина, или вы, мелкій буржуа, — обращаются они къ намъ, — не находите, что этотъ юридическій или богословскій вопросъ имѣетъ для васъ какое-либо значеніе или интересъ, вы предоставляете рѣшеніе его законникамъ и богословамъ! Мы покажемъ вамъ, что здѣсь дѣло идетъ о вашемъ покоѣ, о вашемъ состояніи, о вашей свободѣ, и чтобы доказать вамъ это, мы будемъ говорить съ вами на общепотребительномъ языкѣ, къ которому вы привыкли, на которомъ вы сами говорите». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы погружаться въ эгоистическое самосозерцаніе и писать для нѣсколькихъ посвященныхъ, они считали за честь увеличивать какъ можно больше число своихъ читателей. «Надо писать для всѣхъ,—повторяла Жоржъ Зандъ Флоберу, — для всѣхъ, кому нужны уроки». Вотъ чему насъ учатъ наши классики. Такимъ образомъ, мы видимъ, — наша литература, сохраняя свой національный характеръ, всегда была космополитической. Сказано не «по-французски» не значитъ, сказано неясно, а значитъ не сразу понимается; а что же не сразу понимается?—то, что слишкомъ «лично». Послѣ этого невольнаго отступленія, я возвращаюсь къ бесѣдѣ о вліяніи иностранныхъ литературъ на французскую.

III.

Знаете ли вы Жерома Патюро? Этотъ старый романтикъ, превратившійся въ національнаго гвардейца, различалъ въ политической экономіи двѣ школы: одну онъ называлъ «французской», а другую «общечеловѣческой», чтобы больше унижить ее, какъ онъ самъ выражался. Такъ какъ самъ онъ былъ продавецъ фланели, то всего интереснѣе онъ рассуждалъ о шерсти. «У насъ есть шерсть изъ Дербайшира, — восклицалъ онъ, — у насъ есть шерсть изъ Сеговіи, у насъ есть «курфирстная» шерсть изъ Саксоніи, всѣ онѣ почему-то производятся за-границей. *Это жаль, такъ какъ въ нихъ есть кое-что хорошее*; но это, конечно, не оправданіе, я не могу простить имъ, что они вздумали водиться не въ нашей прекрасной Франціи». Кажется, не слишкомъ дерзко будетъ сказать, что точно также рассуждаютъ нѣкоторые изъ самозванныхъ

защитниковъ нашихъ традицій. Они также не отрицаютъ, что и у Толстого, и у Ибсена есть «кое-что хорошее», но они не могутъ простить этимъ авторамъ, что тѣ писали «не во Франціи», и вотъ они смѣло, хотя не безъ сожалѣнія, превращаютъ литературный вопросъ въ вопросъ патріотизма. Если наша литературная роль состояла въ томъ, что мы являлись посредниками при обмѣнѣ идей, что мы придавали этимъ идеямъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе — англійское, итальянское, нѣмецкое, испанское, восточное, арабское, пожалуй, хоть китайское—видъ, форму и выраженіе, необходимымъ для превращенія ихъ во всемірную мѣнову цѣнность; если, повторяю, такова наша роль, то они даже съ патріотической точки зрѣнія сильно заблуждаются относительно средствъ, какими можно расширить господство, вліяніе и область распространенія французской литературы. Мы сами латинскаго происхожденія, и намъ нечего подсмѣиваться, когда заходитъ рѣчь о возрожденіи латыни. Что касается «сѣверныхъ литературъ», то хотя теперь не время Гёте и Байрона, но мы все-таки измѣняемъ нашимъ истиннымъ традиціямъ именно тогда, когда призываемъ «французскій духъ» на борьбу съ ними. Если намъ удастся когда-нибудь вернуться къ этимъ традиціямъ, то именно сѣверныя литературы совершатъ это чудо; вотъ это-то я и хочу доказать теперь

Что можетъ быть болѣе несогласно съ нашими традиціями, я хочу сказать съ завѣтами Корнеля, Паскаля, Вольтера, и даже Руссо, чѣмъ поклоненіе искусству для искусства, чѣмъ суевѣрное уваженіе къ художественному слогу, чѣмъ фальшивое идолопоклонство передъ формой, верховнымъ жрецомъ котораго былъ авторъ «Госпожи Бовари»? «Честь и поклоненіе божественному совершенству формы!»—говорила Джоржъ Эліотъ, и это несомнѣнно справедливо. Но кого дурачилъ этотъ мистификаторъ Боделаръ, утверждая, что онъ видитъ въ словѣ блескъ «равный сверканью спутанныхъ волосъ кометы»? А Флоберъ, понималъ ли онъ самого себя, когда разсуждалъ, можетъ ли книга, «*независимо отъ того, что въ ней говорится*», обладать высшей красотой? Въ наше время литературы Сѣвера внушили цѣлому поколѣнію молодежи, которая забыла это, что писать надо не для того, чтобы писать, или чтобы описывать, а для того, чтобы дѣлать дѣло,—не для себя одного, не для нѣсколькихъ посвященныхъ, а для всего міра. Какимъ слогомъ написаны романы Толстого и драмы Ибсена? Я не знаю. Но разъ въ переводѣ они производятъ такое же, если не большее дѣйствіе, возбуждаютъ такое же волненіе, оказываютъ такое же вліяніе, какъ на родномъ языкѣ,—приходится признать, что тайна формы не тамъ, гдѣ ее помѣстила, гдѣ ея искала романтическая реторика. Приходится признать, что искусство не можетъ служить

само для себя предметомъ и цѣлью, и что отдѣлять драму или романъ отъ жизни, по скольку они служатъ воспроизведеніемъ ея, значить лишать смысла самое существованіе ихъ. Тому же самому учили насъ и наши классики; во имя какого же узкаго патріотизма откажемся мы снова отъ ихъ завѣта? Идеи приходятъ и уходятъ, онѣ растутъ и измѣняются; пока мы сами отказываемся отъ своихъ традицій, ими овладѣваютъ другія литературы, развиваютъ ихъ, дѣлаютъ, въ свою очередь, своими,—развѣ онѣ перестали вслѣдствіе этого быть нашими? Конечно, нѣтъ! Лишній опытъ подтвердилъ только вѣчную истину.

Если нашимъ литературнымъ традиціямъ противорѣчитъ теорія искусства для искусства, то еще болѣе противорѣчитъ имъ горделивый и наивный субъективизмъ. Я уже много разъ говорилъ, что ничего не имѣю противъ авторовъ «Осеннихъ листьевъ» и «Рюи Блаза» (В. Гюго) или «Валентины» и «Индіаны» (Ж. Зандъ), за то, что они искали вдохновенія исключительно въ самихъ себѣ. Оставаясь тѣмъ, чѣмъ они были, они не могли дать ничего большаго. Кромѣ того, можно восхищаться тѣмъ, чего не одобряешь, и мнѣ было бы жаль, если бы Викторъ Гюго и Жоржъ Зандъ стали иными, чѣмъ были. И все-таки они показали очень дурной примѣръ. Въ противоположность имъ, современныя литературы Сѣвера характерны именно тѣмъ, что авторъ занимаетъ чрезвычайно мало мѣста въ своемъ произведеніи. «Мельница на Флоссъ» далеко не исповѣдь Джоржа Эліотъ. Толстой въ «Аннѣ Карениной» старается тронуть насъ не своей собственной судьбой. Личность Ибсена не выступаетъ передъ нами въ «Кукольномъ домѣ». И кто станетъ отрицать, что въ этомъ именно одна изъ причинъ ихъ успѣха? Всѣмъ надоѣли разныя «исповѣди» дѣтей вѣка. Эти «дѣти вѣка» злоупотребили правомъ повѣствовать намъ о своихъ любовныхъ перипетіяхъ. Мы вполне увѣрены, что есть несчастія, гораздо хучшія, чѣмъ несчастія Олимпія. Наши классики тоже знали это, но они знали также, что невѣжливо, непорядочно говорить постоянно о себѣ. Если иностранцы также замѣтили это, и если въ литературахъ, которыя справедливо слыли за самыя индивидуалистичныя, я утратило свое первенствующее значеніе, то намъ ли жаловаться на это? Почему же опасно для «французскаго духа» опять сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ ему никогда не слѣдовало переставать быть?

Когда предметомъ искусства служить что-нибудь болѣе общее и менѣе эгоистичное, чѣмъ проявленіе таланта самого художника или личности отдѣльнаго человѣка, когда вниманіе обращается на социальныя вопросы,—развѣ это не чисто французское, не чисто классическое направленіе? Флоберъ и Боделеръ смѣялись

надъ этимъ,—я опять принужденъ говорить о нихъ, такъ какъ многіе современные писатели считаютъ именно ихъ своими учителями. Они видятъ высшее торжество искусства въ его безцѣльности. Они чужды и равнодушны къ остальному человѣчеству, для нихъ не существуютъ вопросы, которые интересуютъ насъ, которые составляютъ основу современной жизни. Они идутъ впередъ въ горделивомъ опьяненіи, которое принимаютъ за идеалъ красоты. А между тѣмъ, въ сѣверныхъ литературахъ вотъ уже полстолѣтія какъ писатели пользуются своимъ гениемъ или талантомъ, чтобы проводить «идеи». Да, «Адамъ Бидъ»—это «идея». Если когда-нибудь литературное произведеніе имѣло ясно выраженное намѣреніе доказать что-нибудь, то это, конечно, «Дикая утка» Ибсена. Гдѣ можно найти болѣе очевидную «идею», чѣмъ въ «Крейцеровой сонатѣ»? Вотъ еще причина успѣха «сѣверныхъ литературъ». Толстой настолько уважалъ своихъ читателей, что отдавалъ на ихъ судъ самыя интимныя свои мысли. Ибсенъ столько же моралистъ, сколько драматургъ. Будетъ ли оскорбленіемъ для Джоржа Эліота, если я скажу, что такой-то романъ ея является проповѣдью позитивизма? Это все литература «соціальная», а иногда и «соціалистическая». Но если употреблять послѣднее слово въ смыслѣ противоположномъ «индивидуализму» и «эгоизму», то оно всего болѣе, какъ мы видѣли, примѣнимо къ нашей французской литературѣ. Развѣ не идеи проводятся въ трагедіяхъ Корнеля въ «Гораціяхъ» и въ «Полизвктѣ», въ комедіяхъ Мольера, въ его «Тартюфѣ» или въ его «Ученыхъ женщинахъ»? Надо ли напомнить «Провинціальныя письма» Паскаля или «Проповѣди» Боссюэта? Назовемъ еще сказки Вольтера, которыя также проводятъ «идеи», его «Задигъ», на примѣръ, или «Кандидъ», и романы Руссо, «Эмиль» или «Новая Элоиза». Всѣ эти писатели считали невозможнымъ изображать жизнь, не произнося надъ ней своего сужденія, не пытаясь улучшить ее или внести въ нее больше справедливости и любви. Неужели мы будемъ упрекать сѣверныя литературы за то, что онѣ предпочли такое пониманіе искусства и литературы? Это значило бы, упрекать ихъ за то, что онѣ предпочли наши традиціи всѣмъ другимъ, и, въ доказательство своего патріотизма, —сожалѣть о томъ, что намъ подражаютъ.

Можно ли заключить изъ этого, что мы должны во всемъ подражать «сѣвернымъ литературамъ»? Создать себѣ душу «скандинавскую» или «русскую», написать славянскую «Саламбо» или вывести на сцену норвежскихъ «Рюи Блазовъ»? Это значило бы повторить ошибку романтиковъ. Разъ къ нашему спору примѣшивается патріотизмъ, надобно сказать, что, такъ какъ мы рождены французами, мы должны писать французскіе драмы и романы, а

не русскіе и не карагенскіе. Такъ какъ, кромѣ того, Ибсены и Толстые имѣютъ свои недостатки, также какъ Дюма и Бальзакъ, то мы не будемъ считать эти недостатки за достоинства. Главное же, мы не будемъ ставить въ вину всей сѣверной литературѣ вообще такіе недостатки, какъ, напримѣръ, неправильность построенія или неясность слога, которые составляютъ личную погрѣшность извѣстнаго драматурга или романиста. Красота «Бури», что бы ни говорили, зависитъ не отъ ея туманности, «Отелло» не сталъ менѣе англійскимъ оттого, что онъ вполне ясенъ. И такъ, наши молодые люди ошибаются и поступаютъ не слишкомъ вѣжливо, воображая, что становятся настоящими сѣверянами, какъ только начинаютъ выражаться совершенно непонятно. Когда романисты, драматурги или поэты, сѣверные или южные, сообщаютъ намъ о насъ самихъ или о всемъ человѣчествѣ новыя данныя, новыя или по точкѣ зрѣнія автора, или по изображаемому имъ нраву, а мы отказываемся пользоваться этимъ, обогащать и себя, и сокровищницу европейской литературы изъ-за того, что психологія этихъ произведеній не такова, какъ у автора «Итальянской соломенной шляпы» или даже «Габріэли» и «Молодости»,—тогда-то именно мы и измѣняемъ своимъ собственнымъ традиціямъ. Мы оказываемся неблагодарными относительно нашихъ переводчиковъ, компиляторовъ, критиковъ и оригинальныхъ писателей, относительно Корнеля напримѣръ, который, такъ сказать, похитилъ славу «Сиды» у Испаніи, или Руссо, который своей «Новой Элоизой» создалъ европейскую извѣстность Самуилу Ричардсону.

Слѣдовало бы, можетъ быть, долѣе остановиться на этомъ вопросѣ. Всѣ исторіи французской литературы повторяютъ болѣе или менѣе добродушныя насмѣшки надъ нашимъ исконнымъ равнодушіемъ къ иностраннымъ литературамъ; конечно, иностранцы поспѣшили повѣрить намъ на слово. Какъ будто, начиная съ автора «Гептамерона» и кончая авторомъ «Жиль Блаза», мы не старались ввести въ свою литературу, приспособить къ своимъ національнымъ требованіямъ и итальянскую сказку, и разбойничій испанскій романъ, не говоря уже о театрѣ. Развѣ тотъ самый Вольтеръ, котораго такъ часто обвиняютъ за то, что онъ назвалъ гдѣ-то Шекспира «пьянымъ дикаремъ», развѣ не онъ первый познакомилъ съ Шекспиромъ Францію, и даже Германію? Въ то время иностранцы интересовались нами—потому что мы были Франція Людовика XIV, мы были самымъ популярнымъ, самымъ богатымъ, самымъ благоустроеннымъ народомъ Европы—они интересовались нами и не интересовались другъ другомъ. Кто въ то время во Флоренціи подозрѣвалъ о существованіи Поппа или Адисона, или кто въ Берлинѣ, Лейпцигѣ думалъ о Кальдеронѣ или

о Лопе-де-Вега! А теперь мнѣ не трудно найти нѣмцевъ, которые восторгаются проповѣдями Массильона, которые знаютъ, что такое *Lazarille de Tormes*. Напомнимъ же это другимъ и не будемъ сами забывать. Мы, французы, первые поняли необходимость для великой литературы смотрѣть дальше границъ своего государства. Мы сдѣлали больше. Въ то время, какъ Берлинская академія изслѣдовала причины всемірнаго распространенія французскаго языка и увѣнчивала Ривароля за его рѣчь по этому поводу, мы первые убѣдили Европу, что вѣкъ Людовика XIV не образецъ совершенства, выше котораго нельзя подняться. Наконецъ, мы же положили начало въ наше время литературному космополитизму, и не думаю, чтобы намъ слѣдовало раскаяваться въ этомъ.

Мы можемъ быть покойны: всегда найдется достаточно французовъ, читающихъ «Короля горь» и апплодирующихъ «Ганьотѣ». А если когда-нибудь беззаботная веселость, сверкающая въ такого рода водевиляхъ, затуманится отъ соприкосновенія съ обычной меланхоліей Сѣвера или Юга (Югъ также имѣетъ свою меланхолію, свою грусть, и Леопарди никакъ нельзя назвать веселымъ писателемъ), то, по моему, въ этомъ не будетъ ничего дурного. Если подъ вліяніемъ причинъ, которыя я старался указать, литературный космополитизмъ распространится еще болѣе, и если ему удастся потушить кровавую вражду, которую породило между людьми различіе расъ,—я увижу въ этомъ большой выигрышъ для цивилизаціи и для всего человѣчества. Людямъ никогда не уничтожить той борьбы, которую поддерживаютъ и оживляютъ ежедневно столкновенія ихъ страстей и ихъ идей. Да и нужно ли желать, чтобы эта борьба уничтожилась? Есть «борьба справедливая», хотя нѣтъ справедливой вражды. Но «расовая» вражда, самая ужасная изъ всѣхъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто животное, если можно такъ выразиться, нѣчто въ высшей степени безчеловѣчное. Она нѣсколько утратила въ нашъ вѣкъ свою жестокость и, повидимому, возрождается лишь по временамъ, черезъ болѣе долгіе промежутки. Мы обязаны энергично, неуклонно стараться усыпить, успокоить, уничтожить ее, и если развитіе литературнаго космополитизма приведетъ къ одному этому результату, — мы заранѣе привѣтствуемъ его. Нужно ли прибавлять, что посвятить себя столь великой задачѣ есть роль вполне достойная литературы. Древніе, цивилизація которыхъ стояла несомнѣнно ниже нашей, выражали именно эту мысль, говоря, что многое можно назвать гуманнымъ, но литература гуманна по преимуществу: *humaniores literae*.

Изъ «Revue des Deux Mondes».

НЕБЛАГОДАРНЫЙ.

Соч. Уида.

Переводъ съ англійскаго М. Коршъ.

(Окончаніе *).

Оставшись одинъ въ первый день своего приѣзда, Росковъ первымъ дѣломъ сбросилъ сюртукъ и жилетъ, сѣлъ на стулъ и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ, какъ ребенокъ. Онъ чувствовалъ себя заключеннымъ въ тюрьму.

А Максъ? А Пеинъ?

Развѣ они не были такъ же несчастны, какъ и самъ онъ? Не бесплодна ли была принесенная имъ жертва? Вальбраншъ настоялъ на томъ, чтобы старикъ не видѣлъ ребенка въ теченіе двухъ недѣль, чтобы не тревожить его слишкомъ рано въ его новомъ училищѣ, но Росковъ чувствовалъ, что нѣжный мальчуганъ несчастенъ, такъ же несчастенъ, какъ и террьеръ, рвавшійся съ цѣпи въ кухнѣ фермы

— Мой маленькій Максъ! Мой маленькій Максъ!—разъ двадцать повторилъ Росковъ, и крупныя слезы потекли по костлявымъ пальцамъ его сомкнутыхъ рукъ.

Время шло, но онъ не могъ отдать себѣ отчета, были ли то минуты, часы или дни; вдругъ рѣзкій стукъ въ затворенную дверь вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

— Что вамъ нужно?—спросилъ онъ, не двигаясь.

— Развѣ вы не слышали звонка, сударь? Управляющій приказалъ меня сказать, чтобы вы шли обѣдать,—сказалъ голосъ черезъ замочную скважину.

— Я не хочу обѣдать. Уходите!

*) См. «Миръ Божій», № 11.

— Но вы должны обѣдать, сударь. Здѣсь всѣ обѣдаютъ за общимъ столомъ.

— Я не голоденъ, говорю вамъ, и убирайтесь!

Слуга продолжалъ упрашивать, но напрасно. Росковъ не шевелился. Обѣдъ подали безъ него, а онъ легъ спать, ничего не поѣвъ въ этомъ домѣ, гдѣ четверо поваровъ съ поварятами были заняты приготовленіемъ пиши для жильцовъ Монъ-Парнаса и для болѣе важныхъ лицъ—распорядителей и служащихъ.

Утромъ Роскову было сдѣлано внушеніе и высказана была надежда, что онъ больше ужъ не будетъ дуться; уклоненіе отъ общаго обѣда было нежелательно и дозволялось только въ случаѣ серьезной болѣзни, засвидѣтельствованной врачомъ, состоящимъ при заведеніи.

— Даже звѣрямъ въ зоологическихъ садахъ разрѣшается съѣдать или оставлять свои порціи,—возразилъ неблагодарный старикъ, — но мы, я понимаю, ничтожнѣе ихъ: они болѣе или менѣе рѣдки, а бѣдные люди встрѣчаются такъ часто.

Секретарь, посланный къ нему съ цѣлью внушить ему, что онъ долженъ съѣдать то, что предлагается ему благотворительнымъ учрежденіемъ, былъ такъ же возмущенъ его отвѣтами, какъ и управляющій, и вышелъ отъ Роскова, размышляя о томъ, что сумасшедшіе дома имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ богоугодными заведеніями, ибо въ первыхъ, въ случаѣ необходимости, можно прибѣгать къ ледянымъ душамъ, смирительнымъ рубалкамъ и другимъ способамъ убѣжденія.

— Я пойду навѣстить Пепина,—подумалъ Росковъ, оставшись одинъ.

Въ окно была видна только голая стѣна, но онъ видѣлъ, что свѣтитъ солнце. Онъ не ѣлъ съ полудня вчерашняго дня, но къ посту онъ привыкъ; онъ пилъ только воду изъ стеклянаго кубшина, стоявшаго на столѣ посреди комнаты.

Онъ взялъ шляпу и спустился внизъ, держа въ зубахъ зажатую трубку; одинъ изъ слугъ почтительно остановилъ его.

— Извините, сударь, но развѣ вы не прочли правилъ? Курить разрѣшается только въ курительной комнатѣ.

Росковъ выругался, продолжалъ идти своей дорогой, и даже не взглянулъ на слугу, сидѣвшаго въ большомъ залѣ внизу.

— Вчера вечеромъ слышенъ былъ запахъ вашей трубки, сударь, и мнѣ приказано обратить ваше вниманіе на...

— Я уйду,—сказалъ Росковъ.

— Даже и въ этомъ случаѣ не позволено зажигать сигару или трубку въ стѣнахъ дома. Надѣюсь, сударь, вы заявили въ конторѣ о своемъ намѣреніи уйти?

— Въ какой конторѣ? И къ чему?

— Это одно изъ правилъ, сударь. Таблица правилъ повѣшена въ каждой комнатѣ. Когда одинъ изъ жильцовъ уходитъ на прогулку, онъ заявляетъ объ этомъ въ контору, и если онъ желаетъ вернуться позже пяти часовъ, то долженъ получить на то разрѣшеніе.

— Остановить мнѣ его?—шепнулъ швейцаръ слугѣ, говорившему съ сѣдымъ мятежникомъ, и не знавшему, какъ поступить съ нимъ.

— Нѣтъ, пусть его идетъ на этотъ разъ,—сказалъ наконецъ слуга.—Я доложу управляющему. Онъ приметъ мѣры къ тому, чтобы подобная непокорность не повторялась.

— Что за скверный табачище у этого старика! Кѣмъ онъ былъ прежде? Художникомъ? Онъ больше похожъ на моряка, знакомаго съ бурями.

И швейцаръ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на удалявшуюся фигуру Роскова, который никогда не утрачивалъ сходства съ своею роднею—моряками, хотя и жилъ столько времени въ большомъ и великолѣпномъ городѣ.

Онъ никогда не чувствовалъ влеченія къ искусственнымъ потребностямъ и золотымъ цѣпямъ роскошной и гладкой жизни, какъ многіе изъ его современниковъ, также выросшихъ въ дымныхъ хижинахъ на черномъ хлѣбѣ.

— Все это годно для бабъ! — говорилъ онъ обыкновенно съ добродушнымъ негодованіемъ, глядя на восточныя ткани, на персидскія мѣдныя украшенія, на издѣлія изъ русской кожи и слоновой кости, на индійскія шелковыя матеріи, на бронзу, ковры, атласы, шелки и тропическія растенія въ теплыхъ и накуренныхъ благоуханіями мастерскихъ своихъ товарищей. Когда въ его распоряженіи была большая, холодная, комната, похожая на сарай, съ большимъ окномъ, обращеннымъ на сѣверъ, онъ считалъ себя счастливымъ. Роскошь всегда была ему противна, надѣдала ему и давила его. Въ первыя пятнадцать лѣтъ своей жизни онъ во всякую погоду бѣгалъ босикомъ по песку и по скаламъ, по горячимъ камнямъ и по соленымъ лужамъ на берегу моря.

Даже въ тѣ дни, когда цѣлая толпа восторженныхъ учениковъ называла его «дорогимъ учителемъ», и когда богачи перебывали другъ у друга его самые маленькіе холсты, онъ по внѣшнему виду не переставалъ походить на своихъ предковъ—рослыхъ, грубоватыхъ, широкоплечихъ, бородатыхъ людей, привыкшихъ бороться съ вѣтромъ и волнами и въ снѣгъ, и въ бурю.

Росковъ вышелъ изъ Монъ-Парнаса, и въ душѣ его бушевала ярость. Въ первый разъ въ жизни отъ него потребовали послушанія. Кровь кипѣла въ его жилахъ: старость еще не научила ее течь лѣнливо и медленно при оскорбленіи.

Правила! Правила!

Богатые и свободные люди знаютъ, какъ раздражаютъ правила и предписанія въ гостинницахъ и клубахъ, которые они могутъ покинуть, когда угодно. Но если эти запрещенія являются булавками, воткнутыми въ большое тѣло, нитями толще веревокъ, которыми былъ привязанъ безпомощный Гулливеръ, то нельзя ни измѣрить всей доставляемой ими пытки, ни отрицать ихъ способности ввергнуть здороваго человѣка въ безуміе или ввести въ преступленіе.

— Мужества побольше! это все пустяки!—говорилъ Росковъ самъ себѣ, идя по дорогѣ.—Надо дѣйствовать въ надлежащемъ духѣ, какъ заявилъ мнѣ вчера этотъ управляющій.

Не успѣлъ онъ отойти по дорогѣ настолько, чтобы потерять изъ виду большой бѣлый домъ, сдѣлавшійся его тюрьмою, какъ вдругъ увидѣлъ быстро бѣгущую ему на встрѣчу женскую фигуру и узналъ Жанну Жерве, жену фермера, у которой онъ оставилъ Пепина.

— Гдѣ собака?—закричалъ онъ, прежде чѣмъ женщина добѣжала до него.

— О, господинъ Росковъ!—закричала она въ отвѣтъ.—Я пришла сказать вамъ, что мы посадили ее въ сарай, положили ей соломы и поставили ей хорошій ужинъ, потому что въ кухнѣ мой мужъ не могъ слышать ея воя; мы заперли сарай крѣпко-на-крѣпко, но сегодня утромъ, когда мы вошли туда, чтобы накормить собаку, ея уже не было; она прогрызла и проскребла дыру въ двери, кругомъ лежали щепки и мелкіе кусочки дерева, и собака должно быть пролѣзла въ дыру и убѣжала. Я пришла спросить, не у васъ-ли она?

Росковъ издалъ звукъ, похожій не то на ругательство, не то на вздохъ.

— Бѣдвяга Пепинъ вѣрно побѣжалъ въ Парижъ, домой—онъ никогда въ жизни не зналъ другого жилища, кромѣ чердака въ Тампль!

— Зачѣмъ вы посадили его въ сарай?—прибавилъ старикъ съ гнѣвомъ.—Развѣ вы не могли сдержатъ слова хоть одинъ день? Вѣдь вы обѣщали не отпускать его отъ себя.

— Но, голубчикъ,—сказала женщина дрожа,—я въ домѣ не одна, какъ вамъ извѣстно. Мой мужъ и мои сыновья не могли вы-

носить его вся; они тяжело работают, и ночью имъ нуженъ отдыхъ; къ тому же, сарай былъ запертъ. Какъ могли мы думать, что маленькій звѣрекъ можетъ дѣйствовать зубами, какъ плотникъ своими инструментами? Придите и посмотрите сами, что онъ надѣлалъ.

— Я пойду въ городъ. Его могла схватить полиція. Собакъ забираютъ и уничтожаютъ, какъ гадовъ.

Росковъ повернулъ назадъ по направленію къ Сенѣ, не обращая вниманія на женщину. Она, всхлипывая, побѣжала за нимъ.

— Если вы найдете собаку, приведите ее къ намъ. Мы съумѣемъ лучше позаботиться о ней...

Но онъ все шелъ, не слушая ее и не оборачиваясь. Сердце его сжималось при мысли о его маленькомъ товарищѣ. На прежней квартирѣ Пепина никто не видалъ. Гдѣ же онъ могъ быть? Какъ найти его? За это время онъ могъ забѣжать очень далеко. Старая служанка позволила Роскову посидѣть въ своемъ чуланѣ и подождать Пепина. Комнатка старика была уже сдана другимъ жильцамъ—трубочисту съ семьею.

— Если онъ прибѣжитъ, вы присмотрите за нимъ?—сказалъ Росковъ старухѣ, напрасно прождавъ нѣсколько времени.

Она обѣщала.

Росковъ отправился на съѣзжую: тамъ собаки не было; измученный, разбитый, съ болью въ сердцѣ вернулся онъ въ предмѣстье Тампля. Онъ былъ увѣренъ, что Пепинъ прибѣжитъ туда. Когда онъ дошелъ до дверей, старуха закричала:

— Ай, ай, ай! Зачѣмъ только вы ушли? Часа два тому назадъ онъ прибѣгалъ весь въ пыли, взбѣжалъ на чердакъ, но изъ вашей прежней комнаты его выгнали метлою, и онъ сбѣжалъ внизъ, вездѣ все обнюхивая—я думаю, онъ искалъ вашихъ слѣдовъ—и, не остановившись около меня, выбѣжалъ на улицу такъ быстро, что я не могла остановить его. Я сдѣлала все, что могла, но вы знаете, у меня ревматизмы и скоро ходить я не могу. Онъ навѣрно побѣжалъ по вашимъ слѣдамъ.

— Бѣдняжка!—промовилъ Росковъ и, несмотря на свою усталость и голодъ—онъ съ утра съѣлъ только корку хлѣба и кусокъ колбасы, купленной за четыре су на улицѣ—повернулъ назадъ по направленію къ Нельи. Длинный день уже приходилъ къ концу. Пройти пѣшкомъ черезъ весь Парижъ, переходя изъ одного квартала въ другой, требуетъ много времени даже у хорошаго ходока.

Вечеръ былъ прелестный.

Росковъ, какъ это часто съ нимъ бывало, пробирался между всѣми этими каретами, телѣгами, омнибусами и пѣшеходами, оста-

ваясь одинокимъ въ толпѣ со своимъ горемъ, какъ каждый изъ насъ одинокъ во всю свою жизнь. Несмотря на свою силу и привычку къ труду, онъ былъ очень утомленъ. Онъ не зналъ, гдѣ искать Пепина; денегъ у него не было, и онъ не могъ обѣщать награды тому, кто найдетъ его, даже со сѣзжей онъ могъ бы выкупить собаку не иначе, какъ попросивъ на то денегъ. Игнѣть собаку — большое преступленіе для бѣдняка, и это преступленіе неизмѣнно наказывается надлежащимъ образомъ.

Росковъ шелъ медленно: мимо него проѣзжали конки, въ деревьяхъ шелестѣлъ вѣтеръ; время отъ времени навстрѣчу ему попадался подозрительно глядѣвшій на него полицейскій. На небѣ сіяли звѣзды; Росковъ ничего не зналъ о нихъ, но любилъ ихъ любовью художника, болѣе нѣжной, хотя и менѣе сознательной чѣмъ любовь астронома. Онъ взглянулъ на огромное солнце, которое на человѣческомъ языкѣ называется звѣздою Алтаромъ; въ газетѣ онъ прочелъ, что Алтарь съ каждымъ годомъ подходит все ближе и ближе къ землѣ, и что въ концѣ концовъ, вступивъ въ нашу солнечную систему, онъ зальетъ нашу планету нестерпимымъ свѣтомъ и сообщитъ ей такой жаръ, что всякая жизнь на землѣ погибнетъ, и Алтарь поглотитъ въ своемъ пламени и горящую землю, и мертвую луну, и побѣжденное солнце.

Росковъ поглядѣлъ на сіяющую звѣзду, самую яркую на всемъ небосклонѣ.

— Хорошо, подумалъ онъ.—Если бы ты явился теперь, ты не пришелъ бы слишкомъ рано. Земля прожила достаточно долго, и во все время ея существованія люди только и дѣлали, что ссорились, преслѣдовали и убивали другъ друга.

Потомъ глаза его снова устремились на пыльную дорогу, и онъ продолжалъ идти; голова его опустилась на грудь, усталыя ноги тащились словно свинцовыя гири.

Подходя къ концу одного бульвара, онъ услышалъ прерывистое, тяжелое дыханіе, и, задыхаясь отъ изнеможенія, обезумѣвъ отъ радости, прыгнулъ на него маленькій желтый терьеръ.

— Такъ это ты, дружокъ мой! Мой бѣдный, вѣрный, маленькій дружокъ! Какъ это ты отыскалъ меня? — воскликнулъ Росковъ, и глаза его наполнились слезами, когда онъ обнялъ свою собачку.

— Ну, хорошо же, сегодня я не вернусь въ Монъ-Парнасъ. Было бы слишкомъ подло покинуть тебя теперь, когда ты доказалъ мнѣ свою вѣрность. Мы переночуемъ съ тобою гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ, Пепинъ. Это вѣдь намъ не впервые.

Пепинъ все прыгалъ вокругъ своего хозяина, не помня себя отъ радости.

Росковъ сошелъ съ большой дороги и углубился въ поле; здѣсь всѣ мѣста были ему знакомы, онъ зналъ, гдѣ находится остатокъ стариннаго королевскаго парка—уединенное и тѣнистое мѣстечко, еще не купленное и не застроенное, хотя на немъ уже вывѣшена была досочка съ крупною надписью: «Это мѣсто продается».

Потому ли, что за участокъ была назначена слишкомъ высокая цѣна, или потому, что манія все застраивать на время сосредоточилась въ предмѣстьяхъ, но никто не купилъ еще этихъ нѣсколькихъ десятинъ парка, и тишина этого лѣсистаго мѣста нарушалась только дѣтьми, приходившими туда за орѣхами, за цвѣтами или за птичьими гнѣздами, а зимою здѣсь тайкомъ ставились западни для зайцевъ или кто-нибудь тайкомъ же пристрѣливалъ полузамерзшаго дрозда. Росковъ бывалъ тутъ лѣтомъ два или три раза вмѣстѣ съ Максомъ и замѣтилъ старый душлистый дубъ, въ сѣдой глубинѣ котораго могло помѣститься съ полдюжины людей; туда-то направился старикъ съ собакой. Ночь была свѣжая, но небо было ясно; воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ травъ и полевыхъ цвѣтовъ, и не было ни сторожа, ни жандарма, который сталъ бы спрашивать о правахъ Роскова ночевать въ этомъ мѣстѣ. Онъ сѣлъ подъ старымъ дубомъ, закурилъ трубку и накрошилъ Пенину остатки хлѣба, купленнаго въ городѣ. Собачка, ничего не ѣвшая ужъ цѣлыя сутки, ѣла съ жадностью, а потомъ стала лаять воду изъ маленькаго ручейка, журчавшаго подъ мохомъ.

— А! полевой ключъ! сказалъ Росковъ вполголоса.—Такимъ ключомъ можно открыть себѣ дверь столькихъ наслажденій? Ни одинъ золотой ключъ не можетъ съ ними сравниться!

Тишина, неподвижность росистаго пространства, запахъ листьевъ, травъ и цвѣтовъ напоминали ему спокойное время передъ войною, когда онъ цѣлые мѣсяцы проводилъ въ лѣсахъ подъ Парижемъ, спалъ подъ открытымъ небомъ, подложивъ подъ голову завернутый въ пледъ ящикъ съ красками. Онъ продолжалъ курить, а ночь становилась все темнѣе, планеты и звѣзды горѣли все ярче, и безчисленные, еле-уловимые звуки жизни насѣкомыхъ дѣлались все слышнѣе. Роскова стало клонить ко сну, и онъ растянулся во всю длину внутри дупла, а собачка крѣпко прижалась къ его груди и сладко уснула, издавъ радостный вздохъ.

— Бѣдный, вѣрный звѣрекъ!—прошепталъ Росковъ.—Помнишь ли меня Максъ такъ же, какъ ты?

Максъ въ это время также спалъ въ хорошенькой бѣлой кроваткѣ, съ счастливою улыбкой на лицѣ, сжимая ручкой маленькій ярко-раскрашенный пароходъ съ заводомъ, полученный имъ въ этотъ день въ подарокъ.

Росковъ спалъ крѣпко, какъ и собака; никогда не удалось бы ему уснуть такъ въ аккуратной, опрятной, сѣрой комнатѣ Монъ-Парнаса. Росковъ былъ похожъ на льва, вырвавшагося изъ звѣринца и пользующагося краткою свободой среди полей передъ тѣмъ, какъ снова попасть въ неволю. Лучи солнца, проникнувъ въ дупло дуба, разбудили старика. Онъ взглянулъ на дневной свѣтъ, взглянулъ на прижавшагося къ нему Пепина, вспомнилъ все, вздрогнулъ, вздохнулъ и всталъ съ мѣста своего, слишкомъ короткаго, отдыха.

— Бѣдный Пепинъ,—сказалъ онъ собачкѣ:—день наступилъ. Опять начнутся мои и твои страданія.

Пепинъ, вообразившій, что они проживутъ всю жизнь въ дуплѣ дуба, среди листьевъ и птицъ, искоса робко взглянулъ на своего господина и принялся чистить свою пыльную и смятую шерсть.

— Ты можешь охорашиваться, дружокъ, а я не могу,—сказалъ Росковъ, замѣтивъ, что щегольское новое платье, полученное отъ Вальбранша, пришло въ самый плачевный видъ отъ парижской пыли и отъ ночной сырости и росы.

— Такъ-то лучше,—подумалъ онъ.—Мнѣ легче будетъ ходить въ поношенномъ платьѣ.

Потомъ онъ встряхнулся такъ же, какъ и Пепинъ, и всталъ, чтобы покинуть свое пріятное убѣжище подъ листьями. Онъ подумалъ о томъ, что дѣлаетъ Максъ—можетъ быть, плачетъ, тоскуетъ, всхлипывая произносить свои коротенькія молитвы?

Максъ въ это время пилъ утренній кофе съ молокомъ и съ превосходнымъ аппетитомъ закусывалъ хлѣбомъ съ ветчиной, катая по столу свой пароходикъ и воображая, что скатерть представляетъ собою Сену.

— Бѣдная моя собачка, намъ надо разстаться и отправляться въ наши тюрьмы,—сказалъ Росковъ. И хозяинъ, и собака жаждали провести остатокъ дня и всѣ дни остатка своей жизни на свободѣ, среди этихъ деревьевъ, подъ этимъ небомъ, но старикъ долженъ былъ сдержать свое слово. Онъ принужденъ былъ вернуться, какъ узникъ, выпущенный на честное слово, долженъ вернуться по внушенію невидимой силы того чувства, которое мы называемъ честью. Вальбраншъ выполнилъ съ своей стороны условіе; Росковъ также не могъ уклониться отъ его выполненія.

Онъ повелъ Пепина на ферму, гдѣ женщина радостно привѣтствовала его, а фермеръ и сыновья его искоса глядѣли на собаку и на ея хозяина.

— Мы со временемъ помиримся съ вами,—сказалъ Росковъ, стараясь смягчить ихъ;—я приду гулять съ нимъ сегодня днемъ,

а потомъ буду приходиться неизмѣнно по два раза въ день. Пожа-луйста, будьте добры къ нему.

И бѣднаго Цепина опять привязали къ скамейкѣ, а онъ смотрѣлъ на своего хозяина влажными, грустными, умоляющими глазами, словно спрашивалъ: «Такъ вотъ награда за мою вѣрность?»

— Увы, дружокъ!—промолвилъ Росковъ, отвѣчая на безмолвный упрекъ,—люди не награждаютъ вѣрности, такъ какъ этой добродѣтели среди нихъ не встрѣчается; у нихъ вѣрность считается глупостью.

Потомъ, слыша за собою неистовые крики собаки, Росковъ вышелъ и отправился въ Монъ-Парнасъ.

Швейцаръ отворилъ ему дверь, съ гнѣвомъ и недоумѣніемъ взглянулъ на состояніе его одежды, смоченной росой и носившей на себѣ слѣды моха и плѣсени; слуги безъ всякихъ разспросовъ пропустили его въ его комнату, гдѣ онъ умылся, пригладилъ волосы и бороду и вычистилъ свое новое платье, которому уже не суждено было казаться новымъ.

Едва успѣлъ Росковъ привести себя въ порядокъ, какъ въ дверь къ нему кто-то постучался, и, не дожидаясь приглашенія, вошелъ въ комнату управляющій. На лицѣ его выражалась грусть, негодованіе и играла полу-оправдательная, полу-обвинительная улыбка.

— Милостивый государь!..—началъ онъ и остановился.

Росковъ продолжалъ чистить свой скюртукъ и не произнесъ ни звука, чтобы облегчить затруднительное положеніе своего по-сѣтителя.

— Васъ всю ночь не было,—сказалъ управляющій, откашливаясь.

— Да, это правда,—сказалъ Росковъ и прибавилъ съ короткимъ, язвительнымъ смѣхомъ:—я полагаю, въ моемъ возрастѣ, вамъ не приходится опасаться за мою нравственность.

— О, конечно!—сказалъ управляющій со сконфуженной улыбкой,—мы, конечно... не думаемъ... мы не такъ не деликатны. Но я долженъ сказать вамъ, что правила этого заведенія должны быть соблюдаемы всѣми. Мы не можемъ дѣлать исключеній.

— Конечно, но нужно ли выдумывать правила?

Управляющій вытаращилъ глаза.

— Правила необходимы во всякомъ учрежденіи, и соблюденія ихъ слѣдуетъ требовать.

— Ну, нѣтъ,—сказалъ Росковъ рѣзко,—здѣсь правилъ не нужно. Это не домъ умалишенныхъ, не государственная тюрьма, не исправительный домъ и не больница; всѣ ваши жильцы здоровы,

не совершили преступленія, и это даже люди, поработавшіе для своихъ современниковъ; зачѣмъ вамъ предписывать имъ порядокъ ихъ жизни?

— Это люди, не сумѣвшіе устроиться,—съ презрѣніемъ подумалъ управляющій.—Если имъ и везло когда-то, то они не сумѣли воспользоваться своимъ успѣхомъ и обратить его въ купоны и облигаціи. Можно ли потакать подобной непредусмотрительности?

Вслухъ онъ началъ перечислять обычные положенія буржуазной морали: необходимость правильнаго распредѣленія времени, опредѣленныхъ часовъ для принятія пищи, хорошаго примѣра прислугѣ, пріобрѣтенія надлежащихъ привычекъ, уваженія къ условіямъ и авторитету. Когда онъ остановился, чтобы перевести духъ, Росковъ опять засмѣялся своимъ короткимъ, обезоруживающимъ, смѣхомъ.

— Мы нищѣ, не такъ ли? Не золотите пилкою. Протожкните ее въ наши глотки съ вашимъ лошадинымъ поиломъ!

— Я же тутъ при чемъ?—сказалъ управляющій, выведенный изъ терпѣнія.—Правила составлены комитетомъ. Я здѣсь для того, чтобы слѣдить за ихъ исполненіемъ. Позвольте же мнѣ замѣтить вамъ, г. Росковъ, что въ теченіе сутокъ вы нарушили всѣ эти правила.

— Въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ Росковъ.—Боюсь, какъ бы я опять не нарушилъ ихъ въ еще болѣе короткій срокъ. Что же дѣлать? Вчера ужъ я говорилъ вамъ, что я слишкомъ старъ, чтобы начинать учиться.

— Но вы не слишкомъ стары, чтобы спускаться внизъ къ обѣду, или курить въ отведенной для этой цѣли комнатѣ, или спать на вашей постели,—съ нетерпѣніемъ возразилъ управляющій.

— Я не могу ѣсть на народѣ,—сказалъ Росковъ, сжимая свои, все еще бѣлые и сильные, зубы,—и я буду уходить, когда мнѣ вздумается.

Управляющій вынулъ изъ кармана запечатанный конвертъ.

— Я долженъ передать вамъ это письмо, такъ какъ мои доводы оказываются бесполезными.

Росковъ узналъ почеркъ Вальбранша на конвертѣ изъ толстой, нарядной бумаги и молча распечаталъ его. Письмо было такого содержанія:

«Любезный другъ! Вы человѣкъ чести, а потому спрашиваю васъ, можно ли пользоваться благодѣянiami покойныхъ братьевъ Фирменовъ и въ то же время являть собою примѣръ непокорности и неблагодарности въ основанномъ ими заведеніи? Я предоставляю

отвѣтъ на этотъ вопросъ вашей совѣсти и вашимъ чувствамъ. Мальчикъ вашъ здоровъ и веселъ, и если вы не будете слишкомъ часто навѣщать его, черезъ недѣлю примирится вполне со своею участію. Я самъ видѣлъ его и привезъ ему игрушку.

Всегда преданный вамъ

Морисъ Вальбраншъ».

Смуглое, загорѣвшее лицо Роскова покрылось мертвенною блѣдностью, пока онъ читалъ письмо. Управляющій слѣдилъ за нимъ съ тихимъ, кошачьимъ, удовольствіемъ, съ какимъ медкая душа всегда глядитъ на страданія великой души. Росковъ чувствовалъ, что выраженіе лица выдаетъ его волненіе, но не могъ овладѣть собою. Онъ отвернулся къ окну, чтобы скрыть лицо отъ управляющаго, и такъ долго молчалъ, глядя на письмо, что посылитель его потерялъ терпѣніе.

— Я полагаю, что г. Вальбраншъ не сталъ бы писать напрасно? Его доводы, вѣроятно, окажутся убѣдительнѣе моихъ,—замѣтилъ онъ съ едва скрытою дерзостью въ тонѣ.

Росковъ быстро повернулся къ нему.

— Г. Вальбраншъ не говоритъ мнѣ, что за пользованіе столомъ и квартирой я обязанъ выносить дерзости служащихъ, получающихъ жалованье!—сказалъ старикъ громовымъ голосомъ.— Вы не имѣете права приходить ко мнѣ въ комнату, когда вамъ вздумается. Если это нужно, я буду подчиняться правиламъ комитета; но если вы будете являться ко мнѣ безъ моего зова, я подамъ на васъ жалобу.

Онъ говорилъ съ такою страстью, съ такимъ авторитетомъ, съ такою надменностью, которая показала управяющему столь же непростительною и нестерпимою, какъ если бы ее проявилъ вищій и на мгновеніе врагъ былъ усмирень. Онъ не зналъ содержанія письма Вальбранша и, считая молчаніе лучшимъ средствомъ сохранить свое достоинство, пробормоталъ нѣсколько едва слышныхъ словъ и вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Росковъ перечелъ письмо, столь жестокое при всей своей вѣжливости, столь неотразимое въ своемъ остроуміи.

Вальбраншъ былъ искусный знатокъ человѣческаго сердца, и хотя въ его собственномъ сердцѣ не звучали особенно тонкія струны, но онъ умѣлъ затрагивать и извлекать изъ этихъ струнъ звуки, если онѣ были на лицо въ сердцахъ другихъ.

— О Максъ, Максъ!—промолвилъ Росковъ.—Собака лучше тебя, если въ письмѣ говорится правда. А я долженъ слушать этихъ тюремщиковъ изъ за тебя!

Когда пробило двѣнадцать и на гонгѣ въ большой залѣ раз-

*

дался призывъ къ завтраку, Росковъ спустился внизъ въ столовую съ страннымъ, новымъ, непріятнымъ чувствомъ застѣнчивости и замѣшательства. Въ свои лучшіе годы онъ никогда не былъ человѣкомъ общительнымъ; онъ всегда жилъ своею особенною жизнью, вдали отъ міра; онъ всегда былъ сыномъ народа и бретонцемъ въ душѣ. Онъ никогда ни съ кѣмъ не обѣдалъ, кромѣ нѣсколькихъ непритязательныхъ артистовъ, вродѣ его самого, и, благодаря крайней бѣдности въ послѣднія двадцать лѣтъ, всегда ѣлъ, какъ и жилъ, въ полномъ одиночествѣ, съ тѣми грубыми, варварскими пріемами, которые порождаются бѣдностью. Для него было пыткой быть среди незнакомыхъ.

Столовая была большая, красивая, богато обставленная комната съ обшитыми деревомъ стѣнами и съ лѣпнымъ потолкомъ; архитектору, малярамъ и обойщикамъ не было отказа ни въ чемъ при отдѣлкѣ Монъ-Парнаса, дабы доходы ихъ были больше. Столовая въ глазахъ Роскова имѣла скорѣе видъ церкви.

Управляющій съ привѣтливой улыбкой подошелъ къ нему.

— Милости просимъ къ нашему столу, г. Росковъ,—сказалъ онъ любезно.—Надѣюсь, аппетитъ у васъ будетъ хорошій, а это лучшая приправа къ обѣду.

Росковъ, которому было не по себѣ, неловко и сконфуженно вышелъ впередъ и сѣлъ на край указаннаго ему стула. Шестнадцать человѣкъ, считая управляющаго и секретаря, сидѣло за большимъ овальнымъ столомъ, накрытымъ дорогою бѣлою скатертью и убраннымъ хрусталемъ, серебромъ и цвѣтами въ вазахъ изъ стариннаго фарфора. Всѣ шестнадцать человѣкъ съ любопытствомъ и съ зарождающейся враждебностью посмотрѣли на Роскова; такимъ взглядомъ смотрятъ собаки на чужую собаку, забѣжавшую къ нимъ.

Росковъ самъ негодовалъ на себя за свое смущеніе; неужели же онъ, никогда, ни передъ кѣмъ не склонявшійся, ни отъ кого не зависѣвшій, можетъ быть сконфуженъ при одномъ видѣ накрытаго стола и сидящихъ вокругъ него незнакомцевъ? Онъ забылъ всѣ приличія, забылъ почти, для какой цѣли употребляются вилка и салфетка; онъ долго довольствовался однимъ складнымъ ножомъ, которымъ рѣзалъ свою скудную пищу на углу сосноваго стола, и оловянною ложкой, которою изрѣдка хлебалъ луковый супъ. Всѣ устремленные на него глаза отняли у него аппетитъ, хотя онъ естественно чувствовалъ голодъ послѣ столь долгаго воздержанія. Напрасно сосѣдь его съ правой стороны, старый музыкантъ-композиторъ, хорошо знавшій Роскова по имени и бывшій его современникомъ, старался сломать ледъ и втянуть его въ раз-

говоръ. Росковъ отвѣчалъ только едва слышнымъ, неяснымъ звукомъ. Всѣ остальные разговаривали между собою, иные смѣялись, обсуждали новости дня, одобрительно отзываясь объ изобрѣтательности управляющаго; но Росковъ не могъ ни говорить, ни слушать, и пища, хотя и хорошая, душила его при каждомъ глоткѣ: это вѣдь была милостыня.

Онъ чувствовалъ себя неуклюжимъ, неловкимъ, непохожимъ на окружающихъ; это были также люди бѣдные, но всегда соблюдавшіе приличія, отъ которыхъ самъ онъ такъ отвыкъ, что забылъ, въ чемъ они должны состоять.

Онъ всталъ раньше всѣхъ прочихъ, прежде чѣмъ управляющій подалъ къ тому знакъ, и вышелъ изъ столовой, ни съ кѣмъ не сказавъ ни слова.

— Какой медвѣдь!—сказалъ одинъ изъ жильцовъ, когда-то бывший журналистомъ и который имѣлъ такое же право жить въ Монъ-Парнасъ, какъ если бы былъ трубочистомъ.

— Можно захворать при видѣ того, какъ онъ ѣсть,—промовилъ господинъ, который въ свое время писалъ маленькіе пасторали для сцены и былъ любимцемъ императрицы въ Компьенѣ.

— Господа, — сказалъ композиторъ, современникъ Роскова, — если это зданіе должно быть убѣжищемъ для людей гениальныхъ, то никто не имѣетъ больше правъ быть здѣсь жильцомъ, чѣмъ Пьеръ Росковъ.

Это замѣчаніе на мгновеніе заставило умолкнуть жильцовъ Монъ-Парнаса; многіе изъ нихъ были людьми талантливыми, но никто не могъ назвать себя гениальнымъ.

Но они скоро стряхнули съ себя непріятное впечатлѣніе.

— Пусть гений ѣсть въ своей собственной клѣткѣ, какъ левъ,—сказалъ съ вѣжливой усмѣшкой сочинитель эклога и идиллій, бывший некогда любимцемъ въ Компьенѣ.

— Я очень жалѣю, господа, если вамъ пришлось испытать нѣкоторыя непріятности, но таковы правила...—сказалъ управляющій, похлопавъ пальцы въ хрустальномъ сосудѣ съ розовой водой.

Послѣдующіе дни потекли однообразно. Каждый изъ нихъ, какъ двѣ капли воды, походилъ на другой.

Два раза въ день Росковъ подвергался пыткамъ ѣсть на народѣ. Два раза въ день онъ отправлялся за Пепиномъ и водилъ его гулять и возился съ нимъ цѣлые часы, не смотря ни на какую погоду, такъ какъ эти прогулки были единственнымъ смягченіемъ участи собаки и его собственной.

Если бы не было этихъ часовъ, проводимыхъ въ поляхъ, въ лѣсахъ или на фермахъ для утѣшенія Пепина, то жизнь была бы

для Роскова нестерпимой. Онъ ни съ кѣмъ не знакомился; за обѣдомъ и завтракомъ онъ молчалъ; смущеніе его оставалось неизмѣннымъ; онъ никогда ни на іоту не примирялся съ устремленными на него взорами другихъ жильцовъ или съ тѣмъ наблюденіемъ и вмѣшательствомъ, которыя онъ преувеличивалъ въ своемъ разстроенномъ воображеніи.

И всякій разъ, уходя изъ дому, онъ долженъ былъ объявлять о своемъ намѣреніи въ конторѣ; всякій разъ, какъ вечеромъ ему хотѣлось покурить свой крѣпкій табакъ, онъ долженъ былъ идти въ освѣщенную электричествомъ курительную комнату, убранную кожаными диванами и металлическими плевальницами, и гдѣ его старая, черная короткая трубка, другъ столькихъ лѣтъ, казалась далеко не такой вкусной и не давала ему успокоенія.

Онъ постоянно сердился, живя въ своей великолѣпной тюрьмѣ такъ же, какъ сердилась въ сараѣ его собачка, посаженная на цѣпь.

Старикъ-композиторъ и одинъ или двое другихъ пытались-было завязать съ нимъ любезный разговоръ, но всегда встрѣчали съ его стороны отпоръ; поэтому даже эти немногіе обыкновенно оставляли его въ покоѣ, и жильцы Монъ-Парнаса прозвали его ежомъ.

Онъ старался всѣми силами сообразоваться съ правилами заведенія, побѣдить въ себѣ упорную и непреклонную независимость, сдѣлавшуюся его второй природой. Но это не всегда ему удавалось, и онъ часто подавалъ поводъ къ недовольству. Никто не любилъ его, начиная съ прислуги, которой онъ не могъ давать на чай, и кончая даровитыми людьми, нашедшими себѣ убѣжище въ Монъ-Парнасѣ и чувствовавшими, что онъ съ презрѣніемъ относится къ ихъ прошлому и къ ихъ притязаніямъ. Его считали надутымъ, между тѣмъ какъ онъ былъ только несчастенъ, считали грубіаномъ, между тѣмъ какъ душа его была полна горемъ и угнетена потерей свободы.

Ему не давало также покоя мучительное и грызущее сомнѣніе, дѣйствительно-ли эта горькая для него жертва была полезна ребенку?

Въ концѣ перваго мѣсяца, Росковъ, согласно условію, пошелъ навѣстить Макса.

Домъ, куда помѣщенъ былъ мальчикъ, находился недалеко отъ Jardin des Plantes, среди большого сада, въ зоршэмъ, залитомъ солнцемъ, мѣстѣ. Это былъ домъ, гдѣ подобало жить дѣтямъ благороднаго происхожденія.

Роскова провели въ небольшую гостиную и просили обождать. Онъ привелъ съ собою Пепина, который дрожалъ отъ радостнаго ожиданія, догадываясь, повидимому, съ кѣмъ ему предстоитъ встрѣтиться.

Дверь отворилась.

— Господинъ Максъ,—сказалъ лакей.

Максъ былъ въ свѣтло-голубомъ шелковомъ костюмчикѣ съ бѣлымъ кушакомъ; кудри его блестяли на солнцѣ, личико было уже не такъ худо и блѣдно. Вальбраншъ сказалъ воспитательницѣ: «Одѣвайте его хорошо, не жалѣйте денегъ; пусть онъ будетъ здоровъ и счастливъ». И воспитательница, вполнѣ увѣренная, что Максъ незаконное дитя этого богатаго и вліятельнаго господина, въ точности исполняла его желаніе.

Мальчикъ нерѣшительно остановился на порогѣ, и на лицѣ его выразилось не то удивленіе, не то радость, но скорѣе всего испугъ.

— Дѣдъ и Пепинъ!—воскликнулъ онъ съ изумленіемъ, пока собачка въ восторгѣ кружилась кругомъ него, пронзительно лая отъ радости.

Росковъ всегда былъ сдержанъ съ ребенкомъ, но теперь онъ крѣпко прижалъ его къ себѣ и молча поцѣловалъ съ такою страстью, что Максъ испугался.

— Хорошо ли тебѣ, мальчуганъ?—горячо спросилъ Росковъ, жажда получить отрицательный отвѣтъ.

— Да,—сказалъ Максъ безъ колебанія.—Здѣсь очень хорошо, всѣ играютъ, и такъ много даютъ ѣсть! Отчего ты не живешь такъ, дѣдъ?

— Это ты узнаешь, когда вырастешь,—сказалъ Росковъ, избѣгая прямого отвѣта.—А ты не хочешь вернуться въ нашу старую комнатку, Максъ?

— О, нѣтъ,—сказалъ мальчикъ, и легкая дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.—Я бы хотѣлъ, чтобы ты былъ съ нами здѣсь,—прибавилъ онъ ласково.

— Тебѣ лучше безъ меня,—отрѣзалъ Росковъ, подавляя въ себѣ болѣе рѣзкій отвѣтъ, готовый сорваться съ его устъ.

— А ты все еще живешь на чердакѣ, неправда ли?

— Нѣтъ, голубчикъ. Я живу въ красивомъ домѣ.

— Это хорошо.

Глаза ребенка были устремлены на дѣда съ беспощадною дѣтскою пытливостью, и въ этихъ глазахъ, не радостныхъ, а задумчивыхъ и проникательныхъ, Росковъ прочелъ слѣдующія невысказанныя мысли:—Какой ты старый! Какой ты мужиковатый! Какъ ты не похожъ на папенекъ и маменекъ моихъ товарищей, на которыхъ весело глядѣтъ, которые пріѣзжаютъ въ каретахъ и носятъ лакированные ботинки и душатся хорошими духами. Отчего ты не такой, какъ они?

— Ужъ ты успѣлъ сдѣлаться маленькимъ аристократомъ,

Максъ!—съ горечью сказалъ Росковъ, до глубины души уязвленный этимъ пытливымъ разглядываньемъ.

— Скажи мнѣ,—ласково прошепталъ Максъ,—меня часто спрашиваютъ объ этомъ—кто я такой? Я не знаю, что отвѣчать. Всѣ дѣти знаютъ, кто они.

— Ты Максимилианъ Росковъ,—сказалъ старикъ.

— Это я знаю,—возразилъ мальчикъ.—Но кто еще? еще кто?

— Ты хочешь знать, благороднаго ли ты происхожденія?—сказалъ Росковъ съ рѣзкимъ смѣхомъ.—Такъ хорошо же, скажи имъ, что мое благородство записано на холстахъ въ Люксембургѣ, и отецъ твой умеръ, защищая Францію. Такой знатности довольно со всякаго.

— Да,—сказалъ Максъ съ сомнѣніемъ.

Онъ начиналъ смутно понимать, что знатными людьми можно считать только тѣхъ, у которыхъ нарисованы короны на дверцахъ кареты и которые разъѣзжаютъ съ ливрейными лакеями.

— Не много же въ тебѣ нашей крови,—подумалъ дѣдъ, глядя на хрупкаго, нѣжнаго, нервнаго ребенка. Максъ обѣщалъ выйти такимъ, какъ его мать,—блѣдная, слабая, стройная парижанка, впечатлительная, у которой кровь была не то вода, не то оговь, и которая жаждала удовольствій, не имѣя физической силы переносить ихъ.

Пепинъ, видя, что на него обращаютъ слишкомъ мало вниманія, бросился къ своему прежнему товарищу Максу и сталъ параться и визжать.

Максъ взялъ взерошенную голову собаки обѣими руками и поцѣловалъ ее, но вдругъ закричалъ, увидѣвъ, что грязныя лапки Пепина оставили слѣды на голубой рубашкѣ.

— Ужъ ты успѣлъ обратиться въ щеголя!—нетерпѣливо сказалъ Росковъ.—Мы съ Пепиномъ стали недостаточно изящны для тебя.

— О, я люблю Пепина,—сказалъ Максъ, раскаяваясь и нѣжно лаская своего стараго друга.—Но онъ—онъ немножко грязный и измятый, неправда ли? Здѣшній пудель такой бѣленькій и кудрявый, и выкидываетъ такія забавныя шутки, и понимаетъ, когда съ нимъ говорятъ на четырехъ языкахъ, и проситъ сахару. Если бы ты только видѣлъ!

— Пепинъ у насъ безъ затѣй, а у меня нѣтъ знатности, Максъ,—сказалъ Росковъ, котораго и забавлялъ, и огорчалъ разговоръ мальчика.—Мы умѣемъ только любить тебя, мальчуганъ мой; а на что тебѣ это?

Росковъ вышелъ отъ Макса съ занозой въ сердцѣ. Онъ по-

нималъ, что Максъ потерянь для него такъ же, какъ если бы мальчикъ умеръ. Пропастъ между ними могла только расширяться, но никогда не закроется.

— Вы сдѣлали то, о чемъ я никогда не просилъ васъ, чего я никогда не желалъ. Вы пересолили!—сказалъ черезъ нѣсколько дней старикъ Вальбраншу съ страстнымъ упрекомъ.— Вы воспитываете бѣднаго ребенка, не имѣющаго гроща за душой, какъ наследника миллионвъ. Этотъ пріютъ вовсе не для Макса. Вы погубите его. Вы привьете ему вкусы, понятія, привычки, желанія и фантазіи, которыя неумѣстны въ его положеніи, и которыхъ въ послѣдствіи онъ не сумѣетъ ни удовлетворить, ни побѣдить. О Господи, право, не слѣдовало мнѣ отдавать вамъ ребенка!

Вальбраншъ засмѣялся; слова Роскова отчасти оскорбляли, отчасти забавляли его.

— Ба, старина, къ чему такія трагедіи?—сказалъ онъ съ нетерпѣливымъ благодушіемъ.— Если я за что-нибудь берусь, то дѣлаю это хорошо. Я сдѣлаю мальчика журналистомъ и богачомъ, если онъ окажется способнымъ. Уходите, пожалуйста. Я занятъ.

— Онъ будетъ оторванъ отъ своей настоящей среды, — сказалъ Росковъ горячо, — и нѣтъ на землѣ болѣе несчастныхъ созданий.

— О нѣтъ, далеко не всегда они несчастны, — сказалъ Вальбраншъ со своимъ громкимъ, веселымъ смѣхомъ.— Я вотъ тоже оторванъ отъ своей среды—вѣдь всему міру извѣстно, что я сынъ танцовщицы, а своего отца я и незнаю. Но моя судьба сложилась отлично. Я не помѣнялся бы мѣстами ни съ одной коронованной особой.

— Вы обладаете двумя главными качествами, необходимыми для успѣха, — насмѣшливо воскликнулъ Росковъ: — вы ничѣмъ не стѣсняетесь и безгранично любите самого себя. Я не желаю, чтобы у Макса были эти качества; я предпочелъ бы видѣть его въ гробу.

Вальбраншъ посмотрѣлъ на Роскова не то съ восхищеніемъ, не то съ насмѣшкой.

— Какой вы неразумный, неполитичный, неисправимый человѣкъ!—сказалъ онъ, не обижаясь однако.— А теперь, другъ мой, я занятъ. Маленькій Максъ не ось, на которой вращается земной шаръ, хотя вы и думаете это. Какой вы неблагодарный! Какъ вамъ не стыдно!

Росковъ вышелъ, горько сознавая свое неумѣнье что-нибудь устроить или устранить; ему оставалось только довѣрять прихоти къ благодѣтельствуванію этого человѣка, который, къ сожалѣнію, былъ извѣстенъ своими капризами и непостоянствомъ.

— Кѣмъ ты будешь, когда вырастешь? — спросилъ Росковъ внука въ одно изъ слѣдующихъ своихъ посѣщеній, — посѣщеній, въ которыхъ становилось все труднѣе найти темы для общаго разговора.

— О, я буду журналистомъ, какъ г. Вальбраншъ, — не колеблясь отвѣтилъ ребенокъ. — У меня будетъ своя газета и много денегъ, и я буду посылать моихъ лошадей на скачки, и весь Парижъ будетъ говорить обо мнѣ.

— Вотъ современный идеалъ! — сказалъ Росковъ съ справедливымъ гнѣвомъ человѣка, который никогда не переставалъ вѣрить въ высокіе идеалы, хотя они вездѣ топтались въ грязь.

— Я сочинилъ рассказъ, — продолжалъ Максъ.

— Ты, малютка? Да ты и читать-то не умѣешь!

— Это правда, но я рассказалъ мою сказку Кларѣ — той самой нянюшкѣ, у которой мелкіе локончики подъ чепчикомъ — а она записала ее и прочла другимъ, и всѣ сказали, что она хороша. Даже начальница сказала, что она хороша.

— Да, это большая честь, нечего сказать. А что говорится въ твоей сказкѣ, Максъ?

— О, тамъ рассказывается о маленькомъ мальчикѣ, который былъ запертъ въ подземельѣ съ людоедомъ, и которому нечего было ѣсть и нечего надѣть; и вотъ явилась прекрасная волшебница въ золотой колесницѣ и привезла зеленую дыню, и разрѣзала ее и вычистила ее внутри; а потомъ она сдѣлала мальчика совѣмъ маленькимъ, маленькимъ, и посадила его въ дыню, и закрыла ее, и понесла мальчика въ заколдованный замокъ, и тамъ въ одну минуту онъ обратился во взрослого человѣка, и его провозгласили царемъ.

Росковъ горько усмѣхнулся.

— Ты хотѣлъ изобразить свои собственные радости и печали, какъ и всѣ поэты, мой милый.

— Какъ такъ? — спросилъ Максъ, не понимая словъ дѣда.

— А подъ людоедомъ ты подразумѣвалъ меня, неправда ли?

Максъ покраснѣлъ, но молчалъ. Онъ понялъ, что не надо было рассказывать своей сказки. Черезъ нѣсколько мгновеній, однако, онъ сказалъ робко и нѣжно, стараясь загладить свою ошибку:

— Нѣтъ, право, нѣтъ! Я вовсе не хотѣлъ этого сказать. Ты всегда былъ добръ и ласковъ, когда...

— Когда не былъ суровъ, — сказалъ Росковъ съ самымъ рѣзкимъ своимъ смѣхомъ, котораго всякій разъ ребенокъ пугался, какъ собака свиста хлыста.

Пепинъ, чувствуя, что происходитъ какой-то разладъ между

двумя любимыми имъ существами, присѣлъ на свой обтрепанный, грязный хвостикъ и завылъ.

Росковъ всталъ, собираясь уходить.

— Когда ты въ другой разъ будешь сочинять сказку, Максъ, — сказалъ онъ, — такъ пусть мальчикъ увезетъ съ собою въ дынѣ и свою старую вѣрную собачку; что же касается до людоѣда, то пусть обрушатся на него стѣны подземелья.

Онъ отдалъ себя въ рабство ради этого ребенка, а ребенокъ платилъ ему тѣмъ, что высмѣивалъ его въ сказкѣ, рассказываемой веселымъ товарищамъ по играмъ!

Можетъ быть, неоснователенъ былъ гнѣвъ старика на Макса за ту легкость, съ какою онъ перешелъ отъ старой жизни къ новой. «У него не можетъ быть ни одной капли нашей крови», думалъ онъ съ горечью. Старинный родъ моряковъ, отъ котораго происходилъ Росковъ, всегда отличался привязчивостью и преданностью. Струны души стараго художника сдѣлались такъ же тверды, какъ и сухожилия его тѣла, и съ годами утратили и ту небольшую гибкость, на какую онъ когда-либо былъ способенъ. Онъ не могъ находить желательнымъ то, чтó было такъ непохоже на него и на весь его родъ. Онъ не понималъ безсознательнаго эгоизма ребенка и инстинктивныхъ влеченій, которыми обуславливались его слова и дѣйствія. Старикъ не бралъ во вниманіе, что ребенокъ представляетъ собой звѣрка съ одними физическими потребностями и желаніями, и который направляетъ свою симпатію туда, гдѣ получается наибольшее удовлетвореніе.

— Ахъ! — подумалъ старикъ съ грустью, — зачѣмъ матерью его не была женщина изъ нашего сильнаго, храбраго, честнаго народа! Зачѣмъ единственное дитя моего сына произошло отъ нервной, безразсудной, болѣзненной парижской бабенки!

Какъ бы то ни было, ребенокъ былъ разлученъ съ дѣдомъ и никогда больше не суждено было имъ жить вмѣстѣ одинаковою жизнью. Не лучше ли было бы довершить жертву, ступешаваться совершенно, перестать тревожить эгоистическое сердце и слабую совѣсть ребенка, оставивъ всякія притязанія, которыя могли бы пробудить въ мальчикѣ сознаніе долга, но не привязанность?

Росковъ не получилъ воспитанія и самъ воспиталъ себя только въ томъ, чтó касалось его искусства. Онъ чувствовалъ, что во многихъ отношеніяхъ онъ невѣжда, что о многихъ вещахъ онъ имѣетъ такъ же мало понятія, какъ дикари Кореи. Къ такого рода вещамъ, быть можетъ, относился и вопросъ о судьбѣ ребенка. Могло ли имѣть смыслъ его мнѣніе рядомъ съ мнѣніемъ такого свѣтскаго человѣка, какъ Вальбраншъ, успѣхи котораго во всѣхъ

его предпріятіяхъ доказывали правильность его сужденій? Что могъ самъ онъ сдѣлать для ребенка? Ничего; онъ, какъ старикъ, могъ скоро оставить его одного безъ единого друга.

Росковъ чувствовалъ, что силы начинаютъ покидать его.

Если бы онъ продолжалъ свою старую, свободную, жизнь и сохранилъ бы радость имѣть при себѣ мальчика, то здоровье не измѣнило бы ему еще многіе годы. Но заключеніе въ Монъ-Парнасъ, постоянно раздраженное состояніе, благодаря различнымъ вмѣшательствамъ и сознанію рабства, гнетъ однообразной и узкой жизни, новая пища, распредѣленіе часовъ и непрерывное усиліе. какое онъ долженъ былъ дѣлать, чтобы побуждать свою природную горячность, сдерживать свои порывы и отказываться отъ долголѣтнихъ привычекъ,—все это вмѣстѣ разстраивало его какъ душевно, такъ и физически, и медленно разрушало крѣпкое здоровье, такъ долго сопротивлявшееся труду, утомленію и нуждѣ.

Недѣли обратились въ мѣсяцы, лѣто смѣнилось осенью, наступила зима, а за нею опять весна, и время потеряло свое значеніе для Роскова: для него это была одна безконечная канитель безцвѣтныхъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, часовъ. Была только одна точка, выдѣлявшаяся изъ всего остального,—одинъ день въ мѣсяцъ, когда ему разрѣшено было навѣщать Макса.

Но и это доставляло старику такъ же мало радости, какъ и все остальное, и съ каждымъ посѣщеніемъ онъ все болѣе убѣждался, что мальчикъ ускользаетъ изъ его рукъ, изъ подъ его вліянія, и что съ каждой недѣлей въ ребенкѣ уменьшается привязанность къ дѣду.

— Я зналъ, что изъ этого выйдетъ,—сто разъ мысленно повторялъ Росковъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ не ожидалъ этого; въ глубинѣ своего довѣрчиваго и нѣжнаго сердца онъ всегда хранилъ надежду, что Максъ не забудетъ его, не измѣнитъ ему ради игръ, забавъ, игрушекъ, красивыхъ костюмовъ, мягкихъ постелей и обильной пици. Росковъ всегда думалъ, что настанетъ время, когда маленькій мальчикъ обниметъ его и воскликнетъ: «Возьми меня отсюда, возьми меня съ собой! Будемъ бѣдны, но будемъ свободны!» Въ данномъ случаѣ Росковъ дѣлалъ весьма обыкновенную ошибку: онъ думалъ, что ребенокъ долженъ чувствовать такъ же, какъ самъ онъ, потому только, что въ жилахъ ихъ течетъ одинаковая кровь. Но напрасно ждалъ старикъ такой минуты. Каждый мѣсяцъ онъ видѣлъ, что ребенокъ становится все сильнѣе, румянѣе, здоровѣе, подвижнѣе, дѣятельнѣе, ребячливѣе; но онъ видѣлъ также, что растетъ разстояніе между нимъ и ребенкомъ, что мальчикъ все болѣе проникается новыми

мыслями и фантазіями, все болѣе сосредоточивается на своихъ новыхъ потребностяхъ, новыхъ желаніяхъ, новыхъ товарищахъ, привычкахъ и охватывается новой нравственной атмосферой. Росковъ чувствовалъ, что если онъ прекратитъ свои посѣщенія, Максъ скоро совершенно забудетъ его, и что, можетъ быть, это будетъ даже лучше.

Неужели же любовь должна напоминать о себѣ, какъ сборщикъ, требующій уплаты податей?

— Для него я только людоедъ, — думалъ онъ съ горечью. — Я чудовище, съ которымъ неразрывно связаны представленія о нуждѣ, голодѣ, холодѣ и лишеніяхъ. Это, впрочемъ, и понятно. Увы! онъ такъ часто испытывалъ все это вмѣстѣ со мною!

Эти мысли пришли ему въ голову въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда полагалось ему навѣстить Макса. Это былъ холодный зимній день; дулъ рѣзкій вѣтеръ, и земля была скована морозомъ. Росковъ, какъ всегда, пришелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ собачкой. Было еще недалеко за полдень, и кареты, пролетки и omnibusы катились со всѣхъ сторонъ; но къ услугамъ старика были только его ноги, которыя сдѣлались за годъ менѣе гибкими, да старая, грубая, суковатая палка, на которую онъ опирался и на которую всегда искоса поглядывалъ Максъ.

Роскову въ послѣднее время нездоровилось, но онъ все-таки каждый день, во всякую погоду, ходилъ на нѣсколько часовъ къ Пепину и никогда не пропускалъ ни одного дня, когда было ему разрѣшено видѣть Макса. Но теперь, по пути въ пріютъ, онъ сталъ спрашивать себя, не будетъ ли лучше, умнѣе, добрѣе съ его стороны воздержаться совершенно отъ напоминанія своему маленькому внуку о себѣ и о прошломъ? Максъ, какъ ребенокъ впечатлительный и полный непосредственнаго эгоизма, мыслилъ и чувствовалъ, какъ его окружающіе, былъ щепетилень относительно вѣщности и неспособенъ цѣнить самопожертвованіе. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ вполне ребенокъ, въ другихъ былъ развитъ не по лѣтамъ; ему чрезвычайно нравились матеріальныя удобства, и онъ вспоминалъ не иначе, какъ съ невольной дрожью, о времени, проведенномъ съ дѣдомъ, какъ ребенокъ, грѣющійся у теплаго огня, вспоминалъ бы холодную ночь, когда онъ блуждалъ среди снѣговъ. Кромѣ того, Максъ немножко стыдился этого, посѣщавшаго его, высокаго, сухощаваго старика съ грубыми манерами; Максъ зналъ теперь, что такое «господинъ», а дѣда его никакъ нельзя назвать «господиномъ» въ общепринятомъ смыслѣ слова, и жилъ онъ въ какомъ-то убѣжищѣ для бѣдныхъ, пользуясь общественною благотворительностью, какъ гово-

рилъ мальчику съ негодованіемъ одинъ изъ его старшихъ товарищей по школѣ. Все это ясно выражалось въ глазахъ Макса, когда онъ критически глядѣлъ на дѣда, и благодаря этому, встрѣчи ихъ съ каждымъ мѣсяцемъ становились тяжелѣе для того и другого.

Свѣтъ, этотъ хитрый, безпощадный разъединитель столькихъ сердецъ, невидимо, но властно сталъ между старикомъ и ребенкомъ.

Придя въ домъ, гдѣ жилъ Максъ, Росковъ просилъ слугу вызвать къ нему начальницу, не докладывая внуку о его приходѣ. Начальница вышла къ нему.

— Извините меня, сударыня,—сказалъ Росковъ,—но я хотѣлъ просить васъ дать мнѣ возможность увидѣть моего внука такъ, чтобы онъ меня не видѣлъ.

— Зачѣмъ вы желаете этого?—спросила дама съ улыбкой.— Развѣ вы сомнѣваетесь въ томъ, что онъ доволенъ?

— А вы думаете, онъ доволенъ?

Дама опять улыбнулась.

— Онъ здѣсь самый счастливый ребенокъ. Другимъ, отданнымъ въ эту школу, пришлось разставаться съ счастливою домашнею жизнью, и эти дѣти иногда жалѣютъ о прошломъ. Но Максъ—извините меня, г. Росковъ,—я увѣрена вѣдь, что вы дѣлали для него все, что могли.

— Я дѣлалъ все,—коротко сказалъ Росковъ.

— Но если вы сомнѣваетесь, хорошо ли ему, — продолжала она,—пойдемте со мною. Я покажу вамъ его такъ, что онъ васъ не увидитъ; можетъ быть, вы думаете, что сердце ребенка болѣе постоянно, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ.

— Всѣмъ намъ дороги безумныя иллюзіи, сударыня,—промолвилъ Росковъ, слѣдуя за дамой въ сопровожденіи Пепина.

Она повела его въ свои комнаты; въ одной изъ нихъ, небольшомъ кабинетикѣ, гдѣ она проводила большую часть времени, подъ тяжелою драпировкой было круглое окошечко; начальница отдернула занавѣсъ и сдѣлала знакъ Роскову. Подойдя къ окошечку, онъ увидѣлъ, что оно выходитъ въ рекреационную залу.

Это была большая, свѣтлая комната съ цѣлой стеклянной стѣной, съ вѣчно-зелеными растеніями и цвѣтущими камеліями по угламъ и съ летающими на свободѣ попугаями и канарейками. Подъ наблюденіемъ двухъ надзирательницъ дѣти играли въ большой розовый мячъ, подбрасывая его ногами; они смѣялись, кричали, толкали другъ друга, боролись, попугаи кричали, а кана-

рейки громко заливались хоромъ. Впереди всѣхъ былъ Максъ. Онъ былъ одѣтъ въ теплую синюю матросскую блузу, красную шелковую рубашку и красные чулки; его личико, уже не худое и не блѣдное, раскраснѣлось во время игры и сіяло радостью, бѣлокурые кудри развѣвались, маленькія красныя ножки сновали взадъ и впередъ, и серебряныя пряжки на его сапожкахъ блестяли, когда онъ ударялъ ногами розовый мячъ.

— Вы правы,—сказалъ его дѣдъ, отходя отъ окошка. — Вы правы. Онъ вполнѣ счастливъ.

Начальница невольно пожала ему руку въ порывѣ сожалѣнія.

— Бѣдный другъ мой, — прошептала она, — это всегда такъ бываетъ. Они всегда забываютъ насъ, а мы напрасно убиваемся о нихъ.

— Да, такъ будетъ лучше, — сказалъ Росковъ рѣзко, какъ показалось начальницѣ. — Нѣтъ, сегодня я не стану тревожить ребенка. Пусть онъ лучше забудетъ обо мнѣ.

И онъ ушелъ, оставивъ Макса съ его товарищами и съ его мячомъ.

Любви и вѣрности приходилось ему искать у смиреннаго четвероногаго созданія, которое относили къ болѣе низкимъ животнымъ.

Зима эта показалась Роскову очень длинной и томительной. Его не согрѣвала теплота, распространявшаяся по трубамъ, наполненнымъ нагрѣтымъ воздухомъ, которыми во всемъ домѣ поддерживалась одинаковая температура. Ему казалось теплѣе, когда въ былое время тлѣли угли подъ маленькимъ глинянымъ горшкомъ съ похлебкой, или когда удавалось зажечь вязанку дровъ, полученную время отъ времени отъ торговца дровами за исполненіе какихъ-нибудь порученій. Росковъ былъ всегда одинъ, кромѣ того времени, когда приходилось спускаться внизъ для трапезы и общество его сожителей было такъ же мучительно для него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ первые дни его пребыванія въ Парнасѣ. Иногда онъ тайкомъ приносилъ съ собой Пепина подъ полой своего длиннаго сюртука, чтобы не оставаться одному въ теченіе долгой томительной ночи, когда ему только и оставалось считать безсонные часы и спрашивать себя, чтó означаютъ непривычныя боли и неприятыя ощущенія въ тѣлѣ, время отъ времени дававшія себя чувствовать. Съ наступленіемъ весны боли усилились, а силы ослабѣли. Только одинъ разъ, въ день новаго года, видѣлъ онъ Макса, кромѣ тѣхъ разовъ, когда смогнѣлъ на него въ окошечко, въ которое начальница, чувствуя жалость къ одинокому старику, разрѣшала ему еженедѣльно наблюдать за мальчикомъ во время игры.

— У нашего ежа еще больше иглъ, чѣмъ прежде,—говорили другіе жильцы Монъ-Парнаса.

Росковъ, впрочемъ, никогда ни на что не жаловался. Другіе жильцы жаловались на то, что одно вино недостаточно сладко, другое слишкомъ молодо, что хлѣбъ черствъ, что постельное бѣлье мѣняютъ слишкомъ часто или слишкомъ рѣдко, что огонь зажигаютъ слишкомъ поздно или слишкомъ рано, что газеты въ читальнѣ слишкомъ республиканскаго или реакціоннаго направленія—они жаловались съ утра до вечера то на то, то на другое. Росковъ никогда не жаловался. Онъ испытывалъ слишкомъ сильное горе, чтобы обращать вниманіе на мелочи и недочеты ежедневной жизни. Ему было все равно, что ѣсть и что пить. Онъ хотѣлъ одного—чтобы оставили его въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ управляющаго и другихъ служащихъ онъ былъ элементомъ непокорнымъ, элементомъ безпокойства и безпорядка. Легче приобрѣсти дурную славу, чѣмъ отдѣлаться отъ нея.

— Неисправимая неблагодарность!—сказалъ однажды управляющій, увидѣвъ на подносѣ нетронутый кофе и бѣлый хлѣбъ, который посылали по утрамъ въ комнату Роскова въ видѣ особеннаго снисхожденія.

Росковъ услышалъ это замѣчаніе, но не сказалъ ни слова; онъ могъ бы сказать, что не ѣлъ ничего изъ-за смертельнаго недомоганія, съ которымъ проснулся; но онъ молчалъ частью потому, что ему не охота была оправдываться, частью потому, что не желалъ подвергаться осмотру врача, приставленнаго къ заведенію.

Теперь часто повторялось съ нимъ это чувство недомоганія, и оно росло по мѣрѣ того, какъ дни становились длиннѣе, воздухъ теплѣе и по всему Парижу и его окрестностямъ начинали распускаться кусты сирени и раkitника.

— Я пойду—спрошу доктора Ремиса, что все это значитъ,—подумалъ Росковъ. — Иной разъ врачи все-таки могутъ сказать, гдѣ машина попортилась, хотя рѣдко умѣютъ починить ее.

Онъ отправился къ знакомому доктору—человѣку, который не имѣлъ обыкновенія обманывать или преувеличивать и никогда не былъ знаменитымъ.

— Я боленъ, Ремисъ, — сказалъ Росковъ.—Мнѣ кажется, у меня ракъ. Посмотрите-ка меня.

Докторъ внимательно выслушалъ старика, и лицо его стало серьезнымъ.

— Это то, что я думалъ?—спросилъ Росковъ.

— Да,—отвѣчалъ врачъ.

— Сколько времени мнѣ осталось жить?

Докторъ колебался.

— Вы мужественный человекъ,—наконецъ, промолвилъ онъ.— Вамъ лучше сказать правду. Дѣлать оперецію въ вашемъ возрастѣ бесполезно. Вы можете прожить мѣсяцъ, два мѣсяца, полгода; точно опредѣлить этого я не могу, но больше года вы не протянете.

— Это мнѣ и нужно было звать,—сказалъ Росковъ спокойно, поблагодарилъ врача и вышелъ.

Онъ пошелъ на оживленные, кипащіе народомъ, бульвары. Мысль о смерти не возбуждала въ немъ такихъ сожалѣній, какъ въ людяхъ молодыхъ, любимыхъ, счастливыхъ; но ея неизбѣжная близость все-таки тяжелымъ камнемъ давила его душу. Жизнь была для него чѣмъ-то раздражающимъ, однообразнымъ, скучнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ заключенъ въ Монъ-Парнасѣ; но онъ все-таки желалъ жить, чтобы заставить Вальбранша исполнить свое обѣщаніе, и видѣть Макса взрослымъ.

Опустивъ голову, шелъ онъ впередъ болѣе медленными шагами, чѣмъ обыкновенно.

Онъ узналъ свой приговоръ еще довольно рано утромъ; но все-таки прежде всего направился къ тому дому, гдѣ жилъ Максъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ смиренно начальницѣ, — что сегодня я не имѣю права видѣться съ Максомъ, но я былъ бы радъ благодаренъ, если бы вы все-таки устроили мнѣ свиданіе съ нимъ. Я не задержу его.

Начальница взглянула на него, и поняла, что онъ боленъ. Смуглый цвѣтъ его лица обратился въ сѣровато-желтый, щеки ввалились, глаза потускнѣли.

Она не стала спрашивать его, а сказала только:

— Максъ играетъ въ саду; пойдите, посмотрите на него, а потомъ мы позовемъ его.

— Благодарю васъ, сказалъ Росковъ.

Дѣти играли на лужайкѣ въ тотъ же или въ похожій розовый мячъ. На Максѣ было лѣтнее шелковое платье и соломенная матросская шляпа сползла къ нему на спину, покрывая его красивыя бѣлокурыя кудри.

Росковъ слѣдилъ за игрою напряженнымъ и грустнымъ взглядомъ; собачка, научившаяся во время своихъ бѣдствій молчанію и терпѣнію, тоже молча наблюдала за играющими, и только дрожью своего тѣла и выраженіемъ своей фигурки обнаруживала, какъ ей хочется присоединиться къ мальчику.

Когда на сосѣдней колокольнѣ пробило двѣнадцать, игра кончилась; дѣти направились къ дому. Начальница вызвала Макса.

— Поди сюда, дружокъ,—сказала она ему,—къ тебѣ пришелъ дѣдъ.

Максъ немедленно повиновался, но безъ всякой поспѣшности: на лицѣ его не выразилось ни радостнаго удивленія, ни удовольствія; онъ медленно направился черезъ стеклянную дверь въ комнату, держа въ рукахъ свою соломенную шляпу.

Пепинъ въ восторгѣ прыгнулъ на мальчика. Дѣдъ глядѣлъ на него молча.

— Я уѣзжаю, Максъ,—сказалъ, наконецъ, старикъ, и голосъ его больно отозвался въ душѣ ребенка.

— Уѣзжаешь! Куда?

— Въ длинное путешествіе.

— А Пепинъ ѣдетъ?

— Будь увѣренъ, я его не покину.

Максъ молчалъ. Онъ былъ удивленъ, но не огорченъ. Онъ нервно свертывалъ и развертывалъ на пальчикѣ голубую ленту своей шляпы. Онъ чувствовалъ, что долженъ проявить свою гордость, выразить нѣкоторое сожалѣніе, но, все еще оставаясь честнымъ ребенкомъ, не находилъ словъ.

— Тебя это не огорчаетъ,—твердо сказала дѣдъ,—Не старайся казаться огорченнымъ. Никогда не притворяйся.

Максъ покраснѣлъ до самыхъ бѣлковъ глазъ.

— Когда ты вернешься?—спросилъ онъ, глядя Пепина.

— Охъ, въ мои годы можно ли отвѣчать за будущее?

Мальчика испугалъ рѣзкій тонъ дѣда.

Наступило долгое молчаніе. Максъ продолжалъ крутить свою ленту, устремивъ на нее опущенный взоръ.

Дѣдъ положилъ свою большую худую руку на бѣлокурую голову.

— Максъ, что бы ни случилось, обѣщай мнѣ, что ты всегда будешь стараться быть правдивымъ, добрымъ и честнымъ. Росковы всѣ были люди бѣдные, моряки и рыбаки и т. п., но всѣ они были люди честные. Обѣщай мнѣ это, дитя мое.

— Я обѣщаю,—промолвилъ мальчикъ, но въ голосѣ его не слышалось горячности; онъ былъ смущенъ словами: моряки, рыбаки и т. п.

Росковъ вдругъ наклонился, привлечь къ себѣ мальчика и принялся цѣловать его; потомъ рѣшительнымъ движеніемъ отстранился отъ внука, позвалъ собаку и вышелъ. Онъ зналъ, что никогда въ жизни больше не увидитъ Макса.

Въ сосѣдней комнатѣ ждала его начальница.

— Вы больны, другъ мой!—сказала она, взявъ его руку.

Но Росковъ перебилъ ее.

— Мнѣ нездоровится. Если вы услышите, что мнѣ стало хуже, не говорите этого Максу. Я сказалъ ему, что уѣзжаю, уѣзжаю надолго. Вы добрая женщина, сударыня. Если... если намъ съ вами больше не придется увидѣться, то позаботьтесь о моемъ мальчикѣ, и когда онъ выростетъ и покинетъ вашу кровь, то слѣдите все-таки за нимъ и оберегайте его отъ искушеній. У него нѣтъ матери.

Онъ пожалъ ея руку и быстро скрылся: онъ былъ гордый человѣкъ и не желалъ, чтобы видѣли его волненіе.

Начальница отправилась въ сосѣдную комнату, гдѣ Максъ все еще нервно игралъ съ лентой на шляпѣ.

— Милый дружокъ,— сказала она съ нѣжной внушительностью,— ты не стоишь такой глубокой привязанности, какую тебѣ едва ли придется еще встрѣтить въ жизни. Молись за своего дѣда, Максъ, и утромъ и вечеромъ. Я боюсь,— онъ не вернется изъ своего путешествія.

Максъ ударился въ слезы. Это были слезы искренняго горя, искренняго раскаянія; но черезъ полчаса онъ съ аппетитомъ кушалъ котлетку, пирожное и фрукты.

Разставшись съ ребенкомъ, Росковъ пошелъ по направленію къ Люксембургу. Былъ полдень; сады кишѣли играющими дѣтьми, гуляющими нянюшками и кормилицами, солдатами, щеголями и всякимъ беззаботнымъ, веселымъ народомъ. Оставивъ по дорогѣ Пепина у стараго знакомаго, Росковъ вошелъ въ музей и прошелъ по корридорамъ, галлереймъ и заламъ прямо въ ту комнату, гдѣ на почетномъ мѣстѣ висѣли его три лучшія картины.

Онъ долго стоялъ и глядѣлъ на нихъ съ несказанною скорбью и невыразимымъ сожалѣніемъ. Геній, создавшій эти творенія, все еще жилъ въ немъ; онъ чувствовалъ его силу, его могущество и сладкій трепетъ былой страсти творчества. Но у него не было правой руки, и взоръ его былъ мутенъ. Къ тому же, онъ зналъ,— смерть для него неизбежна и близка.

Глаза его остановились на его произведеніи, какъ глаза умирающаго любовника на любимой женщинѣ. Какъ памятенъ былъ ему каждый часъ cadaго изъ тѣхъ дней, когда онъ предавался творчеству! Особенно ясно помнилъ онъ то лѣто, когда писалъ свой «Хороводъ», изображая пляшущихъ и поющихъ дѣвушекъ, держащихся за руки, и напоминавшихъ собою лѣсныхъ нимфъ, рѣзвящихся на росистой травѣ въ майскія утра. Эту картину онъ написалъ подъ тѣнью липъ и буковъ Нелъи, теперъ оскверненнаго

и развѣичаннаго для него. Художникъ умираетъ и чувствуетъ, что дѣвушки его будутъ жить и плясать по цвѣтущей травѣ.

Да, онѣ будутъ жить; но долго ли? До слѣдующей войны, до слѣдующей революціи? Вѣдь картина, купленная Наполеономъ, сгорѣла во время пожара дворца въ Сентъ-Клу!

Росковъ нѣсколько разъ собирался уходить и нѣсколько разъ возвращался, чтобы опять взглянуть на картины.

— Прощайте, дѣти мои,—нѣжно сказалъ онъ имъ. Потомъ онъ навсегда расстался съ ними.

— Вы больны, г. Росковъ?—спросилъ его вечеромъ одинъ изъ служащихъ въ Монъ-Парнасѣ.

— Мнѣ нездоровится,—возразилъ Росковъ;—но это такая болѣзнь, которая проходитъ сама собою.

Старый композиторъ, слышавшій этотъ разговоръ, подумалъ:

— Его болѣзнь происходитъ оттого, что онъ заключенъ здѣсь. Такого человѣка нельзя заставить быть довольнымъ только потому, что брюхо его наполнено, а тѣло прикрыто.

На слѣдующее утро Росковъ заявилъ въ конторѣ:

— Я уйду и вернусь только къ вечеру.

— Вы вѣчно пропадаете, сударь,—сказалъ служащій нетерпѣливо.

— Кому какое дѣло до этого?—сказалъ Росковъ.

— Дѣла до этого, можетъ быть, нѣтъ никому,—сказалъ служащій.—Но это проявленіе неблагодарности по отношенію къ вашимъ ...къ вашимъ благодѣтелямъ. Библиотека, курительная комната, общая гостиная, всѣ эти прекрасныя комнаты, всѣ эти удобства, вся эта роскошь...

— Расточается на меня даромъ? Конечно, мнѣ слѣдовало бы быть болѣе благодарнымъ,—сказалъ Росковъ такимъ тономъ, который показался служащему ужъ вовсе непонятнымъ. Потомъ онъ отдалъ ключъ своей комнаты и вышелъ.

Онъ отправился, по обыкновенію, на ферму, куда помѣстилъ Пепина.

— Пойдемъ, дружокъ,—сказалъ старикъ, отвязывая собаку.— Мы проведемъ вмѣстѣ послѣдній день.

Въ голосѣ его слышалась хрипая нотка, будто слова душили его; но Пепинъ, прыгавшій радостно вокругъ хозяина, не замѣтилъ этого.

Они провели нѣсколько часовъ въ той части парка Нельи, гдѣ такъ часто гуляли вмѣстѣ. Собака бѣгала до изнеможенія. Росковъ принесъ съ собою хлѣба и холоднаго мяса, которое наканунѣ купилъ въ Парижѣ, и для Пепина это былъ настоящій праздникъ.

Была середина июня; небо было безоблачно, воздухъ—мягкій, прозрачный. Въ кустахъ нѣли яблоки.

Росковъ сѣлъ на пенъ и думалъ, думалъ, думалъ; передъ глазами его все время носился образъ живого, веселаго ребенка, играющаго въ розовый мячъ. Долгіе свѣтлые часы проходили; лѣсное безмолвіе не нарушалось звуками городской жизни, и только изрѣдка доносился вѣтромъ свистъ желѣзнодорожнаго поѣзда, звонъ фабричнаго колокола, отдаленный отголосокъ конно-желѣзнодорожнаго сигнала; но эти звуки раздавались такъ далеко, что не могли нарушить лѣсной тишины.

Солнце опускалось все ниже и ниже, пока, наконецъ, остался въ воздухѣ и на листьѣхъ деревьевъ только золотистый отблескъ его отраженнаго свѣта. Пепинъ крѣпко уснулъ у ногъ своего хозяина. Росковъ съ болью въ сердцѣ глядѣлъ на свою собачку.

— Бѣдный дружокъ!—думалъ онъ,—мы должны разстаться. Я не имѣю права умереть раньше тебя. О тебѣ некому позаботиться. Ты не молодъ, не красивъ, не рѣдкой породы; ты не умѣешь продѣлывать такихъ штукъ, какъ пудель. Послѣ моей смерти тебя отправили бы на съѣзжую, а тамъ, быть можетъ, въ экспериментальный институтъ. Я могу дать тебѣ только одинъ пріютъ, тотъ единственный пріютъ, дружокъ мой, какой существуетъ въ мірѣ для вѣрныхъ сердець.

Онъ нагнулся надъ собачкой и погладилъ взъерошенную желтую шкурку. Пепинъ взглянулъ на него любящими, довѣрчивыми, ясными глазами; потомъ, довольный и усталый, снова опустилъ голову на траву и снова заснулъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Роскова. Все еще нѣжно глядя лѣвой рукою спину собачки, онъ вынулъ изъ за пазухи маленькій револьверъ и выстрѣлилъ своему другу прямо въ голову. Собачка одинъ разъ вздохнула и, вздыхая, протянула ноги; челюсть ея отвисла. Почти безъ сознанія перешла она отъ сна къ полному уничтоженію.

Крупныя слезы падали на нее изъ глазъ Роскова.

— Прости меня! Прости меня!—шепталъ онъ.—Больше я ничего не могъ для тебя сдѣлать.

Когда показались звѣзды и взошла луна, онъ положилъ Пепина въ дупло стараго дуба и покрылъ его мхомъ, травой и дерномъ. Потомъ онъ отправился въ свою темницу, куда призывало его сознаніе долга.

Было поздно, и его встрѣтили упрекомъ, на который онъ не обратилъ вниманія. Онъ съ трудомъ поднялся въ свою комнату, съ усиліемъ раздѣлся и легъ въ постель.

Больше онъ ужъ не вставалъ.

Онъ сильно страдалъ и долго ждалъ освобожденія.

Нѣсколько недѣль подъ рядъ онъ безпрестанно спрашивалъ о Вальбраншѣ, но только поздно осенью вернулся Вальбраншъ въ Парижъ. Вернувшись, онъ отправился въ Монъ-Парнасъ.

— Хотите, я приведу Макса?—спросилъ онъ старика, испытывая угрызения совѣсти и поблѣднѣвъ отъ волненія.

Росковъ покачалъ головой.

Зачѣмъ омрачать жизнь ребенка?

— Было бы лучше, если бы я не трогалъ васъ,—сказалъ богачъ.—Но повѣрьте мнѣ, я думалъ, что такъ будетъ лучше.

— Я вѣрю вамъ,—сказалъ Росковъ;—но теперь общайте мнѣ, что не сдѣлаете изъ мальчика такого же человѣка, какъ вы сами, — сдѣлайте его такимъ, какимъ я желалъ бы видѣть его.

— Это я обещаю вамъ,—сказалъ глубоко растроганный Вальбраншъ.—Даю вамъ честное слово.

Честь Вальбранша была подгнившею тростью, которая часто измѣняла тѣмъ, кто на нее опирался; но на этотъ разъ въ его взглядѣ, въ тонѣ его голоса было нѣчто такое, что заставило Роскова повѣрить ему.

Смерть уже была близка; глаза старика закрылись, губы раскрылись, въ горлѣ что-то захрипѣло, и нѣкоторое время онъ лежалъ такъ тихо и неподвижно, что казался уже трупомъ.

Солнце освѣтило комнату, и когда лучи его коснулись глазъ старика, то глаза эти раскрылись и устремились кверху, но они уже ничего не видѣли.

— Пойдемъ, Максъ, пойдемъ Пепинъ,—лепеталъ умирающій, слабо улыбаясь;—пойдемте на цѣлый день въ лѣсъ: меня выпустили на свободу. Я буду рисовать, а вы будете играть, дѣти мои.

Онъ жадно протянулъ руки къ солнцу, котораго не могъ видѣть; потомъ голова его откинулась назадъ, и струйка крови потекла у него изо рта. Онъ былъ мертвъ.

ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

(Письмо изъ Берлина).

Русская читальня въ Берлинѣ. — Ревизоръ на нѣмецкой сценѣ. — Гергардтъ Гауптманъ. — Церемонія передачи университета новому ректору. — Увеличеніе числа студентовъ.

Если вы пойдете по Lilien-Strasse, найдя № 154^A, войдете во дворъ и подыметесь въ третій этажъ, вы очутитесь передъ массивной деревянной дверью, на которой прибитъ листъ бумаги съ надписью:

Russische Saltykoff Lesehalle.

Это и есть русская читальня въ Берлинѣ, основанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскими студентами, получавшими высшее образованіе въ мѣстномъ университетѣ и политехникумѣ.

Небольшая комната, большую часть которой занимаютъ три книжныхъ шкафа, уставлена сплошь по стѣнамъ двумя столами, зеркаломъ, ящикомъ для книгъ и старымъ-престарымъ зеленымъ бархатнымъ диваномъ, сидѣнье котораго продавлено до невозможности. Тѣмъ не менѣе, приходится устраиваться на немъ, такъ какъ, кромѣ него, въ читальнѣ имѣются только три стула. Черная доска для объявленій, висящія по стѣнамъ газеты и большой портретъ покойнаго сатирика, въ честь котораго устроена читальня, дополняютъ убогую обстановку. Тѣмъ не менѣе, это любимый уголокъ русскихъ студентовъ. Здѣсь они встрѣчаются другъ съ другомъ, здѣсь идутъ оживленныя бесѣды, слышится русская рѣчь, здѣсь русскія книги и русскія газеты, переполненныя извѣстіями съ далекой, но милой родины, — вотъ почему каждый вновь прибывшій русскій спѣшитъ записаться въ члены читальни, вотъ почему заглядываетъ сюда и русскій туристъ.

Въ настоящее время читальня насчитываетъ свыше 85 членовъ, вносящихъ ежемѣсячно за пользованіе читальней и право брать на домъ 2 книги—75 пф. Каждый вновь поступающій внесъ еще 1 марку «вступительныхъ» денегъ. Эти сборы и даютъ возможность платить за наемъ комнаты, отопленіе и освѣщеніе,

выписывать журналы и газеты; на покупку книгъ денегъ уже не хватаетъ, а потому вся бібліотека (около 310—320 томовъ) составлена исключительно изъ пожертвованныхъ членами читальни книгъ. Къ числу доходовъ надо еще прибавить сборъ въ 10 пф. съ посѣтителей читальни, не записавшихся въ число членовъ.

Читальня имѣетъ выработанный ея учредителями уставъ, согласно которому два раза въ году, предъ началомъ семестровыхъ занятій, созываются общія собранія членовъ читальни для выбора правленія. Оно состоитъ изъ пяти человекъ (въ лѣтнее время изъ трехъ), которые распредѣляютъ между собой дни недѣли и назначаютъ дежурные часы, въ которые и производится выдача книгъ. Въ отсутствіе дежурнаго члена правленія книжные шкафы заперты, но дверь въ читальню открыта днемъ и ночью, журналы и газеты всегда къ услугамъ посѣтителей.

Въ настоящее время читальня получаетъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ: «Русское Богатство», «Русскую Мысль», «Вѣстникъ Европы», «Вопросы философіи и психологіи» и «Сѣверный Вѣстникъ»; изъ еженедѣльныхъ: «Недѣлю» и «Нед. Хронику Восхода» (оба съ ежемѣсячными книжками) и «Научное обозрѣніе»; изъ газетъ: «Русскія Вѣдомости», «Новое Время», «Сибирскій Вѣстникъ» и «Одесскія Новости». Нѣкоторыя изъ вышеназванныхъ газетъ и журналовъ выписаны читальней, нѣкоторые получаютъ бесплатно, а два-три пожертвованы членами читальни, выписавшими ихъ. Вся русская колонія была бы въ высшей степени благодарна тѣмъ русскимъ газетамъ и журналамъ, которые обратили бы вниманіе на эти строки и стали бы высылать по экземпляру своихъ изданій въ читальню бесплатно.

Интересное зрѣлище представляетъ читальня въ дежурные часы; тогда читать невозможно: въ комнатѣ набивается 25—30 человекъ, здѣсь знакомятся, здѣсь бесѣдуютъ, здѣсь сходятся, сидятъ, мѣняютъ книги, дѣлятся новостями, пишутъ и читаютъ, оставляемые здѣсь же письма... Затѣмъ, понемногу члены читальни расходятся, дежурный часъ окончился, въ читальнѣ водворяется тишина, оставшіеся берутся за книги и журналы.

Каждый русскій, пріѣхавшій въ Берлинъ, послѣ посѣщенія читальни непременно пойдетъ въ Königliche Schauspielhaus (королевскій драматическій театръ) посмотреть, какъ нѣмцы исполняютъ «Ревизора» Гоголя. Королевскій театръ маленькій, но чистенькій; безъ всякихъ украшеній въ зрительномъ залѣ, онъ имѣетъ нѣсколько казарменный видъ. Сцена крохотная, такъ что въ послѣднемъ дѣйствіи, когда къ городничему собираются гости, артистамъ положительно негдѣ повернуться.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ исполненію, я долженъ указать на нахальство переводчицы, нѣкоей Эльзы Шабельской. Она позволила себѣ исправить Гоголя, выпустивъ нѣкоторыя, по ея мнѣнію, излишнія мѣста, и дополнить его своими фразами, на которыя нѣтъ и намека у Гоголя. Такой вольности въ переводахъ нѣмецкихъ драмъ, принадлежащихъ извѣстнымъ писателямъ, въ русской литературѣ мы не помнимъ.

Не стану касаться мелочей обстановки и аксессуаровъ, какъ, на примѣръ: Тяпкинь-Ляпкинь все время ходитъ въ пальто, вицъ-мундиры въ два ряда пуговицъ, какъ носятъ нѣмецкіе городовые, на стѣнѣ портретъ какого-то нѣмецкаго принца и т. п., и перейду прямо къ исполненію.

Артистъ, исполнявшій роль Хлестакова, былъ положительно хорошъ, а сцену завирания провелъ даже превосходно. Къ сожалѣнію, онъ одѣлъ рыжій парикъ, который ежеминутно бросался въ глаза и портилъ общее впечатлѣніе. Рыжимъ былъ загримировавъ и артистъ, исполнявшій роль Осипа и исполнившій ее шаржированно. Пожираніе остатковъ барскаго обѣда, трусость, а затѣмъ раболѣпство передъ городничимъ, все это артистъ переигрывалъ. Когда Хлестаковъ уѣзжаетъ, Осипъ выходитъ съ палкой на плечѣ, а на палкѣ шляпа Хлестакова; это уже явный шаржъ. Кульки и подношенія кушцовъ (а ихъ было принесено на сцену ужъ черезъ-чуръ много) Осипъ оставляетъ долгое время здѣсь же въ комнатѣ. Артистъ, вѣроятно, не сообразилъ, что такая масса сахарныхъ головъ можетъ, вѣдь, дискредитировать барина въ глазахъ семейства городничаго. Не понялъ, очевидно, и словъ: «Давай сюда и веревочку—въ дорогѣ все пригодится», потому что самъ, на глазахъ публики, снялъ эту веревочку съ сахарной головы.

Городничій былъ загримированъ такъ, какимъ я привыкъ его видѣть на русскихъ сценахъ, но артистъ, исполнявшій эту роль, слишкомъ много откашливался, какъ исполнявшій роль Осипа слишкомъ много отплевывался. Къ сожалѣнію, онъ плохо понялъ свою роль; слова: «вижу только свинья рыла» онъ проговорилъ прямо въ лицо Коробкину; къ нему же были обращены и слова: «Надъ кѣмъ смѣтеть?» Отвѣтъ: «Надъ собою смѣтеть»—переводчицей выпущенъ, но за то она заставляетъ городничаго искать въ послѣднемъ дѣйствіи мышей, приснившихся ему.

Относительно другихъ исполнителей могу сказать, что ни Марья Андреевны, ни Марья Антоновны на сценѣ я не видѣлъ—были лишь двѣ прилизанныя, вычурно одѣтыя нѣмочки, причемъ дочь выглядѣла куда старше своей матери. Артистъ, исполнявшій роль Земляники, одѣлъ парикъ съ лысиной во всю голову, облачился въ черный сюртукъ и все время чуть ли не до земли кланялся

городничему. Выполнявшій роль почтмейстера изображалъ пьяницу, еле держащагося на ногахъ, съ краснымъ носомъ и распухшимъ лицомъ—все это, вѣроятно, на основаніи двухъ словъ изъ письма Хлестакова къ Тряпичкину: «пѣтъ горькую». Остальные артисты шаржиrowали до невозможности и обнаружили полное непониманіе своихъ ролей.

Вообще, на русскаго такое каррикатурное исполненіе, самовольная передѣлка комедіи переводчицей и даже такія мелочи, какъ висящіе у всѣхъ изъ кармановъ громадныя красныя носовыя платки, непрерывное нюханье табаку и т. п., производятъ очень непріятное впечатлѣніе.

Много шуму производятъ здѣсь пьесы Гергардта Гауптмана въ «нѣмецкомъ театрѣ». Гауптманъ родился въ 1862 году и происходитъ самъ изъ той среды, которую онъ обрисовалъ въ своей драмѣ «Ткачи»: дѣдъ его былъ силезскимъ ткачемъ, и рассказы отца Гауптмана о былыхъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ его дѣда послужили главной канвой для созданной имъ впоследствии драмы. Первая драма, принадлежащая перу Гауптмана: «Тиверій», также какъ и первая поэма его «Удѣлъ прометейцевъ», написаны въ подражаніе старымъ романтикамъ и довольно таки шаблонны. Но прошло нѣкоторое, довольно короткое, время, и Гауптманъ сдѣлалъ рѣзкій поворотъ: онъ сталъ реалистомъ. Первымъ трудомъ его въ духѣ этой школы была повѣсть его «Стрѣлочникъ Тиль» (*Bahnwarter Thiel*); въ 1888 году онъ написалъ драму «Передъ восходомъ солнца» и поставилъ ее въ слѣдующемъ году на «вольной сценѣ», которая тогда только-что была организована берлинскимъ кружкомъ литераторовъ. Эта пьеса, въ которой Гауптманъ подражаетъ Ибсену съ большой долей своего сильнаго таланта, вызвала въ печати громадную бурю своимъ черезчуръ «держкимъ» реализмомъ. Въ томъ же году Гауптманъ ставитъ еще одну свою пьесу: «Праздникъ мира» (*Das Friedenfest*), въ которой еще ярче выказалъ свой самобытный талантъ. Въ ней онъ уже сознательно выступаетъ на путь реализма и старается создать новую школу драматическаго искусства. Слава Гауптмана начала расти и увеличиваться и достигла своего апогея послѣ постановки имъ пьесы: драмы «Одинокіе» (*Einsame Menschen*) въ 1890 г. и комедіи «Нашъ товарищъ Крамптонъ» (*Kollega Krampton*) въ 1891 г. Серьезная критика нашла, что первая изъ нихъ, по взглядамъ на бракъ, сильно приближается къ ученію Толстого, а вторая принадлежитъ къ числу самыхъ веселыхъ и остроумныхъ въ новѣйшей драматической литературѣ. Два послѣднія его произведенія—«Ткачи» и «Ганнеле», надѣлавшая въ прошлый сезонъ столько шуму въ Петербургѣ.

Кромѣ драмъ, Гауптманомъ написано еще нѣсколько прекрасныхъ разсказовъ, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаетъ «Апостолъ». «Гауптманъ», говоритъ въ одной изъ своихъ статей критикъ Рейнгольдтъ: «талантливѣе и глубже Зудермана, а въ способѣ разработки своихъ сюжетовъ гораздо детальнѣе и смѣлѣе Ибсена... И индивидуализація лицъ,—заканчиваетъ статью критикъ,—посредствомъ оттѣнковъ рѣчи доведена у него до высокой степени совершенства».

Надняхъ въ Берлинскомъ университетѣ происходила церемонія передачи своей власти старымъ ректоромъ новому, избранному на постъ ректора недавно Вагнеру, специалисту по политической экономіи. Ради этого торжества въ актовомъ залѣ университета, въ такъ называемомъ «аулѣ», собрались всѣ профессора и лекторы, въ своихъ разноцвѣтныхъ мантияхъ и шапочкахъ, а также многотысячная толпа студентовъ.

Послѣ прочтенія старымъ ректоромъ краткаго отчета о состояніи университета и принесенія новымъ присяги, состоялась самая церемонія передачи. Она состояла въ томъ, что служители въ красныхъ мантияхъ сняли съ бывшаго ректора золотую цѣпь и бархатную, вышитую золотомъ, мантию и возложили ихъ на новаго ректора.

По окончаніи этой церемоніи Вагнеръ произнесъ вступительную рѣчь, въ которой касался развитія идей политической экономіи и социалистическихъ теорій въ Германіи. Рѣчь была настолько суха и специальна, что врядъ ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ профессоровъ по политической экономіи, понялъ ее.

Но когда рѣчь, наконецъ, была окончена, поднялся въ залѣ невообразимый шумъ: хлопали въ ладоши, стучали ногами; такимъ образомъ нѣмецкіе студенты благодарили ректора за то, что рѣчь длилась только 2, а не 4 и больше часа. Кстати, о студентахъ.

По официальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ этомъ году, оказывается, что число студентовъ во всѣхъ германскихъ университетахъ ежегодно прогрессивно увеличивается, а за послѣднія 40 лѣтъ возрасло почти въ 2¹/₂ раза. Такъ, въ періодъ отъ 1841—1846 года число студентовъ въ среднемъ было—11.626, а въ періодъ 1888—1890 уже достигало 29.294 чел. За послѣднія 5 лѣтъ число студентовъ, конечно, возрасло, но официальныхъ данныхъ еще не имѣется. Могу сказать, что наплывъ въ этомъ году въ берлинскіе политехникумъ и университетъ—небывалый.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

РАЗСКАЗЪ.

— «Вотъ незабудки—это на память: не забывай меня, милый другъ! Вотъ павилика—это означаетъ вѣрность. Вотъ вамъ хмель и васильки... Вотъ—полынь; она горька, какъ горько бываетъ раскаяніе. Вотъ—не тронь меня...»
Слова Офеліи въ 4 дѣйствіи «Гамлета».

I.

Единственная игрушечная лавка въ Тихорѣцкѣ помѣщалась на главной Московской улицѣ. Каждое утро чисто выбритый старичокъ отворялъ дверь и внимательно осматривалъ немного покосившуюся и сильно полинявшую вывѣску.

— Ужъ какъ-нибудь надо все поправить,—думалъ онъ вслухъ.—Всего-то подкрасить одинъ уголокъ, двѣ буквы и вбить новый крюкъ.

Но время шло, а вывѣска оставалась въ прежнемъ видѣ. Просто, какъ говорится, руки не доходили... Съ другой стороны, какъ разъ напротивъ, черезъ улицу, была точно такая же вывѣска, такая же полинявшая и тоже покосившаяся. На ней гордо красовалось всего одно слово: Шмидтъ, а надъ нимъ выдавалась деревянная кабанья голова, которую тихорѣцкіе обыватели принимали за обыкновенную свиную. Подержанныя вывѣски самымъ добродушнымъ образомъ поглядывали одна на другую, какъ хорошіе старые знакомые. Колбасная открывалась одновременно съ игрушечной лавкой и на ея порогѣ показывался толстый усатый господинъ съ рукой на черной перевязи,—это былъ самъ Шмидтъ, Карлъ Ивановичъ Шмидтъ. Сосѣди предварительно раскланивались молча,

а потомъ черезъ улицу говорили что-нибудь такое, что говорится съ просонья.

— Что у васъ новаго, Карль Ивановичъ?

— Мой, слава Богъ, ничево... А какъ вамъ, Павелъ Петровичъ?

— И я тоже, слава Богу, ничего...

Карль Ивановичъ медленно раскуривалъ хорошенькую трубочку, выходилъ на тротуаръ, осматривалъ свою вывѣску и качалъ головой. Онъ тоже находилъ, что необходимо произвести нѣкоторый ремонтъ, и утѣшался только тѣмъ, что у сосѣда такая же точно, требовавшая ремонта, вывѣска.

— Карль, нужно сдѣлать поправлять...—наставительно говорилъ самому себѣ аккуратный нѣмецъ и сейчасъ же прикидывалъ въ умѣ, что это удовольствіе будетъ стоить.—Да, нужно, Карль... Не будь русской свинья, Карль, какъ твой сосѣдъ Павелъ Петровичъ, который не хочетъ дѣлать ремонтъ.

Сосѣди стояли нѣкоторое время у своихъ лавочекъ, поджидая, когда въ концѣ улицы покажется толстенкій, низенькій человѣчекъ съ большой круглой головой. Это былъ учитель русскаго языка въ тихорѣцкой женской прогимназіи Третьяковъ, который утромъ шелъ на службу мимо табачной лавочки, а возвращался домой мимо колбасной. Послѣднее имѣло свой хозяйственный расчетъ: учитель по пути закупалъ въ колбасной какихъ-нибудь „закуснцовъ“, смотря по обстоятельствамъ и расположенію духа. Шмидтъ немного ревновалъ своего сосѣда, потому что круглый учитель каждое утро останавливался у игрушечной лавочки и разговаривалъ съ Павломъ Петровичемъ.

— Гутъ моргенъ, Третьякова!—кричалъ Шмидтъ черезъ улицу.

— Мое почтеніе, Карль Ивановичъ...

Павелъ Петровичъ послѣ обычныхъ переговоровъ о здоровьѣ, о клопахъ и ревматизмѣ, которымъ страдалъ „третьякова“, бралъ учителя за локоть и спрашивалъ:

— А что наша „Красная шапочка“?

— Ничего... Благодарю васъ... Впрочемъ, что же вы меня спрашиваете: вѣдь она вчера была у васъ?

— Ахъ, да...

Еще недавно Третьяковъ ходилъ въ свою гимназію по

улицамъ въ сопровожденіе дочери Мани, но она уже кончила курсъ и больше не провожала отца. Когда онъ теперь шелъ на службу одинъ съ пачкой ученическихъ тетрадокъ въ рукѣ, всѣмъ казалось, что какъ будто чего-то не достаетъ. не достаетъ именно этой хорошенькой бѣлокурой дѣвушкѣ съ такимъ тонкимъ личикомъ, граціозной тонкой фигуркой и граціозной походкой. На отца дѣвочка нисколько не походила. Онъ былъ, во-первыхъ, толстѣе, а во вторыхъ, лицо у него уже совсѣмъ нельзя было назвать красивымъ—толстое, скуластое, съ широкимъ русскимъ носомъ и узенькими темными глазками. Дѣвочка походила на мать, которая умерла давно.

„Третъ Якова“ уходилъ, Павелъ Петровичъ шелъ въ свою лавку, перебиралъ какія-то картонки, что-то подсчитывалъ въ торговой книгѣ, поджимая губы, и укоризненно качалъ головой. Именно въ этотъ критическій моментъ изъ сосѣдней комнаты раздавался голосъ:

— Поль, чай пить...

Дверь изъ табачной вела въ комнату, имѣвшую значеніе гостиной и столовой вмѣстѣ. Она выходила двумя, всегда пыльными окнами на дворъ и была загромождена старомодной мебелью. У кипѣвшаго самовара Поля терпѣливо дождалась Анисья Егоровна, очень полная и когда-то очень красивая старушка. Она по утрамъ носила бѣлые чепцы и какіе-то фантастическіе пестрые капоты, свидѣтельствовавшіе о привычѣ быть красивой,—красота исчезаетъ, а привычка остается.

— Семень Васильичъ прошелъ въ свою гимназію...— неизмѣнно сообщалъ Павелъ Петровичъ, присаживаясь къ своему стакану.

— Да?...—удивлялась старушка, точно это было какое-то необыкновенное событіе.—Какъ ему не надоѣсть.

— Пенсію скоро будетъ получать...

Наступала пауза. Старички молча выпивали чай, Поль раскуривалъ папиросу, откидываясь на спинку кресла и говорилъ дѣловымъ тономъ:

— Сейчасъ просматривалъ книги, Анисья Егоровна... да. Знаете, это невозможно!.. Никакой торговли... Мы просто обманываемъ сами себя. Да и какая можетъ быть торговля въ

этой проклятой дырѣ... Развѣ это городъ, Анисья Егоровна? Въ другихъ городахъ живые люди живутъ, а у живыхъ людей дѣти... да-съ. А что можетъ быть у нашихъ отставныхъ?.. Нѣтъ, рѣшительно, надо закрывать лавочку...

— Хорошо, Поль,—согласилась старушка.—Закроемъ лавочку, а дальше что?..

— Мало ли что можно придумать... Переѣдемъ въ другой городъ или... или откроемъ какую-нибудь другую торговлю. Здѣсь нужно мукой торговать... А самое выгодное дѣло: аптека. Лекарства всегда въ модѣ и всѣмъ нужны...

— Аптека, Поль, ужъ есть, а потомъ нужно быть провизоромъ,—резонно замѣчала старушка, не желавшая спорить и раздражаться.—А если переѣзжать, такъ съ одной мебелью сколько хлопотъ.

— Мебель мы можемъ продать, Анисья Егоровна...

Эти разговоры повторялись каждое утро и ни къ чему не вели. Такъ, просто нужно было сорвать на чемъ-нибудь сердца. Торговля, дѣйствительно, шла изъ рукъ вонъ плохо, но у стариковъ были маленькія средства, и лавочка служила только призракомъ какого-то дѣла. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть, сложа руки, когда люди еще въ силѣ...

Тихорѣцъ былъ „городомъ отставныхъ“, городомъ на пенсіи. Въ немъ сслились, благодаря относительной близости къ Петербургу и захолустной дешевизнѣ, разные отставные чиновники, военные и, вообще, люди не у дѣлѣ. Здѣсь можно было жить съ самымъ скромнымъ бюджетомъ, и хозяйственный годъ стоилъ дешевле, чѣмъ одна квартира въ Петербургѣ. Старики отставные мирно доживали здѣсь свои послѣдніе дни, придавая городу какой-то старческой видъ. Въ Тихорѣцѣ, повидимому, было рѣшительно все, что полагается скромному провинціальному русскому городу—и снѣгій соборъ на главной площади, и неизбѣжная Московская улица, и пересыльная тюрьма, и двѣ пожарныхъ каланчи, и обжорный рядъ, и полуразвалившійся городской театр—однимъ словомъ, рѣшительно все, что можетъ представить самое пылкое воображеніе, все, кромѣ жизни. Въ городѣ царилъ какая-то старческая тишина.

Самымъ характернымъ признакомъ этого города отставныхъ было полное отсутствіе дѣтей, т.-е. дѣтей настоящей

„публики“, а не тѣхъ, которыя наполняли грязныя улицы предмѣстья. Главныя улицы, гдѣ жили отставные, были всегда пусты. Даже дома походили на стариковъ. Это отсутствіе жизнерадостной дѣтвора чувствовалось во всемъ и придавало какую-то тяжелую пустоту. Ни съ улицы, ни со двора не доносилось веселаго дѣтскаго гама, беззаботный дѣтскій смѣхъ не наполнялъ воздуха веселой дрожью. У „отставныхъ“ всѣ дѣти были уже взрослыми и гдѣ-нибудь служили; они изрѣдка появлялись въ Тихорѣцкѣ навѣстити стариковъ, и вносили нѣкоторое оживленіе и надолго исчезали.

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, дѣла игрушечной лавки не могли идти хорошо. Покупатели были на перечесть. Конечно, существовала женская прогимназія, значитъ, были же какія-то дѣти, но, къ сожалѣнію, это учрежденіе не могло поддержать торговли игрушками—въ прогимназіи училась мѣщанская голь, поповны и дѣти бѣдныхъ мелкихъ чиновниковъ. Все это были плохіе покупатели, за самыми рѣдкими исключеніями, какъ семья учителя Третьякова. Въ сердцахъ Павелъ Петровичъ частенько бранилъ отставныхъ, зачѣмъ у нихъ нѣтъ дѣтей, забывая, что и самъ тоже отставной и тоже бездѣтень. Дѣлалъ онъ это безсознательно, можетъ быть, потому, что чужіе недостатки виднѣе, а можетъ быть, потому, чтобы сорвать сердце. Въ минуты раздумья старикъ утѣшалъ себя тѣмъ, что, конечно, хорошо бы имѣть дѣтей, да только еще вопросъ, какія выростутъ.

— Пожалуй, безъ дѣтей—то и лучше,—резонировалъ онъ.—Мало что-то радости по нынѣшнимъ временамъ отъ этихъ самыхъ дѣтей.

Старушка Анисья Егоровна обыкновенно молчала и только хмурилась. Она оставалась при своемъ особомъ мнѣніи. Но зато, какъ она была счастлива, когда въ лавочку заворачивалъ настоящій покупатель. О, съ какой затаенной нѣжностью старушка смотрѣла на эти разгоравшіеся жадностью дѣтскіе глаза, на эти маленькія ручонки, готовые захватить и унести всю лавочку, на эту задорную дѣтскую радость, покрывавшую цѣлый міръ.

Въ числѣ самыхъ дорогихъ покупательницъ была дочь Третьякова, благодаря которой и состоялось многолѣтнее знакомство. Тогда Третьяковъ только-что овдовѣлъ и не былъ

еще такъ толстѣ, какъ сейчасъ. Онъ не разставался со своей Маней и всюду таскалъ ее за собой. Анисья Егоровна влюбилась въ дѣвочку сиротку съ перваго раза и въ ней помѣстила неизрасходованный капиталъ материнской любви. Это было мучительное и больное чувство, которое даже конфузило Анисью Егоровну, и она почему-то скрывала его отъ всѣхъ, какъ преступленіе. Тутъ были и тайныя муки ревности, и материнскій страхъ за здоровье ребенка, и святой страхъ за его будущее, и тѣ молчаливыя ласки, которыя краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Маленькая Маня быстро освоилась въ этой новой атмосферѣ чисто женской любви и съ дѣтскимъ эгоизмомъ эксплуатировала старушку. Въ результатѣ обѣ были счастливы. Анисья Егоровна называла Маню красной шапочкой, и эта кличка осталась за ней.

Въ этомъ названіи заключался свой особый смыслъ— Маня была для отца и для всѣхъ остальныхъ, а для Анисьи Егоровны только одна „Красная шапочка“. Дѣвочка являлась почти каждый день въ лавку и здѣсь играла, какъ у себя дома. Она знала наперечетъ всѣ игрушки, называя каждую своимъ именемъ, и заставляла ихъ жить. Анисья Егоровна казалось, что даже эти дешевенькія, выцвѣтшія отъ времени и пыли игрушки въ рукахъ „Красной шапочки“ точно молодѣли, дѣлались лучше, красивѣе и даже добрѣе. Напримѣръ, былъ очень злой турокъ и очень мрачный трубочистъ но эта злость и мрачность теперь были совершенно понятны— и турокъ, и трубочистъ очень хотѣли улыбнуться „Красной шапочкѣ“ и не могли. Оставалось злиться и дѣлать мрачное лицо. Старушка сама увлекалась куклами и игрушками, спустилась до дѣтскаго міросозерцанія, и ей даже начинало казаться, что и весь Тихорѣцкъ старая игрушечная лавка, набитая старыми, полинявшими и расклеившимися игрушками, потерявшими всякую надежду на покупателя.

Всего счастливѣе Анисья Егоровна бывала тогда, когда „Красная шапочка“ прихварывала и требовала ее къ себѣ. О, тогда дѣвочка уже принадлежала только ей одной, ея рукамъ, уходу и вниманію... Около дѣтской кровати проходили мучительно-счастливыя часы, дни и цѣлыя недѣли. И какъ все это выеупалось... Разъ ночью больная „Красная

шапочка“ крѣпко обняла Анисью Егоровну и, наклонившись къ самому уху, тихо прошептала:

— Я васъ очень люблю... очень...

II.

Благодаря „Красной шапочкѣ“, завелась прочная дружба между двумя семьями. Къ нимъ черезъ нѣкоторое время присоединился колбасникъ Шмидтъ, потому что старики любили поиграть въ картишки и какъ разъ не доставало четвертаго партнера. Они собирались по вечерамъ большею частью у Павла Петровича, какъ женатаго человѣка, — Шмидтъ доживалъ свой вѣкъ старымъ холостякомъ. Старики проводили время очень недурно. „Красная шапочка“ вертѣлась все время около нихъ, и даже иногда замѣняла Анисью Егоровну, когда та готовила закуску или разливала чай. Въ темные осенніе вечера было такъ хорошо въ маленькой гостиной, и мирное убиваніе времени нарушалось только карточными спорами и политикой. Послѣдняя положительно убивала Анисью Егоровну, потому что мужчины такъ ужасно горячились, кричали и ссорились.

— Вы—нѣмецъ, Карлъ Иванычъ, и ничего не понимаете!—какимъ-то тонкимъ голосомъ выкрикивалъ Павелъ Петровичъ, утрачивая всякую душевную мягкость и присущую его натурѣ деликатность.—Да, не понимаете... Я не хочу васъ оскорблять, Карлъ Иванычъ, но у васъ нѣмецкая голова.

Въ азартѣ одного изъ такихъ споровъ Третьяковъ выразился уже совсѣмъ не деликатно, давъ замѣтить очень прозрачно, что эта нѣмецкая голова Карла Иваныча была просто-на-просто набита пескомъ.

— Нѣтъ, это Третьякова не понимаетъ!—вричалъ Карлъ Иванычъ, размахивая единственной рукой.—Мой дрался у Вертъ... мой терялъ рука... мой дѣлалъ кезера Вильгельмъ императоръ... О, мой все понимайтъ!..

Главный матеріалъ для такихъ споровъ доставляли проклятыя газеты, которыя Анисья Егоровна ненавидѣла отъ всей души. Въ каждомъ номерѣ мужчины находили что-нибудь такое, изъ-за чего лѣзли на стѣну. Дѣло доходило до того, что друзья на нѣкоторое время совсѣмъ расходились.

— Чортъ меня пусть положить къ себѣ въ карманъ, если я пойду когда-нибудь къ этимъ проклятымъ москалямъ! — повторялъ каждый разъ Карлъ Иванычъ. — Я себѣ отрублю другой рука...

Легко было это сказать, но исполнить трудно, особенно зимой, когда ночамъ не было конца. Москали тоже скучали безъ нѣмца, хотя и старались не показывать вида. Прими-ряющимъ элементомъ обыкновенно являлась Анисья Егоровна, которая начинала съ мужа.

— Ты-то съ чего на стѣну лѣзешь, Поль? Травите Карла Иваныча, а теперь и сидите да скучаете... И что далась вамъ эта проклятая политика? Ну, Карлъ Иванычъ еще воевалъ, ему руку отрубили, а вы-то съ Семень Васильичемъ о чемъ беспокоитесь...

— Ахъ, Анисья Егоровна, какъ это вы не хотите понять!.. — удивлялся Павелъ Петровичъ. — Вы только подумайте, какой величайшей ошибкой была вся эта франко-прусская война... Ошибкой для нѣмцевъ. А Бисмаркъ просто осель... Для чего нѣмцамъ было брать Эльзасъ-Лотарингію! Вѣдь это всего нашихъ полубузда... Ну, возьми контрибуцію и успокойся, а теперь эта Эльзасъ-Лотарингія сидитъ бѣльмоу на глазу у французовъ — да. Нѣ-ѣтъ, они не забудутъ!.. Да-съ...

— И пусть не забываютъ. Это ихнее дѣло и насъ даже нисколько не касается. Знай сверчокъ свой шестоеъ...

— А вотъ и касается, и даже весьма касается, Анисья Егоровна. И какъ это, право, вы не хотите понять?..

Павелъ Петровичъ даже понижалъ голосъ и сообщалъ женѣ подь величайшемъ секретомъ:

— Г. Бисмаркъ давно точить зубъ на Россію... Вѣдь вы это тысячу разъ слышали, Анисья Егоровна? Хорошо. Ему давно хочется отнять у насъ Остзейскій край и Финляндію, и Польшу... Вы тоже это слышали? Вотъ тогда, сейчасъ послѣ войны, получи контрибуцію и ударъ на насъ... Вѣдь мы-то совсѣмъ не были готовы. Хе-хе... Тутъ не Эльзасъ-Лотарингіей пахло: Ну, а теперь шабашъ... Положимъ, Мольтке и планъ выработалъ войны съ Россіей: — занять Западный край, укрѣпиться тамъ и ни шагу дальше. Вѣдь Наполеонъ I сдѣлалъ величайшую ошибку, что забрался въ Москву. Это его

погубило... Да. А нѣмцы хитрѣе: заполучать весь Западный край и упрутся въ немъ.

— Какія ты страсти говоришь, Поль!—возмущалась старушка.—Вѣдь у насъ и солдаты, и пушки, и генералы, и ружья...

— А у нѣмцевъ все это лучше. Ну, да все это ничего... Теперь мы ихъ не боимся, потому что только пошевелились они—французы ихъ сейчасъ по затылку. Хе-хе... Сами себѣ игрушку подстроили...

Самой высокой степени эти политическія недоразумѣнія достигли въ то лѣто, когда въ Кронштадтѣ пришла французская эскадра. Карлъ Иванычъ потерялъ окончательно всякое душевное равновѣсіе и самъ придирался къ москалямъ, которые еще тѣснѣе сплотились и потихоньку хихикали надъ нѣмцемъ. Не угодно ли франко-русскій союзъ, Карлъ Иванычъ? Какъ вы *это* понимаете? Хе-хе...

— Если вы такъ, то мы васъ будемъ бить!—заявилъ герой Верта съ рѣшимостью на все.—Кромѣ Бога, мы ничего не боимся...

„Третъ Якова“ даже не удостоилъ спорить, а только ухмылялся. Да и о чемъ было спорить, когда политическія событія были яснѣе бѣлаго дня. Мать нѣмцу—и конецъ.

Французская эскадра, такъ весело гостившая въ Кронштадтѣ, разрушила навсегда мирный союзъ скромныхъ винтеровъ. Произошла очень крупная размолвка, причемъ дѣлались довольно прозрачныя намеки съ одной стороны на недоброкачественность нѣмецкой колбасы, а съ другой—на залежалый товаръ въ игрушечной лавкѣ. „Третъ Якова“ и Павелъ Петровичъ дали самую торжественную клятву, что не возьмутъ въ ротъ колбасы вообще. Никогда!.. Это была открытая война, по всѣмъ правиламъ войны. Дипломатическія уловки Анисьи Егоровны не повели рѣшительно ни къ чему, кромѣ новаго раздраженія.

— Я боюсь, что *онъ* подожжетъ нашу лавку,—шепотомъ говорилъ Павелъ Петровичъ женѣ.—Отъ такихъ людей можно ожидать всего... Для нихъ нѣтъ ничего святого.

„Третъ Якова“ пересталъ совсѣмъ ходить по тротуару мимо колбасной. Кто поручится, что *онъ* не схватитъ ножа и не выскочитъ съ нимъ на улицу? Да и ножъ въ колбасной всегда

подъ рукой.. Самъ Карль Ивановичъ занялъ обороняющуюся позицію и въ свою очередь ждалъ. Вѣдь эти некультурные русскіе мужики могутъ устроить какую-нибудь вылазку, особенно ночью. Карль Ивановичъ повѣсилъ надъ своей кроватью револьверъ и сказалъ самому себѣ маленькое поученіе:

— Карль, осторожность— прежде всего.. Осторожность— все. Помни, Карль, — ты прежде всего и послѣ всего — солдатъ...

Со стороны все это могло показаться и нелѣпымъ, и смѣшнымъ, и даже невозможнымъ, но, къ сожалѣнію, все это происходило именно такъ, и дѣйствующія лица чувствовали себя прескверно. Ихъ давила собственная рѣшимость и сознание безповоротности принятыхъ рѣшеній.

Но тутъ случилось событіе, которое имѣло рѣшительное значеніе въ жизни враждовавшихъ сторонъ. Въ одно прекрасное осеннее утро Павелъ Петровичъ и Карль Ивановичъ по обыкновенію въ одно время отворили двери своихъ магазиновъ и обомлѣли.

— О, я это ожидалъ!—громко проговорилъ Карль Ивановичъ, настолько громко, чтобы Павелъ Петровичъ могъ слышать.— Пасквиль? Отлично...

На двери колбасной и на двери игрушечной лавки были наклеены какіе-то исписанные листы. Пока Карль Ивановичъ по складамъ разбиралъ варварскія русскія слова, а Павелъ Петровичъ бѣгалъ за очками, подошелъ „Третъ Якова“, отправлявшійся на службу, и прочиталъ первымъ:

— „Съ разрѣшенія начальства, въ г. Тихорѣцкѣ товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Горе-Завилейскаго, при благосклонномъ участіи артистки Императорскихъ театровъ А. Е. Мutowкиной, имѣетъ честь дать цѣлый рядъ спектаклей. Приблизительно репертуаръ будетъ состоять изъ слѣдующихъ пьесъ: „Двѣ сиротки“, „За монастырской стѣной“, „Отелло“, „Блуждающіе огни“, „Василиса Мелентьева“, „Гамлетъ“, „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“, „Мертвая петля“, „Злоба дня“ и т. д. Товарищество льститъ себя надеждой, что уважаемая публика г. Тихорѣцка окажетъ ему свое лестное вниманіе“.

Павелъ Петровичъ и „Третъ Якова“ нѣсколько времени молчали, а потомъ учитель проговорилъ первымъ:

— Что же отлично... Однимъ словомъ, святое искусство... да. Возвышаетъ духъ вообще...

Павель Петровичъ что-то сконфуженно пробормоталъ и неожиданно скрылся, оставивъ „Треть Якова“ стоять на тротуарѣ въ полномъ недоумѣніи.

— Павель Петровичъ!.. а Павель Петровичъ!..

Павель Петровичъ появился уже съ совсѣмъ виноватымъ видомъ, высморкался, чтобы выиграть время, и какимъ-то неестественнымъ тономъ проговорилъ:

— Да... Именно, святое искусство... А тогда, знаете, того, т.-е. отличная погода. Вы на службу идете, Семенъ Васильичъ?

— Куда же иначе?—удивился учитель, начиная обижаться. Вамъ не безызвѣстно, Павель Петровичъ, что мнѣ осталось дослужить до пенсіи всего только два года, и я не могу манкировать. Да...

— Да, да, именно два года,—виновато бормоталъ Павель Петровичъ, точно извиняясь въ чемъ-то.—У меня, знаете, того... болитъ голова... вообще...

„Треть Якова“ такъ и ушелъ въ недоумѣніи, что сдѣлалось съ старымъ другомъ.

Появленіе театральныхъ афишъ произвело въ Тихорѣцкѣ своего рода сенсацію. Конечно, театръ въ городѣ былъ, т.-е. развалины, оставшіяся отъ добраго стараго времени, когда чудакъ графъ Извѣковъ былъ сосланъ въ Тихорѣцкъ Аракчеевымъ за какія-то продерзости. У графа были двѣ слабости—театръ и охота, и онъ утѣшался въ Тихорѣцкѣ по своему, пока его не хватилъ кондрашка. Съ тѣхъ поръ театръ пустовалъ и постепенно разваливался. Какимъ образомъ занесло товарищество Горь-Завилейскаго въ эту юдоль отставныхъ—трудно сказать, а всего меньше, вѣроятно, могли бы объяснить сами гг. артисты. Но фактъ оставался фактомъ, и даже „отставные“ испытывали нѣкоторое волненіе.

Всего больше волновались владѣльцы игрушечной лавочки, и старушка Анисья Егоровна даже воскликнула:

— Зачѣмъ они пріѣхали, Поль?—повторяла она.—Вѣдь есть-же другіе города? И сборовъ здѣсь не будетъ...

Павель Петровичъ мрачно молчалъ, шагая изъ угла въ уголъ. Ужъ не штука ли это проклятаго нѣмца? Онъ недѣли

дѣвъ тому назадъ таскался въ Петербургъ безъ всякой надобности. Да, хорошаго немного...

Именно въ такомъ настроеніи застала стариковъ „Красная шапочка“, прибѣжавшая въ лавочку радостная, сіяющая, счастливая...

— Милая Анисья Егоровна, актеры пріѣхали.. Ахъ, какъ хорошо! Вѣдь я еще никогда не видала театра... Папа общалъ везти меня въ Петербургъ, какъ только получитъ пенсію, и мнѣ кажется, что онъ никогда ея не получитъ.

Дѣвушка удивилась, что не встрѣтила никакого отвѣта на свои восторги, а даже напротивъ — Анисья Егоровна смотрѣла на нее такими грустными глазами и только качала головой. Павелъ Петровичъ съ мрачнымъ видомъ ушелъ въ лавку.

— Вы сердитесь на меня?—спрашивала „Красная шапочка“, теряясь въ догадкахъ.—Боже мой, что я такого сдѣлала? Старушка обняла ее и горько заплакала.

— Что такое случилось, милая Анисья Егоровна?

— Ахъ, ничего... Совсѣмъ ничего... Это такъ, пройдетъ. Какая ты большая, Маня... Я только сейчасъ замѣтила...

— Мнѣ семнадцать лѣтъ исполнилось весной...

— Да, да... Для насъ ты все была еще маленькой дѣвочкой, и только сейчасъ я замѣтила, что ты совсѣмъ большая...

— О чемъ же тутъ плакать? Я, право, не виновата...

— Ахъ, ничего ты не понимаешь, „Красная шапочка“!..

Притворивъ дверь и осмотрѣвшись, старушка сообщила такую новость, что дѣвушка въ первую минуту подумала, ужъ не помѣшалась ли она.

— Да, да, мы съ Полемъ—актеры...—разсказывала Анисья Егоровна.—И въ свое время пользовались большой извѣстностью. А Поль меня страшно ревновалъ... Да и было за что: меня вездѣ и всѣ любили. А одинъ офицеръ стрѣлялъ въ меня... да. Я вышла на сцену, а онъ изъ второго ряда какъ выстрѣлитъ.. Даже теперь страшно вспомнить. Вотъ и теперь Поль страшно волнуется... Мы сколотили небольшой капиталчикъ и нарочно уѣхали въ такой глухой городишко, гдѣ не было театра, чтобы насъ никто не зналъ. Вѣдь, на актеровъ всѣ смотрятъ какъ-то такъ... не хорошо... И

мы нарочно никому ничего не говорили. „Красная шапочка“, и ты никому ничего не говори. Сохрани Богъ!... Я это только тебѣ говорю... Понимаешь?..

„Красная шапочка“ ничего не понимала, а только смотрѣла на Анисью Егоровну большими глазами, напрасно стараясь представить ее себѣ такой молодой и красивой, когда офицеръ стрѣлялъ въ нее. Эта новость просто ошеломила дѣвушку. Сколько лѣтъ она знала стариковъ и даже не подозрѣвала въ нихъ артистовъ. Это начинался какой-то волшебный сонъ, и дѣйствительность исчезала.

— Я тебѣ сейчасъ покажу все...—говорила старушка.

Она показала хранившіеся въ комодахъ театральные костюмы, добыла цѣлую кипу вырѣзокъ изъ газетъ, гдѣ были напечатаны отчеты объ игрѣ Лукомурской и Гвоздева,—сомнѣній не могло быть.

III.

Третьяковы занимали небольшой деревянный домикъ съ палисадникомъ и мезониномъ какъ разъ противъ графскаго театра. Это было почернѣвшее деревянное зданіе, грозившее разрушеніемъ. Маня, еще маленькой дѣвочкой, не разъ проникала внутрь этого зданія, гдѣ все было полно какой-то особенной таинственностью. Она бродила по лозамъ и уборнымъ, разсматривала потолокъ, покрытый аллегорическими фигурами, изветшавшія декораціи, облупившіяся занавѣсы, и ей дѣлалось какъ-то страшно и вмѣстѣ хорошо. Все говорило о какой-то яркой жизни, которая кипѣла въ этихъ стѣнахъ. Вотъ здѣсь, на сценѣ, шло представленіе, вотъ здѣсь игралъ графскій оркестръ, вотъ здѣсь въ крайней ложѣ сидѣлъ самъ графъ, страшный любитель театра, по своему добрый и по своему жестокой человѣкъ, какихъ создавало только то безправное время. Кстати, съ этой ложей было связано очень грустное преданіе—въ ней отравилась любимая воспитанница графа Груша, которая была куплена маленькой дѣвочкой въ какомъ-то цыганскомъ таборѣ. Манѣ казалось, что тѣнь этой несчастной Груши до сихъ поръ незримо витаетъ въ этой развалинѣ, и она вздрагивала отъ каждаго шороха.

Театръ простоялъ больше сорока лѣтъ безъ всякихъ признаковъ жизни, и вдругъ все ожило съ какой-то сказочной быстротой. Двери были разтворены, явилась артель плотниковъ, столяры, обойщики, маляры и какіе-то неизвѣстные люди, ходившіе въ блузахъ и высокихъ сапогахъ. Среди этой толпы, точно шаръ, катался съ утра до ночи какой-то коротенькій, толстенный человѣчекъ, отчаянно размахивавшій толстыми, короткими ручками и страшно ругавшійся. Въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ смѣшную привычку подпрыгивать на одномъ мѣстѣ, какъ резиновый мячъ. Это и былъ самъ Горе-Завилейскій, стоявшій во главѣ товарищества. Около него вертѣлись какіе-то бритые люди, повидимому, страшно мѣшавшіе и не знавшіе, куда имъ дѣваться. Изрѣдка появлялись какія-то таинственныя дамы—вѣроятно, актрисы, какъ догадывалась „Красная шапочка“.

Въ какую-нибудь недѣлю Горе-Завилейскій сотворилъ чудо, превративъ развалину снова въ театръ. Крыша была заплатана новыми досками, одна стѣна подперта бревномъ, подъѣздъ раскрашенъ въ русскомъ стилѣ, дорожки расчищены и посыпаны пескомъ—однимъ словомъ, волшебное превращеніе... Пока реставрировали зрительную залу, на сценѣ уже шли усиленные репетиціи. Бритые люди приходили съ тетрадками и бормотали что-то на ходу, закрывая глаза. „Красную шапочку“ больше всего занимали актрисы, которыя, видимо, очень волновались и учили роли тутъ же у театра, разгуливая по дорожкамъ.

— Вотъ счастливицы...—завидовала дѣвушка, наблюдая ихъ по цѣлымъ часамъ изъ-за занавѣски. Какъ имъ, должно быть, весело!..

Разъ, когда Маня поглощена была этими наблюденіями, въ комнату вошелъ Павелъ Петровичъ, страшно взбѣшенный.

— Проклятый нѣмецъ! Я его убью, — заявилъ онъ съ видомъ человѣка, рѣшившагося дорого продать свою жизнь.— Не могъ усидѣть дома и бросился къ вамъ... Скоро придетъ отецъ? Ну, да это все равно... да. Ахъ, нѣмецъ проклятый...

— Что случилось, Павелъ Петровичъ?... Вы не волнуйтесь...

— Нѣтъ, ты представь себѣ, „Красная шапочка“... Ахъ, Боже мой!.. Проклятый нѣмецъ пустилъ къ себѣ на квартиру

актеровъ... Одинъ благородный отецъ, резонеръ, комическая старуха, инженерша, а главное—двое водевилятниковъ. Вотъ одинъ-то изъ нихъ и погубилъ меня... Нужно тебѣ сказать, что нѣмецъ пустилъ актеровъ, конечно, на зло мнѣ, а потомъ на зло же мнѣ подослалъ въ лавочку одного водевилятника... Я сижу и читаю газету, вдругъ кто-то меня хлопъ по плечу—поднимаю голову, что-то какъ будто знакомое... „Паша, не узнаешь?“ Этакой хрипъ застуженный, точно дверь въ погребъ кто отворилъ... Смотрю: батюшки, да, вѣдь, это Пронька Лохматовъ... Онъ! Я думалъ, — онъ уже умеръ лѣтъ двадцать назадъ, а онъ тутъ какъ тутъ и запахъ перегорѣлымъ виномъ тотъ же... Теперь, „Красная шапочка“, все кончено: весь городъ узнаетъ, что мы съ Анисьей Егоровной тоже артисты... все пропало. Остается одно: бѣжать. Вотъ какую штуку подстроилъ нѣмецъ!.. Торжествуетъ теперь и всѣмъ рассказываетъ про насъ...

— Что же тутъ такого особеннаго?—удивлялась дѣвушка.—Актеры такіе же люди, какъ всѣ другіе...

— Не совсѣмъ... Ахъ, да что тутъ говорить! Снялъ съ меня голову нѣмецъ, вотъ что... Безъ ножа зарѣзалъ. Теперь всѣ пальцами будутъ указывать на насъ съ Анисьей Егоровной. Вѣдь ни одна душа не знала, кто мы такіе... Я всѣмъ рассказывалъ, что служилъ въ банѣ. Вотъ тебѣ и банѣ.

Вернувшійся со службы Третьяковъ напрасно старался успокоить стараго пріятеля. Павелъ Петровичъ бѣгалъ по комнатѣ, сжималъ кулаки и клялся всѣми святыми, что задушить нѣмца своими руками. Бѣдному старику казалось, что „треть Якова“ уже смотритъ на него совсѣмъ не такъ, какъ бывало прежде, и что „Красная шапочка“ тоже. Однимъ словомъ, все погибло...

— А все-таки интересно посмотрѣть игру...—говорилъ Семень Васильчъ.—Я давно уже не бывалъ въ театрѣ... Мана посмотреть.

— Да развѣ это артисты?—кричалъ Павелъ Петровичъ.—Развѣ это труппа? У нихъ Пронька Лохматовъ будетъ воля Лира отхватывать... ха-ха!.. Я и этого Горе-Завилейскаго знаю. Прежде онъ просто Андреевымъ на афишахъ печатался.

Появленіе труппы совершенно измѣнило всю жизнь игру-

печной лавки. Старики сдѣлались неузнаваемыми, особенно Павелъ Петровичъ. Онъ постоянно тревожился, всѣхъ подозрѣвалъ, придирался къ женѣ, и даже вскакивалъ по ночамъ, чтобы посмотрѣть въ окно. Всего смѣшнѣе было то, что старикъ началъ ревновать жену къ прошлому.

— Анисья Егоровна, признайтесь, вѣдь вы рады, что пріѣхала труппа? Да, рады? Меня не проведете... Нѣ-ѣтъ!...

— Поль, опомнись, что ты говоришь...

— А вы забыли, Анисья Егоровна, какъ за вами тогда ухаживалъ этотъ офицеръ?

— Да, вѣдь, это уже тридцать лѣтъ было назадъ... Можно бы, вѣжета, и забыть. Да и офицеръ давно умеръ навѣрно... Я даже и фамилію его позабыла...

— А я помню!.. Да-съ... Вы еще не знаете меня, Анисья Егоровна!... Да-съ... Я звѣрь... Дикій звѣрь...

Павелъ Петровичъ кричалъ, стучалъ кулакомъ и доводилъ старушку до слезъ. Анисья Егоровна не знала, что ей дѣлать, и рѣшила про себя, что старикъ повихнулся. Мало ли что было и вспоминать все черезъ тридцать лѣтъ! Жили все время душа въ душу, и вдругъ навалилась неожиданная напасть. Вѣдь этакъ и самой можно съ ума сойти...

Эти семейныя непріятности ужасно разстраивали Анисью Егоровну, и она уходила къ „Красной шапочкѣ“ отдохнуть и отвести душу.

— Я еще не знала, кокой это извергъ!— жаловалась старушка.— Онъ слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ, что-то разыскиваетъ по комодамъ и ужасно ревнуетъ...

Старческая ревность, конечно, была только смѣшной, и „Красной шапочкѣ“ стоило большихъ усилій удержаться. Дѣвушка была вся поглощена театромъ. Она уже была на двухъ спектакляхъ и возвращалась въ какомъ-то чаду. Северно было только одно, что ей рѣшительно не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ счастливымъ настроеніемъ. Ахъ, какъ много нужно было рассказать... Вѣдь открывалась совершенно новая жизнь, полная новыхъ интересовъ, стремленій, желаній, мыслей и чувствъ. Анисья Егоровна принуждена была по цѣлымъ часамъ выслушивать эти молодые восторги и только недовѣрчиво качала своей старой головой.

— Охъ, знаю, все знаю, „Красная шапочка“... Вотъ и я

такая-то была прежде. Да, очень давно... И такъ же горѣла вся, какъ ты сейчасъ... Это только издали, крошка, привлекательно, а вблизи...

— Не говорите, ничего не говорите, Анисья Егоровна!.. Ради Бога, не отравляйте мнѣ то, что я переживаю... Вѣдь это жизнь, настоящая жизнь, и я просто умру, когда трупна уѣдетъ. Понимаете?

Старческое брюзжанье было холодной водой для увлекавшейся „Красной шапочки“. Дѣвушка даже какъ-то меньше стала любить добрую, милую старушку и теперь не могла повѣрить, чтобы она когда-нибудь была актрисой, и что какой-то офицеръ стрѣлялъ въ нее. Нѣтъ, не можетъ быть...

За то Павелъ Петровичъ оказался гораздо отзывчивѣе, и „Красная шапочка“ совсѣмъ не находила его извергомъ. Онъ даже самъ пошелъ съ Маней въ театръ, когда давали Гамлета и все время объяснялъ ей, какъ слѣдовало играть „по настоящему“. Конечно, это была такая пьеса, что и самый послѣдній актеръ сыграетъ (какую-нибудь сцену удачно, — нельзя не сыграть. Послѣ спектакля старикъ завернулъ къ Третьяковымъ выпить чаю и долго толковалъ о театрѣ, о старыхъ знаменитыхъ артистахъ, о жизни актеровъ и т. д. „Красная шапочка“ превратилась вся во вниманіе и ни за что не хотѣла отпустить старика домой.

— Посидите еще немножко, Павелъ Петровичъ. Пожалуйста!

— А Анисья Егоровна?

— Она давно спитъ...

— Вы думаете? Хе-хе... Женщины ревнивы, а она знала, что я иду въ театръ.

Лукаво подмигнувъ, Павелъ Петровичъ сообщилъ по секрету:

— Вы не знаете Анисьи Егоровны... хе-хе!.. Это такой ужасный человѣкъ, когда дѣло коснется ревности. Настоящій тигръ... Она слѣдитъ теперь за каждымъ моимъ шагомъ. Вѣдь когда-то... гм... Однимъ словомъ, не стоитъ говорить объ этомъ. Артисты принадлежатъ публикѣ и любовь публики иногда ихъ губитъ... Вѣдь я самъ, „Красная шапочка“, когда игралъ Гамлета.

— Вы?!

— Да-съ, я... И смѣю васъ увѣрить, что игралъ весьма

недурно. А Анисья Егоровна играла Офелію и тоже отлично... Публика сдѣлала намъ овацію. Да вотъ спросите Проньку Лохматова— онъ помнитъ...

„Красная шапочка“ жила въ какомъ-то туманѣ. Она просто бредила театромъ, и ея жизнь теперь размѣрлась спектаклями. На молодую душу хлынула такая волна неиспытанныхъ впечатлѣній, и развертывались такіе горизонты, о существованіи которыхъ она даже и не подозрѣвала. Вѣдь это совсѣмъ не то, что прочитатъ гдѣ-нибудь въ книгѣ. Какъ рельефно выступали всѣ мелочи и, повидимому, совсѣмъ ненужныя сцены. А главное, что поражало „Красную шапочку“— со сцены говорили часто именно то, что она думала только про себя, и была увѣрена, что никому въ голову еще не приходило такихъ мыслей. Ей начинало казаться, что это говорить именно она, „Красная шапочка“, и говорить такъ убѣдительно, красиво и хорошо.

Противъ всякаго ожиданія, дѣла товарищества шли совсѣмъ недурно. Почтенная публика „отставныхъ“ откликнулась на призывъ искусства. Объяснялось это и захоластной скукой, и новизной смѣлаго предпріятія, и желаніемъ возстановить воспоминанія далекой юности. Отставные занимали партеръ и поощряли артистовъ. Положимъ, театръ не всегда былъ полонъ—мѣшали застарѣлые ревматизмы, пріятельскій винтъ и отставная экономія, но зато раекъ обязательно былъ переполненъ, главнымъ образомъ, конечно, молодежью. Сначала Третьяковы ходили въ партеръ, но потомъ это оказалось обременительнымъ для ихъ скромнаго бюджета, и „Красная шапочка“ сама предложила брать мѣста въ амфитеатрѣ, что составляло половину стоимости. Значитъ, можно было за тѣ же деньги сходить въ театръ цѣлыхъ два раза.

— Папа, мнѣ больше нравится амфитеатръ,— хитрила „Красная шапочка“, ласкаясь къ отцу.

— Хорошо, хорошо... Только не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться. Я самъ прежде сиживалъ въ райѣ. Сидишь и духъ захватываетъ. Даже одно время думалъ бросить гимназію и поступить на сцену... Это съ моей-то фигурой и фізіономіей! Ха-ха... И теперь посмотри, сколько въ райѣ сидитъ Гамлетовъ и Офелій— до Москвы не перевѣшать. Но все это вздоръ...

„Треть Якова“ не подозрѣвалъ, что „Красная шапочка“ идетъ уже по его дорогѣ и давно мечтаетъ слѣлаться актрисой. Когда онъ уходилъ въ гимназію, дѣвушка разучивала наизусть монологи и читала ихъ передъ зеркаломъ. Старая вухарка Митревна только крестилась,—видимо, на барышню было напущено.

Разъ послѣ обѣда, когда „треть Якова“ расположился на диванѣ покойфовать съ газетой, къ нему подсѣла „Красная шапочка“ и упорно мѣшала погрузиться въ бездны политики.

— Папа, а ты хотѣлъ серьезно поступить на сцену?

— А? что?!.. Какую сцену? Глупости...

— Нѣтъ, если серьезно, такъ отчего ты не поступилъ? Можетъ быть, изъ тебя вышелъ бы серьезный комикъ...

— Я? комикъ?.. Да ты съ ума сошла...

— Нѣтъ, я серьезно говорю, папа...

Сдѣлавъ небольшую паузу, „Красная шапочка“ проговорила роковую фразу, которую вынашивала нѣсколько дней и даже разучивала передъ зеркаломъ:

— Папа, я хочу поступить на сцену...

„Треть Якова“ вскочилъ, какъ ужаленный...

— Ты? На сцену? Ну, это, братъ, дудки... Пока я живъ— понимаешь? пока я живъ—этого не будетъ... Понимаешь? Выкинь дурь изъ головы...

„Красная шапочка“ покорно замолчала.

IV.

Положеніе Анисьи Егоровны все ухудшалось. Съ Павломъ Петровичемъ положительно творилось что-то неладное. Онъ даже кричалъ на жену, топалъ ногами и убѣгалъ. Однажды разыгралась уже настоящая семейная сцена. Какъ-то въ воскресенье, послѣ репетиціи, завернулъ Лохматовъ. Ну, посидѣлъ, напился чаю и уходи—кажется, ясно, а онъ дотянулъ до самаго обѣда и дождался, что Анисья Егоровна по своей добротѣ пригласила отобѣдать. Этого было достаточно, чтобы Павелъ Петровичъ страшно вспылить, конечно, когда гость ушелъ.

— Вамъ нравится этотъ Лохматовъ, Анисья Егоровна?

Да, нравится?.. Я такъ и зналъ... Можетъ быть, и раньше, когда мы вмѣстѣ служили, онъ тоже нравился вамъ, и вы, можетъ быть, обманывали меня вмѣстѣ съ нимъ?.. А теперь, по старой памяти, надо притолубить милаго...

— Поль, ты забываешься!.. Мнѣ ничего не остается, какъ только уйти совсѣмъ изъ дому...

— Какъ уйти? къ этому Лохматову?!

— Отстань ты съ своимъ Лохматовымъ!—Просто отъ тебя уйду, куда глаза глядятъ. Ты еще убьешь меня когда-нибудь...

— Ха-ха!.. А знаете, Анисья Егоровна, человѣкъ, у котораго совѣсть чиста, никуда не побѣжитъ... да. Другое дѣло, когда... Однимъ словомъ, я не желаю оставаться въ дуракахъ. Довольно...

Уйти Анисьѣ Егоровнѣ не привелось, потому что послѣ этой сцены Павелъ Петровичъ убѣждалъ самъ. Онъ нынче, вообще, усвоилъ себѣ привычку уходить изъ дому и пропадать неизвѣстно гдѣ. Анисья Егоровна даже боялась спросить его, гдѣ онъ бываетъ.

Прежде старушка уходила, обыкновенно, къ „Красной шапочкѣ“ и тамъ отдыхала, а теперь и у Третьяковыхъ къ ней относились не по прежнему. Семень Васильичъ, конечно, былъ вѣжливъ и внимателенъ, но чего-то какъ будто не доставало. И „Красная шапочка“ тоже была не та. Или читаетъ что-нибудь, или отмалчивается. Анисья Егоровна чувствовала себя лишней въ этомъ домѣ, и эта мысль ее убивала. Господи, да за что же? Что она имъ всѣмъ сдѣлала? Объясненій могло быть только два: или они отвернулись отъ нея, когда узнали, что она была актрисой, и что въ нее стрѣлялъ офицеръ,—или Павелъ Петровичъ наболталъ что-нибудь сгоряча. Во всякомъ случаѣ, съверно и тяжело, а главное—ничего неизвѣстно. У Анисьи Егоровны не повертывался языкъ потребовать прямыхъ объясненій.

Однажды старушка сидѣла у себя въ лавкѣ и вязала чулокъ. Вдругъ входитъ „треть Якова“ съ своимъ портфелемъ,—онъ возвращался со службы.

— Павла Петровича нѣтъ?—спросилъ онъ довольно сухо.— Впрочемъ, я въ этомъ былъ почти увѣренъ...

— Почему же вы думаете, Семень Васильичъ, что Поль не долженъ быть дома?

Третьяковъ сѣлъ, медленно раскурилъ папиросу и только потомъ отвѣтилъ, отчеканивая слова.

— Во-первыхъ, Анисья Егоровна, я не сказалъ, долженъ или не долженъ онъ быть дома, а во-вторыхъ—это меня нисколько не касается! и, въ-третьихъ... гм... да... Я пришелъ объяснитьсь съ вами откровенно, Анисья Егоровна. Я совершенно не понимаю вашего поведенія...

— Моего поведенія?

— Извините, но я долженъ это сказать прямо, Анисья Егоровна... да. Видите ли, раньше я всегда былъ благодаренъ вамъ за ваше вниманіе къ моей дочери, и даже очень благодаренъ... да. Дѣвочка такъ привязалась къ вамъ... Но въ послѣднее время, какъ мнѣ кажется—я даже, можетъ быть, ошибаюсь—да, мнѣ кажется, что ваше вліяніе на нее... Однимъ словомъ, я уважаю святое искусство и уважаю сцену, но совсѣмъ не желаю, чтобы моя дочь сдѣлалась актрисой. Этого никогда не будетъ... Я пришелъ вотъ именно это и сказать вамъ: Маня никогда актрисой не будетъ...

— Голубчикъ, Семень Васильичъ, да вы съ ума сошли!..

— Можетъ быть-съ... Но моя дочь все-таки актрисой не будетъ!..

— Да я-то первая отговаривала ее отъ этого, Семень Васильичъ. Сохрани ее Богъ, крошку...

„Треть Якова“ съ вѣжливой недовѣрчивостью улыбнулся. До чего, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть испорчена человѣческая натура: старухѣ шестьдесятъ лѣтъ, а лжетъ, какъ совсѣмъ молодая—ни въ одномъ глазу совѣсти. Но, все-таки, какъ эта ложь ни была очевидна, джентльменъ взялъ верхъ надъ отцомъ. Семень Васильичъ даже сдѣлалъ видъ, что вѣрять Анисьѣ Егоровнѣ.

— Передайте мой привѣтъ вашему мужу,—сухо простился „треть Якова“ и на порогѣ еще разъ повторилъ, дѣлая трагическій жестъ портфелемъ:—а моя дочь все-таки никогда актрисой не будетъ... да-съ!..

Эта несправедливость окончательно ошеломила Анисью Егоровну. Всѣ точно сбѣсильсь съ этимъ проклятымъ театромъ... Конечно, Поль не правъ, но онъ все-таки мужъ, а Семень Васильичъ посторонній человѣкъ и смѣетъ ее подзрѣвать ..

Конечно, Анисья Егоровна рассказала все мужу, но, къ ея удивленію, Павелъ Петровичъ отнесся совершенно равнодушно и даже засмѣялся.

— Онъ просто глупъ, этотъ Семенъ Васильичъ... Я и раньше это замѣчалъ, а теперь все для меня совершенно ясно. Что же дурного въ томъ, если дѣвушка чувствуетъ призваніе къ артистической дѣятельности? Бываютъ такія особенныя... да... избранныя натуры. А бѣднягу Семена Васильича мнѣ просто жаль, какъ курицу, которая высидѣла утенка и бѣгаетъ по берегу въ ужасѣ, когда утенокъ стремится въ воду, т. е. въ свою родную стихію.

Въ первый разъ Анисья Егоровна показалось поведеніе мужа нѣсколько подозрительнымъ, начиная съ того, что онъ уже не былъ съ ней откровеннымъ по прежнему и что-то скрывалъ. А тутъ еще разговоръ съ Семеномъ Васильичемъ,— почему онъ, т. е. Семенъ Васильичъ былъ такъ увѣренъ, что не застанетъ Поля дома. Правда, онъ ходилъ по вечерамъ въ театръ, иногда по старой привычѣ заглядывалъ на репетицію, пилъ пиво съ Лохматовымъ за кулисами—и только. Но въ концѣ концовъ эти размышленія привели старушку къ заключенію, что, пожалуй, дѣло и не ладно. Она даже начала слѣдить за мужемъ. Особенно ее напугало то, что онъ дѣлался ласковѣе съ ней, когда собирался куда-нибудь уходить,— всѣ мужья, которые обманываютъ своихъ женъ, поступаютъ именно такъ. Вообще, сомнѣній больше не было... Очевидно, Павелъ Петровичъ завелъ въ театрѣ какую-нибудь преступную привязанность. Вѣдь старики иногда сходятъ съ ума, какъ тотъ же графъ Извѣковъ... Чѣмъ больше раздумывала Анисья Егоровна на эту тему, тѣмъ больше убѣждалась въ справедливости своихъ подозрѣній. Все рушилось, все погибало...

Это настроеніе привело къ тому, что Анисья Егоровна стала слѣдить за каждымъ шагомъ мужа и дошла въ концѣ концовъ до того, что начала производить домашніе обыски по его карманамъ. Эта крайняя мѣра привела ее къ неожиданному и страшному открытію. Въ карманѣ жилета Павла Петровича она нашла смятую бумажку, на которой, видимо, второпяхъ было написано карандашомъ: „Опять въ сараѣ у Шмидта. 8 часовъ вечера“... У старушки закружилась голова, когда она узнала руку „Красной шапочки“. Неужели

этотъ старшій селадонъ, не пощадилъ даже этой невинной души? Очевидно, было назначено свиданіе и не въ первый разъ (опять!) и свиданіе въ какомъ-то сараѣ... Какой позоръ!.. какое несчастіе!.. какой ужасъ!.. Вѣдь съ очень молодыми и неопытными дѣвушками иногда случается, что они увлекаются стариками, а Павелъ Петровичъ такъ избалованъ женщинами...

Старушка даже не плакала, а приняла твердое рѣшеніе: съ мужемъ она, конечно, разойдется, но прежде необходимо спасти „Красную шапочку“. Бѣдная, несчастная дѣвочка...

Планъ былъ готовъ. Свиданіе назначено въ 8 часовъ, слѣдовательно, необходимо его предупредить. Павелъ Петровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно пообѣдалъ дома и еще болѣе преспокойно завалился послѣ обѣда спать, заказавъ разбудить себя ровно въ шесть часовъ. Такая не-исправимая закоренѣлость удивила даже Анисью Егоровну, хотя, съ другой стороны, преступники преспокойно ѣдятъ и спятъ наканунѣ казни... Потомъ Павелъ Петровичъ ровно въ шесть часовъ поднялся самъ (Анисья Егоровна не хотѣла его будить), съ особенной тщательностью умылся, еще съ большей тщательностью смотрѣлъ въ зеркало, — чудовище даже улыбалось самому себѣ въ зеркалѣ, что Анисья Егоровна отлично видѣла. Потомъ чудовище старалось быть ласковымъ, хотя старушка и не поддавалась на эту удочку. О, гнусный человѣкъ, въ которомъ не осталось рѣшительно ничего святого! Потомъ, онъ ровно въ семь часовъ — замѣтите: ровно! вышелъ изъ дому, сославшись, что ему необходимо кого-то увидеть. Эта ходячая ложь была уже не въ силахъ придумать какого-нибудь правдоподобнаго предлога...

Анисья Егоровнѣ пришлось ждать ровно цѣлый часъ, — было еще свѣтло. Потомъ она затворила лавочку, навинула на голову большой платокъ и вышла съ твердой рѣшимостью исполнить свой долгъ. Она сначала прошла по улицѣ, но ничего подозрительнаго не встрѣтила, потомъ свернула въ пустырь, который оставался рядомъ съ колбасной. Самое страшное было то, что гдѣ-то лаяла собака. Но старушка собрала послѣднія силы и пошла по бурьяну вдоль забора, отыскивая лазейку. Въ одномъ мѣстѣ заборъ сильно осѣлъ и можно было

черезъ него перелѣзть. Она такъ и сдѣлала. А вотъ и старый деревянный сарай, стоявшій въ сторонѣ отъ другихъ построекъ. О, какъ билось ея бѣдное старое сердце, когда она стала подкрадываться къ этому сараю! Она нарочно обошла его кругомъ... Что это такое? Голосъ Павла Петровича... Да, это его голосъ... Она даже могла слышать отдѣльныя слова... Да, да, это онъ говоритъ:

Офелія! о, нифма, помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

Позвольте, да, вѣдь, это онъ изъ Гамлета? У бѣдняги отъ старости уже нѣтъ своихъ словъ, и онъ вымаливаетъ любовь краденными фразами... Несчастный!.. Старушка отыскала въ сараѣ какую-то щель и припала къ ней.

То, что она увидѣла, омончательно ее поразило, такъ что она даже отступила и протерла себѣ глаза. Ужъ не сонъ ли все это? Во-первыхъ, сарай былъ чѣмъ-то освѣщенъ и первое, что она увидѣла, былъ Карлъ Иванычъ Шмидтъ, сидѣвшій на ящикѣ изъ подъ свѣчь. Да, это былъ онъ, настоящій, живой Карлъ Иванычъ... Онъ сидѣлъ и, видимо, дремалъ. Напротивъ него, на такихъ-же ящикахъ были поставлены двѣ жестяныхъ лампочки. Къ нимъ журавлинымъ шагомъ подошелъ Павелъ Петровичъ, склонилъ нѣсколько голову на бокъ, сдѣлалъ театральнй жестъ рукой, точно отгонялъ муху и началъ глухимъ голосомъ:

Господь земли и неба! Что еще?
Не вызвать ли и адъ? О, не старѣйте, нервы!..
Держите персть возвышенно и прямо...
Мнѣ помнить о тебѣ?..

— Карлъ Иванычъ, да смотрите же на меня?— совѣмъ другимъ тономъ обратился онъ къ нѣмцу.— Вѣдь вы публика и должны смотрѣть на артистовъ, а вы, кажется, дремлете. „Красная шапочка“, вы видѣли, какъ я выходилъ? Вотъ такъ... да... Потомъ необходимо сдѣлать паузу... Гаррикъ дѣлалъ такой жестъ... да. Каждое движеніе расчитано, каждая нота тоже и ни одного невѣрнаго звука. Карлъ Иванычъ, пожалуйста, будьте настоящей публикой... „Красная шапочка“, когда вы начнете—смотрите прямо ему въ лицо. Это самое трудное для начинающихъ артистовъ, и къ этому необходимо себя

пріучать. Ну-съ, начинайте... Я Лаэртъ, помните, и подаю вамъ реплику: ...„этотъ вздоръ значительнѣе смысла“. Ахъ, зачѣмъ вы подняли лѣвое плечо? Ради Бога опустите руки, какъ будто онѣ вамъ совсѣмъ лишнія... Голову немного выше... сдѣлайте разсѣянный взглядъ, какъ будто что-то видите въ пространствѣ, хотя и смотрите прямо въ лицо Карлу Иванычу. Карлъ Иванычъ вы опять? Да, такъ я Лаэртъ... „Этотъ вздоръ значительнѣе смысла“!..

Офелія отвѣтила не сразу, но первыя же слова заставили Анисью Егоровну задрожать. Боже мой, неужели это она, „Красная шапочка“? Сколько задушевной простоты, чарующей нѣжности и глубокаго горя въ каждой нотѣ...

— Вотъ незабудки—это на память...

Послышался смѣхъ больного ребенка, въ каждомъ звукѣ стояли святыя слезы. Анисья Егоровна не выдержала и крикнула въ свою щель:

— „Красная шапочка“, да у тебя талантъ... Настоящій талантъ!...

Въ слѣдующій моментъ она была уже въ сараѣ, обнимала „Красную шапочку“, цѣловала ее и крестила.

— Талантъ... да, настоящій талантъ. Искра Божія...

Павель Петровичъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ и съ гордостью проговорилъ:

— А кто открылъ этотъ талантъ? Я-съ... Анисья Егоровна, садитесь рядомъ съ Карломъ Иванычемъ... вы тоже будете публика.

Черезъ полгода „Красная шапочка“ навсегда повинила родной Тихорѣцкѣ. Она применила къ труппѣ товарищества Горезавилейскаго въ качествѣ *ingenue dramatique*.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ФАКТОРА ВЪ ИСТОРИИ.

Философія исторіи сдѣлалась предметомъ самостоятельной научной разработки съ очень недавняго времени, хотя въ той или иной формѣ, въ видѣ болѣе или менѣе яснаго представленія объ основныхъ свойствахъ и характерѣ историческаго процесса, она всегда была нераздѣльной частью исторіи. Не существуетъ и не существовало историческаго сочиненія, каково бы ни было его содержаніе, совершенно лишеннаго философіи этого рода. Историкъ можетъ нисколько не интересоваться общими соображеніямъ и ставить себѣ единственной задачей описаніе конкретныхъ фактовъ, но его общая точка зрѣнія, помимо его воли, опредѣляетъ характеръ его работы. Уже самый подборъ матеріала невозможенъ безъ теоріи того или иного рода. Историческіе факты многочисленны и разнообразны,—на какихъ же фактахъ останавливать свое вниманіе, какіе выдвигать на первый планъ и какіе оставлять въ тѣни?

Древніе лѣтописцы менѣе всего могутъ считаться зараженными какими бы то ни было предвзятыми теоріями; ихъ труды являются образцомъ спокойнаго, объективнаго изложенія предмета, но легко доказать, что и они были проникнуты вполне опредѣленной историко-философской теоріей. О чемъ говорятъ лѣтописи? Преимущественно о политическихъ событіяхъ, войнахъ, подвигахъ государей и полководцевъ. Экономическіе факты отмѣчаются ими крайне рѣдко. Родословныя государей излагаются ими во всѣхъ подробностяхъ, но свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ, на работу, о распредѣленіи земельной собственности, способахъ пользованія ею, и пр.—у нихъ почти совершенно отсутствуютъ. Очевидно, политическіе факты признавались лѣтописцами болѣе важными, чѣмъ экономическіе; единственными двигателями исторіи въ ихъ глазахъ являются народныя вожди—великіе люди. Это историко-филисофское воззрѣніе характерно для всей древней исторіографіи.

Оно привлекало своей наглядностью и простотой. Историческое значеніе великихъ людей сразу бросается въ глаза; ихъ дѣянія у всѣхъ на виду, народъ послушно идетъ за ними, имъ достаются всѣ почести въ случаѣ побѣды, и на нихъ подаетъ позоръ пораженія. Легко было придти къ мысли, что великіе люди—творцы исторіи, а народъ, грубая толпа—сырой матеріалъ, изъ котораго великіе люди дѣлають, что имъ угодно. Малыя причины порождаютъ великія слѣдствія. Извѣстно изреченіе, что если бы у Клеопатры носъ былъ подлиннѣе, судьба Римской имперіи была бы иная. Міровая исторія превращалась въ длинный рядъ біографій государей, полководцевъ и государственныхъ людей. Такое воззрѣніе на природу исторіи долгое время было почти единственнымъ.

Послѣднимъ и самымъ талантливымъ, можно сказать даже геніальнымъ, представителемъ историческаго культа героевъ былъ Томасъ Карлейль. Вотъ, на примѣръ, что говоритъ онъ по этому поводу въ своемъ сочиненіи «Герои и героическое въ исторіи»:

«Всемирная исторія, въ сущности, есть исторія великихъ людей, потрудившихся здѣсь на землѣ. Все содѣянное въ этомъ мірѣ представляетъ, въ сущности, внѣшній матеріальный результатъ, практическую реализацію мыслей, принадлежавшихъ великимъ людямъ, посланнымъ въ этотъ міръ. Исторія этихъ послѣднихъ составляетъ, по истинѣ, душу всей міровой исторіи. Я хорошо знаю, что въ настоящее время почитаніе героевъ признается культомъ отжившимъ, окончательно прекратившимъ свое существованіе. Покажите нашимъ критикамъ великаго человѣка, и они начнутъ съ такъ-называемаго ими «объясненія»; они не преклонятся предъ нимъ, а примутся измѣрять его и найдутъ, что онъ принадлежалъ къ людямъ мелкой породы! Онъ былъ продуктомъ своего времени, говорятъ они. Время создало его время сдѣлало все; онъ же ничего такого, чего бы мы, маленькіе критики, не могли сдѣлать. Жалкій трудъ, по моему мнѣнію, такая критика» *).

Что историческая критика, отрицающая всякое различіе между героями и обыкновенными людьми,—жалка, въ этомъ можно вполне согласиться съ Карлейлемъ; но все-таки безъ объясненія и критики героевъ обойтись нельзя, такъ какъ въ критикѣ и заключается вся сущность науки. Приведенная тирада Карлейля очень краснорѣчива, но мало убѣдительна. Если внимательно перечитать всю книгу, откуда эта тирада взята, то въ ней также мало най-

*) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Перев. Яковенко, стр. 17.

дется доказательствъ исключительной роли великихъ людей въ исторіи. Для Карлейля герой—это нѣчто вродѣ чуда, прямой посланникъ божества, вѣстникъ изъ нѣдръ безконечности, молнія, нисходящая съ неба. Карлейль ослѣпленъ величіемъ героевъ и требуетъ, чтобы мы также преклонялись передъ ними, «потому что въ груди человѣка нѣтъ чувства болѣе высокаго, чѣмъ удивленіе передъ тѣмъ, что выше его». Но наука ни передъ чѣмъ не преклоняется; коснитесь только холоднымъ анализомъ возвышеннаго культа героевъ, и вы увидите, что этотъ культъ основанъ на такой же иллюзіи, какъ и другіе подобныя культы. Великій человѣкъ—не чудо и не посланникъ божества, а такой же естественный продуктъ матеріальныхъ условій, какъ и прочіе смертныя. Объяснять исторію личными дарованіями, наклонностями и характеромъ великихъ людей, это значитъ, въ сущности, не давать никакого объясненія. Дѣло въ томъ, что надо объяснить самого великаго человѣка. Остается или признать случай единственнымъ вершителемъ судебъ человѣчества,—и тогда исторія теряетъ всякій смыслъ и превращается въ пестрый калейдоскопъ смѣняющихся явленій, такихъ же измѣнчивыхъ и неподдающихся законамъ, какъ измѣнчива и случайна воля человѣка,—или нужно искать руководящаго фактора исторіи за предѣлами человѣческой индивидуальности.

И вотъ, на смѣну культа героевъ выступаетъ ученіе о всемогуществѣ идеи. Не великіе люди, а разумъ и идеи въ дѣйствительности управляютъ міромъ. Всѣ великія историческія событія являются ничѣмъ инымъ, какъ борьбой идей. Свою «Исторію французской революціи» Луи Бланъ начинаетъ слѣдующими словами: «Въ міровой исторіи господствуютъ три великихъ принципа: авторитетъ, индивидуализмъ, и братство» *). Авторитетъ преобладалъ до Лютера, индивидуализмъ характеризуетъ настоящее время, а братству принадлежитъ будущее. Французская революція была борьбою идеи авторитета съ идеями индивидуализма и братства. Принципъ индивидуализма одержалъ побѣду. Даже самыя значительныя историческія личности, по мнѣнію Луи Блана, не болѣе, какъ «эффемерные актеры въ драмѣ, создаваемой обществомъ, къ которому они принадлежатъ». Что же движетъ исторію? «Не сила, что бы ни говорила внѣшность, но мысль; исторія дѣлается книгами». Съ этой точки зрѣнія важнѣйшимъ факторомъ исторіи является развитіе человѣческаго ума, распространеніе просвѣщенія въ

*) Луи Бланъ. Исторія великой французской революціи. Пер. Антоновича. Т. I, стр. 40.

народѣ. Разуму, интеллекту приписывается первенствующая роль въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества, а чувства, привычки, желанія, страсти человѣка признаются маловажнымъ элементомъ въ его жизни, не имѣющимъ никакого историческаго значенія.

Историческая философія этого рода характерна для конца прошлаго вѣка — эпохи революціи. Французскіе матеріалисты XVIII столѣтія, послѣдователи Вольтера и Руссо, экономисты школы Смита, философы и юристы школы Бентама, наконецъ, сами дѣятели революціи, — всѣ эти, столь различные по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ, люди сходились въ томъ, что мысль, разумъ они ставили впереди чувства. Можно сказать, что чувство они совсѣмъ игнорировали. Человѣкъ для нихъ былъ мыслящей машиной, душа человѣка — *tabula rasa*, въ которую можно вписать любое содержаніе. Различію нравовъ, обычаевъ, характеровъ, нравственныхъ понятій они не придавали никакого значенія. Игнорируя всѣ культурныя, историческія, классовыя особенности людей, раціоналисты XVIII вѣка создали какую-то абстракцію человѣка, которая и признавалась ими выраженіемъ свойствъ человѣческой души въ ея естественномъ состояніи. Всѣ люди предполагались ими разумными и склонными къ добру существами, легко доступными убѣжденію; съ этой точки зрѣнія несправедливости общественнаго устройства объяснялись, съ одной стороны, испорченностью и эгоизмомъ людей, стоящихъ у власти, а съ другой — невѣжествомъ народной массы. Отсюда естественно получался выводъ, что достаточно просвѣтить народъ, объяснить ему его истинные интересы — и всѣ эти несправедливости исчезнутъ. Исторія человѣчества дѣлилась на двѣ части — прежнее время, когда люди не понимали своихъ интересовъ, и новая эпоха, которая начнется тогда, когда эти интересы будутъ поняты; чтобы преобразовать общественный строй, достаточно — ясно и понятно изложить недостатки существующаго строя и преимущества новаго, основаннаго на разумномъ соглашеніи всѣхъ членовъ общества — *contrat social*. Сила человѣческой мысли и просвѣщенія такъ велика, что передъ нею не могутъ устоять предрассудки и предубѣжденія, порождаемыя невѣжествомъ, и потому измѣненія соціальнаго строя происходятъ съ такою же легкостью, съ какою открываются новыя идеи.

Утописты XIX вѣка, Овенъ, Сентъ-Симонъ, Фурье, были полны наивной вѣрой во всемогущество идеи. Имъ казалось, что они открыли для человѣчества идеальныи соціальный строй; оставалось только убѣдить человѣчество устроить свою жизнь по

предлагаемому плану, а это считалось дѣломъ легкимъ. И вотъ наши утописты обращаются ко всѣмъ классамъ населенія—королямъ, аристократамъ, банкирамъ, фабрикантамъ, рабочимъ—«съ горячимъ словомъ убѣжденія». Для устройства фаланстера по плану Фурье требовалась бездѣлица—милліонъ франковъ. Но Фурье не суждено было дожидаться этого милліона, хотя онъ ежедневно возвращался въ 12 ч. домой, ожидая въ этотъ, назначенный имъ въ своей книгѣ, часъ—миѳическаго капиталиста, который согласится облагодѣтельствовать человѣчество.

Подобныя же воззрѣнія долгое время пользовались неограниченнымъ кредитомъ и у насъ. Припомнимъ столь популярное у насъ ученіе о роли «критически-мыслящей личности» въ историческомъ процессѣ. По этому взгляду, прогрессъ въ исторіи совершается очень просто: критически-мыслящія личности, другими словами то, что называется интеллигенціей, выработываютъ общественные идеалы; чѣмъ болѣе возвышенны и гуманны эти идеалы, тѣмъ плодотворнѣе вліяніе интеллигенціи на народъ. Когда выработка идеала закончена, тогда начинается распространеніе его въ народной массѣ, и если идеаль стѣбитъ этого, онъ мало-по-малу проникаетъ въ народное сознаніе, становится господствующимъ воззрѣніемъ и, наконецъ, достигаетъ своего объективнаго осуществленія, въ видѣ желаемаго преобразованія общественнаго строя. При такомъ взглядѣ на исторію, задача историка очень упрощается: она сводится къ критической оцѣнкѣ идеаловъ.

Но можно ли согласиться съ исторической философіей, признающей идеи, мнѣнія и взгляды людей конечной причиной прогресса? Нельзя, разумѣется, отрицать вліянія идей на ходъ исторіи, но что такое сами идеи,—являются ли онѣ результатомъ свободного творчества человѣческаго ума, стоящаго внѣ условій мѣста и времени, освобожденнаго отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, традицій, симпатій и антипатій, которые опредѣляютъ взгляды большинства людей,—или же идеи представляютъ естественный и необходимый продуктъ своего времени, соціальной среды, изъ которой онѣ вышли?

Какъ возникаютъ и какъ дѣйствуютъ идеи въ исторіи? Исторія любой общественной науки можетъ дать на это вполне ясный отвѣтъ. Мы ограничимся примѣромъ политической экономіи, идеи которой оказывали едва ли не наибольшее вліяніе на общественную жизнь.

Политическая экономія — наука новаго времени. Обыкновенно, основателемъ ея признаютъ Адама Смита. Во всякомъ случаѣ, только

со времени Смита политическая экономія пріобрѣтаетъ первенствующее вліяніе на законодательство и практическую жизнь. Если признать, что исторія дѣлается книгами, то книгѣ Адама Смита должно быть отведено очень почетное мѣсто въ исторіи. По словамъ Бокля, «Богатство народовъ»—важнѣйшая изъ книгъ, когда-либо написанныхъ, а ея авторъ больше способствовалъ своимъ произведеніемъ счастью человѣчества, чѣмъ всѣ политическіе и государственные люди, вмѣстѣ взятые. Бэдждотъ говоритъ, что никакой продуктъ философскаго мышленія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ богословскихъ системъ, не имѣлъ и тысячной доли того вліянія, какое оказала книга Смита *). Если даже признать эти отзывы сильно преувеличенными, то все же фактъ огромнаго историческаго значенія «Богатства народовъ» не подлежитъ сомнѣнію. Идеи Ад. Смита, дѣйствительно, обладали творческою силой, и социальныя отношенія въ Англіи глубоко измѣнились подъ вліяніемъ этихъ идей. Развѣ нельзя видѣть въ этомъ доказательства великаго значенія идей въ исторіи?

Разсмотримъ, однако, этотъ примѣръ поближе. Перечтите внимательно книгу Смита и скажите, къ чему стремился Смитъ, чьи интересы онъ защищалъ, какому общественному классу онъ болѣе всего сочувствовалъ? О рабочихъ онъ всегда говоритъ съ глубокой симпатіей; по его словамъ, «всякій разъ, когда правительство издаетъ какой-либо законъ въ пользу рабочихъ, оно поступаетъ справедливо; но не всегда бываетъ такъ, когда законъ издается въ пользу хозяевъ». Самое глубокое негодованіе вызываетъ у Смита стѣсненіе свободы труда, нарушеніе права рабочаго распоряжаться, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, единственною собственностью, которою онъ обладаетъ—своей рабочей силой. Напротивъ, о торговцахъ и фабрикантахъ Смитъ почти всегда говоритъ во враждебномъ тонѣ; онъ называетъ ихъ «алчнымъ и корыстолюбивымъ классомъ людей, жаждущихъ монополіи». Благодаря ихъ упорному сопротивленію всему тому, что клонится къ ослабленію ихъ несправедливыхъ привилегій, свобода торговли въ Англіи, по мнѣнію Смита, является такой же несбыточной мечтой, какъ утопія Томаса Мора. Къ законамъ, исходящимъ отъ капиталистовъ, Смитъ совѣтуетъ относиться съ крайнимъ недоувѣріемъ, такъ какъ интересы купцовъ и фабрикантовъ прямо противоположны интересамъ всего общества. Для всякаго, знакомаго съ книгою Смита, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Смитъ признавалъ свои идеи вполне соответствующими интересамъ ра-

*) А. Чупровъ. Исторія политической экономіи.

бочихъ и находящимися въ непримиримомъ антагонизмѣ со стремленіями капиталистическаго класса. И что же—не прошло и двадцати лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Богатства народовъ», какъ идеи Смита стали проникать въ жизнь и вызвали ожесточенную борьбу классовъ. На сторонѣ Смита оказались фабриканты и торговцы, а противъ ученія Смита боролись рабочіе; и будущее вполнѣ оправдало такое неожиданное для творца экономической науки распределеніе ролей на исторической сценѣ. Царство свободы далеко не принесло народной массѣ тѣхъ благъ, которыхъ ожидалъ Смитъ. Гуманные и широкіе идеалы Смита нашли себѣ неожиданное выраженіе въ узко-эгоистическихъ интересахъ того общественнаго класса, которому Смитъ менѣе всего сочувствовалъ. Желая открыть вѣчные и неизблемые законы народнаго хозяйства и установить принципы общественнаго строя, основаннаго на разумѣ и справедливости, Смитъ способствовалъ водворенію экономического порядка, выгоднаго для немногихъ и невыгоднаго для большинства.

Тѣмъ не менѣе, ученики Смита продолжали открывать вѣчные и неизблемые законы народнаго хозяйства. Такимъ закономъ долженъ былъ быть установленный Мальтусомъ законъ размноженія народонаселенія. Сущность этого закона заключается въ слѣдующемъ: человѣчество имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ растутъ средства къ существованію, и поэтому причины бѣдности лежатъ въ основныхъ свойствахъ человѣческой природы. Законъ Мальтуса имѣлъ очень внушительный и научный видъ, но, тѣмъ не менѣе, практическая сторона его выступала довольно ясно. Приписывая бѣдность естественнымъ причинамъ, Мальтусъ тѣмъ самымъ отрицалъ возможность улучшенія положенія рабочихъ классовъ путемъ общественныхъ реформъ; однако, и онъ требовалъ одной реформы—а именно, отмѣны законовъ о бѣдныхъ. Надо сказать, что, по стариннымъ англійскимъ законамъ, начало которыхъ восходитъ еще къ среднимъ вѣкамъ, приходы въ Англійи обязаны были содержать своихъ бѣдныхъ на счетъ средствъ, собираемыхъ съ мѣстныхъ собственниковъ. Чѣмъ болѣе возрасталъ пауперизмъ, тѣмъ тяжелѣе становились сборы въ пользу бѣдныхъ и тѣмъ популярнѣе дѣлался законъ Мальтуса среди имущихъ классовъ, несмотря на его противорѣчіе съ Библіей («плодитесь и размножайтесь»). Наконецъ, въ 1834 г. ученіе Мальтуса восторжествовало, и помощь бѣднымъ была сокращена, во имя неизблемыхъ законовъ политической экономіи.

Такимъ же неизблемымъ закономъ считалось, въ теченіе первой половины нашего вѣка, знаменитое ученіе о фондѣ заработной

платы. По этому ученію, размѣръ платы каждому рабочему опредѣляется двумя условіями—величиной запаса, предназначеннаго для содержанія рабочихъ, и ихъ числомъ. Это казалось такимъ неопровержимымъ логическимъ выводомъ изъ всѣми признаваемыхъ положеній, что даже и не требовало доказательства: предполагалось, что достаточно ясно формулировать это ученіе, чтобы сдѣлать его вполне очевиднымъ.

Посмотримъ теперь, какіе выводы получились изъ новаго экономического закона. Величина фонда не зависитъ отъ воли рабочихъ; число ихъ, въ каждый данный моментъ, тоже не зависитъ отъ ихъ воли. Слѣдовательно, рабочіе не могутъ вліять на размѣръ своей платы; другими словами, всѣ ихъ усилія поднять заработную плату безсмысленны и бесплодны. Точно также, всякое вмѣшательство правительства въ отношенія труда и капитала въ интересахъ рабочихъ (напр., фабричныя законы) совершенно бесполезно, такъ какъ никакія мѣры правительства не могутъ увеличить фонда заработной платы, или понизить численность населенія.

Изложенное ученіе принималось всѣми выдающимися экономистами школы Мальтуса-Рикардо, и, безъ сомнѣнія, принималось ими вполне искренно. Неудивительно, что фабриканты охотно признавали выводы экономистовъ неопровержимыми положеніями науки, но также понятно, что рабочіе съ этими выводами не соглашались. И рабочіе были правы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ экономистовъ 80-хъ годовъ — Арнольдъ Тойнби. Въ своей книгѣ — «Lectures on the Industrial Revolution in England» — онъ прямо заявляетъ, что «политическая экономія была преобразована рабочими классами» (стр. 107).

Такимъ образомъ, политическая экономія, выражаясь мягко, далеко не была чужда классовыхъ вліяній. Что такое была политическая экономія и политико-экономы 30-хъ и 40-хъ годовъ, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующая тирада Сидлера, вліятельнаго писателя того времени, члена парламента, тори и религіознаго человѣка: «политико-экономы — настоящая общественная чума и гонители бѣдныхъ людей (надѣюсь, безъ злого умысла); но съ умысломъ или безъ умысла—это не касается судьбы ихъ несчастныхъ жертвъ. Всѣ ихъ принципы и практическія предложенія прямо ведутъ къ униженію и неминуемой гибели рабочихъ» *).

*) Alfred. The History of the Factory Movement. I, 131.

Все это показываетъ, какимъ образомъ возникаютъ идеи въ торіи и какъ онѣ дѣйствуютъ на общество. Въ ихъ идеальной олочкѣ всегда скрывается очень грубое матеріальное содержаніе, котораго лицо, пустившее идею въ ходъ, нерѣдко совсѣмъ и подозрѣваетъ. Идеи Адама Смита послужили прежде всего на службу буржуазіи, а самъ Смитъ мечталъ о благѣ рабочихъ. Для того, чтобы идея подѣйствовала, сдѣлалась господствующимъ влѣніемъ въ обществѣ и дѣйствительно могущественнымъ историческимъ факторомъ, необходимо, чтобы она соответствовала ждамъ и потребностямъ давной эпохи. Отчего же зависятъ эти жды и потребности? Это-то и нужно объяснить. Сами идеи не входятъ изъ головы человѣка, какъ Минерва изъ головы Юпитра, но возникаютъ на почвѣ общихъ матеріальныхъ и культурныхъ условій эпохи. Въ этихъ-то матеріальныхъ и культурныхъ условіяхъ и лежитъ ключъ къ пониманію историческихъ событій. Влѣніе о господствѣ идей въ исторіи, въ сущности, есть та же сила во всемогущество героя, но только героями въ данномъ случаѣ признаются не народные вожди, какъ въ древней исторіографіи, а мыслители, ученые, писатели, вообще люди, обладающіе юридическимъ даромъ въ области духа. Но мыслители такіе же продукты своего времени, своей соціальной среды, какъ и государственные люди. Слова Луи Блана объ эфемерной роли историческихъ дѣятелей вполне примѣнимы и къ мыслителямъ. Влѣніе научныхъ идей, въ сущности, довольно ограничено. Очень мало людей серьезно читаетъ книги, а еще меньше такихъ, на которыхъ книги оказываютъ настолько глубокое дѣйствіе, что они подъ вліяніемъ книгъ измѣняютъ свое поведеніе. Обыкновенный средній человѣкъ живетъ не умомъ, а чувствами; условія его жизни воспитываютъ въ немъ цѣлый рядъ наклонностей, симпатій и антипатій, предвзятыхъ мыслей, предрасудковъ, которые глубоко коренятся въ его душѣ и не могутъ быть измѣнены книгами. Характеръ человѣка опредѣляется не книгами, а всей жизненной обстановкой, противъ которой, точно такъ же, какъ противъ интересовъ, книги безсильны. Даже и на взгляды людей книги оказываютъ далеко не такое сильное вліяніе, какъ обыкновенно думаютъ. Возьмите людей изъ различныхъ классовъ общества—аристократа, банкира и рабочаго. Эти люди будутъ, вѣроятно, очень различно смотрѣть на многія вещи, но развѣ различіе ихъ взглядовъ объясняется различіемъ прочитанныхъ ими книгъ? Не вѣрнѣе ли обратное—что выборъ читаемыхъ ими книгъ опредѣляется ихъ взглядами?

Человѣкъ, со всѣми своими физическими и духовными способно-

стями, является историческимъ продуктомъ породившей его обстановки, продуктомъ естественной и соціальной среды. Это положеніе представляетъ просто иную формулировку закона всеобщей причинности. Такъ какъ все имѣетъ свою причину, и человѣкъ не съ неба свалился, а исторически развился, то и всѣ свойства человѣка должны быть обусловлены тѣми физическими и психическими факторами, подъ вліяніемъ которыхъ жилъ и развивался онъ самъ, и жили и развивались его предки. Какъ животное общественное, человѣкъ подвергается не только физическимъ вліяніямъ, но и вліянію всѣхъ другихъ людей, съ которыми онъ вступаетъ въ соприкосновеніе, вліянію ихъ нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, политическихъ и общественныхъ учреждений, наукъ и искусствъ, однимъ словомъ—всѣхъ тѣхъ соціальныхъ элементовъ, которые своей совокупностью составляютъ соціальную среду.

Зависимость отъ внѣшней природы ослабляется по мѣрѣ развитія цивилизаціи, сущность которой заключается въ возрастаніи власти человѣка надъ природой. Напротивъ того, чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ сильнѣе вліяетъ на человѣка соціальная среда, то, что мы называемъ *культурой*.

Духовное наслѣдство человечества все возрастаетъ, и доля каждаго отдѣльнаго поколѣнія, и тѣмъ болѣе отдѣльнаго человѣка, становится все менѣе и менѣе замѣтной. Чѣмъ культурнѣе человѣкъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ онъ пользуется плодами умственной дѣятельности другихъ людей, и слѣдовательно, тѣмъ большее вліяніе оказываетъ на него соціальная среда. Великіе люди являются такими же продуктами соціальной среды, какъ и прочіе смертные. Можно даже сказать, что именно въ великихъ людяхъ, характеризующихъ цѣлую эпоху, особенно выпукло отражаются особенности соціального строя, породившаго ихъ. Именно потому они и оказывали такое сильное вліяніе на современниковъ. Вотъ, напр., что говоритъ по этому поводу человѣкъ, понимавшій толкъ въ великихъ людяхъ—Гетѣ: «Присматриваясь къ фамиліямъ, или семьямъ, существовавшимъ очень долгое время, можно замѣтить, что природа обыкновенно заканчиваетъ тѣмъ, что производитъ на свѣтъ личность, заключающую въ себѣ характеристическія качества всѣхъ своихъ предковъ и обнаруживающую въ соединеніи между собой и въ полномъ развитіи всѣхъ предрасположенія, проявившіяся до тѣхъ поръ въ зародышномъ и изолированномъ состояніи во множествѣ отдѣльныхъ личностей данной семьи или рода. То же самое можно сказать и о народахъ, которые, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, тоже воплощаютъ всѣ свои характерныя качества заразъ

въ одной личности. Такими личностями были, на примѣръ, для Франціи—Людовикъ XIV, этотъ по преимуществу французскій король, и Вольтеръ, этотъ самый характерный французскій писатель, какого только возможно себѣ представить» *).

Мы не можемъ объяснить индивидуальности генія, какъ и всякого другого человѣка. Вообще индивидуальность необъяснима, такъ какъ она зависитъ отъ безконечно-сложнаго сдѣянія обстоятельствъ, въ своей совокупности никогда не повторяющихся, и потому не поддающихся изслѣдованію. Но именно эта сторона каждаго человѣка, составляющая то, чѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ другихъ, себѣ подобныхъ, имѣетъ менѣе всего историческаго значенія. Человѣкъ дѣйствуетъ на другихъ людей постольку, поскольку онъ имъ подобенъ, поскольку въ его личныхъ стремленіяхъ, чувствахъ, желаніяхъ, вообще въ его духовномъ мірѣ отражается духовный міръ другихъ людей. Мы называемъ великимъ поэтомъ того, кто умѣетъ затронуть наши душевныя струны, кто, силой своего воображенія, способенъ отчуждаться отъ собственной индивидуальности, и воплощаться въ объективныхъ художественныхъ образахъ. Великій поэтъ долженъ имѣть болѣе общаго съ каждымъ изъ насъ, чѣмъ обыкновенный смертный. Его личность является какъ бы собирательнымъ выраженіемъ личностей всѣхъ другихъ людей, и именно потому его поэзія дѣйствуетъ на всѣхъ людей, какъ бы ни было различно ихъ социальное положеніе и индивидуальныя условія жизни.

Художественныя произведенія всегда отражаютъ на себѣ господствующее настроеніе общества; это настроеніе опредѣляетъ характеръ и направленіе искусства той или иной исторической эпохи. Готическая архитектура характерна для среднихъ вѣковъ, итальянская живопись достигаетъ высшей точки своего развитія въ эпоху возрожденія; французскій ложноклассицизмъ тѣсно примыкалъ къ монархіи Людовика XIV, а великія поэтическія произведенія Гёте и Шиллера были выраженіемъ пробужденія германскаго національнаго генія, экономическаго и политическаго подъема Германіи, послѣ упадка и истощенія, вызваннаго 30-лѣтней войной.

То же самое можно сказать и о наукѣ. Въ средніе вѣка самые сильные умы посвящали себя теологіи и изопрялись въ бесплодныхъ усиліяхъ понять и объяснить то, что по самому существу своему необъяснимо. Теперь во главѣ наукъ стоитъ естествознаніе. Почему же блаженный (beatus) Августинъ изучалъ не природу, а

*) Цитировано у Жоли: Психологія великихъ людей, русск. переводъ, стр. 14.

Дарвинъ не сдѣлался теологомъ? Не вслѣдствіе своей индивидуальности, а просто потому, что Августинъ жилъ въ то время, когда теологія господствовала надъ умами человѣчества и заключала въ себѣ всѣ знанія и философію эпохи; а Дарвинъ жилъ въ наше время, когда крупная промышленность преобразовала хозяйство, и на первый планъ выдвинулись практическія задачи, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ познанія законовъ природы.

Философія точно также всегда отражаетъ на себѣ характеръ соціальной среды. Философскій скептицизмъ Юма и матеріализмъ Гельвеція, Ламеттри и Гольбаха были порождены тѣмъ общественнымъ теченіемъ, которое произвело французскую революцію. Метафизическія системы первой половины нашего вѣка находились въ очевидной связи съ реакціей, господствовавшей на всемъ европейскомъ континентѣ. Вообще, какую бы область искусства или знанія мы ни взяли, вездѣ мы видимъ могущественное вліяніе господствующаго настроенія умовъ, иначе говоря, соціальной среды. То, что кажется продуктомъ личнаго творчества человѣка, высочайшимъ произведеніемъ индивидуальнаго генія, при внимательномъ анализѣ всегда оказывается болѣе или менѣе яснымъ выраженіемъ общихъ культурныхъ условій эпохи.

Вліяніе соціальной среды на политическія учрежденія еще болѣе очевидно. Въ настоящее время было бы смѣшно объяснять характеръ государственнаго устройства той или иной страны личностью законодателя. Соціальная среда опредѣляетъ характеръ государственнаго строя точно также, какъ она опредѣляетъ направленіе искусства, науки, философіи и религіи.

Мы видимъ, что соціальная среда является основнымъ факторомъ исторіи. Личность человѣка исчезаетъ и расплывается въ человѣческой массѣ, которая и дѣлаетъ исторію. Несмотря на то, что, при поверхностномъ взглядѣ, единственнымъ дѣятелемъ исторіи является конкретная человѣческая индивидуальность, историческій процессъ имѣетъ стихійный, безличный характеръ. Человѣкъ хлопочетъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, живетъ въ своемъ маленькомъ, узенькомъ міркѣ, думаетъ только о себѣ, и въ то же время безсознательно отражаетъ господствующія культурныя теченія, и является носителемъ идей, стремленій и вѣрованій своего времени. Осуществляя свой личный идеалъ, человѣкъ доставляетъ торжество тѣмъ соціальнымъ вліяніямъ, которыя сдѣлали его такимъ, какимъ онъ есть. «Er denkt zu schieben, und er wird geschoben». Весь секретъ вліянія героя на толпу, великаго историческаго дѣятеля на человѣчество заключается въ томъ, что герой лучше другихъ угадываетъ нужды и потребности своей эпохи, и поэтому

является самой подходящей личностью для осуществленія ихъ. Нерѣдко при этомъ историческій дѣятель не понимаетъ истиннаго смысла своей дѣятельности, руководствуется своими личными мотивами и какъ бы помимо воли исполняетъ свою историческую миссію.

Итакъ, социальная среда создаетъ человѣка и даетъ направленіе его дѣятельности. Но чѣмъ же опредѣляется характеръ социальной среды? Социальная среда не есть первичный факторъ, не поддающійся дальнѣйшему разложенію. Социальная среда—это тѣ же люди. Слѣдовательно, объясняя историческое развитіе вліяніемъ среды, мы, въ сущности, утверждаемъ только то, что историческая эволюція имѣетъ безличный, массовой характеръ. Но чѣмъ же движется исторія, что толкаетъ человѣчество впередъ, что создаетъ то общественное настроеніе, которымъ опредѣляется характеръ исторической эпохи?

Социальная среда опредѣляется, прежде всего, хозяйственными отношеніями. Философія, наука и искусство, политическія учрежденія, обычаи, нравы—всѣ самыя возвышенныя проявленія чело-вѣческаго духа имѣютъ свои корни въ условіяхъ хозяйства. Такое утвержденіе можетъ показаться очень рискованнымъ. Тѣмъ не менѣе, оно является самымъ естественнымъ и правдоподобнымъ разрѣшеніемъ вопроса о движущей силѣ исторіи.

Отбросимъ всякія теоріи въ сторону и посмотримъ вокругъ. Прежде чѣмъ наслаждаться искусствомъ и философствовать, нужно ѣсть, и потому, пока вопросъ о пищѣ не рѣшенъ, до тѣхъ поръ нельзя уноситься въ заоблачныя сферы, какъ бы онѣ ни были привлекательны. Преобладаніе въ жизни людей хозяйственныхъ интересовъ основывается вовсе не на природѣ человѣка. Обезпечьте людямъ средства къ существованію, и тогда на первый планъ выступаютъ другія потребности и задачи. Но такъ какъ до сихъ поръ мы не знали ни одного общества, въ которомъ большинство населенія было бы избавлено отъ заботы о хлѣбѣ насущномъ, то экономическій факторъ до сихъ поръ является важнѣйшимъ въ исторіи.

So übt Natur die Mutterpflicht

 Einstweilen, bis den Bau der Welt
 Philosophie zusammenhält,
 Erhält sie das Getriebe
 Durch Hunger, und durch Liebe *).

*) Такъ природа исполняетъ свою материнскую обязанность: пока философія не будетъ управлять міромъ, природа поддерживаетъ все живое съ помощью голода и любви.

Эти стихи Шиллера выражаютъ несомнѣнную истину, съ которой трудно спорить. Кто же не знаетъ, что голодъ и любовь являются главнѣйшими, и почти единственными, мотивами человѣческой дѣятельности? Русскіе субъективисты часто ссылаются на Лестера Уорда. Вотъ что говоритъ по этому поводу послѣдній *): «...Какой же философъ, или, вообще, мыслящій человѣкъ можетъ не видѣть, что любовь, голодъ и, вообще, нужда поглощаютъ силы большей части человѣчества?» И, дѣйствительно, этого нельзя не видѣть. Но если есть два основныхъ фактора человѣческой жизни, почему же мы признаемъ только одинъ изъ нихъ— голодъ, творческой силой исторіи? По очень простой причинѣ: потому что любовь не толкаетъ насъ на борьбу съ природой, не требуетъ съ нашей стороны труда и усилій, не вызываетъ упорной и неутомимой работы ума. Удовлетвореніе чувства любви зависитъ не только отъ насъ самихъ, но и отъ воли другого человѣка, и никакія усилія съ нашей стороны не могутъ вызвать въ этомъ другомъ человѣкѣ чувства, если оно не возникаетъ само собою. Чувство любви одинаково удовлетворяется людьми, стоящими на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры и самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Это есть по преимуществу не историческій факторъ, и къ нему вполне примѣнимо изреченіе: «ничто не ново подъ луной». Тысячу лѣтъ тому назадъ люди любили такъ же, какъ теперь, такъ же радовались, встрѣчая взаимность, такъ же страдали отъ неудачной любви. Въ этомъ отношеніи человѣчество почти не прогрессируетъ. Напротивъ, прогрессъ цивилизаціи можетъ вполне измѣряться успѣхами матеріальной культуры. Чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ больше наша власть надъ природою; безъ этой власти, безъ соотвѣтствующаго матеріальнаго базиса, невозможно развитіе высшихъ духовныхъ способностей человѣка. Что же насъ толкаетъ на борьбу съ природой? Голодъ, понимая подъ голодомъ всю совокупность нашихъ матеріальныхъ потребностей, — потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, и пр. Въ этомъ направленіи наши усилія не бесплодны, не пропадаютъ даромъ, но всегда приводятъ къ цѣли. Матеріальныя потребности удовлетворяются все полнѣе и полнѣе, по мѣрѣ развитія нашего ума и совершенствованія общественнаго строя; потому стремленіе къ удовлетворенію именно этихъ потребностей и является прогрессивнымъ факторомъ въ исторіи, направляющимъ энергію человѣчества и не позволяющимъ ему успокоиться надъ тѣмъ, что уже достигнуто.

Поддержаніе своего существованія во всѣ времена было глав-

*) Lester Ward: «Psychic Factors of Civilisation», p. 122.

нымъ интересомъ человѣческой жизни. Въ этомъ заключалась основная задача всякаго политическаго и общественнаго союза. Нравы, обычаи, политическія учрежденія должны были приспособляться къ условіямъ хозяйства, такъ какъ если бы они не соответствовали этимъ условіямъ, то хозяйство не могло бы идти, и человечество лишилось бы матеріальнаго базиса своего существованія.

Мы говорили о томъ, что человѣкъ создается соціальной средой. Теперь остановимся нѣсколько подробнѣе на томъ, чѣмъ создается сама среда, что опредѣляетъ ея характеръ.

Было бы ошибочно предполагать, что соціальная среда въ каждомъ данномъ обществѣ имѣетъ однородный характеръ. Напротивъ, соціальная среда такъ же разнообразна, какъ разнообразны господствующія экономическія условія. Если мы оставимъ въ сторонѣ примитивное общество, основанное на материнскомъ правѣ и коммунистическомъ хозяйствѣ, то во всѣхъ историческихъ союзахъ людей мы встрѣтимъ одно основное дѣленіе общества—на богатыхъ и бѣдныхъ. На низшихъ ступеняхъ культуры съ этимъ различіемъ соединяется различіе въ политическихъ и гражданскихъ правахъ. Въ современныхъ государствахъ политическія и гражданскія права богатыхъ и бѣдныхъ уравниваются, но экономическое неравенство не исчезаетъ. На этомъ основномъ общественномъ неравенствѣ создаются общественные классы.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что общество состоитъ только изъ двухъ классовъ—оптиматовъ и пролетаріевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Въ каждомъ обществѣ столько же классовъ, сколько формъ дохода въ немъ существуетъ. Такъ, капиталистическая организація хозяйства предполагаетъ три основныя формы дохода—ренту, прибыль и заработную плату. Но не нужно забывать, что ни въ одной странѣ капитализмъ не достигъ еще полнаго господства, и на ряду съ крупными капиталистическими предпріятіями повсюду еще сохраняются многочисленныя мелкія предпріятія, основанныя на личномъ трудѣ хозяевъ; особенно распространены такія предпріятія въ земледѣліи. Поэтому, большинство современныхъ обществъ распадаются, по крайней мѣрѣ, на 5 классовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ (рента), крупныхъ предпринимателей (прибыль), рабочихъ (заработная плата), ремесленниковъ, лавочниковъ, вообще мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ (смѣшанный доходъ, состоящій изъ прибыли и заработной платы) и крестьянъ (смѣшанный доходъ изъ ренты, прибыли и рабочей платы). Два послѣдніе класса занимаютъ промежуточное положеніе между собственниками и рабочими. Экономическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное значеніе этихъ классовъ падаетъ по мѣрѣ

развитія капитализма; среди нихъ происходитъ дифференціація—немногіе хозяева переходятъ въ классъ крупныхъ собственниковъ, а громадное большинство пополняетъ ряды пролетарьята, рабочихъ.

Если мы представимъ себѣ, какъ различны условія жизни каждаго изъ этихъ общественныхъ классовъ, если мы сравнимъ жизненную обстановку крестьянина и землевладѣльца, фабриканта и рабочаго, для насъ станетъ ясно великое значеніе экономическаго фактора. Крестьянинъ, обрабатывающій тотъ же клочекъ поля, надъ которымъ трудились поколѣнія его предковъ, живущій въ деревнѣ, работающій подъ открытымъ небомъ, при помощи только своей семьи, почти никогда не покидающій ограниченнаго участка земли, гдѣ онъ родился и выросъ, возлагающій всѣ свои надежды на урожай, посылаемый Господомъ Богомъ,—очевидно, долженъ быть совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ фабричный рабочій, не имѣющій своего угла, скитающійся съ одной фабрики на другую, работающій среди шума и грохота паровыхъ машинъ, съ сотнями и тысячами товарищей. Міросозерцаніе того и другого должно быть глубоко различно. Также различны культурный типъ крупнаго землевладѣльца, живущаго въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, и какого-нибудь биржевого дѣльца или банкира, занятаго финансовыми операціями, которыя каждую минуту могутъ его обогатить или разорить. Общество, въ которомъ преобладаетъ натуральное хозяйство, въ которомъ большинство населенія удовлетворяетъ свои потребности продуктами собственнаго труда, должно имѣть другія вѣрованія, другую философію, литературу, нравы, обычаи, чѣмъ общество съ денежнымъ хозяйствомъ, подпавшее власти золотого тельца.

И такъ, раздѣленіе общества на классы основывается на неравенствѣ распредѣленія народнаго дохода. Чѣмъ же опредѣляется это распредѣленіе? Ничѣмъ инымъ, какъ способомъ производства и обмѣна. Каждой формѣ производства и обмѣна соотвѣтствуетъ опредѣленная форма распредѣленія, а слѣдовательно, и опредѣленный типъ соціальнаго строя вообще. Такъ, рабство могло возникнуть только тогда, когда производительность труда сдѣлала нѣкоторые успѣхи, и трудъ раба могъ приносить болѣе, чѣмъ стоило его содержаніе. Поэтому, у народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени экономическаго развитія, рабства не существуетъ. Плѣнниковъ просто убивали.

Съ другой стороны, когда производительность труда невелика, рабство, какъ извѣстно, является необходимымъ условіемъ культурныхъ успѣховъ; уже давно замѣчено, что греческая цивилизація была бы невысказима безъ рабства. Только благодаря тому,

что весь физическій трудъ исполнялся рабами, греческіе мыслители, поэты и художники могли свободно отдаваться умственному труду. Возникновеніе классовъ вполне объясняется условіями производства. Пока охота и рыбная ловля являются единственными средствами добыванія пищи, всѣ члены племени принимаютъ участіе въ управленіи и въ войнѣ. Но охота можетъ давать пропитаніе только очень рѣдкому населенію; запросъ на пищу все возрастаетъ, и населеніе переходитъ къ земледѣлію. Тогда положеніе мѣняется. Земледѣлецъ не можетъ принимать участія въ непрерывныхъ войнахъ, такъ какъ обработка земли требуетъ большого труда, а орудія производства земледѣльца непригодны для военныхъ цѣлей; охотникъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и воинъ, но земледѣлецъ, по самому роду своихъ занятій, предпочитаетъ миръ. Однако, воевать все-таки нужно, и вотъ начинается раздѣленіе труда: масса населенія занимается обработкой земли, а особая каста воиновъ ведетъ войну. Такимъ же образомъ изъ первичной общины мало-по-малу выдѣляются и другіе правящіе классы, все по той же причинѣ, потому что земледѣліе пѣликомъ поглощаетъ человѣка, приковываетъ его къ одному участку земли и не оставляетъ ему времени для занятія войной и общественными дѣлами.

Измѣненіе условій производства и обмѣна въ наше время вызвало новое распредѣленіе національнаго дохода, и новые общественные классы. Въ средніе вѣка капиталъ не игралъ почти никакой роли. Политическая власть сосредоточивалась въ классѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Фабрика, мировая торговля и денежное хозяйство сдѣлали господствующимъ классомъ крупную буржуазію—фабриканта, банкира, биржевика—все фигуры, незнакомыя доброму старому времени. По извѣстному выраженію Сійэса, третье сословіе, которое раньше было ничѣмъ, теперь стало всѣмъ.

Чѣмъ же была вызвана эта политическая и соціальная революція? Ничѣмъ инымъ, какъ новыми формами хозяйства, развитіемъ обмѣна, изобрѣтеніемъ машинъ.

Этихъ бѣглыхъ замѣчаній, разумѣется, отнюдь недостаточно для доказательства преобладающаго значенія экономическаго фактора въ исторіи. Достоинство всякой научной гипотезы можетъ быть опредѣлено только однимъ путемъ: проверкой этой гипотезы на фактахъ. Если при ея помощи удастся объяснить факты и, еще болѣе, предвидѣть ихъ, значитъ гипотеза плодотворна и ею можно пользоваться въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому, доказательство изложенной теоріи или гипотезы историческаго процесса можетъ заключаться только въ дѣйствительномъ объясненіи событій міро-

вой исторіи съ точки зрѣнія зависимости ихъ отъ экономическихъ отношеній. Очень многое въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано, еще больше остается сдѣлать; во всякомъ случаѣ, нельзя, по нашему мнѣнію, отрицать, что новое направленіе въ историческихъ наукахъ оказалось весьма плодотворнымъ, пролило яркій свѣтъ на цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, которые раньше, со стороны историковъ культурнаго направленія, получали неполное или невѣрное освѣщеніе, уяснило смыслъ многихъ событій, и, что еще важнѣе, до извѣстной степени позволило ихъ предвидѣть. Чего же еще требовать отъ научной гипотезы?

Въ какой мѣрѣ эта гипотеза примѣнима ко всѣмъ историческимъ эпохамъ и ко всѣмъ народамъ, это можетъ рѣшить только специальное разслѣдованіе самихъ фактовъ. До сихъ поръ попытки экономического объясненія исторіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ дѣлались умѣло и съ нужнымъ знаніемъ историческихъ фактовъ, приводили къ блестящимъ результатамъ, открывали новыя и неожиданныя историческія перспективы, и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, лучшее доказательство научной состоятельности разсматриваемой доктрины.

М. Туганъ-Барановскій.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдарда Киплинга и Уольботта Балестриера.

(Окончаніе *).

XIX.

Мы боги Востока, мы старше всѣхъ боговъ, мы въ своихъ рукахъ держимъ и горе, и радости, какъ можемъ мы пасть? Развѣ тѣ, другіе, насытятся той шелухой, какую вы приносите, развѣ ихъ растрогаютъ ваши пѣсни? А мы, неужели мы уже ничего не можемъ дать, мы, которые такъ долго царствовали среди дыма благовоній, звука цимбаловъ, гласа кончей и гонговъ?

Выше пререканій всякихъ ученыхъ загорается солнечный день, всякій гонить свое стадо съ водопою и возвращается къ той жизни, которая ему хорошо извѣстна, возвращается туда, гдѣ горитъ пламя алтаря и гдѣ «тульзи» покоятся въ урнахъ.

Изъ Сеонне.

Кэтъ спрятала предательскій бананъ, постаралась, несмотря на собственныя слезы, утѣшить магараджу, оплакивавшаго таинственную смерть Моти, и, затѣмъ, весь вечеръ и всю длинную ночь обдумывала свое положеніе. Когда она встала на слѣдующее утро, утомленная, съ покраснѣвшими глазами, ей было вполне ясно только одно: она должна трудиться для здѣшнихъ женщинъ, пока жива, и единственнымъ утѣшеніемъ ей осталось ея дѣло. Между тѣмъ, любимый ею человекъ живетъ въ Гокраль Ситарунѣ, подвергаясь смертельной опасности, чтобы только не оставлять ее одну, а она не можетъ даже позвать его: обратиться къ его помощи значитъ уступить, а этого она не хотѣла.

Она поѣхала въ больницу. Боязнь скрытаго врага, покушав-

*) См. «Миръ Божій» № 11, ноябрь.

шагося наканунѣ на ея жизнь, превратилась въ ужасъ, отъ котораго цѣпенѣла ея мысль. Женщина пустыни, по обыкновенію, ждала ее, сидя на нижней ступени лѣстницы съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ, и съ руками, сложенными на колѣняхъ.

Сзади нея стоялъ Дунпатъ Раи, которому слѣдовало быть въ палатахъ. Кэтъ замѣтила, что во дворѣ толпится народъ, разные чужіе люди и посѣтители, которые на основаніи ея новыхъ правилъ могли приходиться въ больницу только разъ въ недѣлю. Это не былъ день, назначенный для посѣщеній, и Кэтъ, взволнованная и разстроенная всѣмъ, что ей пришлось пережить наканунѣ, сердито спросила, слѣзая съ лошади:

— Что это значитъ, Дунпатъ Раи?

— Тамъ на дворѣ собрался народъ, котораго возмутили какія-то ханжи. Такія волненія бывали и прежде. Это ничего. Не ходите туда,

Она молча оттолкнула его и хотѣла войти наверхъ, но на встрѣчу ей спускали съ лѣстницы одного изъ ея пациентовъ, больного тифомъ; его съ криками несли шесть человѣкъ пріятелей, которые обратились къ ней съ угрожающими жестами. Въ ту же секунду женщина пустыни очутилась подлѣ нея и подняла свою смуглую руку, въ которой блестялъ длинный ножъ съ широкимъ лезвиемъ.

— Молчать, собаки!—закричала она на ихъ родномъ нарѣчій.— Не смѣйте поднимать руку на эту перу, которая такъ много сдѣлала для васъ!

— Она убиваетъ нашъ народъ—вскричалъ одинъ крестьянинъ.

— Можеть быть,—сказала женщина съ мимолетней улыбкой,— но я знаю, кто будетъ лежать мертвымъ здѣсь, если вы не пропустите ее. Кто вы такіе, райпутане или бхили съ горъ, рыболовы, копатели червей, чего вы бѣжите точно стадо овецъ изъ за того, что неизвѣстно откуда явившійся священникъ навралъ вамъ и смутилъ ваши глиняныя головы? Развѣ она убила кого-нибудь изъ вашихъ? Надолго ли сохраните вы жизнь этого человѣка, вы съ вашимъ колдовствомъ и вашими заклинаніями?—спросила она, указывая на полумертвое тѣло, распростертое на носилкахъ.—Прочь! убирайтесь прочь! Развѣ эта больница ваша деревня, что вы здѣсь разгуливаете? Заплатили вы хоть одинъ пенсъ за крышу надъ вашими головами, за лѣкарство въ вашей утробѣ? Убирайтесь прочь, не то я плюну на васъ!—И она оттолкнула величественнымъ жестомъ.

— Самое лучше не ходить туда,—шепнула Дунпатъ Раи на ухо Кэтъ.—Тамъ на дворѣ одинъ мѣстный святой человѣкъ волнуется умы. А мнѣ и самому какъ-то не по себѣ.

— Но что же это значитъ?—снова спросила Кэтъ.

Больница находилась въ рукахъ волнующейся толпы, которая тащила внизъ постели и кухонную посуду, лампы и бѣлье; бѣгая взадъ и впередъ по лѣстницамъ, люди переговаривались сдержанными голосами, и переносили больныхъ изъ верхнихъ палатъ точно муравьи, которые переносятъ яйца изъ разореннаго муравейника; каждая носилка несли шесть или восемь человѣкъ, передъ ними

шли люди съ вѣтками златоцвѣта; всѣ они останавливались чуть не на каждой ступени и бормотали молитвы; другіе перерывали все въ аптекѣ, третьи доставали воду изъ колодца и лили ее вокругъ постелей.

Посреди двора, нагой, какъ тотъ сумасшедшій, который по-мѣщался тутъ до пріѣзда Кэтъ, сидѣлъ вымазанный сажей, длинно-волосый, съ когтями, какъ у хищной птицы, полоумный бродячій монахъ и махалъ надъ головой палкой съ заостреннымъ концомъ, напѣвая громкимъ, монотоннымъ голосомъ какія-то пѣсни, которыя побуждали мужчинъ и женщинъ дѣйствовать быстрѣе. Когда Кэтъ, блѣдная отъ негодованія съ блестящими глазами подошла къ нему, пѣніе его превратилось въ какой-то визгъ, полный гнѣва и ненависти. Она быстро прошла къ женщинамъ, къ своимъ женщинамъ, которыя, какъ ей думалось, привыкли любить ее. Но онѣ были окружены родственниками, и какой-то широкоплечій громкоголосый крестьянинъ изъ степной деревни толкнулъ Кэтъ. Онъ не думалъ оскорбить ее, но женщина пустыни ударила его ножомъ по лицу такъ, что онъ отскочилъ съ громкимъ стономъ.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ ними, — сказала Кэтъ, и женщина, ни на шагъ не отстававшая отъ нея, заставила толпу замолчать, поднимая надъ нею руки.

Одинъ только монахъ продолжалъ пѣть. Кэтъ подошла къ нему, погрозила ему своимъ дрожащимъ пальцемъ и закричала на мѣстнымъ нарѣчій:

— Молчать! или я найду средство заткнуть твой ротъ!

Онъ смолкъ, и Кэтъ, вернувшись къ женщинамъ, стала среди нихъ и начала говорить взволнованнымъ голосомъ:

— О, мои женщины, чѣмъ я васъ обидѣла?—воскликнула она на мѣстномъ нарѣчій.—Если здѣсь дѣлается что-нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, кто же можетъ все исправить, если не я, вашъ другъ? Вѣдь вы же можете день и ночь говорить со мной!—Она протянула къ нимъ руки:—Послушайте, сестры мои! Не съ ума ли вы сошли, что хотите уйти теперь, когда вы полувылечены, больны, можете умереть? Вы вѣдь свободны, вы можете выйти отсюда во всякій часъ дня и ночи. Прошу васъ только, ради васъ самихъ, ради жизни дѣтей вашихъ—не уходите, пока я не вылечу васъ съ Божьею помощію. Теперь въ пустынѣ лѣто, а многія изъ васъ пришли издалека.

— Она говоритъ правду! Она говоритъ правду!—раздался голосъ въ толпѣ.

— Конечно, я говорю правду. Я всегда желала вамъ добра. Вамъ слѣдуетъ объяснить мнѣ, что за причина этого бѣгства, а не убѣгать, точно испуганныя мыши. Сестры мои, вы слабы и больны, а ваши друзья не знаютъ, чѣмъ можно помочь вамъ. Я же знаю это.

— *Арре!* Что же намъ дѣлать?—воскликнулъ слабый голосъ.— Мы не виноваты. Я, по крайней мѣрѣ, очень хотѣла бы спокойно умереть, но священникъ говоритъ...

Шумъ снова начался.—На пластыряхъ написаны заклинанія.— Съ какой стати хотятъ насъ насильно дѣлать христіанами? Зна-

харка, которую прогнали отсюда, говорить это.—Что значить красные значки на пластырях?—Зачѣмъ кладутъ намъ на тѣлѣ дьявольскіе знаки? Они жгутъ насъ, точно адскій огонь.

— Монахъ пришелъ къ намъ вчера, тотъ святой человекъ, который стоитъ тамъ на дворѣ, и рассказалъ, что ему было откровеніе, когда онъ сидѣлъ среди холмовъ; все это дѣло дьявола, который хочетъ этимъ отвратить насъ отъ нашей вѣры.

— И мы выйдемъ изъ больницы съ значками на тѣлѣ, да и всѣ дѣти, которыхъ мы родимъ въ больницѣ, будутъ съ хвостами, какъ у верблюдовъ, и съ ушами, какъ у муловъ. Это говорить знахарка; это говорить священникъ.

— Тише, тише,—вскричала Кэтъ, опеломленная всѣми этими обвиненіями.—Какіе пластыри? что за глупые разговоры, о какихъ-то пластыряхъ и о дьяволахъ? Здѣсь родилось много дѣтей и всѣ они были какъ настоящіе люди. Вы это отлично знаете! Это все наговорила вамъ негодная женщина, которую я прогнала за то, что она мучила васъ.

— Да, и священникъ говорилъ.

— Что мнѣ до вашего священника? Развѣ онъ ходилъ за вами, когда вы были больны, развѣ онъ просиживалъ съ вами ночи? Развѣ онъ сидѣлъ у вашей постели и поправлялъ вамъ подушки и держалъ вашу руку въ своей, когда вы мучились? Развѣ онъ бралъ отъ васъ ребенка и закачивалъ его, хотя самъ былъ утомленъ и хотѣлъ спать?

— Онъ святой человекъ. Онъ дѣлаетъ чудеса. Мы боимся гнѣва боговъ.

Одна женщина, посмѣлѣе прочихъ, закричала:

— Посмотрика сюда!—и подставила къ самому лицу Кэтъ одинъ изъ горчишниковъ, выписанныхъ изъ Калькутты, на задней сторонѣ котораго было напечатано простыми чернилами имя фабриканта и клеймо фирмы.

— Развѣ это не дьявольская штука? — спросила женщина сердито.

Женщина пустыни схватила ее за плечи и заставила опуститься на колѣни.

— Молчи, женщина безъ носа!—закричала она и голосъ ея дрожалъ отъ гнѣва.—Она выпла не изъ твоей грязи, твое прикосновеніе запачкаетъ ее. Помни свои навозныя кучи и говори потише!

Кэтъ съ улыбкой взяла пластырь.

— Кто же говорить, что это дѣло дьявола?—спросила она.

— Святой человекъ, монахъ. Онъ уже, конечно, знаетъ.

— Нѣтъ, вы должны знать,—кратко отвѣчала Кэтъ. Она поняла теперь въ чѣмъ дѣло и почувствовала состраданіе.

— Вамъ прикладывали этотъ пластырь. Развѣ онъ сдѣлалъ тебѣ вредъ, Питира?—Она обратилась прямо къ одной изъ женщинъ.—Ты нѣсколько разъ благодарила меня за то, что я помогла тебѣ этимъ снадобьемъ. Если это дьявольская штука, отчего же она не сожгла тебя?

— По правдѣ сказать, она сильно жгла меня,—отвѣчала женщина съ нервнымъ смѣхомъ.

Кэтъ тоже не могла удержаться отъ улыбки.

— Это правда. Я не могу сдѣлать, чтобы мои лѣкарства были пріятны. Но вы знаете, они приносятъ пользу. Развѣ весь этотъ народъ, ваши друзья, мужики, поговящики верблюдовъ, пастухи знаютъ, какія бываютъ англійскія лѣкарства? Развѣ тѣ, что живутъ среди холмовъ, или этотъ священникъ, настолько мудры, что знаютъ, какъ вы себя чувствуете, когда вы за 50 миль отъ нихъ? Не слушайте ихъ! О, не слушайте! Скажите имъ, что вы хотите остаться со мною, и я васъ вылечу. Это все, что я могу сдѣлать. Я затѣмъ и пріѣхала сюда. Я слышала о вашихъ несчастіяхъ у себя на родинѣ, за 10 тысячъ миль отсюда, и сердце мое зажглось. Неужели я пріѣхала бы изъ такой дали, чтобы сдѣлать вамъ зло? Ложитесь въ постели, сестры мои, и велите этимъ глупымъ людямъ уйти.

Среди женщинъ поднялся говоръ, какъ будто одобренія или сомнѣнія. Въ теченіе минуты положеніе оставалось неопредѣленнымъ.

Вдругъ человѣкъ, получившій ударъ по лицу, закричалъ:

— Что за разговоры? Возьмемъ нашихъ женъ и сестеръ и уведемъ ихъ! Мы не хотимъ, чтобы у насъ были сыновья, похожіе на дьяволовъ. Скажи намъ свое слово, ты, отецъ!—обратился онъ къ монаху.

Святой человѣкъ поднялся на ноги и отвѣтилъ на рѣчь Кэтъ пѣлымъ потокомъ брани, угрозъ и проклятій; народъ сталъ понемногу отходить отъ Кэтъ, унося и уводя съ собою своихъ родственницъ.

Кэтъ звала женщинъ по имени, умоляла ихъ остаться, уговаривала, убѣждала ихъ. Но все было напрасно. Многія изъ нихъ плакали; но всѣ отвѣчали одно и то же. Имъ очень жаль, но онѣ ничего не могутъ сдѣлать, онѣ слабыя женщины и боятся своихъ мужей.

Съ каждой минутой палаты больницы пустѣли, и монахъ во дворѣ снова запѣлъ и затѣмъ началъ какую-то безпутную пляску. Людской потокъ спустился съ лѣстницы на улицу, и Кэтъ видѣла, какъ безжалостно тащили подъ палящими лучами солнца тѣхъ женщинъ, за которыми она такъ заботливо ухаживала; одна только женщина пустыни осталась подлѣ нея.

Кэтъ смотрѣла окаменѣлыми глазами. Ея больница была пуста.

XX.

Наша сестра говоритъ и то, и другое, и мы должны исполнять ея приказанія, наша сестра слишкомъ много хлопочеть, наша дѣвочка, у которой нѣтъ сердца.

Невспаханное поле, несотканная ткань, почка, не выдавшая ни солнца, ни пчелы, чужая во дворцѣ любви и жрицы и ея алтаря.

Мы любимъ ее, но въ то же время смѣемся; мы смѣемся, но рыданья при-мѣшиваются къ нашему смѣху; нашей сестрѣ некогда улыбаться, она еще не знаетъ будущаго.

Южный вѣтеръ поднимись и подуѣй, разнеси сѣмена и зародыши, подуѣй на ея сердце, чтобы она узнала, подуѣй на ея глаза, чтобы она увидѣла.

Увы! мы сердимъ ее своею веселостью, мы смущаемъ ее нашими нѣжными насмѣшками, ее, стоящую у порога рожденія, ее, невинную какъ ребенокъ, неродившійся ребенокъ.

Наша сестра говоритъ и то, и другое, и мы должны исполнять ея приказанія, наша сестра слишкомъ много хлопочеть, наша дѣвочка, у которой нѣтъ сердца.

Изъ либретто Наулаки.

— Угодно будетъ, сагибъ миссъ, приказать что-нибудь?— съ восточною невозмутимостью спросилъ Дунпатъ Раи, когда Кэтъ осталась одна съ женщиной пустыни и стояла въ полномъ изнеможеніи, опираясь на ея сильное плечо.

Кэтъ покачала головой молча, крѣпко стиснувъ губы.

— Это очень грустно, — разсуждалъ Дунпатъ Раи такъ спокойно, точно дѣло вовсе не касалось его. — Всему виноватъ религиозный фанатизмъ и нетерпимость, господствующіе въ здѣшней мѣстности. Мнѣ и прежде случалось видать разъ или два нѣчто подобное. Одинъ разъ изъ-за порошокъ; другой разъ они говорили, что градусники — это священные сосуды и что цинковая мазь — это коровій жиръ. Но никогда еще не бывало, чтобы всѣ заразъ ушли изъ больницы. Я думаю, они больше не вернуться. Конечно, я получаю жалованье отъ правительства, — прибавилъ онъ съ кроткой улыбкой, — такъ что мой официальный окладъ не уменьшится.

Кэтъ съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Неужели вы думаете, что онѣ никогда больше не придуть? — слабымъ голосомъ спросила она.

— Отчего же... когда-нибудь... одинъ или два; пожалуй, двое или трое мужчинъ, когда ихъ укуситъ тигръ или у нихъ сдѣлается воспаление глазъ; но женщины — нѣтъ, никогда. Мужья никогда не позволяютъ имъ. Спросите у этой женщины.

Кэтъ устремила жалобно вопросительный взглядъ на женщину пустыни, которая наклонилась, взяла немного песку съ земли, пропустила его сквозь пальцы, отряхнула руки и покачала головой. Кэтъ съ отчаяніемъ слѣдила за всѣми ея движеніями.

— Вы видите, все кончено, не стоитъ хлопотать, — проговорилъ Дунпатъ Раи не злобно, но не скрывая удовольствія, что его мудрое предсказаніе исполнилось, и она потерпѣла поражение. — А теперь, что угодно вашей милости дѣлать? Прикажете зачереть аптеку, или вы, можетъ быть, желаете провѣрить лѣкарства.

Кэтъ отстранила его слабымъ движеніемъ руки.

— Нѣтъ, нѣтъ! не теперь. Я должна все обдумать. Я напишу вамъ. Пойдемъ, моя дорогая, — обратилась она на мѣстномъ нарѣчій къ женщинѣ пустыни, и рука объ руку вышли онѣ изъ больницы.

Когда онѣ миновали ворота, сильная райпутанка схватила ее на руки, точно ребенка, посадила на лошадь и мрачно пошла рядомъ съ ней къ дому миссін.

— Куда же ты идешь? — спросила у нея Кэтъ на ея родномъ языкѣ.

— Я пришла первою изъ всѣхъ, — отвѣчала женщина, — мнѣ слѣдуетъ уйти послѣднею. Я пойду, куда ты пойдешь, а потомъ что должно случиться, то случится.

Кэтъ нагнулась и съ благодарностью пожала руку женщины.

Подѣхавъ къ воротамъ миссін, она должна была призвать на помощь все свое мужество, чтобы удержаться на ногахъ.

Она такъ много говорила м-съ Эстесъ о своихъ надеждахъ на будущее, съ такою любовью описывала, чему она намѣрена научить этихъ беспомощныхъ бѣдняковъ, такъ часто сообщала ей о той пользѣ, какую уже начинаетъ приносить имъ, и теперь ей было невыразимо горько признаться, что все ея дѣло погибло. Мысль о Тарвинѣ была еще болѣе мучительна, и она старательно отгоняла ее отъ себя.

Но, къ счастью, оказалось, что м-съ Эстесъ нѣтъ дома, а Кэтъ ждалъ посланный отъ королевы матери съ просьбой, чтобы она явилась во дворецъ вмѣстѣ съ магараджей Кенваромъ.

Женщина пустыни положила руку ей на плечо, какъ бы удерживая ее, но Кэтъ оттолкнула ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я должна ѣхать. Я должна что-нибудь дѣлать! — вскричала она почти сердито, — хорошо, что я хоть кому-нибудь нужна. Мнѣ необходимо имѣть дѣло. Это мое единственное спасеніе, добрая моя. Иди впередъ ко дворцу.

Женщина молча повиновалась и зашагала по пыльной дорогѣ, а Кэтъ бросилась въ домъ и въ ту комнату, гдѣ лежалъ маленький принцъ.

— Ляльи, — сказала она, наклоняясь надъ нимъ, — хорошо ли вы себя чувствуете, можете вы проѣхать въ каретѣ къ своей матери?

— Мнѣ бы лучше хотѣлось съѣздить къ отцу, — отвѣчалъ мальчикъ, сидѣвшій на софѣ, куда его перенесли, такъ какъ со

вчерашняго дня ему стало значительно лучше. — Мнѣ надобно поговорить съ отцомъ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

— Но вѣдь вы такъ давно не видались съ матерью, мой милый.

— Очень хорошо. Я поѣду.

— Ну такъ я велю приготовить карету.

Кэтъ повернулась чтобы выйти изъ комнаты.

— Нѣтъ, пожалуйста. Я хочу ѣхать въ своей собственной каретѣ. Кто это стоитъ тамъ за дверями?

— Высокорожденный, это я, — отвѣчалъ густой бастъ гвардейца.

— Ахма! Поѣзжай скорѣй и вели прислать сюда мой экипажъ и конвой. Если они не будутъ здѣсь черезъ 10 минутъ, скажи Сирапъ Сингу, что я убавлю его жалованье и поколочу его при всѣхъ солдатахъ. Сегодня я опять поѣду кататься.

— Да будетъ милость Господня надъ высокорожденнымъ на десять тысячъ лѣтъ, — отвѣчалъ голосъ солдата съ улицы; онъ вскочилъ на сѣдло и умчался.

Пока принцъ одѣвался, къ дверямъ подѣхалъ тяжеловѣсный экипажъ, нагруженный подушками. Кэтъ и м-съ Эстесъ наполовину свели, наполовину снесли мальчика, который непременно захотѣлъ стать на ноги среди веранды и отвѣтить на салютъ своего конвоя, какъ подобаеть мужчинѣ.

— Ахи! я очень ослабѣлъ, — заговорилъ онъ, пока они ѣхали во дворецъ. — Мнѣ самому кажется, что въ Раторѣ я никогда не поправлюсь.

Кэтъ обняла его одной рукой и подвинула поближе къ себѣ.

— Кэтъ, — продолжалъ онъ, — если я стану чего-нибудь просить у отпа, скажете вы, что это для меня полезно?

Кэтъ, печальныя мысли которой блуждали гдѣ-то вдали, разсѣянню погладила его по плечу, устремляя глаза, полныя слезъ, къ красной скалѣ, на которой стоялъ дворецъ.

— Я, право, не знаю, Ляльи, — проговорила она, пытаясь улыбнуться ему.

— Но вѣдь это очень умная вещь.

— Въ самомъ дѣлѣ? — ласково спросила она.

— Да; я это самъ выдумалъ. Я вѣдь Рай Кумаръ и я хочу ѣхать въ школу Рай Кумаровъ, гдѣ учать принцевъ, какъ надобно быть королями. Это недалеко — въ Айспирѣ; я долженъ тамъ пожить, я долженъ учиться, ѣздить верхомъ и фехтовать вмѣстѣ съ другими принцами Райпутаны, тогда я сдѣлаюсь настоящимъ мужчиной. Я хочу ѣхать въ Рай Кумарскую школу въ Айспирѣ, чтобы узнать, какъ жить на свѣтѣ. Правда, это очень умно? Послѣ болѣзни мнѣ все кажется, что свѣтъ ужасно большой. Кэтъ, скажите, вы видѣли очень большой кусокъ свѣта, когда ѣхали черезъ Черную Воду? А гдѣ сагибъ Тарвинъ? Мнѣ бы хотѣлось и съ нимъ повидаться. Не разсердился ли сагибъ Тарвинъ на меня или, можетъ быть, на васъ?

Онъ мучилъ ее безконечными вопросами, пока они не остановились около боковыхъ воротъ дворца, которые вели къ флигелю

его матери. Женщина пустыни сидѣла на землѣ около этихъ воротъ. Она встала при приближеніи экипажа и протянула руки.

— Я слышала, что говорилъ посланный,—обратилась она къ Кэтъ,—я знаю, что нужно. Дайте я донесу ребенка. Нѣтъ, принцъ, не бойся, я хорошаго рода.

— Женщины хорошаго рода ходятъ подъ покрывалами и не разговариваютъ на улицахъ,—подозрительно произнесъ мальчикъ.

— Одинъ законъ для тебя и твоихъ, другой для меня и моихъ,—отвѣчала женщина со смѣхомъ.—Мы зарабатываемъ трудомъ свой хлѣбъ и потому не можемъ ходить подъ покрывалами, но наши отцы жили за много сотенъ лѣтъ до насъ, такъ же какъ и твои, высокорожденный. Иди, бѣлая волшебница не можетъ снести тебя такъ хорошо, какъ я.

Она обвила его руками и держала такъ легко, какъ будто это былъ трехлѣтній ребенокъ. Онъ спокойно прилегъ къ ней и махнулъ исхудавшей ручкой; страшные ворота отворились, заскрипѣвъ на своихъ тяжелыхъ петляхъ, и они взошли всѣ вмѣстѣ: женщина, ребенокъ и дѣвушка.

Въ этой части дворца не видѣлось роскошныхъ украшеній. Пестрая облицовка стѣнъ выцвѣла и отвалилась во многихъ мѣстахъ, ставни полиняли и покривились, во дворѣ лежали кучи сора и навоза. Королева, лишающаяся милостей короля, въ значительной степени лишается и матеріальнаго комфорта.

Какая-то дверь открылась, раздакъ чей-то голосъ. Трое посѣтителей вступили въ длинный полутемный корридоръ, полъ котораго, выкрашенный бѣлою краскою, блестѣлъ точно мраморный. Этотъ корридоръ велъ въ апартаменты королевы. Мать магараджи Кенвара жила почти постоянно въ одной длинной низкой комнатѣ, выходившей на сѣверо-западъ; она любила, прислонясь къ мраморнымъ сводамъ, глядѣть въ окно и мечтать о своей родиנѣ тамъ за песчаной степью, среди холмовъ Кулу. Дворцовый шумъ не достигалъ до этой комнаты, и лишь шаги ея немногочисленныхъ прислужницъ нарушали молчаніе, царившее вокругъ нея.

Женщина пустыни, продолжавшая держать на рукахъ принца, прижавшагося къ груди ея, шла по лабиринту пустыхъ комнатъ, узкихъ лѣстницъ и крытыхъ дворовъ, точно пантера, попавшая въ клѣтку. Кэтъ и принцъ привыкли къ этой темнотѣ, этимъ извѣстнымъ переходамъ, этой тишинѣ, этой мрачной таинственности. Для нея это было частью тѣхъ ужасовъ, среди которыхъ она рѣшила дѣйствовать; для него—обыденной обстановкой жизни.

Наконецъ, они пришли. Кэтъ подняла тяжелый занавѣсъ, принцъ позвалъ мать, и королева, вставъ съ кучи бѣлыхъ подушекъ, на которыхъ она сидѣла у окна, вскричала нетерпѣливо:

— Живъ ли мой сынъ?

Принцъ спустился съ рукъ женщины и сталъ на полъ, королева съ рыданьемъ бросилась къ нему, называла его тысячею нѣжныхъ именъ и ласкала его всего съ головы до ногъ. Первую минуту онъ пытался, было, держаться, какъ настоящій мужчина племени Райпутанъ, т. е. выказать полное презрѣніе къ такому публичному проявленію чувствъ, но очень скоро самообладаніе

оставило его, и онъ началъ плакать и смѣяться въ объятіяхъ матери. Женщина пустыни провела рукою по глазамъ, бормоча что-то про себя. Кэтъ отвернулась къ окну.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?— сказала наконецъ королева.— О мой сынъ, сыночекъ мой, дитя моего сердца, боги и она возвратили тебѣ здоровье. Но кто это стоитъ тамъ?

Ея глаза въ первый разъ упали на женщину пустыни, стоявшую на порогѣ, въ своемъ темнокрасномъ плащѣ.

— Она принесла меня сюда изъ кареты,—сказалъ принцъ,— она сказала, что она райпутанка хорошаго рода.

— Я изъ рода Шохановъ, райпутанка и мать райпутанъ,—спокойно произнесла женщина, продолжая стоять.—Бѣлая волшебница сдѣлала чудо надъ моимъ мужемъ. Онъ болѣлъ головой и не узнавалъ меня. Правда, онъ умеръ, но передъ смертью узналъ меня и назвалъ по имени.

— И она несла тебя,—сказала королева, вздрагивая и прижимая къ себѣ ребенка: подобно всѣмъ индійскимъ женщинамъ, она считала, что взглядъ и прикосновеніе вдовы предвѣщаетъ несчастіе.

Женщина упала къ ногамъ королевы.

— Прости меня, прости меня!—вскричала она.—Я родила трехъ дѣтей, и боги взяли у меня всѣхъ ихъ, а напоследокъ и моего мужа. Мнѣ было такъ хорошо, такъ хорошо, что я опять могла поддержать на рукахъ ребенка. Ты можешь простить,—продолжала она со слезами,—ты богата, у тебя есть сынъ, а я вѣдь одинокая вдова.

— Я тоже, все равно, что вдова,—прошептала королева.—Это правда, я могу простить. Встань.

Женщина продолжала лежать, обнимая голыя ноги королевы.

— Встань же, сестра!—прошептала королева.

— Мы, люди полей,—проговорила женщина пустыни,—мы не знаемъ, какъ говорить съ знатными людьми. Если я скажу грубое слово, простишь ли мнѣ, королева?

— Да, прощу. Ты выговариваешь такъ же мягко, какъ женщины съ холмовъ Кулу, но нѣкоторые твоихъ словъ я не понимаю.

— Я изъ пустыни; я пасу верблюдовъ, я дою козъ, гдѣ мнѣ умѣтъ говорить по придворному! Пусть бѣлая волшебница говорить за меня.

Кэтъ слушала разсѣянно. Теперь, когда она освободилась отъ лежавшей на ней обязанности, мысли ея возвратились къ опасности, грозившей Тарвину, и къ тому позорному поражению, которое она пережила часъ тому назадъ. Ей представлялось, какъ всѣ женщины ея больницы одна за другой уходили отъ нея, какъ все ея дѣло гнбло, всѣ надежды принести пользу рушились; ей представлялось, что Тарвинъ умираетъ мучительной смертью, и она чувствовала, что онъ умираетъ отъ ея руки.

— Что такое?—упавшимъ голосомъ спросила она, когда женщина дернула ее за платье. Затѣмъ, обращаясь къ королевѣ:—Эта женщина,—объяснила она,—одна изъ всѣхъ, кому я старалась приносить пользу, осталась сегодня со мною.

— Сегодня во дворцѣ ходили слухи,—сказала королева, про-

долгая обнимать одной рукой принца,—будто у васъ въ больницѣ были какіе-то безпорядки, сагиба.

— У меня больше нѣтъ больныя,—мрачно отвѣчала Кэтъ.

— А вы обѣщали свезти меня туда когда-нибудь, Кэтъ,—сказалъ принцъ по англійски.

— Женщины были глупы,—быстро заговорила женщина пустыни, не вставая съ полу.—Сумасшедшій монахъ навралъ имъ, будто въ лѣкарствахъ есть колдовство.

— Спаси, Господи, насъ отъ злыхъ духовъ и колдовства,—пробормотала королева.

— Въ лѣкарствахъ, которыя она раздавала собственными руками, сагиба, и вотъ онѣ разбѣжались, боясь, что у нихъ вмѣсто дѣтей родятся обезьяны, и ихъ подлая души пойдутъ къ дьяволу. Ага! Они черезъ недѣлку, другую узнаютъ, куда пойдутъ ихъ души, не одна, не двѣ, а многія узнаютъ это. Онѣ умрутъ, умрутъ и колосья, и зерна въ нихъ.

Кэтъ содрогнулась. Она очень хорошо знала, что женщина говоритъ правду.

— Но лѣкарства!—проговорила королева.

— Кто знаетъ, какая сила можетъ быть въ лѣкарствѣ?—она нервно разсмѣялась и взглянула на Кэтъ.

— Декхо! Посмотри на нее,—сказала женщина насмѣшливо.— Она дѣвочка и ничего больше. Какъ можетъ она затворять Ворота жизни?

— Она вылѣчила моего сына, послѣ этого она мнѣ сестра,—проговорила королева.

— Она сдѣлала, что мужъ заговорилъ со мной ранѣе смертнаго часа; послѣ этого я ея служанка такъ же, какъ и твоя, сагиба,—сказала женщина.

Принцъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на мать.

— Она говоритъ тебѣ «ты»,—сказалъ онъ, не обращая вниманія на присутствующую женщину.—Это неприлично, чтобы мужичка говорила *ты* королевѣ.

— Мы обѣ женщины, сынокъ. Не отходи отъ меня. Какъ мнѣ отраднo обнимать тебя, мой безцѣнный.

— Высокорожденный на видъ слабъ, какъ сухой колосокъ маиса,—быстро проговорила женщина.

— Скорѣе, какъ сухая обезьянка,—отвѣчала королева, цѣлуя ребенка въ голову. Обѣ матери говорили нарочно громко и съ жаромъ, чтобы боги, вѣчно завидующіе счастьемъ смертныхъ, услышали ихъ и повѣрили нелестнымъ отзывамъ, подъ которыми скрывалась нѣжная любовь.

— Ага, моя маленькая обезьянка умерла,—сказалъ принцъ, безпокойно двигаясь.—Мнѣ надобно достать другую. Пусти меня во дворецъ, я тамъ себя найду.

— Ему нельзя уходить изъ этой комнаты во дворецъ,—вскричала королева, обращаясь къ Кэтъ.—Ты слишкомъ слабъ, мой любимый. О, сагибъ миссъ, онъ не долженъ уходить.

Она по опыту знала, что сынъ не послушаетъ ее и сдѣлаетъ по своему.

— Я такъ хочу,—произнесъ принципъ.—Я пойду!

— Оставайтесь съ нами, любимый,—попросила Кэтъ. Ей вдругъ начало казаться, что, пожалуй, больнику можно будетъ опять открыть, такъ—мѣсяца черезъ три, и что ей, можетъ быть, удастся отвратить опасность отъ Ника.

— Я иду!—вскричалъ принципъ, вырываясь изъ объятій матери.—Мнѣ надоѣли всѣ эти разговоры.

— Позволить королева?—спросила женщина пустыни шопотомъ. Королева кивнула головой, и принципъ очутился между двумя смуглыми руками, противъ силы которыхъ онъ не въ состояніи былъ бороться.

— Пусти меня, вдова!—закричалъ онъ сердито.

— Ваше величество, неприлично райпутану не уважать мать райпутантъ,—спокойно отвѣчала женщина.—Когда молодой бычокъ не слушается коровы, ему приходится подъ ярмомъ учиться послушанію. Высокорожденный еще слабъ. Онъ упадетъ, ходя по этимъ корридорамъ, по этимъ дѣстницамъ. Пусть онъ лучше побудетъ здѣсь. Когда гнѣвъ оставитъ его, онъ сдѣлается еще слабѣе, чѣмъ былъ прежде. Вотъ уже теперь—большіе, блестящіе глаза пристально глядѣли въ лицо ребенка—уже теперь,—она продолжала все тѣмъ же спокойнымъ голосомъ—гнѣвъ проходитъ. Еще минуто, высокорожденный, и ты станешь не принцемъ, а маленькимъ, маленькимъ ребеночкомъ, такимъ, какихъ и я рождала, *Ами*, такимъ, какихъ я никогда больше не могу родить.

При этихъ послѣднихъ словахъ голова ребенка упала къ ней на плечо. Припадокъ гнѣва миновалъ, и послѣ него онъ ослабѣлъ до того, что засыпалъ.

— Срамъ, ахъ какой срамъ!—пробормоталъ онъ.—Я и вправду не могу уйти. Я хочу спать.

Она начала тихонько гладить его по плечу, пока королева не протянула жадныя руки, не схватила сына, свою собственность, и не уложила его на подушки подлѣ себя, прикрывъ его широкими складками своего платья и со страстною нѣжностью глядя на свое сокровище. Женщина сѣла на полъ, Кэтъ опустила на одну изъ подушекъ и прислушивалась къ тиканью плохенькихъ американскихъ часовъ, висѣвшихъ въ нишѣ. Голосъ какой-то женщины, распѣвавшей пѣсни, слабо доносился до нихъ, заглушаемый нѣсколькими стѣнами. Сухой полуденный вѣтеръ врывается сквозь рѣзныя ставни оконъ, слышно было, какъ лошади конвоя хлещутъ хвостами и грызутъ удила внизу, во дворѣ. Кэтъ прислушивалась къ этимъ звукамъ, и мысль о Тарвинѣ наполняла ее все новымъ ужасомъ. Королева низко наклонилась надъ сыномъ и на глаза ея навернулись слезы материнской любви.

— Онъ заснулъ,—сказала она наконецъ.—Что онъ такое говорилъ о своей обезьянѣ, сагибъ миссъ?

— Она околѣла,—отвѣчала Кэтъ и принудила себя солгать.— Она, кажется, наѣлась дурныхъ плодовъ въ саду.

— Въ саду?—быстро переспросила королева.

— Да, въ саду.

Женщина пустыни переводила глаза отъ одной собесѣдницы

къ другой. Онѣ говорили о чемъ-то непонятномъ для нея, и она начала робко гладить ноги королевы.

— Обезьяны часто умирають,—замѣтила она.—Я видѣла даже, какъ среди обезьяняго народа была настоящая повальная болѣзнь тамъ, въ Бансварѣ.

— Какъ она околѣла?—настаивала королева.

— Я, я не знаю...—пролепетала Кэтъ. Между ними снова воцарилось молчаніе, а полуденный жаръ становился все удушливѣе.

— Миссъ Кэтъ, что вы думаете о моемъ сынѣ?—прошептала королева.—Здоровъ онъ или нездоровъ?

— Онъ нездоровъ. Со временемъ онъ навѣрно окрѣпнетъ, но для него было бы лучше теперь пока уѣхать отсюда.

Королева кивнула головой.

— Я то же часто думала это, сидя здѣсь одна. Эти мысли раздирали мое сердце. Да, ему хорошо уѣхать отсюда. Но,—она съ отчаяніемъ протянула руки къ солнечному лучу,—я вѣдь ничего не знаю о томъ мѣрѣ, куда онъ поѣдетъ, и не знаю, будетъ ли онъ тамъ внѣ опасности. Здѣсь, даже здѣсь...—Она вдругъ остановилась.—Съ тѣхъ поръ какъ вы пріѣхали, миссъ Кэтъ, мое сердце узнало хоть немного покой, я не могу подумать, что будетъ, когда вы уѣдете.

— Я не могу уберечь ребенка отъ всякаго зла,—отвѣчала Кэтъ, закрывая лицо руками;—отправьте его изъ этого дворца какъ можно скорѣе. Ради Бога, отправьте его.

— Это правда, это правда!—Королева обратилась къ женщинѣ, сидѣвшей у ея ногъ.—Ты родила трехъ?—спросила она.

— Да, трехъ, и еще четвертаго, который умеръ, не успѣвъ вздохнуть. И они всѣ были мальчики,—сказала женщина пустыни.

— И боги взяли ихъ?

— Одинъ умеръ отъ оспы, двое отъ лихорадки.

— Ты увѣрена, что это была воля боговъ?

— Я не разставалась съ ними до самаго конца.

— Твой мужъ былъ, значить, только твой, и ничей больше?

— Насъ было только двое, онъ да я. У насъ въ деревняхъ народъ бѣдный, всякій беретъ только одну жену; не больше.

— *Аппе!* У васъ въ деревняхъ люди очень богаты. Слушай. А что если бы вторая жена задумала извести твоихъ трехъ мальчиковъ...

— Я бы убила ее, какъ же иначе?—воздри женщины расширились, и она быстро сунула руку подъ лифъ платья.

— А если бы, вмѣсто трехъ, у тебя былъ только одинъ, одинъ свѣтъ твоихъ очей, и ты знала бы, что не можешь родить другого, и что вторая жена тайно умышляетъ на его жизнь. Что тогда?

— Я бы убила ее, но не просто, я бы замучила ее. Я убила бы ее, когда она лежала бы рядомъ съ мужемъ, въ его объятіяхъ. Если бы она умерла, прожде чѣмъ мнѣ удалось бы насытить свою месть, я и въ аду нашла бы ее.

— Ты можешь выходить при солнечномъ свѣтѣ и ходить по

*

улицамъ, и ни одинъ мужчина не повернетъ къ тебѣ голову,— съ горечью замѣтила королева.—А что, если бы ты была рабой среди рабовъ, чужестранкой среди чуждаго племени и—голодь ея упалъ—женщиной, лишенной милости своего господина.

Женщина нагнулась и поцѣловала блѣдную ногу, лежавшую на ея ладони.

— Тогда я не стала бы мучить себя борьбой, я помнила бы, что мальчикъ можетъ вырасти и стать королемъ, и я отослала бы его туда, гдѣ вторая жена не можетъ сдѣлать ему зла.

— Развѣ легко отрѣзать себѣ руку?—сказала королева, рыдая.

— Лучше руку, чѣмъ сердце, сагиба. Кто можетъ уберечь такого ребенка въ здѣшнемъ мѣстѣ?—Королева указала на Кэтъ.— Она пріѣхала издалека, и она уже однажды спасла его отъ смерти.

— Ея снадобья хороши и ея искусство велико, но, ты знаешь, она вѣдь только дѣвушка, она не знала ни счастья, ни несчастья. Можетъ быть, я несчастная, и глазъ у меня дурной—мой мужъ не говорилъ этого прошлую осень—но, можетъ быть, это правда. Но я знаю, что такое страданіе сердца, я знаю радость при крикѣ новорожденнаго ребенка, и ты ихъ знала.

— И я ихъ знала.

— Мой домъ пустъ, я вдова, я бездѣтна, и никогда ни одинъ мужчина не возьметъ меня въ жены.

— И я такая же, и я такая же.

— Нѣтъ, у тебя остался мальчикъ, если ты потеряла другое, и мальчика надобно хорошенько беречь. Если кто-нибудь питаетъ ревность къ ребенку, ему не хорошо расти здѣсь. Отпусти его въ другое мѣсто.

— Но куда? Миссъ Кэтъ, не знаешь ли ты? Миръ темень для насъ, сидящихъ за занавѣсами.

— Я знаю, что мальчику самому хочется поѣхать въ школу принцевъ, въ Айспиръ. Онъ мнѣ объ этомъ говорилъ,—сказала Кэтъ, слышавшая весь разговоръ съ своего мѣста на подушкѣ, гдѣ она сидѣла, подперевъ голову руками.—Онъ хочетъ уѣхать на годъ или на два.

Королева усмѣхнулась сквозь слезы.

— На годъ или на два, миссъ Кэтъ. А знаете ли вы, какъ долго тянется даже одна ночь, когда его нѣтъ здѣсь?

— Но онъ можетъ вернуться, когда вы его позовете, а моихъ никакія слезы не вернутъ назадъ. На годъ или на два! Миръ темень не только для тѣхъ, кто сидитъ за занавѣсами, сагиба. Она не виновата. Какъ она можетъ знать?—сказала женщина пустыни шопотомъ королевѣ.

Кэтъ невольно чувствовала досаду, что ее постоянно исключаютъ изъ разговора, какъ будто она, у которой было свое тяжелое горе на сердцѣ, которая поставила себѣ главной задачей облегчать горести ближнихъ, она не можетъ принимать участія въ этой двойной печали.

— Какъ я могу не знать!—съ жаромъ вскричала она.—Развѣ я не знаю, что такое горе? Развѣ я не живу?

— Нѣтъ еще,—быстро отвѣтила королева.—Ты еще не знаешь ни горя, ни радости. Миссъ Кэтъ, ты очень умна, а я никогда не выходила за стѣны дворца. Но я умнѣ тебя, такъ какъ я знаю то, чего ты не знаешь, хотя ты и вернула мнѣ сына, вернула языкъ мужу этой женщины. Чѣмъ заплатитъ мнѣ тебѣ за то, что ты сдѣлала?

— Скажи ей правду,—шепнула женщина пустыни.—Мы здѣсь всѣ трое—женщины, сагиба: сухой листъ, цвѣтущее дерево, не раскрывшійся цвѣтокъ.

Королева взяла руки Кэтъ и тихонько потянула ее впередъ, пока голова дѣвушки не упала на ея колѣни. Утомленная отъ всѣхъ пережитыхъ въ это утро волненій, невыразимо усталая и тѣломъ и духомъ, дѣвушка не чувствовала охоты подниматься. Маленькія ручки сдвинули ея волосы со лба, и большія темныя глаза, отяжелѣвшіе отъ слезъ, смотрѣли прямо въ ея глаза. Женщина пустыни обняла ее одною рукой.

— Слушай, сестра моя,—начала королева съ необыкновенною нѣжностью.—У моего народа, тамъ въ горахъ сѣвера есть сказка о крысѣ, которая нашла кусочекъ имбиря и задумала открыть москательную лавку. Тоже дѣлаешь и ты, моя любимая, когда хочешь лѣчить всѣ болѣзни. Ты не сердись? Нѣтъ, не обижайся. Забудь, что ты блѣлая, а я смуглая, помни только, что мы всѣ трое здѣсь сестры. Милая сестрица, у насъ, всѣхъ женщинъ, одна судьба. Отъ всякой женщины, которая не родила ребенка, мѣръ сокрытъ. Я съ трепетомъ обращаюсь въ молитвахъ къ тому или другому богу, про котораго ты говоришь, что это просто черный камень; я дрожу при порывахъ ночного вѣтра, такъ какъ я вѣрю, что въ эти часы злые духа пролетаютъ у меня подъ окнами; я сижу здѣсь въ темнотѣ и работаю шерстями и готовлю лакомства, которые возвращаются нетронутыми со стола господина моего. А ты пріѣхала за 10.000 миль, ты умная и безстрашная, ты научила меня многому, о, очень многому. И все-таки ты дитя, а я мать, и того, что я знаю, ты не можешь знать, ты не можешь измѣрить ни бездну моего счастья, ни горькія воды моего горя, пока сама не испытаешь такого же горя, такой же заботы. Я говорила тебѣ о ребенкѣ—ты думаешь я сказала тебѣ много, я сказала все? Сестрица, я рассказала тебѣ меньше, чѣмъ начало моей любви къ нему, я вѣдь знаю, что ты не можешь понять меня. Я говорила тебѣ о моихъ печаляхъ, ты думаешь, я сказала много, я сказала все, въ тотъ разъ, когда я склонила голову къ тебѣ на грудь. Какъ могла я сказать тебѣ все? Ты дѣвушка, твое сердце прижималось къ моему сердцу, а я по его біенію чувствовала, что оно не понимаетъ. Нѣтъ, эта женщина, пришедшая изъ деревни, знаетъ меня больше, чѣмъ ты. Ты мнѣ рассказывала, что тебя учили въ школѣ разнымъ способамъ лѣченья, и ты понимаешь всѣ болѣзни, какія есть на свѣтѣ. Сестрица, какъ можешь ты понимать жизнь, когда ты никому не давала ее? Чувствовала ли ты, какъ бьется ребенокъ у тебя подъ сердцемъ? Нѣтъ, не краснѣй! Скажи, чувствовала ли ты? Я знаю, что не чувствовала. Я это угадала въ первый разъ, когда услы-

шала, какъ ты говоришь, увидѣла изъ окна, какъ ты ходишь. А другія, мои сестры, живущія въ мірѣ, тоже узнали это, но онѣ не всѣ говорятъ съ тобой такъ, какъ я. Когда новая жизнь бьется у насъ подъ сердцемъ, мы просыпаемся ночью, и намъ кажется, что вся земля двигается такъ же быстро. Съ какой стати стануть онѣ рассказывать тебѣ это? Сегодня больница ушла у тебя изъ подъ ногъ. Вѣдь это правда? Женщины ушли одна за другой? Что же ты имъ говорила?

Женщина пустыни отвѣтила вмѣсто нея:

— Она говорила: «Вернитесь, и я васъ вылечу.

— А какую же клятвой подтвердила она эти слова?

— Никакой,—сказала женщина пустыни;—она стояла у дверей и звала ихъ.

— Да и что же можетъ сказать дѣвушка, чтобы вернуть женщинъ, которыя сомнѣваются? Что она для нихъ работала, о нихъ беспокоилась? Этого онѣ не поймутъ. Но всякая понимаетъ, когда другая женщина раздѣляетъ ея страданія. На твоихъ рукахъ не было ребенка. Въ твоихъ глазахъ не было взгляда матери. Какими же чарами хотѣла ты привлечь женщинъ? Онѣ говорили, что твои снадобья закодваны, и что ихъ дѣти рождаются уродами. Чѣмъ могла ты имъ доказать, что это неправда, когда ты не знаешь источниковъ жизни и смерти? Я знаю, въ книгахъ твоихъ школъ написано, что этого не можетъ быть. Но мы, женщины, не читаемъ книгъ. Мы не изъ нихъ учимся жить. Ты ничѣмъ не могла побѣдить ихъ, развѣ боги помогли бы тебѣ, но боги живутъ далеко. Ты посвятила свою жизнь на помощь женщинамъ. А когда же ты сама, сестрица, станешь женщиной?

Голосъ смолкъ. Голова Кэтъ пряталась въ складкахъ платья королевы; она не поднимала ее и не шевелилась.

— Да,—сказала женщина пустыни,—знакъ подданства мужу снятъ съ моей головы, стекляныя запястья разбиты на моей рукѣ, путникъ считаетъ за несчастіе встрѣтить меня на дорогѣ. Пока умру, я должна быть одна, я должна одна зарабатывать свой хлѣбъ и думать только о смерти. Но если бы я знала, что все это случится и не черезъ 10 лѣтъ, а черезъ годъ, я все-таки благодарила бы боговъ за то, что они дали мнѣ любовь и ребенка. Сагибъ миссъ, примите эти слова, какъ плату за все, что вы сдѣлали для моего мужа: «Бездѣтный священникъ», бездѣтная женщина и камень, лежащій въ водѣ—одной породы». Такъ говорится въ нашей народной пословицѣ. Что думаетъ сагибъ миссъ дѣлать теперь? Королева сказала правду. Боги и твоя собственная мудрость, которая выше мудрости всякой дѣвушки, помогали тебѣ до сихъ поръ, какъ я видѣла, я вѣдь постоянно была около тебя. Боги предупредили тебя, что ихъ помощь пришла къ концу. Что же осталось? За свое ли дѣло взялась ты? Развѣ королева не справедливо говорила? Она сидитъ здѣсь одна, ничего не видитъ, а она замѣтила то же, что видѣла я, которая день за днемъ ходила вмѣстѣ съ тобой за больными. Сестрица, развѣ все это не правда?

Кэтъ тихонько подняла голову съ колѣнъ королевы и встала.

— Возьмите ребенка, а мы уйдемъ,—проговорила она хриплымъ голосомъ.

Къ счастью темнота въ комнатѣ скрывала ея лицо.

— Нѣтъ, — сказала королева, — эта женщина уведетъ его. Уходи одна.

Кэтъ исчезла.

XXI.

Законъ, которому повинуются моя милая, никогда не былъ моимъ закономъ, во съ меня довольно и того, что она его признаетъ.

Я готовъ держаться этого закона, я готовъ во всемъ подчиняться ему не потому, что его уважаю или боюсь, но потому, что это ея законъ.

На радость мнѣ Азія прислала богатѣйшіе корабли свои, я отъ нихъ откажусь, я отошлю ихъ прочь, если это успокоитъ ее.

Пусть они натянутъ паруса, пусть повернуть въ обратный путь, безъ горечи, безъ досады провожу я ихъ глазами, счастье милой мнѣ дороже самой богатой добычи.

Таковъ я всегда и во всемъ, я готовъ быть рабомъ и нести тяжелыя цѣпи, но я и самый свободный изъ всѣхъ свободныхъ. Законъ, которому повинуются моя милая, тайна для меня

Сидѣть смирно, сидѣть, что бы ни случилось, это первый урокъ, который долженъ выучить всякій молодой жокей. Тарвинъ учился ему при самыхъ горькихъ обстоятельствахъ. Ради пользы его города, ради пользы его милой, а главное, ради спасенія жизни милой онъ долженъ уѣхать.

Городъ ждетъ его, его конь стоитъ осѣдланнѣй у воротъ, но милая не идетъ.

Онъ долженъ сидѣть смирно.

Горячій вѣтеръ пустыни дулъ черезъ открытую дверь веранды такъ же безжалостно, какъ безжалостна была вражда Ситабхан. Онъ глядѣлъ въ окно и не видѣлъ ничего, кромѣ города, уснувшего подъ лучами полуденнаго солнца, да коршуновъ, носившихся надъ нимъ.

Но когда жара спала и явилась возможность проѣхать верхомъ къ желѣзной дорогѣ, какія-то закутанныя фигуры стали пробираться около стѣнъ, подвигаться ближе и заняли позицію на ружейный выстрѣлъ отъ гостинницы.

Съ каждой стороны ея притаилось по одному человѣку, а между ними всю ночь разтѣзжалъ взадъ и впередъ верховой. Тарвинъ слышалъ мѣрный топотъ копытъ его лошади, и этотъ звукъ не способствовалъ къ оживленію его надеждъ.

— Если бы не Кэтъ, если бы не Кэтъ, — повторялъ онъ самому

себѣ,—я былъ бы теперъ уже тамъ, гдѣ не могла бы меня догнать ни лошадь, ни пуля.

Часы шли необыкновенно медленно, пока онъ сидѣлъ такимъ образомъ и слѣдилъ, какъ тѣни то удлинялись, то сокращались, и ему представилось, какъ представлялось часто и прежде, что именно въ эту самую минуту Топазъ отказывается отъ всякихъ шансовъ на процвѣтаніе.

Онъ уже потерялъ по его расчетамъ цѣлыхъ двадцать четыре часа, и если все пойдетъ такъ же, какъ до сихъ поръ, вѣроятно, и весь остатокъ года будетъ потерянь подобнымъ же образомъ.

А между тѣмъ въ эту самую ночь Кэтъ подвергалась всевозможнымъ опасностямъ.

Ситабхай, конечно, предполагаетъ, что онъ похитилъ у нея ожерелье для «слабенькой блѣдной дѣвушки», она и сама это высказала около пруда. До нѣкоторой степени это было для Кэтъ, но Тарвинъ съ горечью раздумывалъ, что восточные люди не имѣютъ чувства мѣры и, подобно змѣѣ, набрасываются на то, что къ нимъ ближе.

А Кэтъ? Какъ объяснить онъ ей все это дѣло?

Онъ сказалъ, что ей, такъ же какъ и ему, грозятъ опасности, и она рѣшила пренебрегать этими опасностями. Онъ любилъ ее за это мужество, за это самоотверженіе; но онъ скрежеталъ зубами, думая объ ея упрямствѣ.

Во всей этой страшной путаницѣ былъ только одинъ комическій элементъ. Что скажетъ король Ситабхай, когда узнаетъ, что она потеряла «Счастье государства»? Какимъ образомъ скроетъ она эту потерю; и главное, въ чемъ выразится гнѣвъ короля?

Тарвинъ въ раздумьѣ покачалъ головой.

— Мое дѣло стоитъ плохо,—сказалъ онъ,—такъ плохо, какъ только возможно, но я сильно подозреваю, что дѣло Юггута еще того хуже. Да, мнѣ отъ души жаль бѣднягу Юггута. Мой толстый другъ, тебѣ не слѣдовало въ тотъ разъ возвращаться за городскія стѣны!

Онъ всталъ и посмотрѣлъ на освѣщенную солнцемъ дорогу, стараясь угадать, кто изъ бродившихъ по ней прохожихъ посланъ изъ дворца. Одинъ человѣкъ лежалъ и очевидно спалъ около своего верблюда, на краю дороги, которая вела въ городъ. Тарвинъ спустился съ веранды, вышелъ на дорогу и замѣтилъ, что спавшій перевернулся и передвинулся по другую сторону верблюда.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ дальше. Солнечный лучъ, скользнувъ по спиѣ верблюда, упалъ на что-то, заблестѣвшее точно серебро. Тарвинъ пошелъ прямо къ этому блестящему предмету, держа пистолетъ въ рукѣ. Подойдя ближе, онъ замѣтилъ, что человѣкъ погруженъ въ самый невинный сонъ. Изъ подъ складокъ его одежды торчало дуло новаго, отлично вычищеннаго ружья.

— Кажется, Ситабхай собираетъ милицію и вооружаетъ ее на свой собственный счетъ. Ружье Юггута было также новое, думалъ Тарвинъ, стоя надъ спящимъ. Но этотъ человѣкъ умѣетъ обращаться съ ружьями лучше, чѣмъ Юггуть.

— Эй!—Онъ нагнулся и ткнул челоуѣка дуломъ своего пистолета.—Отдайте-ка мнѣ, пожалуйста, свое ружье. И скажите своей госпожѣ, чтобы она бросила это дѣло, понимаете? Скажите, что оно ничего не стѣдигъ.

Челоуѣкъ понялъ только нѣмое краснорѣчіе пистолета и ничего болѣе. Онъ мрачно отдалъ свое ружье и ушелъ, сердито подгоняя кнутомъ верблюда.

— Интересно, сколько челоуѣкъ изъ ея арміи придется мнѣ еще обезоружить,—думалъ Тарвинъ, возвращаясь назадъ съ конфискованнымъ ружьемъ на плечѣ.—Интересно... нѣтъ, я увѣренъ, она не посмѣетъ ничего сдѣлать Кэтъ! Она меня достаточно узнала, она не сомнѣвается, что я въ состояніи уничтожить и ее, и весь ея старый дворецъ. Если она хоть на половину такая женщина, за какую выдаетъ себя, она подумаетъ обо мнѣ прежде, чѣмъ идти дальше.

Напрасно старался онъ успокоить себя этою увѣренностью. Ситабхай показала ему, на что была способна, и, можетъ быть, Кэтъ, въ свою очередь, уже испытала это. Ъхать къ ней теперь—невозможно, это значитъ рисковать навѣрно если не быть убитымъ, то быть изувѣченнымъ. И все-таки онъ рѣшился ѣхать. Онъ быстро подошелъ къ Фибби, котораго оставилъ три минуты тому назадъ привязаннымъ къ задней сторонѣ гостинницы и усердно отмахивающимся хвостомъ отъ мухъ. Теперь Фибби лежалъ на боку и жалобно стоналъ, умирая съ подрѣзанными жилами на подколѣнкахъ.

Тарвинъ слышалъ, какъ коноухъ старательно чистилъ сбрую за угломъ дома; онъ позвалъ его, тотъ бросился къ лошади и завылъ отъ горя.

— Врагъ сдѣлалъ это, врагъ сдѣлалъ это! — причиталъ онъ.—Мой чудный гнѣдой конь, онъ не дѣлалъ ничего дурного, только иногда брыкался, когда ему давали слишкомъ много корму! Гдѣ найду я себѣ другое мѣсто, если порученныя мнѣ лошади будутъ такъ околѣвать.

— Хотѣлось бы мнѣ знать! Хотѣлось бы мнѣ знать!—повторялъ Тарвинъ озадаченный, почти приведенный въ отчаяніе.—Если бы я зналъ навѣрно, пуля прострѣлила бы нѣкую черную голову. Ну, вставай, ты! Фибби, старый другъ, я прощаю тебѣ всѣ твои грѣхи. Ты былъ мнѣ добрымъ товарищемъ, и вотъ тебѣ за то!

Синій дымокъ закружился на минутку вокругъ головы Фибби, голова тяжело упала на землю, и страданія бѣднаго коня прекратились. Коноухъ продолжалъ громко вопить, пока Тарвинъ не далъ ему пинка и не велѣлъ ему убираться. Замѣчательно, что его вопли сразу прекратились; когда онъ пришелъ въ свою комнату, чтобы собрать вещи, онъ улыбнулся и вытащилъ нѣсколько серебряныхъ монетъ изъ дыры подъ своею кроватью.

Тарвинъ, лишенный лошади, смотрѣлъ на западъ, на востокъ, на сѣверъ и на югъ, напрасно ожидая помощи, совершенно такъ же, какъ смотрѣла Ситабхай около пруда. Таборъ кочевыхъ цыганъ съ сухопарыми волами и лающими собаками показался изъ

за городской стѣны и расположился, точностая грязныхъ птицъ около самыхъ воротъ города. Это было довольно обыкновенное явленіе, хотя, по закону, они не имѣли права располагаться ближе, какъ за четверть мили отъ городскихъ стѣнъ.

— Должно быть, какіе нибудь бѣдные родственники королевы. Они отлично забаррикадировали дорогу къ воротамъ. Если я вздумаю пробраться черезъ нихъ къ дому мисси, они схватятъ меня, непременно схватятъ,—разсуждалъ Тарвинъ.—Въ общемъ, нельзя сказать, что очень пріятно вести дѣла съ восточными королевами. Онѣ, кажется, совсѣмъ не знаютъ правилъ игры.

Въ эту минуту среди цыганскаго табора поднялось облако пыли, и конвой магараджи Кенвара разогналъ черную толпу направо и налево, расчищая дорогу для экипажа принца. Тарвинъ недоумѣвалъ, что это можетъ значить. Конвой съ обычнымъ звономъ оружія остановился у дверей гостинницы, экипажъ слѣдовалъ за нимъ. Одинъ изъ солдатъ конвоя отсталъ на нѣсколько сажень и со сдержаннымъ восклицаніемъ догналъ экипажъ. Конвой отвѣтилъ ему смѣхомъ, и изъ экипажа послышался веселый хохотъ.

Мальчикъ, котораго Тарвинъ никогда не видалъ прежде, стоялъ на заднемъ мѣстѣ экипажа и осыпалъ отставшаго солдата градомъ ругательствавъ на мѣстномъ нарѣчій. Конвой смѣялся и надъ нимъ.

— Сагибъ Тарвинъ, сагибъ Тарвинъ! — закричалъ тоненькимъ голоскомъ магараджа Кенваръ.—Придите, посмотрите на насъ!

На одну минуту Тарвинъ вообразилъ, что это новая ловушка его врага; но успокоенный при видѣ своего стараго, довѣреннаго союзника, магараджи, онъ подошелъ ближе.

— Принцъ,—сказалъ онъ, пожимая его руку,—вамъ не слѣдовало выѣзжать.

— О, я совсѣмъ здоровъ, — поспѣшилъ заявить мальчикъ, хотя поблѣднѣвшее личико изобличало его. — Я приказалъ и мы поѣхали. Миссъ Кэтъ приказываетъ *мнѣ*; но она отвезла меня во дворецъ, и тамъ ужъ я приказываю. Это Умръ-Сингъ, мой братъ, маленькій принцъ, но королемъ буду я.

Второй мальчикъ медленно поднялъ глаза и уставилъ ихъ на Тарвина. Глаза и низкій широкій лобъ его напоминали Ситабхай и губы его крѣпко сжимались надъ жемчужно-бѣлыми зубами, такъ же, какъ сжимались губы его матери при ихъ столкновеніи въ Дунгарь-Талао.

— Онъ изъ другого флигеля дворца,—объяснялъ магараджа по англійски,—изъ другого флигеля, куда мнѣ нельзя ходить. Но когда я былъ во дворцѣ, я прошелъ къ нему, ха, ха, сагибъ Тарвинъ, а онъ убивалъ козленка. Посмотрите! у него до сихъ поръ красныя руки.

Умръ-Сингъ, по слову, сказанному магараджей на мѣстномъ нарѣчій, раскрылъ тоненькую ладонь и протянулъ ее Тарвину. Она была вся въ пятнахъ отъ запекшейся крови, и среди конвоя поднялся сдержанный шопотъ. Начальникъ конвоя повернулся на сѣдлѣ и, кивнувъ Тарвину, прошепталъ: «Ситабхай». Тарвинъ разобралъ это слово, и для него было довольно. Провидѣніе

посылало ему неожиданную помощь. Онъ быстро составилъ планъ дѣйствій.

— Но какъ же вы сюда пріѣхали. молодые люди, кто васъ пустил?—спросилъ онъ.

— О, вѣдь во дворцѣ однѣ женщины, а я райпутанъ и мужичива. Онъ совсѣмъ не умѣетъ говорить по англійски,—прибавилъ магараджа, указывая на своего спутника.—Но когда мы вмѣстѣ играли, я ему рассказывалъ о васъ, сагибъ Тарвинъ, и какъ вы меня, помните тогда, подняли съ сѣдла, и ему захотѣлось также сѣздить къ вамъ, посмотрѣть все, что вы мнѣ показываете, и вотъ я быстро отдалъ приказъ, и мы вышли вмѣстѣ черезъ маленькую дверь. Такъ мы и пріѣхали. Saalam, baba,—покровительственнымъ голосомъ сказалъ онъ мальчику, сидѣвшему рядомъ съ нимъ; мальчикъ медленно и важно поднесъ руку ко лбу, продолжая смотрѣть на чужестранца пристальнымъ, любопытнымъ взглядомъ. Затѣмъ онъ прошепталъ что-то, отчего магараджа Кенваръ засмѣялся.—Онъ говоритъ,—объяснилъ магараджа,—что вы совсѣмъ не такой большой, какъ онъ думалъ. Его мать сказала ему, что вы сильнѣе всѣхъ людей, а у насъ въ конвоѣ есть солдаты выше васъ.

— Ну, хорошо, что же мнѣ вамъ сдѣлать?—спросилъ Тарвинъ.

— Покажите ему ваше ружье, покажите, какъ вы прострѣливаете монеты, и какъ вы усмиряете лошадей, когда онѣ брыкаются, и все такое.

— Отлично,—сказалъ Тарвинъ.—Но здѣсь я не могу этого показывать. Поѣдемъ къ м. Эстесу,

— Мнѣ бы не хотѣлось туда ѣхать. Моя обезьяна умерла. И я не знаю, будетъ ли Кэтъ довольна, если мы пріѣдемъ. Она нынче все плачетъ. Она свезла меня вчера во дворецъ, а сегодня утромъ я былъ у нея, но она не захотѣла меня видѣть.

Тарвинъ готовъ былъ обнять и разцѣловать мальчика за радостное извѣстіе, что Кэтъ, по крайней мѣрѣ, жива.

— Развѣ она не въ больницѣ?—спросилъ онъ.

— О, больница вылетѣла въ трубу. Тамъ теперь нѣтъ женщинъ. Онѣ всѣ разбѣжались.

— Не можетъ быть!—вскричалъ Тарвинъ.—Неужели это правда? Изъ-за чего же это?

— Изъ-за дьяволовъ,—коротко отвѣчалъ магараджа Кенваръ.—Почемъ я знаю? женщины что-то болтали. Покажите ему, какъ вы ѣздите, сагибъ Тарвинъ!

Умръ-Сингъ опять что-то прошепталъ на ухо своему товарищу и закинулъ одну ногу на край экипажа.

— Онъ говоритъ, что ему хочется поѣздить съ вами, какъ я ѣздилъ,—передалъ принцъ.—Гурдитъ Сингъ, дай свою лошадь.

Одинъ изъ солдатъ соскочилъ съ сѣдла и покорно стоялъ около головы лошади. Тарвинъ улыбнулся, подумавъ, какъ случай благоприятствуетъ его намѣреніямъ, ничего не отвѣчалъ, вскочилъ на сѣдло, поднялъ Умръ Синга изъ экипажа и осторожно посадилъ его передъ собой.

— Воображаю, какъ бы испугалась Ситабхаи, если бы увидѣла меня въ эту минуту,—говорилъ онъ самому себѣ, обнимая рукой маленькую фигурку, сидѣвшую на сѣдлѣ передъ нимъ.

Когда конвой разступился, чтобы Тарвинъ могъ стать во главѣ его, какой-то бродячій монахъ, наблюдавшій издали за всей этой сценой, обернулся къ городу и испустилъ громкій крикъ. Этотъ крикъ былъ подхваченъ невидимыми голосами, достигъ до стѣнъ города и замеръ въ пескахъ, танувшихся за нимъ.

Умръ Сингъ улыбнулся, когда лошадь пошла рысью, и попросилъ ѣхать поскорѣе. Магараджа воспротивился этому. Ему хотѣлось спокойно любоваться всѣмъ происходящимъ изъ своего экипажа. Когда они проѣзжали мимо цыганскаго табора, мужчины и женщины бросались на песокъ и кричали:

— Джан! Джунигъ да бадшахъ джан! — и лица свиты омрачились.

— Это значитъ, — вскричалъ магараджа Кенваръ, — «Побѣда царю пустыни». У меня нѣтъ съ собой денегъ. Я не могу ничего дать имъ. Не можете ли вы, сагибъ Тарвинъ?

Тарвинъ былъ такъ радъ, что можетъ безопасно проѣхать къ Кэтъ, что готовъ былъ бросить толпѣ все, что угодно, даже Наулаку. Онъ кинулъ имъ нѣсколько горстей серебряной и мѣдной монеты, и крикъ снова поднялся, но къ нему примѣшивался горькій смѣхъ, и цыгане о чемъ-то насмѣшливо перекрикивались. Липо магараджи Кенвара вспыхнуло. Онъ нагнулся впередъ, прислушивался съ минуту и затѣмъ закричалъ: «Клянусь Индуromъ, это они ему кричали! Снести ихъ палатки!» По знаку его руки конвой бросился впередъ, разсѣялся по табору, разбросалъ костры, разогналъ ословъ и концами копій разнесъ на части легкія темныя палатки.

Тарвинъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на разгромъ шайки, которая непременно задержала бы его, если бы онъ былъ одинъ.

Умръ Сингъ закусилъ губы. Затѣмъ, обращаясь къ магараджѣ Кенвару, онъ улыбнулся и вынулъ саблю изъ ноженъ въ знакъ вѣрнопопданничества.

— Это справедливо, братъ мой, — сказалъ онъ на мѣстномъ нарѣчьи. — Но я, — онъ заговорилъ богѣе громкимъ голосомъ, — не сталъ бы далеко угонять цыганъ. Они всегда возвращаются.

— Да, — закричалъ одинъ голосъ изъ взволнованной толпы, мрачно глядѣвшей на уничтоженіе табора, — цыгане всегда возвращаются, ваше величество.

— И собаки также, — пробормоталъ магараджа. — И тѣхъ, и другимъ бьютъ. Поѣзжайте дальше.

Облако пыли приблизилось къ дому Эстесовъ и, окруженный имъ, Тарвинъ ѣхалъ въ полной безопасности.

Сказавъ мальчикамъ, чтобы они пока поиграли одни, онъ вбѣжалъ по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступени, и нашелъ Кэтъ въ темномъ уголку гостиной съ какимъ-то шитьемъ въ рукахъ. Когда она подняла голову, онъ увидѣлъ, что она плакала.

— Никъ! — вскричала она беззвучно. «Никъ». Онъ въ нерѣшимости остановился на порогѣ; она отложила работу и встала, задыхаясь отъ волненія. — Вы вернулись? Это вы? Вы живы?

Тарвинъ улыбнулся и протянулъ руки.

— Придите и посмотрите!— Она сдѣлала шагъ впередъ.

— Ахъ, я боялась...

— Придите!

Она все также нерѣшительно приблизилась къ нему. Онъ быстро схватилъ ее и заключилъ въ объятія. Цѣлую долгую минуту покоилась ея голова на его груди. Затѣмъ она подняла ее.

— Я совсѣмъ не то думала...—протестовала она.

— О, пожалуйста, не старайтесь оправдываться!—поспѣшилъ перебить ее Тарвинъ.

— Она пыталась отравить меня. Я ничего объ васъ не слышала и была увѣрена, что она убила васъ. Я представляла себѣ самыя ужасныя вещи!

— Бѣдное дитя! И ваша больница уничтожилась. Вамъ пришлось пережить тяжелыя минуты. Но мы теперь все перемѣнимъ. Мы должны уѣхать какъ можно скорѣе. Я на нѣсколько минутъ избавился отъ ея когтей; у меня въ рукахъ заложникъ. Но мы не можемъ вѣчно держать его. Намъ надо скорѣе убираться!

— Намъ!—слабо повторила она.

— А то какже? или вы хотите уѣхать безъ меня?—Она улыбнулась, освобождаясь отъ него.—Я хочу, чтобы вы уѣхали!

— А вы?

— Обо мнѣ не стоить думать. Я потерѣла неудачу. Все, что я хотѣла сдѣлать, провалилось. Я точно вся выгорѣла, Никъ, вся выгорѣла!

— Отлично! Мы затѣмъ новыя дѣла и спустимъ васъ на воду по новой системѣ. Я именно этого-то и добиваюсь. Пройдетъ нѣсколько времени и вы забудете, что были когда-нибудь въ Раторѣ, моя дорогая.

— Это была ошибка,—сказала она.

— Что?

— Все. Мой прїѣздъ сюда. Мои планы дѣятельности. Оказалось, что это дѣло не для дѣвушки. Можетъ быть, это мое призваніе, но я не могу здѣсь работать. Я отъ всего отказалась, Никъ. Везите меня домой.

Тарвинъ издалъ совершенно неприличный крикъ радости и снова заключилъ ее въ объятія. Онъ заявилъ ей, что они должны повѣнчаться тотчасъ же и выѣхать въ эту ночь, если она успѣетъ собраться. Кэтъ, боясь тѣхъ опасностей, какія могли грозить ему, робко согласилась. Она стала говорить о приготовленіяхъ: но Тарвинъ отвѣчалъ, что они будутъ объ этомъ думать послѣ того, какъ покончатъ дѣло. Они могутъ купить все, что нужно въ Бомбеѣ, они накупятъ тамъ пропасть вещей. Онъ не давалъ ей опомниться, быстро сообщая ей разные планы, какъ вдругъ она прервала его словами:

— А какъ же плотина, Никъ? Вѣдь вы же не можете бросить ее.

— Чуть!—вскричалъ Тарвинъ.—Неужели вы думали, что въ этой рѣчонкѣ можетъ быть золото?

Она быстро вырвалась изъ его объятій и посмотрѣла на него съ упрекомъ и негодованіемъ.

— Неужели же вы съ самаго начала знали, что тамъ нѣтъ золота?—спросила она.

Тарвинъ быстро приготовилъ отвѣтъ, но не на столько быстро, чтобы она не замѣтила признанія въ его глазахъ.

— Вы знали, я вижу.

Тарвинъ повялъ, какая неожиданная гроза разразилась надъ нимъ изъ чистаго неба. Онъ въ одну секунду сообразилъ, что слѣдуетъ переимѣнить фронтъ, и отвѣтилъ на ея слова улыбкой.

— Конечно, зналъ,—сказалъ онъ;—я затѣялъ эти работы ради прикрытія.

— Ради прикрытія?—повторила она.—Что же вамъ надо было прикрывать?

— Васъ.

— Что это значитъ? Я не понимаю,—сказала она, и ему стало жутко отъ ея взгляда.

— Индійское правительство не позволяетъ никому жить въ этомъ государствѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Не могъ же я сказать полковнику Нолану, что я занимаюсь ухаживаньемъ за вами.

— Не знаю. Но вы не должны были тратить деньги мага раджи для исполненія этой... этого плана. Честный человѣкъ не поступилъ бы такъ.

— О, полноте!—вскричалъ Тарвинъ.

— Какъ вы могли обмануть короля, увѣривъ его, что ваши работы принесутъ пользу, какъ вы могли пользоваться трудомъ тысячи человѣкъ, которыхъ онъ вамъ отпустилъ, какъ вы могли брать деньги? О Никъ!..

Онъ смотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ растеряннымъ, безнадежнымъ взглядомъ.

— Полно, Кэтъ, — вскричалъ онъ, — развѣ вы не понимаете, что я устроилъ самый великолѣпный фарсъ, какой видала индійская имперія съ основанія міра?

Это было очень мило, но оказалось недостаточно хорошо. Ему пришлось придумывать какое-нибудь болѣе серьезное оправданіе, когда она отвѣтила съ очень опасной ноткой презрѣнія въ голосъ:

— Это еще хуже.

— Ну да, конечно, вы знаете, Кэтъ, что юморъ не по вашей части.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней нагнулся къ ней и, взявъ ее за руку, продолжалъ:

— Неужели вамъ не представляется очень забавнымъ, что я взрылъ половину государства, чтобы оставаться подлѣ одной маленькой дѣвочки, очень милой, въ высшей степени прелестной, но все-таки очень тоненькой, маленькой, совсѣмъ ничтожненькой сравнительно съ долиной Амета. Ну, скажите, неужели въ самомъ дѣлѣ это не забавно?

— Это все, что вы можете сказать?—спросила она.

Тарвинъ поблѣднѣлъ. Онъ зналъ этотъ тонъ непреклонной рѣшимости, который слышался въ ея голосъ и являлся всегда вмѣстѣ съ презрительнымъ взглядомъ, когда ей приходилось говорить о какой-нибудь нравственной низости, возмущавшей ее. Онъ

прочелъ въ немъ свой приговоръ и содрогнулся. Настала минута молчанія, и онъ чувствовалъ, что это самая критическая минута его жизни. Затѣмъ онъ овладѣлъ собой и проговорилъ легкимъ, спокойнымъ тономъ.

— Послушайте, вы, конечно, не думаете, что я не заплачу магараджѣ за его расходы?

Она вздохнула съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Не смотря на давнипшее знакомство съ Тарвинымъ, она не могла услѣдить за головокружительными перемѣнами въ его мысляхъ. Его чисто птичья способность подниматься вверхъ, быстро опускаться, кружиться на одномъ мѣстѣ всегда приводила ее въ недоумѣніе. Но она твердо вѣрила, что онъ постоянно имѣетъ въ виду поступать правильно, когда только ясно видеть, въ чемъ состоитъ эта правильность. И ея вѣра въ его нравственную силу помѣшала ей замѣтить, что въ эту минуту онъ руководствовался исключительно ея мнѣніемъ о добрѣ и злѣ. Она не знала и даже не могла вообразить, какъ мало его собственное понятіе о правильномъ основывалось на какой-либо системѣ нравственности, и какъ онъ мысленно опредѣлялъ нравственность: это то, что пріятно Кэтъ. Другія женщины любятъ наряды; она любитъ нравственные поступки, и онъ рѣшилъ, что она ихъ увидитъ, хотя бы ему пришлось для этого сдѣлаться разбойникомъ.

— Вы, конечно, не думали, что я не заплачу за эту шутку?— мужественно продолжалъ онъ; а сердце шептало ему: — Она это презираетъ, она это ненавидитъ; какъ я не подумалъ раньше; какъ я не подумалъ?—Онъ прибавилъ громко:—Я устроилъ себѣ забаву, а теперь приобрѣлъ васъ. За то и другое мнѣ придется заплатить недорого, я сейчасъ пойду и сведу свои счеты, какъ честный человѣкъ. Вы не должны забывать этого.

Его улыбка не встрѣтила отвѣтной улыбки. Онъ потерялъ лобъ и съ тревогой посмотрѣлъ на нее. При всей своей ловкости онъ никакъ не могъ знать навѣрно, что она скажетъ въ слѣдующую минуту. Она ничего не сказала, и онъ продолжалъ говорить, чувствуя, какъ холодный ужасъ сжимаетъ его сердце.—Не правда ли, вѣдь это похоже на меня, Кэтъ, вся эта интрига со старымъ раджей? Владѣлецъ рудника, приносящаго по 2.000 ф. въ мѣсяцъ, можетъ выкинуть штуку въ этой пустынѣ и сдѣлать видъ, будто хочетъ выманить нѣсколько тысячъ рупій у доврчиваго индѣйскаго короля. Не правда ли?

Онъ проговорилъ это экспромтомъ сочиненное объясненіе своего поведенія съ спокойствіемъ отчаянія.

— Какого рудника?—спросила она съ усиліемъ.

— «Желаннаго». Я вѣдь вамъ рассказывалъ о немъ.

— Да, но я не знала...

— Что онъ приноситъ такъ много? А между тѣмъ, это такъ. Хотите видѣть пробу руды?

— Нѣтъ, — отвѣчала она. — Нѣтъ, но значитъ вы, значитъ вы, Никъ...

— Богатый человѣкъ? Да порядочно, пока жила держится. Во всякомъ случаѣ я слишкомъ богатъ для мелкаго мошеничества.

Онъ шутилъ, а между тѣмъ вся его жизнь стояла на картѣ. Голова его трещала отъ этой болтовни, подъ которой онъ скрывалъ свое волненіе; онъ чувствовалъ, что напряженіе слишкомъ сильно для него. Безумный страхъ, который онъ испытывалъ, изощрялъ его мысль. Что-то точно кольнуло его, когда онъ произнесъ слово «мошеничество». Сердце его замерло. Его внезапно озарила страшная, неоспоримая мысль, и онъ понялъ, что погибъ.

Если она презираетъ это, что скажетъ она о томъ? Ему это казалось невиннымъ, удачнымъ, даже забавнымъ, а ей? Онъ почувствовалъ, что ему дѣлается дурно. Кэтъ или Наулака. Онъ долженъ выбрать, Наулака или Кэтъ?

— Не шутите этимъ,—сказала она.—Вы навѣрно поступили бы честно, даже если бы не могли заплатить, Никъ. Ахъ,—продолжала она, вѣжно положивъ свою руку на его и какъ бы прося у него прощенья, что могла хоть на минуту усумниться въ немъ,—я знаю васъ, Никъ! Вы любите предстать хорошее въ дурномъ свѣтѣ, вы любите казаться дурнымъ. Но есть ли человѣкъ честнѣе васъ? О Никъ, я знаю, что на васъ можно положиться. Если бы вы свернули съ прямого пути, все пошло бы вкривь.

Онъ обнялъ ее.

— Въ самомъ дѣлѣ, моя дорогая дѣвочка?—спросилъ онъ, глядя ей въ глаза.—Ну, постараемся, чтобы все шло по прямому пути, чего бы это ни стоило.

Онъ тяжело вздохнулъ и поцѣловалъ ее.

— Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь ящичка?—спросилъ онъ.

— Какого ящичка?—съ удивленіемъ спросила Кэтъ.

— Ну, какого-нибудь очень красиваго, а впрочемъ, и простая коробка изъ подъ винограда годится. Не всякій день приходится посылать подарки королевѣ.

Кэтъ подала ему коробокъ, въ которомъ лежали прежде длинныя зеленыя кисти кабульскаго винограда. На днѣ его остались полинялыя обрѣзки шерсти.

— Мы купили его надняхъ у разносчика,—сказала она,—довольно ли онъ великъ?

Тарвинъ отвернулся, не отвѣчая, всыпалъ въ коробокъ что-то, что застучало точно мелкіе камешки, и глубоко вздохнулъ. Топазъ лежалъ въ этомъ коробкѣ. Изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ магараджи Кенвара.

— Сагибъ Тарвинъ, Кэтъ, мы съѣли всѣ фрукты, мы хотимъ теперь дѣлать что-нибудь другое.

— Одну минутку, молодой человѣкъ.—Продолжая отворачиваться отъ Кэтъ, онъ въ послѣдній разъ погладилъ рукой блестящій рядъ камней, лежавшій на днѣ ящичка. Большой зеленый изумрудъ смотрѣлъ на него съ упрекомъ, какъ ему показалось. Туманъ застилалъ глаза его, алмазъ былъ слишкомъ блестящъ. Онъ быстро опустилъ крышку ящичка и рѣшительнымъ движеніемъ передалъ его въ руки Кэтъ; онъ заставилъ ее держать его, пока самъ молча перевязывалъ его веревочкой. Затѣмъ какимъ-то страннымъ, не своимъ голосомъ попросилъ ее отнести ящикъ къ Ситабхай и передать ей его поклонъ.—Нѣтъ,—продолжалъ онъ,

замѣтивъ испугъ въ ея глазахъ.—Она не сдѣлаетъ, она не посядетъ сдѣлать вамъ никакого зла. Ея сынъ побѣдетъ съ нами, и я буду съ вами, на сколько будетъ можно. Слава Богу, это ваша послѣдняя поѣздка въ здѣшней проклятой странѣ, т.-е. не послѣдняя, а предпослѣдняя. Мы живемъ въ Раторѣ подъ высокимъ давленіемъ, слишкомъ высокимъ для меня. Пожалуйста, поскорѣй, если меня любите.

Кэтъ поспѣшила одѣться, а Тарвинъ въ это время забавлялъ маленькихъ принцевъ, показывая имъ свой револьверъ и обѣщая въ другой разъ прострѣлить, сколько они хотятъ, монетъ. Конвой, ожидавшій у под'ѣзда, былъ внезапно встревоженъ; кто-то ѣхавшій изъ города промчался сквозь ряды его съ крикомъ: «письмо оагибу Тарвину!»

Тарвинъ вышелъ на веранду, взявъ смятый листокъ бумаги изъ рукъ всадника и прочелъ слѣдующія слова, написанныя видимо съ большимъ трудомъ, круглымъ неправильнымъ почеркомъ: — «Дорогой М. Тарвинъ. Отдайте мнѣ мальчика и оставьте себя другое. Любящій васъ другъ».

Тарвинъ смялъ письмо и сунулъ его себѣ въ карманъ.

— Отвѣта не будетъ,—сказалъ онъ посланному, а про себя подумалъ:—Вы очень предупредительная женщина, г-жа Ситабхай, пожалуй, даже слишкомъ предусмотрительная. Этотъ мальчикъ нуженъ мнѣ еще на полчаса.

— Готовы вы, Кэтъ?

Принцы громко выразили свое неудовольствіе, когда имъ сказали, что Тарвинъ ѣдетъ тотчасъ же во дворецъ и что они должны ѣхать съ нимъ, если хотятъ, чтобы онъ показалъ имъ что-нибудь интересное.

— Мы пойдемъ въ большую залу Дурбаръ,—сказалъ магараджа Кенваръ, чтобы утѣшить своего товарища, — и заведемъ сразу всѣ музыкальные ящики.

— Я хочу видѣть, какъ этотъ человѣкъ стрѣляетъ,—заявилъ Умръ-Сингъ.—Я хочу, чтобы онъ застрѣлилъ что-нибудь живое. Я не хочу ѣхать во дворецъ.

— Я возьму его къ себѣ на лошадь,—сказалъ Тарвинъ, когда эти слова были переданы ему,—и мы всю дорогу поскачемъ въ галопъ. Скажите, принцъ, какъ вы думаете, вапшъ экипажъ скоро можетъ ѣхать?

— Какъ хотите скоро. Только бы миссъ Кэтъ не струсила.

Кэтъ сѣла въ экипажъ, и вся кавалькада пустилась галопомъ ко дворцу, причемъ Тарвинъ ѣхалъ впереди съ Умрѣ Сингомъ, который обѣими руками держался за луку сѣдла.

— Мы должны под'ѣхать къ флигелю Ситабхай, милая,—крикнулъ ей Тарвинъ,—вы не побойтесь войти подъ ворота со мною.

— Я вамъ довѣряю, Никъ,—просто отвѣчала она, выглядывая изъ экипажа.

— Ну, такъ идите во флигель этой женщины. Отдайте ящичекъ самой Ситабхай въ руки и скажите ей, что это отъ меня. Вы увидите, что она знаетъ мое имя.

Лошадь вѣхала подъ арки воротъ, Кэтъ шла подлѣ нея, а Тарвинъ старался держать Умръ Синга какъ можно больше на виду. Дворъ былъ пустъ, но когда они вѣхали на свѣтъ и подѣхали къ фонтану посрединѣ его, шорохъ и шопотъ за ставнями усилился,—будто вѣтеръ подулъ сквозь сухую траву.

— Подождите минутку, дорогая,—сказалъ Тарвинъ, останавливаясь;—если вы только можете переносить эти палящіе лучи солнца.

Дверь открылась, и изъ нея вышелъ евнухъ, который молча поклонился Кэтъ. Она послѣдовала за нимъ и исчезла за запертою дверью. Сердце Тарвина замерло, и онъ машинально такъ крѣпко прижалъ къ себѣ Умръ Синга, что мальчикъ вскрикнулъ.

Шопотъ усилился, и Тарвину показалось, что кто-то рыдаетъ за ставнями. За этимъ послѣдовалъ взрывъ тихаго, нѣжнаго смѣха, и Тарвинъ вздохнулъ свободнѣе. Умръ Сингъ пытался вырваться изъ его рукъ.

— Еще рано,—молодой человѣкъ,—подождите, пока... Ахъ, слава Богу!

Явилась Кэтъ, ея маленькая фигурка рѣзко выдѣлялась на темномъ фонѣ дверей. Сзади нея шелъ евнухъ, который боязливо приблизился къ Тарвину. Тарвинъ ласково улыбнулся и передалъ ему съ рукъ на руки удивленнаго маленькаго принца. Умръ Синга унесли, несмотря на его сопротивленіе и, прежде чѣмъ они вѣхали со двора, Тарвинъ услышалъ неистовые крики разсерженнаго мальчика и вслѣдъ затѣмъ несомнѣнно его же стоны отъ боли. Тарвинъ улыбнулся.

— Въ райпутанѣ начинаютъ бить молодыхъ принцевъ; это несомнѣнно шагъ на пути прогресса. Что она сказала, Кэтъ?

— Она сказала, чтобы я непременно передала вамъ, что она знаетъ, что вы ничего не боитесь. «Скажите сагибу Тарвину: я знала, что онъ не боится».

— А гдѣ же Умръ Сингъ? — спросилъ магараджа Кенваръ изъ экипажа.

— Онъ ушелъ къ своей матери. Кажется, мнѣ нельзя сейчасъ играть съ вами, милый мальчикъ. У меня сорокъ тысячъ дѣлъ и очень мало времени. Скажите мнѣ, гдѣ вашъ отецъ?

— Не знаю. Во дворцѣ была какая-то тревога, кто-то плакалъ. Женщины вѣчно плачутъ, и это сердитъ отца. Я останусь у м. Эстеса и буду играть съ Кэтъ.

— Да, пусть онъ останется,—поспѣшно заявила Кэтъ.—Никъ, неужели вы думаете, что я имѣю право бросить его?

— Это тоже одно изъ дѣлъ, которыя я долженъ уладить,—сказалъ Тарвинъ.—Но прежде мнѣ надобно повидать магараджу, если я обязанъ запрудить для него Раторъ. Что такое, милый мальчикъ?

Одинъ изъ солдатъ пепнулъ что-то маленькому принцу.

— Этотъ человѣкъ говоритъ, что онъ тутъ,—сказалъ магараджа Кенваръ.—Онъ цѣлыхъ два дня все здѣсь. Мнѣ тоже нужно было повидаться съ нимъ.

— Очень хорошо. Поѣзжайте домой, Кэтъ. Я подожду здѣсь.

Онъ снова вѣхалъ подъ арку воротъ и во дворъ. Опять за ставнями поднялся шопотъ; изъ дверей вышелъ человѣкъ и спросилъ, что ему нужно.

— Мнѣ надобно повидать магараджу, — сказалъ Тарвинъ.

— Подождите, — отвѣчалъ человѣкъ. Тарвину пришлось ждать цѣлыхъ пять минутъ и онъ успѣлъ въ это время обдумать весь планъ дѣйствій.

Наконецъ, явился магараджа и любезность свѣтилась въ каждомъ волоскѣ его усовъ, только что намазанныхъ масломъ.

Вслѣдствіе какой-то таинственной причины, Ситабхаи на цѣлыхъ два дня лишила его свѣта своего лицедрвіня и сидѣла запершись въ своихъ апартаментахъ. Теперь ея капризъ прошелъ, и цыганка согласилась снова повидаться съ нимъ. Вслѣдствіе этого сердце магараджи весело билось; какъ опытный мужъ многихъ женъ, онъ весьма разумно не спрашивалъ особенно настойчиво о причинѣ такой перемѣны.

— Ахъ, сагибъ Тарвинъ, — сказалъ онъ, — я давно не видалъ васъ. Что новенькаго на плотинѣ? Есть тамъ что-нибудь интересное?

— Сагибъ магараджа, я объ этомъ именно и пришелъ поговорить съ вами. На рѣкѣ нѣтъ ничего интереснаго, и я думаю, что изъ нея совсѣмъ нельзя добыть золота.

— Это плохо, — спокойно замѣтилъ король.

— Но тамъ можно устроить очень интересную вещь, если вамъ будетъ угодно посмотреть. Мнѣ не хочется тратить ваши деньги на работы, разъ я убѣдился, что онѣ бесполезны; но я не знаю, зачѣмъ вамъ беречь весь тотъ порохъ, который вывезенъ на плотину. Его тамъ около 500 пудовъ.

— Я васъ не понимаю, — проговорилъ магараджа, мысли котораго были заняты совсѣмъ другимъ.

— Хотите видѣть самый громадный взрывъ, какой вы когда-нибудь въ жизни видѣли. Хотите слышать, какъ земля дрожить, хотите видѣть, какъ летятъ скалы?

Липо магараджи прояснилось.

— А можно будетъ видѣть это изъ дворца? — спросилъ онъ, — съ крыши дворца?

— Да, конечно. Но всего лучше будетъ видно съ берега рѣки. Я спущу рѣку въ 5 часовъ. Теперь три. Придете вы, сагибъ магараджа?

— Приду. Это будетъ великолѣпная *тамаша*. Пятьсотъ пудовъ пороху! Земля расколется пополамъ.

— Я думаю! А послѣ этого, сагибъ магараджа, я женюсь; а послѣ я уѣду. Придете вы ко мнѣ на свадьбу?

Магараджа застѣнилъ рукой глаза отъ солнца и пристально посмотрѣлъ на Тарвина изъ-подъ своего тюрбана.

— Клянусь Богомъ, сагибъ Тарвинъ, — сказалъ онъ, — вы быстрый человѣкъ. Такъ вы хотите жениться на лѣди докторшѣ и уѣхать? Я приду на свадьбу. И я, и Цертабъ Сингъ.

Невозможно въ точности разсказать жизнь Николая Тарвина въ слѣдующіе два часа. Онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе сдвинуть горы и перемѣстить полюсы земли; подъ нимъ скакалъ сильный конь, а въ сердцѣ его было сознаніе, что онъ потерялъ Наулаку и приобрѣлъ Кэтъ. Когда онъ появился словно метеоръ среди кули на плотинѣ, они поняли, что какое-то слово сказано, и предстоятъ какія-то великія дѣла. Главный надсмотрщикъ обернулся на его громкій зовъ и узналъ, что приказъ на сегодняшній день гласитъ — разрушеніе, единственное, что восточные люди умѣютъ хорошо дѣлать.

Они съ крикомъ и громкимъ воемъ разнесли пороховой сарай, оттащили отъ рѣки телѣги, подъемный кранъ и всѣ свои вещи, затѣмъ, по командѣ того же Тарвина, зарыли боченки съ порохомъ подъ верхнюю часть полуготовой плотины, навалили на нее разныхъ тяжестей и прикрыли ихъ свѣжимъ пескомъ.

Все было сдѣлано наспѣхъ, но, по крайней мѣрѣ, весь порохъ былъ собранъ въ одномъ мѣстѣ и Тарвинъ былъ увѣренъ, что шуму и дыму будетъ вполне достаточно для увеселенія магараджи. Въ пять часовъ онъ явился на мѣсто въ сопровожденіи своей свиты, и Тарвинъ, приказавъ всѣмъ рабочимъ отбѣжать подальше, поджегъ длинную зажигательную нить. Огонь медленно тлѣлъ, распространяясь по верхней части плотины. Вдругъ раздался глухой трескъ, плотина разверзлась и изъ глубины ея поднялся столбъ бѣлаго пламени и облако дыма, смѣшаннаго съ черною земляною пылью. Воды Амета съ яростью устремились въ образовавшееся отверстіе и затѣмъ гнѣвно разлились по своему старому руслу. Дождь падавшихъ камней и обломковъ взрывалъ землю на отмеляхъ и разбрасывалъ воду брызгами.

Прошло нѣсколько минутъ, и только облако дыма да почернѣвшіе края плотины, спускавшейся все ниже по мѣрѣ того, какъ рѣка подтачивала ее, напоминали о производившихся здѣсь работахъ.

— Ну, теперь, сагибъ магараджа, скажите мнѣ пожалуйста, сколько я вамъ долженъ?—спросилъ Тарвинъ, убѣдившись, что ни одинъ изъ самыхъ беспокойныхъ кулей не убитъ.

— Это было очень красиво,—сказалъ магараджа.—Я никогда не видалъ ничего подобнаго. Жаль, что нельзя сдѣлать еще разъ.

— Но сколько же я вамъ долженъ?—повторилъ Тарвинъ.

— За что? Да вѣдь это же были мои рабочіе, имъ ничего не платили, только давали немного рису; большая часть были отпущены изъ тюрьмы. Порохъ взять изъ арсенала. Что за разговоръ о долгахъ! Точно я какой-нибудь *бунниа*, что стану считать, кто мнѣ долженъ. Это была славная штука! Клянусь Богомъ, запруды какъ не бывало!

— Вы можете заставить меня заплатить за все.

— Сагибъ Тарвинъ, если вы проживете годъ или два, вы, можетъ быть, получите счетъ; но если вы что-нибудь заплатите, смотрители за тюрьмами возьмутъ деньги себѣ и я не стану богаче. У васъ работали мои люди, рисъ дешевъ, и они любовались чудесной картиной. Этого вполне довольно. Не хорошо говорить

о платежахъ. Вернемся въ городъ. Клянусь Богомъ, сагибъ Тарвинъ, вы ловкій человекъ. Теперь мнѣ не съ кѣмъ будетъ играть въ паккизи и некому будетъ смѣшить меня. Магараджа Кенваръ будетъ также сильно жалѣть о васъ. Но, конечно, хорошо, когда человекъ женится. Да, это очень хорошо. Зачѣмъ вы уѣзжаете, сагибъ Тарвинъ? Развѣ это распоряженіе правительства?

— Да, американскаго правительства. Оно зоветъ меня, чтобы я помогъ править государствомъ.

— Но вы вѣдь не получали никакой телеграммы, — просто-душно замѣтилъ король.— Впрочемъ, вы такой ловкій.

Тарвинъ весело засмѣялся, вскочилъ на лошадь и ускакалъ, оставивъ короля заинтересованнымъ, но не удивленнымъ. Онъ въ концѣ концовъ привыкъ принимать Тарвина и всѣ его поступки, какъ естественныя явленія природы, не подлежащая человѣческому контролю. Передъ домою мисси Тарвинъ машинально придерживалъ лошадь и бросилъ взглядъ на городъ.

Его вдругъ такъ сильно охватило чувство рѣзкой разницы окружающаго и той жизни, которая предстояла ему въ близкомъ будущемъ, что онъ вздрогнулъ.

— Это все было дурной сонъ, очень дурной сонъ,—пробормоталъ онъ, — и хуже всего то, что въ Топазѣ никто не повѣритъ и половинѣ его.

Глаза его, блуждавшіе по выжженной солнцемъ равнинѣ, заблестали при воспоминаніи о разныхъ сценахъ, пережитыхъ имъ здѣсь. «Тарвинъ, дружище, ты игралъ королевствомъ и въ концѣ концовъ остался ни съ чѣмъ. Цѣлые полгода ты старался добыть вещь и тебѣ не пришло въ голову, что ты не можешь удержатъ ее, когда она будетъ въ твоихъ рукахъ. Это было глупо, очень глупо! Топазъ, мой бѣдный, милый Топазъ!» Снова взглядъ его окинулъ весь краснобурый ландшафтъ, и онъ громко разсмѣялся.

Маленькій городокъ у подножія Высокой Горы за 10.000 миль отъ него, не подозревавшій всѣхъ грандіозныхъ предприятий, которые затѣвались ради него, разсердился бы на этотъ смѣхъ: подъ впечатлѣніемъ событій, взволновавшихъ весь Раторъ, Тарвинъ относился нѣсколько свысока къ этому дѣтищу своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Онъ хлопнулъ себя по ногѣ и повернулъ лошадь на телеграфную станцію. «Желалъ бы я, ради всего святаго, знать, какъ мнѣ уладить дѣло съ м-съ Метри? Если бы я показалъ ей хоть поддѣльную Наулаку со стеклышками вмѣсто камней, у нея и то потекли бы слюнки». Лошадь быстро подвигалась впередъ, и Тарвинъ разрѣшилъ свое недоумѣніе, безопасно махнувъ рукой. «Если я помирился съ неудачей, помирится и она. Надо только приготовить ее телеграммой»

Телеграфный чиновникъ и генералъ-почтмейстеръ королевства до сихъ поръ не можетъ забыть, какъ англичанинъ, который, въ сущности, не англичанинъ и потому вдвойнѣ непонятенъ, взмошелъ въ послѣдній разъ на узкую лѣсенку, сѣлъ на сломанный стулъ и потребовалъ абсолютной тишины; какъ послѣ 15 минутъ мрачнаго раздумья и закручиванья своихъ тонкихъ усовъ, онъ глу-

боко вздохнулъ (такъ обыкновенно вздыхаютъ англичане, если сѣдятъ что-нибудь для себя вредное), отстранилъ чиновника и самъ передалъ телеграмму, дѣйствуя руками твердо и сердито; какъ онъ долго остановился на послѣднемъ ударѣ, приложилъ ухо къ аппарату, точно тотъ могъ отвѣтить ему, и, повернувшись, съ ласковой улыбкой сказалъ:

— Кончево, Бабу, сдѣлайте нужныя отмѣтки,—и убѣждалъ напѣвая воинственную пѣсню своей родины: «Не богатство, не знатность, не почести, а сила воли и успѣхъ дѣлаютъ людей великими».

Телѣга, запряженная волами, скрипѣла и при свѣтѣ вечерней зари двигалась къ желѣзно-дорожной станціи, и низкіе ряды холмовъ Аравулиса рисовались точно темныя облака на бирюзовомъ фонѣ неба. Сзади красная скала Ратора сердито глядѣла на желтый песокъ пустыни, на который темными пятнами ложились тѣни верблюдовъ. Журавли и дикіе гуси собирались стаями и опускались въ камыши на ночлегъ, а сѣрыя обезьяны сидѣли семьями по краямъ дороги, обнимая другъ друга за шею. Вечерняя звѣзда поднялась выше зубчатой верхушки скалы и отраженіе ее безъ помѣхи заблестало въ полузасохшемъ водоемѣ, обложенномъ пожелтѣвшимъ отъ времени мраморомъ и окруженномъ серебристою султаныю травою. Между звѣздой и землею носились тяжелыя летучія мыши съ лисьими головами, и ночные соколы гонялись за легкокрылыми бабочками. Буйволы поднялись изъ своихъ ямъ, а стада располагались на ночь. Изъ крестьянскихъ хижинъ слышалось пѣніе, въ домахъ, раскиданныхъ по холмамъ, зажглись огни. Волы мычали, когда возница дергалъ ихъ за хвосты, а высокая трава по краямъ дороги шуршала точно морская волна, разбивающаяся о берегъ.

Почуствовавъ свѣжесть ночного воздуха, Кэтъ pokrѣпче закуталась въ свой шерстяной плащъ. Тарвинъ сидѣлъ на задкѣ телѣги, свѣсивъ ноги и не спуская глазъ съ Ратора, пока городъ не скрылся за поворотомъ дороги. Сознаніе своего поражения, разочарованіе, упреки слишкомъ чуткой совѣсти,—все это могло ждать Кэтъ въ будущемъ. Но въ эти часы, спокойно сидя на подушкахъ, она ощущала лишь чисто женское удовольствіе отъ сознанія, что около нея есть мужчина, который все для нея устроитъ, причѣмъ она еще не перестала интересоваться и тѣмъ, какъ онъ будетъ устраивать.

Нѣсколько разъ повторенныя, нѣжныя прощанья съ дворянскими женщинами, необыкновенно быстрое вѣнчаніе, при которомъ Никъ не игралъ пассивной роли, какъ обыкновенные женихи, а напротивъ, всѣмъ распоряжался и всѣхъ увлекъ своею неудержимою живостью—все это утомило ее. Тоска по родинѣ, желаніе быть дома—она прочла такую же тоску, такое же желаніе въ глазахъ м-съ Эстесъ часть тому назадъ—охватили ее, и ея попытка самостоятельной жизни среди мірскихъ золъ начала казаться ей какимъ-то сномъ, но...

— Никъ,—тихонько позвала она.

— Что надо, моя маленькая жена?

— Ахъ, ничего; я думала... Никъ, что вы сдѣлали для магараджи Кенвара?

— Онъ устроенъ, я увѣренъ, отлично. Не заботьтесь объ этомъ. Я объяснилъ нѣкоторыя обстоятельства полковнику Нолану, и онъ обѣщаль, что пригласитъ мальчика пожить у себя до поступления въ школу.

— Бѣдная мать его! Если бы я только могла...

— Но вы ничего не могли. О, смотрите скорѣе, Кэтъ! Вонъ оно! послѣдній взглядъ на Раторъ.

Рядъ разноцвѣтныхъ огней, освѣщавшихъ всячіе сады дворца, былъ скрытъ за уступомъ темной скалы, и теперь выступилъ изъ за него. Тарвинъ вскочилъ на ноги въ тѣлѣгѣ и низко поклонился по восточному обычаю.

Огни исчезли одинъ за другимъ такъ же, какъ исчезли великолѣпные камни ожерелья въ коробкѣ изъ подъ кабульскаго винограда; свѣтилось одно только окно на крайнемъ бастионѣ, красною, далекою звѣздой, точно блестящій черный алмазь. Наконецъ и оно погасло, мягкая ночная тѣнь поднималась съ земли, постепенно окутывая своимъ темнымъ покровомъ мужчину и женщину.

— Въ концѣ концовъ,—проговорилъ Тарвинъ, обращаясь къ небу, на которомъ зажглись безчисленныя звѣзды,—это былъ, несомнѣнно, кривой путь.

К о н е ц ъ .

КОГО ЛИШИЛИСЬ МЫ ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ?

(Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій † 21 декабря 1870 г. *).

Школа должна зажечь въ юношѣ жажду серьезнаго труда, безъ которой жизнь его не можетъ быть ни достойною, ни счастливою. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обеспечена.

Ушинскій.

Чѣмъ болѣе будетъ развиваться наша педагогическая литература и чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться наша школа, тѣмъ должно болѣе расти и значеніе К. Д. Ушинскаго, вдохнувшего идею въ русское воспитаніе и указавшаго ему путь къ безконечному развитію на тѣхъ же физико-психологическихъ или, вѣрнѣе, антропологическихъ началахъ, на которыхъ оно уже установлено у образованнѣйшихъ народовъ.

Стоюничъ.

21-го декабря этого, 1895 г., исполняется четверть вѣка съ того дня, когда въ Одессѣ, проѣздомъ въ Крымъ, тихо скончался, всего на 47 году неутомимо трудовой жизни, первый у насъ, послѣ Н. И. Новикова и Н. И. Пирогова, дѣйствительно *всемирный* и *единственный* по идейности и громадному успѣху при жизни русскій педагогъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Ревностный поборникъ идеи широкаго гуманнаго просвѣщенія, низшаго, средняго и высшаго, на началахъ гуманности и народности въ литературѣ; горячій и краснорѣчивый проводникъ этой идеи въ Педагогическомъ собраніи, существовавшемъ въ Петербургѣ при 2-й гимназіи; реформаторъ нашего женскаго образованія въ институтахъ; незабвенный создатель «Дѣтскаго Мира» и «Роднаго Слова», достигшаго безпримѣрнаго распространенія для книги у насъ—сотатаго изданія, творецъ первой и единственной у насъ «Педа-

*) Для знакомства съ Ушинскимъ см.: 1) «Русскіе педагогическіе дѣятели», Виктора Острогорскаго и Д. Д. Семенова. Изд. учеб. маг. «Начальная Школа» Е. Н. Тихомировой. М. 1887. Ц. 75 коп. 2) «Жизнь замѣчательныхъ людей». Биографич. библіотека Ф. Павленкова. К. Д. Ушинскій, его жизнь и педагогическая дѣятельность. М. Л. Песковскаго. Спб. 1892. Ц. 25 коп.

гогической антропологии» (Человѣкъ какъ предметъ воспитанія); стоявшій крѣпко за разумно устроенныя семинаріи, проводившій въ наше общество здравыхъ педагогическихъ идей путемъ журнальнымъ—этотъ человѣкъ вполне заслуживаетъ величайшей признательности всего русскаго общества и народа, всей націи, которая никогда не забудетъ этого святаго имени великаго своего учителя. Выступивъ на литературно-педагогическое поприще въ 1855 г., непосредственно за Н. И. Пироговымъ, Ушинскій явился какъ нельзя болѣе въ-время, въ ту именно великую эпоху освобожденія отъ крѣпостной зависимости, когда вопросъ о просвѣщеніи сталъ ребромъ, требуя немедленнаго и широкаго разрѣшенія. «Теперь именно,—писалъ онъ, этотъ энтузіастъ и идеалистъ просвѣщенія въ 1862 г. изъ Швейцаріи,—настаетъ пора, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные, — и много, много школъ нужно! Иначе—и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ той пользы, какую могли-бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу, дайте Россіи, и когда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу, васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ. Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ!»

Такъ думалъ, такъ вѣрилъ идеалистъ, и не только думалъ и вѣрилъ, но и цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ своей педагогической и литературной дѣятельности трудился съ рѣдкимъ по широтѣ и глубинѣ образованіемъ, энергіей и талантомъ на пользу этой русской школы, справедливо полагая въ ея основу—языкъ родной, для обученія которому и до сихъ поръ его «Родное Слово» остается первымъ и самостоятельнымъ. Профессорская дѣятельность его въ Ярославскомъ лицѣѣ и въ качествѣ инспектора Смольнаго института, гдѣ такъ много сдѣлано имъ для русскаго женскаго образованія, продолжалась недолго, и онъ долженъ былъ посвятить себя только литературѣ. Но то, что имъ написано, даже далеко не полное изданіе его сочиненій, заключаетъ въ себѣ такіе вопросы, не только поставленные, но и разрѣшенные, такіа богатства просвѣтительной мысли, что и теперь, черезъ четверть вѣка послѣ его смерти, ими, и почти только ими, пользуются, какъ педагогическимъ евангеліемъ, всѣ тѣ русскіе люди, которымъ дорого отечественное просвѣщеніе. Онъ требовалъ отъ учителя серьезнаго образованія общаго, и для этого указывалъ на необходимость учрежденія при университетахъ особыхъ педагогическихъ кафедръ, и даже антропологическо-педагогическихъ факультетовъ; горячо доказывалъ важность широкаго распространенія учительскихъ семинарій, откуда учитель выходилъ бы образованнымъ человѣкомъ, съ сознаниемъ высоты своего призванія. Все русское общество звалъ онъ къ *труду* сознательному, поднимающему душу,—къ труду, дающему человѣку благородную цѣль жизни и самоудовлетвореніе.

Такимъ-то образомъ, четверть вѣка назадъ лишились мы того, кто поставилъ и въ значительной степени разрѣшилъ намъ величайшіе и самыя важныя для насъ вопросы просвѣщенія, лишились того, чьи благотворныя и благородныя идеи и по сейчасъ могутъ освѣтить намъ жизнь и осмыслить наше существованіе, только бы обратились мы серьезно къ этимъ «забытымъ словамъ», обратились всѣ: и профессора съ учителями до народнаго исключительно, и эта славная, любящая, чуткая на добро

русская женщина, для которой покойный такъ много сдѣлалъ, и всякій русскій, у котораго не перестало биться сердце любовью къ родинѣ.

Что же былъ за человѣкъ, чью славную память хотимъ мы возстановить передъ читателемъ?

Это была натура рѣдка по широтѣ, глубинѣ и дальновидности ума, одаренная отъ природы чуткимъ чувствомъ и огромною настойчивостью въ преслѣдованіи опредѣленной разъ намѣченной цѣли,—натура дѣловитаго холерика, призванная къ проложенію новыхъ путей къ истинѣ, къ организаторству, къ буженію общества своимъ энергичнымъ словомъ и дѣломъ. Такія цѣльныя, опредѣленные здоровыя дѣловыя натуры появляются у насъ рѣдко, и чаще всего обращаются въ эгоистическихъ дѣловиковъ и эксплуататоровъ, такъ какъ условія воспитанія, образованія и окружающей среды рѣдко складываются для нихъ благопріятно.

Но счастливая натура Ушинскаго нашла для своего образованія и направленія—и условія особенно счастливыя. Образованные, хорошіе люди его родители, благотворное вліяніе матери, прекрасное семейное воспитаніе на почвѣ добрыхъ примѣровъ семьи и знакомыхъ, малороссійская природа Черниговской губерніи, раннее знакомство съ деревней, съ народомъ— вотъ элементы воспитанія, которые еще въ дѣтствѣ заложили въ этой натурѣ благородно-эстетическое настроеніе, такъ ярко отличавшее Ушинскаго до послѣднихъ минутъ его жизни.

Одиннадцати лѣтъ онъ лишается матери и поступаетъ въ Новгородско-Сѣверскую гимназію. На почвѣ семейной начинается воспитаніе общественное. Здѣсь опять улыбается мальчику судьба. Гимназія оказывается образцовой. Во главѣ ея стоитъ директоръ—одинъ изъ образованнѣйшихъ педагоговъ—друзей юношества, старый профессоръ И. Ѡ. Тимковскій, страстно любящій науку, съ юношескими стремленіями соединяющій въ себѣ глубокія религіозныя убѣжденія. Библія, Цицеронъ, Горацій, Виргилій, Тацитъ вселяютъ въ юношахъ уваженіе и стремленіе къ истинѣ, къ знанію... Педагогъ-директоръ становится идеаломъ будущаго педагога-юноши... Духъ разумной свободы и тѣснаго товарищества, прогулки и чтенія, соревнованіе въ приобрѣтеніи знаній дѣлаютъ юношамъ жизнь пріятной и осмысленной. Демократическій духъ всеословности, бѣдность многихъ товарищей зароняетъ въ воспримчиваго юношу мысль объ общенародной школѣ. Знаніе нѣмецкаго языка знакомитъ его съ Шиллеромъ... Словомъ, все—и директоръ, и учителя, и товарищи, и весь строй жизни способствуютъ выработкѣ идеала всеословнаго, народнаго средняго учебнаго заведенія на твердой почвѣ науки, въ духѣ широкой гуманности, общественности, живой религіозности и патриотизма, въ смыслѣ страстнаго желанія отдать всего себя на служеніе увеличенію матеріальнаго и нравственнаго состоянія своей возлюбленной родины.

Московскій университетъ довершаетъ формальное образованіе и воспитаніе. Блестящій періодъ этого университета (1840—1844 гг.) подъ управленіемъ попечителя гр. С. Г. Строганова, довоспитываетъ молодого человѣка при могущественномъ вліяніи такихъ личностей, какъ профессора Грановскій, Рѣдкинъ, Чивилевъ, Крыловъ. Московская молодежь начала сороковыхъ годовъ увлекается философій, исторіей, науками политическими и общественными, упражняетъ свою рѣчь свободными товарищескими дебатами о вопросахъ науки, этики, искусства, общественного воспитанія... Въ числѣ вопросовъ передовыхъ выдвигается вопросъ о крѣ-

постномъ правѣ, неразрывно связанный съ просвѣщеніемъ темной массы. Идеалы литератора, профессора, учителя, педагога всюду, на всѣхъ поприщахъ общественнаго служенія, чтобы, по примѣру перваго нашего просвѣтителя Петра Великаго, внести въ темную массу свѣтъ истины и благой примѣръ собственной честной дѣятельности,—вотъ что манить эту молодежь въ даль заманчиваго будущаго, на борьбу съ мракомъ невѣжества и застоя...

Такимъ образомъ, и изъ университета, какъ и изъ гимназій, выносятся Ушинскій въ лицѣ своихъ наставниковъ тотъ же идеалъ гуманнаго педагога, и этотъ идеалъ, основанный на широкой образованности, отнынѣ, до самой его смерти, будетъ «*святая святыхъ*» всей его дѣятельности.

И Ушинскій черезъ два года по окончаніи курса въ университетѣ, въ 1846 г., становится профессоромъ энциклопедіи законовѣднія, исторіи законодательства и науки о финансахъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицѣ, гдѣ увлекаетъ слушателей своимъ преподаваніемъ.

До 1855 г. Ушинскій, перешедшій на службу въ Петербургъ, долженъ ограничиться только дѣятельностью литературной изъ-за куска хлѣба, и только съ этого времени онъ снова возвращается къ педагогической и состоитъ три года учителемъ словесности и инспекторомъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Здѣсь-то, подъ влияніемъ статей Пирогова и общаго увлеченія педагогическими вопросами, знакомства съ иностранной журнальной педагогической литературой и, наконецъ, открытой имъ въ Гатчинскомъ институтѣ прекрасной педагогической библіотеки бывшаго инспектора института, покойнаго, умершаго въ сумасшедшемъ домѣ, Е. О. Гугеля, и началась для Ушинскаго та серьезная подготовка къ литературно-педагогическо-общественной дѣятельности, которая сдѣлала даже при его жизни столь славнымъ его имя.

1859 годъ особенно знаменателенъ. Въ этотъ годъ онъ становится инспекторомъ Смольнаго института, гдѣ за три года до начала 1862 г. оставилъ по себѣ незабвенную память своею реформаторскою дѣятельностью на пользу женскаго образованія въ Россіи, которая справедливо ставитъ его имя, какъ реформатора нашихъ институтовъ, рядомъ съ именемъ основателя открытыхъ всеобщихъ женскихъ гимназій Н. А. Вышнеградскаго. Насколько великъ былъ авторитетъ Ушинскаго, видно уже изъ того, что онъ лично былъ извѣстенъ Государынѣ Маріи Александровнѣ, которая и поручила ему написать свое мнѣніе о воспитаніи наследника престола. Это мнѣніе было высказано имъ въ четырехъ письмахъ, къ сожалѣнію, ненапечатанныхъ и до сихъ поръ. Этотъ трехлѣтній періодъ инспекторства былъ самымъ блестящимъ періодомъ его организаторско-педагогической дѣятельности, показывающимъ, какъ много добра для своей родины можетъ сдѣлать у насъ даже одинъ благонамѣренный, просвѣщенный и талантливый человѣкъ, если ему будетъ оказано довѣріе и открыта возможность дѣйствовать.

Въ послѣднія восемь лѣтъ его жизни явились и лучшія его статьи, остающіяся и до настоящаго времени полными интереса и значенія, и знаменитое «Родное Слово», выдержавшее до *ста* изданій, и «Педагогическая Антропология» — «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія», и «Собраніе его сочиненій» — словомъ, все то, что, главнымъ образомъ, создало ему вѣчную память.

Русское общество принято укорять въ равнодушїи и неблагодарности современниковъ къ своимъ лучшимъ дѣтелямъ на пользу страны.

По отношенію къ Ушинскому это не совсѣмъ справедливо. Современники поняли и оцѣнили его. Въ послѣднюю, предсмертную, свою поѣздку по Россіи, особенно въ Крыму, Одессѣ, Кіевѣ, онъ самъ могъ убѣдиться, насколько его имя, личность, дѣятельность — знакома, близка, дорога всѣмъ русскимъ людямъ, не только педагогамъ. Всѣ эти встрѣчи, оваціи, рѣчи, проводы должны были вдохнуть въ его угасающій организмъ новыя силы... Но смерть не ждала... и его похороны доказали всѣмъ во очію, кого мы лишились четверть вѣка назадъ.

Но почему же теперешнее наше общество, особенно учителя—и народныя, и гимназическія, и профессора—словомъ, даже тѣ, кому, по преимуществу, должно было быть близко имя Ушинскаго, такъ мало говорятъ о немъ, и даже зачастую мало знакомы съ его идеями? Почему и вообще люди мысли, науки, литературы, дѣятельности общественной почти не оставляютъ у насъ послѣ себя наслѣдниковъ? Почему уносятъ съ собою въ могилу, точно заповѣданную, способность продолжать ихъ благое дѣло?

Сложенъ и труденъ на это отвѣтъ. Конечно, главная причина здѣсь общая намъ малая культурность, равнодушїе къ успѣхамъ интеллектуальной мысли и къ просвѣтительному прогрессу нашей родины въ соединенїи съ легкостью впаденїя въ апатїю и потерю бодрости духа, понижающаго не только въ борьбѣ, но и при первой неудачѣ. Но за всѣмъ этимъ, едва ли еще не большая причина такого печальнаго явленїя заключается въ недостаткѣ въ насъ *общественности, публичности*. Всякому выдающемуся дѣятелю приходится употреблять у насъ неимоверныя усилїя тратить цѣлую массу силъ, въ одиночку, чтобы разбудить сонное общество, лишенное всякой инициативы, чтобы обратитъ на себя даже вниманїе. Всякая дѣятельность практическая, общественная, педагогическая особенно, находитъ у насъ очень мало простору и подвержена случайностямъ, какъ это было съ Ушинскимъ. Довести до конца своего реформаторскаго дѣла онъ не имѣлъ возможности, точно также, какъ и осуществить свою завѣтную мечту объ устройствѣ особыхъ педагогическихъ факультетовъ, или, по крайней мѣрѣ, педагогическо-антропологическихъ кафедръ. Не осуществилась и его благая мысль о широкой постановкѣ учительскихъ семинарій и народной образовательной школы. Такимъ образомъ, пришлось ограничиться одной литературно-педагогической дѣятельностью. Но послѣ смерти Ушинскаго настроенїе общества, крайне неустойчиваго и переменчиваго въ своихъ увлеченїяхъ, измѣнилось, и преемниковъ ему даже и въ литературѣ не нашлось, такъ какъ почти все, о чемъ онъ писалъ, въ жизни не осуществилось и до сихъ поръ. Для того, чтобы дѣятель, въ родѣ Ушинскаго, могъ найти себѣ продолжателей, необходимы были болѣе благоприятныя условїя въ видѣ публичнаго напоминанїя и обсужденїя его идей и въ печати, и въ публичныхъ чтенїяхъ,—словомъ, необходимо какъ можно чаще говорить о немъ. Но говорить, обсуждать идеи, хотя бы самыя и благотворныя и отвлеченныя, у насъ, особенно въ провинціи, гдѣ нѣтъ ни интеллигентныхъ клубовъ, ни обществъ, ни собраній, негдѣ,—и вотъ, очень естественно, при общей умственной спячкѣ, такъ быстро смѣняющей у насъ увлеченїя, со смертью одинокаго бойца мысли, весьма скоро наступаетъ сначала охлажденїе къ нему, потомъ равнодушїе, а тамъ и забвенїе, пока черезъ много лѣтъ, при но-

вомъ пробужденіи общества, не вспомнить кто-нибудь *«забытыхъ словъ»*, которыя давно должны были бы перейти въ дѣло, и вотъ приходится начинать сьизнова.

И такъ во всемъ: и въ литературѣ, и въ критикѣ, и въ педагогіи... «Суждены намъ, по словамъ поэта, благіе порывы, но свершить,—т. е. продолжать преименно, осуществить, закончить—ничего не дано».

Все же виноваты мы передъ памятью Ушинскаго не мало, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что бы, кажется, вполне зависѣло отъ насъ. Мы даже черезъ четверть вѣка не имѣемъ не только полной біографіи этого чело-вѣка, но даже матеріаловъ для нея въ формѣ бумагъ и писемъ.

Нельзя не пожалѣть также и о томъ, что даже этотъ единственный томъ его сочиненій мало доступенъ скромнымъ учителямъ нашихъ народ-ныхъ школъ, въ которыя онъ внесъ бы столько свѣта. Покойный своими книгами далъ цѣлое состояніе, и что стоило бы пустить этотъ томъ не дорожке какого-нибудь полтинника, а то и дешевле, чтобы, не имѣя въ виду барышей, ознаменовать двадцатипятилѣтіе смерти доставленіемъ возмож-ности близко ознакомиться съ Ушинскимъ, цѣлой массѣ русскаго люда.

Это уже, конечно, дѣло наслѣдниковъ, котораго, по закону о лите-ратурной собственности, никто на себя взять не можетъ.

Но, какъ бы то ни было, исполняющаяся четверть вѣка съ кончины Ушинскаго должна настоятельно напомнить всему русскому обществу объ этой безпримѣрной личности отца русской педагогіи на началахъ антро-пологическихъ и гуманныхъ и о его забытыхъ словахъ «о школѣ на-родной» ежедневной и воскресной, о воспитаніи русской женщины, о личности ребенка и, первѣе всего, объ образованіи учителя, образованіи *широкомъ* и *философскомъ*, безъ котораго *онъ только шумлейстеръ*, безъ особаго труда осиливающей нехитрую дрессировочную науку обученія грамотѣ, или того или другого предмета. Приближающійся день 21 де-кабря 1895 г. долженъ вызвать благодарное воспоминаніе о томъ чело-вѣкѣ, который поставилъ наше школьное дѣло на почву науки и вели-чайшаго, общественно-государственнаго интереса.

Викторъ Острогорскій.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА У НОВѢЙШИХЪ ИСТОРИКОВЪ.

Нѣсколько времени тому назадъ мы дали отчетъ о книгѣ Шахова *Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX-го вѣка*. Къ истинному нашему удовольствію, предъ нами еще два сочиненія на русскомъ языкѣ, посвященныя тому же предмету. Авторы—датчанинъ Брандесъ *) и французъ Пелиссеъ **)—оба талантливые писатели, оба извѣстны русской публикѣ, одинъ изъ нихъ даже популярнѣе. Вопросы ихъ книгъ въ высшей степени значительны и необычайно сложны. Сама область этихъ вопросовъ еще менѣе всего *исторична*, т. е. тѣснѣйшимъ образомъ связана съ современными живыми идеями, нашими насущными стремленіями и невольными пристрастіями. Въ такихъ случаяхъ первая необходимость—опредѣлить *точки зрѣнія* на слишкомъ жгучій предметъ, заранѣе выяснить основныя силы новой европейской литературы и установить принципы историческаго изслѣдованія. Мы и попытаемся сдѣлать это въ возможно сжатой формѣ. Въ результатъ, интересующія насъ работы получаютъ одно стройное освѣщеніе—со всѣми ихъ достоинствами и недостатками.

I.

Въ литературѣ и въ обществѣ на каждомъ шагу употребляются такія, напримѣръ, выраженія: эпоха возрожденія, классическій вѣкъ, эпоха философіи. И всякому совершенно понятно, что хотятъ этимъ сказать. Важнѣйшія эпохи новой европейской культуры давно и разъ навсегда получили краткія и точныя наименованія. Достаточно произнести одно слово, чтобы вызвать у слушателя рядъ вполне опредѣленныхъ представленій, воспоминаній, сочувствій и непріязней.

И только XIX вѣкъ до сихъ поръ исключеніе. Сколько разъ пытались снабдить его какой-нибудь кличкой,—ни одна не прививалась, и наше столѣтіе такъ и продолжаетъ оставаться безымяннымъ.

*) Г. Брандесъ. «Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ». Пер. съ нѣм. Л. Зауэръ, съ портретами. Ц. 2 р. 1895 г. Изд. Павленкова.

**) Пелиссеъ. «Литературныя движенія въ XIX вѣкѣ». 1895 г. Ц. 2 р.

Причина—очевидна. Мы переживаемъ столь многосложный и многозначительный историческій періодъ, вписываемъ въ книгу судьбы столько разнообразныхъ фактовъ и идей, добродѣтелей и пороковъ, подвиговъ и паденій, что самому искусному систематическому уму не достаетъ силъ обобщить все это въ одномъ при знакъ и понятіи. Предъ нами, если угодно, и эпоха новаго возрожденія, и новаго классицизма, потому что ужъ, конечно, мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ античнымъ искусствомъ и натуральными античными людьми, а не *подданные* Людовика XIV, закутывавшіе въ свою ливрею всѣ вѣка и народы. Потомъ, и философовъ мы видѣли и видимъ несравненно больше и по количеству и по качеству, чѣмъ всякій другой вѣкъ. Наконецъ, у насъ есть много своего собственнаго, раньше невѣдомаго міру,—на нашей сценѣ дѣйствуетъ совершенно особенный общественный и политическій герой, именно нашимъ вѣкомъ и созданный,—*народъ, демократія*. А разсмотрѣть обликъ и внутренній міръ только этого одного дѣйствующаго лица, стоитъ всѣхъ трудовъ и познаній старыхъ историографовъ и поэтовъ.

Эта истина подтверждается ежедневно. Даже больше. Одинъ и тотъ же историкъ и психологъ паритъ настоящимъ орломъ надъ возрожденіемъ, классицизмомъ, и даже философій прошлаго вѣка,—и едва-едва поднимается надъ землей, лишь только ему приходится обозрѣвать наше столѣтіе. У него глаза будто разбѣгаются, съ первой же минуты онъ чувствуетъ беспомощность и близорукость своего зрѣнія, примиряется, повидимому, съ невозможностью одинаково хорошо разсмотрѣть и изучить всѣ видимые предметы, вперяетъ свой взоръ въ одну точку и только изрѣдка улавливаетъ жизнь и движеніе, здѣсь же, со всѣхъ сторонъ мощно врывающіяся въ заколдованный кругъ. И къ сожалѣнію, излюбленная точка и очерченный кругъ весьма рѣдко соотвѣтствуютъ существеннѣйшимъ явленіямъ и руководящимъ силамъ нашего вѣка. Чаше всего, изслѣдователи походятъ на того астронома, который съ театральнымъ биноклемъ вздумалъ бы изучать небесныя свѣтила, или на того генерала, который генеральное сраженіе рѣшилъ бы устроить по образцу обыкновенныхъ маневровъ.

Когда вопросъ идетъ о точныхъ наукахъ, большихъ опасностей историку не предстоитъ, хотя даже и здѣсь плохъ былъ бы историкъ, если бы, напримѣръ, по поводу Кюда Бернара или Дарвина онъ забылъ указать на могущественные отголоски ихъ открытій въ философіи, нравственности и общественной жизни нашихъ современниковъ. Несравненно сложнѣе задача литературнаго историка.

Еще вѣка полтора тому назадъ литература играла роль роскошнаго магазина съ необычайно дорогими гастрономическими товарами. Клиентовъ у подобнаго магазина не могло быть особенно много, да и на самихъ кліентахъ долженъ былъ лежать «особый отпечатокъ». Они считали ниже своего достоинства входить въ препирательства съ продавцомъ, брали товаръ и платили за него деньгами или комплиментами—съ видомъ полупрезрительнаго равнодушія и насмѣшливаго состраданія. Продавецъ, конечно, старался угодить господамъ, но это не причиняло большихъ затрудненій, во-первыхъ, потому, что литературная гастрономія занимала далеко не первое мѣсто въ обиходѣ благородныхъ потребителей, а потомъ и вкусы были поразительно устойчивы и однообразны: въ теченіе десятилѣтій для дѣдовъ и для внуковъ готовились все одни и тѣ же блюда съ нѣкоторыми измѣненіями въ гарнирѣ, т.-е., напримѣръ, раньше Александръ Македонскій щеголялъ въ новомодномъ кафтанѣ, а потомъ смѣнилъ его на отчасти-греческій костюмъ, оставаясь неизмѣнно копіей съ какого-нибудь герцога Решелье.

Приблизился XIX-й вѣкъ, и все это измѣнилось, въ особенности составъ и характеръ потребителей литературныхъ продуктовъ. Читатель сталъ необыкновенно придирчивъ, даже дерзокъ, присвоилъ себѣ право вкривь и вкось оцѣнивать товаръ, мало интересовался красотой и отдѣлкой, требуя добротности и практичности. Литература должна была спуститься съ эфирныхъ высотъ, выйти изъ золотыхъ салоновъ на улицы, заглянуть даже въ подвалы и мастерскія. А сюда не совсѣмъ удобно являться въ роскошныхъ, тонкихъ матеріяхъ,— вмѣсто моднаго платья, граціозной шевелюры и шепелявой болтовни, здѣсь требуются качества другого порядка: умѣнье видѣть, понимать и даже любить неприглядную дѣйствительность, отвага—заявить объ этомъ публикѣ и стать съ ней лицомъ къ лицу, не смотря на ея мало эстетическія и слишкомъ шумныя и капризныя замашки.

Но и на этомъ дѣло не остановилось. Новый читатель—мы говоримъ о Франціи—вырвавшись на волю изъ вѣковыхъ порядковъ, наложилъ свои руки не только на форму и содержаніе литературы,—онъ повлекъ за собой литераторовъ всюду, гдѣ только ему приходилось теперь дѣйствовать: въ избирательное собраніе, въ парламентъ, на стачку рабочихъ, на «биржу труда», въ редакціи газетъ и летучихъ брошюръ. Куда дѣвались сцены добраго стараго времени, когда напудренный поэтъ въ укромномъ кабинетѣ за грудой книгъ взлелѣивалъ въ тиши каждую строчку поэмы въ честь какого-нибудь олимпійскаго или земнаго бо-

жества, потомъ шелъ къ патентованнымъ аристархамъ или къ высокороднымъ меценатамъ и съ трепетной льстивостью представлялъ имъ свое чинное, вылощенное дѣтище. А тѣ прикидывали къ этому дѣтищу строго вымѣренный аршинъ «хорошаго тона» и «правиль», награждали автора восторженными восклицаніями, тонкимъ обѣдомъ, рекомендаціями. Правда, авторамъ одновременно съ этими благами приходилось получать и совершенно особаго рода сюрпризы, въ родѣ оскорбленій словами и даже дѣйствіемъ. Но, во-первыхъ, оскорбители были большею частью потомуки крестоносцевъ, потомъ оскорбленія наносились въ аристократическихъ святилищахъ, недоступныхъ «презрѣнной толпѣ»... Можно было въ виду этого многое простить и ко многому привыкнуть...

Въ общемъ обходилось дѣло полюбовно и необыкновенно комфортабельно. Писателю стоило обзавестись томикомъ сочиненій Буало, заручиться благосклонностью какой-нибудь «ученой женщины»—и карьера была обезпечена.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ все это разлетѣлось въ прахъ. Буало и пружинныя салонныя куклы, съ мушками и ученостью, погибли въ волнахъ страшнаго переворота. Писатели и остро-слова очутились буквально подъ открытымъ небомъ и скорбно бродили по Парижу, оплакивая старыя пепелища *). А здѣсь кругомъ уже шумѣла новая жизнь и новая публика громовыми воплями одобренія или негодованія встрѣчала и провожала всѣхъ, кто вмѣшивался словомъ и мыслью въ бурный потокъ историческаго движенія. Больше не могло быть рѣчи о дамскихъ ласкахъ и милостивыхъ угощеніяхъ. Кто являлъ истинный талантъ и гражданское мужество, того новые читатели возносили на вершину дѣйствительной, общественной и даже политической власти. Ему открывался широкой триумфальный путь къ парламентской трибунѣ, къ министерскому креслу, подчасъ даже къ высшей власти въ государствѣ.

И немедленно послѣ крушенія стараго порядка въ спискахъ государственныхъ дѣятелей мы встрѣчаемъ чуть ли не всѣ великія имена литературы. Съ теченіемъ времени, эти списки все разрастаются, литература выноситъ своихъ знаменитостей все ближе на первый планъ, къ общенациональному влиянію почти, пока, наконецъ, первыми министрами монархіи не являются журналисты, руково-

*) Напримѣръ, Карамзинъ въ *Письмахъ* рассказываетъ о прогулкахъ съ однимъ аббатомъ по парижскимъ улицамъ во время революціи: бесѣды русскаго путешественника съ обломкомъ стараго порядка—превосходно иллюстрируютъ указываемый нами фактъ.

директоромъ революціоннаго правительства—поэтъ, президентомъ республики—бывшій редакторъ газеты. И въ результатѣ—двѣ, когда-то несомнѣстимыя профессіи, историческаго повѣствователя и фактическаго творца исторіи—въ нашъ вѣкъ совпали въ лицѣ значительнѣйшихъ историковъ и даровитѣйшихъ министровъ. Даже больше. Подъ самыми, повидимому, вдохновенными поэтическими страницами и проникновенными меланхолическими элегіями мы встрѣчаемъ самыя блестящія имена дипломатовъ, министровъ, парламентскихъ ораторовъ, начиная съ Шатобріана и кончая Ламартиномъ. И величайшій поэтъ новой Франціи—Викторъ Гюго—одинъ изъ энергичнѣйшихъ политическихъ агитаторовъ.

Ясно, политика ворвалась въ область *всѣхъ* литературныхъ жанровъ, овладѣла исторіей и сообщила весь свой пылъ злободневныхъ волненій лирикѣ и драмѣ. Она—настоящая муза новой поэзіи,—муза, ни единой чертой не напоминающая величавыхъ и беззаботно-прекрасныхъ дочерей стараго Зевса. Нашъ Буало — это длинный рядъ политическихъ установленій, государственныхъ формъ, народныхъ идеаловъ, а литературный трибуналъ—газета, парламентская партія, избирательное собраніе.

Другой вопросъ, выиграло ли отъ этихъ перемѣнъ поэтическое творчество, но фактъ остался неопровержимымъ: современная художественная литература—политика, излагаемая образами и вдохновеннымъ лиризмомъ; современный поэтъ—публицистъ съ совершенно опредѣленной общественной окраской. Вы скажете, существуетъ не мало, такъ-называемыхъ, чистыхъ художниковъ и поэтовъ съ младенчески-неповинными мечтами и звуками. Но, мы дальше увидимъ, даже эта поэзія въ наше время ничто иное, какъ вполне сознательный и преднамѣренный протестъ противъ господствующаго духа литературы. Неудержимыя назойливыя политическія страсти, страстные, часто мучительные вопросы данной минуты, повелительная власть новой исторической силы—все это, будто вихремъ увлекающее современные таланты и честолюбія, должно было вызвать у натуръ робкихъ, аристократически-деликатныхъ и склонныхъ къ самодовлѣющей прекраснодоушной мечтательности, совершенно естественную реакцію, даже своего рода оторопь и ненависть.

Это—психологія немногихъ искреннихъ поэтовъ. Рядомъ съ ними явились декламаторы-забѣяки, чистые художники съ самыми нечистыми умыслами противъ идеи вообще, противъ живого, отзывчиваго чувства сына своего народа и гражданина своей родины. Это—не невольная меланхолическая реакція современной многоразумной дѣйствительности, а самый тенденціозный протестъ про-

тивъ неотразимо развивающейся жизни, противъ всякихъ новыхъ побѣговъ разумныхъ историческихъ силъ.

Рука объ руку тянутся за ними «сухія вѣтви на пняхъ сухихъ», прямые потомки органическаго худосочія и духовныхъ немощей. Но ни физическое вырожденіе, ни нравственное ничтожество не мѣшаютъ развиваться жесточайшему душевному недугу; напротивъ, естественнымъ путемъ обусловливаетъ его. Именно Поприцинь долженъ былъ вообразить себя Фердинандомъ VIII. И вотъ такіе же Поприцины, у которыхъ нѣтъ ни силы, ни воли считаться съ слишкомъ требовательною живою жизнью, принимаются разыгрывать на старые манеры роль лисы, не доставшей винограда. Но жизнь—нѣчто неизмѣримо болѣе могучее, чѣмъ даже тотъ слонъ, который ни на минуту не измѣнилъ своей поступи отъ лая шавки...

Можно бы и дальше продолжить психологію литературы, брезгливо отряхающей прахъ отъ «публицистики» и «политики». Но для насъ пока достаточно видѣть общія основы новѣйшаго свободнаго искусства: онѣ ничто иное, какъ *отрицательные моменты* господствующаго положительнаго направленія или нравственное отшельничество, или замаскированное мракобѣсіе, или недужное оскорбленное самолюбіе. Литературныя явленія, возникшія по любому изъ этихъ мотивовъ, должны быть объясняемы и оцѣниваемы, какъ отраженія центральныхъ фактовъ. Они слѣдующіе: тѣснѣйшая связь литературы XIX вѣка съ общественной и политической исторіей даннаго времени, прямая или косвенная зависимость писателей и ихъ вдохновенія отъ совершенно новой, напимъ вѣкомъ созданной, публики, и, наконецъ, коренная пере мѣна въ самыхъ основахъ художественнаго творчества. Для литературы нѣтъ болѣе исключительныхъ привилегированныхъ героевъ и явленій, подлежащихъ ея вѣдѣнію: жизнь во всѣхъ ея разнообразіяхъ, нація во всемъ ея составѣ—таковы предметы ея искусства. Естественно, писатель долженъ до крайнихъ предѣловъ расширить свои познанія и идеи. Отсюда, сближеніе поэзіи и философіи, беллетристики и науки. Когда-то античный мудрецъ, указывая на исконную непримиримую вражду между поэтами и философами, людьми вдохновенія и политиками, даже не находилъ мѣста для поэтовъ въ настоящемъ идеальномъ государствѣ и предписывалъ просто изгнать ихъ. Если бы въ XIX вѣкѣ послѣдовать этому предписанію, ссылкѣ пришлось бы подвергнуть развѣ только символистовъ и декадентовъ: только они до сихъ поръ ведутъ жестокую брань не только противъ мудрости и политики въ философскомъ смыслѣ слова, а вообще, никакъ не могутъ ужиться съ

*

человѣческимъ здравымъ смысломъ и элементарными требованіями культурнаго гражданскаго общества...

Послѣ всего сказаннаго, намъ очевидны настоятельныя обязанности историка литературы XIX-го вѣка, ясенъ его путь и цѣли, и его точки зрѣнія. Кругозоръ безусловно долженъ быть обширенъ и непремѣнно захватывать двѣ важнѣйшихъ силы современнаго слова—политику и публицистику. Это на сколько вопросъ касается *писателей*. Въ свою очередь, современная *демократическая публика* должна быть подвергнута тщательнѣйшему изученію во всѣ періоды своего развитія. Она на Западѣ въ настоящее время источникъ и основа политическаго и общественнаго вліянія, часто независимая отъ своихъ прямыхъ органовъ, представительнаго собранія и правительства, нерѣдко враждебная имъ. За стѣнами парламента развивается *своя жизнь*, не всегда осуществляемая и подчасъ даже непризнаваемая народными избранниками. А между тѣмъ, шумъ этой жизни изо дня въ день проносится по всей періодической печати, по пути захватываетъ всѣ ея отдѣлы, начиная съ хроники и кончая романомъ. Писатели являются первыми глашатаями назрѣвающихъ народныхъ нуждъ. Диккенсъ предшествуетъ школьной и тюремной реформѣ, Жоржъ Зандъ рисуетъ самыя отдаленныя перспективы народнаго благополучія. Историкъ долженъ спуститься въ самыя вѣдра той почвы, гдѣ возникаютъ молодые побѣги художественнаго творчества, и изслѣдовать тѣ плоды, откуда жизненные соки распространяются по всему многовѣтвистому дереву поэзіи. Тогда только мы поймемъ всю прелесть и все значеніе его плодовъ.

Теперь обратимся къ нашимъ авторамъ.

II.

Брандесъ—бывшій профессоръ копенгагенскаго университета, Целиссье—преподаватель гимназіи. Эти данныя для насъ важны, потому что преподавательская дѣятельность налагаетъ свою особенную печать на писателя, и въ особенности аудиторія, съ которою онъ имѣетъ дѣло. Брандесъ въ этомъ отношеніи занималъ въ высшей степени выгодное положеніе.

Его слушатели представляли въ полномъ смыслѣ дѣвственную почву. Впечатлительность, отсутствіе богатаго культурнаго наслѣдства, молодой довѣрчивый идеализмъ—всѣ свойства, крайне облегчающія задачи лектора по части и научныхъ знаній, и общихъ идей. Многочисленные факты анекдотическаго характера, утомительные и любопытные для болѣе свѣдущихъ и скептиче-

скихъ слушателей, здѣсь кажутся необыкновенно занимательными и остроумными. Широкіе взгляды, для опытнаго культурнаго поколѣнія слишкомъ рискованные или просто банальныя,—здѣсь играютъ роль откровений. Наконецъ, эта жажда необыкновеннаго, героическаго, блестящаго, жажда, похожая на влюбленную мечтательность и поэтическое ясновидѣніе, даютъ лектору множество въ высшей степени благодарныхъ темъ — для художественныхъ характеристикъ, драматическихъ повѣствованій, личныхъ импровизацій.

Вниманіе и восторги покупаются здѣсь хотя и благородными, но далеко не дорогими средствами и безъ особенныхъ усилій строгой, вдумчивой мысли.

Мы это видимъ на каждой страницѣ нашей книги.

Первый томъ носить заглавіе: *литература эмигрантовъ*. Что вы видите изумительнаго въ этомъ выраженіи? Можно ли автору претендовать на исключительную изобрѣтательность, если ему пришло на умъ опредѣленіе, столь же старое, какъ и самый предметъ?

Оказывается, можно. Брандесъ находитъ свой терминъ *наилучшимъ*, какой только можно подѣискать, и говоритъ прямо: «Я пытаюсь ввести» это названіе... Врядъ ли предъ другой аудиторіей, кромѣ копенгагенской, можно открывать такъ смѣло и такія Америки.

Но это бы еще ничего. Бѣда, что Америка чрезъ нѣсколько страницъ превращается въ совершенно другую часть свѣта. Сначала намъ эмигрантами называютъ Констана, г-жу Сталь, т.-е. талантливѣйшихъ представителей *либерализма* въ эпоху революціи и имперіи (стр. 6), а потомъ перечисляются дѣйствительные эмигранты, т.-е. проповѣдники реакціи и самаго жестокаго мракобѣсія, Жозефъ де-Местръ, Бональди (стр. 199—200). Между той и другой группой нѣтъ рѣшительно ничего общаго, это—два полюса, и зачѣмъ Брандесу понадобилось давно установленный терминъ (между прочимъ, г-жей Сталь) переносить съ однихъ писателей на другихъ? Тѣмъ болѣе, что и операція эта не соотвѣтствуетъ самой сущности дѣла: Констанъ и г-жа Сталь были *не эмигрантами*, а *измѣнниками*: такъ и выражается о себѣ знаменитая жертва наполеоновскаго самовластия. А эмигранты—люди, добровольно покинувшіе отечество, своего рода дезертиры, фанатики старой дореволюціонной Франціи. Но г. Брандесу надо сдѣлать открытіе и онъ пишетъ: «Подъ именемъ литературы эмигрантовъ я разумѣю лишь болѣе здоровыя литературныя произведенія, въ которыхъ реакція не превратилась еще въ слѣпое подчиненіе передъ авторитетами»...

Что́ это значить? Гдѣ г. Брандесъ прочелъ у г-жи Сталь, по его словамъ, *эмигрантки*, мысли *болѣе* или *менѣе* реакціонныя? Съ другой стороны,—въ какомъ сочиненіи Де-Местра датскій критикъ открылъ «болѣе здоровую» «реакцію», чѣмъ «слѣбое подчиненіе передъ авторитетами»? Не проще ли было—не пускаться въ открытія и называть эмигрантами тѣхъ, кого такъ называли еще въ эпоху революціи, потому что *эмиграцію* вызвала революція, а не имперія, весьма благосклонная къ дѣйствительнымъ эмигрантамъ, возвращавшая ихъ подъ свой кровъ и пользовавшаяся ихъ услугами.

Можно подумать, мы споримъ о словахъ. Отнюдь нѣтъ. Слѣшавъ вмѣстѣ Шатобріана и г-жу Сталь, какъ эмигрантовъ и враговъ старой классической литературы, г. Брандесъ принесъ въ жертву своему открытію глубочайшія нравственныя, культурныя и общественныя противорѣчія между обоими писателями. Эмиграція — *фактъ политическій*, а г. Брандесъ считаетъ его главой изъ французской эстетики и прямо заявляетъ, что «литература изъ эмигрантовъ» ничто иное, какъ реакція противъ «литературы, связанной правилами» (стр. 200). Въ результатѣ, мы очень подробно узнаемъ о романахъ г-жи Сталь и ничего объ ея *Разсужденіяхъ о революціи*, на десяткахъ страницъ излагаются шатобріановскія поэмы и лишь едва затрагивается его нравственный и политическій характеръ. Очень, конечно, пріятно молодымъ людямъ слушать и читать о такихъ блестящихъ демонахъ разочарованія, каковъ Ренэ, но даже и молодымъ людямъ не мѣшало бы знать истинную психологію и дѣйствительную практику этого демонизма.

Трудно даже представить, съ какой искренностью и чистуюношеской довѣрчивостью г. Брандесъ пересказываетъ подвиги и въ особенности изліянія реального и беллетристическаго Ренэ: извѣстно вѣдь, что Шатобріанъ снабдилъ своего героя даже своимъ именемъ. О Шатобріанѣ мы читаемъ, что онъ былъ «другомъ республиканской оппозиціи» (стр. 6), а раньше обладалъ удивительной «душой клерикала», когда описывалъ путешествіе въ Іерусалимъ (стр. 305); за Шатобріаномъ признается лишь «извѣстная доля аффектаціи» (стр. 13), пишется даже такая фраза: «Шатобріанъ нигдѣ прямо не лицемеритъ, а всюду обманываетъ себя» (стр. 317); реакціонный азартъ его оправдывается эпохой: въ родѣ того, что «среда заѣла» (стр. 317); наконецъ, романъ шестидесятилѣтняго генія съ двадцатилѣтней психопаткой признается «весьма трогательнымъ», въ особенности потому, что старецъ плакалъ горькими слезами надъ самыми дурными стра-

ницами своихъ поэмъ, когда ихъ читала возлюбленная за бутылкой шампанскаго (стр. 318).

То же самое елейное чувство и къ Ренэ. Г. Брандесъ, вѣроятно, сознаеть, какъ мало этотъ пустозвонный французскій демонъ похожъ на героевъ Байрона, потому что тенденціей шатобриановскаго романа считаетъ защиту католическихъ монастырей, единственно надежныхъ убѣжищъ отъ заблужденій (стр. 43). И все-таки предъ нами вполне безнаказанно ломается великій фразёръ, ни на одну минуту автору не приходитъ мысль, хотя бы немного приподнять жестокую маску и заглянуть въ настоящее лицо необыкновеннаго созданія... Такъ мы и должны остаться при убѣжденіи, что Шатобрианъ большой *человѣкъ* и гениальный *писатель*, а его герой—нестерпимо трагическая фигура.

И, если угодно, на юношескій, отуманенный взглядъ это справедливо. *Спектакли* Шатобриана въ теченіи всей жизни давалъ, дѣйствительно, изумительные. Не даромъ въ 60 лѣтъ онъ имѣлъ возможность плакать наединѣ съ женщиной втрое его моложе, даже больше: въ салонахъ горѣлъ неугасимый огонь его культа, Ренэ оказывали чуть ли не божескія почести. Только любопытна одна черта въ этихъ почестяхъ. Ее отмѣчаетъ очевидецъ, вполне благосклонно расположенный къ предмету обожанія. Шатобриана позволялось восторженно созерцать, когда онъ сидѣлъ въ креслѣ, будто на тронѣ, среди фей Сень-Жерменскаго предмѣстья. Но гений былъ уже дряхлѣ и слабъ на ноги. Его съ большимъ трудомъ вводили и сводили по лѣстницамъ, и вотъ въ эти-то моменты считалось великимъ преступленіемъ *узнать* поэта... Всѣ его поклонники должны были проходить мимо съ видомъ равнодушія, потому что не могъ же столь великій человѣкъ быть больнымъ, жалкимъ старикомъ.

Этотъ мелкій фактъ — специфическая черта шатобриановскаго величія. Комедіантомъ жилъ человѣкъ, комедіантомъ и умеръ, ни на одну минуту не отходя отъ зеркала.

Г-нъ Брандесъ находитъ возможнымъ серьезно говорить о политическихъ убѣжденіяхъ Шатобриана, и это только потому, что критикъ крайне небрежно относится къ политическому вопросу и по поводу Шатобриана, и вообще во всемъ своемъ сочиненіи. Г-ну Брандесу не можетъ быть неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвели даже на французскую публику *Замошляная записки* автора Ренэ. Публика въ первый разъ увидѣла закулисныя области многолѣтняго феерическаго зрѣлища и почувствовала дрожь отвращенія, въ лучшихъ случаяхъ — жалости, къ ритору, умѣвшему на ловкихъ фразахъ и картинныхъ позахъ совершать триумфальное шествіе въ теченіи полувѣка.

Публика увидѣла еще больше, — какой малой дозой *ума* и *здоровомыслия* обладалъ идолъ парижскихъ салоновъ, сколько дѣтскаго тщеславія и первобытнаго эгоизма скрывалось за *всѣмъ* личнымъ и общественнымъ поступкомъ Шатобріана.

Французовъ, какъ извѣстно, необыкновенно легко очаровать эффектомъ стиля и жеста, но они были поражены откровеніями «великаго» челоуѣка, въ особенности его не то фатовскими, не то ребяческими претензіями.

«Роковой шагъ отъ великаго до смѣшнаго» — такова судьба Шатобріана послѣ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ удержаться отъ искреннѣйшаго смѣха, видя страшныя усилія рыцаря парижскаго бомонда, во что бы то ни стало, найти черты сходства въ своей біографіи и личности съ судьбой и характеромъ Наполеона? Было бы слишкомъ долго разбирать этотъ безпримѣрно забавный фарсъ: мы укажемъ всего нѣсколько первыхъ попавшихся страницъ. Прежде всего, Шатобріанъ родился на 20 дней позже Бонапарта ¹⁾. Потомъ, въ 1792 году, 20-го іюня, онъ «былъ очень недалеко отъ Бонапарта» — тотъ въ Парижѣ, а его двойникъ — въ Монморанси ²⁾ и, что еще важнѣе, Наполеонъ жилъ въ той же улицѣ, гдѣ когда-то останавливался его соперникъ, позже Наполеонъ, проѣзжалъ на Востокъ по тѣмъ же дорогамъ, какъ и Шатобріанъ ³⁾... И такъ далѣе, безъ конца, вплоть до сходства въ стилѣ. Не правда ли, весьма убѣдительныя основанія — разыгрывать роль контръ-цезаря?

Для Шатобріана они безусловно убѣдительны, и онъ прямо называетъ себя Наполеономъ отъ литературы, сгавитъ себя выше всѣхъ современныхъ королей — данниковъ Бонапарта, и послѣ смерти изгнанника на островѣ св. Елены онъ пишетъ главу: *Мои послѣднія сношенія съ Наполеономъ* ⁴⁾. Оказывалось, Наполеонъ «не заключивъ мира съ королями, своими тюремщиками, заключилъ его со мной», съ авторомъ Ренэ, т.-е. сказалъ по его адресу нѣсколько комплиментовъ.

Намъ кажется, достаточно этихъ чертъ, чтобы судить о шатобріановскомъ геніи и тактѣ. Мы даже можемъ и не настаивать на знаменитомъ доводѣ Шатобріана, почему онъ былъ слѣвнѣе всѣхъ королей: ни болѣе, ни менѣе, какъ потому, что его лицо было сожжено солнцемъ, и онъ предоставлялъ себя (*m'étais livré*) «гнѣву небесъ», — на обыкновенномъ языкѣ это означаетъ: Шато-

¹⁾ *Mémoires d'outre-tombe*. I, 22.

²⁾ *Иб.* III, 118.

³⁾ *Иб.* 129, 190—1.

⁴⁾ *Иб.* V, 84—5.

бріанъ путешествовалъ на Востокъ въ жаркіе дни и видѣлъ молнію во время грозы...

Вполнѣ естественно, когда вышли *Записки* и французская публика успѣла отрезвѣть отъ лжи и самодовольства маленькихъ и большихъ бонапартовъ, участь Шатобріана была рѣшена. Вотъ совершенно справедливый отзывъ о немъ, какъ писателѣ и человѣкѣ, справедливый именно потому, что онъ ни въ одномъ словѣ не согласуется съ лиризмомъ г. Брандеса.

«Обстоятельства слишкомъ благоприятствовали Шатобріану. Они подарили его ролью, до которой онъ не доросъ... Его жизнь, его дѣятельность, его книги были эпизодами, а не прочнымъ дѣломъ, отъ всего этого остается лишь одно воспоминаніе». Начавъ съ посвященія своей первой политической книги *О революціяхъ—всѣмъ партіямъ*, Шатобріанъ всю жизнь метался безъ руля и безъ вѣтриль, приставалъ и къ консульству, и къ реставраціи, и къ либерализму. Все зависѣло отъ вопроса, въ какомъ лагерѣ въ данное время расположены воскурить фиміамъ предъ оригинальнымъ «Наполеономъ пера». Получается не политическій дѣятель, а афферистъ своего тщеславія, и тотъ либерализмъ, за который г. Брандесъ восхваляетъ Шатобріана, былъ ничѣмъ другимъ, какъ *личной мстью* министерству реставраціи, принужденному дать отставку слишкомъ своевольному и фантастическому великому человѣку. Шатобріанъ одинаково презиралъ и легитимную монархію, и демократію, осѣдывалъ ихъ только по временамъ, ради шума и удовольствія.

Единственная прочная основа шатобріановской дѣятельности—интриги съ женщинами. Ради ихъ онъ превращается въ дипломата: итальянскій климатъ необходимъ одной красавицѣ; ѣдетъ въ Іерусалимъ: другая красавица, накануне полнаго своего сумасшествія, обѣщала Шатобріану свою любовь за этотъ подвигъ. Это по истинѣ воплощеніе принципа — *ni foi, ni loi, ni Dieu, ni maître*, если только второе выраженіе не читать такъ: *déeses et maîtresses*...

Таковъ *человѣкъ*. Отсюда уже ясенъ и писатель. «Цѣль Шатобріана—фраза», говоритъ французскій критикъ. «Онъ только—великолѣпный *дѣлатель фразъ*», un magnifique faiseur de phrase. Цѣлыя страницы Шатобріана можно цитировать, какъ образцы внутренней безсодержательности, «дѣтскости и нелѣпости» (enfantillage et absurdité). Это говоритъ французъ, и, по нашему мнѣнію, еще очень скромно. Такіе перлы, какъ разсужденія о дѣвственности, о тайнствахъ рая, о крокодиловыхъ яйцахъ въ пресловутомъ *Геніи христіанства* или въ *Мученикахъ*, останутся навсегда бле-

стящими образцами единственного въ своемъ родѣ жанра, гдѣ неизвѣстно чего больше—сознательнаго шутовства и тартюфства или простого неразумія. Шатобріану суждено было довести до крайнихъ предѣловъ специально-французскія наклонности къ напыщенному благѣрству и театральному фигурантству. Къ счастью, даже соотечественники поэта начинаютъ понимать сущность этихъ доблестей, и мужественно отрицають у Шатобріана право даже считаться писателемъ: «онъ не создалъ книги, онъ не оставилъ памятника. онъ производилъ этюды... Манера Шатобріана носить отпечатокъ литературъ упадка (*décadence*),—несоотвѣтствіе сущности и формы». Критикъ прибавляетъ, что Шатобріанъ, вообще, былъ неспособенъ понимать *серьезности*, отличать великое отъ смѣшного, разумное отъ нелѣпаго, прекрасное отъ уродливаго. Онъ считалъ совершенными такія, напримѣръ, страницы въ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ изображались райскія, совершенно дѣтскія фееріи съ маріонетками и всей театральной бутаферіей. Критикъ послѣ этихъ восторговъ принужденъ признать у Шатобріана «великій недостатокъ ума, естественнаго такта, *une notable lacune*».

И мы, въ видѣ противоядія противъ добросердечныхъ повѣствованій г. Брандеса, рекомендуемъ или прочесть нѣсколько страницъ изъ знаменитѣйшихъ сочиненій Шатобріана, особенно *Геній христіанства* и *Мученики*, или, такъ какъ это было бы работой слишкомъ неблагоприятной и тягостной, взять хотя бы *Критическіе этюды* Шерера, *Etudes critiques de la littérature contemporaine*, а на русскомъ языкѣ *Исторію французской литературы* Юліана Шмидта. Это безусловно необходимо при чтеніи книги г. Брандеса. Русскіе читатели и безъ того слишкомъ склонны къ мало сознательнымъ восторгамъ и осужденіямъ. А у датскаго критика, талантливаго писателя, всѣ данныя толкнуть увлекающуюся публику въ сторону совершенно ошибочной и крайне вредной идеализаціи. Мы слишкомъ долго поклонялись разнымъ великимъ людямъ на маленькія дѣла, еще до сихъ поръ не вывѣтрилось изъ нашего общества рудинство и печоринство. А здѣсь—ставятъ на пьедесталъ завѣдомое *нравственное* и *идейное* ничтожество, одаренное единственными талантами престижжигатора и авантюриста.

И все несчастіе произошло отъ пренебреженія къ политической атмосферѣ эпохи Шатобріана, отъ поверхностнаго взгляда на поэта, какъ дѣятеля и выразителя извѣстныхъ практическихъ идей и настроеній. Г-нъ Брандесъ предпочитаетъ имѣть дѣло съ *книгой* и съ *авторомъ въ парадномъ поэтическомъ костюмѣ*. Этотъ пріемъ, можетъ быть, и умѣстенъ для придворныхъ пѣтговъ классическаго вѣка,—въ новой литературѣ онъ влечетъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ.

Та же самая наивная идеализація отразилась и на представленіяхъ г. Брандеса о Наполеонѣ. Онъ видитъ этого героя исключительно на парадахъ, въ торжественныхъ аудіенціяхъ, въ триумфахъ. Вся реальная бонапартовская лабораторія скрывается гдѣ-то далеко за декораціями. Читатель совершенно не видитъ *нравственнаго* вліянія военнаго деспотизма на литературу, публику и націю. Человѣкъ, претендовавшій единолично завѣдывать въ громадной имперіи рѣшительно всѣми дѣлами и людьми, начиная съ государственнаго совѣта и кончая закулисными интригами актрисъ, въ книгѣ г. Брандеса проходитъ какъ бы стороной мимо литературы. Лишь мелькомъ упоминается о «суровой атмосферѣ имперіи», о томъ, что «Наполеонъ не поощрялъ литературы». Но, во-первыхъ, это невѣрно: стоитъ заглянуть въ корреспонденцію Бонапарта, чтобы познакомиться съ его идеями, на счетъ всемогущества министра внутреннихъ дѣлъ по части созданія новыхъ талантовъ, стоитъ просмотрѣть бюджетъ имперіи, чтобы открыть множество пенсіонеровъ отъ литературы—временныхъ и пожизненныхъ, стоитъ, наконецъ, поразузнать у современниковъ, *откуда* писатели брали темы и мотивы своихъ произведеній... Нѣтъ. Бѣда именно въ томъ, что Бонапартъ ужъ слишкомъ *поощрялъ* литературу, усиливался даже *поощрить* г-жу Сталь. Если, слѣдовательно, г. Брандесъ Людовика XIV и даже Людовика XV считаетъ поощрителями литературы, какъ же онъ можетъ отказать въ этомъ титулѣ Наполеону, который *съ томъ же смысломъ*, какъ и Людовики, управлялъ авторами и ихъ творчествомъ, только несравненно энергичнѣе?

Г-нъ Брандесъ идетъ дальше. У него мы узнаемъ такую новость: «Наполеонъ перевязывалъ открытыя раны Франціи завоеванными и непріятельскими знаменами» (стр. 302). Неужели краснорѣчивый авторъ не знаетъ, что Наполеонъ въ теченіи своей власти успѣлъ выпустить всю свѣжую и молодую кровь изъ несчастной страны,—только за десять лѣтъ отъ 1804 до 1814 года онъ погубилъ, по самому скромному счету, три милліона однихъ французовъ, и за долго до конца набиралъ солдатъ и офицеровъ среди *пятнадцати-мѣтныхъ* школьничковъ? Богѣе свѣдущіе историки говорятъ, что Наполеонъ довелъ Францію до состоянія отупѣнія (*engourdissement*) и нравственнаго маразма именно къ тому 1810 году, который столь лирически изображенъ у г-на Брандеса (стр. 115).

Это отупѣніе и характеризуется шедеврами Шатобріана, Бональди, Де-Местра. Французы вообще очень чувствительны къ смѣшному: *ridicule* для нихъ хуже всѣхъ пороковъ. Но въ на-

полеоновскую эпоху они, повидимому, совершенно утратили это свойство. Только такимъ соображеніемъ можно объяснить невѣроятно комическія декламаціи Шатобріана, шутовскія философствованія Бональди и юродивыя пророчества Де-Местра. Все это г. Брандесъ прочелъ, но не повялъ политической и культурной основы этихъ во французской литературѣ исключительныхъ явленій. Все сильное и здоровое погубило въ революцію, имперія докончила ампутацію страны, и на сценѣ дѣйствовали всевозможныя немощи—умственныя, нравственныя и политическія. Г-нъ Брандесъ, во-первыхъ, не всегда отличаетъ немощь отъ силы,—напримѣръ, относительно Шатобріана, а потомъ только *живописуетъ* ихъ, не объясняя ни ихъ источника, ни ихъ культурно-историческаго смысла.

Этотъ жанръ *живописной исторіи*—очень увлекателенъ. Книга г. Брандеса читается съ большою легкостью и даже удовольствіемъ, но все-таки для изученія литературы эпохи имперіи мы рекомендуемъ менѣе блестящихъ живописцевъ, но несомнѣнно болѣе реальныхъ историковъ,—напримѣръ, хотя бы книгу Мерле—*Tableau de la littérature française 1800—1815*, сочиненіе Вельшингера—*La censure sous le premier empire* и даже первый томъ политической исторіи XIX вѣка Гервинуса. Безъ этихъ менѣе восторженныхъ и занимательныхъ совѣтниковъ, читатель съ однимъ г-мъ Брандесомъ рискуетъ попасть въ положеніе Манилова при покупкѣ Чичиковымъ *мертвыхъ душъ*.

До сихъ поръ нашъ авторъ грѣшилъ по части *политическаго* смысла и общекультурной исторіи. Въ его книгѣ за «литературой эмигрантовъ» и «реакціи» слѣдуетъ «романтическая школа». Здѣсь автору предстояла еще болѣе отвѣтственная задача. Всѣхъ и все подавлявшая личность сошла со сцены, и замолкшая—было общественная борьба возгорѣлась съ новымъ ожесточеніемъ. Политику стали дѣлать не только въ кабинетѣ министровъ и въ парламентѣ, но и гораздо дальше,—въ простомъ народѣ, и здѣсь ее вели совершенно въ разрѣзъ съ высшей политикой: тамъ все еще толковали о конституціяхъ,—здѣсь начался и быстро разросся разговоръ о трудѣ, общественной справедливости и прочихъ непарламентскихъ предметахъ... Литература гораздо скорѣе вмѣшалась въ эту бесѣду, чѣмъ конституція, и литература самая разнообразная, начиная съ философіи и кончая романомъ и уличной пѣсней.

Какъ же г. Брандесъ все это изображаетъ?

III.

Прежде всего, предъ нами снова Америка и даже не одна. Повторивъ чужое сравненіе революціи съ классической трагедіей, торжественно отъ своего собственного лица (*я разумно...*) опредѣливъ «принципъ авторитета», г. Брандесъ припомнилъ также старинное сравненіе «свободной конкуренціи» со скачкой, «гдѣ одинъ участникъ сидитъ на статной лошади, а другой бѣжитъ босикомъ». Сравненіе заимствовано изъ демократической литературы первой четверти нашего вѣка. На это мы обратили вниманіе, ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій авторскаго знакомства съ этой литературой, надѣялись встрѣтить—по поводу литературы при іюльской монархіи—изображеніе общественной атмосферы этой эпохи, по поводу Сень-Симона—обстоятельную *культурную и психологическую* характеристику этого оригинальнаго пророка-политика, по поводу романовъ Бальзака—точную параллель между литературнымъ натурализмомъ и научнымъ и философскимъ направленіемъ даннаго времени.

Намъ вѣдь досконально извѣстно, что Людовикъ-Филиппъ палъ отъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя вызвали дѣятельность Жоржъ Занда, и что Бальзакъ шелъ по тому же самому пути, какой пролагался, такъ называемымъ, позитивизмомъ. Извѣстно еще болѣе важное обстоятельство: демократія постепенно создала свое искусство и свою литературу, создала *карикатуру и журналистику* именно главнымъ образомъ послѣ іюльской революціи. Правда, здѣсь нѣтъ такихъ величественныхъ фигуръ, какъ Бальзакъ и Жоржъ Зандъ, вообще нѣтъ большого личнаго героизма, но это только усиливаетъ смыслъ явленія, и историкъ отнюдь не долженъ играть роль, обратную роли извѣстнаго персонажа: замѣтить однихъ слоновъ и не удостоить ни единымъ взглядомъ «букашекъ и таракашекъ». Тѣмъ болѣе, что двуногія букашки и таракашки, право, иной разъ существеннѣе, чѣмъ даже слоны—въ родѣ многихъ эмигрантовъ г. Брандеса.

Авторъ этого не признаетъ, и результаты получаются слѣдующіе.

Почему палъ Людовикъ-Филиппъ? Вѣдь онъ строго соблюдалъ конституцію, во всѣ глаза слѣдилъ за парламентомъ и былъ друженъ съ большинствомъ въ самую минуту паденія?

Послушать Брандеса, выйдетъ—потому, что этотъ король не былъ героемъ: ходилъ по Парижу съ зонтикомъ, культивировалъ *juste-milieu*, впалъ въ ханжество. Конечно, у Скриба, напимѣрь, историческіе перевороты происходятъ отъ чашки чая. Но это—

исторія малолѣтнихъ школьничковъ, мелкихъ сидѣльцевъ и скоропалительныхъ фельетонистовъ. Г. Брандесъ, конечно, не впадаетъ въ эти крайности, но въ вопросѣ февральской революціи остается на почвѣ анекдота и гейневскаго репортажа, полагавшаго всю сущность дѣла въ тѣлосложеніи короля (стр. 6, т. III). Г-ну Брандесу, вмѣсто корреспонденцій Гейне, слѣдовало бы обратиться къ французскимъ источникамъ, современнымъ іюльской монархіи, и тогда бы онъ узналъ капитальнѣйшій фактъ новой общеевропейской политики. Рядомъ съ официальными и признанными представителями власти выросла грозная сила безправной демократіи, и именно она свергла Людовика-Филиппа, почившаго-было на лаврахъ конституціи и парламента. Въ критическую минуту оказались безъ всякаго вліянія старые вожди *всѣхъ* партій, и въ первыхъ рядахъ выступили журналисты и поэтъ Ламартинъ.

Этотъ результатъ подготовлялся весьма продолжительнымъ ходомъ вещей, въ теченіи почти двадцати лѣтъ; жесточайшая война журналистики, часто служившей органомъ даже современныхъ философскихъ ученій, велась противъ іюльскихъ порядковъ, вся Франція гремѣла процессами періодической печати, залы судовъ превратились въ парламенты для идей, не признаваемыхъ съ парламентскихъ трибунъ. Первенствующая писательница эпохи, Жоржъ Зандъ, была захвачена этимъ теченіемъ, близко сошлась съ его вождями и принялась фанатически проводить ихъ въ своихъ романахъ.

Правда, всѣхъ этихъ учителей г-жа Жоржъ Зандъ превосходила талантомъ и, пожалуй, даже умомъ и образованіемъ. Но вопросъ въ извѣстномъ толчкѣ, въ неотразимомъ воздѣйствіи практическихъ стремленій эпохи на воспріимчивую душу поэта-женщины. Если, по рассказамъ, падающее яблоко могло озарить столь яркимъ и рѣшительнымъ свѣтомъ умъ Ньютона, еще сильнѣйшее впечатлѣніе долженъ былъ произвести на Жоржъ Зандъ первый отважный и убѣжденный проповѣдникъ новыхъ идей—все равно, былъ ли онъ мало или много образованъ; сила заключалась въ его *направленіи* и *убѣжденности*. Поэтому, совершенно напрасно г. Брандесъ всѣ вопросы поканчиваетъ однимъ эпитетомъ «добряка» по адресу Пьера Леру и удовлетворяется снисходительной улыбкой на счетъ преклоненія предъ этимъ «добрякомъ» г-жи Жоржъ Зандъ (стр. 108, т. III).

Авторъ, очевидно, безнадежно загнипотизированъ одними героями и экстренными происшествіями. У него отъ начала до конца остается любимымъ приемомъ знакомить читателя съ писателемъ или знаменитымъ произведеніемъ на манеръ поднятія занавѣса въ театрѣ предъ бенефиснымъ спектаклемъ.

Во главѣ авторской біографіи или центрального литературнаго разбора мы чаще всего встрѣчаемъ *анекдотъ*... «Однажды, въ 1836 г. взволнованный и радостный Бальзакъ вошелъ въ комнату сестры и, помахивая на манеръ тамбуръ-мажора толстою тростью, на которой былъ начертанъ на турецкомъ языкѣ девизъ султана: «я—разрушитель препятствій», воскликнулъ весело, обращаясь къ собравшейся семьѣ: «Поздравьте меня, дѣти, я вскорѣ сдѣлаюсь гениемъ!..»

Такъ начинаются разсужденія о *Comédie humaine*. Можно подумать, идея этого произведенія пришла Бальзаку внезапно, на бульварѣ или за рюмкой ликера. Конечно, для паденія громадной скалы достаточна иногда легкаго прикосновенія къ ней, даже дуновенія вѣтра, но столь эффектному казусу необходимо должны предшествовать весьма многочисленныя и сложныя воздѣйствія на скалу. А то иначе мы легко увѣруемъ, что битва при Ватерло проиграна Наполеономъ изъ-за насморка, римская имперія возникла благодаря носу Клеопатры, а польская монархія пала изъ-за клочка печатной бумаги...

Все это очень эффектно, хотя врядъ ли остроумно и совершенно серьезно.

Относительно Бальзака мы не узнаемъ, почему романисту могла придти мысль создать *физиологію* общества и рядъ такихъ типовъ, какъ Растиньякъ? Почему романистъ только съ теченіемъ времени пришелъ къ *естественному* взгляду на предметъ своего творчества и манеру творить? И какая основа существовала въ окружающей жизни для Растиньяковъ—типа съ громаднымъ булдушимъ въ важнѣйшей французской литературѣ?

Отвѣтить на эти вопросы было не трудно; стоило только написать лишнюю главу культурнаго и общественнаго содержанія—о тридцатыхъ годахъ. Тогда бы совершенно послѣдовательно заняли свои мѣста и Леру, и Бальзакъ, и Жоржъ Зандъ, и, въ особенности, Сенъ-Симонъ.

А то теперь выходитъ такъ. Бальзакъ «въ одинъ прекрасный день» превращается въ физиолога современнаго общества, съ Сенъ-Симономъ происходятъ еще болѣе странныя вещи.

Откройте *послѣднія* страницы третьяго тома, вы встрѣтите недурный портретъ Сенъ-Симона; это, конечно, похвально. Но за то авторъ начнетъ разсказъ свой объ основателѣ когда-то необыкновенно шумной секты на манеръ извѣстныхъ персонажей комедіи: «Вообразите, какое происшествіе!..»

Прежде всего, Сенъ-Симонъ и по хронологіи, и по многимъ основнымъ чертамъ своей дѣятельности человѣкъ XVIII-го вѣка

и, слѣдовательно, *предшествуетъ* идейному содержанию романтической литературы. Г. Брандесъ неправъ, считая «идейную жизнь» Сень-Симона вообще реакціей противъ восемнадцатаго вѣка (стр. 351, т. III). Самъ философъ въ своей автобіографіи называетъ себя ученикомъ Даламбера и подтверждаетъ это *главнѣйшей цѣлью* своей «идейной жизни» — объединить всѣ человѣческія званія и науки. А это—идеаль именно XVIII-го вѣка, породившіи *энциклопедію* Дидро и Даламбера и у самого Сень-Симона вызвавшій цѣлый рядъ сочиненій энциклопедическаго характера. Мало того. Идея энциклопедіи пережила Сень-Симона, перешла въ наслѣдство къ позднѣйшимъ его ученикамъ, и *научный* позитивизмъ съ Огюстомъ Контонъ во главѣ ни что иное, какъ та же идея объединенія наукъ. Контъ это объединеніе стремился осуществить въ стройную логическую систему, между тѣмъ какъ философы XVIII-го вѣка скорѣе *сопоставляли* науки другъ съ другомъ, чѣмъ *соподчиняли* ихъ другъ другу. Но исходная точка одна и та же въ обоихъ случаяхъ.

Дальнѣйшая политическая и социальная дѣятельность Сень-Симона тѣснѣйшимъ образомъ связана съ настроеніями общества, пережившаго революцію. Всѣ эти настроенія сводились къ жаждѣ *положительной* основы для нравственной и общественной жизни. Философія XVIII-го вѣка произвела громадную разрушительную работу, хотя опять-таки слѣдуетъ оговориться: «критическая, разлагающая эпоха» воплотилась, въ сущности, только въ одной партіи философовъ,—вольтерьянской и энциклопедической; другая партія, съ Руссо во главѣ, страстно возделѣла о религіи, восторженныхъ чувствахъ, вообще о *положительномъ* достояніи человѣческой природы. Недаромъ, столь велико вліяніе Руссо на писателей XIX-го вѣка: его ученики Шатобрианъ,—на сколько въ этомъ комедіантѣ было искренности и сердечности,—г-жа Сталь, Жоржъ Зандъ... И вотъ, когда послѣ революціи принялись возстановлять разрушенныя мечты и даже погибшую дѣйствительность, одни рѣшили задачу необыкновенно просто: да здравствуетъ католичество во всей его неприкосновенной красотѣ! Другіе попытались найти спасеніе иначе, въ томъ же человѣческомъ разумѣ, до сихъ поръ разрушавшемъ, и въ человѣческомъ чувствѣ, отодвинутомъ на задній планъ разсудочностью и остроуміемъ.

На этой почвѣ и выросли идеи Сень-Симона—соціального философа. Точка отправленія—старая: объединеніе наукъ, но цѣль—новая: созиданіе положительнаго общественнаго идеала подъ руководствомъ этихъ самыхъ наукъ. Пока Сень-Симонъ оставался въ этихъ предѣлахъ, его усерднѣйшимъ ученикомъ былъ Контъ.

Но съ теченіемъ времени *чувство* возобладало надъ *разумомъ*: философъ превратился въ первосвященника и пророка, подчинился, какъ онъ самъ выражался, силамъ *чувствительной* и *религиозной*. Впослѣдствіи Контъ, теперь покинувшій учителя, долженъ былъ кончить этими же силами. Поэтому такъ и важна, во-первыхъ, *общая психологія* дѣятелей первой четверти XIX-го вѣка, во-вторыхъ, точные періоды идейнаго развитія Сень-Симона.

Г-нъ Брандесъ, повидимому, не подозреваетъ ни преемственной культурной связи между сень - симонизмомъ и энциклопедистами, ни подавляющаго значенія сень - симонистовъ въ художественной литературѣ, ни общаго пути развитія политической философіи, естественно - научныхъ открытій, матеріалистическихъ увлеченій и литературнаго реализма. Достаточно вспомнить, что Пьеръ Леру были однимъ изъ послѣдователей Сень-Симона, началъ свою дѣятельность горячимъ, юношески-идеальнымъ увлеченіемъ религіей философа, потомъ каждый шагъ своего ученія покупалъ искреннѣйшей и упорной работой своей личной мысли. Было же что-нибудь въ этомъ человѣкѣ, если Жоржъ Зандъ признала его наставникомъ и вдохновителемъ, отнюдь не по женскимъ мотивамъ. Только г. Брандесъ не хочетъ внимательно относиться къ идеямъ и фактамъ. А между тѣмъ самъ же онъ говоритъ: «Уже съ тридцатыхъ годовъ вторгаются въ творчество романтической школы со всѣхъ сторонъ идеи обновленія» (стр. 350). Если такъ, намъ нужно знать, какія именно идеи и откуда? Вѣдь историки классицизма признаютъ необходимымъ говорить о Буало и его піитикѣ, о Людовикѣ XIV и его дворѣ, о Боссюэ и его проповѣдяхъ; почему же историкъ новой литературы считаетъ достаточнымъ «указать и пройти мимо», даже не всегда и указать-то? А на самомъ дѣлѣ, какое же можетъ быть сравненіе власти *идей* надъ литературой XIX-го вѣка и твореніями какого-нибудь Шаллена или Расина! Г-нъ Брандесъ довольно подробно излагаетъ идеи Сень - Симона второго періода его дѣятельности. Но мы уже давно знаемъ, что г. Брандесъ хорошій рассказчикъ и пересказчикъ: только это не исторія въ современномъ смыслѣ слова. Она несравненно любознательнѣе, чѣмъ студенты копенгагенскаго университета, и гораздо менѣе интересуется *иллюстраціями* великой книги народовъ, чѣмъ *текстомъ*. На каждомъ шагу она ставитъ назойливые вопросы: *какъ* и *почему*? И проявляетъ даже весьма непріятную для г-на Брандеса тенденцію, стремится свести *героевъ* и *вождей* на роли чуть ли не исполнителей другихъ высшихъ предначертаній, мыслей и настроеній, назрѣвшихъ не въ героическомъ единоличномъ мозгу, а гдѣ-то внѣ,

кругомъ героя. Потому что надо же помнить самую простую истину—логики и жизни: ни одинъ герой на общественной сценѣ не станетъ героемъ, пока его не сдѣлаютъ таковымъ, пока публика не приметъ на себя роль поклонницы и сотрудницы. А это возможно въ единственномъ случаѣ: когда она согласна съ героемъ, если не по убѣжденію, то по инстинкту. Иначе, трагедія «гласъ вопіющаго въ пустынь» можетъ быть и героической, но только не изъ тѣхъ пьесъ, которыя излагаетъ г. Брандесъ на своемъ живописномъ и лирическомъ языкѣ.

IV.

Таковъ грѣхъ г. Брандеса предъ философскими идеями эпохи. Другой, не менѣе важный, уже намъ отчасти знакомый—предъ политическими движеніями, окружавшими поэтовъ-романтиковъ. Собственно это одно и то же прегрѣшеніе, потому что французская философія и даже наука первой половины XIX-го вѣка—таже политика. Такою она останется очень долго. Еще послѣ декабрьскаго переворота Тэнъ будетъ писать одному изъ своихъ друзей, приглашая его примириться съ событіями:

«Будемъ жить въ наукѣ... Мы одни только занимаемся истинной политикой, такъ какъ политика—наука. А прочіе только приказчики и афферисты».

Г-нъ Брандесъ знаетъ о политическихъ искушеніяхъ для поэзіи романтиковъ, но понимаетъ смыслъ этихъ искушеній весьма своеобразно. «Такъ какъ», говоритъ онъ, «въ новѣйшія времена политика скорѣе, чѣмъ литература даетъ славу, то неудивительно, если первая даже поэтовъ увлекала на ораторскія трибуны» (стр. 101, т. III).

Это неточно. Далеко не политика вообще давала славу, скорѣе можно сказать—литература давала ее, конечно, при условіи одинаковой талантливости политика и поэта. Въ томъ-то весь и вопросъ, что политика въ эпоху романтизма должна была держаться извѣстнаго и весьма строгого направленія, чтобы увѣнчать славой даже самаго энергичнаго дѣятеля. Г-ну Брандесу слѣдовало бы припомнить печальную участь Гизо и вообще такъ называемой доктринерской школы: слава ея вождя, какъ писателя, осталась прочной, но политическая репутація погибла въ волнахъ февральской революціи. Еще болѣе эффектный примѣръ. Весной 1848 года первымъ человѣкомъ въ Парижѣ и во всей Франціи считался Ламартинъ, онъ игралъ самыя блестящія роли во время переворота, и всего спустя нѣсколько мѣсяцевъ былъ окончательно

похороненъ въ общественномъ мнѣніи. Почему? Отнюдь не по недостатку политическаго азарта, а по неспособности понять и вершить политику эпохи; эта политика состояла въ разрѣшеніи соціальныхъ вопросовъ, въ дѣятельномъ и разумномъ демократизмѣ. А Ламартинъ оказался только Юпитеромъ въ парламентѣ и карликомъ въ государствѣ, геніемъ въ толпѣ и посмѣшищемъ въ народѣ, героемъ среди возмущенія и школьникомъ въ спокойной политической работѣ. И все потому, что съ новой силой трудно было день за день раздѣлываться острыми фразами. Онѣ могли имѣть потрясающій успѣхъ въ парламентѣ, среди сытыхъ, всѣмъ довольныхъ буржуа. Предъ другой публикой, на минуту онѣ тоже могли казаться любопытными, но потомъ вызывали безпощадное презрѣніе и даже гнѣвъ.

Вотъ объ этой-то публикѣ и забываетъ г. Брандесъ. Онъ ставитъ рядомъ Гюго и Ламартина, какъ поэтовъ-политиковъ. Но вѣдь послѣ 1848 года Ламартинъ падалъ все ниже, даже какъ писатель, а звѣзда Гюго быстро поднималась до зенита.

И это фактъ изумительной исторической справедливости и логики. Одинъ былъ авторомъ *Рюи Блаза* и *Châtiments*, а другой продолжалъ спекулировать на дамскую чувствительность и вдохновенное пустозвонство на «симпатичныя» темы.

Г-нъ Брандесъ, слѣдовательно, недостаточно и невѣрно представляетъ значеніе политики въ романтической литературѣ. Отъ этого страдаютъ *положительныя* стороны романтизма, но еще важнѣе, что отъ этой же причины совершенно ошибочное освѣщеніе получаютъ *отрицательныя* явленія той же литературной школы

Ламартинъ, Гюго, Жоржъ Зандъ страстно отдались политикѣ, или, по крайней мѣрѣ, общественнымъ интересамъ современности. Но рядомъ съ ними дѣйствовали Альфредъ Мюссе, Теофиль Готье, Бейль-Стендаль и самый сильный изъ нихъ Бальзакъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ политическимъ дѣятелемъ,—напротивъ, всѣ они сторонились отъ политики, и даже самый сильный и талантливый изъ нихъ—авторъ *Человѣческой комедіи*.

Конечно, г. Брандесу это извѣстно, онъ даже приводитъ жесточайшую брань чистаго художника Готье противъ «дураковъ и критиковъ», т.-е. «утилитарныхъ критиковъ». Но именно эта нечистая выходка должна бы навести автора на мысль проникнуть глубже именно въ политическую психологію романтиковъ, исповѣдниковъ политики. Дѣло было бы очень поучительное, не только для французскихъ тридцатыхъ годовъ, и разъясняется оно очень просто, т.-е. даетъ ясный отвѣтъ, что такое чистое искусство вообще и романтическое въ частности.

*

Загадку разрѣшаетъ, прежде всего, самый искренній и увлекательный изъ поэтовъ неполитиковъ, Мюссе. О немъ Гейне выразился очень вѣрно: «Это — молодой человѣкъ прекраснаго прошлаго». Надо, разумѣется, понимать языкъ Гейне и прекрасное замѣнить совершенно другимъ эпитетомъ: дѣло идетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о старомъ режимѣ Франціи. Мюссе былъ именно гражданиномъ погибшихъ поколѣній, — салонный маркизь, злою шуткой судьбы перенесенный въ новый демократическій вѣкъ.

И въ тоскѣ по минувшему царству Людовиковъ заключалась вся философія и политика Мюссе. Такъ его и понимаютъ современные французскіе историки разныхъ реакціонныхъ партій, осыпая восторгами его *весьма тенденціозныя* нападки на людей XVIII вѣка, сопровождая сочувственными вздохами его «разочарованіе» *). Но, къ счастью, и во Франціи находятся люди, умѣющіе устоять противъ поэтической граціи пѣвца любовнаго культа, напротивъ, тотъ же г. Пелиссье судить о Мюссе здраво и проникательно. Мы позволимъ себѣ привести вѣкоторыя его сужденія: они намъ нужны для настоящей оцѣнки взглядовъ г. Брандеса.

«Сюжетъ его — это сплошная любовная исторія, а вводимыя въ ней лица до призрачности идеальны и фантастичны. Только благодаря тому, что все это одушевлено и согрѣто страстью, мѣстами получаютъ изумительныя строфы по красотѣ и силѣ выраженія. Мысль поэта тоже нигдѣ не отличается ни глубиной, ни оригинальностью. Онъ страдаетъ, радуется, страстно мѣлѣтъ, грезить, но не мыслить, его увлекаютъ чувства, а не идеи... Раза два или три онъ серьезно ставитъ себѣ высшіе вопросы, — и какая же слабость мысли, какая мелкая и поверхностная философія!..»

По нашему мнѣнію, это значитъ отдать должное Мюсса, т. е. признать за нимъ способность увлекаться женщинами, рассказать въ стихахъ свои чувства и не видѣть въ немъ никакихъ признаковъ умственнаго процесса, свойственнаго взрослому человѣку въ новомъ европейскомъ обществѣ. А что касается «разочарованія», оно у Мюссе нѣчто въ родѣ знаменитаго русскаго «конфуза». Именно настроеніе поэта послѣ іюльской революціи сочувственные историки описываютъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ помѣщикъ у нашего поэта жалуется на свою судьбу мужикамъ.

О чемъ мечтаетъ Мюссе? Прочтите *Кармазину*: это — пастораль, прельщавшая въ конецъ пресыщенное воображеніе маркизь и шеваляе Людовика XV. Что и почему ненавидитъ Мюссе? Возь-

*) Напр. Thureau Dangin. Histoire de la monarchie de Juillet. Paris, 1888, I, livre I, chap. X.

мите *Ролла*: Вольтера за его борьбу съ предрасудками и комедіанствомъ придворныхъ стараго порядка. Чего ждетъ Мюссе отъ іюльской революціи? Двора, каламбуровъ, баловъ и—любви, любви безъ конца. Не даромъ онъ съ такой стремительностью готовъ исполнять должность поэта-лауреата.

И вдругъ—ничего подобнаго. Людовикъ-Филиппъ популярничаетъ, жметъ руки мѣщанамъ, и даже не подозрѣваетъ о существованіи стиховъ Мюссе. При дворѣ, вмѣсто виконтовъ, лавочники и биржевики, въ салонахъ, вмѣсто *petits jeux*, политическія междоусобицы, на улицѣ хуже всего: дерзкая, грубая карриатура, крикливая газета, вся переполненная самыми прозаическими идеями и фактами и, что особенно ужасно, потомки старыхъ смиренныхъ Жаковъ теперь ведутъ себя, будто настоящіе хозяева Парижа, не прочь даже при случаѣ толкнуть локтемъ экзотическаго франта съ самой изящной блѣдностью на лицѣ и самой поэтической грустью въ очахъ.

Естественно, франтъ впадетъ въ отчаяніе. Одно ему спасеніе—любовь, и онъ отдаетъ ей свои силы и свою молодость съ такой поспѣшностью, что въ тридцать лѣтъ уже можно будетъ придти въ отчаяніе отъ совершенно другихъ причинъ—менѣе всего политическаго характера...

Такова психологія и биографія юнаго аристократа, школьнаго товарища герцога Орлеанскаго.

Но прочтите о Мюссе у г. Брандеса, и вы подумаете — предъ вами какой-то непризнанный герой и носитель идеаловъ, превосходящихъ пониманіе современниковъ. Это и «тонкій, вдумчивый умъ», и стремленіе «всевозможными излишествами» «заглушить то внутреннее страданіе, какимъ для него была геніальность», и его пасторали—не отголоски давно извѣстной бонтонной галантности, а — «міръ идеала» (стр. 123, т. III). Къ сожалѣнію, г. Брандесъ забываетъ указать, въ чемъ именно проявилась *геніальность* Мюссе, кромѣ блестящихъ *по формѣ*, и то далеко не всегда, воспѣваній «излишествъ» и самыхъ этихъ «излишествъ»? Если такъ на языкѣ критика дешева *геніальность*, то какой же онъ цѣной оцѣнитъ геніевъ, не топившихъ своей геніальности въ «излишествахъ», а извлекавшихъ изъ нея чистѣйшіе перлы мысли и *человѣческаго* чувства въ истинномъ смыслѣ слова? Потомъ, интересно бы знать, почему драматическія идилии Мюссе рисуютъ «міръ идеала», а проверки, давашіеся на сценахъ Версаля и Трианона, всѣми признаются просто наркотическимъ пирожнымъ для слишкомъ избалованныхъ и упитанныхъ гастрономовъ разврата? И г. Брандесъ, вѣроятно, не совсѣмъ точно представляетъ себѣ

исторію Людовика XIV и г-жи Ментенонъ: иначе бы онъ не сталъ такъ восхищаться королевой изъ пьесы Мюссе.

Г-нъ Брандесъ знаетъ, что Мюссе современныхъ ему политическихъ мыслителей цѣнилъ исключительно съ точки зрѣнія стила и «презиралъ ихъ» за стиль «съ гордостью аристократическаго ума...» (стр. 108—109). Дальше г. Брандесъ описываетъ, въ чемъ сказывались инстинкты протеста и оппозиціи со стороны Мюссе: «онъ умышленно извращалъ рѣчмы...» (стр. 145). Наконецъ, онъ совершенно справедливо возстаеъ противъ слѣпыхъ восторговъ Тэна предъ Мюссе (стр. 104)...

Неужели все это можетъ уживаться съ восторгами самого критика предъ умомъ, идеализмомъ и геніальностью поэта? Неужели г. Брандесъ не отдаетъ себѣ отчета, почему именно въ лицѣ Тэна Мюссе нашель фанатическаго поклонника? Ни болѣе, ни менѣе, какъ только потому, что тотъ же Тэнь написалъ извѣстный многотомный историческій памфлетъ, весь дышашій такимъ же «слѣпымъ пристрастіемъ», но только *противъ* «предмета изслѣдованія» и именно предмета, ненавистнаго самому Мюссе.

Остальные чистые поэты романтизма—того же политическаго порядка, какъ и Мюссе. Бейль и Бальзакъ—откровенные бонапартисты, Готье—«никогда не былъ и не хотѣлъ быть хорошимъ гражданиномъ», говоритъ о немъ г. Пелисье, т.-е. занималъ мѣсто паразита за общественнымъ столомъ, потому что аристократы стила и гастрономы любви врядъ ли интереснѣе для человѣчества, чѣмъ просто аристократы и просто гастрономы.

Но г. Брандесъ, очевидно, на этотъ счетъ держится совершенно другого взгляда и это довольно неожиданно для профессора, превратившаго-было университетскую кафедру въ нравственную и общественную трибуну.

«Несравненная энергія», говоритъ онъ, «проявленная Готье при освобожденіи искусства отъ нравственныхъ и гражданскихъ требованій и своеобразная манера творчества были крупнымъ и благимъ дѣломъ» (стр. 298).

Какъ—крупнымъ и благимъ? Для кого и когда? Г. Пелисье говоритъ о томъ же Готье: «Звучный стихъ для него гораздо важнѣе самыхъ великодушныхъ рѣчей трибуна. Въ будніе дни 1848 года онъ плотно закрываетъ свои окна и, не обращая никакого вниманія на бушующій за ними ураганъ, пишетъ свои *Цетты и Камеи...*»

Античный законодатель такихъ гражданъ присуждалъ къ жесточайшимъ наказаніямъ, и былъ правъ; если бы всѣ стали сочинять звучные стихи и закрывать окна, культурное общество

быстро превратилось бы въ становище дикарей и исчезли бы не только читатели стиховъ, но даже и словари, въ которыхъ Готье съ неутомимымъ усердіемъ разыскивалъ рѣдкостныя слова.

Это не единичное недоразумѣніе г. Брандеса на счетъ *общихъ* идей. Удивительнѣйшія страницы въ этомъ смыслѣ—разсужденіе о католичествѣ и протестантствѣ.

Всѣмъ извѣстенъ основной фактъ европейской исторіи: агонія католичества началась съ эпохи Возрожденія, первыхъ враговъ—и своему міросозерпанію, и своей нравственности, и своему ученью—оно встрѣтило въ лицѣ страстныхъ поклонниковъ и изслѣдователей античной литературы. Недаромъ, тюрьмы, ссылки и костры занимаютъ столько мѣста въ исторіи этой эпохи и захватываютъ періодъ реформаціи, знатной младшей сестры Возрожденія. А до этого—войну съ папствомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вели итальянскія республики. Стоитъ припомнить только исторію важнѣйшаго города средневѣковой Италиі, —Флоренціи,—чтобы убѣдиться въ ненависти городскихъ самоуправленій къ римской власти. Уже въ началѣ XIV вѣка Флоренція издѣвается подъ проклятіями папскихъ пословъ и надъ папскими отлученіями, оскорбляетъ духовенство, не платящее городскихъ налоговъ, и вообще стремится жить вполнѣ самостоятельной народной жизнью *).

И вдругъ г. Брандесъ открываетъ саяніе «итальянскаго католицизма съ гражданскимъ духомъ въ городахъ». Г. Брандесъ говоритъ еще болѣе странныя вещи: у него «Возрожденіе совлекаетъ съ христіанства аскетизмъ», вообще *преобразовываетъ* христіанство... Это то самое Возрожденіе, которое даже папъ, если они поддавались его вліянію, превращало въ язычниковъ и атеистовъ, которое зажигало лампы предъ изображеніями Платона и Виргилія, и вообще вело жестокою войну не только съ христіанствомъ, а вообще со всякими религіозными чувствами. Въ этомъ и заключалось его существенное отличіе отъ реформаціи, возставшей на католичество дѣйствительно во имя болѣе чистаго и подлиннаго христіанства.

Наконецъ, неожиданнѣе всего читать у г. Брандеса обвиненія, которыми до послѣднихъ дней католическіе историки реформаціи осыпаютъ протестантство, будто оно враждебно искусствамъ и вообще эстетически безсильно. Г. Брандесъ считаетъ протестантство «лишеннымъ фантазіи и художественнаго чувства, сухой и холодной религіей», а въ католичествѣ находитъ: «эстетическое чувство и довѣрчивое отношеніе къ дѣятельности воображенія и искусству» (стр. 161—162)...

*) На русскомъ языкѣ книга Вегеле *Данте и его время*.

Въ этомъ разсужденіи не столько изумителенъ историческій и культурный смыслъ автора, сколько вопросъ общаго характера. До какой эпохи исторіи искусства г. Брандесъ полагаетъ рѣшающее значеніе католическаго или протестантскаго вѣроповѣданія для художниковъ? Неужели онъ думаетъ, что Сикстинская Мадонна— плодъ католическаго усердія ея творца? И неужели онъ не знаетъ, что всевозможныя базилики изобрѣтены не католичествомъ, а древнимъ искусствомъ? Католичество расцвѣло на той самой почвѣ, гдѣ хранилось множество памятниковъ античнаго творчества и гдѣ потомъ ихъ возстановляло Возражденіе. Это—факты *рядомъ существующіе*, а не зависимые отъ одного—*религіознаго* факта, напротивъ, античный міръ и Возрожденіе—по самому духу—непримиримые враги католичества. Наконецъ, интересно бы знать, какъ объясняетъ г. Брандесъ такой простой фактъ: *до Возрожденія* Италия далеко не славилась своимъ художественнымъ творчествомъ, и дѣятельность великихъ мастеровъ совпадаетъ именно съ этой эпохой, окончательно подорвавшей кредитъ католичества. А то, что Рафаэль рисовалъ Мадоннъ,—это зависѣло просто отъ спроса: если бы художнику заказали Венеру, онъ бы и ее нарисовалъ и такъ же, какъ и для Мадонны, нашелъ бы оригиналъ среди красавицъ Возрожденія ¹⁾).

Въ заключеніе укажемъ еще одну несправедливость г. Брандеса по отношенію къ протестантскому искусству. Критикъ говоритъ о героинѣ изъ романа Констана: это — «типъ сильной женщины», вступающей въ борьбу съ обществомъ, и г. Брандесъ даже и представить не можетъ «болѣе сильной противоположности» между этимъ типомъ и женскими образами нѣмецкой литературы въ эпоху Гёте (стр. 89). Намъ снова остается удивляться, какъ нашъ авторъ могъ забыть шиллеровскихъ героинь,—Теклу, свергающую предрасудки общества и личную зависимость женщины во имя своего чувства, БERTУ, покидающую блескъ и приволье аристократической жизни ради свободы простого народа... Это даже много эффектнѣе подвиговъ констановской Элеоноры.

¹⁾ Кромѣ этихъ замѣчаній, у каждаго читателя, конечно, является неловкое сравненіе *поэзи* (вѣдь это тоже область эстетическаго чувства и притомъ высшая) протестантскихъ странъ и католическихъ. Несомнѣнно,—Шекспиръ, Мильтонъ, Свифтъ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ стоятъ Данта, Петрарки, Рабле, Гюго, Мюссе и т. д. Кромѣ того, поэтамъ-протестантамъ удавалось соперничать съ поэзіей католическаго юга въ ея исконномъ жанрѣ: *Ромео и Джульетта* заключаетъ въ себѣ не меньше яснаго, солнечнаго лиризма, чѣмъ лучшія новеллы Боккаччіо. Вообще, идею г. Брандеса было бы излишне даже опровергать, если бы она принадлежала менѣе заслуженному автору.

Г-нъ Брандесъ упускаетъ изъ виду, что у нѣмецкихъ и французскихъ поэтовъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка былъ одинъ и тотъ же учитель — Руссо, и одинъ и тотъ же идеальнѣйшій образъ героини — Юлія, и если Гёте рисовалъ женщинъ-дѣтей, его современнику ничто не мѣшало мечтать о женщинахъ-герояхъ, патриоткахъ и даже вождахъ, въ родѣ Орлеанской Дѣвы.

Мы могли бы привести немало и другихъ неточностей въ книгѣ г. Брандеса. Напримѣръ, онъ нигдѣ не отмѣчаетъ великой поправки, внесенной г-жей Сталь въ идеи Руссо, эту могучую идею прогресса, эту чисто-религіозную вѣру въ непрестанное движеніе человѣчества къ идеалу разума и просвѣщенія. Именно эта вѣра и вдохновила гениальной писательницѣ столь трезвый и благородный взглядъ на революцію, взглядъ, до котораго не смогли добраться даже нѣкоторые современные французскіе историки, въ родѣ Тэна. Г-нъ Брандесъ, къ сожалѣнію, проходитъ молчаніемъ историческія сочиненія г-жи Сталь, до сихъ поръ остающіяся первоисточниками для одной изъ самыхъ сложныхъ эпохъ новой исторіи. Мы бы скорѣе помирились на болѣе краткомъ изложеніи романовъ г-жи Сталь и непремѣнно потребовали бы менѣе категорическихъ заявленій, что она—ученица Руссо. Ученица, но съ зависимою и оригинальною мастера!

Всѣ подробности въ нашихъ замѣчаніяхъ вызваны именно особенными качествами произведенія г. Брандеса. Русскій переводъ сдѣланъ не совсѣмъ тщательно, можно насчитать не мало совсѣмъ дикихъ фразъ, но это никому не помѣшаетъ легко и занимательно прочитать книгу. Симпатичный, теплый тонъ изложенія, яркія краски характеристикъ, въ высшей степени искусный пересказъ художественныхъ произведеній, склонность къ лирическимъ отступленіямъ, несомнѣнно—искреннее культурное чувство автора и открытое увлеченіе всѣмъ талантливымъ, прекраснымъ и благороднымъ, все это дѣлаетъ книгу г. Брандеса законнымъ достояніемъ большой публики. И все это—неоспоримыя достоинства. Но они, къ сожалѣнію, куплены далеко не всегда дешевою цѣною.

Дѣйствительная историческая жизнь отнюдь не такъ художественна, какъ она рисуется лирически настроенному уму. Въ ея ходѣ нѣтъ ни стройности, ни чиннаго порядка, ни классической простоты. Чаще всего это—хаотическая масса самыхъ разнообразныхъ идей, стремленій, страстей, добродѣтелей, подвиговъ, преступленій. Только терпѣливый и истинно-чернорабочій взоръ послѣ упорнаго и пристальнаго наблюденія открываетъ духа, носящагося надъ хаосомъ.

Г-нъ Брандесъ писатель болѣе аристократическаго направленія. Недаромъ онъ тяготеетъ къ остроумію Гейне и мастерству Готье. Онъ рѣшаетъ задачу историка самымъ нехлопотливымъ способомъ, на манеръ путешественника, который пріѣхалъ бы въ совершенно незнакомую сторону, остановился бы въ ея столицѣ, здѣсь осматривалъ бы присутственныя мѣста, сдѣлалъ бы визиты властямъ, и уѣхалъ бы въ полной увѣренности, что онъ «изучилъ край». Такъ обыкновенно поступаютъ разные «знатные иностранцы». Г-нъ Брандесъ слѣдуетъ, приблизительно, ихъ примѣру и весьма часто изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса. Излагая *литературу*, не хочетъ знать журналистики—важнѣйшей литературной силы новаго времени, характеризуя *писателей*, забываетъ о самой многочисленной и въ сущности, въ нашъ вѣкъ, самой серьезной и интересной публикѣ, о демократіи, описывая *направленія* и *школы*, оставляетъ на заднемъ планѣ или совсѣмъ опускаетъ первоисточникъ направленій и школъ, или по крайней мѣрѣ, ихъ спутника—философскую мысль. Получается книга, гдѣ превосходно отпечатаны прописныя буквы, и едва видны, а то и вовсе отсутствуютъ главные части словъ, строкъ и цѣлыхъ страницъ. Мы, поэтому, и рекомендуемъ восполнять эти пробѣлы съ помощью другихъ авторовъ.

Но за то по части портретовъ и иллюстрацій г. Брандесъ можетъ не бояться соперниковъ, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ и въ исторіи французской литературы XIX вѣка, и мы смѣло предлагаемъ каждому лично проверитъ это впечатлѣніе: пріятное такъ рѣдко соединяется съ полезнымъ!..

О другомъ авторѣ наша бесѣда будетъ гораздо короче. Прежде всего, книга г. Пелиссье не *исторія*, а только *картина движенія*, т. е. *эволюція литературы*, какъ принято теперь выражаться. А потомъ, главнѣйшія силы этой эволюціи мы опредѣлили. Намъ остается оцѣнить широту и вѣрность авторскаго взгляда на развитіе художественнаго творчества и общественныхъ идей. Это—общій вопросъ. Частные—на сколько правильно обозначены мѣста и роли отдѣльныхъ писателей въ поступательномъ движеніи литературы.

V.

О французахъ давно извѣстна одна весьма нелестная для нихъ истина: необыкновенно отважные въ политическихъ теоріяхъ и переворотахъ, они отчаянные консерваторы въ обыденной жизни, въ социальныхъ отношеніяхъ, и, какъ это ни странно, въ лите-

ратурныхъ вкусахъ. Мѣняетъ ли французъ бѣлую кокарду на трехцвѣтную, или наоборотъ,—онъ неизмѣнно остается молюеровскимъ буржуа, искреннимъ почитателемъ благороднаго происхожденія и недвижимой собственности, надменнымъ «господиномъ» среди «черни» и большимъ любителемъ мелодрамъ и классическихкихъ трагедій,

Не всѣ, конечно, граждане третьей республики во всей полнотѣ воплощаютъ Жоржа Дандэна, но какая-нибудь изъ этихъ чертъ непременно отыщется даже у самаго образованнаго и талантливаго француза.

Примѣръ г. Пелиссье.

У него обычная французская натура въ высокой степени, облагорожена. Онъ, подобно Тэну и Золя, не способенъ свой нравственный кругозоръ ограничить домовладѣльческими идеалами, но и у него есть одна, черта, намъ, русскимъ читателямъ, не совсѣмъ понятная, а многими и глубоко антипатичная.

Г-нъ Пелиссье буквально идолопоклонствуетъ предъ однимъ качествомъ художественной литературы,—предъ изящнымъ стилемъ. Можно, конечно, и даже должно высоко цѣнить это достоинство,—но именно *на немъ* основать права писателей на безсмертіе, а *на содержаніе* смотрѣть, какъ на вопросъ второстепенный и мимолетный, это весьма спорный критическій принципъ, и онъ сразу увлекаетъ автора въ несправедливости и недоразумѣнія.

Мы знаемъ, какъ нѣкоторые современные французскіе критики смѣряютъ на «красоту» и «геніальность» великаго стилиста Шатобріана, и каждый можетъ провѣрить самъ личнымъ впечатлѣніемъ справедливость этихъ взглядовъ. Г-нъ Пелиссье совершенно очарованъ шатобріановскимъ стилемъ и, сравнивая автора *Мучениковъ* съ г-жей Сталь, первому пророчитъ безсмертіе, а второй—забвеніе, потому что сила Шатобріана въ стилѣ, а цѣль г-жи Сталь преимущественно идеи. «М-ме де Сталь чистѣйшій идеалистъ, Шатобріанъ—чистѣйшій художникъ» (стр. 59).

Такъ выражается г. Пелиссье, позже все-таки умѣющій довольно хорошо оцѣнить поэзію Мюссе. Мы даже можемъ привести еще болѣе любопытный фактъ. Брюнетьеръ, профессоръ и одинъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ французской литературы и почтеннѣйшихъ журнальныхъ критиковъ, по мнѣнію французовъ даже единственный «профессоръ литературы» во всей Франціи,—написалъ статью о книгѣ г. Пелиссье очень хвалебную, и по поводу нашего вопроса выразился такъ: «именно престижъ стиля держитъ на неизмѣнной высотѣ *Реній христіанства*—надъ сочиненіями г-жи Сталь о *Германіи* и о литературѣ, гдѣ такое обиліе

идей». Дальше Брюнетьеръ сожалѣетъ, что во Франціи часто небрежно относятся къ мельчайшимъ отгѣлкамъ стихотворнаго языка, предпочитая интересоваться смысломъ стиховъ. А между тѣмъ часто одна рима рѣшаетъ участь стиха! *).

И ни Брюнетьеръ, ни г. Пелиссье отнюдь не символисты: такова ужъ «французская складка», и притомъ исконная вѣковая. Право, парижскимъ декадентамъ немного надо было сдѣлать усилій послѣ Готье, даже послѣ гримасниковъ, каламбуристовъ XVII вѣка, чтобы достигнуть своего «престижа стиля».

Нечего и говорить, что на Шатобріана г. Пелиссье возводитъ еще больше небывлицъ, чѣмъ г. Брандесъ. По мнѣнію нашего автора, Шатобріанъ «возвратилъ духовенству обладаніе сердцами» (стр. 87), а на самомъ дѣлѣ уваженіе къ духовенству стояло такъ низко въ эпоху Шатобріана и еще болѣе понизилось послѣ царствованія Карла X, что священники не могли раскрыть рта для проповѣди—даже предъ высшей аристократіей. Немедленно начинали замѣчаться «вольтеровскія улыбки», хотя возстановленіе католичества было именно въ интересахъ стараго дворянства. А что было позже, достаточно припомнить аристократическіе вечера «церковной музыки», когда-то на шумѣвшіе на всю Европу **). Вся-то популярность Шатобріана объясняется его *святскимъ* и *чисто-литературнымъ положеніемъ* проповѣдника. Его фееріи изъ *Генія христіанства* и *Мучениковъ* были просто спектаклями для салонной, въ особенности дамской публики, въ свою очередь получавшей возможность ломаться на тему благочестивыхъ и необыкновенно стильныхъ настроеній.

Г-нъ Пелиссье усиливаетъ свою ошибку, навязывая небывалому религіозному *чувству* современниковъ Шатобріана еще одинъ фантастическій результатъ—субъективизмъ и меланхоію. Выходитъ, романтики, такъ часто живописующіе личныя настроенія, и разочарованные поэты XIX вѣка,—правовѣрные католики! Но вѣдь самый типичный изслѣдователь своего я, авторъ даже спеціального термина—*эотизмъ*, обозначающаго неуставное копанье челоуѣка въ своихъ ощущеньяхъ и мысляхъ,—Бейль-Стендаль. А онъ не только чувствовалъ глубокое отвращеніе къ католичеству, но вообще прожилъ всю жизнь явнымъ атеистомъ и эпикурейцемъ. Первое его свойство доходило даже до самыхъ дерз-

*) «Révue des deux mondes». 15 oct. 1889, p. 879.

**) Merlet. o. c. 93. Съ этими курьезными, но въ высшей степени характерными эпизодами можно ознакомиться по мемуарамъ Арсена Гуссэ. Они изложены въ *Ист. В.* т. 37 и 38. О «церковной музыкѣ»—т. XXXVII, стр. 644.

кихъ вызововъ чужимъ вѣрованіямъ. Объ этомъ подробно можно прочесть у г. Брандеса (стр. 211, т. III). Потомъ, меланхоличнѣйшій изъ поэтовъ Мюссе отъ негодованій противъ Вольтера быстро переходилъ къ столь же дѣтскимъ нападкамъ на религію. Это обстоятельство извѣстно г. Пелиссье.

А между тѣмъ, онъ меланхолію и самоуглубленіе первыхъ христіанъ смѣшиваетъ съ тоской и нелюдимствомъ или пресыщенныхъ донъ-жуановъ, или непризнанныхъ мракобѣсовъ. Едва можно повѣрить, что такое смѣшеніе возможно, хотя все это мы читаемъ на 91-й страницѣ книги г. Пелиссье.

И все зло въ эстетическихъ страстяхъ автора: онъ, очевидно, окончательно ослѣпленъ «престижемъ стиля» тонкихъ политиковъ или просто фигурантовъ реакціи, и совершенно искренне искусственную прѣсную воду принимаетъ за драгоценнѣйшую влагу неземной благодати.

Этотъ «престижъ» заявляетъ о себѣ на лучшихъ страницахъ книги. Напримѣръ, г. Пелиссье даетъ прекрасную характеристику г-жи Жоржъ Зандъ,—прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, и въ лично-психологическомъ, и въ литературно-критическомъ,—по стилю первое мѣсто! Что же касается содержанія романовъ писательницы, ея идей—въ этомъ отношеніи она для насъ уже не существуетъ: такъ увѣряетъ г. Пелиссье. Вы, слѣдовательно, должны предпочесть шатобриановскіе восторги предъ способностью крокодила класть яйца—творчеству, проникнутому неумирающимъ страстнымъ трепетомъ человѣческаго сердца... Врядъ ли даже отыщется смѣльчакъ, согласный на себѣ самомъ продѣлать опытъ для доказательства идеи французскаго критика...

Вообще идея—слабый пунктъ г-на Пелиссье. Онъ правильно оцѣниваетъ умъ Мюссе, но становится на совершенно ложную почву, объясняя отсутствіе мысли въ творествѣ этого поэта. Во всемъ виновата, будто бы эпоха, т. е. «тусклые дни 1830 года» (стр. 168). Намъ уже извѣстно, что эти дни огорчали поэта не «тускlostью», а совершенно противоположнымъ характеромъ: *жизнью*, бѣжавшей по новымъ путямъ, интересами, судьбами обломка стараго порядка, идеалами, грозящими ему нравственной и политической смертью. Да и странно было бы считать тусклыми—дни, открывшіе новый періодъ въ литературной дѣятельности г-жи Жоржъ Зандъ, вызвавшіе на поприще славы Бальзака: до 1830 года это безымянный фабрикантъ второсортнаго товара, въ 1831 году онъ авторъ *Шагреневой кожи*—и сразу знаменитость. Наконецъ, самое яркое вліяніе «тусклые дни» произвели на Виктора Гюго: легитимистъ въ ранней молодости, пѣвецъ Ван-

домской колонны при Карлѣ X, съ 1830 года онъ поэтъ «молодой Франціи», временами даже переходитъ границы историческаго либерализма, готовъ прославлять республику.

Можно, конечно, различно относиться къ этимъ переменамъ, но нельзя отрицать ихъ, нельзя закрывать глаза на страшное дѣйствіе «іюльскаго солнца» и «іюльской лихорадки», какъ выражались сами же современники событій.

Однимъ словомъ, у кого были задатки жизни и органически-сильной дѣятельности, тотъ въ новыхъ порядкахъ почерпнулъ новые мотивы и новыя силы, а главное, новую методу художественнаго творчества. А чья нравственная природа страдала немощами и худосочиємъ, кто грезилъ изысканными пустяками и чувственнымъ раемъ, тому, конечно, было не по себѣ среди настоящей, часто грубой и всегда требовательной дѣйствительности.

Г-нъ Пелиссье говоритъ: «Гроза давно утихла, померкли солнечные лучи, и подъ влияніемъ тусклыхъ дней 1830 года, юный поэтъ едва вступивъ на свое поприще, уже восклицаетъ: «все умерло въ Европѣ!»

«И мертвые хоронили мертвыхъ», прибавимъ мы, потому что смерть поражала именно ихъ. А живые—что они дѣлали? Г-ну Пелиссье извѣстно, потому что онъ доводитъ свой рассказъ до 1848 года и ведетъ его еще дальше и объ одномъ изъ самыхъ живыхъ людей іюльской эпохи мы читаемъ:

«Всякій поэтъ,—говоритъ Викторъ Гюго,—долженъ содержать въ себѣ «сумму всѣхъ идей своего времени», и она дѣйствительно содержится въ его гениальномъ творествѣ». (стр. 153).

Вотъ истинный судъ надъ тѣми, кого иссушило іюльское солнце, и надъ тѣми, кому оно озарило новые пути мысли и дѣятельности.

Впослѣдствіи дѣйствительно настали «сумерки», вторая имперія заслонила всякій свѣтъ, и Мюссе, вѣроятно, счелъ бы себя счастливымъ именно въ эти дни: императрица Евгенія очень любила удовольствія, и ея супругъ несравненно больше интересовался аристократами и даже поэтами, чѣмъ Людовикъ-Филиппъ. Г-нъ Пелиссье мѣтко очерчиваетъ литературныя школы, порожденные этой эпохой, и снова отдаетъ должное великому вождю романтизма.

«Между поэтами, пережившими великое романтическое движеніе, только одинъ остался непоколебимо вѣренъ своему идеалу и не сложилъ оружія,—это Викторъ Гюго. Среди общаго упадка душевныхъ и творческихъ силъ, онъ гордо и мощно держитъ знамя романтизма, обреченнаго на изгнаніе».

И дальше перечисляются малодушные, бѣглецы, измѣнники и просто литературные промышленники.

Это большая заслуга со стороны г-на Пелисье—сознавать значеніе Гюго и внутренней смыслъ этого значенія. Очевидно, здѣсь не въ стилѣ дѣло: критикъ прямо говоритъ о нравственной мощи поэта, объ его идеяхъ. Не воплѣ ли было бы естественно—тотъ же принципъ примѣнить и къ романамъ г-жи Жоржъ Зандъ? Вѣдь «наивностей, гуманитарныхъ тирадъ и химерическаго оптимизма»—этихъ, по мнѣнію критика, основныхъ пороковъ произведеній писательницы, не меньше и у Гюго, если не больше, въ особенности при его риторическомъ и будто взвинченномъ стилѣ.

Дѣло въ томъ, что непризнаваемые большинствомъ идеи всегда принимаютъ рѣзкую и приподнятую форму у самихъ проповѣдниковъ. Чтобы толпу заставить слушать, надо возвысить голосъ, а чтобы она, кромѣ того, и поняла содержаніе рѣчи, надо подчеркнуть мысли и положенія, и не скупиться на свѣтъ и тѣни. Такъ бываетъ вездѣ и всегда при всякомъ новомъ общественномъ или нравственномъ движеніи.

А въ нашемъ случаѣ еще прибавилась врожденная національная аффектація, склонность французскаго писателя—одинаково и поэтовъ, и журналистовъ—къ ролямъ ораторовъ и трибуновъ. Отсюда и «гуманитарныя тирады».

Г-нъ Пелисье отлично характеризуетъ французскій классицизмъ и особенный «классическій умъ», свойственный французской націи. Это—страсть къ системамъ, къ красивымъ отвѣченнымъ построеніямъ, къ простымъ общимъ выводамъ въ ущербъ подробностямъ и фактамъ. Страсть способна развиться до фанатизма: тогда и ученый, и публицистъ невольно становятся защитниками столь же рѣзкихъ и настоятельныхъ формулъ, какъ любой догматъ. По всей исторіи французской литературы проходитъ эта «господствующая способность» націи, создавшей три единства и *Общественный договоръ*. Г-нъ Пелисье открываетъ «классицизмъ» и въ ученіи и творествѣ романтиковъ, и даже въ направленіи натуралистовъ. И онъ совершенно правъ. Гюго сочинялъ поэтическія, психологическія и нравственныя формулы не хуже Буало, Расина и Боссюэ. Отсюда «химерическій оптимизмъ». А натуральная школа—только другая крайность,—«химерическій пессимизмъ». На это указываетъ и самъ г. Пелисье. Онъ даже приводитъ изумительно вѣрныя и искреннія слова Балзака, обращенныя къ г-жѣ Жоржъ Зандъ:

«Я гораздо больше, чѣмъ вы, интересуюсь обыденными людьми и тоже идеализирую ихъ, только въ обратномъ смыслѣ, т. е. со стороны безобразія и глупости».

Слѣдовательно, за что же казнить г-жу Жоржъ Зандъ? Ея спо-

собѣ рисовать дѣйствительность свойственъ даровитѣйшимъ писателямъ Франціи, даже противоположнаго направленія. А что она оптимистка, а современные натуралисты—пессимисты, это вопросъ, выходящій за предѣлы литературной критики, пожалуй, даже и вообще человѣческаго разума. Кто правъ? Авторъ ли, успокаивающій свой умъ на человѣкъ-звѣрь, или авторъ, тоскующій по человѣкъ-ангелъ,—это задача и для всѣхъ доступная, и въ то же время никѣмъ неразрѣшимая.

Г-нъ Пелиссье, во всякомъ случаѣ, склоняется на сторону болѣе «гуманитарную» и, по современному, безусловно «химерическую». Онъ отлично понимаетъ сущность литературы Эмиля Золя съ рѣдкимъ безпристрастіемъ оцѣниваетъ критику Тэна и приноситъ благородную отвѣдь по адресу «декадентовъ» и «немистиковъ». Всѣ сочувствія критика на сторонѣ духовныхъ силъ, ясной мысли, реальной дѣйствительности. Правда, онъ, подобно г. Брандесу, не останавливается нигдѣ съ должнымъ вниманіемъ на философскихъ и обще-научныхъ идеяхъ нашего вѣка, даже по поводу Тэна не говоритъ о позитивизмѣ и по поводу Золя о вліяніи успѣховъ естествознанія на складъ ума современнаго человѣка. Эволюція у него выходитъ *литературной*, въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, т. е. цѣпь воздѣйствій одного писателя-художника на другого.

Это—методъ несовершенный и взглядъ узкій. Это—недостатокъ *содержанія* книги г. Пелиссье, но *цѣль* и *смыслъ* ея блестяще выясняются изъ истинно художественныхъ характеристикъ величайшихъ писателей эпохи и получаютъ прекрасный аккордъ въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ автора:

«Искреннее стремленіе извлечь наибольшую *нравственную пользу* изъ жизненной правды,—вотъ въ чемъ заключается главная суть реализма, порожденнаго *научно-критическимъ духомъ* нашего вѣка. Очистимъ же его отъ посторонняго сора, отъ всякой наносной грязи и, вмѣсто того, чтобы противопоставлять ему *«идеализмъ»*, какъ нѣчто враждебное, признаемъ въ немъ самомъ имъ же созданный и осуществляемый идеалъ благотворнаго искусства...»

Подчеркнутыя нами слова—несомнѣнныя «смягчающія обстоятельства» для указанныхъ выше увлеченій, недомолвокъ и несправедливостей автора.

Ив. Ивановъ.

ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА.

Какъ счастливъ тотъ, кто, чуждый колебаньямъ,
Сказавъ мѣстамъ возлюбленнымъ: прости,
Сказавъ прости своимъ воспоминаньямъ, —
Пойдетъ по новому пути.

Къ несчастію, мы съ болью отрываемъ
Прошедшее отъ сердца своего;
Передъ собой съ тоскою мѣзираемъ,
Для насъ грядущее — мертво!

Безумные! Въ теченіи лѣтъ безсильны
Мы позабыть одинъ блаженный мигъ,
И какъ порою слезы ни обильны —
Не изсякаетъ ихъ родникъ.

И никогда, цѣною всѣхъ усилій,
Не свергнуть намъ былого гнетъ:
Пусть больше нѣтъ того, что мы любили —
Сама любовь еще живетъ.

О. Чюмина.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(Окончаніе) *).

III.

Количественный и качественный составъ земледѣльческаго населенія Россіи и Европы.—Происхожденіе русской общины.—Сходство и различіе въ современномъ положеніи разныхъ элементовъ русскаго крестьянства.—Періоды въ исторіи помѣщичьихъ крестьянъ.—Прикрѣпленіе къ тяглу и къ служилому сословію.—Правительственныя и владѣльческія мѣры прикрѣпленія.—Фактическое прекращеніе свободнаго перехода крестьянъ и законодательное прекращеніе свободной конкуренціи хозяевъ за рабочія руки.—Внѣ-законное развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными и юридическія противорѣчія въ ихъ положеніи.—Замѣна государственнаго характера прикрѣпленія—частнымъ.—Стороны крѣпостнаго права, регламентированныя и оставшіяся безъ регламентаціи въ законодательствѣ.—Непрочность крѣпостнаго права и сравнительная возможность разныхъ способовъ освобожденія.—Сравнительная сила разныхъ мотивовъ освобожденія.—Роль дворянскихъ интересовъ при освобожденіи.—Исторія удѣльныхъ крестьянъ.—Особенности исторіи государственныхъ крестьянъ.—Частная собственность и введеніе общины у черносошныхъ и однодворцевъ.—Аграрная политика XVIII и XIX вѣва.—Вопросъ о будущемъ общины.

Переходя къ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи, мы опять должны прежде всего отмѣтить разницу въ той роли, которую это сословіе играло въ социальной жизни Россіи и Европы. Разница эта обнаруживается уже при простомъ сопоставленіи цифръ. Земледѣльческій классъ европейской Россіи составляетъ 88%, или почти $\frac{9}{10}$, всего населенія. Между тѣмъ, въ Германіи и Франціи земледѣліемъ кормится вдвое меньшая часть населенія (42—41%); въ Англіи земледѣліе служитъ источникомъ существованія всего $\frac{1}{8}$ части жителей (12%). Все остальное населеніе живетъ на Западѣ промышленностью, торговлей или личными услугами—государству и частнымъ лицамъ. Не менѣе значительно и качественное различіе въ составѣ земледѣльческаго класса Россіи и Европы. Изъ всего количества лицъ, живущихъ на доходы отъ земледѣлія, въ Россіи всего полмилліона владѣтъ землей на

*) См. «Мірѣ Божій», № 11 ноябрь.

правѣ частной собственности (въ томъ числѣ больше половины—крестьяне). Этому полумилліону частныхъ собственниковъ принадлежитъ четвертая часть всей земельной площади Россіи (въ томъ числѣ дворянѣ отдѣльно— $\frac{1}{5}$ всей площади). Остальная многомилліонная масса состоитъ изъ земледѣльцевъ-общинниковъ,—коллективныхъ собственниковъ, пользующихся своей долей общинной земли и обрабатывающихъ свой участокъ своими руками. Во владѣніи крестьянскихъ общинъ находится треть всей площади (остальныя $\frac{2}{5}$ —преимущественно покрытыя лѣсами—принадлежать казнѣ). Исторія западнаго землевладѣнія началась съ разрушенія тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ русское землевладѣніе. Въ самый древній періодъ этой исторіи коллективная собственность разложилась и уступила мѣсто частной, и тотчасъ же эта частная собственность начала ускользать изъ рукъ того сословія, которое его обрабатывало. Въ результатѣ вѣковой социальной борьбы въ трехъ главныхъ странахъ Западной Европы сложились три различные типа земельной собственности, одинаково далекія отъ типа, преобладающаго въ Россіи. Въ Великобританіи земля окончательно ушла изъ рукъ земледѣльческаго сословія; $\frac{7}{10}$ площади находится тамъ во владѣніи всего 10 тысячъ крупныхъ собственниковъ; преобладающимъ типомъ земледѣльца сдѣлался, такимъ образомъ, типъ зажиточнаго фермера,—арендатора чужой земли,—или его наемнаго рабочаго. Въ Германіи, напротивъ, тѣ же $\frac{7}{10}$ площади сохранились въ рукахъ крестьянства; но въ процессѣ борьбы за землю сложился преобладающій типъ крестьянства крупнаго, болѣе похожаго на нашихъ мелкихъ помѣщиковъ. Наконецъ, во Франціи крестьянство было слишкомъ слабо, чтобы вести активную социальную борьбу; за то земля не ускользнула отъ него и не перешла въ руки однихъ только болѣе стойкихъ его представителей. Французскій крестьянинъ вышелъ изъ исторіи такимъ, какимъ сдѣлалъ его долговременный государственный и феодальный гнетъ: онъ вышелъ самостоятельнымъ работникомъ на мелкомъ участкѣ, который сталъ, рано или поздно, его полной собственностью.

Что же значитъ это сдѣланное нами сопоставленіе? Составляетъ ли особенная форма русскаго землевладѣнія наше неотъемлемое національное свойство, какъ думали одни, или она доказываетъ только, что мы еще стоимъ на той ступени развитія, съ которой давно уже сдвинулась Европа, — какъ думали другіе? Историческій анализъ одинаково разрушаетъ оба предположенія, показывая, что русская община не есть ни такое неизмѣнное въ исторіи явленіе, какъ это предполагается сторонниками перваго

мѣнія,—ни такое элементарное, примитивное и архаическое, какъ это нужно предположить для доказательства втораго. Не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-нибудь первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее сравнительно происхожденіе и раскрыть создавшія ее причины. По существу своему, русская община есть принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія лежащихъ на ней платежей и повинностей и обезпечивающая себѣ эту исправность уравниеніемъ повинностей съ платежными средствами каждаго члена. Какъ появилась такая принудительная организація, объ этомъ мы уже говорили; мы видѣли, что тяглая община была продуктомъ усиленныхъ государственныхъ нуждъ и русской экономической неразвитости (Оч. III, 2). Но такая *тяглая* община еще не есть непременно *хозяйственная*, какою мы знаемъ общину нашего времени. Хозяйственное распоряженіе общинной землей—въ формѣ «свалки и навалки» участковъ и въ формѣ періодическихъ передѣловъ всей земли—не входитъ необходимо въ кругъ обязанностей тяглой общины. Съ податной точки зрѣнія постоянное приспособленіе платежей къ платежнымъ силамъ семьи,—какое достигается этими перераспредѣленіями участковъ,—есть, конечно, самая совершенная форма «народнаго кадастра». Но тяглая община, *какъ таковая*, не могла еще идти такъ далеко въ податномъ уравниеніи плательщиковъ. Ея цѣль заключалась не въ постоянномъ уравниваніи платежей съ постоянно мѣняющимися рабочими силами каждаго хозяйства,—а просто въ уравниеніи тягла съ размѣромъ участка, предполагаемаго неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, старинная «мірская ровность» состояла не въ передачахъ и передѣлахъ участковъ, а только въ ихъ измѣреніи съ помощью веревки («вервленіи») и въ обложеніи ихъ тягломъ пропорціонально размѣрамъ. Сами участки могли при этомъ оставаться полной и неприкосновенной собственностью ихъ хозяевъ. Если община позволяла себѣ распоряжаться этими участками, то только въ томъ случаѣ, когда хозяева, «вотчичи» участковъ, бросали ихъ пустыми: въ такомъ случаѣ община поневолѣ должна была пріискать хотя бы временныхъ «жильцовъ» на опустѣвшіе участки, такъ какъ съ нихъ все-таки ей же приходилось платить всѣ подати и нести всѣ повинности. Впервые болѣе свободное распоряженіе крестьянскими участками — напоминающее современную общину—мы встрѣчаемъ на такихъ земляхъ, которыя крестьянамъ въ собственность не принадлежали, — т. - е. на земляхъ частныхъ вла-

дѣльцевъ. Распоряжается при этомъ не община, а приказчикъ частнаго владѣльца; если же распоряжается передѣломъ участковъ община, то это по спеціальному разрѣшенію или приказанію владѣльцевъ. Такимъ образомъ, *хозяйственная* община нашего времени впервые появляется въ предѣлахъ частнаго—и притомъ болѣе или менѣе крупнаго—хозяйства: на земляхъ монастыря или князя. Уже въ XVI вѣкѣ свободное хозяйственное распоряженіе крестьянскими участками, повидимому, входитъ въ обычай на владѣльческихъ земляхъ срединной Россіи. Въ теченіе XVII и XVIII в. правительство старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ. Сейчас мы увидимъ, что въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка это вполнѣ ему удастся.

И такъ, русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія. Это нисколько не мѣшаетъ ей отражать на себѣ примитивный характеръ экономическаго быта, среди котораго она возникла; но этотъ примитивный характеръ общины не долженъ вводить насъ въ заблужденіе: нѣтъ надобности искать родственныхъ ей формъ въ далекомъ прошломъ, когда недавнее настоящее представляло всѣ нужные элементы для возникновенія вновь этой формы и для распространенія ея на всѣ разнородные элементы, изъ которыхъ сложилось современное русское крестьянство. Только познакомившись съ тѣмъ, насколько различно сложилась предыдущая исторія этихъ разнородныхъ элементовъ, мы будемъ въ состояніи оцѣнить, какъ велика была ассимилирующая сила одинаковыхъ экономическихъ условій и одинаковой финансовой системы, сообщившая всѣмъ этимъ разнороднымъ частямъ сословія одинаковую социальную-экономическую структуру.

Въ наше время, дѣйствительно, все крестьянское сословіе Россіи представляетъ одно цѣлое. Все русское крестьянство выкупаетъ въ настоящее время свои надѣлы и выкупить ихъ окончательно въ свою собственность къ 1931 году. По окончаніи выкупа всѣ юридическіе слѣды прежнихъ различій въ положеніи разныхъ группъ крестьянства сгладятся совершенно и крестьянство окончательно сольется въ единое сословіе. Теперь же, прежде всего, разница самыхъ условій земельного выкупа напоминаетъ намъ о прошломъ. По условіямъ выкупа вся крестьянская масса дѣлится на три категоріи. Первая категорія это бывшіе *крѣпостные*, помѣщичьи крестьяне. Они перешли на выкупъ по положенію 19-го февраля 1861 г., но только съ 1883 года выкупъ сдѣланъ былъ для всѣхъ обязательнымъ. Эти крестьяне получили для расчета съ помѣ-

щиками правительственную ссуду, за которую они вносят проценты съ погашеніемъ (такъ называемые «выкупные платежи») и, такимъ образомъ, уплатятъ ссуду въ 49 лѣтъ. Вторая категория—*удѣльные крестьянъ*—стала выкупать свои земли въ 1863 г., выкупъ сдѣланъ былъ для нихъ съ самаго начала обязательнымъ и производится не путемъ взноса новыхъ платежей, а путемъ обращенія прежнихъ платежей въ выкупные; въ 49 лѣтъ образуется изъ этихъ взносовъ капиталъ, который и будетъ соответствовать цѣнности отданной удѣльнымъ крестьянамъ земли. Наконецъ, третья категория крестьянъ *государственныхъ*. Они хотя и остались на казенномъ оброкѣ, а земли ихъ въ казенной собственности, но уже въ 1865 г. эти земли были закрѣплены за ними особыми юридическими актами, такъ называемыми, «владѣнными записями», и дозволенъ былъ желающимъ выкупъ этихъ земель въ полную собственность. Такимъ правомъ пользовались, однако, немногие, и черезъ двадцать лѣтъ (при первой послѣ 1866 г. переоброцкѣ «оброчной подати») — въ 1886 г. выкупъ былъ сдѣланъ и для нихъ обязательнымъ; для этого оброчные платежи были обращены въ выкупные: взносъ ихъ въ 44 года долженъ образовать капиталъ, нужный для выкупа оброчной подати, которая затѣмъ и перестанетъ уплачиваться, такъ что крестьяне перестанутъ стоять относительно государства въ положеніи оброчниковъ, нанимателей государственной земли.

Разница этихъ трехъ категорій русскаго крестьянства повлекла за собою еще и другое различіе, въ степени обезпеченія ихъ земельной собственностью. У крестьянъ разныхъ категорій самые размѣры выкупаемыхъ участковъ оказались различными. Всего хуже пришлось въ этомъ отношеніи помѣщичьимъ крестьянамъ, такъ какъ владѣльцы ихъ большею частью имѣли интересъ продать крестьянамъ какъ можно меньше зомли, а себѣ оставить какъ можно больше. Такимъ образомъ, почти $\frac{3}{4}$ помѣщичьихъ крестьянъ (73%) получили надѣлы отъ десятины и менѣе до 4-хъ десятинъ. Между тѣмъ $\frac{3}{4}$ удѣльныхъ крестьянъ (74,9%) обезпечены надѣлами отъ 2 до 6 десятинъ, а изъ государственныхъ большая часть (70,7%) получила отъ 4 до 10 десятинъ и больше (и 25% отъ 2 до 4). Если считать достаточнымъ для крестьянскаго хозяйства средній государственный надѣлъ, то изъ государственныхъ надѣлены были при выкупѣ недостаточно только 13,7%, а изъ помѣщичьихъ 42,6%, т. е. количество, втрое большее.

Обратимся теперь къ исторіи тѣхъ отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, образовалось современное крестьянское сословіе: къ исторіи крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ.

Исторія помѣщичьихъ (и вообще владѣльческихъ) крестьянъ тѣсно переплетается съ исторіей другихъ сословій; естественно поэтому, что отмѣченные нами прежде періоды въ развитіи дворянскаго и городского сословія совпадаютъ съ періодами въ исторіи владѣльческихъ крестьянъ. Въ исторіи дворянства и горожанъ мы нашли четыре различные періода. Древнѣйшій періодъ (до конца XV вѣка) тамъ и здѣсь характеризуется отсутствіемъ юридическихъ разграниченій между сословіями, полной неустойчивостью сословныхъ связей, отсутствіемъ сословной организаціи. Во второмъ періодѣ (XVI и особенно XVII в.) усиливающаяся государственная власть закрѣпощаетъ сословія на государственную службу натурой или деньгами; закрѣпощая ихъ, она этимъ самымъ устанавливаетъ рѣзкія грани между сословіями и даетъ имъ принудительную организацію. Третій періодъ (XVIII) состоитъ, напротивъ, въ раскрѣпощеніи сословій; освобождая ихъ отъ обязательной службы, правительство пытается дать имъ сословныя привилегіи и сословную организацію. Наконецъ, четвертый періодъ характеризуется отмѣной сословныхъ привилегій, юридическимъ сліяніемъ старыхъ сословныхъ группъ и началомъ новой общественной группировки. Короче, мы можемъ назвать эти періоды—періодомъ первоначальнаго смѣшенія, закрѣпощенія, раскрѣпощенія и разрушенія старыхъ сословій.

Отдѣлы, соотвѣтствующіе всѣмъ этимъ періодамъ, мы найдемъ и въ исторіи владѣльческаго крестьянства съ нѣкоторыми, однако же, различіями. Въ древнѣйшемъ періодѣ, когда «вольные слуги» кочуютъ отъ князя къ князю и когда городское населеніе юридически не выдѣляется отъ деревенскаго—въ самомъ деревенскомъ населеніи мы отмѣтили уже прежде нѣкоторые элементы принудительной организаціи. Мы видѣли, что правительство, подъ давленіемъ татарскаго ига, сгруппировало нѣкоторую, по крайней мѣрѣ, часть населенія въ тяглыя «сотни» и записало ихъ въ «данскія книги. Эти «численные люди», «данные» и «письменные», были уже тогда закрѣплены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ записаны; съ другими владѣльцами и князьями заключалось постоянное условіе, «а тяглыхъ тебѣ моихъ людей, данскихъ и письменныхъ, къ себѣ въ села не принимать!» Такова была древнѣйшая форма прикрѣпленія крестьянъ, притомъ, свойственная всѣмъ ихъ категоріямъ одинаково. Конечно, это прикрѣпленіе было пока чисто податное: подобно городскому прикрѣпленію древнѣйшаго времени, здѣсь подать была прикрѣплена къ тяглу, а не къ тяглецу, къ участку, а не къ его обитателю, который могъ свободно уйти, поставивъ за себя жильца. Поэтому, когда начался второй періодъ сословной

исторіи—періодъ прикрѣпленія жителей къ ихъ занятіямъ, — податнаго прикрѣпленія крестьянъ оказалось недостаточно. На крестьянъ легла новая обязанность: содержать обширное, вновь сформированное служилое сословіе. Бѣдное деньгами государство поступило такъ, какъ поступали и на Западѣ въ подобномъ случаѣ; оно заплатило своимъ служилымъ людямъ землей, но не простой землей, которая въ московскомъ государствѣ ничего не стоила, а землей, населенной крестьянами. Кому принадлежали раньше эти земли и на какомъ основаніи населеніе этихъ земель обязано было «слушать» своихъ новыхъ хозяевъ, «подати имъ платить и всякое издѣліе дѣлать, чѣмъ ихъ изброчать», — объ этомъ едва ли возникалъ вопросъ въ то время. Но, какъ бы то ни было, новая обязанность, возложенная на крестьянство, считалась особымъ видомъ службы *государству*. Хотя государство и не позаботилось установить границы обязанностей крестьянъ относительно ихъ «помѣщиковъ», тѣмъ не менѣе ни владѣніе землей, данной за службу, ни, тѣмъ болѣе, владѣніе крестьянами не считалось безусловнымъ. Крестьянинъ смотрѣлъ на служилаго чело-вѣка, котораго онъ обязанъ былъ «слушать» и подати ему платить, какъ на царскаго слугу, а на свое подчиненіе ему, какъ на временную форму казеннаго вознагражденія за его службу. Такъ смотрѣло, конечно, вначалѣ и само правительство; въ одномъ документѣ середины XVI в. выставляется даже, въ интересахъ крестьянства, требованіе, чтобы служилые люди и жили не въ своихъ деревняхъ, а въ городахъ, въ сборныхъ пунктахъ, куда и должны были бы доставляться всѣ «установленные» сборы съ назначенныхъ на ихъ содержаніе «ратаевъ».

Конечно, объ этомъ можно было только мечтать въ государствѣ, не имѣвшемъ еще собственныхъ органовъ для выполненія самыхъ важнѣйшихъ своихъ функцій. Если бы правительство могло установить *такія* отношенія между крестьянами и помѣщиками то оно могло бы и ввести иную форму вознагражденія послѣднихъ. При тогдашнихъ условіяхъ, сношенія съ крестьянами правительство должно было предоставить самимъ помѣщикамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишалось и всякой возможности контроля надъ этими отношеніями. Не только оно не могло думать о защитѣ интересовъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, но на первыхъ же порахъ ему пришлось рѣшительно стать на сторону помѣщичьихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что недостаточно было дать служилымъ людямъ населенныя земли; надо было позаботиться о томъ, чтобы населеніе этихъ земель оставалось на мѣстѣ. Одной записи въ тягло было для этого слишкомъ мало. Правда, подъ вліяніемъ ли тягла,

или независимо отъ этого вліянія, нѣкоторая часть населенія привыкла къ своимъ мѣстамъ; сплошь и рядомъ въ документахъ XVI вѣка встрѣчаются «старожильцы», которые живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и полвѣка, и больше: и правительство кончаетъ тѣмъ, что признаетъ право владѣльца на такихъ старожильцевъ, начинаетъ считать ихъ «крѣпкими» ему «по старинѣ». Большая часть крестьянъ продолжаетъ, однако, бродить отъ одного владѣльца къ другому, вступая съ каждымъ изъ нихъ въ добровольное и временное соглашеніе. Этихъ-то вольныхъ людей правительство старается теперь всячески укрѣпить за владѣльцами; къ тому же стремятся, конечно, и сами владѣльцы. Тѣ и другіе дѣйствуютъ при этомъ тѣми средствами, которыя находятся въ ихъ власти. Правительство законодательнымъ порядкомъ устанавливаетъ высокія пошлыны съ уходящихъ отъ владѣльца крестьянъ, — какъ плату за пользованіе избой («пожилое»); оно опредѣляетъ законный срокъ расчета (Юрьевъ день); и въ случаѣ, если крестьянинъ ушелъ отъ владѣльца не въ срокъ и безъ платежа пошлыны, т. е. безъ правильнаго «отказа», — правительство считаетъ такого крестьянина «бѣглымъ» и даетъ на него владѣльцу право иска и возвращенія судебнымъ порядкомъ. Съ своей стороны, и владѣлецъ принимаетъ мѣры, чтобы закрѣпить себя крестьянина. Лучшимъ средствомъ для этого служить выдача крестьянину «ссуды» на первоначальное обзаведеніе. Въ такой ссудѣ нуждалось большинство крестьянства; получивъ отъ 2 до 5 рублей (отъ 120 до 300 р. на наши деньги), крестьянинъ терялъ всякую возможность расплатиться съ хозяиномъ, и, такимъ образомъ, принужденъ былъ оставаться на его землѣ безсрочно; тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ нарушенія контракта, онъ обязанъ былъ выплатить еще особую неустойку («зарядъ»). Всѣхъ этихъ средствъ было бы совершенно достаточно, чтобы обезпечить помѣщику крестьянъ, если бы не примѣшались два непредвидѣнные обстоятельства. Во-первыхъ, каждый помѣщикъ хлопоталъ о прикрѣпленіи собственныхъ крестьянъ, но въ то же время всячески препятствовалъ прикрѣпленію крестьянъ своего сосѣда, стараясь всѣми силами переманить ихъ къ себѣ. Законный «отказъ» и выходъ сталъ для крестьянина очень труденъ къ концу XVI в.; но на смѣну выходу явился «вывозъ». Владѣльцы или общины, искавшіе работниковъ и тягловцовъ, разсылали своихъ агентовъ повсюду съ цѣлью «отказывать» себѣ крестьянъ изъ-за [старыхъ владѣльцевъ. Новый хозяинъ охотно принималъ на себя уплату всѣхъ долговъ, лежавшихъ на крестьянинѣ, только бы перевести его на свою землю. Воспротивиться такому «вывозу», если всѣ условія «отказа»

были соблюдены, старый владѣлец не имѣлъ права. Такимъ образомъ, свобода перехода крестьянъ превратилась въ свободу конкуренціи изъ-за крестьянъ между земледѣльцами: конечно, при этомъ выигрывали наиболѣе зажиточные хозяева, имѣвшіе возможность дать крестьянину наибольшую льготу. Эта конкуренція еще болѣе обострилась тѣмъ обстоятельствомъ, что съ середины XVI вѣка открылась возможность колонизаціи новыхъ земель (Оч. I, 3); народный потокъ хлынулъ туда, а въ старомъ московскомъ центрѣ земли стали пустовать и явился усиленный спросъ на рабочія руки *). Правительство было завалено исками о возвращеніи незаконно ушедшихъ. На первыхъ порахъ оно не нашло ничего лучшаго, какъ попытаться сократить число этихъ исковъ: указомъ 1597 г. запрещено было принимать жалобы отъ тѣхъ, кто не успѣлъ подать ихъ въ теченіе пяти лѣтъ до этого года. Это значило, что всѣ незаконно ушедшіе съ своихъ мѣстъ раньше 1592 г. могутъ законно оставаться на новыхъ мѣстахъ жительства и не считаются «бѣглыми». Такимъ образомъ, результаты самаго горячаго времени колонизаціи степи и поволжья были официально признаны правительствомъ. Естественно, что въ служиломъ классѣ коренного московскаго центра эта мѣра должна была вызвать страшнѣйше раздраженіе. Тогда Борисъ Годуновъ, вообще старавшійся добиться расположенія мелкихъ служилыхъ людей, рѣшился успокоить ихъ мѣрой совершенно противоположнаго характера. Въ 1601 г. и еще разъ въ 1602 г. — оба раза только на одинъ годъ — запрещено было крестьянамъ уходить изъ московскаго центра на окраины, и въ то же время свобода «вывоза» крестьянъ оставлена только мелкимъ служилымъ людямъ между собою, а крупнымъ — между собою. Такимъ образомъ, самые опасные конкуренты для мелкаго помѣщика, крупные хозяева устра-

*) Сравнительная численность разныхъ формъ перехода въ концѣ XVI в. видна будетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1580 г. въ тверской вотчинѣ князя Симеона Бекбулатовича (20 селъ и 473 деревни) числилось 2.217 крестьянъ. Изъ этого числа въ ближайшія лѣты пять до 1580 г. ушло 305 человекъ, т. е. меньше 14%. Но изъ числа ушедшихъ только 53 (17% или болѣе 2% всѣхъ крестьянъ) смогли «выйти» сами, т. е. разсчитаться своими средствами съ хозяиномъ. Нѣсколько [большее количество «выбѣжало», т. е. ушло безъ законнаго отказа (65 чел., 21% или около 3% всѣхъ крестьянъ); владѣлецъ имѣлъ право отыскивать ихъ законнымъ порядкомъ. Большая же часть (188 чел., 62% или около 9% всѣхъ крестьянъ) были «вывезены» другими владѣльцами. Такимъ образомъ, «вывозъ» былъ главной формой перехода. На мѣсто ушедшихъ пришло и вновь порядилось въ крестьянство всего 27 человекъ. Въ итогѣ, слѣдовательно, въ самый короткій промежутокъ времени хозяйство Симеона потеряло 13% рабочаго населенія.

нялись. отъ конкуренціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе крестьянъ существенно измѣнялось. Теперь уже «бѣглыми» были не только тѣ крестьяне, которые жили, не исполнивъ условій своей «порядной», своего свободнаго договора; всякій крестьянинъ «вывезенный» за «сильнаго человѣка» былъ бѣглымъ, и даже хуже, чѣмъ бѣглымъ, такъ какъ тутъ къ нарушенію обязанности со стороны крестьянина присоединялось нарушеніе закона со стороны принявшаго его хозяина. Правда, въ слѣдующіе годы законъ Бориса, повидимому, не подтверждался, да и скоро правительству стало не до того, чтобы разрѣшать вопросы сословной политики. Наступила смута и новая династія застала положеніе дѣла самымъ неопредѣленнымъ. Съ одной стороны, уже во время смуты поговаривали о томъ, чтобы вообще запретить всякіе переходы крестьянъ; съ другой стороны, переходы эти стали легче, чѣмъ прежде, такъ какъ законъ 1597 г. стали толковать въ томъ смыслѣ, что отыскивать бѣглаго крестьянина вообще можно только въ теченіе пяти лѣтъ послѣ побѣга. Съ одной стороны, мелкіе служилые люди твердо стояли на почвѣ закона 1601 г. и считали «бѣглыми» всѣхъ, перезванныхъ «сильными людьми»; съ другой—«сильные» люди свободно продолжали переманивать крестьянъ и старались привязать ихъ къ себѣ какъ можно прочнѣе. Въ это время вошло въ обычай брать съ крестьянъ запись особаго рода: вмѣсто простой «порядной» крестьянинъ давалъ на себя такъ-называемую «судную запись». Здѣсь онъ навсегда отказывался отъ права уплатить взятую у хозяина ссуду, обязывался никуда не «выходити» отъ новаго хозяина и давалъ ему заранѣе право отыскивать себя повсюду и «отовсюду къ себѣ взяти». Можно себѣ представить положеніе стараго хозяина, когда передъ судомъ новый владѣлецъ выкладывалъ такой документъ. На что онъ могъ сослаться въ доказательство своихъ правъ на бывшаго своего крестьянина? Онъ ссылался, обыкновенно, на «старину»; но чтобы доказать, что отыскиваемый крестьянинъ былъ его «старинный», надо было представить какую-нибудь «крѣпость», какой-нибудь документъ, въ которомъ этотъ крестьянинъ былъ записанъ въ его имѣніи. Но уже никакія доказательства ни къ чему не служили, если новому владѣльцу удавалось укрыть у себя крестьянина въ теченіе пяти лѣтъ: тогда послѣдній оставался за нимъ по праву давности.

Естественно, что мелкіе служилые люди начинаютъ добиваться при новой династіи, чтобы бѣглый навсегда оставался бѣглымъ, т. е. чтобы уничтожена была давность для исковъ о бѣглыхъ, которой не было «при прежнихъ государяхъ»; чтобы разнаго рода

владѣнные документы на землю признавались достаточными «крѣпостями» на крестьянъ, чтобы сильнымъ людямъ вообще запрещено было вывозить за себя крестьянъ. Мало-по-малу, правительство уступаетъ; срокъ давности удлинняется до 10 лѣтъ, а потомъ и вовсе уничтожается; всѣ крестьяне, записанные въ новую дворовую перепись 1646—48 гг., признаются крѣпостными и *всякій* переходъ ихъ къ кому бы то ни было съ этого времени считается бѣгствомъ. Такимъ образомъ, служилое сословіе торжествуетъ побѣду надъ взаимной конкуренціей изъ-за крестьянъ, послѣ того, какъ оно давно уже восторжествовало надъ свободнымъ переходомъ крестьянъ. Остается, правда, еще кое-какое гулящее население, не попавшее въ перепись; но теперь уже всякій договоръ такого гулящаго человѣка съ хозяиномъ заключается въ формѣ ссудной записи, т. е. дѣлаетъ его вполне крѣпостнымъ; и всякій такой случай поступленія «въ крестьянство» омѣчается въ правительственномъ учрежденіи—помѣстнымъ приказѣ. По мѣрѣ того, какъ крестьянинъ закрѣпляется за владѣльцемъ, растетъ и власть надъ нимъ послѣдняго. Никто не вмѣшивается въ область ихъ взаимныхъ отношеній; правительство заботится только о томъ, чтобы крестьянинъ не выходилъ изъ крестьянства, т. е. чтобы онъ не переставалъ быть плательщикомъ: до остального ему нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ, уже въ XVII вѣкѣ, едва сложившись формально, крѣпостное право является со всѣми атрибутами неограниченной власти человѣка надъ человѣкомъ. Съ самаго начала вѣка помѣщикъ безъ стѣсненія отрываетъ крестьянина отъ земли, переводитъ его въ дворовую прислугу, переселяетъ въ другія имѣнія, дробитъ крестьянскія семьи, дѣлитъ, мѣняетъ ихъ; навѣрное, тогда же начинается и прямая продажа крестьянъ. Судьей своихъ крестьянъ помѣщикъ былъ, вѣроятно, уже и въ XVI вѣкѣ; въ XVII вѣкѣ на помѣщичьемъ дворѣ можно уже встрѣтить тюрьму, кандалы и рогатки, а въ арсеналѣ судебныхъ доказательствъ появляются самыя изысканныя московскія пытки. Право наказанія не ограничивалось никакими предѣлами; уложеніе, правда, при одномъ частномъ случаѣ, велитъ «приказывать накрѣпко» господину, чтобы онъ не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ подвластнаго ему человѣка; но и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ законъ ничѣмъ не обезпечивалъ личности крѣпостного. Даже въ случаѣ убійства крѣпостного, владѣлецъ не несъ опредѣленной законами отвѣтственности. И при всемъ томъ законъ нисколько не ограничивалъ какихъ бы то ни было гражданскихъ правъ крестьянина, такъ что на практикѣ положеніе его было полно самыхъ рѣзкихъ противорѣчій. Крестьянинъ могъ

быть проданъ помѣщикамъ—и въ то же время могъ покупать собственныхъ крѣпостныхъ; онъ подлежалъ помѣщицъему суду—и въ то же время являлся передъ обычными судами въ роли полноправнаго истца или отвѣтчика; имущество его входило въ составъ господскаго имущества—и одновременно онъ могъ самостоятельно входить въ имущественныя сдѣлки съ казной, посторонними лицами и даже собственнымъ владѣльцемъ; онъ былъ равноправимъ—или равно-обязаннымъ—членомъ общины, и вполне зависѣлъ отъ личнаго произвола хозяина или его приказчика; онъ былъ крѣпокъ землѣ, и, повидимому, безъ всякаго спроса владѣльца могъ уходить на заработки и оставаться внѣ общины цѣлыми годами. И всѣ эти противорѣчія сводились къ одному коренному. Съ одной стороны, владѣніе крѣпостными продолжало считаться только средствомъ вознагражденія служилыхъ людей за ихъ службу, т. е. было одной изъ формъ казеннаго жалованья; съ другой, уже складывалось на практикѣ отношеніе къ крѣпостному, какъ къ полной собственности владѣльца.

Третій періодъ въ исторіи владѣльческаго сословія далъ рѣшительный перевѣсъ послѣднему взгляду на крѣпостное право. Оно сохраняло государственный характеръ, пока соединено было съ обязательной военной службой землевладѣльцевъ. Служба крестьянина помѣщику представлялась естественнымъ послѣдствиемъ службы помѣщика государству: закрѣпощеніе крестьянъ оправдывалось закрѣпощеніемъ самого дворянства. Но въ XVII вѣкѣ началось, какъ мы знаемъ, раскрѣпощеніе дворянства и превращеніе его въ привилегированное сословіе. Первымъ шагомъ къ этому раскрѣпощенію было отдѣленіе дворянской службы отъ дворянскаго землевладѣнія; обязательность службы была сохранена и даже усилена Петромъ, но владѣніе бывшимъ служилымъ участкомъ (все равно, помѣстьемъ или вотчиной) перестало зависѣть отъ службы и превращено было знаменитымъ указомъ о единонаслѣдіи (1714) въ полную дворянскую собственность. Манифестъ 18 февраля 1762 г. и жалованная грамота Екатерины II дворянству закончили то, что было начато указомъ о единонаслѣдіи: дворянство окончательно освободилось отъ обязательной службы и получило подтвержденіе и даже расширеніе всѣхъ своихъ владѣльческихъ правъ,—что же должно было стать теперь съ крѣпостными? Сами они твердо помнили, что кормятъ царскаго слугу; если царь освободилъ его отъ службы, то ихъ онъ долженъ былъ, по ихъ убѣжденію, освободить отъ обязанности его кормить. Вотъ почему послѣ манифеста о вольности дворянства крѣпостные стали ждать и для себя такого же манифеста; не дождавшись его, они

рѣшили, что манифестъ о ихъ вольности уже данъ, но только помѣщики его скрываютъ. При этомъ убѣжденіи, не смотря ни на что, они остались вплоть до освобожденія; и самое освобожденіе съ своей старой точки зрѣнія они поняли такъ, что царь, наконецъ, отдаетъ имъ землю,—которую они продолжали упорно считать своею,—а своихъ слугъ хочетъ наградить за ихъ службу парскимъ жалованьемъ.

Правительственная точка зрѣнія совершенно разошлась въ этомъ случаѣ съ народной. Въ тотъ моментъ, когда крестьяне начали ждать свободы, законъ превратилъ ихъ въ полную собственность дворянъ; *государственный* характеръ этой собственности совершенно ступевался, и на первый планъ выступилъ *частный*. Правительство уже не ограничивалось пассивнымъ отношеніемъ къ положенію крѣпостныхъ: цѣлымъ рядомъ указовъ оно старалось провести новый взглядъ на нихъ, какъ на привилегированную дворянскую собственность. Постепенно крѣпостные лишаются права свободно уходить на промыслы (1726), брать откупа и подряды (1731), обязываться векселями и вступать въ поручительство (1761), право продажи крѣпостныхъ, признанное закономъ уже въ концѣ XVII в., формально подтверждается въ 1747; но, кромѣ того, дается помѣщикамъ право ссылки въ Сибирь (1760); у крестьянъ отнимается право жалобы на помѣщиковъ въ 1767 г. Отдавъ, такимъ образомъ, крѣпостныхъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ, правительство старается гарантировать себѣ только исправность платежей; для этой цѣли оно все настойчивѣе и настойчивѣе требуетъ послѣ Петра (1731—1762), чтобы помѣщики взяли на себя отвѣтственность за правильный взносъ податей и поставку рекрутъ, и все опредѣленныя возлагаетъ на нихъ обязанность заботиться о прокормленіи крестьянъ во время голода, о снабженіи ихъ сѣменами въ случаѣ неурожая. Изъ частыхъ напоминаній помѣщикамъ обо всѣхъ этихъ обязанностяхъ можно заключить, что онѣ далеко не всегда выполнялись. Самые добросовѣстные изъ помѣщиковъ перелагали свои обязанности на крестьянъ, заставляя ихъ покупать рекрутъ въ складчину и наполнять своимъ хлѣбомъ запасные магазины. Большинство же и во все не заботилось о выполненіи обязанностей. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности настоять даже на томъ, что его ближайшимъ образомъ интересовало, правительство, естественно, тѣмъ менѣе имѣло побужденій вмѣшиваться во внутреннія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ. Область этихъ отношеній оставалась, по прежнему, незатронутой никакими законодательными опредѣленіями. Въ концѣ концовъ, такая неопредѣленность взаим-

ныхъ отношеній, усердно оберегавшихся дворянствомъ отъ всякихъ посягательствъ законодателя,—послужила крестьянству на пользу, когда рѣчь зашла о ликвидаціи этихъ отношеній. Вездѣ на Западѣ сословная сила облеклась въ этомъ случаѣ въ формы права; землевладѣльческое сословіе имѣло тамъ достаточно сословнаго такта, чтобы закрѣпить документомъ и защитить закономъ каждую частность своихъ крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему новѣйшему законодательству приходилось отвоевывать шагъ за шагомъ крестьянскую свободу, ставя на мѣсто стараго права новое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимныхъ отношеній. У насъ это было сдѣлать легче, такъ какъ законодательство застало совершенную *tabula rasa* въ области крѣпостныхъ отношеній: новое право не замѣняло здѣсь стараго,—а явилось на смѣну полному отсутствію юридической точки зрѣнія. Въ этомъ смыслѣ—русское крѣпостное право сравнительно съ крѣпостнымъ правомъ Европы—то же, что деревянный «острогъ» русской крѣпости сравнительно съ каменнымъ феодальнымъ замкомъ: ломкое, непрочное зданіе безъ перегородокъ внутри, безъ контрфорсовъ снаружи. Чтобы разрушить твердыню средневѣковаго крѣпостничества понадобились столѣтія, тогда какъ одного почерка пера оказалось совершенно достаточнымъ, чтобы опрокинуть гнилое зданіе барскаго произвола.

Пришелъ ли этотъ «почеркъ пера» слишкомъ рано, какъ утверждаютъ одни, или, напротивъ, слишкомъ поздно, какъ говорятъ другіе? Несомнѣнно, что уничтоженіе крѣпостнаго права въ 1861 году соединено было съ значительными потерями для дворянства; нѣтъ основаній не вѣрить тѣмъ расчетамъ, по которымъ потеря выгодъ, соединенныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, доходила до трети всего состоянія помѣщиковъ. Несомнѣнно, что если бы законодательство преслѣдовало ту цѣль, которую одинаково ставили крестьянской реформѣ представители власти отъ Екатерины II до Александра II, т. е. если бы оно задавалось мыслью сдѣлать такъ, чтобы быть крестьянъ былъ улучшенъ, а помѣщикъ не пострадалъ, или даже выигралъ, то мы долго не дождались бы рѣшенія вопроса. Рѣшеній перепробовано было много въ теченіе цѣлаго столѣтія передъ освобожденіемъ; всѣ они оказались одинаково несостоятельными, такъ что путемъ простаго исключенія правительство могло бы придти къ единственно возможному рѣшенію, принятому 19 февраля 1861 г. Началось, конечно, съ попытокъ частныхъ улучшеній; но правительство Екатерины II, также какъ и правительство Императора Николая I должно было придти къ заключенію, что никакія отдѣльныя улучшенія невозможны, если

оставить по прежнему ту неопредѣленность отношеній, которая составляла сущность нашего крѣпостнаго права. Регламентировать же серьезно эти отношенія ни одно правительство не рѣшалось; а когда рѣчь о такой регламентаціи зашла передъ освобожденіемъ крестьянъ, то наше дворянство ясно показало, что всякой подобной регламентаціи оно предпочитаетъ полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самого дворянства, радикальное разрѣшеніе вопроса оказалось единственно возможнымъ. Какого рода должна была быть эта радикальная развязка, относительно этого тоже предъидущая исторія крестьянскаго вопроса не оставляла никакихъ сомнѣній. Первой мыслью было—дать крестьянамъ личную свободу, а землю оставить помѣщикамъ. Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго такое рѣшеніе считалось даже либеральнымъ; а постепенное развитіе экономической жизни Россіи сдѣлало его настолько выгоднымъ для помѣщиковъ, что наиболѣе развитая часть дворянства прямо стала желать освобожденія крестьянъ безъ земли. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде земля безъ крѣпостныхъ ничего не значила, то теперь она стала приобрѣтать совершенно самостоятельную цѣнность. Помѣщикъ не могъ обойтись безъ дарового труда, пока онъ извлекалъ изъ своей земли продукты исключительно для личнаго потребленія; сама по себѣ земля ничего бы ему не дала; понятно, что цѣнность ея измѣрялась для него количествомъ прикрѣпленныхъ къ ней рабочихъ рукъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Натуральное хозяйство начало уступать мѣсто новому; земледѣльческіе продукты стали предметомъ сбыта внутри и внѣ страны; цѣны ихъ постепенно росли; вмѣстѣ съ тѣмъ возростала доходность хозяйства и поднимались цѣны годной для обработки земли. При этихъ условіяхъ даровой трудъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ быстро потерялъ свою привлекательность. Не трудно было убѣдиться, что трудъ этотъ—даровой только по видимости. На самомъ дѣлѣ помѣщикъ платилъ крѣпостному, выдѣляя ему извѣстный клочекъ земли для его собственнаго хозяйства. Чѣмъ доходнѣе становился этотъ клочекъ, отданный крѣпостному, тѣмъ, значитъ, дороже обходились помѣщику его услуги; а производительность крѣпостнаго труда далеко уступала производительности труда свободнаго. Министръ Перовскій, самъ сторонникъ крѣпостнаго права, въ одномъ изъ секретныхъ комитетовъ Императора Николая (1845) прямо заявлялъ, что «опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ *ненаселенной*

земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу *помѣщика*». Естественно, что помѣщики хлѣбородной полосы «сами начали понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдо - невыгодныя отношенія». Лучшее всего было бы, конечно, отпустить крѣпостныхъ на всѣ четыре стороны. Но достаточно было знать русскаго крестьянина, чтобы понять, что съ такимъ рѣшеніемъ онъ не помирится. Вотъ почему всѣ сколько-нибудь свѣдущіе защитники владѣльческихъ интересовъ всегда признавали безземельное освобожденіе неосуществимымъ въ настоящемъ и только настаивали на томъ, чтобы подготовить постепенно его осуществленіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Возникалъ по временамъ и другой проектъ развязки крѣпостныхъ отношеній. Если отдать крестьянину землю было нежелательно, а отнять ее у него—невозможно, то нельзя ли было избрать средній путь: оставивъ собственность на землю за помѣщиками, крестьянамъ передать право наследственнаго пользованія ихъ участками за опредѣленныя повинности. Этотъ проектъ, чуждый условіямъ русской жизни, послужилъ, однакоже, лишь для того, чтобы выяснитъ вообще неудовлетворительность средних рѣшеній. Одна мысль о регламентаціи взаимныхъ отношеній и объ установленіи вѣчной обязательности ихъ для обѣихъ сторонъ приводила владѣльческое сословіе въ ужасъ. Притомъ же, нашимъ помѣщикамъ трудно давалось юридическое понятіе *dominium directum*. Права собственности они никакъ не могли представить себѣ безъ права распоряженія; отдача земли въ наследственное пользованіе казалась имъ полной—и притомъ даровой—потерей имущества.

И такъ, если уже развязка была необходима, оставалось только одно—остановиться на мысли, которая на первый взглядъ казалась возмутительной и революціонной: на мысли объ отдачѣ земли крестьянамъ. Возмутительной представлялась, собственно, въ этомъ исходѣ только идея принудительной экспроприаціи дворянскою земли. Поэтому, ни Императоръ Николай, ни Императоръ Александръ II не рѣшились сдѣлать передачу земли крестьянамъ обязательной для дворянства. Но разъ идея *обязательности* была, такимъ образомъ, устранена, продажа крестьянамъ земли могла сдѣлаться для помѣщиковъ даже выгодной операциею. Все зависѣло тутъ отъ условій продажи. Мы видѣли, что помѣщикъ хлѣбородной полосы къ серединѣ нашего вѣка сталъ предпочитать совсѣмъ отдѣлаться отъ крестьянъ. Но если это было нельзя, онъ могъ съ выгодой для себя уступить крестьянину такой

маленькій клочекъ земли, который самъ по себѣ не обезпечивалъ бы ему средствъ для существованія и для уплаты повинностей. Въ такомъ случаѣ, помѣщикъ освобождался отъ всего, что, по выраженію Перовскаго, дѣлало его отношенія къ крестьянину «тягостными»: избавлялся отъ неудовлетворительнаго и дорогого теперь крѣпостнаго труда, отъ «неопредѣленности крестьянскихъ обязанностей», а также и отъ своей «тяжкой обязанности—кормить крестьянъ на свой счетъ» въ случаѣ неурожая. Взамѣнъ того, онъ пріобрѣталъ дешеваго наемнаго работника, который находился въ полной отъ него зависимости и съ которымъ, въ то же время, онъ не былъ ничѣмъ связанъ формально. Въ сѣверной, хлѣбородной половинѣ Россіи—разтаться съ землей помѣщику было еще легче. Здѣсь онъ уже и прежде, большею частью, не занимался хозяйствомъ и даже не жилъ въ деревнѣ, а получалъ съ крестьянъ, за всѣ ихъ обязанности, круглую цифру «оброка» *). Трудность при развязкѣ крѣпостныхъ отношеній была тутъ другая. Земля была не нужна помѣщику, потому что съ нея здѣсь немного было можно выручить; но и крестьянинъ выручалъ въ этой мѣстности барскій оброкъ не съ земли, а съ промысловъ, служившихъ здѣсь издавна подспорьемъ земледѣлю, стало быть, отдавъ крестьянину землю за то, чего она здѣсь стоила, помѣщикъ не вознаградилъ бы себя за потерю оброка; такъ или иначе, онъ долженъ былъ добиться вознагражденія не за одну землю, но также и за теряемое имъ право на промышленный трудъ крестьянина.

И такъ, освобожденіе крестьянъ съ землей могло бы быть выгодно помѣщикамъ только при томъ условіи, чтобы въ хлѣбородной полосѣ до крайности были урѣзаны размѣры надѣла, а въ промышленной — цѣна за землю была бы назначена выше ея естественной стоимости, принимая въ расчетъ и внѣземледѣльческіе заработки крестьянина. Въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ прямо рассчитывалъ получить выкупъ за личность крѣпостнаго, а въ первомъ—онъ могъ надѣяться остаться фактическимъ распоряди-

*) Къ послѣдней четверти XVIII в. въ нечерноземныхъ губерніяхъ было на оброкъ больше половины (55%) всего крѣпостнаго населенія, тогда какъ въ черноземныхъ губерніяхъ число оброчныхъ едва превышало четверть (26%); остальные были на барщинѣ. Ко времени крестьянскаго освобожденія эта разница между югомъ и сѣверомъ сдѣлалась еще рѣзче: въ 8 нечерноземныхъ губерніяхъ, въ которыхъ при Екатеринѣ II было 54% оброчныхъ, ко времени освобожденія ихъ было уже 63,8%, т. е. около двухъ третей. Напротивъ, на черноземѣ число оброчныхъ крестьянъ, въ общемъ, не увеличилось, а во многихъ губерніяхъ даже уменьшилось.

телемъ свободнаго крестьянскаго труда. Затѣмъ, за ликвидацію крѣпостныхъ отношеній посредствомъ выкупа говорила и настоятельная нужда многихъ помѣщиковъ — расплатиться съ долгами кредитнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Всѣ эти соображенія могли перевѣсить въ глазахъ помѣщиковъ опасеніе тѣхъ потерь, которыя по необходимости вытекали изъ упраздненія множества даровыхъ услугъ и натуральныхъ приношеній. Но, конечно, этого было слишкомъ недостаточно, чтобы побудить дворянство взять на себя инициативу въ упраздненіи крѣпостнаго права. Известно, до какой степени неподготовленной оказалась къ реформѣ масса рядоваго дворянства, и какія усилія дѣлалъ владѣльческій классъ, чтобы затормозить эмансипацію. Инициативу взяло на себя правительство; и, конечно, оно руководилось при этомъ не измѣненіями въ экономическомъ строѣ помѣщичьяго хозяйства. Гораздо большее значеніе имѣла та мысль, что крѣпостное право вообще стоитъ на дорогѣ всему экономическому развитію цѣлой страны. Эта мысль должна была, конечно, утвердить въ обществѣ мнѣніе о необходимости реформы. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что рѣшающую роль въ возбужденіи вопроса о реформѣ сыиграли, съ одной стороны, чисто моральныя побужденія, съ другой—соображенія государственной безопасности. Если угодно, эти двѣ причины суть двѣ стороны одной и той же причины. Одно и то же нравственное сознаніе невыносимости крѣпостной зависимости руководило общественнымъ мнѣніемъ въ его сознательныхъ стремленіяхъ къ реформѣ и самой народной массой въ ея стихійныхъ попыткахъ освободиться изъ-подъ помѣщичьяго гнета. Уже Императрица Екатерина II высказала опасеніе, что «если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе роду человѣческому нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами оную (свободу) возьмутъ рано или поздно». Эта мысль, поддерживаемая непрерывными, все болѣе и болѣе численными волненіями крестьянъ, не оставляла преемниковъ Екатерины, пока, наконецъ, Императоръ Александръ II не повторилъ ее въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ московскому дворянству: «гораздо лучше, чтобы это произошло: свыше, нежели снизу». Заявленная громко передъ всей Россіей, эта же мысль объясняетъ намъ, какимъ образомъ сперва одинъ человѣкъ; потомъ еще двое, потомъ не болѣе дюжины искренно убѣжденныхъ могли разрушить до основанія зданіе крѣпостнаго права, лицомъ къ лицу съ раздраженными криками словесія, затронутого въ своихъ существенныхъ интересахъ, и съ внушительнымъ спокойствіемъ массы. Конечно, владѣльческій классъ потренилъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать развязку выгодной для

*

себя. И южный помѣщикъ получилъ возможность урѣзать надѣлы, и сѣверный добился замаскированнаго выкупа личности крестьянина (посредствомъ повышенной оцѣнки «первой десятины» надѣла). Въ результатѣ крестьяне получили землѣ меньше, чѣмъ имъ было нужно, и принуждены были заплатить за нее больше, чѣмъ она стоила. Съ этими послѣдствіями освобожденія — съ малоземельемъ и съ несоотвѣтствіемъ между платежами съ земли и ея доходностью—правительству приходится и досихъ поръ считаться. Покупка земель съ помощью крестьянскаго банка и переселенія крестьянъ на свободныя земли должны были помочь малоземелью; пониженіе выкупныхъ платежей и отмена подушной подати должны были уравнивать финансовыя тягости съ размѣрами крестьянскихъ доходовъ. Нечего и прибавлять, что, несмотря на все сдѣланное, на этомъ пути еще гораздо больше остается сдѣлать.

И такъ, крестьянская реформа осуществилась далеко не такъ, какъ этого требовали интересы крестьянства. Но было бы трудно винить за это дѣятелей эмансипаціи. Нужно знать, въ какой обстановкѣ приходилось имъ дѣйствовать и какія условія ставила для освобожденія противная сторона, чтобы оцѣнить вполне, какъ много было сдѣлано для крестьянъ. «Вѣсы реформы» были, дѣйствительно, наклонены въ сторону помѣщичьихъ интересовъ, но это случилось уже послѣ того, какъ немногочисленные адвокаты крестьянскаго дѣла успѣли сильно перегнуть ихъ въ сторону своихъ кліентовъ. Въ итогѣ, конечно, все-таки получился компромиссъ, и очень невыгодный для крестьянства; но между окончательнымъ исходомъ дѣла и первоначальными предложеніями дворянства (даже либеральной части его) мы находимъ такую огромную разницу, что остается только удивляться, какимъ образомъ защитникамъ крестьянскихъ интересовъ удалось сдѣлать такъ много въ предѣлахъ скромной отведенной имъ роли—подготовителей реформы. Слѣдующая табличка можетъ наглядно показать, въ какихъ предѣлахъ велась борьба по коренному вопросу — о размѣрахъ надѣла — и какъ велики были ея результаты.

Въ 6 губерніяхъ *) до реформы находилось въ распоряженіи крестьянъ	5.986 тыс. дес
Изъ этого числа предложено было отрѣзать при освобожденіи:	
1. Дворянствомъ (въ губернскихъ комитетахъ).	2.979 тыс. дес.
(Въ такомъ случаѣ осталось бы у крестьянъ всего	3.007)

*) По этимъ губерніямъ сообщены Н. П. Семеновымъ нужныя намъ свѣдѣнія (Каванская, Воронежская, Саратовская, Псковская, Новгородская и Симбирская).

2. Сторонниками освобожденія (въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ 1-й періодъ ихъ дѣятельности)	825
(Въ такомъ случаѣ крестьянамъ осталось бы)	5.161)
3. Послѣ пересмотра ихъ предположеній, при новомъ консервативномъ предсѣдателѣ редакціонныхъ комиссій	938
4. При окончательномъ рѣшеніи дѣла (въ Главномъ комитетѣ по крест. дѣлу).	1.022
5. Сами крестьяне отказались по правилу о дарственномъ (нищенскомъ) надѣлѣ, введенномъ крѣпостниками	180
Отдано крестьянамъ на выкупъ	4.784
Осталось земли у помѣщиковъ (въ 5 губерн.).	9.020
Осталось бы, если бы осуществились отрѣзки, предложенныя дворянствомъ	10.563

Какъ видимъ, дворянство хотѣло отобрать у крестьянъ въ этихъ губерніяхъ половину существовавшихъ въ моментъ освобожденія надѣловъ, тогда какъ сторонники эмансипаціи предполагали отрѣзать меньше $\frac{1}{7}$. Послѣ всѣхъ усилій крѣпостникамъ удалось оставить за собой нѣсколько болѣе $\frac{1}{6}$ части крестьянской земли, т. е. все-таки *второе* меньше, чѣмъ они желали. Если бы даже имъ удалось уменьшить крестьянскій надѣлъ вдвое, то отъ этого ихъ собственныя владѣнія увеличились бы только на 16⁰/₁₀₀. Осталось во владѣніи помѣщиковъ почти вдвое болѣе, чѣмъ продано крестьянамъ; т. е. они поступились всего третью своихъ земель.

Намъ пора перейти теперь къ исторіи другихъ отдѣловъ русскаго крестьянства: крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ. Крестьяне удѣльные составляли ко времени освобожденія до 900.000, т. е. незначительную сравнительно часть въ общей цифрѣ крестьянства того времени (22 милліона душъ муж. пола.). Названіе ихъ «удѣльные» появилось только сто лѣтъ тому назадъ, въ 1797 г., когда Императоръ Павелъ своимъ «Учрежденіемъ объ Императорской фамиліи» выдѣлилъ эту группу крестьянъ въ вѣдомство «Удѣла». Но самая группа «удѣльныхъ» крестьянъ существовала и раньше: подъ названіемъ «дворцовыхъ» она восходитъ къ самымъ древнимъ временамъ нашей исторіи. Въ древнѣйшій періодъ, правда, «дворцовые» крестьяне сливались съ казенными крестьянами вообще, какъ и само дворцовое управленіе сливалось съ государственнымъ. Въ составъ дворцовыхъ волостей попали, повидимому, всѣ волости центральной Руси, не принадлежавшія частнымъ собственникамъ: въ основу легли при этомъ волости и села, купленные или другими способами приобретенныя великими князьями; но уже въ

XIV—XV в. къ этому ядру присоединяются и всё вообще «черныя», то-есть, свободныя крестьянскія волости московскаго центра; существовалъ даже терминъ для обозначенія перехода черныхъ волостей въ распоряженіе князя, «окняженіе». «Окняживъ» черныя волости, великій князь распоряжался ими по усмотрѣнію: дарилъ, продавалъ, мѣнялъ съ другими частными собственниками и т. д.

Изъ всей этой первоначальной массы государственныхъ волостей собственно дворцовыя волости выдѣляются, повидимому, не ранѣе середины XVI в.; раньше мы видѣли, что въ то же время выдѣляется и вообще дворцовое управленіе изъ общегосударственнаго (Оч. III, 3). Съ половины XVI в. до начала XVIII в. дворцовыя волости находятся въ завѣдываніи Большого Дворца: число ихъ послѣ Ивана Грознаго постепенно увеличивается: въ 1646 г. считалось въ завѣдываніи Большого Дворца 37.200 дворовъ, а въ 1678 г. уже 90.550 дворовъ. Но съ этого времени по 1711 г. роздано было изъ дворцовыхъ волостей больше 43 тысячъ дворовъ; въ 1711 г. считалось въ дворцовомъ вѣдомствѣ только около 50 тысячъ дворовъ. Съ начала XVIII в. Большой Дворецъ былъ уничтоженъ и замѣненъ дворцовой канцеляріей. Въ ея вѣдомствѣ и оставались дворцовыя крестьяне до Екатерины II; при введеніи ею губернскихъ учрежденій дворцовыя имѣнія распредѣлились (какъ распредѣлялись уже одно время и при Петрѣ) между губерніями и съ этихъ поръ находились, какъ и государственныя имущества вообще, въ вѣдомствѣ казенныхъ палатъ. Съ 1797 г. дворцовыя крестьяне снова были выдѣлены въ особую группу, и завѣдованіе ими опять сосредоточено въ особомъ центральномъ «удѣльномъ» вѣдомствѣ. Наконецъ, послѣ крестьянскаго освобожденія, съ 1863 г., какъ мы говорили выше, они были переведены на выкупъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Группа *государственныхъ* крестьянъ, по численности приблизительно равная группѣ помѣщичьихъ, составила изъ весьма различныхъ элементовъ не ранѣе XVIII столѣтія. Главными частями этой группы *) были, такъ-называемые, черносопные, однодворцы и ясачные крестьяне (т. е. инородцы, платившіе прямую подать, называвшуюся «ясакъ»). Всѣ три отдѣла государственныхъ крестьянъ расположились по разнымъ окраинамъ Московскаго государства: черносопные на сѣверѣ, однодворцы на югѣ и ясачные на востокѣ. На далекій сѣверъ, въ теперешнюю Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, сѣверныя части Вятской

*) Кромѣ такъ-называемыхъ «экономическихъ» крестьянъ, т. е. бывшихъ монастырскихъ, отданныхъ въ XVIII в. въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи.

и Пермской губ., влияние московскаго правительства проникало довольно медленно. Гарнизонъ военныхъ здѣсь держать было не нужно, такъ какъ съ сѣвера не грозила никакая опасность; раздавать въ такой отдаленности земли служилымъ людямъ было бесполезно, такъ какъ на мѣстѣ ихъ служба была не нужна, а на московскую службу они не могли отсюда поспѣвать во время. Поэтому, служилое землевладѣніе сюда почти совсѣмъ не проникло. Во время крестьянскаго освобожденія въ составѣ крестьянъ Олонекской губ. было всего до $4\frac{1}{2}\%$ крѣпостныхъ, въ Вятской—немного болѣе $2\frac{1}{2}\%$, а въ Архангельской на всю губернію приходилось крѣпостныхъ всего 20 человекъ. Въ XVII вѣкѣ всѣ эти мѣстности выдѣлялись въ особый отдѣлъ именно на основаніи того, что въ нихъ служилыхъ людей вовсе не было. Служилый человекъ изъ Москвы являлся сюда только на время, или какъ воевода, или какъ сборщикъ податей; но уже очень рано правительство начало передавать управленіе краемъ и сборъ податей мѣстнымъ выборнымъ властямъ: къ началу XVIII в. правительственные воеводы и сборщики были здѣсь вовсе отмѣнены. Такимъ образомъ, здѣшнее крестьянство и городское сословіе управлялось само собою: поэтому здѣсь и создались самыя широкія формы крестьянскаго и посадскаго самоуправленія. Не только крестьянская волость составляла одно самоуправляющееся цѣлое, но мѣстами встрѣчаемъ выборное управленіе цѣлымъ «уѣздомъ»,—высшей областной единицей Московскаго государства: выборные отъ крестьянъ и посадскихъ за сѣдали во «всеуѣздной избѣ», въ центрѣ обширнаго округа. Главной задачей этихъ выборныхъ властей было собираніе податей: мы знаемъ, что русскій сѣверъ въ XVII в. игралъ роль денежнаго сундука для правительства и былъ несравненно тяжеле другихъ частей государства обложенъ податями (Оч. III, 2).

Населеніе этой части государства носило названіе «черныхъ сохъ». Исключительно широкое самоуправленіе «черносопныхъ» крестьянъ привело нѣкоторыхъ изслѣдователей къ выводу, что здѣсь на сѣверѣ сохранилась въ чистомъ видѣ первобытная русская община. Однакоже, такой выводъ не подтверждается при ближайшемъ разсмотрѣніи. Сѣверная волость, дѣйствительно, управляла, раскладывала и собирала подати, судила своихъ членовъ сама, другими словами, она, дѣйствительно, была общиной административной, судебной, финансовой; но она не была общиной хозяйственной (ср. выше). Участки земли, обработанные членами общины, составляли собственнотъ не всей общины, а отдѣльныхъ хозяевъ, которые могли продавать, покупать, завѣщать ихъ, словомъ, распоряжались своими участками, какъ полной собственностью.

Такимъ образомъ, въ эпоху Московскаго государства на сѣверѣ не было еще общиннаго землевладѣнія. Мы видѣли, что въ то время общинное землепользованіе, хозяйство крестьянина на общинной землѣ, существовало уже съ давнихъ поръ въ центрѣ, на владѣльческихъ земляхъ. Отсюда, изъ центра, общинные порядки распространяются и на сѣверъ, въ среду черносопныхъ, но уже въ XVIII в. и притомъ преимущественно въ концѣ его. Любопытно, что и самый переходъ общины изъ центра на сѣверъ связанъ съ перемѣной во взглядѣ на черносопное землевладѣніе. Съ «черными сохами» случилось то же, что съ черными землями центра. Мы видѣли, что уже въ очень древнее время правительство «окняжило» эти земли, т. е. превратило ихъ изъ свободной въ казенную собственность. «Черныя сохи» сѣвера правительство тоже склонно считать своею собственностью, но на сѣверѣ этотъ правительственный взглядъ сталкивается съ крестьянскимъ взглядомъ, по которому черныя сохи суть свободная крестьянская собственность. До самаго XVIII вѣка правительство оказывается безсильнымъ провести свой взглядъ и дѣлаетъ уступки взгляду мѣстнаго крестьянства. Но съ начала XVIII в. московское правительство становится рѣшительнѣе и настойчивѣе. Петръ облагаетъ черносопныхъ, кромѣ подушной, еще особой дополнительной *оброчной* податью и этимъ формально ставитъ ихъ въ такое же отношеніе къ правительству, въ какомъ стояли помѣщичьи крестьяне относительно помѣщика: тѣ и другіе платятъ оброкъ, — слѣдовательно, тѣ и другіе признаются не собственниками своихъ участковъ, а арендаторами чужой земли, казенной или помѣщичьей. И такъ, со времени заведенія оброчной подати (1724) черносопныя становятся формально государственными крестьянами, а черныя сохи — государственной собственностью. Въ концѣ вѣка правительство рѣшилось сдѣлать изъ своего права собственности и практическое примѣненіе, и распорядиться по хозяйски крестьянскими участками, которые крестьяне продолжали считать своей частной собственностью. Коммиссія, посланная для усмиренія волненій олонекскихъ черносопныхъ, прямо рѣшила ввести у черносопныхъ общинное землевладѣніе: «между крестьянами земли и всѣ угодья, смѣшавъ, раздѣлить на тягла по душамъ и по имуществу»; дальнѣйшіе передѣлы «предоставить на общее самихъ же ихъ мірское уравненіе», а «родословія и наслѣдства ихъ отрѣшить; продажи, заклады, мѣны и покупки уничтожить». Отмѣна частной собственности на землю, установившейся вѣками, конечно, была встрѣчена съ неудовольствіемъ, вызвала отпоръ и окончательно проведена была не раньше 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Такъ, слѣдовательно, недавно появилось на сѣверѣ общинное землевладѣніе.

Совершенно тотъ же ходъ дѣла встрѣтимъ у южнаго отдѣла государственныхъ крестьянъ, у бывшихъ однодворцевъ. По самому происхожденію своему, однодворцы были не общинниками, а свободными собственниками. Однодворцы и другіе мелкіе служилые люди были поселены правительствомъ каждый на своемъ участкѣ на тогдашней военной границѣ: они должны были оборонять тѣ укрѣпленныя линіи, которыя воздвигало на югѣ для защиты отъ степи московское правительство (Оч. 1, 3). Эти военные поселенія явились, слѣдовательно, одновременно съ устройствомъ оборонительныхъ линій,—на промежуткѣ отъ половины XVI в. до половины XVII в. Позже оборона границы была устроена, какъ мы знаемъ, иначе; съ половины XVII в. на югѣ селятся малороссійскіе полки, за ними устроенная Петромъ «ландмилиція» и, наконецъ, славянскіе военные выходцы. Такимъ образомъ, однодворческія поселенія въ поясѣ между Тульской и Бѣлгородской оборонительной чертами оказываются далеко отодвинутыми отъ новыхъ границъ и ихъ военная служба становится ненужной. Тогда Петръ записываетъ этихъ старыхъ служилыхъ людей въ подушный окладъ, и превращаетъ ихъ въ крестьянство. Такимъ образомъ, группа однодворцевъ одновременно съ черносошными входитъ въ составъ государственныхъ крестьянъ; однодворческая земля начинаетъ, какъ и черносошная, считаться государственной. Однакоже, тутъ новый взглядъ было еще труднѣе провести, чѣмъ на сѣверѣ; многіе изъ владѣльцевъ старинныхъ служилыхъ (такъ наз. «четвертныхъ») участковъ сохраняли еще документы на владѣніе участками,—документы, данные самимъ правительствомъ. Превратить частное землевладѣніе однодворцевъ въ общинное нельзя было, конечно, одной какой-нибудь общей мѣрой безъ согласія владѣльцевъ: однакоже правительство старалось осуществить этотъ переходъ при всякомъ удобномъ случаѣ; и старанія эти были настолько успѣшны, что въ срединѣ нашего вѣка 533 тыс. душъ уже перешли къ общинному владѣнію и только 540 тыс. душ. сохранили владѣніе частное («четвертное»). Во вторую половину вѣка и до нашего времени этотъ переходъ къ общинѣ непрерывно, хотя и медленно, продолжался.

И такъ, среди главныхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ общинное землевладѣніе есть совсѣмъ свѣжій продуктъ исторіи. Напротивъ, у крестьянъ владѣльческихъ оно создано вѣками. Если, такимъ образомъ, несмотря на различіе времени и условій жизни, среди всѣхъ отдѣловъ русскаго крестьянства установилась одинаковая форма соціально-экономическаго быта, то мы должны заключить, что форма эта продолжаетъ поддерживаться какими-нибудь

общими причинами, дѣйствующими во всей Россіи на пространствѣ вѣковъ. Эти причины мы уже указали раньше: это, съ одной стороны, паткій уровень экономического развитія, съ другой, финансовыя требованія государства. Устанавливая общинные порядки на сѣверной и южной окраинѣ, правительство прошлаго и первой половины настоящаго вѣка руководилось тѣми же соображеніями, которыя вызвали созданіе такой организаціи въ XIII и слѣдующихъ столѣтіяхъ. Свободная собственность не могла обезпечить правительству исправнаго платежа податей. У черносошныхъ и у однопалатцевъ свобода землевладѣнія повела за собою свои обычныя послѣдствія. Земельные участки стали скопляться въ рукахъ зажиточныхъ и ускользать изъ рукъ бѣдныхъ владѣльцевъ; съ одной стороны, создавалась вліятельная группа лицъ, имѣвшихъ возможность (на сѣверѣ) перелгать свои повинности и платежи на бѣдняковъ, за которыми эти платежи пропадали въ вѣчной недоимкѣ; съ другой—явилась масса безземельныхъ, которымъ только и оставалось идти въ батраки къ деревенскимъ богачамъ; наконецъ, значительная часть земли вовсе ушла изъ крестьянскаго сословія, перейдя въ собственность покупателей изъ другихъ сословій. Въ отпоръ всѣмъ этимъ социальнымъ явленіямъ правительство и попышило ввести на окраинахъ тотъ же самый принципъ равномернаго надѣленія землей за равномерныя повинности, къ которому оно привыкло въ центрѣ. Уравненіе повинностей являлось при этомъ главной цѣлью, а равномерное надѣленіе — испытаннымъ средствомъ, лучше всего приводившимъ къ цѣли.

Вся эта система аграрной политики покоилась на одной основной идеѣ: что земля въ Россіи принадлежитъ не крестьянамъ, а—или государству, или душевладѣльцамъ. Естественно, что переходъ въ 60-хъ годахъ къ выкупу крестьянскихъ надѣловъ долженъ былъ поколебать самыя основанія системы. Дѣятели крестьянскаго освобожденія исходили изъ мысли о благотѣльности индивидуальной собственности для экономического развитія страны. Изъ всѣхъ членовъ редакціонныхъ комиссій не было ни одного (кромѣ Ю. Самарина), кто бы не былъ увѣренъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на благо Россіи община должна разрушиться и уступить свое мѣсто болѣе подвижнымъ формамъ землевладѣнія. Подъ вліяніемъ этой мысли законодательство открыло настежь двери индивидуалистическимъ вліяніямъ на общину и въ теченіи вѣкотораго времени воздерживалось отъ какого бы то ни было государственнаго вмѣшательства во внутреннія отношенія деревни. Послѣдствія не замедлили сказаться. Земская статистика 80-хъ годовъ констатировала цѣлый рядъ симптомовъ, свидѣтельствующихъ

шихъ о разложеніи общины, особенно среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Передѣлы земли, казалось, выходили изъ употребленія; надѣльные участки зачастую фактически превращались въ наследственные, а иногда такое превращеніе закрѣплялось и формальными приговорами о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному: сознаніе того, что каждый хозяинъ выкупаетъ *своими* деньгами *свою* будущую собственность не могло не вызвать всѣхъ этихъ явленій. Но дѣло пошло уже и дальше. Раздѣлъ общинной земли нерѣдко служилъ лишь средствомъ для ея немедленной продажи своему же зажиточному сосѣду или на сторону—купцу, кабатчику и т. п. Къ тому же приводилъ и дозволенный статьей 165 Положенія досрочный выкупъ надѣловъ отдѣльными хозяевами: выкупъ этотъ возрасталъ въ геометрической прогрессіи, по мѣрѣ того какъ приближался срокъ окончанія выкупа, и, слѣдовательно, на землѣ все меньше и меньше оставалось выкупнаго долга. Въ результатѣ, въ деревню проникли посторонніе элементы, а значительная часть (въ Московской губ. до 20%) деревенскаго населенія превратилась въ безземельныхъ. Словомъ, повторилось все то, что мы видѣли на черныхъ и однодворческихъ земляхъ до конца XVIII в. И правительство снова употребило противъ этихъ явленій прежнія средства: оно обратилось, въ послѣдніе годы, къ мѣрамъ охраны, имѣющимъ цѣлю—съ одной стороны пріостановить мобилизацію крестьянской собственности, съ другой—регулировать общинное пользованіе ею. Каковы бы ни были мотивы, руководившіе при этомъ законодателемъ, среди нихъ побужденія чисто фискальнаго характера все еще играютъ не послѣднюю роль. Изъ причинъ, подъ влияніемъ которыхъ сложилась наша община, одна эта причина продолжаетъ дѣйствовать, какъ дѣйствовала прежде. Сильно перемѣнился общій тонъ экономической жизни; земледѣльческія занятія въ значительной части Россіи начали наконецъ, интересоваться населеніе, не какъ неизбежное средство расквитаться съ повинностями или кое-какъ просуществовать, а какъ выгодный источникъ дохода. вмѣстѣ съ тѣмъ, появилось и могущественное побужденіе къ пріобрѣтенію личной земельной собственности. Давно исчезла и та хозяйская рука, которая давала общинѣ ея хозяйственное единство. Только тяглый характеръ общинной организаціи продолжаетъ сохраняться; но общій ходъ нашей податной исторіи (Оч. III, 2) не оставляетъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно развяжется и этотъ послѣдній узелъ, соединяющій членовъ общины принудительной связью. вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезнетъ главный мотивъ, руководившій до сихъ поръ нашей аграрной политикой. Сохранить ли и при этомъ условіи наше законодательство

свою стародавню тенденцію—охранять крестьянскую общину, или оно уступитъ передъ напоромъ новыхъ, индивидуалистическихъ стремленій,—на этотъ вопросъ отвѣтитъ теперь довольно трудно. А между тѣмъ, отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ и то, доживетъ ли современная община до того времени, когда станетъ возможно превращеніе ея въ свободную ассоціацію, какою хотѣли ее видѣть всѣ, идеализировавшіе нашу общину въ ея настоящемъ и въ прошломъ.

Важнѣйшія пособія: *Л. В. Ходскій*. Земля и земледѣлецъ, 2 тома Спб. 1891 г. (въ первомъ томѣ—положеніе европейскихъ крестьянъ; во второмъ—ходъ и результаты земельного выкупа равными категоріями крестьянъ). *К. П. Побѣдоносцевъ*. Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1876. («Историческіе очерки крѣпостнаго права въ Россіи»). *В. И. Семевскій*. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I. Спб. *Его же*. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. 2 тома. Спб. 1888. Новѣйшія данныя о ходѣ крестьянской реформы см. у *Н. П. Семенова*. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра, 3 тома (въ 4 книгахъ), Спб. 1889—1892. О результатахъ реформы, кромѣ Ходскаго, см. еще Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, *Ю. Янсона*. Особенности исторіи черносошныхъ крестьянъ прекрасно выясняются въ статьѣ г-жи *А. Я. Ефименко*. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ, см. ея «Изслѣдованіе народной жизни». М. 1884. Параллельныя данныя для исторіи однодворческаго землевладѣнія см. у *В. И. Семенова*. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, «Русская Старина» 1879 г. I—VI. Сводъ данныхъ земской статистики объ общинѣ см. въ соч. *В. В.* Крестьянская община (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики, т. I). Даныя о переходахъ крестьянъ въ XVI в. взяты изъ соч. *И. Ланно*. Тверской уѣздъ въ XVI ст. Дальнѣйшія указанія см. въ статьѣ «Крестьяне». Энциклопедическаго словаря *Арсеньева* и *Петрушевскаго*.

И т о г и.

Дѣлая наблюденія надъ русской демографіей, экономическимъ, политическимъ и социальнымъ строемъ, мы постоянно встрѣчались съ нѣкоторыми общими чертами, проходящими красной нитью черезъ весь русскій историческій процессъ и сообщающими разнымъ сторонамъ этого процесса единообразный характеръ. Въ заключеніе первой части нашихъ «Очерковъ» будетъ нелишнимъ еще разъ остановиться на этихъ общихъ чертахъ, снова пересмотрѣть ихъ и свести въ одно цѣлое.

Начавъ съ наблюденій надъ количественнымъ и качественнымъ составомъ русскаго населенія, мы пришли къ заключенію, что въ томъ и другомъ отношеніи Россія представляетъ большую раз-

ницу сравнительно съ Западной Европой. По степени населенности она далеко отстала отъ Запада и стоитъ на такой точкѣ, которая много вѣковъ тому назадъ превзойдена Западной Европой; и притомъ вопросъ, способна ли Россія по мѣстнымъ условіямъ когда-либо достигнуть плотности населенія, подобной Западу,—остается открытымъ. Размѣщеніе русскаго населенія по всей русской территоріи совершалось въ теченіе всей исторіи Россіи, затянулось до нашего времени и до сихъ поръ далеко не пришло въ соотвѣтствіе съ естественными условіями почвы и климата. Наконецъ, въ этнографическомъ отношеніи, точно также черезъ всю исторію шель процессъ сліянія и ассимиляціи различныхъ племенныхъ элементовъ, до сихъ поръ не закончившійся. Перейдя затѣмъ къ экономическому развитію русскаго населенія, мы должны были вывести, что и это развитіе совершалось медленно и достигло сравнительно невысокой степени. Такъ, мы видѣли, что черезъ всю исторію Россіи проходитъ процессъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ страны, по преимуществу зоологическихъ; что земледѣльческая культура развивается, исключая центра, очень поздно, ограничивается, опять-таки, расхищеніемъ природныхъ почвенныхъ силъ и стоитъ до сихъ поръ на очень низкой степени развитія. Промышленность старой Россіи, какъ мы видѣли, носила по преимуществу домашній характеръ; крупная же капиталистическая промышленность искусственно создана была государствомъ и долго не могла обходиться безъ усиленнаго покровительства. Наконецъ, торговля Россіи всегда носила пассивный характеръ и находилась (вышняя) преимущественно въ рукахъ иностранцевъ, нуждавшихся въ русскихъ товарахъ. Кредитъ и кредитныя учрежденія возникли только сто лѣтъ тому назадъ, благодаря правительственному почину, частный же починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ только нашему времени.

На такомъ непрочномъ фундаментѣ могла сложиться только очень элементарная общественная организація и притомъ очень трудно и медленно; при элементарномъ развитіи матеріальныхъ интересовъ не было достаточно прочныхъ и сложныхъ матеріальныхъ связей, которыя могли бы служить основаніемъ для рѣзкой сословной группировки. Такимъ образомъ, общественный матеріалъ оставался разрозненнымъ, безформеннымъ, хаотически перемѣшаннымъ до тѣхъ поръ, пока не явилась столь же элементарная потребность въ усиленіи государственной власти. Потребность эта явилась у насъ не изнутри, не вслѣдствіе внутренняго развитія общества, а вслѣдствіе вышней необходимости—государственной защиты. Сильная государственная власть нужна была для воен-

ной обороны страны, и военные потребности надолго остались первенствующими потребностями государства. Для ихъ удовлетворенія государство должно было создать общественную организацію, скрѣпить общественныя связи. Такимъ образомъ, возникла волостная связь крестьянскихъ (и городскихъ) міровъ для удовлетворенія потребности въ деньгахъ и уѣздная связь служилого сословія для удовлетворенія потребности въ войскѣ. По мѣрѣ увеличенія государственныхъ нуждъ и по мѣрѣ отягощенія населенія налогами, связь эта становилась все болѣе и болѣе принудительною и привела, наконецъ, въ XVII вѣкѣ къ всеобщему закрѣпощенію сословій: крестьянскаго такъ же, какъ и городского и служилого. Это закрѣпощеніе впервые въ Россіи положило рѣзкія границы между сословіями и существенно содѣйствовало развитію ихъ внутренней организаціи. Съ XVIII столѣтія начинается обратное движеніе къ раскрѣпощенію, и при прямомъ содѣйствіи правительства сословія начинаютъ проникаться духомъ внутренней самостоятельности. Однакоже это развитіе сословнаго духа въ XVIII вѣкѣ не имѣло почвы въ исторіи русскихъ сословій и въ концѣ концовъ оказалось временнымъ и наноснымъ продуктомъ переходной эпохи: дальнѣйшее развитіе общественной самодѣятельности совершалось въ противоположномъ смыслѣ бессловности, и въ результатѣ получилось къ нашему времени полное разрушеніе и перетасовка старыхъ сословныхъ элементовъ.

Тѣ же причины, которыя помѣшали развитію сословной жизни въ Россіи, казалось, должны бы были содѣйствовать развитію государственности. Но государственность Россіи не становилась въ разрѣзъ съ сословной жизнью и употребляла или даже создавала сословныя группы, какъ орудія для своихъ правительственныхъ цѣлей. Причиной этого было то, что и правительству долго не хватало собственныхъ правительственныхъ органовъ: развитіе правильнаго управленія совершалось въ Россіи чрезвычайно медленно. Правительственныя учрежденія создавались подъ вліяніемъ неотложной нужды и соотвѣтствовали характеру этой нужды, т. е. носили по преимуществу финансовый и военный характеръ. Собственно управленіе и судъ стояли для правительства на второмъ планѣ и примыкали къ учрежденіямъ финансовымъ и военнымъ. Безсистемное накопленіе приказовъ, сосредоточеніе всѣхъ провинціальныхъ дѣлъ въ Москвѣ, по преимуществу въ финансовыхъ и военныхъ учрежденіяхъ—таковы главныя черты старой московской администраціи. Переходъ къ новому порядку создается путемъ введенія систематически соподчиненныхъ центральныхъ учреждений и путемъ организаціи болѣе или менѣе самостоятельной областной

единицы. Со второй половины XVIII вѣка, со времени Екатерины II, создается въ Россіи правильное областное устройство, со времени Александра I устанавливаются правильныя отношенія между областными учрежденіями и центральными, и со времени Александра II нѣкоторая часть областныхъ дѣлъ передается въ вѣдѣніе всесословнаго мѣстнаго самоуправления. Въ этотъ только періодъ времени правительство получаетъ возможность систематически преслѣдовать въ области управленія болѣе широкія государственныя задачи, охранять и развивать въ населеніи чувство законности путемъ болѣе точнаго опредѣленія того, что должно считаться закономъ и путемъ болѣе дѣйствительнаго контроля за его примѣненіемъ на мѣстѣ. Только въ это время, наконецъ, становится возможнымъ освобожденіе пѣлаго сословія изъ-подъ власти другого, уравненіе гражданскихъ правъ и обязанностей разныхъ классовъ, и установленіе одинаковаго для всѣхъ права и равнаго для всѣхъ суда.

Если мы захотимъ формулировать общее впечатлѣніе, которое получается при сравненіи всѣхъ затронутыхъ нами сторонъ русскаго историческаго процесса съ тѣми же сторонами историческаго развитія Запада, то, кажется, можно будетъ свести это впечатлѣніе къ двумъ основнымъ чертамъ. Въ нашей исторической эволюціи бросается въ глаза: во-первыхъ, ея крайняя *элементарность*, во-вторыхъ, ея совершенное *своеобразие*. Обѣ эти черты были давно подмѣчены, и каждая изъ нихъ легла въ основаніе одного изъ двухъ противоположныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи. По первому изъ этихъ взглядовъ, русская исторія есть нѣчто настолько своеобразное, что ничего подобнаго мы не найдемъ ни въ какомъ другомъ историческомъ процессѣ. Между Россіей и Европой такъ же нѣтъ ничего общаго, какъ не можетъ быть ничего общаго между двумя различными зоологическими типами, напримѣръ, между рыбами и млекопитающими; въ основѣ ихъ историческаго развитія лежатъ совершенно различныя, цѣльныя и неразложимыя на составныя элементы національныя типы, несравнимыя и несоизмѣримыя между собою. Всѣ отдѣльныя черты каждаго національнаго типа вытекаютъ изъ его основной сущности и находятся другъ съ другомъ въ самой неразрывной связи. Привить какую-нибудь черту одного изъ этихъ типовъ другому такъ же невозможно, какъ заставить рыбу дышать легкими, а млекопитающее жабрами. Такимъ образомъ, и въ общемъ, и въ частностихъ историческое развитіе русскаго народа было, есть и будетъ совершенно самобытно, своеобразно и не похоже ни на какую другую національную исторію.

Таковъ взглядъ на русскую исторію нашихъ націоналистовъ. Другой взглядъ исходитъ изъ наблюденія другой отмѣченной черты: элементарности русскаго историческаго развитія. По этому взгляду всѣ народности проходятъ одинаковую лѣстницу общественнаго развитія, и мы идемъ потому же пути, на которомъ мы пока лишь отстаемъ. Въ дальнѣйшемъ Россія будетъ продолжать эволюцію и пройдетъ тѣ же ступени, какія уже пройдены или проходятся Западомъ.

Который же изъ двухъ взглядовъ вѣренъ? Представляетъ ли Россія совсѣмъ особый типъ національнаго развитія, или только одну изъ ступеней, давно пройденныхъ Европой? Мы поймемъ всю важность этого вопроса, если замѣтимъ, что отъ того или другого отвѣта на него зависитъ наше представленіе о дальнѣйшемъ развитіи, о будущности Россіи. Такая важность вопроса заставляетъ быть очень осторожными въ его разрѣшеніи. Мы поступимъ всего лучше, если не дадимъ вѣры ни тому, ни другому изъ двухъ крайнихъ взглядовъ въ ихъ чистомъ видѣ. Въ томъ и другомъ истина смѣшана съ ошибкой; и выдѣливъ изъ обоихъ долю истины, которая въ нихъ заключается, нельзя не придти къ заключенію, что, въ сущности говоря, оба взгляда не такъ непримиримы другъ съ другомъ, какъ это кажется съ перваго раза. Ни одно національное развитіе не похоже на другое, въ каждомъ есть доля своеобразнаго, индивидуальнаго, свойственнаго только одному данному случаю. Такъ говорятъ сторонники націонализма, и если бы они ограничились однимъ этимъ утвержденіемъ, намъ нечего было бы возразить имъ. Да, дѣйствительно, сочетаніе историческихъ условій, создающихъ національную жизнь, не можетъ не быть безконечно разнообразно въ каждомъ данномъ случаѣ, а слѣдовательно и результатъ этого сочетанія—національное развитіе—будетъ безконечно разнообразенъ. Но при всемъ разнообразіи результатовъ исторической жизни—точно ли они такъ несоизмѣримо другъ съ другомъ? Если сравнить между собою одни только готовые результаты и забыть о тѣхъ условіяхъ, которыя ихъ создали, конечно, сравненіе окажется затруднительнымъ. Но задача историка именно и заключается въ анализѣ историческаго явленія, въ сведеніи его къ создавшимъ его причинамъ. Чтобы воспользоваться приведеннымъ уже примѣромъ, конечно, было бы безцѣльно обсуждать сравнительное достоинство жабръ и легкихъ самихъ по себѣ, независимо отъ условій жизни въ водѣ и на сушѣ, къ которымъ эти органы приспособлены; но въ наше время существуетъ наука сравнительной анатоміи, которая производитъ сравненіе одинаковыхъ органовъ не въ ихъ готовомъ видѣ, а въ

ихъ происхожденіи и развитіи въ цѣломъ рядѣ животныхъ формъ, подъ вліяніемъ условій жизни. Съ этой точки зрѣнія между обѣими формами дыхательныхъ органовъ можно прослѣдить не только безусловное сходство, но даже, можетъ быть, и генеалогическое родство. Современный историкъ тоже не можетъ обойтись въ наше время безъ своего рода сравнительной анатоміи: и ему приходится расчленять историческое явленіе и устанавливать сравненіе не между готовыми результатами, а между условіями ихъ происхожденія. Такого рода расчлененіе условій историческаго явленія и мы пытались произвести въ началѣ нашихъ «Очерковъ». Теперь будетъ своевременно напомнить объ этомъ анализѣ и приложить его къ интересующему насъ вопросу. Мы различали въ историческомъ результатѣ три главныхъ группы производящихъ его условій. *Первое* условіе заключается во внутренней тенденціи, внутреннемъ законѣ развитія, присущемъ всякому обществу и для всякаго общества одинаковомъ. *Второе* условіе заключается въ особенностяхъ той матеріальной среды, обстановки, среди которой данному обществу суждено развиваться. Наконецъ, *третье* условіе состоитъ во вліяніи отдѣльной человѣческой личности на ходъ историческаго процесса. Первое условіе сообщаетъ различнымъ историческимъ процессамъ характеръ сходства въ основномъ ходѣ развитія; второе условіе придаетъ имъ характеръ разнообразія; третье, наиболѣе ограниченное въ своемъ дѣйствіи, вноситъ въ историческія явленія характеръ случайности. Если мы попробуемъ приложить эту классификацію историческихъ условій къ оцѣнкѣ противоположныхъ взглядовъ на прошлое и настоящее Россіи, мы увидимъ, что оцѣнка эта значительно облегчится. Взглядъ націоналистовъ, какъ мы видѣли, грѣшитъ тѣмъ, что вовсе не подвергаетъ анализу историческій результатъ и обращается съ нимъ, какъ съ неразложимымъ цѣлымъ. Взглядъ ихъ противниковъ (назовемъ ихъ для большаго удобства, — хотя не для большей точности, — западниками) вноситъ, напротивъ, необходимый анализъ, но, произведя этотъ анализъ, останавливается преимущественно на первомъ изъ отмѣченныхъ нами условій и забываетъ объ остальныхъ. Если бы, дѣйствительно, вся историческая жизнь народовъ сводилась къ внутреннему, органическому развитію общества, если бы развитіе внутренней тенденціи историческаго процесса не осложнялось ничѣмъ постороннимъ, тогда, конечно, всѣ человѣческія общества проходили бы однѣ и тѣ же ступени развитія въ одномъ и томъ же порядкѣ, и намъ было бы нетрудно по извѣстнымъ признакамъ опредѣлить, на какой ступени стоитъ Россія и какія предстоитъ ей пройти въ будущемъ. Но какъ разъ

относительно Россіи мы знаемъ уже, какъ внутренній ходъ ея развитія видоизмѣнялся подъ могущественнымъ вліяніемъ второго условія, исторической обстановки. Если бы можно было предположить, что это условіе произвело только задерживающее вліяніе, что оно остановило ростъ Россіи на одной изъ раннихъ ступеней жизни, тогда мы имѣли бы еще право сравнивать состояніе Россіи съ состояніемъ Европы, какъ два различные возраста. Но нѣтъ, историческая жизнь Россіи не остановилась; она шла своимъ ходомъ, можетъ быть, болѣе медленнымъ, но непрерывнымъ, и слѣдовательно, пережила извѣстные моменты развитія, — пережитые и Европой, — по своему. Такъ, образованіе государства есть ступень, одинаково пережитая и Россіей, и Европой: но мы видѣли, при какихъ различныхъ условіяхъ это происходило и съ какими разнообразными результатами. Такимъ образомъ, мы уже не можемъ, какъ предполагали нѣкоторые наши старые писатели, советовать Россіи пережить сначала всѣ стадіи европейской жизни, чтобы придти къ европейскимъ результатамъ. Такъ или иначе, нѣкоторыя изъ этихъ стадій навсегда пережиты; такъ или иначе и результаты всей жизни оказались и будутъ оказываться впредь болѣе или менѣе своеобразными. И такъ, не слѣдуетъ ли вернуться къ теоріи націоналистовъ? Ничуть не бывало. Если историческая обстановка, видоизмѣняющая историческое развитіе, есть могущественный факторъ въ историческомъ процессѣ, то не менѣе основнымъ и могущественнымъ факторомъ надо считать внутреннее развитіе общества одинаковое во всякомъ обществѣ. Условія исторической жизни задержали развитіе численности русскаго населенія; но дальнѣйшій процессъ по необходимости будетъ заключаться въ размноженіи и увеличеніи плотности этого населенія. Условія обстановки задержали экономическую эволюцію на нижнихъ ступеняхъ, но дальнѣйшій ходъ ея у насъ, какъ вездѣ, пойдетъ одинаковымъ порядкомъ, въ направленіи большей интенсивности, большей дифференціаціи и большаго обобществленія труда. Историческія условія создали насильственное сплоченіе сословій и одностороннее развитіе государственности; но дальнѣйшее развитіе экономической жизни уже привело отчасти къ ослабленію государственной опеки, къ раскрѣпощенію сословій, къ зачаткамъ общественной самостоятельности и самодѣятельности. Тѣ же историческія условія сузили государственную дѣятельность и сдвинули государственную организацію въ сторону военныхъ и финансовыхъ потребностей; но дальнѣйшее развитіе и здѣсь повело къ болѣе широкой и рациональной постановкѣ государственныхъ задачъ и должно привести къ болѣе сознательной общественной организаціи. Такимъ обра-

зомъ, во всѣхъ этихъ областяхъ жизни историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ,—это не значитъ, что оно приведетъ въ частности къ совершенно тождественнымъ результатамъ, но тождественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада,—каждое изъ нихъ представляетъ настолько глубокія различія и своеобразія, что самое подведеніе ихъ подъ одну общую рубрику «западныхъ государствъ» можетъ имѣть только весьма условное и относительное значеніе.

И такъ, несомнѣнное своеобразіе русскаго историческаго процесса не мѣшаетъ намъ находить весьма значительное сходство и въ его общемъ ходѣ, и, еще болѣе, въ отдѣльныхъ элементарныхъ факторахъ этого процесса, между нимъ и развитіемъ западно-европейскихъ государствъ. Наши націоналисты стараго времени, вѣрившіе въ то, что каждый народъ призванъ къ осуществленію какой-нибудь одной національной идеи и что эта послѣдняя вытекаетъ изъ внутреннихъ свойствъ народнаго духа, естественно, должны были находить, что это единство національной идеи должно выразиться и въ единствѣ національной исторіи, что, стало быть, завѣты историческаго прошлаго должны служить лучшимъ указаніемъ на задачи будущаго, а всякое заимствованіе со стороны есть не что иное, какъ измѣна національному преданію и искаженіе національной идеи. Въ наше время эти воззрѣнія, какъ будто, опять начали входить въ моду въ извѣстныхъ кругахъ. Тѣмъ болѣе необходимо бороться съ ними, такъ какъ подобныя идеи не только совершенно ошибочны, но и въ высшей степени вредны. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между тринадцати-милліоннымъ государствомъ съ плотностью трехъ человѣкъ на кв. километръ и съ городскимъ населеніемъ въ 3% всего населенія, и между тѣмъ же государствомъ полтора вѣка спустя съ населеніемъ въ 9 разъ болѣе, съ плотностью въ 6 разъ болѣе и съ городскимъ населеніемъ, увеличившимся въ 40 разъ абсолютно и въ 4 раза пропорціонально? Какую историческую традицію можетъ передать періодъ натурального хозяйства и крѣпостного права періоду мѣноваго хозяйства и гражданской равноправности? Какая историческая связь можетъ существовать между историческимъ прошлымъ русскаго сѣвера и необычайно быстрымъ развитіемъ русскаго юга въ теченіе одного послѣдняго столѣтія,—развитіемъ, которое одно совершенно перемѣстило центръ русской экономической жизни? Наши націоналисты жаловались на Петра Великаго, что онъ хотѣлъ только-что вышедшую изъ младенчества Россію одѣть въ костюмъ взрослаго человѣка; но, настаивая на поддер-

жаніи въ настоящемъ исторической традиціи, не хотятъ ли они сами, во что бы то ни стало, сохранить на юношѣ дѣтскія пеленки?

Россія выросла изъ извѣстныхъ формъ и переросла извѣстныя традиціи, отрицать это значить закрывать глаза на дѣйствительность и отрицать законы историческаго роста. Признавъ эти законы, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретаемъ возможность взглянуть иначе на необходимость заимствованій съ Запада, чѣмъ смотрѣли на это наши самобытники. Если бы русскій историческій процессъ былъ дѣйствительно совершенно своеобразнымъ и несравнимымъ съ другими, тогда, конечно, всякое заимствованіе пришлось бы считать искаженіемъ національнаго процесса, хотя тогда трудно бы было даже понять, какимъ образомъ такое искаженіе было возможно: ясное дѣло, что заимствованіе не имѣло бы тогда никакой возможности привиться. Но если основной ходъ историческаго развитія, общій у различныхъ историческихъ процессовъ, тогда необходимо признать и нѣкоторую общность въ формахъ этого развитія, и вопросъ долженъ идти уже не о томъ, законно или возможно ли вообще всякое заимствованіе, а о томъ, какія формы могутъ быть признаны подходящими для того, чтобы облечь въ нихъ вѣчное содержаніе даннаго момента народной жизни. Сходство съ Европой не будетъ при этомъ непремѣнной цѣлью при введеніи извѣстной новой формы, а только естественнымъ послѣдствіемъ сродства самихъ потребностей, вызывающихъ къ жизни и тамъ и здѣсь эти новыя формы; само собою разумѣется, что сходство никогда не дойдетъ при этомъ до полнаго тождества. И такъ, мы не должны обманывать самихъ себя и другихъ страхомъ передъ мнимой измѣной нашей національной традиціи. Если наше прошлое и связано съ настоящимъ, то только какъ балластъ, тянущій насъ книзу, хотя съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе. Эту слабость связи между нашимъ прошлымъ и настоящимъ съ грустью признаютъ и націоналисты: отъ требованій быть вѣрными исторической традиціи, они нерѣдко переходятъ къ печальнымъ размышленіямъ о томъ, что настоящей традиціи у насъ нѣтъ. Въ основѣ этихъ печалованій лежитъ, кажется, также нѣкоторое недоразумѣніе. Надо оговориться, о какой традиціи мы говоримъ. Если рѣчь идетъ о связи различныхъ періодовъ естественной эволюціи общества, надо признать, что эта эволюція совершается по свойственнымъ ей законамъ; основной ея законъ есть постоянное измѣненіе и, стало быть, по самому существу дѣла здѣсь никакая традиція невозможна. Но можетъ быть рѣчь о традиціи въ другомъ смыслѣ. Помимо естественнаго хода общественной эволюціи,

во всякомъ развитомъ обществѣ существуетъ сознательная человѣческая дѣятельность, стремящаяся подчинить эту эволюцію человѣческой воли и согласовать ее съ извѣстными человѣческими идеалами. Для достиженія этихъ цѣлей надо прежде всего выработать и распространить эти идеалы и затѣмъ воспитать волю. Если подобная работа совершается въ одномъ и томъ же направленіи въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, въ такомъ случаѣ въ результатѣ получится дѣйствительная *культурная* традиція—единство общественнаго воспитанія въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи. У насъ, дѣйствительно, такой традиціи нѣтъ, и при томъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ слишкомъ недавно началось какое бы то ни было сознательное общественное воспитаніе, во-вторыхъ, наши идеалы за этотъ небольшой промежутокъ сознательнаго общественнаго воспитанія слишкомъ быстро и рѣшительно мѣнялись *). То и другое совершенно естественно, и необходимо вытекаетъ изъ общаго хода нашей исторической жизни: стихійная, бессознательная въ теченіе многихъ вѣковъ и потомъ быстро, лихорадочно двинувшаяся впередъ вѣка два тому назадъ, она должна была привести къ разрыву со старой традиціей, а для созданія новой традиціи условія русской духовной культуры сложились слишкомъ неблагоприятно. Но неблагоприятныя условія рано или поздно измѣнятся, и новая традиція будетъ имѣть время сложиться. Что же намъ дѣлать въ ожиданіи этого будущаго? Вернуться къ старой традиціи, говорятъ наши націоналисты. Эта старая допетровская традиція дѣйствительно сложилась прочно и крѣпко: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ слагала ее не сознательная дѣятельность общественнаго воспитанія, а сама жизнь съ ея потребностями. Разъ сложившись, эта традиція передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе долгое время въ неизмѣнномъ видѣ, даже не въ формѣ теоретическихъ предписаній, а въ формѣ житейскихъ привычекъ; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ ни о какой «быстрой смѣнѣ идеаловъ» не могло быть и рѣчи въ то время. Можно, смотря по вкусу, завидовать прочности этого допетровскаго чина жизни,—или ненавидѣть его косность, — но, какъ бы мы на него ни смотрѣли, сочувственно или враждебно, нельзя ни надѣяться, ни опасаться, что онъ можетъ быть восстановленъ въ наше время тамъ, гдѣ онъ давно исчезъ, и сохраненъ тамъ, гдѣ уцѣлѣли и до сихъ поръ его обломки. Та же жизнь, которая создала его, привела неотвратимо къ его разрушенію раньше даже, чѣмъ воспитаніе могло успѣть это

*) См. 3-ю часть «Очерковъ».

сдѣлать сознательно. Понятное дѣло, что и наша сознательная дѣятельность должна быть направлена не на поддержаніе этого археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной, «Петровской», традиціи, соответствующей нашимъ идеаламъ:

Das alte stürzt; es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben steigt aus den Ruinen *).

Конецъ I-ой части.

*) Старое рушится, и съ теченіемъ времени изъ развалинъ возрождается новая жизнь.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Хлѣбъ», романъ г. Мамина, какъ иллюстрація хищнической стадіи капитализма.—Новые типы: «интеллигентная чернишка» и человекъ будущаго.—«Душевные свойства женщины», г. Каптерева. — Двусмысленный характеръ и запоздалость его выводовъ.—Проповѣдникъ для современной молодежи: г. Карѣевъ и его произведенія для молодежи. — Общій характеръ этихъ произведеній.—Литературная физіономія г. Карѣева.—Тридцатилѣтіе «Вѣстника Европы».

«— Да такъ... Вотъ ты теперь ѣшь пирогъ съ лукомъ, а вдругъ протягивается невидимая лапа и цапъ твой пирогъ. Только и видѣлъ... Ты ротъ-то раскрылъ, а пирога ужъ нѣтъ. Не понимаешь? А дѣло-то къ тому идетъ и даже весьма деликатно и просто».

Такъ жалуется волостной писарь Замараевъ, одинъ изъ героев послѣдняго романа г. Мамина «Хлѣбъ», на непонятные для него порядки, которые начались послѣ реформы въ глухомъ уголку Зауралья, гдѣ раньше все казалось такъ понятно, мирно и просто. Крестьяне были государственные, земли у нихъ было «не мѣрено», а земля-то — «черноземъ овчина-овчиной», своего хлѣба «сколько влѣзетъ, по три года запасы стояли». Подъ бокомъ была еще «орда» — киргизы, съ которыми шелъ чисто русскій народный обмѣнъ: хлѣбъ мѣняли на скотину съ придачей «кунарскихъ», иначе фальшивыхъ денегъ. Справно жили мужички, — вздыхаетъ одинъ изъ народныхъ радѣтелей, которые кормились около, пока не пришла реформа и съ нею новое время, иные порядки. Г. Маминъ, какъ художникъ, не вдается въ разсмотрѣніе того, такъ ли ужъ было все благополучно, и только изображаетъ картину прежней жизни, какъ она рисовалась самому обывателю. Иначе ему пришлось бы невольно задуматься надъ вопросомъ, отчего въ какихъ-нибудь два-три десятка лѣтъ эта картина безпечальнаго житія такъ быстро разрушилась при первомъ натискѣ новыхъ порядковъ и замѣнилась общимъ разореньемъ, которымъ авторъ заканчиваетъ свой романъ?

Содержаніе романа очень несложно, какъ несложна вообще исторія такихъ нѣкогда Богомъ хранимыхъ уголковъ, теперь представляющихъ унылую пустыню, откуда «народы бѣгутъ врозь». Все благосостояніе заключалось въ отсутствіи жизни, движенія, потребностей. Былъ хлѣбъ—и больше ничего. «Все свое было,—плачетъ одинъ изъ стариковъ,—а теперь ситцы да самовары пошли». Въ примитивности такой жизни скрывался залогъ ея поразительно быстрого разрушенія. «Хлѣбъ» приманилъ новую силу, которая пришла со стороны, хотя для ея развитія были всѣ данныя, всѣ условія на мѣстѣ. Явился капиталъ, смѣнившій доморощеннаго кулака. Послѣднему жилось очень недурно, и на первыхъ порахъ онъ посматривалъ на дѣятельность капитала не безъ насмѣшки. Услышавъ разсказъ о томъ, какъ вновь открытый банкъ выдаетъ вкладчикамъ шесть процентовъ, а самъ зарабатываетъ двадцать четыре, кулакъ заливается смѣхомъ: «Удивилъ!.. Ха-ха!.. Удивилъ! А я-то всего беру сто на сто процентовъ... Меньше ни-ни! Дѣло любовное: хочешь — не хочешь. Кто шубу принесетъ въ закладъ, кто телѣгу, кто снасть какую-нибудь... Деньги деньгами, да еще отработай... И еще благодарятъ. Понялъ?» Но эти операціи, какъ ни чудовищны онѣ представляются намъ по размѣрамъ процентовъ, не выходятъ изъ предѣла незначительной области, села, много волости, и самъ кулакъ не развиваетъ никакихъ мѣстныхъ силъ, предпріятій, словомъ, не вноситъ ничего новаго въ кругъ патріархальной жизни, не идетъ дальше личнаго накопленія богатства, съ которымъ и самъ въ концѣ концовъ не знаетъ что дѣлать.

Новая сила отличалась прежде всего особою жизненностью, которую она несла съ собою, оживляя тихую и мирную жизнь небывалыми предпріятіями. Центромъ ихъ является тотъ же хлѣбъ, который прежде, «по три года лежалъ въ закромахъ». Теперь хлѣбъ сталъ товаромъ, и очень ходкимъ, вызвавшимъ бойкую спекуляцію. Новыя условія жизни извлекли его изъ закромовъ на рынокъ, гдѣ онъ завертѣлся, закружился, сталъ подниматься и падать, съ непостижимой для оторопѣлаго обывателя легкостью. Явился спросъ на него, выросли мельницы и винокуренные заводы, и въ замѣнъ явились деньги, а вмѣстѣ съ ними и новыя потребности. «Въ теченіе десяти лѣтъ Суслонъ (центральное мѣсто дѣйствія романа) совершенно измѣнилъ свою фізіономію. Изъ простаго зауральскаго села онъ превратился въ боевой торговый пунктъ, гдѣ начала развиваться уже городская торговля, какъ лавки съ краснымъ товаромъ, и даже появился галантерейный магазинъ. Раньше былъ одинъ кабакъ, а теперь дѣлѣхъ десять. Простыя деревенскія избы

перестраивались на городскую руку, обшивались тесомъ и раскрашивались. Появились дома съ мезонинами и городскими палисадниками. Суслонскихъ мужиковъ деревенскіе сосѣди называли купцами». Изъ этой выдержки читатели видятъ, что авторъ вполне объективенъ въ изображеніи подвиговъ капитала, отнюдь не скрывающая отрицательныхъ сторонъ его дѣятельности. Г. Маминъ, описывая въ одномъ мѣстѣ конкуренцію двухъ винныхъ заводчиковъ, рисуетъ ужасающую картину спаиванія и деморализаціи народа. Въ этомъ,—замѣтимъ кстати,—одно изъ огромныхъ достоинствъ романа, подавляющаго читателя своей правдой. Но лучше такая правда, хотя бы и скорбная, чѣмъ тѣ иллюзіи, которыми прежде литература расцвѣчивала изображаемую ею яко-бы народную жизнь.

Однако, накопленные запасы быстро были перемолоты, передѣланы и вывезены. Началось истощеніе земли, съ которой стали вырывать силой то, что прежде она давала исподволь сама. «Ослабѣлъ мужикъ», на спинѣ котораго выросли паровыя мельницы и винокуренные заводы,—«ослабла земля», изъ которой этотъ ослабѣвшій мужикъ тянулъ послѣдніе соки. Хищническій періодъ капитализма завершился и, какъ и должно было ожидать, завершился общимъ крахомъ, который выдержали наиболѣе сильныя. На костяхъ погибшихъ, банкъ, главная сила, своимъ кредитомъ ускорявшая процессъ хищничества, и крупныя тузы, его создавшіе, упрочились, какъ въ завоеванномъ краѣ, предписывая побѣжденному свои условія. Картиной голоднаго года заканчивается бытовая сторона романа, который, однако, не исчерпывается только этимъ, сжато переданнымъ нами, содержаніемъ.

Очень искусно романистъ намѣчаетъ двѣ силы, бокъ-о-бокъ выдвигающіяся на фонѣ общаго разрушенія старыхъ устоевъ «мирнаго житія»,—мѣстную интеллигенцію и типъ мѣстнаго, если можно такъ опредѣлить его, доморощеннаго капиталиста. Это — то, что г. Милюковъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», называетъ «силою капитала и силою знанія», создавшими «культурную жизнь современной Европы». Интеллигенція группируется постепенно около мѣстной печати, единственной силы, смѣло борющейся съ беспощадными захватами капитала, во имя обездоленныхъ и раззоренныхъ. Лучшимъ представителемъ ея въ романѣ является дѣвушка Устинька, дочь мѣстнаго купца стараго типа. Она цѣликомъ уходитъ въ новый міръ идей, безъ колебаній порвавъ завѣтныя традиціи. Во время наступившаго голода она и кружокъ мѣстной интеллигенціи становятся центромъ, завѣдующимъ помощью голоднымъ.

На ряду съ Устинькой стоитъ новый капиталистъ, тоже порвавшій всё традиціи, но въ совершенно другую сторону. Это—Галактіонъ Колобовъ. Интересна его родословная, являющаяся типичной для многочисленныхъ разновидностей этого нарождающагося типа. Дѣдъ его—неизвѣстнаго происхожденія бродяга, прикнувшійся къ одному заводу, гдѣ его приписали въ крѣпостные. Отецъ выбивается изъ крѣпостныхъ путемъ личной предприимчивости и завоевываетъ себѣ самостоятельное существованіе. Онъ раскольникъ, и мистицизмъ примѣшивается къ его хищническимъ наклонностямъ, давая ему извѣстную нравственную опору въ борьбѣ за существованіе. Сынъ, Галактіонъ, не уступаетъ отцу въ энергіи, но глубже понимаетъ современныя условія, болѣе свѣдущъ, онъ технологъ и вообще видалъ не только свое Зауралье. Онъ чувствуетъ въ себѣ необычныя силы, жажда дѣятельности, простора одолеваетъ его до болѣзненности. Предъ нами крупная личность, которую не можетъ удовлетворить медленная, кропотливая жизнь «по-старинкѣ», скопидомство по грошамъ, мелкія прижимки и кулачество на почвѣ мистицизма и яко бы радѣнія о народѣ, о душѣ и т. п. Онъ хочетъ дѣлать «большія дѣла», ему рисуются «широкіе горизонты», весь міръ представляется ему ареной для его замысловъ обогащенія, хотя по временамъ онъ испытываетъ странное смущеніе, какъ-будто «измѣняетъ чему-то, измѣняетъ такому хорошему и завѣтному»,—потому что и у него въ глубинѣ души есть порывъ къ свѣту и правдѣ. Но старая «правда», въ видѣ безформеннаго мистицизма, не можетъ удовлетворить его, а новую жизнь еще не выработала, — и этому порыву не дано развиваться. Вся окружающая жизнь, семейная обстановка и дѣятельность толкаютъ его въ противоположную сторону, въ сторону личнаго обогащенія, котораго онъ и добивается, не разбирая средствъ. Во время голода удачнымъ предпріятіемъ, давно обдуманнымъ и взвѣшеннымъ, онъ страшно наживаетъ на хлѣбѣ.

Эти двѣ силы будущаго—Устинька и Галактіонъ—сталкиваются, и оба взаимно поражены. Его уничтожаетъ ея чистота, нравственная красота, предъ которой онъ до боли сознаетъ свою гнусность, грязь душевную и измененность преслѣдуемыхъ идеаловъ. Она сознаетъ его силу и, ненавидя его дѣятельность, позорную въ ея глазахъ, особенно въ минуту общественнаго бѣдствія, не можетъ втайнѣ не восхищаться его широкимъ размахомъ, смѣлостью и удачливостью. Приведемъ небольшую выдержку, очень характерную для психологіи современной женщины.

«Вернувшись домой, Устинька заперлась въ свою комнату, бросилась на постель и долго плакала. Умъ говорилъ одно, а сердце — другое. Получался

опшеломившій ее разладъ. Плакала слабая женщина, платившая дань своей слабости. Устинька не умѣла даже сказать, любить она Галактіона или ненавидитъ. Но она много думала о немъ, особенно въ последнее время, и жалѣла себя. Именно, только съ такимъ мужемъ она могла быть счастлива, если бы онъ не имѣлъ за собой тяжелаго прошлаго и этого ужаснаго настоящаго. Да, это была сила и сила недюжинная. Для сравненія у Устиньки было сейчасъ достаточно матеріала. Хорошихъ людей много, но всѣ они такіе безсильные. Все только на языкѣ, въ теоріи, въ области никогда неосуществимыхъ хорошихъ чувствъ. Можетъ быть, и хороши они только потому, что ничего не стоили своимъ владѣльцамъ. Устинька перебирала свои хлопоты по голодному дѣлу и не могла не придти къ заключенію, что все такъ мало и неумѣло сдѣлано, ничего не подготовлено, какъ-то вяло и пассивно. А если бы за это же дѣло ввялся Галактіонъ... о, онъ одинъ сумѣлъ бы прокормить цѣлый уѣздъ, создать работу, найти приложеніе даромъ пропадавшимъ силамъ и вдохнуть мужскую энергію!

«Именно это и понималъ Стабровский, понималъ въ ней ту энергичную сибирскую женщину, которая не удовлетворится одними словами, которая для дѣла пожертвуетъ всѣмъ и будетъ своему мужу настоящимъ другомъ и помощникомъ. Тутъ была своя поэзія,—поэзія самаго широкаго размаха энергіи и неудержимаго стремленія впередъ.

«Стоило Устинькѣ закрыть глаза, какъ она сейчасъ видѣла себя женой Галактіона. Да, именно, жена, то, изъ чего складывается нераздѣльный организмъ. О, какъ хорошо она умѣла бы любить эту упрямую голову, заполненную такими смѣлыми планами! Сильная мужская воля направлялась бы любящею женскою рукой, и все дѣлалось бы, какъ говорили старинные русскіе люди, *по души*. Все по душѣ, по глубокому внутреннему тяготѣнію къ правдѣ, къ общенародной совѣсти. Именно, вѣдь, тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что въ немъ еще живетъ эта общая совѣсть и что онъ не потерялъ способности стыдиться... И вдругъ нѣтъ ничего!.. Нѣтъ, прежде всего, любимаго человѣка. И другого полюбить нѣтъ силъ. Все кончено. Радужный туманъ свѣтлаго утра сгустился въ темную грозовую тучу. А любимый человѣкъ несетъ съ собой поворъ и развореніе...

«Разъѣзжая по уѣзду, Устинька повнакомилась въ раскольниковыхъ семьяхъ съ совершенно новымъ для нея типомъ женщины: это были такъ называемыя чернички. Онѣ добровольно отказывались отъ замужества и посвящали свою жизнь обученію дѣтей и разнымъ душевнспасительнымъ подвигамъ. Причинъ для такого черничества въ тяжеломъ складѣ народной жизни было достаточно, и на первомъ планѣ, конечно, стояло неудовлетворенное личное чувство. Устинька сначала рассматривала этихъ черничекъ съ любопытствомъ, потомъ жалѣла ихъ и, наконецъ, пришла къ убѣжденію, что, вѣдь, и она Устинька, тоже въ своемъ родѣ черничка, интеллигентная черничка.»

Въ этой характеристикѣ настроенія Устиньки авторъ затронулъ глубокую психологическую черту современной не только «сибирской», а вообще русской женщины. Сколько теперь такихъ интеллигентныхъ черничекъ и по той же причинѣ, по которой и Устинька зачислилась въ ихъ печальную рать! Словами, «идеей», не можетъ удовлетвориться сердце современной женщины, а «дѣла», живого, настоящаго дѣла ей не можетъ предложить любимый человѣкъ

въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Она видитъ, всѣмъ существомъ своимъ понимаетъ, что все это «дѣло» мелко, жалко и, въ сущности, сводится къ «словамъ и словамъ...»

Галактіонъ—онъ умѣетъ, онъ силенъ, прежде всего, вѣрой въ себя, откуда его жажда дѣятельности, «широкій размахъ энергіи». Въ немъ нѣтъ раздвоенности, онъ весь изъ одного куска. Онъ не витаетъ въ облакахъ, не путается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, онъ стоитъ на почвѣ дѣйствительности и умѣетъ отстоять себя. Но онъ мерзокъ до глубины души съ своими низменными, «купонными» интересами, а другихъ пока—не знаетъ. Почему,—это сложный вопросъ, отвѣтъ на который отчасти есть въ романѣ. Въ началѣ своей дѣятельности Галактіонъ увлекается примѣромъ энергичнаго миллионера Стабровскаго, крупнаго винокуреннаго заводчика, который любитъ дѣло прежде всего ради борьбы. «Отчего бы вамъ, Болеславъ Брониславичъ, не заняться другимъ дѣломъ?—рѣшился замѣтить Галактіонъ.—Вѣдь, всякое дѣло у васъ пошло бы колесомъ».—«Что дѣлать, сейчасъ *открыты водки у насъ нѣтъ дѣла*»,—отвѣчаетъ Стабровский. Та недюжинная сила, которая такъ привлекаетъ Устиньку, не имѣетъ теперь другого приложенія, кромѣ водочныхъ и имъ подобныхъ дѣлъ. Но неудовлетворенность, испытываемая Галактіономъ, служитъ извѣстнымъ указателемъ, что въ этой силѣ скрываются и лучшія стремленія, и если они получаютъ развитіе и примѣненіе,—не придется тогда Устинькѣ идти въ чернички.

Очерчивая этотъ типъ, г. Маминъ, въ противность г. Боборыкину, не приходитъ въ восторгъ и отнюдь не обѣляетъ его. Онъ какъ бы самъ не увѣренъ въ немъ и изучаетъ его съ видимымъ любопытствомъ, какъ естественникъ, новую разновидность. Въ концѣ концовъ онъ заставляетъ своего героя кончить самоубійствомъ, показывая этимъ, что типъ для него не вполне ясенъ. Дѣйствительно, Галактіонъ еще въ періодѣ образованія, *in statu nascendi*, какъ говорятъ химики, это «новый человѣкъ»...

«Душевные свойства женщины»—заманчивое и въ то же время внушающее сомнѣніе заглавіе. Дѣло въ томъ, что нѣтъ, кажется, другого общественнаго вопроса, около котораго накопилось бы столько сору, сколько около женскаго вопроса. И накопляется этотъ соръ какъ-то періодически. То разные «Вопросительные и Восклицательные знаки» начнутъ соперничать, кто наговоритъ больше пошлости, то выищется неожиданный ревнитель семейственныхъ добродѣтелей женщинъ и на страницахъ того или иного, непремѣнно патріотическаго, органа начнетъ оплаки-

вать потерю этихъ добродѣтелей, вслѣдствіе излишка образованности. То въ западной Европѣ объявится модный философъ на минуту, въ родѣ пресловутаго болтуна Монтегаца, и съ претензіями на ученость начнетъ доказывать несравненныя достоинства «дѣвы-розы», а наши сикофанты подхватятъ его банальныя откровенія и, одобривъ двумя-тремя афоризмами Шопэнгауэра или другого извѣстнаго женоненавистника, преподносятъ ихъ нашей публикѣ въ качествѣ самоновѣйшихъ данныхъ по женскому вопросу.

Книга г. Каптерева «Душевные свойства женщинъ» не принадлежитъ, конечно, къ категоріи такого сора. Авторъ—безусловный сторонникъ женской «оригинальности», что не мѣшаетъ ему относиться вполне объективно къ своимъ противникамъ. Онъ безпристрастно приводитъ ихъ доводы, разбивая ихъ на основаніи строго научныхъ данныхъ, хотя книга и не претендуетъ на особую ученость, представляя рядъ популярныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ года полтора тому назадъ. Сдѣлавъ историческій, довольно поверхностный, обзоръ мнѣній по женскому вопросу, авторъ свое изслѣдованіе психическихъ особенностей женщины сводитъ къ слѣдующимъ двумъ вопросамъ:

«1) Женской душѣ свойственны ли всѣ основные процессы и явленія, которые своею наличностью образуютъ мужскую душу? Есть ли въ мужскомъ сознаніи какой-либо элементъ,—чувствованіе, процессъ мыслительности,—совершенно неизвѣстный и недоступный женщинамъ. Въ настоящее время никто, конечно, не думаетъ, что женщина не человѣкъ; но многіе думаютъ, что это человѣкъ болѣе низкой психической организаціи, чѣмъ мужчина, что женщинѣ многого недостаетъ сравнительно съ мужчиной; что это, словомъ, нумеръ второй человѣческаго рода. Поэтому и необходимо прежде всего узнать,—женская душа по своему существу, по своему основному строю одинакова съ мужской или различна, другого рода, и ей недостаетъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ элементовъ, по сравненію съ мужской?—2) Если женская душа по своему существу одинакова съ мужской, если основные психическіе элементы и свойства суть общее достояніе и мужской и женской психики, то нѣтъ ли какихъ-либо особенностей въ сочетаніи душевныхъ элементовъ у мужчины и женщины, у одного пола не преобладаетъ ли какой-либо классъ душевныхъ явленій въ то время, когда у другого пола этотъ классъ явленій слабъ? Можетъ быть, у различныхъ [половъ окажутся постоянно различными сила, напряженность, энергія общихъ душевныхъ элементовъ, ихъ сочетанія и пропорціи?».

Слѣдить за аргументаціей автора мы не станемъ, тѣмъ болѣе, что ничего новаго она не заключаетъ, и приведемъ его выводы. Первый вопросъ авторъ рѣшаетъ въ смыслѣ, вполне благоприятномъ для женщинъ, находя ихъ отнюдь не обиженными отъ природы сравнительно съ мужчинами. Второй вопросъ тоже рѣшается благоприятно въ томъ смыслѣ, что хотя особенности женскаго

психическаго типа и существуютъ, но ихъ сочетаніе даетъ въ общемъ типъ нисколько не ниже мужскаго, только своеобразный, значительно рознящійся отъ мужскаго. Своего полнаго развитія типъ этотъ еще не достигъ, вслѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ ему приходилось развиваться прежде, да въ большинствѣ случаевъ приходится развиваться и теперь. Все, повидимому, обстоитъ благополучно, и женщинамъ остается только кланяться и благодарить. Но окончательный выводъ автора разрушаетъ это благополучіе, хотя авторъ этого и не замѣчаетъ. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ, мѣшающую «дифференцированію» женскаго психическаго типа отъ мужскаго, авторъ указываетъ на отсутствіе «настоящей системы женскаго образованія», которое, въ сущности, есть «мужское образованіе, нѣсколько видоизмѣненное». Далѣе слѣдуетъ характеристика этого образованія и нѣкоторыя разсужденія автора, которыя такъ характерны, что, боясь исказить ихъ, мы приведемъ это мѣсто полностью.

«Извѣстно, что мужское образованіе строится, главнымъ образомъ, на изученіи древнихъ языковъ и математики, т. е. что основа его крайне отвлеченнаго и односторонняго характера. Насколько такая система удобна для всесторонняго умственнаго развитія молодыхъ людей—не будемъ обсуждать. Одно несомнѣнно, что такая система отчуждаетъ [отъ природы, подрываетъ любовь и вкусъ къ наблюденію естественныхъ явленій, дѣлаетъ школьничковъ безучастными и праздными зрителями самыхъ поразительныхъ фактовъ живой дѣйствительности. Женскій умъ другого склада, чѣмъ мужской, мышленіе женщинъ живо, образно, разносторонне, тѣсно связано съ дѣятельностью органовъ внѣшнихъ чувствъ. Женщина, какъ воспитательница своихъ дѣтей и хозяйка, имѣетъ постоянно нужду въ наблюденіи природы, въ естественнонаучныхъ знаніяхъ, въ умѣннн понимать жизнь и дѣйствительность. А какъ въ учебный курсъ женскихъ учебныхъ заведеній? Въ основѣ его тѣ же грамматики, только не древнихъ, а новыхъ языковъ, и та же математика. У насъ есть даже женскія гимназіи съ двумя древними языками, а въ послѣднее время ученицы этихъ гимназій соперничаютъ съ гимназистами въ разыгрываніи драмъ древнихъ греческихъ трагиковъ на греческомъ языкѣ. Эти факты свидѣтельствуютъ о необычайной гибкости женскаго ума, о его растяжимости, способности приноровиться ко всему; они свидѣтельствуютъ о томъ, чему женщина *можетъ* учиться, но никакъ не о томъ, чему она *должна* учиться. Женское образованіе, какъ и самый женскій психическій типъ, должно быть оригинально, а не копировать мужское».

Г. Каптеревъ, прежде всего, не замѣчаетъ, что становится на ту самую почву, съ которой противники женской самостоятельности нападаютъ на женское просвѣщеніе. Вѣдь, это ихъ главные доводы, что женщина, «какъ мать и хозяйка», *должна* получать *оригинальное* образованіе, которое они откровенно и сводятъ къ кухнѣ и рукодѣліямъ. На такихъ же совершенно основаніяхъ прежде преподавалась женщинамъ даже особая, примѣнительно

для нихъ изобрѣтенная, геометрія, осмѣянная еще, если не ошибаемся, Бѣлинскимъ, по словамъ котораго «авторъ сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать изъ геометріи самое нѣжное пристрастіе къ дѣвицамъ; онъ превратилъ ее въ легкое, подобное вышиванію по канвѣ и другимъ женскимъ занятіямъ, искусство употреблять въ приличныхъ случаяхъ геометрическіе термины». Углубляясь еще далѣе въ прошлое, мы натываемся на уставъ приспомянутыхъ «заведеній для благородныхъ дѣвиць» тридцатыхъ годовъ. Этотъ уставъ преслѣдовалъ именно «оригинальное», только для дѣвиць допускаемое имъ образованіе, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы образовать изъ русскихъ женщинъ «добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и пріобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію». Для сего,—какъ узнаемъ изъ книги г-жи Лихачевой «Матеріалы къ исторіи женскаго образованія въ Россіи, — должны были служить слѣдующіе предметы: а) нравственность, основанная на Законѣ Божіемъ, б) необходимыя науки (вышеприведенная геометрія, напр.), с) полезныя рукодѣлія и д) понятія о домашнемъ хозяйствѣ и порядкѣ». Для довершенія оригинальности въ образованіи, предлагалось «для доставленія дѣвицамъ пріятнаго и непринужденнаго обращенія въ обществѣ, стройнаго вида, благородной и непринужденной осанки» давать балы.

Разумѣется, г. Калтеревъ, какъ человѣкъ конца вѣка, не думаетъ о такомъ именно образованіи, но, тѣмъ не менѣе, коренная ошибка въ его выводахъ остается та же, что и въ требованіяхъ устава и современныхъ его сторонниковъ. Дѣло въ томъ, что въ погонѣ за психическими особенностями женщины, авторъ приписалъ имъ многое, скорѣе чисто временное, вовсе не имѣющее основанія въ ихъ природѣ, и явившееся какъ продуктъ тѣхъ общественныхъ условій, при которыхъ приходилось женскому психическому типу вырабатываться. Чувствительность, напряженность чувства любви, субъективный оттѣнокъ мышленія и т. п. качества, приписываемыя авторомъ женскому типу, очень легко ступшевываются, разъ женщина получаетъ не «оригинальное», а обще-человѣческое образованіе, которое развиваетъ въ ней прежде всего и главнымъ образомъ не женственныя, а обще-человѣческія качества — умъ, волю, характеръ, давая при этомъ не спеціально-женскія знанія (сомнительно даже, есть ли такія?), а общія и для всѣхъ одинаковыя. Авторъ въ одномъ мѣстѣ и самъ намекаетъ на «глубокое вліяніе социальныхъ условій жизни на психическій

складъ женщинъ», приводя примѣръ американокъ, которыя, по отзыву многихъ наблюдателей, являются въ Сѣверной Америкѣ «образованнѣе мужчинъ, носительницами культуры, представительницами искусства и науки и усерднѣйшими хранительницами народнаго просвѣщенія». Такого необыкновеннаго подъема женщина въ Америкѣ достигла за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ вовсе не потому, что галантные янки, изъ преклоненія предъ «особенностями психическаго типа женщины», выдѣлили ее въ особую категорію и стали развивать и образовывать ее «оригинальнымъ» путемъ. Пожалуй, это образованіе оригинально, но не въ смыслѣ г. Каптерева: въ немъ уничтожена всякая разница между полами. Школа, низшая, средняя и высшая, знаетъ только индивидуальнаго ребенка, будущаго человѣка, и стремится развить въ немъ всѣ его отличительныя свойства, будетъ ли это мальчикъ, или дѣвочка—все равно, давая всѣмъ одинаковыя знанія, но не одинаковымъ способомъ, а примѣняясь къ каждой индивидуальности. Цѣль такого воспитанія — выработать самостоятельную личность, а оригинальность является уже вторичнымъ качествомъ.

Точно также и вездѣ подъемъ женщины начинался съ того, что, отложивъ попеченіе объ ея оригинальности, занялись ею, какъ человѣкомъ. Съ того же началось дѣло женскаго просвѣщенія и у насъ, когда Ушинскій и Вышнеградскій приступили къ преобразованію женскаго образованія на началахъ обще-человѣческихъ. Съ этой почвы оно не сходило съ тѣхъ поръ, несмотря на нѣкоторыя уклоненія въ сторону кулинарнаго искусства, въ видѣ открытія одно время весьма модныхъ курсовъ, и особыхъ профессиональныхъ женскихъ училищъ, представлявшихъ нѣчто среднее между швейными мастерскими и обыкновенными средними школами. Если современные женскія учебныя заведенія плохи, то не потому, что они представляютъ копіи съ мужскихъ, а потому, что не удовлетворяютъ требованіямъ современной жизни. Женщина не только можетъ обучаться тому, чему учится мужчина, а *должна*, и только при этомъ условіи она «сотретъ съ себя окончательно,—какъ говоритъ г. Каптеревъ,—слѣды застарѣлаго рабства и некультурности и будетъ жить и развиваться вполне свободно, согласно съ особенностями своего типа».

Такимъ образомъ, выводы г. Каптерева запоздали, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на сорокъ, и идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ теченіемъ въ женскомъ вопросѣ, какое замѣчается теперь. По крайней мѣрѣ, два выдающихся факта въ области этого вопроса указываютъ на то, что женскому образованію у насъ открываются свѣтлыя перспективы. Первый фактъ—это законодательное утвержденіе проекта

высшихъ медицинскихъ курсовъ. Любопытно, между прочимъ, что государственный совѣтъ дополнилъ программу курсовъ нѣсколькими кафедами и расширилъ ее, введя пятый курсъ. Совѣтъ мотивировалъ это тѣмъ, что разъ женщины должны изучать медицину, они должны изучать ее въ томъ же объемѣ, какъ и мужчины. Второй фактъ—предстоящее открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ провинціальныхъ городахъ, въ чемъ такъ давно ощущалась настоятельнѣйшая потребность. Жизнь, очевидно, беретъ свое, что бы ни говорили двусмысленные ревнители и открытые противники женской самостоятельности, путь къ которой одинъ—образование на равныхъ правахъ съ мужчинами.

«Узнать цѣль жизни»... Вотъ именно такъ, этими тремя словами отвѣчалъ мнѣ ты на мой вопросъ, чего ты, главнымъ образомъ, хотѣлъ бы достигнуть, стремясь къ самообразованію... Ты говоришь о цѣли жизни, но почему? Потому ли, что ты ее уже знаешь? Нѣтъ, не потому, конечно, ибо иначе ты не поставилъ бы себѣ задачи узнать эту цѣль».

Такимъ фалиіаарно-глубокомысленнымъ вопросомъ начинается первая глава новой книги, посвященной г. Н. Карѣвымъ молодежи, «Мысли объ основахъ нравственности». Въ ней разбирается вопросъ о «цѣли жизни», — вопросъ, столь существенной важности и не для молодежи, что, выражаясь языкомъ одного изъ героевъ г. Сенкевича, «пойдемъ за нимъ»,—за г. Карѣвымъ, конечно. Но прежде два слова о формѣ этой бесѣды, необходимыхъ для того, чтобы читатель не былъ введенъ въ заблужденіе. Книга написана въ видѣ разговора, «съ постоянными обращеніями къ одному лицу, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — которому я то разъясняю нѣчто, то возражаю на что-нибудь». Форма не новая, отмѣченная еще Гл. Успенскимъ, какъ обычный приемъ, къ которому прибѣгаютъ гг. авторы, «въ видахъ полнѣйшаго безпристрастія, полной откровенности, точности и вѣрности, а также, чтобы не стѣснять себя». Съ этою цѣлью въ собесѣдники избирается «чучела», съ которой и ведется разговоръ. Въ отличіе отъ «чучелы» обычной, собесѣдникъ г. Карѣва все время молчитъ, и почтенный профессоръ самъ за него вопрошаетъ и самъ же даетъ надлежащіе отвѣты. Вслѣдствіе этого возникаетъ немалое затрудненіе,—не знаешь, что слѣдуетъ возложить на отвѣтственность «чучелы», что—профессора. Правда, предвидя это, г. Карѣвъ дѣлаетъ въ томъ же предисловіи нѣсколько ехидное замѣчаніе: «Дѣйствительное ли это лицо, или только воображаемое, не все ли вамъ

равно? Если оно дѣйствительное, это только значить, что я писалъ книжку подѣ влияніемъ болѣе или менѣе живого общенія съ однимъ изъ вашей среды; вообразить же себя на мѣстѣ этого лица можетъ каждый, кто ищетъ того же, чего ищетъ мой собесѣдникъ, кто ошибается въ томъ, въ чемъ, на мой взглядъ, ошибается и онъ». Вообразить себя на мѣстѣ этого лица, — нѣтъ, это было бы не совѣмъ удобно, какъ увидимъ дальше, и потому мы съ читателемъ лучше вообразимъ себя на мѣстѣ «благородныхъ свидѣтелей», присутствующихъ при глубокомысленныхъ преніяхъ почтеннаго профессора съ невѣдомой намъ «чучелой».

Итакъ, рѣчь идетъ о «цѣли жизни»:

«Ты хочешь знать, въ чемъ заключается цѣль жизни, предполагая (т. е., въ сущности, вѣря только, а не зная), что цѣль эта существуетъ, но для знанія, которое ищетъ прежде всего фактическихъ и логическихъ основаній, еще вопросъ, существуетъ ли вообще у жизни какая-либо цѣль, — вопросъ, отъ правильнаго рѣшенія коего въ ту или другую сторону зависитъ, можно ли — и если можно, то въ какомъ смыслѣ — говорить о цѣли жизни. Знаніе любить, далѣе, точность, и потому нужно непремѣнно не забыть во избѣжаніе недоразумѣній твердо установить, въ какомъ значеніи слова мы беремъ «жизнь» въ сочетаніи «цѣли жизни». Самое широкое значеніе слова дѣлаетъ изъ «жизни» почти синонимъ существованія вообще: вопросъ о цѣли жизни сведется тогда къ вопросу о цѣли существованія вообще, въ частности о цѣли моего существованія, о цѣли существованія всѣхъ людей и т. д. Предположимъ, что такая цѣль существуетъ, но вѣдь еще вопросъ, доступна ли она нашему повнанію: то, что не можетъ быть предметомъ знанія, для знанія все равно какъ бы и не существуетъ и можетъ быть предметомъ только вѣры. Между тѣмъ, когда ты говоришь мнѣ, что хотѣлъ бы узнать цѣль жизни, ты можешь употреблять слово «жизни» именно въ смыслѣ существованія, своего собственнаго существованія и существованія вообще человѣка. Конечно, ты бралъ жизнь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, ислѣдуя ея явленія и законы, берутъ ее біологическія науки, какъ особую совокупность процессовъ, происходящихъ въ организованныхъ существахъ, называемыхъ растеніями и животными: при самомагѣйшемъ знакомствѣ съ духомъ современнаго естествознанія было бы столь же бессмысленно ставить вопросъ о цѣли жизни, какъ бессмысленно было бы, напр., спрашивать о цѣли всемірнаго тяготѣнія или химическаго сродства. Остается еще одно значеніе, въ какомъ употребляютъ слово жизнь, и, я думаю, это значеніе ты также можешь имѣть въ виду, когда говорилъ о своемъ стремленіи «узнать цѣль жизни». Конечно, для тебя, какъ существа разума, жить не значитъ «ѣсть, пить, спать», не значитъ «питаться, размножаться», т. е. . .

Позвольте, — готовъ прервать иной читатель, — вѣдь это ужъ слишкомъ! Если по поводу одного слова «жизнь» мы будемъ цѣлый часъ топтаться на мѣстѣ, то никогда не доберемся до цѣли! Терпѣнье прежде всего, — добродѣтель весьма не лишняя, — а вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что вѣдь не намъ это говорится, а «чучелѣ», съ которой и разговаривать надо примѣнительно къ

въ. Бабы пашутъ, навозъ возятъ, ютъ, облоги деруть, дрова рубятъ, мельницу ѣздятъ.—словомъ, всюду мѣняють собой мужиковъ.

По наружности эти бабы рѣзко отличаются отъ другихъ сосѣднихъ бабъ. На видъ она средняго роста, плотная, угловатая, съ сильно развитыми скулами, худощавая; замѣчательно подвижная. Бабу-безючку вы сразу отличите среди нашихъ другихъ бабъ по бойкой ея походкѣ, и по одеждѣ модѣльной и весьма приспособленной къ работамъ, и по рѣзвой рѣчи, эреспанной шутками, пословицами, по отиѣнно трезвому поведенію».

Безюковскія бабы живутъ совсѣмъ бособленной жизнью: женихи изъ сосѣднихъ селеній къ нимъ не заглядываютъ, и онѣ выходятъ замужъ за воихъ же односельчанъ.

Въ лѣтнее время въ безюковскихъ деревняхъ рѣдко встрѣчаются ссоры драки нетрезвыхъ людей; и только съ сѣнокосною пору мужики, замѣтно, нарушаютъ обычай и законы бабьяго царства; за то съ августа опять аба беретъ въ свои рука бразды правленія.

Въ лѣтнее время въ безюковскихъ деревняхъ рѣдко встрѣчаются ссоры драки нетрезвыхъ людей; и только съ сѣнокосною пору мужики, замѣтно, нарушаютъ обычай и законы бабьяго царства; за то съ августа опять аба беретъ въ свои рука бразды правленія.

Оригинальную картину представляють собою безюковскія селенія лѣтомъ: а поляхъ ни одного мужика; все бабы и бабы, тамъ и здѣсь краснѣются, нѣются платки, безрукавки; изрѣдка ѣдетъ на полосу сѣдой, какъ лунь тарикъ, съ мѣшками и лукошкомъ, поидеть «зыбать» на своихъ старескихъ ногахъ, разбрасывая сѣмена ю нивѣ. Въ селеніяхъ этихъ вы часто встрѣтите лѣтомъ сходку, состоящую изъ однѣхъ бабъ. Жена сельскаго старосты или десятскаго, за отсутствіемъ мужа, ведетъ всѣ мірскія дѣла: загоняетъ на сходку, ставитъ на сходкѣ вопросы о поправкѣ изгороди, раскладкѣ пастушнихъ и другихъ платежей.

Вопреки общераспространенному мнѣнію о женской болтливости, оказывается, что на этихъ сходкахъ дѣла рѣ-

шаются гораздо быстрее, чѣмъ на мужскихъ. Бабамъ некогда болтать, хотя бы и хотѣлось почесать языки; каждая изъ нихъ спѣшитъ поскорѣе покончить съ мірскимъ дѣломъ и бѣжать домой, гдѣ нужно и стряпать, и брать въ руки мужскую работу,—прозѣваешь,—запуста въ печи выкипитъ, свиньямъ нужно варубить, полоса стоитъ въ полѣ недожатая, нужно телѣгу сѣна привезть.

Но бываютъ случаи, когда и бабья сходки затягиваются долго; это бываетъ тогда, когда бабамъ приходится дѣлать раскладку платежей и вести счеты. Обладая большою практическою сметкой, помогающей имъ справляться съ дѣлами, бабы въ то же время очень слабы въ математикѣ, и счетная часть ихъ крайне затрудняетъ. Корреспондентъ «Смол. Вѣст.» описываетъ такую сцену, свидѣтелемъ которой ему пришлось быть:

«Однажды, въ деревнѣ П — ской, бабы собрались на сходку для того, чтобы сложить пастушное; съ «кучи» нужно было класть по 75 копѣекъ, сосчитали, сколько въ каждомъ дворѣ скота, сколько кучъ и начали смеяться, сколько нужно платить съ каждаго двора, чтобы выдать пастуху половину лѣтнаго заработка; считали, считали, не клеится дѣло; позвали на сходку дѣда Архиша; но и тотъ, за древностью лѣтъ, не въ состояніи былъ свести счетъ. Вотъ баба-десятскій и говоритъ, обращаясь къ теткѣ Сашкѣ:

- Сашка, тебѣ считать.
- А почему жь это мнѣ?
- Да потому, что у тебя языкъ длиннѣе всѣхъ. Тебя, вѣдь, никто въ деревнѣ не переговорить,—ну-ка сосчитай.

— Это не мое дѣло; ты десятчица, ты счетъ веди.

— О, дуй васъ горой! что-жь вы думаете, не сосчитаю?

Десятчица побѣжала домой. На лавкѣ у нея стояло ведро съ картофелемъ, который предназначался для обѣда.

Схватила баба ведро картофелю и на сходку. Бабы обступили десятчиху; а та съѣла на лугъ и давай выкладывать картофель, принимая каждую клубню за четвертакъ.

— Алена, съ тебя [начинать! У тебя двѣ кучи... Ну, вотъ твои деньги... три четвертака, да три четвертака, значить шесть четвертаковъ... и это будетъ три полтинника — полтора цѣлковыхъ... Съ тебя полтора цѣлковыхъ... Ну, вотъ это твоя картошка, — держи!

— А полкучи какъ же ты будешь считать?

— Картошину пополамъ разрѣжу... Полтину — пополамъ, — четвертакъ, а четвертакъ пополамъ, — $12^{1/2}$ коп.

— А сколько всего?

— Четвертакъ, да еще гривенникъ, да еще $2^{1/2}$ коп., — $37^{1/2}$ коп... такъ ли?

Счетъ на картошкахъ бабы вели часа полтора; сосчитали правильно; сложили всѣ части вмѣстѣ, пересчитали, — получилось половинное жалованье пастуха, — десятчиха не ударила лицомъ въ грязь и съ торжествующимъ видомъ понесла свою картошку домой.

Въ послѣднее время на помощь бабамъ по счетоводству стали приходить ученики сельской школы, уже достаточно научившіеся грамотѣ и арифметикѣ.

Вся земледѣльческая работа въ безючскихъ селахъ лежитъ на бабахъ: безючка же корчуетъ свое ядро, какъ самый заправскій мужикъ, она выкапываетъ и валитъ на землю сли отъ 4—5 верш. въ отрубѣ. Почва безючской земли крайне истощенная, земля не хлѣбородная, ощущается здѣсь большой недостатокъ въ сѣнокосныхъ статьяхъ, а дровъ ни палки; волей-неволей приходится откупать у сосѣднихъ помѣщиковъ яда, на которыхъ можно было бы дровъ наготовить, травы накосить, хлѣба посѣять. Можно съ увѣренностью сказать, что безюков-

щина поголовно пошла бы въ кусочки, если бы изъ бѣды не выручали неутомимая энергія и дѣятельность безючской женщины.

Въ вѣковой своей ламкѣ она до того обтерпѣлась и нашколилась, что положеніе ея уже не кажется ей особенно тяжелымъ. Что она, въ большинствѣ случаевъ, не достигая шестидесятилѣтняго возраста, умираетъ, — это она объясняетъ волей Божіей; что ея малолѣтнія дѣти очень часто на погостъ идутъ, — въ томъ видитъ на роду ихъ написанную судьбу; что она не видитъ согласной и правильной семейной жизни и проживаетъ какъ бы на вдовьемъ положеніи, — въ томъ винитъ нужду, бесплодную землю, разгоняющую мужчинъ по бѣлому свѣту. Казалось бы, слѣдовало здѣсь встрѣтить женщину, нуждой забитую, судьбой загнанную, хмурую, огрубѣвшую до полной утраты женственности, — нѣтъ, безючка не забита и не загнана; условія ея жизни сдѣлали ее какъ бы стальной; она вынослива, энергична, полна жизненной силы, значительно развитѣе обыкновенной бабы, она живетъ тою напряженною жизнью, которая поневолѣ заставляетъ ее почтѣ «раскидывать умомъ» и тратить энергію свою безразсечно, — «выпить, горить, за то и быстро увядаетъ».

Бурашевская колонія для душевно-больныхъ. Въ одномъ изъ предѣльныхъ номеровъ «Мира Божяго» мы говорили о коллективной отставкѣ всѣхъ врачей Бурашевской колоніи, вызванной удаленіемъ отъ должности главнаго врача и основателя колоніи — д-ра Литвинова. Теперь въ газетахъ попадаютъ извѣстія о положеніи дѣлъ въ Бурашевѣ при новомъ врачебномъ персоналѣ. Вотъ, наприкладъ, что сообщаютъ по этому поводу въ «Новое Время». «Еще не успѣло окончиться слѣдствіе по дѣлу о помѣхѣ въ Бурашевской колоніи душевно-больному 15 реберъ, поль-

зовавшемуся тамъ, какъ вновь предложено прокуроромъ тверскаго окружного суда г. судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ, г. Лутковскому, произвести слѣдствіе о положѣніи 5 реберъ въ Бурашевской колоніи душевно-больной крестьянкѣ Корчевскаго уѣзда, Зиновіи Табаковой. Вчера, 29 октября, судебный слѣдователь, г. Лутковскій, съ 4-мя экспертами-врачами: гг. Петрункевичемъ, военнымъ врачомъ Свирѣлинымъ, старшимъ врачомъ земской больницы Баратынскимъ и уѣзднымъ врачомъ Орфановымъ, производили осмотръ трупа искалѣченной Табаковой, при чемъ оказались кровоподтеки мышцъ рукъ, съ обозначеніемъ на кожѣ вдавленныхъ пальцевъ, и 5 сломанныхъ реберъ недавняго происхожденія, изъ которыхъ эксперты признали 2 ребра, сломанными нѣсколько дней, а 3 ребра около двухъ недѣль назадъ. Поломы открылись при вскрытіи трупа недавно прибывшимъ въ Бурашево старшимъ врачомъ, г. Совѣтовымъ, который не скрылъ отъ мѣстной администраціи этого обстоятельства, подобно своему предшественнику, исправляющему должность старшаго врача, г. Дарашкевичу, при поломѣ 15 реберъ.

Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ о новыхъ порядкахъ въ колоніи, которые отчасти объясняютъ, какъ могутъ происходить эти «печальные инциденты».

По распоряженію губернской земской управы, врачи колоніи все свое вниманіе обратили на экономію. Съ цѣлью сократить расходы, въ Бурашевѣ закрыта амбулаторія, отъ чего острое населеніе на 80 верстъ лишилось врачебной помощи; прекращенъ отпускъ лѣкарствъ изъ бурашевской аптеки мѣстному населенію. Съ цѣлью той же экономіи, губернская управа не исполнила постановленія губернскаго земскаго собранія о приглашеніи шестого врача ордина-

тора въ Бурашево къ 4-мъ врачамъ-ординаторамъ и 5-му врачу директору колоніи.

Понятно, что всѣ эти печальныя нововведенія сильно повліяли на репутацію колоніи. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, новоторжское уѣздное земское собраніе постановило избрать комиссію для осмотра настоящаго состоянія Бурашевской колоніи и, если комиссія признаетъ его ненормальнымъ, войти съ ходатайствомъ въ сосѣднія земства о переводѣ оттуда своихъ душевно-больныхъ. Прежнему директору колоніи, г. Литвинову, рѣшили поднести благодарственный адресъ нѣкоторыя уѣздныя земства (новоторжское, старичское, и др.).

Прокаженные въ Прибалтійскомъ краѣ. Корреспондентъ «Недѣли» описываетъ свое посѣщеніе дома прокаженныхъ въ Ненналѣ, близъ Юрьева. Онъ говоритъ, что первыя впечатлѣнія его были совсѣмъ не тѣ, какъ онъ ожидалъ: «Подѣхавъ къ дому, я увидѣлъ группу мужчинъ и женщинъ, мывшихъ полы корридора и ставни оконъ. Работа кипѣла среди шутокъ, заигрываній и веселаго смѣха. Если бы не однообразные больничные костюмы, да еще не темно-коричневые рубцы и узлы на загорѣлыхъ лицахъ этихъ людей, напоминавшихъ татуированныхъ сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, то трудно бы догадаться, что видишь передъ собою больныхъ проказой. Къ сожалѣнію, это были одни легко больные, недавно еще поступившіе въ лепрозорій».

Больница устроена въ бывшемъ станціонномъ домѣ, въ которомъ въ 1764 г. останавливалась Екатерина II; въ немъ помѣщаются прокаженные женщины; часть бывшей конюшни приспособлена для больныхъ мужчинъ. Больничныя помѣщенія рассчитаны на 80 больныхъ. Видъ тяжело больныхъ, по словамъ корреспондента «Недѣли»,

производитъ удручающее впечатлѣніе. Онъ пишетъ: «Въ тѣсныхъ комнатахъ, вовсе не предназначавшихся для больныхъ, среди спертато воздуха, на желѣзныхъ кроватяхъ, покрытыхъ грубыми матрацами и подушками, набитыми соломой и сѣномъ, подъ грубыми одѣялами, я видѣлъ людей, прикованныхъ навсегда къ постели и обреченныхъ на медленное угасаніе при полномъ сознаніи. Разрушительное дѣйствіе проказы распространилось уже на суставы конечностей, на головныя связки, на глаза больныхъ, и они лежали слѣпые, безъ движенія. Испускаемая только по временамъ хриплые стоны. Никогда не забуду я одной молодой дѣвушки, у которой отнялись уже обѣ ноги и появилась, кромѣ того, водянка. Съ лицомъ, бѣлымъ какъ воскъ. полусидѣла она, привалившись къ подушкамъ, и точно загнипнотизированная, смотрѣла чрезъ единственное открытое окно, предъ которымъ разстилалась водная гладь Чудекого озера. Взглядъ ея былъ совершенно неподвиженъ, и трудно было догадаться, прислушивается ли она къ веселому чириканью птичекъ или вся ушла въ мечты о прошломъ...»

Такихъ больныхъ, окончателно слегшихъ въ постель, немного. Большая часть изъ нихъ могутъ ходить по комнатамъ, гулять въ саду и даже работать. Больные сами убираютъ комнаты, моютъ свою посуду, топятъ печи, стираютъ бѣлье, однимъ словомъ, исполняютъ всѣ домашнія работы, такъ какъ здоровая прислуга нанимается только для приготовления пищи. Нѣкоторые больные дѣломъ работаютъ въ саду, въ огородѣ и на сѣнокосѣ. При домѣ прокаженныхъ находится участокъ земли въ нѣсколько десятковъ десятинъ. Часть этой земли отдается сосѣднимъ крестьянамъ подъ посѣвъ льна, ржи и ячменя за половину урожая, часть засѣяна картофелемъ и, наконецъ, болѣе половины занято сѣнокосомъ. Лепрозорій пред-

ставляетъ изъ себя маленькое хозяйство: въ немъ имѣется лошадь, пять коровъ, овцы, свиньи. Женщины получаютъ ленъ и шерсть, изъ которыхъ прядутъ нитки и вяжутъ чулки для собственныхъ, разумѣется, потребностей.

Вообще, прокаженные, попавшіе въ лепрозорій по желанію или по принужденію, стараются устроиться въ немъ по домашнему. Надъ кроватями больныхъ развѣшаны захваченные изъ дому портреты покойнаго государя, фотографическія карточки родныхъ и знакомыхъ, вырванныя изъ иллюстрированныхъ журналовъ картинки и т. д. У одной больной на самомъ видномъ мѣстѣ находилось даже маленькое зеркальце. На одномъ окнѣ лежала старая эстонская біблія въ кожаномъ переплетѣ съ вложенными въ средину полуразвалившимися очками: что касается молитвенниковъ, то я видѣлъ ихъ нѣсколько.

Лепрозорій содержится на счетъ благотворительнаго общества, отпускающаго на содержаніе каждаго прокаженнаго по 5 р. въ мѣсяцъ. Прибалтійское населеніе въ общемъ относится къ больнымъ проказою гораздо гуманнѣе, чѣмъ якуты, посѣщенные миссъ Марсденъ. Но, тѣмъ не менѣе, крестьяне бываютъ недобольны, когда больные въ своихъ прогулкахъ приближаются къ нимъ, и не позволяютъ хоронить ихъ на общихъ кладбищахъ.

Якуты Верхоянскаго округа. «Восточное Обзорѣніе» въ краткихъ чертахъ излагаетъ недавно изданную книжку г. Ковалика о верхоянскихъ якутахъ. «Верхоянскій округъ Якутской области занимаетъ громадную площадь области на сѣверъ отъ полярнаго круга между рѣками Леной и Индигиркой вплоть до Ледовитаго океана. На этомъ пространствѣ числится 10.682 человекъ обоого пола главнымъ образомъ якутовъ. Тунгусы и русскіе, послѣдніе—главнымъ обра-

зомъ ссыльные, составляютъ около $\frac{1}{10}$ части всего населенія округа. Географическимъ положеніемъ края обусловленъ рѣзкій и суровый климатъ. Верхоянскъ самое холодное мѣсто на земномъ шарѣ; морозы достигаютъ тамъ февральнаго напряженія—до 70° Ц. Бъ счастью для жителей, абсолютная влажность воздуха и сухость его зимою гѣлаютъ ужасные морозы не столь губительными для человѣка. Рѣки и озера замерзаютъ въ сентябрѣ и вскрываются въ концѣ мая. Поэтому для Верхоянска слѣдуетъ считать только два времени года—короткое лѣто и продолжительную зиму. Въ теченіе тамошняго трехмѣсячнаго лѣта сплошь и рядомъ цѣлыя недѣли стоятъ какіе холода, что приходится топить печи.

Понятно, что при такихъ климатическихъ условіяхъ о земледѣліи въ округѣ не можетъ быть и рѣчи. Возможно только скотоводство и то въ болѣе южныхъ частяхъ округа, гдѣ родится трава. Впрочемъ, и здѣсь покосы часто страдаютъ отъ разлива рѣкъ въ лѣтнее время года вслѣдствіе таянія обильныхъ снѣговъ. Лѣсъ имѣется мѣстами, главнымъ образомъ лиственничный; отсутствіе сосны лишаетъ жителей того подспорья въ пищу, которое имѣется у якутовъ болѣе южныхъ частей области: тамъ заболонь (лубъ) сосны заготавливается жителями за зиму въ большомъ количествѣ и употребляется въ пищу, какъ сурюгатъ хлѣба. Изъ минеральныхъ богатствъ округа авторъ указываетъ на серебро-свинцовую руду, залежи которой извѣстны давно, но не разрабатываются за отсутствіемъ въ краѣ провизіи для прокормленія рабочихъ».

Верхоянскій округъ дѣлится на 4 улуса, каждый улусъ, въ свою очередь дѣлится на «наслѣги» или роды. Годъ избираетъ на три года старосту, въ лицѣ котораго сосредоточено родовое управленіе. Старосты собираются

два раза въ годъ и рѣшаютъ общественныя дѣла. Высшая власть наль якутами сосредоточена въ рукахъ исправника и его помощника.

Въ описываемомъ краѣ земледѣліе невозможно, поэтому хлѣбныхъ магазиновъ, кромѣ казенныхъ съ продажей муки, тамъ нѣтъ; взаимнѣ ихъ существуетъ складъ общественнаго сѣна, образовавшася посредствомъ взиманія съ cadaго двора по одному возу. Сборъ сдѣланъ былъ только разъ и болѣе не повторялся. Это своеобразное учрежденіе по своей идее—помогать населенію раздачей ссудъ сѣна въ годы неурожая, крайне симпатичное, къ сожалѣнію, не приноситъ должныхъ результатовъ. Сѣно, собранное въ первый разъ, почти все роздано и числится въ недоимкѣ: новыхъ сборовъ почему-то не производится. Для наблюденія за этимъ складомъ избираются особые старосты.

Подати, состоящія изъ ясака—(около 1 руб. на ревизскую душу) и мірскихъ повинностей на содержаніе больницы, школы, управы и проч. уплачиваются два раза въ годъ, въ началѣ января и іюля. Недоимки случаются очень рѣдко. Чаще всего староста, или другой богатый человѣкъ уплачиваютъ отъ себя недоимку, а потомъ получаютъ отъ недоямщиковъ мясомъ, молокомъ, пушниной и проч.

Изъ обязательныхъ для верхоянцевъ расходовъ должно отмѣтить расходы на школу и больницу. Единственная въ округѣ школа существуетъ въ Верхоянскѣ, и каждый наслегъ обязанъ высылать туда для обученія по одному мальчику, содержаніе котораго обходится около 60 р. въ годъ. Обыкновенно якуты смотрятъ на ученіе въ мѣстной школѣ, какъ на повинность, отбываніе которой возлагается на дѣтей бѣдныхъ семей; богатые, въ виду безуспѣшности занятій въ Верхоянской школѣ, своихъ дѣтей туда не отдаютъ.

Состояніе лѣчебницы немногимъ

лучше школы. Врача не бываетъ въ Верхоянскѣ по году. Фельдшеровъ тоже недостаетъ.

Пища небогатой якутской семьи состоитъ круглый годъ изъ молока. «Лѣтомъ, когда молока нѣсколько больше, его ѣдятъ цѣльнымъ и два раза въ день, а зимою... зимою остроумный бѣднякъ обманываетъ свой собственный желудокъ. Выдоенное молоко разводится обильно водой и при кипяченіи сбивается особой мутовкой въ пѣну. Опытная хозяйка умѣетъ изъ небольшого количества молока приготовить цѣлый котелъ пѣны, хватающей на всю семью. Въ этомъ и состоитъ зимній обѣдъ многихъ тысячъ верхоянскихъ якутовъ. При большомъ обиліи молока такое блюдо готовится дважды въ день». Авторъ статьи очень трогательно описываетъ, съ какимъ смиреніемъ бѣдный инородецъ переноситъ такой режимъ: верхоянскій якутъ въ голодное время старается производить возможно меньше мускульной работы, чтобы не обострить аппетита, и единственная жалоба въ его устахъ та, что у него желудокъ «капсіе», т. е. говорить, что хочетъ ѣсть.

«Впрочемъ, природа, заинтересованная въ сохраненіи верхоянскаго якута, какъ вида, посылаетъ ему нѣкоторое подспорье къ пищѣ—лиственничную кору, иногда зайца, мелкую рыбешку... Нерѣдко бѣднякъ изворачивается собственными средствами: выпрашиваетъ что-нибудь у богатого сосѣда въ долгъ, подѣ съно или иную работу, или, узнавъ, что гдѣ-нибудь по близости убита скотина, отправляется туда въ «гости» и нерѣдко получаетъ въ подарокъ кое-какіе отбросы мяса...»

Самосожигатели XVII вѣка. Въ № 11 «Вѣстника Европы» помѣщенъ отчетъ г-на А. П. о любопытномъ старинномъ трактатѣ — «Отрагательное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей 1691 г.»

Трактатъ этотъ изданъ Хр. Лопыревымъ и снабженъ его вступительными статьями. Появленіе самосожженія совпадаетъ съ началомъ распространенія раскола при Никонѣ и тотчасъ послѣ него. Изданный недавно трактатъ по вышеприведеннымъ заглавіемъ любопытенъ тѣмъ, что это памятникъ, вышедшій изъ самой среды раскола; это—обличеніе самосожженій, которыя возмущали и самихъ старообрядцевъ своею бессмысленною жестокостію. Авторомъ его былъ одинъ изъ расколочителей XVII вѣка, нѣкто Ефресьевъ, близко стоявшій ко всѣмъ фактамъ, которые онъ описываетъ.

Происхожденіе раскола обыкновенно объяснялось невѣжествомъ народной массы, не понявшей исправленія церковныхъ книгъ при Никонѣ. «Но, — говоритъ г-нъ Лопыревъ, — вѣрнѣе изслѣдованія показали, что корни старой вѣры лежали дальше Никона... и что глубокая основа раскола лежала въ социальнo-экономическихъ отношеніяхъ».

Въ этомъ смыслѣ расколъ на сѣверѣ и востокѣ является порожденіемъ тѣхъ же причинъ, которыя на югѣ породили казачество. «Администрація тянулась къ центру, къ Москвѣ; а населеніе, подавленное налогами и тяжестью своего экономическаго положенія, оказывало протестъ, обособлялось и не хотѣло признавать центральной власти. Казачество бѣжало на югъ и въ Запорожской Сѣчи создавало себѣ особое военное царство. Расколники собрались на сѣверѣ и въ Сибири, образовали тѣсную общину, при попыткѣ ихъ усмирения, отбѣгали возмущеніемъ и самопожертвованіемъ». Расколъ вскорѣ сталь распалаться на разные толки, и въ одномъ изъ нихъ развилось ученіе о новомъ пути къ спасенію, который заключается въ самоуничтоженіи. Самосожженіе было одной изъ формъ самоуничтоженія. На первое время самосожженія происходили вполне добровольно, безъ вынужденія.

ательства какихъ-либо «мучителей»; когда правительство стало принимать мѣры противъ самоожженія, то явились «мучители», которые подгрекали ревность единовѣрцевъ, и тогда самоожженія стали совершаться въ размѣрахъ, по-истинѣ, ужасающихъ». Однимъ изъ побудительныхъ отивовъ къ самоожженію была крайне распространенная вѣра въ близкій онецъ свѣта, и въ то, «что самоожженцы избавятся отъ огненнаго спытанія при свѣтопреставленіи».

Книга Ефросина рассказываетъ, какъ аспространялись самоожженія. «Душвные и свѣтскіе люди, руководимые вумя-тремя предводителями, отправлялись съ тетрадами и книгами по еламъ и деревнямъ, проповѣдуя ученіе о самоубійственныхыхъ смертяхъ; динъ изъ предводителей посылалъ мезать самоубійственныя «письма» (возванія) съ колоколни Ивана Великаго; но очень немногіе изъ нихъ сами жертвовали собою при массовомъ амоубійствѣ. Ефросинъ рассказываетъ, какъ они поощряли другъ друга: «статемъ добръ и не ослабѣемъ до смерти, юзвысимъ проповѣдь, умножимъ слою, да не устанетъ наша рѣвность, юндеже наши вѣь погорятъ; не больно зить намъ, и не жарокъ огонь, не нашему тѣлу и не намъ въ немъ кигѣть...; иныхъ терпѣніе, а наши вѣнды; иныхъ тѣлеса страждутъ, а намъ юхвала; пусть они сгорятъ, а намъ зѣтъ той нужды, мы еще побудемъ за бѣломъ свѣтѣ...»

Ефросинъ передаетъ страшныя сцены самоожженій. «Около 1685 г. была «гарь» близъ Пошехонья. Раскольничій попь до того довелъ свою цаству, что она рѣшилась идти въ огонь и въ ту же ночь человекъ 600 собралось въ одномъ домѣ, подожгли его и заживо сгорѣли». До какого изувѣрства и жестокости доходили эти обезумѣвшіе люди, можно видѣть по слѣдующему: «Одинъ старикъ уже пламенемъ затлѣлъ, вскочилъ на заборъ

и хотѣлъ уйти черезъ ограду, но родные сыновья отрубили ему руки бердышемъ и онъ упалъ въ огонь». Когда готовилось самоожженіе, то кругомъ разставляли караулъ, чтобы удерживать бѣглецовъ, не устоявшихъ передъ страшною участію, готовящейся имъ, и рѣшавшихся въ послѣднюю минуту бѣжать.

Имущество сожженныхъ зажигатели отдавали въ раскольничьи скиты, раздавали неимущимъ, а иногда просто грабили себѣ; тѣ, кто видѣли это, и особенно молодежь, замѣчаетъ Ефросинъ, теряли охоту сожигаться...

«Иногда же рѣшившіеся на самоожженіе не отпускали своихъ наставниковъ, говорившихъ имъ о святости такого дѣла, и заставляли ихъ горѣть вмѣстѣ съ собою».

Ефросинъ свидѣтельствуетъ, что большинство раскольниковъ-зажигателей были людьми необразованными, людьми «глубоко безсловесными», чѣмъ отчасти и объясняется фактъ массовыхъ самоубійствъ.

Подводя итогъ вѣмъ имѣющимся даннымъ о «гаряхъ» и другихъ видахъ самоубичтоженія, г-нъ Лопыревъ приходитъ къ заключенію, что за 16 лѣтъ (съ 1675—1691) погибло, главнымъ образомъ, отъ самоожженія, болѣе 20.000 человекъ; за этотъ періодъ онъ насчиталъ нѣсколько случаевъ самоуморенія, самоутопленія и самозакланія и 37 случаевъ самоожженія.

Г-нъ А. П. справедливо замѣчаетъ, что «книга Ефросина есть одна изъ самыхъ страшныхъ книгъ въ русской литературѣ. Есть тяжелыя картины челоувѣческихъ заблужденій, бѣдствій и жестокостей всякаго рода — картины военныхъ опустошеній, политическихъ гоненій, религиозныхъ преслѣдованій, моровыхъ повѣтрій, голода и т. п., словомъ, бѣдствій стихійныхъ или историческихъ. Здѣсь же мы видимъ зрѣлище добровольнаго самоистребленія, съ его мотивами и фактами, одинаково ужасными».

Въ московской картинной галлерей Третьяковыхъ можно видѣть ужасную картину самоожженія, если не ошибаемся, писанную г. Мясоѣдовымъ. Эта картина, во удивительной экспрессіи лицъ, производитъ впечатлѣніе не-

изгладимое. и желающимъ понять, что такое самоожженіе и чѣмъ вдохновлялись люди, предпочитавшіе такую смерть жизни, — рекомендуемъ посмотрѣть ее.

За границей.

Столѣтіе Французскаго института. Французскій институтъ, представляющій совокупность пяти академій, отпраздновалъ въ нынѣшнемъ году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, столѣтіе своего существованія. Празднество это, конечно, напомнило исторію этого учрежденія, съ которою мы и постараемся вкратцѣ познакомить нашихъ читателей.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1793 года, въ Парижѣ существовали четыре академіи: французская академія, основанная Ришелье въ январѣ 1635 года; королевская академія живописи и скульптуры, основанная въ январѣ 1648 года; академія надписей и литературы, основанная въ 1663 г., и академія наукъ—въ 1666 году. Но революція уничтожила всѣ эти учрежденія. Конвентъ, по докладу комитета народнаго просвѣщенія, издалъ декретъ о закрытіи всѣхъ ученыхъ обществъ. Еще раньше, впрочемъ, въ учредительномъ собраніи поднимался вопросъ объ академіяхъ и противники ихъ доказывали преимущества свободныхъ литературныхъ и научныхъ обществъ, не привилегированныхъ, утверждая, что такія общества въ состояніи совершить гораздо больше работы и работа ихъ будетъ лучше. Въ доказательство приводилась энциклопедія и рядомъ съ нею — необыкновенно медленно подвигающееся изданіе академическаго словаря. Судьба академій была, слѣдовательно, уже предрѣшена заранѣе. Онѣ были закрыты, но дольше другихъ продержалась все-таки академія наукъ, имѣвшая въ конвентѣ многихъ защитниковъ и по-

читателей. Докладчикъ комитета народнаго просвѣщенія, Грегуаръ, сдѣлалъ для этой академіи исключеніе и предложилъ конвенту разрѣшить ей продолженіе трудовъ впредь до организациі новаго общества «съ цѣлью преуспѣянія наукъ». «Для насъ будетъ большимъ позоромъ, — говорилъ въ своемъ докладѣ Грегуаръ, — если наши ученые будутъ доведены до того, что имъ придется нести въ чужія страны свои таланты и нашъ стыдъ». Однако, и это не помогло, также какъ не помогли старанія друзей академіи въ конвентѣ и хлопоты Лавуазье, бывшаго казначеи академіи и дѣлавшаго все, что отъ него зависѣло, чтобы спасти ее отъ крушенія. Такъ, наприимѣръ, Лавуазье изъ своихъ денегъ выдавалъ авансомъ жалованье членамъ академіи, такъ какъ въ академію не поступали суммы и касса ея была совершенно пуста. Затѣмъ, Лавуазье обратился непосредственно къ конвенту, помимо комитета народнаго просвѣщенія, и ему удалось выхлопотать декретъ, въ которомъ разрѣшалось членамъ «бывшей» академіи наукъ собираться въ обычномъ мѣстѣ для своихъ занятій по предметамъ. «спеціально порученнымъ имъ національнымъ конвентомъ». Въ этомъ декретѣ была включена также статья о вознагражденіи ученыхъ за ихъ труды. Но декретъ явился слишкомъ поздно, и залы академіи уже были запечатаны по распоряженію управленія парижскаго департамента. Огорченные академики разошлись и рѣшались не собираться болѣе.

Такъ были упразднены всѣ четыре академіи. Но прошло два года и повѣялъ другой вѣтеръ. Въ августѣ 1795 года поднять былъ вопросъ объ учрежденіи «Национальнаго института наукъ и искусствъ», и декретомъ 25-го октября этого же года былъ открытъ французскій институтъ, замѣнившій прежнія академіи. Первоначально онъ состоялъ изъ трехъ классовъ или отдѣленій (впослѣдствіи академій): 1) физическихъ и математическихъ наукъ; 2) нравственныхъ и политическихъ, и 3) литературнаго искусства. Первое засѣданіе института состоялось 12 января 1796 г. Институтъ насчитывалъ въ то время 144 члена въ Парижѣ, 144 члена-корреспондента въ провинціи и 24 члена-сотрудника. Мало того, институтъ принималъ въ число своихъ членовъ тогда даже всѣхъ знаменитыхъ актеровъ, «придающихъ жизнь драматическимъ произведеніямъ, снабжая ихъ душой, выражающей въ жестѣхъ, взглядѣ и голосѣ, и слѣдовательно, дополняющихъ Расина и Вольтера».

Наполеонъ, будучи консуломъ, снабдилъ институтъ новымъ уставомъ, и этотъ уставъ съ небольшими измѣненіями дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Онъ раздѣляетъ институтъ на четыре разряда или класса: 1) математическихъ и физическихъ наукъ; 2) французскаго языка и литературы; 3) исторіи и древностей; 4) искусства. Въ 1816 г. институтъ снова подвергся измѣненіямъ, но уже чисто внѣшнимъ; классы превратились въ академіи, существующія и понынѣ. Послѣднее измѣненіе, постигшее институтъ, было не въ ущербъ, а въ пользу ему и касалось учрежденія пятой академіи—«нравственныхъ и политическихъ наукъ». Въ настоящее время институтъ Франціи представляетъ въ высшей степени почтенное учрежденіе и пользуется заслуженною репутаціей въ цѣлой Европѣ. Одинъ только списокъ его членовъ занимаетъ 176 страницъ.

Институтъ помѣщается въ старинномъ зданіи, насчитывающемъ 221 годъ существованія. Тамъ некогда существовала коллегія «des Quatres Nations», основанная Мазарини для шестидесяти учениковъ, выбранныхъ изъ уроженцевъ Пиньероля, Эльзаса, прилегающихъ нѣмецкихъ областей, Фландріи, Руссильона и Сардиніи. Эти ученики, получивъ свое образованіе въ Парижѣ, обязаны были вернуться на родину и увлечь своимъ примѣромъ другихъ, чтобы они также отправились въ Парижъ, для полученія такого же образованія. «Такимъ образомъ, всѣ эти провинціи должны были нечувствительнымъ образомъ «офранцузиться», превратиться въ французскія провинціи путемъ распространенія французской науки и языка». Напомнимъ нашимъ читателямъ, что эту же самую цѣль, главнымъ образомъ относительно колоній, преслѣдуетъ въ настоящее время, такъ называемое, «Alliance française». Зданія коллегіи, библіотека и церковь сохранились до сихъ поръ.

Музей на открытомъ воздухѣ.
Четыре года тому назадъ въ Швеціи состоялось открытіе чрезвычайно оригинальнаго этнографическаго музея на открытомъ воздухѣ, основаннаго профессоромъ Артуромъ Газеліусомъ. Окончивъ курсъ въ uppsальскомъ университетѣ, Артуръ Газеліусъ посвятилъ себя филологическимъ наукамъ. Нѣкоторое время онъ читалъ лекціи въ университетѣ, но, затѣмъ, бросивъ кафедру, отправился путешествовать по Швеціи, производя вездѣ филологическія изслѣдованія. Въ 1872 г., странствуя по горнымъ долинамъ мало посѣщаемой провинціи Далекарліи, онъ впервые остановился на идеѣ устройства сѣвернаго этнографическаго музея. Изъ всѣхъ провинцій Швеціи Далекарлія дольше другихъ сохранила въ неприкосновенности нравы, обычаи и костюмы древности, также

какъ и сельскую промышленность. Разсѣянное по маленькимъ деревушкамъ, изолированнымъ другъ отъ друга, населеніе этой провинціи въ теченіе многихъ вѣковъ отдѣлено было отъ остального міра. Поэтому-то въ каждой деревушкѣ и сохранились въ неприкосновенности обычай и нравы, спеціальная архитектура и старинное убранство хижинъ, а также старинные живописные костюмы. Преданія, конечно, должны были удержаться въ этой мѣстности долѣе, чѣмъ во всякой другой. Въ первобытныхъ станкахъ, по очень стариннымъ образцамъ, изготовлялись пестрыя ткани для одежды; домашняя утварь въ хижинахъ была самаго примитивнаго устройства, относящагося къ XI вѣку, и дома строились также по старинному плану, переходящему изъ поколѣнія въ поколѣніе. Однако, мало-по-малу и въ этой мѣстности, такъ долго сохранявшей свой первобытный отпечатокъ, стали обнаруживаться признаки, указывающіе на проникновеніе и въ нее новыхъ элементовъ, грозящихъ въ непродолжительномъ времени смести всѣ остатки старины. Распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ сдѣлало болѣе удобными сношенія съ этой отдаленной провинціей, и въ ней появились торговцы и коллекціонеры, скупавшіе остатки стариннаго убранства хижинъ, старинную домашнюю утварь, довольно охотно уступаемую жителями, скоро понявшими свою выгоду. Какъ разъ въ эту переходную эпоху Газеліусъ находился въ Далекарліи, съ огорченіемъ наблюдая, какъ мало-по-малу безслѣдно исчезаютъ всѣ эти драгоценныя памятники старины. Тогда же ему пришло въ голову устройство этнографическаго музея сѣверныхъ народовъ, въ которомъ бы могли сохраниться всѣ эти быстро исчезающіе остатки старины. Съ этою цѣлью онъ вступилъ немедленно въ сношенія со скандинавскими странами и Исландіей и Финляндіей, и по-

жертвовалъ на учрежденіе музея все свое личное состояніе. Въ 1873 году было открыто первое отдѣленіе этого музея, но Газеліусъ тогда уже увлекся болѣе широкими планами устройства этнографическаго музея на открытомъ воздухѣ, такъ какъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ стѣнахъ закрытаго музея никогда нельзя дать полной этнографической картины развитія какой-нибудь страны. Для достиженія этой цѣли нужно было сосредоточить въ одномъ и томъ же мѣстѣ все, что можетъ дать точное понятіе не только о жилищахъ предковъ, но и посвятивъ во всѣ подробности ихъ домашняго быта. Надо было ввести посѣтителя музея въ залы пиршествъ его предковъ, съ ихъ своеобразнымъ убранствомъ, показать ему, гдѣ пили круговую чашу; надо было познакомить его съ внутренностью рыцарскихъ замковъ, со всѣми ихъ принадлежностями, башнями, подъемными мостами и т. п., затѣмъ — съ буржуазными жилищами ганзейскихъ городовъ и съ жилищами крестьянъ разныхъ мѣстностей, показать ему шалашъ (kata) лапландца, хижину (slogdad) далекарлійца, лагуру (backstuga) смаландца, хижину (jördhus) исландца и т. д. И притомъ каждый домикъ, выстроенный изъ старинныхъ матеріаловъ и по старому способу, надо было окружить растеніями той самой мѣстности, къ которой относится данное жилище, чтобы получилась полная иллюзія. Планъ грандіозный, но Газеліусу удалось-таки привести его въ исполненіе. и въ 1891 году, въ Сканиенѣ, былъ открытъ этотъ оригинальный этнографическій музей сѣвера, переносящій посѣтителя въ отдаленныя эпохи и самыя укромныя уголки сѣверныхъ странъ, знакомя его съ бытомъ народовъ, извѣстныхъ ему, да и то не всегда, только по имени. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ лагерь лапландцевъ, устроенный въ музеѣ. Посѣтитель сразу пе-

реносится на самую сѣверную границу страны. Лапландцы, племя другого происхожденія, нежели шведы, и теперь еще ведутъ такой же образъ жизни, какой вели въ началѣ нашей эры. Племя это раздѣляется на горныхъ лапландцевъ, лѣсныхъ и рыбаковъ. Горные лапландцы до сихъ поръ сохранили въ неприкосновенности всѣ свои привычки помодовъ, и въ ихъ образѣ жизни не произошло никакихъ перемѣнъ. «Kata» лапландца сдѣлана изъ бревенъ и обернута или грубой шерстяною матеріей или оленьими кожами, шитыми вмѣстѣ. Въ такомъ шалашѣ лапландецъ со своимъ семействомъ проводитъ суровую сѣверную зиму. Впрочемъ, онъ никогда не раздѣвается и спитъ на ложѣ, изготовленномъ изъ срубленныхъ сосновыхъ вѣтокъ, — протянувши ноги въ огню, который поддерживается постоянно по срединѣ шалаша. Лагерь лапландцевъ такъ хорошо устроенъ въ музеѣ, что иллюзія получается полная, особенно зимой, когда всѣ деревья и искусственно устроенныя скалы покрываются снѣгомъ, а по нимъ прогуливаются олени, отыскивающіе для себя мохъ, служащій имъ пищей.

Кромѣ лапландскаго лагеря, огромный интересъ для посѣтителей представляетъ также старинное кладбище, и хотя въ немъ отсутствуютъ мертвецы, но находятся всевозможные старинныя памятники—урны, кресты и надгробныя плиты, съ грубо выразѣнными изображеніями. Въ музеѣ устроены также нѣсколько фермъ изъ различныхъ мѣстностей, согласно стариннымъ образцамъ, и жилища крестьянъ также разныхъ мѣстностей, на которыхъ можно воочию наблюдать, какъ культура городовъ постепенно оказывала вліяніе и на деревни, и прошлое мало-по-малу уступало мѣсто настоящему.

Ученныя женщины въ Германіи.
Женщины въ Германіи нѣкогда обра-

щали на себя вниманіе своею образованностью. Въ средніе вѣка онѣ занимали даже въ этомъ отношеніи первенствующее мѣсто, но затѣмъ, мало-по-малу, германская женщина отказалась отъ этого первенства; замкнутая силою исторически сложившихся условій въ узкія рамки семейныхъ обязанностей, она повидимому, не добивалась никакой другой роли въ обществѣ. Разумѣется, это прежде всего отразилось на ея образованіи, и ученныя женщины въ Германіи скоро сдѣлались величайшимъ исключеніемъ.

Эпоха возрожденія, во время которой такъ много женщинъ въ Италіи и Франціи блистали своимъ умомъ и образованіемъ, въ Германіи отразилась совершенно иначе. Женщины не выразили особеннаго стремленія соперничать умомъ съ мужчинами, но за то возникли очень горячіе теоретическіе споры по поводу различій, существующей между обоими полами съ точки зрѣнія интеллектуальныхъ способностей. Впрочемъ, подобное же явленіе наблюдалось въ Италіи. Тогда-то были написаны всѣ эти толстые томы по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на женщину, какъ на чело-вѣка? Но были и защитники женщинъ, возставшіе противъ взглядовъ, высказываемыхъ германскими учеными. Въ числѣ этихъ сторонниковъ женскихъ правъ, въ XVI вѣкѣ, слѣдуетъ поставить Конрада Цельтеса, ученика Рудольфа Агриколы и поэта-лауреата императора Максимилиана. Кромѣ Цельтеса, въ этомъ движеніи гуманистовъ въ пользу женщинъ участвовали: Эразмъ, Симонъ Гедике, Шоппиусъ и особенно Агриппа Неттесгеймъ, издавшій въ 1529 году въ Антверпенѣ книгу на латинскомъ языкѣ, въ которой доказываетъ не только благородство и прекрасныя качества женскаго пола, но и его превосходство надъ мужскимъ. Книга эта была переведена на французскій языкъ въ XVI вѣкѣ и имѣла большой успѣхъ.

Скоро, однако, и женщины начали принимать активное участіе въ этомъ движеніи въ ихъ пользу. Уже въ началѣ XVII вѣка многія изъ нихъ возвысили свой голосъ. Прежде всего въ Нидерландахъ возникла спеціально женская литература и женщины зарекомендовали себя въ области науки. Огромное вліяніе на женское движеніе оказывала тогда Анна-Марія Шурманнъ, прозванная голландской Минервой, отличавшаяся замѣчательною эрудиціей и громадными знаніями въ области классическихъ языковъ. Но Анна Марія обладала еще и другими талантами; она была художницей и писала стихи. Въ 164 г. она издала въ Лейденѣ книгу о женщинахъ, имѣвшую громкій успѣхъ и также переведенную на французскій языкъ. Имя Анны-Маріи приобрѣло извѣстность, и она вступила въ сношенія съ величайшими учеными и выдающимися людьми своего времени. Вліяніе Анны-Маріи, по словамъ Штейнгаузена, автора статьи въ «Nord und Süd», посвященной германской ученой женщинѣ, особенно сильно отразилось на способахъ воспитанія женщинъ въ началѣ XVIII вѣка. Германскіе родители начали стремиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ своихъ дочерей такихъ же «диквинокъ» въ умственномъ отношеніи, какова была Анна-Марія, и поэтому пичкали имъ головы всевозможными знаніями, часто безъ всякой системы. Чуть ли не въ каждомъ семействѣ можно было найти тогда ученую маленькую дѣвицу, поражающую обиліемъ своихъ познаній, вродѣ, напримѣръ, Анны-Маріи Крамеръ, умершей въ четырнадцать лѣтъ, вѣроятно, отъ переутомленія мозга. Отецъ ея былъ пасторомъ въ Магдебургѣ и изъ всѣхъ силъ старался набить ей голову всѣми знаніями, какія только можно было получить въ его время. Когда она умерла, то онъ утѣшился тѣмъ, что написалъ ей очень высокопарную эпитафію по ла-

тыни, въ которой перечислилъ всѣ ея познанія.

Вся образованная Германія оплакала тогда смерть этой «дѣвочки-чуда», и въ каждой семьѣ возникло нѣчто вродѣ соревновенія въ дѣлѣ воспитанія дѣвочекъ, которыхъ старались учить какъ можно больше. Даже въ семьяхъ принцевъ стремились къ той же цѣли, и маленькія принцессы соперничали другъ передъ другомъ своими знаніями; напримѣръ, Луиза Амене, ангальтская принцесса, изучала древнееврейской языкъ; баденская принцесса Катерина-Урсула могла поспорить съ любымъ ученымъ латинистомъ своего времени; принцесса Антуанета Вюртембергская занимала не послѣднее мѣсто среди знатоконъ Греціи. Софія Брунсвикская говорила и писала на нѣсколькихъ языкахъ и имѣла большія познанія въ богословскихъ, географическихъ и историческихъ наукахъ. Дочь ея, Софія-Шарлотта, бывшая другомъ Лейбница, наслаждалась ея способности и также получила универсальное образованіе.

Въ буржуазныхъ кружкахъ стремленіе къ эрудиціи было нисколько не меньшее, и не мало женщинъ изъ этого круга приобрѣло извѣстность своими познаніями. Многіе изъ писателей выступили тогда въ защиту ученыхъ женщинъ и нѣкоторые, особенно Пауллини, горячо отстаивали ихъ права, не щадя своихъ противниковъ. Но въ этомъ хвалебномъ гимнѣ ученымъ женщинамъ раздавался также и голосъ критики. Гохбергъ, напримѣръ, расточая похвалы гениальнымъ женщинамъ, все-таки высказалъ мнѣніе, что, быть можетъ, слишкомъ много знаній для женщинъ приносить болѣе вреда, нежели пользы. «Однако,—говоритъ онъ,—нельзя же отрицать, что женщина также сотворена по образу и подобию Божьему, а если у которой-нибудь изъ нихъ обнаруживаются необыкновенно

выдающийся умъ, способность къ глубинѣ сужденій и превосходныя идеи, и если онѣ употребляютъ эти свои способности во славу Божию, то мы должны ихъ восхвалять и прославлять за это. Но такъ какъ это примѣры исключительныя и героическія, то было бы опасно ставить ихъ образцомъ для всѣхъ прочихъ, особенно же въ такихъ случаяхъ, когда для приобрѣтенія такихъ даровъ женщины должны бывать пренебречь своими прямыми обязанностями».

Почти такія же мысли высказываются въ другой любопытной книгѣ, вышедшей въ свѣтъ нѣсколько позднѣе, съ такимъ курьезнымъ заглавіемъ: «Полезный, вѣжливый и любопытный словарь женщинъ». Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится о горячихъ спорахъ, которые возбуждаетъ вопросъ объ ученыхъ женщинахъ и, въ свою очередь, ставится вопросъ, надо ли давать женщинамъ научное образованіе и въ какихъ размѣрахъ. Авторъ склоняется въ пользу положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями. «Женщины,—говоритъ онъ,—которые слишкомъ глубоко ушли въ изученіе математики, философіи, естественныхъ наукъ, политики, критики, филологіи, поэзіи, языковъ, высшаго богословія, юриспруденціи и медицины, никому не приносятъ пользы. Когда подобнаго рода растеніе выростаетъ на поляхъ науки, то надо смотрѣть на него, какъ на растеніе рѣдкое и экзотическое, а никакъ не выставляя его какъ образецъ».

Такая точка зрѣнія постепенно приобрѣтала все болѣе и болѣе сторонниковъ. Не надо диковинокъ, но надо обезпечить правильное развитіе женскаго воспитанія — таковъ былъ лозунгъ. Германія первая заговорила о болѣе рациональномъ воспитаніи женщинъ. Секендорфъ, канцлеръ университета въ Галле, въ концѣ XVII вѣка, не разъ высказывалъ горячее

сожалѣніе о томъ, что, рядомъ съ нѣсколькими учеными женщинами, находится тысячи такихъ, которыя ничего не знаютъ, и говорятъ, что собственно о женскомъ образованіи очень мало заботятся, такъ какъ «до сихъ поръ существуютъ только три школы для дѣвочекъ, по 40 ученицъ въ каждой, и эти школы не привели ни къ какимъ особеннымъ результатамъ». Во многихъ другихъ сочиненіяхъ, относящихся къ тому времени, также высказываются мысли о необходимости реформы женскаго образованія и даже эмансипаціи женщинъ, но о примѣненіи этихъ идей въ жизни пока еще никто не помышлялъ. Однако, все же существовали два течения въ общественномъ мнѣніи: одно—очень узкое, но вполне опредѣленное, направлено было въ пользу женской эрудиціи; другое же, едва замѣтное, требовало общаго образованія для женщинъ. Въ 1707 году одинъ авторъ предложилъ учредить академію для молодыхъ дѣвушекъ и представилъ даже планъ ея организаціи, но осуществленія не послѣдовало. Такая же участь постигла и другое, подобное же предложеніе, сдѣланное въ Гамбургѣ. Во всякомъ случаѣ, это указываетъ, что и тогда уже были искренніе сторонники женскаго образованія. Знаменитый критикъ Готшедъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ женскаго образованія и въ одной изъ своихъ статей высказалъ по этому поводу слѣдующія мысли: «Я часто удивляюсь той антипатіи, которую питаютъ нѣкоторые люди къ женской образованности. Развѣ не мало такихъ, у которыхъ самое названіе «ученая женщина» всегда сопряжено съ представленіемъ о существѣ, лишенномъ всякой привлекательности, смѣшиномъ и отталкивающимъ? А между тѣмъ какія же условія могутъ болѣе способствовать супружескому счастью, какъ не взаимное пониманіе? Я часто ду-

маю, какъ былъ счастливъ знаменитый Дасье въ обществѣ своей ученой жены. Я представляю ихъ себѣ сидящими рядомъ и переводящими совместно мудрыя изреченія Эпиктета. Какіе пріятные и интересные споры должны были возникать между ними по поводу какой-нибудь фразы, мысли философа, какъ они оба соперничали своею эрудиціей и какъ, наконецъ, они вмѣстѣ приходили къ одинаковымъ выводамъ и выпускали книгу, подписанную ихъ именами».

Но Готшелъ не только теоретически представлялъ себѣ счастье имѣть ученую жену, онъ исцталъ его на практикѣ. Жена его была очень учена и была его сотрудницею во всемъ, настоящею германскою ученою женщиной. Она превосходно знала древніе и новыя языки и литературу и считались звѣздою первой величины на горизонтѣ женской учености. Это, однако, не мѣшало ей, по признанію всѣхъ современниковъ блистать всѣми семейными добродѣтелями и быть прекрасною матерью семейства. Послѣ нея, въ концѣ XVIII вѣка, ученая женщина мало-по-малу уступила свое мѣсто просто образованной женщинѣ, и единственная ученая нѣмка, прославившаяся въ то время, была Анна-Христина Бальтазаръ, муза Грейфвальда, произнесшая въ 1750 году торжественную рѣчь по случаю открытія академической библіотеки. По мнѣнію современниковъ, она превосходила своей эрудиціей всѣхъ ученыхъ женщинъ, пользовавшихся такою репутаціей. Но съ восемнадцатымъ вѣкомъ кончился золотой вѣкъ женской учености въ Германіи. Образование сдѣлалось болѣе распространеннымъ, но уровень его понизился и рамки умственной дѣятельности женщинъ очень сѣзуились. Идеаломъ современной нѣмецкой жены сдѣлалась уже не ученая женщина, которую нѣкогда восхвалялъ критикъ Готшедъ, а скромная хозяйка «Haus-

frau», не мудрствующая лукаво, не умѣющая переводить Эпиктета и спорить о философскихъ вопросахъ, но за то умѣющая хорошо готовить обѣдъ и чинить бѣлье. Этотъ идеалъ упорно держится и до сихъ поръ въ современномъ нѣмецкомъ обществѣ, и потому-то въ Германіи женщинамъ такъ трудно добиться расширения своихъ правъ и такъ туго подвигается дѣло высшаго женскаго образованія.

Періодическая печать въ Японіи. Развитие и распространеніе періодической печати въ Японіи достигло поразительныхъ размѣровъ въ очень небольшой промежутокъ времени. Прошло не болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ аптекарь Кишида-Глинеау пожелалъ начало японской журналистикѣ въ формѣ корреспонденціи, и теперь уже Японія обладаетъ очень внушительнымъ числомъ газетъ и журналовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время, въ Японіи издается на болѣе, ни менѣе, какъ четыреста ежедневныхъ газетъ и больше двухсотъ журналовъ и газетъ, выходящихъ въ другіе сроки. Японская печать очень похожа на европейскую. Въ ней также есть органы партій, частныхъ лицъ, либеральные и консервативные органы, правительственные и оппозиціонные, однимъ словомъ все, какъ въ Европѣ, только названія всѣхъ этихъ органовъ трудно выговорить съ непривычки. Нѣкоторыя изъ оппозиціонныхъ газетъ имѣютъ огромное распространеніе, напримѣръ: «Goubin — Hoshi—Shin—Bouu» (Почта объявленія, новости), услѣхъ которой, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того количества лѣтъ, которое просидѣли ея редакторы въ тюрьмѣ. Въ числѣ японскихъ журналистовъ находятся очень талантливые люди, остроумные публицисты, сдѣлавшіе бы честь даже европейской печати. Слѣдующій эпизодъ во время послѣдней

японско-китайской войны въ достаточно степени обрисовывает остроуміе японскихъ журналистовъ. Правительство, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ соображеній, окружало глубочайшей тайной всѣ военныя операціи и не давало печати никакихъ разъясненій насчетъ того, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но, разумѣется, общество требовало, чтобы ему давались эти свѣдѣнія, и негодовало на тактику правительства. Чтобы поднять на смѣхъ эту тактику, одинъ журналистъ придумалъ напечатать въ газетахъ такую телеграмму: «Въ X произошло большое сраженіе. Японцы дрались, какъ львы, подъ командою генерала X... Китайцы потеряли 000 ранеными и 000 убитыми. Кромѣ того, японцы захватили 000 фургоновъ китайскаго обоза и отбросили китайцевъ къ X... Потери японцевъ: 0 убитыхъ и 0 раненыхъ. Японцы побѣдоносно двигаются къ X...» Телеграмма эта достигла своей цѣли и возбудила не мало насмѣшекъ надъ таинственностью правительства, которое, наконецъ, рѣшилось удовлетворить общественное мнѣніе.

Кромѣ серьезныхъ органовъ печати, въ Японіи очень много такихъ, которые отличаются легкомысленностью своего содержанія и въ этомъ отношеніи много превосходятъ даже парижскую бульварную печать, также какъ и японскій реализмъ зачастую превосходитъ реализмъ французскихъ писателей.

Серьезные японскіе журналы отличаются оригинальностью. Лучшими изъ нихъ считаются «Цвѣтокъ столицы» (Migakanohoma) и «Политика» (Sei Lon). Недавно началъ издаваться еще одинъ журналъ, «Солнце», обратившій на себя вниманіе своими статьями и выборомъ своихъ сотрудниковъ. Редакторъ этого журнала основалъ кромѣ того еще журналъ для юношества, который называется

«Міръ молодежи», отличающійся какъ превосходно исполненными рисунками такъ и статьями. Этотъ журналъ самый распространенный изъ всѣхъ японскихъ журналовъ. Впрочемъ, въ последнее время «Солнце» также начинаетъ пріобрѣтать большую популярность. Заимствуемъ изъ статьи о японской печати, напечатанной въ «Revue de Revues», содержаніе одного изъ номеровъ этого журнала, указывающее съ какою тщательностью онъ составляется. Статья объ обработкѣ историческихъ матеріаловъ, написанная профессоромъ Кумацо Теубеи; философская статья о прогрессѣ нравственности, принадлежащая перу одного извѣстнаго японскаго публициста, статья о насасѣдственности и воспитаніи, политическія статьи, обсуждающія отношенія Японіи къ другимъ націямъ; статья по литературѣ, посвящая странное названіе «Посредникъ слезъ» и посвященная китайской и японской поэзіи, смѣсь и т. п.

Объявленія и рекламы служатъ также источникомъ дохода японскихъ газетъ и занимаютъ въ японской печати такое же большое мѣсто, какъ и въ европейской. Впрочемъ, японская журналистика собственно развилась и выросла именно на этой почвѣ. Отецъ японской журналистики знаменитый аптекаръ Кишида-Глинкау, имя котораго такъ же уважается въ Токио, какъ имя Теофраста Рендо во Франціи, сталъ издавать свой первый листокъ или газету собственно только для объявленій, весь же остальной текстъ служить лишь прибавкою къ нимъ и играетъ второстепенную роль. Теперь, конечно, это отношеніе измѣнилось и текстъ играетъ уже первую роль въ японскихъ журналахъ и газетахъ; но, тѣмъ не менѣе, объявленія занимаютъ еще очень большое мѣсто и, напримѣръ, въ журналѣ «Солнце» для нихъ отводится 20 страницъ-

Въ числѣ современныхъ японскихъ

журналистовъ заслуживаетъ спеціального упоминанія Юкуши Фукуцава, основатель журнала «Время» (Liji Shimpo). Онъ отличается большою независимостью мнѣній, журналъ его не только очень распространенъ, но и пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Въ Японіи этотъ почтенный журналистъ называется «великимъ старцемъ», какъ Гладстонъ въ Англіи. Онъ былъ также основателемъ и директоромъ университета «Keiojijuku», насчитывающаго до 1.200 студентовъ. Въ общежитіи этого журналиста часто называютъ «Jensei» (нашъ учитель), такъ какъ почти вся современная Японія состоитъ изъ его учениковъ. Ему уже воздвигнута теперь бронзовая статуя, и деньги на сооруженіе этого памятника были пожертвованы его многочисленными учениками. Фукуцава—очень горячій патриотъ и былъ инициаторомъ націоналистскаго движенія, стремящагося замѣнить англійскій языкъ, культъ Америки и Великобританіи японскимъ языкомъ и культурой. Это движеніе все сильнѣе и сильнѣе разрастается въ Японіи, и девизъ «Японія—японцамъ» становится въ настоящее время національнымъ девизомъ. Ученые японцы стремятся даже возстановить культуру прошлаго. Такъ недавно образовался въ Токио комитетъ изъ 30 писателей, къ числу которыхъ принадлежитъ такъ же и ректоръ университета, которые поставили себѣ цѣлью изданіе старинныхъ японскихъ книгъ и ознакомленіе японскаго народа съ классическими произведеніями, могущими укрѣпить въ немъ національное чувство.

Развитіе и распространеніе религиозной печати въ Японіи, гдѣ существуетъ 145 религиозныхъ періодическихъ изданій, указываетъ, повидимому, что Японія не обнаруживаетъ особенной склонности къ воспріятію которой-нибудь изъ евро-

пейскихъ религій. Одинъ изъ этихъ религиозныхъ журналовъ, основанный недавно, поставилъ себѣ главною задачею изученіе религій всего свѣта съ цѣлью извлечь изъ нихъ лучшіе принципы, для учрежденія новой національной религіи. Во всякомъ случаѣ ясно, что японцы, сознавъ свои собственныя силы, стремятся какъ можно скорѣе освободиться отъ всякой европейской опеки и основать свою собственную культуру и цивилизацію, хотя главныя черты ея и заимствованы ими у Европы.

Успѣхи современной хирургіи. Заявленія о необыкновенныхъ успѣхахъ въ хирургіи сдѣлались почти общимъ мѣстомъ въ настоящее время. Эти заявленія можно слышать всюду, въ любомъ обществѣ и салонѣ. Хирургія, дѣйствительно, быстро шагнула впередъ, и этимъ она обязана тремъ великимъ открытіямъ: новѣйшимъ открытіямъ Пастера, положившимъ начало бактериологіи,—наукѣ, перевернувшей всю медицину въ настоящее время, и еще двумъ, гораздо болѣе раннимъ открытіямъ—анестезіи (уничтоженію боли) и остановкѣ кровотока. Къ этимъ двумъ способамъ присоединяется теперь способъ «асепсиса», т. е. уничтоженія болѣзнетворныхъ зародышей, основывающійся на дачныхъ бактериологіи. Такимъ образомъ, возникли три великихъ фактора, вознесшіе хирургию на ту высоту, на которой она теперь находится.

Употребленіе анестезическихъ средствъ, т. е. такихъ, которыя уничтожаютъ ощущеніе боли при операціяхъ, было исходною точкою прогресса современной хирургіи. Безъ этого способа, конечно, невозможны были бы многія операціи. Этимъ открытіемъ мы обязаны американцамъ, и бо-стонцы увѣковѣчили его памятникомъ въ формѣ фонтана, который называется «Монументомъ эфира» и возвышается въ «Common», въ велико-

дѣлномъ городскомъ общественномъ саду. Памятникъ этотъ поставленъ въ честь двухъ дантистовъ, впервые употребившихъ эфиръ для утоленія боли при выдергиваніи зубовъ у своихъ пациентовъ. Эфиръ былъ первымъ анестезическимъ средствомъ, введеннымъ въ хирургическую практику, и его долго предпочитали хлороформу и другимъ средствамъ на томъ основаніи, что онъ безопаснѣе. Опять-таки два американца, Мортонъ и Джексонъ, ввели въ общую хирургию этотъ способъ анестезіи въ 1846 г. Въ слѣдующемъ году уже, въ Англии, Симпсонъ впервые попробовалъ употреблять хлороформъ при хирургическихъ операціяхъ.

Но, разумѣется, только одно открытіе способа уничтоженія боли или остановки кровотеченій, не могло бы вызвать такихъ громаднѣе, поразительныхъ успѣховъ, какіе сдѣлала современная хирургія, въ сравнительно очень недавній промежутокъ времени. Знаменитый въ свое время хирургъ, Нелатонъ, сказалъ однажды: «Надо будетъ воздвигнуть золотую статую тому, кто устранитъ нагноеніе въ ранахъ!» Въ настоящее время это почти уже достигнуто, и надо было бы воздвигнуть золотую статую двумъ ученымъ, Пастёру и Листеру, открытія которыхъ привели къ такимъ благодѣтельнымъ результатамъ. Какъ только сдѣлался извѣстенъ міръ «безконечно-малыхъ» враговъ человѣчества, изученъ, изслѣдованъ и классифицированъ, то найдены были и средства для борьбы съ ними. Надо было предупредить попаданіе въ рану, случайную или искусственную, произведенную для операціи, микроорганизмовъ, вызывающихъ своимъ присутствіемъ нагноеніе, или, если они попали туда, то немедленно удалить ихъ оттуда и обезвредить. Извѣстно, что воздухъ переполненъ такого рода болѣзнетворными зародышами, которые проникаютъ въ нашъ организмъ при малѣй-

шемъ нарушеніи цѣлости тканей. По-этому-то всякое такое нарушеніе цѣлости тканей, даже очень незначительное, въ прежнія времена всегда было сопряжено съ опасностью для организма. Теперь же, въ «антисептикѣ» (такъ называется способъ обеззараживанія раны, путемъ обмыванія ея такими жидкостями, которыя убиваютъ микробовъ) мы имѣемъ могущественное средство для борьбы съ микроорганизмами. Листеръ, въ Англии, первый ввелъ способъ антисептической перевязки ранъ и спасъ этимъ много тысячъ человѣческихъ жизней. Еще болѣе важный шагъ впередъ въ области хирургіи былъ сдѣланъ введеніемъ способа «асепсіи», т. е. предупрежденіе попаданія микробовъ въ искусственную рану, наносимую хирургомъ при операціи. Прежде каждая болѣе или менѣе серьезная операція была всегда сопряжена со смертельною опасностью для больного. Теперь же хирургъ со спокойной совѣстью совершаетъ такія операціи въ полости груди, живота, въ полости черепа. о которыхъ прежде и помышлять нельзя было, такъ какъ онѣ считались безусловно смертельными. Въ настоящее время все зависитъ лишь отъ ловкости хирурга, такъ какъ операціи совершаются при такихъ условіяхъ, при которыхъ совершенно исключается всякая возможность проникновенія въ организмъ микробовъ, вызывающихъ нагноеніе и отравленіе крови и подвергающихъ опасности жизнь больного. Для достиженія этихъ условій, окружающая атмосфера, операціонный столъ или постель, одежда больного и самого хирурга, также какъ и его помощниковъ, инструменты, руки хирурга, перевязочныя средства и т. д., однимъ словомъ, все, что прикасается къ больному и окружаетъ его во время операціи—подвергается самому тщательному обеззараживанію, посредствомъ прокаливанія, обмыванія и распыленія жидкостей, дѣйствующихъ на

микробовъ убійственнымъ образомъ. Хирургъ во время операціи долженъ постоянно помнитъ о томъ, чтобы «безконечно малый» врагъ не получилъ доступа въ рану и не испортилъ бы всѣхъ его стараній, а послѣ операціи долженъ позаботиться о тщательномъ «герметическомъ» закрытіи раны, опять-таки, чтобы этотъ страшный невидимый врагъ, представляющій родъ Дамоклова меча, висающаго постоянно надъ головою больного, не проникъ бы въ рану и не причинилъ бы новыхъ бѣдъ. Только при соблюденіи всѣхъ этихъ предосторожностей хирургія могла достигнуть той высоты, на которой она находится въ настоящее время.

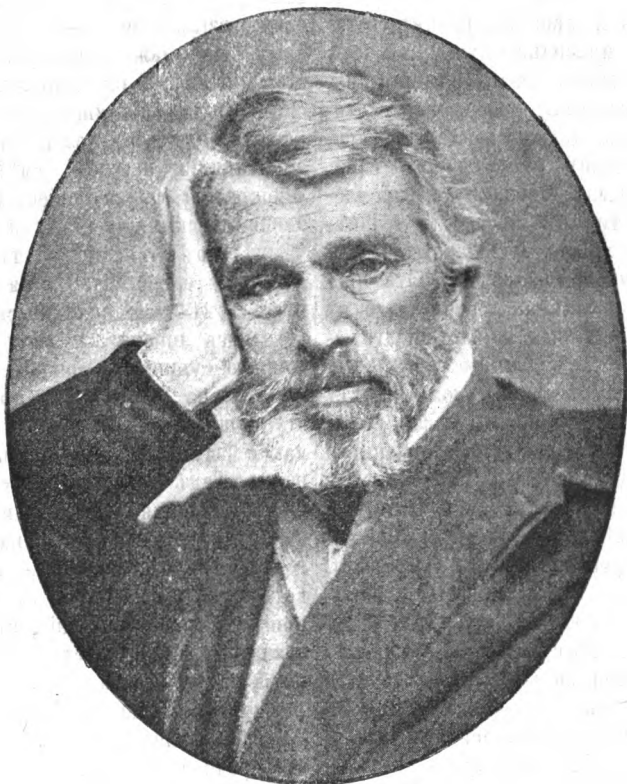
Томасъ Карлейль. Въ декабрѣ этого года исполнилось столѣтіе со дня рожденія знаменитаго англійскаго писателя, историка и философа, Томаса Карлейля. Карлейль родился въ простой крестьянской семьѣ въ Шотландіи, но отецъ его, все-таки, захотѣлъ дать мальчику образованіе, предназначая его къ духовной карьерѣ, хотя всѣ родные и знакомые отговаривали его, увѣряя, что, получивъ образованіе, «юноша станетъ презирать своихъ необразованныхъ родителей». Почтенный каменщикъ, отецъ будущаго знаменитаго писателя, не испугался этихъ пророчествъ, отдавая своего мальчику въ школу, гдѣ онъ изучилъ латинскій и французскій языкъ, ариметику и алгебру и др. предметы, а затѣмъ, когда ему исполнилось 14 лѣтъ, отправилъ его въ эдинбургскій университетъ.

Отъ природы несообщительный и замкнутый, Карлейль и на студенческой скамьѣ держался особнякомъ, также какъ и въ то время, когда находился въ школѣ. Онъ сошелся лишь съ очень немногими товарищами, такими же крестьянскими дѣтьми, какъ онъ самъ, и въ этомъ тѣсномъ кружкѣ пользовался большимъ вліяніемъ и игралъ большую роль, и

товарищи какъ будто предугадывали въ немъ будущее литературное свѣтило. Однако, слава заставила себя долго ждать, и Карлейль не скоро выступилъ на литературное поприще. Отецъ его, мечтавшій сдѣлать изъ него священника, долженъ былъ отказать отъ своихъ плановъ, такъ какъ молодой Карлейль не питалъ ни малѣйшаго призванія къ духовной карьерѣ, и душу его очень рано начали мучить разные сомнѣнія. Отказавшись отъ карьеры священника, Карлейль принялся за учительство, но и этимъ занимался недолго. Также недолго занимался онъ и изученіемъ права, готовясь къ адвокатской дѣятельности; онъ оставилъ это занятіе, увлекшись изученіемъ нѣмецкой литературы. Женившись на 31 году своей жизни, на дочери врача Уэльша, Дженни, Карлейль поселился въ Эдинбургѣ, на окраинѣ города, и такъ какъ средствъ у него не было, то молодой женѣ Карлейля, воспитанной въ сравнительной роскоши въ родительскомъ домѣ, пришлось на опытъ узнать, что такое нужда. Заработки Карлейля были очень скудны. То, что онъ приносилъ издателямъ, до такой степени было странно, такъ не подходило къ духу времени, что издатели недоумѣвали и возвращали ему обратно его рукописи. Такая же участь постигла его знаменитое произведеніе «Sartor Resartus», изданное впоследствии въ Америкѣ, даже раньше, чѣмъ въ Англии, и его «Исторію нѣмецкой литературы». Въ эти трудные годы жена Карлейля была ему вѣрнымъ и неизмѣннымъ товарищемъ; она исполняла всѣ работы, даже самыя непривычныя для нея, избавляя своего мужа отъ всякихъ работъ и тщательно оберегая его отъ всякихъ неприятностей, она поставила задачей всей своей жизни создать своему мужу такую обстановку, въ которой онъ могъ бы спокойно работать, и эту задачу выполнила самымъ добросовѣстнымъ

образомъ. Въ теченіе сорока лѣтъ она безропотно несла свой крестъ: дѣтей у нея не было, и поэтому вся ея заботливость была исключительно посвящена мужу. Сначала она мечтала раздѣлить съ нимъ умственный трудъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ замкнутость Карлейля, любив-

шаго оставаться наединѣ со своими мыслями, не выносившаго присутствія посторонняго человѣка въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, не допускало ея согрудничества въ работѣ. Джэнни ушла въ себя, замкнулась въ кругъ своихъ узкихъ семейныхъ обязанностей и, казалось, съ головою ушла въ

Томасъ Карлейль.

заботы о житейскихъ мелочахъ. Карлейль, считавшій, что «мужъ долженъ быть центромъ и главою семьи», принималъ, какъ должное, всё ея заботы и никогда не обращалъ вниманія на ея трудъ и не интересовался вопросомъ, счастлива ли она. Правда, и она тщательно скрывала свои страданія и разочарованія и только однажды «миръ вождй», № 12, декабрь.

ды у нея зырвалась въ письмѣ къ подругѣ такая фраза: «Дорогая моя, чтобы тамъ ни было, никогда не выходите замужъ за геніальнаго человѣка»... Послѣ ея смерти самъ Карлейль, въ припадкѣ раскаянія, обвинялъ себя въ слишкомъ безучастнѣмъ отношеніи къ ней и эгоизмѣ.

Не легко досталась слава Карлей

лю, и, только перейдя сорокалѣтній возрастъ, онъ достигъ цюлуярности, но затѣмъ уже слава его возрастала не по днямъ, а по часамъ. Англія, долго не признававшая его, преклонилась, наконецъ, передъ его гениемъ, и послѣдніе годы его жизни были настоящею непрерывною оваціей, не прекратившеюся и послѣ его смерти. Ореоль славы, окружавшей его, все возрасталъ и мѣшалъ критикѣ составить себѣ правильное сужденіе о дѣятельности этого, безъ сомнѣнія, великаго писателя, произведенія котораго, однако, должны вызывать протесты въ душѣ многихъ читателей. Карлейль былъ проникнутъ стремленіемъ свести весь прогрессъ человѣчества къ жизни отдѣльныхъ выдающихся личностей—героевъ. Эта преувеличенная оцѣнка героическаго въ исторіи, доходящая до настоящаго недоумѣнія къ силѣ знанія и учреждений, привела его къ формальному культу прошедшихъ временъ, какъ болѣе благопріятныхъ для существованія и дѣятельности героевъ. Карлейль писалъ исторію, какъ поэтъ. Онъ видѣлъ событія и людей сквозь призму своего могущественнаго воображенія, которое ихъ то увеличивало до невѣроятныхъ размѣровъ, то уменьшало, извращало, превращало въ карикатуры, смотря по тому, въ какую сторону увлекали автора его фантазія и инстинкты. Языкъ Карлейля, образный и живописный, переполненный сильными выраженіями и эпитетами, зачастую его собственнаго изобрѣтенія, яркія краски, внезапные и странные обороты, обращенія, изумительные парадоксы—все это поражало и увлекало читателей, не допуская ихъ зачастую разобраться въ положеніяхъ автора и отличить истину отъ того одѣянна, въ которое ея облачила фантазія автора. Его «Исторія французской революціи» даже въ Англіи была охарактеризована какъ «эпическая поэма въ прозѣ». Въ этой книгѣ

также ярко выразилось необычайное дарованіе Карлейля, какъ и всѣ особенности этого дарованія, и именно въ виду этихъ особенностей ее нельзя назвать исторіей въ настоящемъ значеніи этого слова. Но взгляды его еще болѣе ярко выразились въ его «Latter day pamphlets» (Послѣднихъ дней памфлета), въ которыхъ онъ такъ рѣзко расходится съ политическими взглядами своихъ современниковъ, что даже приводитъ своихъ сторонниковъ въ смущеніе. Онъ является въ нихъ настоящимъ проповѣдникомъ абсолютизма, возстаетъ противъ эмансипаціи негровъ, смѣется надъ демократіей, филантропіей, политико-экономическими ученіями и т. д. Отчасти это объясняется тѣмъ, что Карлейль отвергалъ всякія формулы, и въ томъ числѣ политическія, всегда становясь лицомъ къ лицу съ «обязанною сущностью вещей» и горячо нападая на тѣхъ, кто прикрывалъ эту сущность фразами, все равно, въ какой бы цвѣтѣ онъ ни были окрашены. Такъ какъ политическія убѣжденія Карлейля не подходили ни къ одному изъ существовавшихъ журналовъ, то онъ задумалъ—было издавать свою собственную газету, чтобы проповѣдовать свое ученіе, но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, мысль эта не была приведена въ исполненіе.

Самымъ лучшимъ произведеніемъ Карлейля являются его «Герои»—лекціи, прочтанныя имъ въ Лондонѣ при громадномъ стеченіи публики. Въ этихъ лекціяхъ онъ также выступилъ противъ общаго теченія мыслей, противъ идеи равенства людей и противъ того положенія, что цивилизація составляетъ результатъ развитія знаній. Въ основу цивилизаціи онъ кладетъ нравственное начало—долгъ, и доказываетъ, что движеніе человѣчества впередъ всецѣло зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей, одаренныхъ необычайнымъ талантомъ и посылаемыхъ въ міръ провидѣніемъ. Это—герои, и всемірная

исторія представляет въ сущности исторію великихъ людей, потрудившихся на землѣ, ихъ біографію. Карлейль игнорируетъ массу, называя ее убогой, и говоритъ, что сама по себѣ она неспособна ни къ какому прогрессу. Современные историки не раздѣляютъ, разумѣется, такого преувеличеннаго отношенія Карлейля къ героямъ и такого игнорированія массы, но, конечно, никто не станетъ отрицать, что страстная рѣчь Карлейля, блестящая и оригинальная, способна пробудить въ сердцѣ человѣка искробожественнаго огня, такъ какъ Карлейль вѣритъ, что въ душѣ каждаго изъ насъ существуетъ тяготѣніе къ идеалу, къ чему-то болѣе высокому, нежели окружающая насъ дѣйствительность. Объ этомъ-то идеалѣ, о которомъ мало-по-малу забываютъ люди, погрязшіе въ мелочахъ будничной жизни, и напоминаютъ намъ тѣ особенные люди, которыхъ Карлейль называетъ героями и возводитъ на пьедесталъ. Въ этомъ-то возвышенномъ идеализмѣ и глубокой вѣрѣ въ достоинство человѣческой природы и заключается главное значеніе и сила книги Карлейля.

Карлейль умеръ въ 1881 году, 85 лѣтъ отъ роду. Онъ пережилъ на 15 лѣтъ свою жену, «бѣдняжку Джени», послѣ смерти которой онъ понылъ наконецъ, какъ мало цѣнилъ ее при жизни и какъ мало думалъ о томъ, чтобы сдѣлать ее счастливой. Тогда онъ началъ обвинять себя и мучился. Это состояніе его души выразилось въ его воспоминаніяхъ о покойной женѣ и въ комментаріяхъ къ ея пись-

мамъ, переполненнымъ самообвиненіями и горестными мыслями. Но, не смотря на горе, причиненное смертью жены, и старость, Карлейль продолжалъ работать, такъ какъ трудъ представлялъ для него нѣчто вродѣ религіознаго догмата. Онъ продолжалъ отзываться на всякія злобы дня; въ 1871 году помѣстилъ статьи въ «Times», въ которыхъ сталъ на сторону Пруссіи, считая бѣдствія Франціи справедливымъ наказаніемъ за ея легкомысліе, наполеоновскій режимъ и т. д. Послѣднимъ его произведеніемъ была книга о первыхъ норвежскихъ короляхъ. Карлейль до конца дней своихъ оставался суровымъ пуританиномъ и сохранилъ простой, скромный образъ жизни. Онъ отказался отъ предложеннаго ему баронетства и ордена, такъ какъ въ жизни выше всего цѣнилъ только званіе мыслителя, мудреца и рабочаго, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

По желанію Карлейля, онъ былъ похороненъ на деревенскомъ кладбищѣ, на своей родинѣ, возлѣ могилы отца и матери, къ которой всю жизнь Карлейль питалъ самую глубокую и нѣжную привязанность, дѣлясь съ ней постоянно своими мыслями и ставя ее выше всѣхъ женщинъ въ мірѣ.

Изъ сочиненій Карлейля переведены на русскій языкъ: «Исторія французской революціи», «Историческіе и критическіе опыты», «Герои и героическое въ исторіи» и «Нибелунги»; затѣмъ существуетъ еще на русскомъ языкѣ компиляція его исторіи Фридриха Великаго.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues», «North American Review».

Супруга известнаго французскаго романиста Альфонса Додэ написала для серіи женскихъ портретовъ, проектируемой журналомъ «Revue des Revues» статью о французской женщинѣ. Предшествующая статья, помѣщенная въ вышеназванномъ журналѣ, была посвящена румынской женщинѣ и принадлежала перу Карменъ Сильва (псевдонимъ румынской королевы). Въ свое время мы познакомили читателей съ содержаниемъ этой статьи, въ которой Карменъ Сильва превозносила достоинства и добродѣтели румынской женщины, пожалуй, не имѣющей себѣ равной въ Европѣ. Г-жа Додэ также превозноситъ качества французской женщины, но въ ея описаніи французженка выступаетъ передъ нами такою же свѣтскою дамой, какую мы привыкли видѣть на страницахъ французскихъ романовъ. Это преимущественно парижанка, смѣшанный типъ, соединившій въ себѣ черты различныхъ расъ, свѣтская женщина, носящая перчатки до локтя, дѣлающая визиты, посѣщающая магазины и занимающаяся спортомъ и благотворительностью. Карменъ Сильва, рисуя намъ образъ румынской женщины, представила ее героиней, мужественно и храбро защищающей свою родину и семью. Она развернула передъ нами цѣлый рядъ историческихъ подвиговъ румынской женщины, которая, несмотря на свою преданность семейному очагу и долгу матери и жены, все-таки стремится, по словамъ Карменъ Сильва, къ расширенію своего умственнаго кругозора, къ приобрѣтенію знаній и равноправію. Ничего подобнаго нѣтъ въ статьѣ г-жи Додэ. Ея идеальная французженка—это очаровательная, изящная, всегда одѣтая по послѣдней модѣ, куколка, создан-

ная для того, чтобы царить въ салонахъ, умѣющая говорить обо всемъ, но не знающая ничего на самомъ дѣлѣ. Это невѣдѣніе, по мнѣнію автора, составляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ французженки, и авторъ очень боится, какъ бы не лишили французженку этой привлекательности, развивъ ея мозги. «Я знаю, — говоритъ она, — что въ кубокъ свѣжей воды, изъ котораго пьетъ французженка, любуясь на свое изображеніе, стремятся прибавить немного «вина знанія», отъ котораго она можетъ лишь слегка опьянѣть, но которое не подкрѣпитъ ее!» Вотъ почему г-жа Додэ такъ и возстаегъ противъ этой прибавки. Не отрицая, конечно, что поверхностное знаніе, хватаніе вершешекъ науки, часто бываетъ вреднѣе и хуже всякаго незнанія, мы все-таки не можемъ согласиться съ г-жею Додэ, утверждающею, что «наука не нужна женщинѣ, развѣ только за тѣмъ исключеніемъ, когда она выбираетъ мужскую карьеру, о чемъ всегда слѣдуетъ сожалѣть», и т. д. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности аргументаціи г-жи Додэ, такъ какъ все это сотни и тысячи разъ повторялось различными противниками женской эмансипаціи, мы, въ заключеніе, позволимъ себѣ выразить сожалѣніе, что г-жа Додэ представила намъ въ своемъ очеркѣ не идеальный типъ французской женщины-человѣка, а лишь свѣтскую куколку, которую она наряжаетъ въ блестящіе доскутыя и показываетъ намъ, какъ привлекательную, хорошенькую игрушку.

Ученый американскій публицистъ, докторъ Сирусъ Эдсентъ, проводитъ крайне оригинальныя мысли о социальной роли микробовъ въ своей

статьѣ въ «North American Review» Эта роль, по мнѣнію американскаго публициста очень велика, такъ какъ она обуславливаетъ братство народовъ и необходимость коопераціи, доказывая самымъ неоспаримымъ образомъ, что благоденствіе одного непременно находится въ зависимости отъ благоденствія всѣхъ остальныхъ. Ничего не можетъ быть легче какъ сказать, что интересы людей, обставленныхъ всевозможнымъ жизненнымъ комфортомъ, не затрогиваются непосредственно нуждою, которою приходится терпѣть бѣднѣйшимъ классамъ населенія, и человѣкъ, занимающій роскошную квартиру въ бельэтажѣ какого-нибудь огромнаго дома, обыкновенно пребываетъ въ томъ заблужденіи, что его совершенно не касаются условія жизни обитателей чердаковъ и подвальныхъ этажей этого дома. Но современная наука легко можетъ разрушить это заблужденіе, указавъ ему на ту связь, которая существуетъ не только между обитателями одного и того же города, но даже отдѣльныхъ странъ.

Наука, которую мы называемъ гигиеной, образовалась благодаря великимъ открытіямъ, сдѣланнымъ учеными, посвятившими ей всю свою жизнь, и теперь законы ея достаточно ясно формулированы, и она занимаетъ подобающее ей мѣсто въ ряду важнѣйшихъ наукъ для жизни человѣчества. Хотя многое еще остается сдѣлать въ этой области, но все же теперь, благодаря этой наукѣ, мы имѣемъ въ рукахъ такое оружіе для борьбы со зломъ эпидемическихъ болѣзней, о которомъ и не подозрѣвали наши предки. Наши врачи стремятся не только къ лѣченію, но и къ предупрежденію болѣзней. Открытіе міра безконечно малыхъ, имѣющихъ такое огромное вліяніе, привело къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Открытіе было сдѣлано въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ,

было доказано, что заразные болѣзни, вызываются микробами и, во вторыхъ, что эти самыя болѣзни въ свою очередь производятъ микробовъ, которые, распространяясь сами, или посредствомъ своихъ продуктовъ, вызываютъ опять таки появленіе заразныхъ болѣзней у людей до того времени здоровыхъ. Заразительность многихъ болѣзней была извѣстна тысячи лѣтъ тому назадъ, доказательствомъ чему служатъ карантинны, но человѣчество не знало другихъ средствъ для борьбы съ этимъ зломъ, и когда появлялась какая-нибудь эпидемія, врачи терялись, народъ разбѣгался въ разныя стороны, какъ это было во время чумы въ Лондонѣ, въ царствованіе Карла II, и разносилъ болѣзнь по разнымъ мѣстамъ. Теперь подобные факты невозможны. Мы боремся на мѣстѣ съ очагомъ заразы и, зная законы ея распространенія, можемъ предупредить или, по крайней мѣрѣ, значительно ограничить ея распространеніе. Микробы уничтожаются при самомъ своемъ появленіи, и поэтому теперь уже не бываетъ такихъ опустошительныхъ эпидемій, какія бывали въ прежнія времена.

Борьба съ микробами, съ распространеніемъ заразы, предупрежденіе болѣзней—вотъ главная цѣль всѣхъ санитарныхъ учрежденій въ настоящее время, но люди, работающіе въ этихъ учрежденіяхъ, убѣждаются все болѣе и болѣе въ томъ, какая тѣсная связь существуетъ между санитарными интересами, не только всѣхъ членовъ общины, равно какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, но и всѣхъ народовъ. Болѣзнетворный микробъ не знаетъ различій между людьми и никакіе капиталы, лежащіе въ банкѣ, не внушаютъ ему почтенія. Конечно, условія жизни, хорошая квартира и пища, теплая одежда, служатъ до нѣкоторой степени защитой отъ его нападенія, но именно только до нѣкоторой степени, такъ какъ

весьма часто изнѣженность и излишества, сопряженные съ образомъ жизни богатыхъ людей, ведутъ къ уменьшенію жизненныхъ силъ организма и къ ослабленію сопротивляемости разнымъ вреднымъ, болѣзнетворнымъ вліяніямъ. Такимъ образомъ, условія жизни богатыхъ людей очень часто уменьшаютъ значеніе ихъ богатства, какъ защиты противъ микробовъ, начинающихъ свое дѣло разрушенія и смерти.

Соціальная роль микроба сводится, слѣдовательно, къ тому, что онъ дѣлаетъ необходимой одинаковую борьбу съ болѣзнетворными вліяніями во всѣхъ слояхъ общества. Мы не можемъ отдѣлить рабочіе кварталы отъ резиденціи богатыхъ въ какомъ-нибудь городѣ такъ, чтобы между ними не существовало никакой непосредственной связи. Болѣзнь, начинающаяся въ рабочихъ кварталахъ, угрожаетъ всѣмъ, такъ какъ существуютъ сотни путей, по которымъ зараза можетъ распространиться изъ бѣдной лачужки въ богатые хоромы. Для того, чтобы сохранить здоровье народа, мы должны заботиться о немъ, какъ о цѣломъ, не раздробляя на отдѣльныя, самоовлѣющія части. Санитарные интересы общи для всѣхъ и если обитатель подвального этажа становится воспримчивъ къ болѣзнямъ вслѣдствіе дурного питанія, то, въ свою очередь, обитатель роскошной квартиры можетъ сдѣлаться воспримчивымъ къ заразѣ вслѣдствіе истощенія своей нервной системы, вызваннаго его образомъ жизни. Такимъ образомъ, богатый человѣкъ непосредственно заинтересованъ въ благосостояніи бѣдняка, такъ какъ лишенія, которыя терпитъ послѣдній, могутъ породить болѣзнь и микробы этой болѣзни, рано или поздно, проникнуть сквозь окна и двери роскошныхъ помѣщеній и соберутъ тамъ свою жатву. Такова связь, образуемая микробами, между всѣми члена-

ми человѣческой общины, каково бы ни было ихъ соціальное положеніе.

Существуетъ не мало примѣровъ того, какъ голодъ, свирѣпствуя въ одной мѣстности и порождая всевозможныя бѣдствія и болѣзни, вызывалъ появленіе эпидемій, которыя быстро распространялись, проникая даже въ самыя отдаленныя мѣстности. Коммерческія сношенія между народами, развитіе путей сообщенія и т. п.—все это благопріятствуетъ распространенію заразы, и бѣдствіе, появившееся въ одной странѣ, непременно угрожаетъ и всѣмъ остальнымъ. Холерная эпидемія, появившаяся въ Персіи, перешла не только въ Европу, но даже въ Америку, и это достаточно указываетъ, какаятѣсная связь въ санитарномъ отношеніи существуетъ между людьми всего міра. Но еще тѣснѣе эта связь между жителями одного и того же города. Санитарные интересы ихъ соприкасаются другъ съ другомъ. Стараясь облегчить участь бѣднѣйшихъ классовъ населенія, дать работу безработнымъ, мы въ то же время дѣйствуемъ и въ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ всей общины, такъ какъ предупреждаемъ появленіе и распространеніе болѣзней, равно угрожающихъ жизни каждаго изъ насъ.

Во время великихъ голодныхъ бѣдствій, свирѣпствовавшихъ въ Евролѣ и Азіи въ средніе вѣка, и затѣмъ по прошествіи этой заразной эпохи, на каждаго умершаго отъ голода и истощенія силъ приходится по крайней мѣрѣ десять смертей, вызванныхъ инфекционными болѣзнями, порожденными и усиленными голоднымъ бѣдствіемъ. Эти болѣзни продолжали опустошать Европу и по мнновеніи этого бѣдствія, потому что оставшаяся зараза постоянно находила благопріятныя условія для своего развитія среди тѣхъ, кто осужденъ терпѣть всевозможныя лишенія. Развившись въ

этой средѣ, она распространялась дальше и поражала уже всѣхъ остальныхъ. Въ XVI вѣкѣ ужасающее состояніе тюремъ и страданія заключенныхъ въ нихъ вызвали появленіе страшной эпидеміи тифа, унесшей въ могилу не только преступниковъ, присужденныхъ къ наказанію, но и судей, справедливо понесшихъ наказание въ данномъ случаѣ за то, что

они допустили такое положеніе вещей, которое вызвало появленіе и развитіе страшной эпидеміи. Таковъ урокъ, преподаваемый намъ исторіей, когда мы разсматриваемъ ее при свѣтѣ великихъ современныхъ научныхъ открытій, и такова мораль прошлаго, видимая нами черезъ стеклышко микроскопа.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Отчет секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 10 апрѣля по 2-е октября 1895 г.

Съ 10-го апрѣля по 2 октября Комитетъ Общества имѣлъ 12 засѣданій, въ которыхъ состоялось 223 постановленія по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія Комитета:

1) Выдача единовременныхъ пособій 40 лицамъ: по 100 р.—пяти лицамъ; въ 60 р. одному; по 50 р.—семнадцати; по 30 р.—двумъ; по 25 р.—тринадцати; по 15 р.—двумъ и сверхъ того уплачено за содержаніе одного писателя въ больницѣ 90 руб. и выдано 60 р. писателю, находившемуся въ одной изъ петербургскихъ больницъ и по выздоровленіи уѣхавшему на родину; всего на сумму 1.975 рублей.

2) Назначеніе продолжительныхъ пособій 4 лицамъ: на годъ, въ 180 р., — одному лицу и въ 120 р. — двумъ; на три мѣсяца, въ 45 р. — одному, всего на сумму 465 рублей.

3) Выдача безсрочныхъ ссудъ 15 лицамъ: въ 600 р.—двумъ; въ 300 р.—одному; въ 200 р. — одному; въ 150 р. — одному; въ 100 р. — четыремъ; въ 50 р.—тремъ; въ 30 р.—одному; всего на сумму 2.490 рублей.

4) Выдача срочныхъ ссудъ 10 лицамъ: въ 300 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 300 р. — двумъ, на 6 мѣсяцевъ; въ 250 р. — одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р. — одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р. — одному, на 5 мѣсяцевъ; въ 150 р.—одному, на 10 мѣсяцевъ; въ 150 р.—одному, на 3 мѣсяца; въ 100 р.—одному на 10 мѣсяцевъ и въ 100 р.—одному, на 4 мѣсяца; всего на сумму 1.550 рублей.

5) Предоставленіе стипендій двумъ студентамъ Харьковскаго университета и одному студенту Петербургскаго университета.

6) Уплата за слушаніе лекцій на Педагогическихъ курсахъ одной слушательницы.

7) Уплата за воспитаніе и ученіе 10 дѣтей и зачисленіе на открывающуюся въ будущемъ учебномъ году вакансію стипендіатки Общества въ гимназіи г-жи Таганцевой дочери одного писателя.

8) Выдача на погребеніе скончавшихся въ теченіе отчетнаго времени писателей роднымъ этихъ писателей: одному 31 р.; двумъ — по 50 руб. и одному—25 р.

9) Оказаніе неденежныхъ пособій. Пособія эти заключались: въ сношеніи съ однимъ издательемъ по ходатайству писателя, которому издатель этотъ уплатилъ гонораръ не сполна и передача доставленной издательемъ доплаты по принадлежности; въ выдачѣ рекомендательнаго письма одной писательницѣ для полученія ею мѣста; въ сношеніи съ одной издательницей, оставившей безъ отвѣта запросы сотрудника о времени напечатанія принятой уже ранѣе работы и передачи этому сотруднику объясненій издательницы; помѣщеніе одной писательницы на бесплатное леченіе минеральными водами по ходатайству Комитета; сношенія съ директоромъ одной больницы о положеніи находящагося въ этой больницѣ на излѣченіи писателя; въ медицинской помощи кліентамъ Литературнаго фонда.

10) Отклоненіе 28 просьбъ 21 лица.

11) Принятіе помертвованій: отъ Г. А. Джаншіева на образованіе капитала имени покойнаго д-ра Н. А. Бѣлоголоваго 100 р. и отъ начальницы женскаго учебнаго заведенія А. П. Шуйской предоставленія права Обществу помѣстить въ учебное заведеніе двухъ бесплатныхъ приходящихъ ученицъ.

12) Совершеніе довѣренности д-ру А. В. Крылову на продажу имѣнія, завѣщаннаго Обществу покойною О. К. Палашковскою.

Отчетъ казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 1-го января по 20 октября 1895 г.

I. Неприкосновенный и именные капиталы.

Къ 1-му января числилось:

въ капиталѣ неприкосновенномъ	21.871 р. 68 ¹ / ₄ к.
въ именныхъ	273.943 » 50 »

Итого . . . 295.815 р. 27¹/₄ к.

За отчетное время поступило:

а) въ капиталѣ неприкосновенный:

- 1) Возмѣщенные Обществу Министерствомъ Финансовъ убытки отъ конверсиіи 5⁰/₀ билетовъ Государственнаго Банка и облигацій Восточныхъ Займовъ въ 4⁰/₀ государственную ренту съ — по 15 марта 13.078 р. 25 к.
- 2) Пожизненный членскій взносъ г. Ремизова 100 » — »

Итого . . . 13.178 р. 25 к.

б) въ капиталѣ именные:

П. А. Гайдебурова	31 р. — к.
С. Я. Надсона (отъ изд. соч.)	6.721 » — »
В. М. Гаршина (отъ изд. соч.)	2.499 » 75 »
А. М. Унковскаго	400 » — »

Итого . . . 9.651 р. 75 к.

Списаны со счета капиталовъ именныхъ, издержанные на изданіе сочиненій С. Я. Надсона	2.763 р. 30 к.
В. М. Гаршина	1.066 » 28 »

3.829 р. 58 к.

За симъ къ 20 октября имѣются въ капиталахъ:

неприкосновенномъ	35.049 р. 93 к.
именныхъ	279.765 » 76 »

314.815 р. 69 к.

II. Расходный капиталъ.

Поступило:

1. Пожалованій Высочайшихъ Особъ 1.700 р. — к.
2. Годовыхъ членскихъ взносовъ 716 » — »
3. Пожертвованій 504 » 50 »
4. Отъ предпріятій Общества (публичн. лекціи П. Д. Воборыкина и Грибоѣдовск. веч.) 750 » 57 »
5. Возвратъ безсрочныхъ ссудъ 75 » — »
6. Отъ изданій Общества (за исключеніемъ суммъ, причисленныхъ къ именнымъ капиталамъ) 17 » — »
7. Пособіе отъ Министерства Народн. Просв. 1.000 » — »
8. Процентовъ
 - а) съ капиталовъ 7.643 р. 12 к.
 - б) по срочн. ссудамъ 116 » — »
9. Равныхъ 7.759 » 12 »
10. Оборотныхъ 101 » — »
- 410 » — »

13.033 р. 19 к.

Израсходовано:

1. На пенсіи 4.377 р. — к.
2. » продолжительн. пособія 2.785 » — »
3. » стипендіи 745 » — »
4. » обученіе и воспитаніе 2.351 » — »
5. » пособія единовременныя 4.577 » 86 »

6. На ссуды безсрочныя	3.600 р. — к
7. » выдачи по духовн. завѣщ. Г. З. Елисеева . . .	536 » — »
8. » Расходы общіе: почтовые, хранение и страхова- ніе бумагъ, сборъ членскихъ взносовъ и т. д.	356 » 79 »
9. Оборотныя	350 » — »
	<hr/>
	19.678 р. 65 »
На 1-е января остатокъ расходнаго капитала составлялъ 195—20; поступило въ этотъ капи- таль	13.033 » 19 »
выдано за счетъ его	19.678 » 65 »
такимъ образомъ по 20 октября образовался перерасходъ	6.450 » 25 »
III. Ссудный капиталъ.	
По постановленію Комитета въ ссудный капиталъ отчислено было изъ неприкосновеннаго капитала . . .	3.000 р. — к
Къ 1-му января числилось за разными лицами . . .	2.231 » 60 »
Вновь выдано въ ссуды	2.850 » — »
Поступило въ погашеніе ссудъ	2.426 » 60 »
За сямъ къ 20 октября остается свободный остатокъ сего капитала	345 » — »
IV. Переходныя суммы.	
Къ 1-му января числилось на этомъ счетѣ	3.052 р. 90 к
Поступило	3.164 » 95 »
Выдано	3.137 » — »
Засимъ къ 20 окт. числится	3.050 » 85 »

Общій выводъ.

Къ 20 октября было:		
Капитала неприкоснов.	45.049 р. 93 к.	
Капиталовъ именныхъ	279.765 » 76 »	
Капитала ссуднаго	345 » — »	
Переходящихъ суммъ	3.080 » 85 »	318.241 р. 54 к.
А за вычетомъ перерасхода расходн. капитала . . .		6.450 » 25 »
		311.791 » 29 »
Что вмѣстѣ съ числящимся за разными лицами по срочнымъ ссудамъ	2.655 р. — к.	
представляетъ совокупность средствъ Общества въ		314.446 р. 29 к.
Средства эти заключались:		
Въ процентныхъ бумагахъ	306.275 р. — к.	
Въ наличныхъ деньгахъ (на те- кущихъ счетахъ и въ кассѣ)	5.516 » 29 »	
Въ долгахъ по срочнымъ ссудамъ	2.655 » — »	
	<hr/>	
Итого	314.446 р. 29 к.	

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C039585615

